

Рой Медведев

**О СТАЛИНЕ
И СТАЛИНИЗМЕ**

Рой Медведев

**О СТАЛИНЕ
И СТАЛИНИЗМЕ**

“ПРОГРЕСС”

Москва

1990

ББК 63.3 (2)
М42

Медведев Р. А.

М42 О Сталине и сталинизме. — М.: Прогресс, 1990. — 488 с.

Известный советский философ и историк показывает в своей книге историю длительной и тяжелой "болезни" советского общества, которую называют сталинизмом. Автор не ограничивается исследованием биографии Сталина. Он рассматривает социально-политические и экономические условия, породившие сталинизм как общественное явление. Настоящее издание представляет собой первую из двух книг фундаментального исследования и охватывает события до начала 40-х гг.

М $\frac{0503020000 - 143}{006 (01) - 90}$ КБ-43-1-89

ББК 63.3 (2) + 66.61 (2) 8

ISBN 5-01-002546-9

Редакция литературы по международным отношениям и истории

© Р.А. Медведев, 1990

ОТ АВТОРА

Книга, которую я предлагаю вниманию читателей, — одна из моих главных книг, посвященных сталинизму. Около двадцати лет я готовился в той или иной форме к ее написанию; а затем более двадцати пяти лет работал непосредственно над ней, собирая по крупицам, а иногда и целыми пригоршнями свидетельства, факты и документы из истории сталинизма, размышляя над ними, обсуждая их с друзьями и единомышленниками и полемизируя с оппонентами. Я встречался и подробно беседовал с прошедшими сталинские тюрьмы и лагеря старыми большевиками, в том числе с немногими оставшимися в живых участниками оппозиций, а также с чудом выжившими бывшими эсерами, анархистами и меньшевиками, беспартийными техническими специалистами, с бывшими военными, учеными, писателями, журналистами, партийными работниками, простыми рабочими и крестьянами, с теми, кого называли "кулаками", и теми, кто их "раскулачивал", со священнослужителями и простыми верующими, с бывшими чекистами, с вернувшимися в Советский Союз эмигрантами и с теми, кто собирался уехать из СССР.

С тех пор, как я начал думать о политических реальностях нашей страны и всего мира (люди моего поколения размышлять об этом начали очень рано), я считал себя сторонником социальной справедливости и социализма. Однако я никогда не был слепым сторонником какой-либо политической или социальной доктрины. Действительность была слишком жестокой, и я тяжело переживал не только трагедию, обрушившуюся в 1938 г. на нашу семью, но и драматические события войны 1941 — 1945 гг., в которой мне пришлось если не прямо, то косвенно участвовать. Я достаточно хорошо понимал, что социализм, каким бы мне хотелось его видеть, — это еще далекий идеал, тогда как реальная жизнь народных масс все еще полна несправедливостей и страданий. Разобраться в окружающей меня противоречивой действительности и искать пути к ее изменению и улучшению, не исключая и изменений в господствующих тогда идеологических концепциях, давно стало целью и стимулом моей жизни и деятельности, определило выбор философии как мой

главной специальности, а истории и педагогики как первых областей моей практической деятельности. Уже в 50-е гг. я начал думать о написании большой книги по истории советского общества, но только в 1964 г. смог обсуждать ее черновые варианты со многими своими друзьями, а также в кабинете директора Института марксизма-ленинизма, Главного редактора Издательства политической литературы и в некоторых кабинетах ЦК КПСС. В начале 1969 г., когда был завершён одиннадцатый вариант рукописи, я решил опубликовать ее за границей. Главной причиной такого решения были реальная угроза реабилитации Сталина, с одной стороны, а также угроза репрессий против меня и моего брата Жореса — с другой.

Первое издание книги увидело свет в США под названием "Let History Judge" ("Пусть история судит"), а в 1972 — 1973 гг. под другими названиями она вышла также в ФРГ, Франции, Италии, Бельгии, Японии и позднее в Испании. Новое расширенное издание появилось на русском языке в 1974 г. в США и позднее на китайском языке в Пекине.

Опубликование книги вызвало множество рецензий, критических отзывов, обсуждений, в основном доброжелательных. Но я не мог считать затронутые в ней темы исчерпанными и продолжал работать как историк и философ по многим направлениям. Во-первых, сам факт издания книги в разных странах и распространения ее в СССР стал причиной того, что ко мне начали поступать различного рода документы и материалы, не известные мне книги и статьи 20 — 30-х гг., а также недавно написанные мемуары, авторы которых хотели бы сообщить то или иное свидетельство или высказать свое мнение по большим для нашего общества вопросам.

Во-вторых, работа над другими проблемами советской истории, а также исследование структуры и особенностей советского общества позволили мне издать в 1972 — 1989 гг. еще несколько работ, в которых я рассматривал природу сталинизма, его предпосылки и последствия, а также судьбы отдельных противников Сталина и людей из его ближайшего окружения. В-третьих, именно в последние годы я имел возможность прочитать многие книги о Сталине и эпохе Сталина, о проблемах сталинизма и советской истории в целом, которые были опубликованы западными советологами. Я говорю о книгах Р. Такера, А. Улама, Р. Конквеста, С. Козна, Б. Суварина, Л. Шапино, Ж. Ж. Мари, Г. Солсбери, Дж. Боффа, М. Левина, Р. Даниэльсона, В. Леонгарда, Дж. Кармайкла и некоторых других.

Нельзя, разумеется, не сказать о большом количестве книг и статей, опубликованных на Западе советскими авторами, а также писателями, публицистами и учеными, эмигрировавшими из СССР и из некоторых стран Восточной Европы. Эти многочисленные работы с разных точек зрения освещают многие мало-

известные страницы нашего прошлого, в них содержатся различные концепции, теории и предположения, обсуждение которых полезно для историка, Я имею в виду книги Е. С. Гинзбург, Н. Я. Мандельштам, А. И. Солженицына, Л. З. Копелева, В. Т. Шаламова, Ж. А. Медведева, Е. А. Гнедина, А. Антонова-Овсеенко, В. Гроссмана, Б. Г. Бажанова, М. Агурского, М. Реймана, А. М. Некрича, М. Геллера, М. Джиласа, А. Левитина-Краснова, Э. Кольмана, В. Чалидзе, Л. Чуковской, Максудова и мемуары Н. С. Хрущева.

И наконец, еще одним крайне важным стимулом для продолжения моей работы по истории сталинизма стало то обстоятельство, что в нынешних условиях в области идеологии и общественных наук именно проблема Сталина и сталинизма оказалась в центре борьбы — борьбы между теми, кто стремится к радикальному обновлению советского общества, и теми, кто этому препятствует.

Даже в начале 1985 г. была сделана попытка реабилитировать Сталина. По мере приближения 40-летней годовщины победы СССР в Великой Отечественной войне усиливались его восхваления как полководца и государственного деятеля. Существовали даже планы возвращения имени Сталина городу Волгограду и Волгоградскому району в Москве. Этого не произошло благодаря прежде всего переменам в руководстве партии.

Но и в первой половине 1986 г. осуждение Сталина и сталинизма можно было встретить скорее в намеках, чем в прямой речи. Первым решительным шагом политики гласности в этой области стала журнальная публикация романа А. Бека "Новое назначение", в котором автор не только воссоздал очень точный и зловещий облик Сталина, но и раскрыл сущность олицетворяющейся им авторитарно-деспотической системы управления.

Поворотным моментом в развитии политики гласности стали решения январского (1987 г.) пленума ЦК КПСС. Не случайно в начале 1987 г. на экраны страны вышел фильм грузинского режиссера Т. Абуладзе "Покаяние". Необычный по художественной форме фильм, в котором использован не только метод реализма, но и сюрреализма, гротеска и абсурда, наносит большой удар по идеологии тоталитаризма вообще и сталинизма в частности.

В это же время публикуется неоконченный роман Ю. Трифонова "Исчезновение", главной темой которого являются репрессии 30-х гг. против активных деятелей Октября, а писатели Д. Гранин в своем произведении "Зубр" и В. Дудинцев в "Белых одеждах" рассказывают о разгроме Сталиным и Лысенко классической генетики.

Советским читателям стала известна, наконец, поэма А. Твардовского "По праву памяти"; в ней поэт говорит о трагедии

раскулачивания, жертвой которой стала его семья, и о других беззакониях времен культа личности. Опубликована и знаменитая поэма А. Ахматовой "Реквием" — о репрессиях в Ленинграде, продолжавшихся до смерти Сталина. Всеобщее внимание привлекла повесть А. Приставкина "Ночевала тучка золотая" о трагедии чеченского народа, выселенного в 1944 г. со своих исконных земель.

Зимой и весной 1987 г. увидели свет ждавшие этого пятнадцать — двадцать пять лет большие циклы стихотворений Б. Слуцкого, О. Берггольц, А. Тарковского, Б. Чичибабина, А. Жигулина, Н. Заболоцкого, В. Шаламова и некоторых других поэтов. В том же году опубликован роман А. Рыбакова "Дети Арбата", ставший заметным событием в литературной и общественно-политической жизни страны. На мой взгляд, этот роман является не только превосходным художественным произведением, но в нем дан также исторически и психологически точный портрет Сталина 1933 — 1934 гг., когда он уже готовил серию коварных провокаций, чтобы иметь повод уничтожить всех недовольных и создать аппарат, основанный на тоталитарной власти "вождя".

Наступление на сталинизм в литературе и киноискусстве продолжалось летом и осенью 1987 г. Следует упомянуть об опубликованной тогда знаменитой "Повести непогашенной луны" Б. Пильняка, запрещенной по личному распоряжению Сталина в 1926 г. Всем было очевидно, что речь в ней шла о некоторых темных обстоятельствах смерти М. В. Фрунзе.

Новая, более сильная атака на сталинизм началась в 1988 г. Журнал "Новый мир" открыл год романом "Доктор Живаго" Б. Пастернака, а "Октябрь" — эпическим романом В. Гроссмана "Жизнь и судьба". Этот роман создавался во второй половине 50-х гг. под прямым влиянием XX съезда КПСС. Однако в 1961 г. роман был "арестован". У автора, у его друзей и даже из редакций двух журналов были изъяты все его копии и черновики. Как заявил Гроссману член Политбюро М. Суслов, роман можно будет напечатать лишь через 200 — 300 лет. Что ж, нам пришлось ждать этой книги только 27 лет.

Новым шагом в изучении и осуждении сталинизма драматургом М. Шатовым явилась его вышедшая в начале года пьеса "Дальше... дальше... дальше!".

Неоценимым источником для исследователя стали опубликованные многочисленные воспоминания. Среди них роман-хроника Е. Гинзбург "Крутой маршрут", воспоминания С. Газаряна, рассказы В. Шаламова. Эти три книги я считаю лучшими произведениями на лагерную тему.

Существует преемственность между нынешней критикой сталинизма и антисталинской кампанией начала 60-х гг. Но есть и ряд важных различий. Известно, что доклад о культе личности на XX съезде партии и антисталинская направленность XXII съез-

да были связаны в первую очередь с личной инициативой Н. С. Хрущева, встретившей открытое и скрытое сопротивление значительной части идеологического аппарата партии, влиятельных военных и государственных лидеров.

В 1987 г. наступление на сталинизм началось широким фронтом. Выступая с докладом на октябрьском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев еще раз заострил внимание на трагических событиях 30-х гг. "Иногда утверждают, — заявил он, — что Сталин не знал о фактах беззакония. Документы, которыми мы располагаем, говорят, что это не так. Вина Сталина и его ближайшего окружения перед партией и народом за допущенные массовые репрессии и беззакония огромна и непростительна. Это урок для всех поколений".

Большую роль в борьбе со сталинизмом играет деятельность Комиссии Политбюро ЦК КПСС, занимающейся реабилитацией безвинно осужденных. Немалое значение имеют и многочисленные публикации в прессе, частично использованные в настоящем издании.

Введение в научный оборот огромного количества новых фактов, свидетельствующих о той цене, которую наш народ заплатил за индустриализацию и коллективизацию, за голод 1933 г. и раскулачивание, заставляет пересмотреть ту концепцию, которая была выработана еще на XX и XXII съездах партии и с тех пор господствовала в советской исторической науке, а именно: все главные преступления Сталина начинаются только после 1934 г., а его политика на рубеже 20-х и 30-х гг. правильна.

К сожалению, в работе по восстановлению исторической правды участвуют пока в основном писатели, журналисты, работники кино, но не профессиональные историки, хотя на повестке дня стоит вопрос об издании новой книги по истории КПСС, новых учебников для школ и вузов. Однако официальная историческая наука немного пока сделала в этой области.

Одной из первых попыток со стороны советских историков раскрыть феномен Сталина стала книга "Триумф и трагедия" генерал-полковника Д. А. Волкогонова. В целом же задачу осмысления сущности и последствий сталинизма советская историческая наука пока не решила.

Интерес советских людей к истории своей страны очевиден. Однако этот интерес порождает иногда и всевозможные спекуляции. Вместе с тем часть людей воспринимает восстановление исторической правды как крушение всех своих идеалов. Они направляют в редакции газет и журналов письма с нападками на авторов антисталинских публикаций. Наиболее характерным явилось письмо, написанное Н. Андреевой и опубликованное в газете "Советская Россия" в марте 1988 г.; оно было воспринято общественностью как манифест антиперестроечных сил.

Разумеется, критиковать сталинизм можно с разных позиций, делая из этой критики разные выводы. Наш народ очень плохо знает свое прошлое, и поэтому не удивительно, что даже то ограниченное разоблачение сталинских преступлений, которое было предпринято в 1956 г. на XX съезде КПСС, породило среди многих людей не только растерянность, но и разочарование в социализме. Но было бы опасной иллюзией считать, что этого разочарования можно избежать, если и дальше держать советских людей в неведении. Мир велик, и в нем выступают и борются за ум и чувства людей разные силы. И если мы будем отказываться "в интересах социализма" от всестороннего изучения эпохи Сталина, то добьемся обратного результата. Социализм не сможет сохранить за собой репутацию научного учения об обществе, если не сумеет объяснить те социально-исторические, экономические и политические процессы, которые при определенных условиях приводят в социалистических странах к бюрократическому перерождению государства и к тирании отдельных личностей.

"Что пострадало при Сталине, — писал И. Эренбург, — идея или люди? Нет, идея не был нанесен удар. Удар был нанесен людям моего поколения".

Это неверно. Беззакония сталинской эпохи нанесли тяжелый удар и по людям, и по самой идее социализма. И те, кому дороги эти идеи, кто не желает, чтобы гибель миллионов людей, ставших жертвами жестокого произвола, осталась в нашей истории лишь бессмысленной трагедией, должны преодолеть одно из наиболее опасных последствий сталинизма — боязнь говорить правду.

Я многое уточнил в своих взглядах, но сохранил свою приверженность социалистическим идеалам. Мне пришлось выслушать не только много грубой и несправедливой критики, но и угроз со стороны отечественных и зарубежных сталинистов. Мне пришлось также выслушать и прочесть немало грубой и несправедливой критики со стороны тех отечественных и зарубежных авторов, которым трудно сегодня произнести с каким-либо положительным эпитетом слово "социализм". Я надеюсь, что лучшим ответом на подобного рода обвинения будут служить факты и доводы, которые читатель найдет в самой книге.

Я ненамного изменил и общую структуру своей работы, которую некоторые читатели и рецензенты упрекали за односторонность. Я принимаю этот упрек, однако не считаю это серьезным недостатком. В своей книге я стремился рассмотреть лишь одну из сторон советской действительности в определенный период развития советского общества. Как и любая другая наука, история имеет право на абстракцию. Прибегая к сравнению, можно назвать эту книгу "историей болезни", тяжелой и дли-

тельной болезни советского общества, которая получила название сталинизма. Конечно, все мы хорошо знаем, что эпоха Сталина была не только эпохой террора. Это было также время разностороннего прогресса, который тоже должен быть темой исторических исследований. Но наука не может обходить и самых темных сторон прошедших эпох. У истории, как писал Виктор Гюго, нет корзины для мусора.

Естественно, что в центре внимания автора находится фигура Сталина. Однако данная книга является не только его биографией. Речь в ней идет не об одном Сталине, но и о тех социально-политических и экономических условиях и группах, которые он использовал.

В течение многих лет мне оказывали содействие в работе сотни людей и без их помощи она не могла бы продвигаться вперед. Они помогали материалами, свидетельствами, советами и критическими замечаниями. Пользуясь случаем, я хочу выразить благодарность за оказанную помощь И. П. Гаврилову, С. О. Газаряну, Л. М. Портнову, А. И. Бабинцу, Е. П. Фролову, А. М. Дурмашкину, Петру Чагину, С. И. Бердичевской, Д. Ю. Зориной, П. И. Шабалкину, А. В. Снегову, А. Е. Ефстафьеву, М. В. Острогорскому, И. М. Данишевскому, О. Г. Шатуновской, Р. Б. Лерт, А. П. Хосиеву, М. А. Солнцевой, П. В. Аксенову, И. П. Алексахину, Э. Г. Лейкину, М. Н. Авербаху, Е. А. Гнедину, А. Н. Грамп, Н. К. Илюхову, Е. А. Косаревой, С. П. Писареву, Р. Г. Алихановой, П. В. Рудневу, Н. М. Улановской, А. И. Ханьковскому, М. Л. Фишман, Я. И. Дробинскому, А. И. Тодорскому, Б. И. Иванову, С. Б. Бричкину. Мне помогали в работе такие участники важных событий прошлого, как М. П. Якубович, З. Б. Гандлевская, А. М. Ларина, И. Н. Форштендекер, Т. С. Третьякова, Г. И. Меньшиков, Е. А. Грин, Е. З. Огородническая, А. З. Огородническая. Я называю имена только тех, кто дал мне на это согласие, или тех, кого уже нет в живых.

Большую помощь материалами и документами из своих личных архивов мне оказали писатели К. М. Симонов, И. Г. Эренбург, А. Т. Твардовский, А. Г. Дементьев, И. А. Сац, В. А. Каверин, Ю. В. Трифонов, А. А. Бек, В. Ф. Тендряков, К. Икрамов, Л. З. Копелев, Б. С. Ямпольский, И. С. Шкапа, В. П. Аксенов, Е. С. Гинзбург, В. Т. Шаламов, С. Н. Ростовский (Эрнст Генри), А. Г. Письменный, В. А. Рудный, С. Э. Бабеняшева, В. Д. Дудинцев, Е. Я. Драбкина, Ю. Ф. Карякин, Л. Ф. Кабо, Е. Ю. Мальцев, Л. Е. Пинский, режиссер М. И. Ромм.

Я получил также помощь и поддержку от ученых и научных работников разных областей знания — П. Ф. Здравовского, Ф. Ф. Королева, Б. Л. Астаурова, А. Д. Сахарова, А. М. Некрича, М. Агурского, В. Ф. Турчина, Ю. Тувина, А. П. Аллилуева, И. В. Николаева, Л. П. Петровского, Д. И. Лев, В. Н. Литвинова, Л. В. Карпинского, Г. Б. Федорова, Дональда Маклейна,

И. Н. Хохлушкина, В. П. Эфроимсона, А. А. Шибанова и других.

С самого начала и на всех стадиях работы над книгой — от ее замысла до публикации — главным помощником был мой брат Жорес Медведев.

Моя работа является частным исследованием. Я ни с кем не согласовал ни положений, ни сроков, ни выводов своей работы. Сотрудничество с перечисленными выше людьми было основано исключительно на личной инициативе и доверии. Я не использовал никаких архивов или закрытых материалов и не знаком с ними. Я не просил и не получал от официальных учреждений никакой помощи, но и не встречал с их стороны серьезных препятствий.

Историю сталинизма в этой книге я излагаю до начала 40-х гг. Анализ причин и условий возникновения сталинизма, внутренней и внешней политики Сталина в предвоенный период, во время Великой Отечественной войны и после нее, а также тяжелых последствий сталинизма — тема следующей книги.

После того как журнальный вариант моей работы был опубликован в 1989 г. в первых четырех номерах "Знамени", я получил читательские письма, позволившие мне внести в настоящее издание соответствующие поправки.

Я благодарю авторов этих писем и с признательностью приму все замечания и уточнения, которые могут появиться у будущих читателей.

Май 1989 г.

Рой Медведев

Часть первая

**ВЫДВИЖЕНИЕ
И ВОЗВЫШЕНИЕ
СТАЛИНА В ПАРТИИ**

1

СТАЛИН ВО ГЛАВЕ ВКП (б)

СТАЛИН ДО 1917 г.

Западные биографы Сталина уделяют значительное внимание его детским и юношеским годам, справедливо полагая, что основные черты личности формируются в детстве и юности. Как отмечает в своей книге о Сталине А. Улам, именно бедность и суровое детство Сталина оставили неизгладимый след на всей его жизни, превратив его очень рано в недоверчивого и грубого человека, лишенного сентиментальности, плохо владевшего русским языком, страдавшего от комплекса неполноценности, амбициозного, пренебрегавшего столь важными для грузина традициями родства и личной дружбы¹.

Как известно, Сталин (Джугашвили) родился 9 (21) декабря 1879 г. в маленьком грузинском городе Гори в бедной семье. Его отец, Виссарион Иванович Джугашвили, родом из крестьян, работал в Гори сапожником. Необразованный и грубый человек, он не мог оказать на сына хорошего влияния. К тому же он вскоре покинул семью и переехал в Тифлис, где некоторое время работал на обувной фабрике. Затем вернулся в Гори уже больным и умер, когда его сын был подростком. Позднее Сталин никогда не вспоминал об отце, и дата его смерти не приводится в официальной хронологии жизни и деятельности Сталина².

¹ Ulam Adam B. Stalin. The man and His Era. N.-Y., 1973, p. 19 — 20. См. также: Tucker Robert C. Stalin as Revolutionary. 1879 — 1929, N.-Y.—L., 1973; Marie Jean-Jacques. Staline, Paris, 1967. Только один из известных нам западных авторов — Ян Грей в своей биографии Сталина пытается утверждать, что "родство, окружение, годы детства ничего не дают для объяснения его [Сталина] характера и жизни". Grey Ian Stalin: Man of History. Garden City (N.-Y.), 1979, p. XIII. Концепции Грея были подвергнуты, однако, убедительной критике в ряде рецензий. См., например, статью Л. Келли в журнале "Books and Bookmen". December 1979.

² Сталин И. В. Соч., т. 1, с. 407 — 423. Имеются свидетельства, что отец Сталина нередко жестоко наказывал маленького Сосо, а также, что он часто ссорился со своей самостоятельной и набожной супругой, скромный заработок которой являлся основным для этой небольшой семьи. В грузинской эмигрантской литературе встречались сведения и о том, что отец Сталина, которого часть земляков считала осетином, был убит в 1890 г. во время жестокой трактирной драки.

Мать Сталина, Екатерина Георгиевна Геладзе, родилась тоже в крестьянской семье. На жизнь она зарабатывала шитьем и стиркой белья. Времени для воспитания детей у нее не было, и маленький Сосо (как называли Сталина в детстве) большую часть времени проводил на улице. Он был не единственным ребенком в семье Джугашвили, но другие дети рано умерли. В раннем детстве Сталин переболел оспой, оставившей следы на его лице. Среди различных кличек, под которыми он позднее фигурировал в документах, была и кличка Рябой. В двенадцатилетнем возрасте Сталин повредил в дорожном происшествии левую руку, и со временем она стала короче и слабее правой. Он тщательно скрывал свою частичную сухорукость, старался не раздвигаться при людях и редко показывался даже врачам.

Уже в детстве Сталину было присуще упрямство и стремление к превосходству над сверстниками. Он не отличался большими способностями, но был упорен и много читал. Небольшого роста и физически слабый, Сосо не мог рассчитывать на успех в мальчишеских потасовках и боялся быть избитым. Он рано стал скрытным и мстительным и всю жизнь недолюбливал высоких и физически крепких людей. Стремление к славе рано овладело умом и чувствами Сталина. Но он был беден, считался инородцем и понимал, что бедный грузинский юноша из маленького провинциального городка немногочисленного может добиться в царской России. Большое впечатление на молодого Сталина произвели книги и судьба грузинского писателя А. Казбеги — одного из богатейших помещиков Грузии, который освободил своих крестьян от податей, отказался от богатства и почти десять лет жил в горах, как простой пастух. Лишь с 1880 по 1886 г. он занимался писательским трудом. Депрессия и тяжелая душевная болезнь скоро свели его в могилу¹. Особенно нравился Сталину роман Казбеги "Отцеубийца" о борьбе крестьян-горцев за свою независимость и свободу. Один из героев романа — неустранимый Коба стал героем и для молодого Сосо. Он даже начал называть себя Кобой, и это имя стало первой партийной кличкой Джугашвили. Старые большевики в 30-е гг. (а Молотов и Микоян еще позднее), обращаясь к Сталину, нередко называли его Кобой. Позднее у Сталина было немало партийных кличек, его называли Ивановичем, Василием, Васильевым. Но имя Коба и фамилия-псевдоним Сталин остались на всю жизнь.

Когда Сосо исполнилось восемь лет, мать определила его в Горийское духовное училище. Четырехлетний курс в училище Сталин прошел за шесть лет. Ему было трудно, так как обучение велось в основном на русском языке. Сталин научился хорошо

¹ Романы и повести А. Казбеги были переизданы в Грузии сначала на грузинском, а затем и на русском языках в конце 40-х гг.

писать по-русски, однако свободно говорить так и не мог до конца жизни. Он говорил по-русски лишь тихим голосом, медленно и с сильным грузинским акцентом. В революционной среде, где ораторские способности ценились особенно высоко, Сталин постоянно испытывал чувство неполноценности. Тем не менее он с отличием кончил духовное училище и в 1894 г. поступил в Тифлисскую духовную семинарию. В духовном училище и особенно в семинарии царя обстановка обскурантизма, повседневного мелочного контроля и взаимных доносов. Здесь были строгий режим и почти военная дисциплина. Не удивительно, что семинарии в России воспитывали не только верных слуг режима и церкви, но и революционеров. Сам Сталин говорил в 1931 г. в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом:

"Я не могу утверждать, что у меня уже с 6 лет была тяга к социализму. И даже не с 10 или с 12 лет. В революционное движение я вступил с 15-летнего возраста, когда я связался с подпольными группами русских марксистов, проживавших тогда в Закавказье... Из протеста против издевательского режима и иезуитских методов, которые имелись в семинарии, я готов был стать и действительно стал революционером, сторонником марксизма..."

Тифлисская семинария дала России не только Сталина, но и таких известных революционеров, как Миха Цхакая, Ной Жордания, Ладо Кецохели, С. В. Джибладзе, Н. С. Чхеидзе, Филипп Махарадзе и некоторые другие. Не меньше революционеров окончили и армянскую духовную семинарию.

Семинария, несомненно, повлияла на Сталина и в другом отношении. Она развила и ранее присущие ему изворотливость, хитрость и грубость. Догматизм и нетерпимость, характерный для его статей и выступлений стиль катехизиса также сложились, бесспорно, не без влияния церковного образования. С ранней молодости Сталин был также начисто лишен чувства юмора. "Общие друзья и соученики Сталина по духовной семинарии всегда печалились: Коба шутить совсем не умеет. Удивительно, грузин не понимает шуток. На самую безобидную отвечает кулаками"¹. В книге "Только один год", которая дает гораздо более точный психологический портрет Сталина, чем первая книга С. Аллилуевой "20 писем к другу", дочь Сталина писала:

"Церковное образование было единственным систематическим образованием, полученным моим отцом. Я убеждена, что церковная школа, где он провел в общем более десяти лет, имела огромное значение для характера отца на всю его жизнь, усилив и укрепив врожденные качества. Религиозного чувства у него никогда не было. Бесконечные молитвы, насильственное духовное обучение могли вызвать у молодого человека, ни на

¹ Дубинский - Мухадзе И. Орджоникидзе. М., 1963, с. 167.

минуту не верившего в дух, в бога, только обратный результат: крайний скептицизм ко всему "небесному", "возвышенному". Результатом стал, наоборот, крайний материализм, цинический реализм "земного", "трезвого", практического и сниженного взгляда на жизнь. Вместо духовного опыта он развил в себе совсем другой: близкое знакомство с лицемерием, ханжеством, двуличием, таким характерным для немалой части духовенства, которая верует лишь внешне, то есть на самом деле не верует вообще... Из своего семинарского опыта он заключил, что люди нетерпимы, грубы, обманывают свою "паству" и тем держат ее в руках, интригуют, лгут и, наконец, имеют многие слабости и очень мало добродетелей. Нетерпимость, негибкость, неспособность согласиться с противоположным мнением, если оно очевидно более здоровое, я отношу в нем также за счет опыта, вынесенного из семинарии, где воспитанникам прививались фанатизм и нетерпимость"¹.

Сталин и сам относил начало своей революционной деятельности к 15-летнему возрасту, когда он установил связь с первыми кружками марксистов и пристрастился к чтению подпольной литературы. В это время он впервые прочитал работы К. Маркса и Ф. Энгельса. По официальной версии, именно за чтение запрещенной литературы и создание социал-демократического кружка Сталин был исключен из семинарии в мае 1899 г. и поступил на работу в Тифлисскую геофизическую обсерваторию. А. Улам писал в своей книге о большом влиянии на молодого Сталина грузинского революционера Сильвестра Джибладзе, одного из видных и известных всей грузинской социал-демократии основателей группы "Месаме-даси". В официальной биографии Сталина даже не упоминается имя Джибладзе, который позднее примкнул к грузинским меньшевикам, участвовал в 1918 г. в создании независимой грузинской демократической республики, был арестован при образовании в 1921 г. Советской Грузии и освобожден незадолго до своей смерти в 1922 г.². Немалое влияние на Сталина оказал в 1897 — 1900 гг. Ладо (Владимир) Кецховели, один из наиболее видных организаторов грузинской, а затем и бакинской социал-демократии. Под пером составителей "Краткой биографии" Сталина 26-летний Л. Кецховели превратился в "ближайшего соратника" 19-летнего Сталина. Как известно, Кецховели был убит в сентябре 1902 г. в Метехском тюремном замке выстрелом одного из тюремщиков. В 1900 г. Сталин познакомился с 32-летним профессиональным революционером Виктором Курнатовским, приехавшим в Тифлис и уже в 1901 г. арестованным здесь. Незадолго до появления в Грузии ссыльный Курнатовский встречался в Минусинске с

¹ Allilueva Svetlana. Only one year. London, 1959, p. 341 — 342, 355.

² См.: Жордания Ной: Моя жизнь. Стэнфорд, 1968, с. 15.

Лениным. Знакомство с Курнатовским, чтение работ В. И. Ленина, а затем и газеты "Искра", которая появилась в Закавказье в 1901 г., сделали молодого Сталина сторонником Ленина. После раскола российской социал-демократии на большевиков и меньшевиков Сталин решительно становится на сторону большевиков. Надо отметить, однако, что именно в Грузии влияние фракции меньшевиков было преобладающим. Грузинские меньшевики оказались не только наиболее влиятельной, но и наиболее организованной революционной силой в Грузии в 1917 г., что и позволило им вскоре прийти к власти и в течение трех лет возглавлять правительство независимой Грузии.

Весной 1901 г. Сталин перешел на нелегальное положение. Он принимает участие в организации забастовок и демонстраций, в том числе известной Батумской демонстрации в марте 1902 г. Здесь, в Батуми, Сталин был арестован и сослан в Восточную Сибирь, где провел около двух лет.

В одной из своих статей Л. Троцкий писал о творческом бесплодии Сталина в 1900 — 1910 гг. Это утверждение несправедливо. Сталин был не только практиком революции, он претендовал и на роль теоретика, во всяком случае в масштабах Закавказья. В 1900—1910 гг. Сталин написал немало статей и брошюр, однако все они были написаны на грузинском языке и опубликованы в грузинской социал-демократической печати. Работы этого периода составляют два первых тома его Сочинений, и большая часть из них переведена с грузинского языка лишь в 1945 — 1946 гг. Конечно, литературное творчество Сталина начала века ни по количеству, ни по качеству нельзя поставить в один ряд с творчеством других руководителей российской социал-демократии. Но и неправильно заявлять о творческом бесплодии Сталина.

В книге Ж.-Ж. Мари "Сталин" можно прочесть:

"Когда революция (1905 г.) начиналась, Коба был всего лишь районным активистом. Революция для него ничего не меняет. Она не "раскрывает" его, как раскрывает Троцкого в другом конце империи. Она проходит сквозь него как тень. Сталин всегда был человеком комитетов, ограниченных групп мелких, средних или крупных руководителей... Коба не обладал никакими качествами, позволяющими руководить массовым движением: ораторским талантом, живостью мысли, широтой взгляда, чувством завтрашнего дня, энтузиазмом. Наконец, в пылу, когда массы возвышают на мгновение свое повседневное существование, чтобы сделать его историей, Сталин, холодная и скрытная натура, терялся. Способный для закулисных маневров, он в 1905 г. стушеввался... Коба и революция не знали друг друга"¹.

¹ Marie Jean-Jacques. Staline, p. 36—37.

Эти утверждения также несправедливы. Верно, что Сталин не являлся трибуном революции. Он не обладал живостью мысли. Но его неверно называть лишь районным активистом, ибо сферой его деятельности было все Закавказье, и он участвовал в работе Всероссийской партийной конференции в Таммерфорсе в 1905 г., а также IV и V съездов РСДРП — в Стокгольме и Лондоне (в 1906 и 1907 гг.). Одним из главных ораторов на V съезде партии был Л. Троцкий, который писал позднее, что он узнал о присутствии Сталина на первых съездах партии только из биографии последнего, написанной французским автором (Б. Сувариним) и опубликованной в Париже в 1935 г. Это пренебрежительное замечание Троцкого дает скорее повод к не лестной оценке самого Троцкого. В те годы делегатов на партийных съездах было немного (около 150 на IV и около 350 на V). Однако молодой Троцкий уже тогда обладал чрезмерным высокомерием и не желал замечать многих ничем еще не отличавшихся рядовых делегатов, да к тому же еще "с совещательным голосом"¹.

Неверно утверждать также, что революция 1905 г. не "раскрыла" Сталина, что он прошел через нее "как тень", что "Коба и революция не знали друг друга". Нет, революция раскрыла многие стороны сталинской натуры, и он принимал участие во многих важных ее событиях, хотя и предпочитал действовать обычно не на переднем плане. Именно Сталину принадлежит сомнительная честь быть не только участником, но и организатором некоторых крупных террористических актов или, как их называли тогда, "эксов", то есть экспроприаций. В основном это были вооруженные ограбления банков, почтовых карет, пароходов, которые допускали тогда большевики в качестве средства для пополнения партийной кассы и закупки оружия, а также для воздействия на царскую администрацию. Особенно большую известность получило вооруженное ограбление Тифлисского казначейства, которое дало в кассу большевиков более 300 тыс. руб. Этот "экс" был проведен группой боевиков с участием Камо (С. А. Тер-Петросяна), однако в его организации и планировании приняли участие Сталин и Л. Б. Красин, руководитель боевой технической группы при ЦК. Организация подобного рода "эксов" требовала от Сталина не только хладнокровия, хитрости и жестокости, но и связей с уголовным миром Грузии. Многие "эксы" сопровождалась человеческими жертвами, но это были убийства "в интересах дела".

В 30 — 40-е гг. большое число статей и немало книг были

¹ Об участии Сталина в работе IV и V съездов РСДРП можно прочитать не только в книге Б. Суварина, опубликованной в 1935 г., но и в различных публикациях 20-х гг., которые Троцкий, несомненно, внимательно читал (см., например, книгу "Сталин" — сборник статей к 50-летию со дня рождения. М., 1929).

посвящены начальным этапам революционной деятельности Сталина на Кавказе. В этих работах Сталину приписывалось множество заслуг, которых у него не было. Однако все авторы, включая и Л. Берию, обходят молчанием участие Сталина в террористической деятельности на Кавказе.

В 1907 г. Сталин переходит на работу в бакинскую организацию РСДРП. Участие в "эксах" делает его пребывание в Тифлисе небезопасным. К тому же в Грузии в социал-демократическом движении возобладали меньшевики, которые к тому же были решительными противниками террора. Сталин принимал участие в организации крупнейших по тем временам выступлений рабочего класса Баку, обративших на себя внимание В. И. Ленина. Несколько раз Сталина арестовывали и ссылали, но каждый раз ему удавалось бежать и возобновлять свою нелегальную работу на Кавказе. Активный участник революционного движения в Закавказье С. И. Кавтарадзе вспоминал позднее, что молодой Сталин часто был груб и несдержан по отношению к товарищам, нередко обрушивался на них с нецензурной бранью. Но это не было каким-то редким исключением, примеры подобной несдержанности и грубости были довольно распространены в революционной среде.

Из личной жизни Сталина в этот период нужно отметить смерть его первой жены Екатерины Сванидзе, с которой он прожил несколько лет. Сталин был очень привязан к жене, и ее смерть не смягчила его характер. Их сын Яков остался на попечении родственников. Сталин мало заботился и думал о нем.

В 1911 — 1912 гг. Сталин продолжает свою деятельность в столице Российской империи. Его статьи часто появляются в петербургской газете "Звезда", в газетах "Правда" и "Социал-демократ". Заслуги его были замечены. На VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП, состоявшейся в январе 1912 г., он был заочно кооптирован в состав ЦК партии, а также включен в состав Русского бюро ЦК РСДРП вместе с Ф. И. Голощекиным, Я. М. Свердловым, Е. Д. Стасовой, Г. И. Петровским, А. В. Шотманом, А. Е. Бадаевым и А. С. Киселевым.

Об амбициозности и вместе с тем о самостоятельности Сталина говорит и тот факт, что он далеко не во всем соглашался с Лениным, хотя и входил во фракцию большевиков. Так, например, в 1905 — 1906 гг. Сталин высказывался против ленинской программы национализации земли и отмены частной собственности на землю. В 1909 г. в бакинской печати Сталин выступил против организационной политики Ленина¹. В противоположность Ленину Сталин высказывался за бойкот III Государственной думы. Отказ большевиков от бойкота он считал "случайным отклонением от старого большевизма". "Но следует

¹ Сталин И. В., т. 2, с. 168.

ли из этого, — писал Сталин в одном из писем, — что мы должны до конца доводить эти случайные отклонения, создавая из мухи слона?.. Ильич немного переоценивает значение таких (легальных) организаций”¹. В некоторых письмах Сталина содержатся иронические замечания в адрес ленинской работы “Материализм и эмпириокритицизм”. Сталин прочел ответную книгу Богданова и поддержал некоторые его доводы. “По-моему, — писал он также в частном письме, — некоторые *отдельные* промахи Ильича очень метко и правильно отмечены. Правильно также указание на то, что материализм Ильича во многом отличается от такового Плеханова, что вопреки требованиям логики (в угоду дипломатии?) Ильич старается затушевать...”² Ленин, таким образом, отнюдь не был уже тогда для Сталина непревзойденным авторитетом. Это отмечается и в шеститомной “Истории КПСС”. Мы можем прочесть здесь следующий упрек:

“Нечеткую позицию в философских вопросах занимал одно время Сталин. Он недооценивал значение борьбы Ленина против махистов... В одном из писем к М. Г. Цхакая он заявлял, что эмпириокритицизм имеет и хорошие стороны. Задача большевиков, — писал он, — развивать философию Маркса и Энгельса “в духе И. Дицгена, усваивая попутно хорошие стороны “махизма”. “Между тем, хотя немецкий социал-демократ Иосиф Дицген, рабочий-самоучка, действительно написал ценные философские труды, в ряде существенных вопросов он отступал от материализма, и предложение развивать марксизм в духе Дицгена с учетом философии идеалиста Маха было, разумеется, неправильно”³.

В 1910 — 1912 гг. Сталин не был склонен, подобно Ленину, заострять и усугублять борьбу между большевиками и меньшевиками. Перед Пражской конференцией в письме к М. Цхакая Сталин отозвался о борьбе Ленина за возрождение партийной организации как о “буре в стакане воды”⁴. После Пражской конференции Сталин в отличие от Ленина требовал уступчивости по отношению к так называемым ликвидаторам. В первой же статье Сталина для “Правды” говорилось о единстве социал-демократов “во что бы то ни стало”, “без различия фракций”⁵.

Правда, сам Ленин едва ли заметил эти расхождения. Сталин впервые встретил Ленина на Таммерфорской конференции большевиков в 1905 г., а затем на IV и V съездах РСДРП. Эти

¹ “Вопросы истории КПСС”, 1965, № 2, с. 39.

² Дубинский - Мухадзе И. Орджоникидзе, с. 93.

³ “История Коммунистической партии Советского Союза”. Том второй. М., 1966, с. 272.

⁴ Шваумян С. Соч., т. 1. М., 1957, с. 267; Дубинский - Мухадзе И. Орджоникидзе, с. 92 — 93.

⁵ Логинов В. Т. Ленин и “Правда” в 1912—1914 гг. М., 1962, с. 79, 112.

встречи оставили большой след в памяти Сталина¹. Однако Ленин тогда не обратил внимания на молодого партийного работника с Кавказа. Личное знакомство Сталина с Лениным произошло лишь в конце 1912 г., когда Коба, принимавший активное участие в организации и редактировании первой легальной большевистской газеты "Правда", выезжал в Краков к Ленину на совещания ЦК с партийными работниками. Здесь в Польше Сталин написал свою работу "Марксизм и национальный вопрос", которая была положительно оценена Лениным. Сталин произвел тогда на Ленина самое хорошее впечатление. В одном из писем к Горькому Ленин писал: "У нас один чудесный грузин засел и пишет для "Просвещения" большую статью, собрав все австрийские и пр. материалы"².

В связи с работой редакции "Правды" Ленин несколько раз писал в эти месяцы и самому Сталину. Однако эти связи были еще настолько непрочны, что Ленин скоро забыл фамилию Сталина. "Не помните ли фамилию *К о б ы*?" — писал Ленин в июле 1915 г. Г. Зиновьеву³. Зиновьев не помнил, и в ноябре 1915 г. Ленин пишет В. А. Карпинскому: "Большая просьба: узнайте (от Степко или Михи и т. п.) фамилию "*К о б ы*" (Иосиф Дж.....?? мы забыли). Очень важно!⁴" Дело в том, что Ленин получил письмо от Сталина из Туруханской ссылки, но, не помня фамилии, не мог на него ответить.

В далекой ссылке в Туруханском крае Сталин пробыл четыре года. В небольшой колонии ссыльных он вел себя далеко не лучшим образом. Так, например, жена большевика Филиппа Захарова Р. Г. Захарова (Бронтман) приводит в своих воспоминаниях о муже рассказ последнего о приезде Сталина в Туруханскую ссылку в 1913 г.

"Рассказывал мне Филипп и о встрече со Сталиным там, в Туруханке... По неписанному закону принято было, что каждый вновь прибывший в ссылку товарищ делал сообщение о положении в России. От кого же было ждать более интересного, глубокого освещения всего происходящего в далекой, так давно оставленной России, как не от члена большевистского ЦК? Группа ссыльных, среди которых были Я. М. Свердлов и Филипп, работала в это время в селе Монастырском... Туда как раз и должен был прибыть Сталин. Дубровинского уже не было в живых. Филипп, не склонный по натуре создавать себе кумиров, да к тому же слышавший от Дубровинского бесстрастную оценку всех видных тогдашних деятелей революции, без особого восторга ждал приезда Сталина в противоположность Свердлову, который старался сделать все возможное в тех

¹ См.: Сталин И. В. Соч., т. 6, с. 54 — 57.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 162.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 101.

⁴ Там же, с. 161.

условиях, чтобы поторжественней встретить Сталина. Приготовили для него отдельную комнату, из весьма скудных средств припасли кое-какую снедь. Прибыл!.. Пришел в приготовленную для него комнату и ... больше из нее не показывался! Доклада о положении в России он так и не сделал. Свердлов был очень смущен. Сталина отправили в назначенную ему деревню Курейку, а вскоре стало известно, что он захватил и перевез в полное свое владение все книги Дубровинского. А между тем ссыльные еще до его приезда по общей договоренности решили, что библиотека Дубровинского в память о нем будет считаться общей как передвижка. По какому же праву завладел ею один человек? Горячий Филипп поехал объясняться. Сталин принял его так, как примерно царский генерал мог бы принять рядового солдата, осмелившегося предстать перед ним с какими-то требованиями. Возмущенный Филипп (возмущались все!) на всю жизнь сохранил осадок от этого разговора и никогда не менял создавшегося у него нелестного мнения о Сталине¹.

Не лучше вел себя Сталин и в деревне Курейке. Он рассорился почти со всеми ссыльными большевиками, в том числе и с Я. М. Свердловым.

"Нас двое, — писал в 1913 г. жене Свердлов. — Со мной грузин Джугашвили, старый знакомый. Парень хороший, но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни"².

Пожив еще некоторое время рядом со Сталиным, Свердлов отзывается о нем более критически. Он пишет в мае 1914 г.: "Со мной (в Курейке) товарищ... мы хорошо знаем друг друга. При том же, что печальнее всего, в условиях ссылки, тюрьмы человек перед вами обнажается, проявляется во всех мелочах... С товарищем теперь на разных квартирах, редко и видимся"³.

Конфликт Сталина со Свердловым и другими большевиками продолжался и после перевода Сталина в село Монастырское и даже после призыва многих ссыльных, включая и Сталина, в армию. Старый большевик В. И. Иванов, находившийся в то время в Туруханской ссылке, писал в конце 50-х гг. в своих воспоминаниях:

"Отъезд двенадцати подвод был большим событием для Монастырского. Как будто бы отъезд в армию должен был образумить Иосифа Джугашвили и А. А. Масленникова о необходимости возобновить товарищеские отношения с большинством

¹ Из архива Ю. В. Трифонова. Воспоминания Р. Захаровой частично опубликованы в книге Ю. Трифонова "Отблеск костра. Исчезновение". М., 1988, с. 37 — 38. Писатель Ю. В. Трифонов — сын видного деятеля ВКП (б) В. А. Трифонова.

² Свердлов К. Т. Яков Михайлович Свердлов. М., 1960, с. 199.

³ Свердлов Я. М. Избранные произведения, т. 1. М., 1957, с. 276 — 277.

колонии политических ссыльных. Это было необходимо и с точки зрения партийно-организационной, но на это не шли ни Джугашвили, ни Масленников, а больше с ними никого не было... Приехав из Курейки в Монастырское, Джугашвили остановился у Масленникова и по-прежнему держался вдалеке от всего состава политической ссылки и никакой партийной связи не возобновлял с двумя членами Русского бюро ЦК — Свердловым и Голощекиным, а также видными работниками партийного подполья... Этого необходимого примирения не произошло. Джугашвили остался таким же гордым, замкнутым в самом себе, в своих думах и планах... Джугашвили не пошел на примирение, а Яков Михайлович готов был протянуть руку дружбы и не прочь был обсудить в компании трех членов Русского бюро ЦК партии очередные вопросы рабочего движения, а такие, несомненно, были"¹.

Ссылка, и особенно ссылка в Туруханский край, была тяжелым наказанием. Но все же это была не каторга, и многие политические использовали вынужденное безделье для пополнения своих знаний, для творческой работы, для обмена мнениями. Но Сталин не умел работать в неволе. Последняя его работа, помещенная во втором томе Сочинений, датирована январем — февралем 1913 г., а работа в третьем томе — мартом 1917 г. Нельзя сказать, что Сталин совсем не участвовал в жизни партии. Летом 1915 г. он присутствовал на совещании членов Русского бюро ЦК и большевистской фракции Государственной думы, которая была лишена своих полномочий и сослана в Сибирь. В 1916 г. Сталин вместе с группой большевиков подписал письмо-пожелание журналу "Вопросы страхования". Однако большую часть времени Сталин прозябал в бездействии. Л. Троцкий, не упускавший случая задеть своего противника, писал в 1930 г.:

"Четыре года ссылки должны были быть годами напряженной умственной работы. Ссылные ведут в таких условиях дневники, пишут трактаты, вырабатывают тезисы, платформы, обмениваются полемическими письмами и пр. Не может быть, чтобы Сталин за четыре года ссылки не написал ничего по основным проблемам войны, Интернационала и революции. Между тем, тщетно стали бы мы искать каких-либо следов духовной работы Сталина за эти четыре поразительных года. Каким образом это могло произойти? Совершенно очевидно, что если бы нашлась одна-единственная строка, где Сталин формулировал бы идею пораженчества или провозглашал бы необходимость нового Интернационала, эта строка давно уже была бы напечатана, сфотографирована, переведена на все языки и обогащена учеными комментариями всех академий и институтов. Но такой строки не нашлось. Значит ли это, что Сталин вообще ничего

¹ Рукописные воспоминания из архива А. В. Снегова.

не писал? Нет, это не значит. Это было бы совершенно невероятно. Но это значит, что среди всего написанного им за четыре года не оказалось ничего, решительно ничего, что можно было бы использовать сегодня для подкрепления его репутации"¹.

Мы уже упоминали выше о нескольких письмах Сталина, которые он отправил из ссылки Ленину. Эти письма шли по нелегальным каналам и позднее были утеряны. Но сохранилось несколько писем Сталина, которые шли обычным путем и с которых Енисейское жандармское управление снимало копии. Одно из таких писем адресовано члену Государственной думы Роману Малиновскому. Это был, как вскоре выяснилось, главный провокатор охраны в руководстве большевиков, и именно по доносу Малиновского жандармерия выследила и арестовала Сталина.

"Здравствуй, друг, — писал Сталин в конце ноября 1913 г. Малиновскому. — Неловко как-то писать, но приходится. Кажется, никогда не переживал такого ужасного положения. Деньги все вышли, начался какой-то подозрительный кашель в связи с усилившимися морозами (37 градусов мороза), общее состояние болезненное, нет запасов ни хлеба, ни сахара, ни мяса, ни керосина (все деньги ушли на очередные расходы и одевание с обувью). А без запасов здесь все дорого: хлеб ржаной 4 копейки фунт, керосин — 15 копеек, мясо — 18 копеек, сахар — 25 копеек. Нужно молоко, нужны дрова, но ... деньги, нет денег, друг. Я не знаю, как проведу зиму в таком состоянии. У меня нет богатых родственников и знакомых, мне положительно не к кому обратиться, и я обращаюсь к тебе, да не только к тебе — и к Петровскому, и к Бадаеву.

Моя просьба состоит в том, что если у соц.-дем. фракции до сих пор остается "фонд репрессивных", пусть она, фракция, или лучше бюро фракции выдаст мне единственную помощь хотя бы в рублей 60. Передай мою просьбу Чхеидзе и скажи, что я и его прошу принять близко к сердцу мою просьбу, прошу его не только как земляка, но главным образом как председателя фракции... Понимаю, что всем вам, а тебе особенно — никогда нет времени, — но черт меня дери, не к кому больше обращаться, а околеть здесь, не написав даже одного письма к тебе, не хочется. Дело это надо устроить сегодня же и деньги переслать по телеграфу, потому что ждать дальше — значит голодать, а я и так истощен и болен. Мой адрес знаешь: Туруханский край, Енисейская губерния, деревня Костино, Иосифу Джугашвили. Далее. Мне пишет Зиновьев, что статьи по "национальному вопросу" выйдут отдельной брошюрой. Ты ничего не знаешь об этом? Дело в том, что если это верно, то следовало бы добавить к статьям одну главу (это я мог бы сделать за несколько дней, если только дадите знать), а затем надеюсь (вправе надеяться),

¹ "Бюллетень оппозиции", 1930, № 14, с. 8.

что будет гонорар (в этом злосчастном крае, где нет ничего, кроме рыбы, деньги нужны как воздух). Я надеюсь, что ты в случае чего постоишь за меня и выхлопочешь гонорар... Ну-с, жду от тебя просимого и крепко жму руку, целую, черт меня дери... Привет Стефании, ребятам. Привет Бадаеву, Петровскому, Самойлову, Шагову, Миронову. Неужели мне суждено здесь прозябать четыре года...

Твой Иосиф..

Еще одно письмо адресовано хорошей знакомой Сталина Т. А. Словатинской, работавшей в книгоиздательстве "Просвещение":

"10/XI. Письмо лежит у меня две недели вследствие испортившейся почтовой дороги. Татьяна Александровна! Как-то совестно писать, но что поделаешь — нужда заставляет. У меня нет ни гроша, и все припасы вышли. Были кое-какие деньги, но все ушли на теплую одежду, обувь и припасы, которые здесь страшно дороги. Пока доверяют в кредит, но что будет потом ей-богу не знаю... Нельзя ли будет растормошить знакомых (вроде Крестинского), раздобыть рублей 20 — 30? А то и больше? Это было бы прямо спасением и чем скорее, тем лучше, так как зима у нас в разгаре... Я надеюсь, что, если захотите, достанете. И так за дело, дорогая, а то "кавказец с Калашниковой биржи" того и глядите пропадет... Адрес знаете, шлите прямо на меня. Можно в случае необходимости растормошить Соколова, и тогда могут найтись деньжонки более 30 рублей. А это было бы праздником для меня...

20/XI. Милая, нужда моя растет по часам, я в отчаянном положении, вдобавок еще заболел, какой-то подозрительный кашель начался. Необходимо молоко, но... деньги, денег нет. Милая, если добудете денежки, шлите немедленно телеграфом, нет мочи ждать больше..."

Конечно, положение Сталина было не из легких, но в данном случае он его намеренно драматизирует. Деньги и припасы у него были, но их не хватало для побега, который Сталин планировал. Он вовсе не собирался четыре года сидеть в ссылке. Местное начальство знало материальное положение ссыльных и разгадало планы Сталина. Вместе с копиями его писем в делах Енисейского жандармского управления имеется и казенная справка:

"4 января 1914 года. г. Красноярск. Совершенно секретно.

Представляя при сем агентурные сведения за № 578, имею честь донести вашему превосходительству, что автором таковых является гласноподнадзорный Туруханского края Иосиф Виссарионович Джугашвили... Меры к недопущению побега Джугашвили мною приняты"¹.

¹ Копии приведенных документов имеются в личном архиве Ю. В. Трифонова. Их подлинники хранятся в ЦГАОР.

Эти меры как раз и состояли в том, что Сталин и Свердлов были переведены на 180 верст севернее в Курейку. Деньги от друзей Сталин получил, но бежать ему не удалось.

СТАЛИН В 1917 г.

1917 год завершился победой Октябрьской социалистической революции в России и созданием первого в мире пролетарского Советского государства. Большевики пришли к власти в огромной стране и создали свое правительство. Это событие оказалось самым важным событием XX века, изменившим судьбы мира.

Недавние революционеры превратились в государственных деятелей, время и обстановка требовали теперь от них иных занятий и иных способностей. И тем не менее принадлежность к верхам партии и место в партийно-государственном аппарате долгое время зависели от заслуг и поведения того или иного деятеля в переломном 1917 г. Естественно поэтому рассмотреть вопрос о том, какая работа легла в 1917 г. на плечи Сталина. В различное время нам приходилось сталкиваться при изучении этого вопроса с двумя тенденциями: с чрезмерным преувеличением роли Сталина в 1917 г. и, напротив, с сведением этой роли к выполнению некоторых незначительных поручений.

Начало 1917 г. застало Сталина в Красноярске. Призванный вместе с группой ссыльных в армию, Сталин был признан медицинской комиссией негодным к службе из-за слабости левой руки. Ссылка подходила к концу, и Сталину было разрешено остаток ее провести в Красноярске. Он установил связь с некоторыми красноярскими большевиками, но большую часть вечеров проводил у Л. Б. Каменева, также сосланного в Сибирь. На эти вечера иногда приглашали ссыльного А. Байкалова, который много лет спустя описал в эмиграции свою встречу со Сталиным. По свидетельству Байкалова, Сталин почти непрерывно курил трубку. У него было лицо, "поврежденное оспой", низкий лоб, над которым возвышались густые и растрепанные волосы, рот, закрытый грязными усами. Его маленькие темно-коричневые, почти черные глаза глядели с хмурым выражением под густыми бровями"¹. Сталин говорил медленно, с трудом подбирая нужные русские слова, с сильным кавказским акцентом. Каменев часто прерывал Сталина иронической, казалось, даже презрительной фразой, и Сталин, насупившись, снова затягивался трубкой.

Революция была для большинства народа и для политиков

¹ Байкалов А. Мои встречи с Иосифом Джугашвили. Журнал "Возрождение". Париж, март — апрель 1950, с. 118.

полной неожиданностью, хотя ее и ждали многие. Одним из первых результатов Февральской революции был полный и быстрый крах всей репрессивной системы царизма. Жандармы снимали форму и прятались. Открывались ворота тюрем, перестала функционировать царская каторга и ссылка. Не только политические заключенные, но и подавляющее большинство лиц, обвиненных в различных уголовных преступлениях, получили свободу.

3 марта 1917 г. был создан Совет и в Красноярске. Он немедленно взял власть в свои руки и постановил арестовать представителей царской власти. Был выделен специальный поезд для отправки ссыльных в Москву и Петроград. Сталин вместе с Л. Б. Каменевым и М. К. Мурановым немедленно выехал в столицу.

В первые же дни марта 1917 г. большевики в Петрограде вышли из подполья и приняли меры к изданию "Правды" и к формированию партийного руководства. Все члены созданного на Пражской конференции Русского бюро ЦК находились в эти дни или в ссылке, или в эмиграции. Поэтому в годы войны было создано новое Бюро, из состава которого в Петрограде находились А. Г. Шляпников, П. А. Залуцкий и В. М. Молотов. 7—8 марта Русское бюро кооптировало в свой состав несколько человек, в том числе М. И. Калинина, В. Н. Залежского, М. И. Ульянову, М. С. Ольминского и др. 5 марта вышел в свет первый номер "Правды", редакцию которой составили К. С. Еремеев, М. И. Калинин и В. М. Молотов.

Естественно, что с прибытием ссыльных большевиков из Сибири возник вопрос о включении их в состав новых партийных центров. Дело не обошлось без трудностей и трений. Так, например, 12 марта 1917 г., в день прибытия в Петроград Сталина, Каменева и Муранова, состоялось заседание Бюро ЦК. В протоколе этого заседания сохранилась следующая запись:

"Дальше решался вопрос о тов. Муранове, Сталине и Каменеве. Первый приглашен единогласно. Относительно Сталина было доложено, что он состоял агентом ЦК в 1912 г. и поэтому являлся бы желательным в состав БЦК, но ввиду некоторых личных черт, присущих ему, БЦК высказалось в том смысле, чтобы пригласить его с совещательным голосом. Что касается Каменева, то ввиду его поведения на процессе и тех резолюций, которые были вынесены в Сибири, как и в России, решено принять его в число сотрудников "Правды", если он предложит свои услуги, но потребовать от него объяснения его поведения. Статьи его принимать как материал, но за его подписью не выпускать"¹.

Мы не знаем подробностей столкновения между Сталиным и новыми членами Бюро ЦК, которое произошло после заседания 12 марта. Большевики, вернувшиеся из ссылки, были более

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. I, ед. хр. 385, л. 11.

опытными, более старшими по возрасту. Сталин являлся к тому же не просто "агентом ЦК", но единственным из находившихся в Петрограде членов ЦК, избранных на Пражской конференции РСДРП. Не удивительно, что уже на следующий день он был все же введен в состав Бюро ЦК. В этот же день была утверждена и новая редакция "Правды" в составе М. С. Ольминского, И. В. Сталина, К. С. Еремеева, М. И. Калинина и М. И. Ульяновой. Однако Сталин фактически захватил руководство газетой в свои руки. Уже 15 марта в 9-м номере "Правды" было объявлено, что в состав редакции входят Сталин, Каменев и Муранов. Об остальных членах редакции, утвержденных Бюро ЦК, даже не упоминалось. Действия Сталина вызвали протест петроградских большевиков. По предложению Ольминского Бюро ЦК приняло 17 марта резолюцию, в которой говорилось:

"Бюро ЦК и ПК, протестуя против захватного порядка в деле введения тов. Каменева в редакцию, переносит вопрос о его поведении и участии в редакции "Правды" на ближайшую партийную конференцию"¹.

Разумеется, Сталина не смутила эта резолюция. Дело заключалось не только в изменении персонального состава редакции "Правды", но и в изменении ее политических и тактических установок. В своих первых номерах "Правда" призывала к борьбе против Временного правительства и против политики соглашения меньшевиков и эсеров с буржуазными партиями и Временным правительством. Это соответствовало и тем первым рекомендациям, которые приходили в Россию от Ленина. Однако с 9-го номера тон и содержание основных статей газеты изменились. "Правда" выступила за поддержку Временного правительства "в той мере, в какой действия этого правительства содействуют развитию революции". "Правда" вполне определенно высказалась за объединение с меньшевиками в одну партию, в рамках которой обе фракции могли бы преодолевать свои разногласия. Выступая за мир, "Правда" требовала от русских солдат твердо держать фронт, пока заключение мира не станет реальностью.

Петроградская организация большевиков могла негодовать, однако статьи в "Правде" были руководством для всех партийных организаций в стране. До появления Ленина в Петрограде Сталин стал фактически не только во главе "Правды", но и во главе всей партии. Более умеренная позиция "Правды" вызвала удовлетворение в руководящих кругах других партий. В своих воспоминаниях, опубликованных в 20-е гг. под общим названием "Семнадцатый год", А. Шляпников писал:

"День выхода в свет первого номера "преобразованной" "Правды" — 15 марта — был днем оборонческого ликования.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 385, л. 11.

Весь Таврический дворец от дельцов Комитета Государственной думы до самого сердца революционной демократии — Исполнительного комитета — был преисполнен одной новостью: победой умеренных, благоразумных большевиков над крайними. В самом Исполнительном комитете нас встретили ядовитыми улыбками. Это был первый и единственный раз, когда "Правда" вызвала одобрение даже матерых оборонцев либердановского толка. Когда этот номер "Правды" был получен на заводах, там он вызвал полное недоумение среди членов нашей партии и сочувствующих и язвительное удовольствие у наших противников. В Петербургский комитет, в Бюро ЦК и в редакцию "Правды" поступали запросы: в чем дело, почему наша газета отказалась от большевистской линии и стала на путь оборончества? Но Петербургский комитет, как и вся организация, был застигнут этим переворотом врасплох и по этому случаю глубоко возмущался и винил Бюро ЦК. Негодование в районах было огромное, а когда пролетарии узнали, что "Правда" была захвачена тремя приехавшими из Сибири бывшими руководителями "Правды", то потребовали исключения их из партии"¹.

Руководящую роль в выработке новой линии "Правды" играл, безусловно, Каменев. Но Сталин полностью поддерживал его и как фактический редактор газеты, и как автор ряда статей. Их линия вытекала из старых лозунгов партии времен революции 1905 — 1907 гг., когда вопрос об этапах революции не был связан с вопросом о войне и о фактическом двоевластии, которое сложилось в России весной 1917 г. Каменев и Сталин не поняли тех новых возможностей, которые открывались теперь перед рабочим классом и большевиками. Это понял вначале только Ленин, но и ему с трудом удалось убедить в своей правоте партию. Нельзя не отметить, что первое из серии установочных писем Ленина "Правда" опубликовала только в сокращенном виде, а три следующих письма вообще не были опубликованы². Сталин и Каменев защищали свою позицию и на Всероссийском совещании партийных работников, состоявшемся в Петрограде 27 марта — 2 апреля 1917 г. Даже после приезда Ленина, когда в "Правде" были опубликованы его знаменитые Апрельские тезисы, Каменев при поддержке Сталина напечатал на следующий день статью с резкой критикой этих тезисов. Лишь к концу апреля после горячей полемики Ленину удалось повернуть как линию ЦК, так и линию "Правды", убедив большинство ЦК в своей правоте. Сталин присоединился к Ленину, тогда как Каменев по многим вопросам развития революции остался в оппозиции.

¹ Шляпников А. Семнадцатый год. кн. I. М. — Пг., 1923, с. 219 — 220.

² См.: Крутикова Н. На крутом повороте. М., 1965.

Позднее Сталин не раз был вынужден признать ошибочность своей мартовской позиции. "Это была глубоко ошибочная позиция, — говорил он в одной из речей, — ибо она плодила пацифистские иллюзии, лила воду на мельницу оборончества и затрудняла революционное воспитание масс. Эту ошибочную позицию я разделял тогда с другими товарищами по партии"¹.

На VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП (большевиков) был избран ЦК партии большевиков в составе всего 12 членов и кандидатов. В этот ЦК вошли как Сталин, так и Каменев.

После I Всероссийского съезда Советов Сталин вошел от большевиков в состав ВЦИК. Но ВЦИК был слишком широким органом, здесь насчитывалось более 300 членов и кандидатов, из которых лишь около 60 были большевиками. Сталин присутствовал на заседаниях ВЦИК, но выступал редко, хотя он входил также в Президиум ВЦИК. В протоколах ВЦИК его имя упоминается в период до 9 августа всего четыре раза и то мимоходом. Один из лидеров первого состава ВЦИК И. Г. Церетели писал позднее в своих воспоминаниях: "Сталин никогда не принимал участия ни в совещаниях, ни в частных беседах"².

Другой деятель ВЦИК Н. Суханов также вспоминал: "У большевиков в это время, кроме Каменева, появился в Исполнительном комитете Сталин... Я не знаю, как Сталин мог добраться до высоких постов в своей партии. За время своей скромной деятельности в Исполнительном комитете он производил — и не на меня одного — впечатление серого пятна, иногда маячившего тускло и бесследно. Больше о нем, собственно, нечего сказать"³.

Эти высказывания показательны, однако они отнюдь не отражают подлинную роль Сталина в 1917 г.

Весна и лето 1917 г. были в России временем бесконечных митингов. Все партии, и партия большевиков в особенности, боролись за влияние на народные массы. Для большевиков было важно не только разработать отражавшие настроения масс политические лозунги, но также направить на предприятия и в воинские части умелых агитаторов, ораторов, пропагандистов. Сталин плохо подходил для таких ролей. С марта до октября 1917 г. он брал слово на публичных митингах только три раза. У Сталина не было никаких данных для того, чтобы стать трибуном революции, и даже более поздние его апологеты признавали это. Так, в книге А. Барбюса о Сталине можно прочесть:

"Сталин сегодня — это не человек больших бурных митин-

¹ Сталин И. В. Соч., т. 6, с. 333.

² Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции, т. 1. Париж, 1963, с. 142.

³ Суханов Н. Записки о революции, кн. вторая. Берлин, 1922, с. 265 — 266.

гов. Впрочем, он вообще никогда не пользовался приемами крикливого красноречия — чем только и располагают пробравшиеся к власти проходимцы и преуспевающие проповедники. Об этом стоит подумать историкам, которые будут давать ему оценку. Не такими путями создал и поддерживает Сталин связь с рабочими, крестьянами, интеллигенцией... Если угодно, можно сказать, что Ленин, — главным образом в силу условий, — был больше агитатором. Сталину... чаще приходится действовать через партию, через организацию"¹.

Эти рассуждения А. Барбюса весьма поверхностны. Во-первых, Ленин вовсе не был по преимуществу агитатором. Во-вторых, большевики в 1917 г. крайне нуждались в "преуспевающих проповедниках". Без целой плеяды выдвинувшихся в это время блестящих ораторов они не смогли бы победить в октябре и закрепить свою победу. Но верно и то, что не менее важным фактором победы большевиков была хорошая по тем временам организация партии. Большевики были гораздо более организованной и сплоченной и потому лучше управляемой политической силой, чем другие партии. Между тем, не имея ораторских данных, Сталин, несомненно, обладал незаурядным организаторским талантом. Численность большевистской партии возрастала из месяца в месяц с исключительной быстротой, и Сталин вместе с лучшим организатором партии Я. М. Свердловым приводил партийные ряды в боевой порядок. Именно Сталин и Свердлов выполнили главную часть работы по подготовке и проведению VI съезда партии большевиков. Именно Сталин сделал на этом съезде политический отчет от имени ЦК. Следует указать на недостаточную четкость позиции Сталина по вопросу о явке Ленина на суд Временного правительства. Сталин допускал возможность явки Ленина к властям при известных гарантиях. "Если же, — говорил он, — во главе будет стоять власть, которая сможет гарантировать наших товарищей от насилий, которая будет иметь хоть некоторую честь..., они явятся"².

На VI съезде партии был избран более многочисленный и представительный состав ЦК. Впервые в состав большевистского ЦК был избран Троцкий. В отсутствие Ленина и Зиновьева роль Сталина в руководстве партийными организациями возросла. В эти месяцы он был фактически руководителем центральной газеты партии, которая выходила под разными названиями. Далеко не всегда мнения Ленина, руководившего партией из подполья, и Сталина, находившегося на легальном положении, совпадали. В этом случае Сталин подвергал произвольному редактированию статьи Ленина, что вызывало негодование

¹ Барбюс. Анри. Сталин. Человек, через которого раскрывается новый мир. М., 1936, с. 109.

² "Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы". М., 1958, с. 28.

Владимира Ильича. Ленин торопил со свержением Временного правительства и был крайне недоволен медлительностью ЦК. "Медлить — преступление, — писал он. — Ждать съезда Советов — ребячья игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции... Видя, что ЦК оставил *даже без ответа* мои настояния... что Центральный Орган *вычеркивает* из моих статей указания на такие вопиющие ошибки большевиков, как позорное решение участвовать в предпарламенте... видя это, я должен усмотреть тут "тонкий" намек... на зажимание рта, и на предложение мне удалиться.

Мне приходится *подать прошение о выходе из ЦК*, что я и делаю, и оставить за собою свободу агитации в *низах* партии и на съезде партии"¹. Постоянные размолвки с ЦК и привели Ленина к решению вернуться в Петроград, чтобы лично возглавить подготовку вооруженного восстания.

Сталин участвовал в решающих заседаниях ЦК 10 (23) и 16 (29) октября, на которых по докладам Ленина было принято решение о вооруженном восстании. Против этого решения голосовали только Каменев и Зиновьев, которые в нарушение всех норм конспирации выступили со своими возражениями в не большевистской газете "Новая жизнь". Как известно, Ленин потребовал исключения Зиновьева и Каменева из партии. Единственным членом ЦК, возражавшим Ленину по этому поводу, был Сталин.

Что делал Сталин 24 — 26 октября 1917 г., то есть в решающие дни и часы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде?

Хорошо известна важная роль в организации и подготовке этого восстания Петроградского Совета, во главе которого в те дни стоял Троцкий. По предложению Ленина при Исполкоме Петроградского Совета был создан в середине октября Военно-революционный комитет (ВРК), который взял на себя разработку всех деталей восстания. Особенно большую работу в руководящем бюро ВРК вели В. Антонов-Овсеенко и Н. Подвойский. Весьма значительной была в эти дни роль таких деятелей большевистской партии, как П. Дыбенко, В. Володарский, Н. Крыленко, Ф. Раскольников, А. Бубнов, Ф. Дзержинский, Г. Бокий, В. Аванесов, К. Еремеев и другие. Что касается Сталина, то он был занят в это время главным образом изданием газеты "Рабочий путь". Он не руководил непосредственно действиями красногвардейцев, матросов и солдат на улицах Петрограда.

По существу, вся версия о какой-то особой роли Сталина в организации Октябрьского вооруженного восстания держится на тоненькой ниточке — на решении ЦК партии большевиков от 16 октября о создании Партийного центра или Военно-револю-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 340, 282.

ционного центра по руководству восстанием в составе Свердлова, Сталина, Дзержинского, Бубнова и Урицкого. Предполагалось, что этот центр будет существовать при Военно-революционном комитете и направлять его работу. Однако события в Петрограде развивались столь стремительно, что созданный формально Партийный центр фактически не собирался и не функционировал как какой-то особый орган по руководству восстанием. Осталось на бумаге и решение ЦК партии о создании некоего Политического бюро из семи человек, которое было принято еще на заседании 10 октября 1917 года¹. Хотя Партийный центр никогда не собирался на какое-либо заседание, не принимал никаких решений, многие советские историки продолжают утверждать, что этот Партийный центр составлял "руководящее ядро" Военно-революционного комитета. Но это не подтверждается протоколами заседаний ВРК и Петроградского Совета. Несомненно, что отдельные члены Партийного центра выполняли важные поручения партии. Так, например, А. Бубнов был назначен комиссаром всех железнодорожных вокзалов. Ф. Дзержинский непосредственно руководил захватом Главного почтамта и телеграфа. Деятельное участие в работе ВРК и в комитете по обороне Петрограда принял М. Урицкий. Под некоторыми документами ВРК стоит подпись Я. М. Свердлова. Но Сталин не выступал на заседаниях ВРК, не подписывал его документов и практически не участвовал в его текущей работе. Не удивительно, что в своей книге об Октябрьской революции американский коммунист Джон Рид, являвшийся очевидцем описываемых им событий, ни одной строчки не посвятил Сталину². Во всех статьях, брошюрах и письмах В. И. Ленина, опубликованных в 34-м томе Полного собрания сочинений (июль — октябрь 1917 г.), имя Сталина упоминается один раз и то лишь в связи с одной из ошибок Сталина, Сокольников и Дзержинского. Из протоколов ЦК РСДРП (б) мы узнаем, что утром 24 октября в Смольном состоялось новое заседание ЦК, на котором были распределены обязанности между членами ЦК по руководству восстанием. Сталин на этом заседании не присутствовал, и ему не было записано никакого поручения. Как можно судить по другим документам, Сталин провел дни 24 и 25 октября в редакции газеты "Рабочий путь" и среди делегатов большевистской фракции II съезда Советов.

¹ См.: "Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б)". М., 1958, с. 86. Реально действующее Политбюро возникло лишь в марте 1919 г.

² Как известно, Ленин написал предисловие к книге Д. Рида "Десять дней, которые потрясли мир". Ленин очень высоко оценивал книгу Рида и рекомендовал издать ее в миллионах экземпляров на всех языках планеты. Сталин же фактически запретил эту книгу. В 30-е гг. книга Рида была изъята из библиотек. Было немало случаев, когда членов партии приговаривали к длительным срокам заключения за хранение и распространение книги Джона Рида.

В результате победы вооруженного восстания в Петрограде власть в стране перешла в руки Советов. Временное правительство было низложено. Его сменило избранное II съездом Советов "временное рабочее и крестьянское правительство", получившее название Совет Народных Комиссаров. Председателем первого Советского правительства стал В. И. Ленин; в его состав как народные комиссары вошли четырнадцать большевиков. Среди них был и И. Сталин, которому поручили возглавить образованный впервые Народный комиссариат по делам национальностей. Сталин не случайно первым возглавил его. Он был не только одним из ведущих руководителей партии большевиков: как грузин он считался инородцем. Поэтому это назначение должно было увеличить доверие к Совету Народных Комиссаров в национальных областях и районах России. К тому же после серии статей по национальному вопросу, опубликованных в 1913 г., Сталин стал считаться в партии знатоком национальных проблем.

1 ноября 1917 г. Сталин вместе с Лениным подписал Декларацию прав народов России. В этой декларации, проект которой написал Ленин, были провозглашены основные принципы советской национальной политики: отмена всех национальных и религиозных ограничений или привилегий, равенство всех народов, свободное развитие всех национальных и этнических групп, право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств.

ВО ГЛАВЕ НАРКОМНАЦА

Для большинства народных комиссаров, вошедших в первое Советское правительство, главной трудностью было сломить саботаж чиновников почти всех учреждений, оставшихся в наследство от Временного и царского правительств. У Сталина таких трудностей не возникло, так как в царской России не было учреждения, аналогичного Народному комиссариату по делам национальностей. Поэтому ему нужно было создать хотя бы минимальный аппарат. Одним из первых деятелей Наркомнаца и организаторов его крошечного аппарата стал польский революционер С. Пестковский¹. Весь сталинский комиссариат размещался в одной из комнат Смольного, недалеко от кабинета Ленина. Никакого продуманного плана работы на длительный период у Наркомнаца, разумеется, еще не было. Дела, и часто самые неожиданные и трудные, возникали сами собой. Так, например, с ноября 1917 г. до января 1918 г. Сталин участвовал в переговорах с Центральной Радой, объединением созданных

¹ См.: "Пролетарская революция". М., 1930, № 6, с. 128.

на Украине нескольких националистических мелкобуржуазных партий. Центральная Рада заняла враждебную позицию по отношению к Октябрьской революции и провозгласила себя верховным органом Украинской народной республики в составе России. Во главе Центральной Рады стоял тогда Петлюра. Вначале Украинская народная республика объявила себя федеративной частью России, но в конце января 1918 г. провозгласила полную самостоятельность Украины. Переговоры с Радой были прерваны. В противовес Центральной Раде большевики и левые эсеры созвали в Харькове I Всеукраинский съезд Советов и провозгласили создание Украинской Советской Республики. После II Всеукраинского съезда Советов в Екатеринославе в марте 1918 г. во главе Народного секретариата Украины стал большевик Н. А. Скрыпник. Почти вся Украина была в это время оккупирована немецкими войсками, которые создали в Киеве промонархическое правительство гетмана Скоропадского. Тем не менее Ленин, узнав о решениях II Всеукраинского съезда Советов, составил приветственное послание Совнаркома РСФСР в адрес Советской Украины. В нем выражалось "восторженное сочувствие героической борьбе трудящихся и эксплуатируемых масс Украины, являющихся в настоящее время одним из передовых отрядов всемирной социальной революции". Между тем Сталин 4 апреля дал следующую телеграмму Советскому правительству Украины: "Достаточно играть в правительство и республику, кажется, хватит, пора бросать игру". В ответ на это недопустимое по тону и содержанию "послание" Сталина Н. А. Скрыпник послал 6 апреля в Москву телеграмму: "Мы должны заявить самый решительный протест против выступления наркома Сталина. Мы должны заявить, что ЦИК Советов Украины и Народный секретариат имеет источником своих действий не то или иное отношение того или иного наркома Российской Федерации, а волю трудящихся масс Украины... Заявления, подобные сделанному наркомом Сталиным, направлены к взрыву Советской власти на Украине¹.

Большевики выступали за самоопределение наций вплоть до их полного государственного отделения от России. Это вовсе не означало, однако, что сами большевики были готовы приветствовать и помогать отделению от России ее национальных районов. Они стремились к победе социалистической революции на всей территории России и образованию союза свободных народов и наций. Это было бы, по их мнению, первым шагом в развитии мировой пролетарской революции. Нельзя забывать также, что РКП (б) была не русской, а общероссийской партией. Исключением были лишь Польша и Финляндия, где имелись

¹ Из архива А. В. Снегова, участника II Всеукраинского съезда Советов. См. также: ЦГАОР УССР, ф. 1, оп. 1, д. 7 в, л. 1.

самостоятельные социал-демократические партии, возникшие на несколько лет раньше РСДРП. К тому же движение за независимость от России приобрело в Финляндии и в Польше большой размах и поддержку еще задолго до 1917 г.

Проведенные в октябре 1917 г. выборы в парламент Финляндии дали большинство буржуазным партиям, и 6 декабря парламент провозгласил Финляндию независимым государством. 31 декабря 1917 г. СНК РСФСР признал независимость Финляндии. Под декретом СНК стояли подписи В. И. Ленина и И. В. Сталина. Через несколько дней по докладу Сталина этот декрет был утвержден также ВЦИК РСФСР.

Как нарком по делам национальностей Сталин сделал несколько сообщений и докладов на заседании Совнаркома и ВЦИК о положении в Туркестане, на Кавказе, в Уральской области, на Дону, в турецкой Армении, об автономии татар, о федеральных учреждениях РСФСР.

Как член ЦК Сталин участвовал во всех его заседаниях, на которых обсуждался вопрос о заключении Брестского мира и выходе России из империалистической войны. Протоколы ЦК РСДРП (б) ясно показывают, что Сталин неизменно поддерживал на этих заседаниях точку зрения Ленина, хотя на ранних этапах обсуждения Ленин вел за собой меньшинство ЦК. Лишь на заседании 1 февраля, призывая покончить с разногласиями, Сталин сказал: "Надо этому положить конец... Выход из тяжелого положения дала нам средняя точка — позиция Троцкого"¹. Однако при всех голосованиях в ЦК Сталин голосовал за предложения Ленина. Об остроте борьбы свидетельствует тот факт, что предложение о немедленном заключении мира с Германией было принято ЦК лишь 18 февраля 1918 г. большинством в один голос (голосовали "за" Ленин, Смилга, Сталин, Свердлов, Сокольников, Троцкий, Зиновьев. "Против" — Урицкий, Иоффе, Ломов, Бухарин, Крестинский, Дзержинский)².

В апреле 1918 г. между Сталиным и лидером меньшевиков-интернационалистов Л. Мартовым возник конфликт, которому некоторые биографы Сталина придают чрезмерно большое значение. С описания именно этого конфликта А. Антонов-Овсеенко начинает свою книгу "Портрет тирана"³.

Весной 1918 г. в РСФСР существовали легально и издавали свои газеты не только большевики, но также левые эсеры, меньшевики, меньшевики-интернационалисты, правые эсеры, анархисты, максималисты и некоторые другие небольшие политические партии. Все они после заключения Брестского мира находились в оппозиции к большевикам. Естественно, что боль-

¹ "Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б)", с. 178.

² Там же, с. 204.

³ См.: Антонов-Овсеенко А. Н. Портрет тирана. Н.—Й., 1980. с. 9 — 14.

шевики крайне внимательно следили за этой оппозиционной печатью. 31 марта в газете меньшевиков-интернационалистов "Вперед" появилась статья Л. Мартова, в которой он, критикуя РКП(б) в целом за экспроприаторские замашки, утверждал, что Сталин был "в свое время исключен из партийной организации за прикосновенность к экспроприациям". Сталин заявил, что это клевета, и направил жалобу в созданный по декрету СНК РСФСР от 28 января 1918 г. Революционный трибунал печати. При этом трибунале учреждалась также следственная комиссия из трех человек. Заседания трибунала должны были проходить публично при участии обвинения и защиты.

Нетрудно предположить, что Сталина в данном случае несколько не задевали упреки Мартова "за прикосновенность к экспроприациям". После прихода к власти большевики могли только гордиться этими эпизодами своего революционного прошлого. К экспроприациям прибегали нередко и эсеры, которые теперь были политическими союзниками меньшевиков. Но Сталин решительно отрицал факт исключения его из партийной организации. Никаких доказательств или документов на этот счет у Мартова не было. Мартов потребовал вызвать в суд свидетелей. Но свидетели из числа большевиков вряд ли стали бы давать показания против одного из своих лидеров. Что касается свидетелей-меньшевиков вроде С. Джибладзе или Ноя Жордании, то все они были в 1918 г. в Грузии и их невозможно было вызвать в Москву. Сурен Спандарян, которого А. Антонов-Овсеенко называет наиболее важным свидетелем, умер еще в 1916 г. в сибирской ссылке. Мартов этого, видимо, не знал. Сталин потребовал провести суд и следствие немедленно, не дожидаясь вызова всех названных Мартовым свидетелей. Дело в том, что декрет об учреждении Революционного трибунала печати предусматривал возможность ускоренного и упрощенного судопроизводства "в случаях, не терпящих отлагательства". Сам Сталин на заседании трибунала не присутствовал, его интересы представлял Л. С. Сосновский. Мартов сумел все же добиться решения об отсрочке заседания на неделю для вызова свидетелей. А. Антонов-Овсеенко утверждает в своей книге, что в течение этой недели Ревтрибунал печати был ликвидирован, вероятно, по настоянию Сталина, и дело о клевете Мартова было передано в обычный трибунал Москвы¹. Это явная неточность. Действительно, еще в конце марта 1918 г. в СНК РСФСР было внесено предложение о ликвидации революционных трибуналов печати, так как в их составе было много левых эсеров. Но Ленин возражал против этого, и трибуналы печати работали с полной нагрузкой до конца мая 1918 г.².

¹ См.: Антонов-Овсеенко А. Портрет тирана, с. 11.

² См.: Окорочков А.З. Октябрь и крах русской буржуазной прессы. М., 1970, с. 260, 283.

Мы не будем разбирать здесь все детали этого судебного дела Сталина против Мартова. Как и следовало ожидать, свидетелей Мартову вызвать на заседание трибунала не удалось. Учитывая общий характер статьи Мартова, Революционный трибунал осудил Мартова за "подрыв авторитета правительства" и вынес ему общественное порицание. Оценивая этот приговор, А. Антонов-Овсеенко пишет: "Обвинения Мартова он не опроверг, пятно с биографии не смыл. Скомпрометированный Сталин счел за благо на время удалиться из Москвы.

Не скоро Сталин оправится от м а р т о в с к о г о позора..."¹

Все это опять-таки явное преувеличение. Для Сталина весь этот процесс был малозначительным эпизодом. На большевиков обвинения Мартова не могли произвести никакого впечатления. Даже вопрос об исключении Сталина из партии в 1906 или 1907 гг. не мог их волновать, так как Закавказский областной комитет РСДРП находился тогда в руках меньшевиков и большинство решений этого комитета большевистская фракция не считала для себя обязательными. Судебный процесс был использован, видимо, в первую очередь для того, чтобы закрыть меньшевистскую газету "Вперед". Большевики весной 1918 г. довольно энергично боролись против всей оппозиционной прессы. Только в мае — июне 1918 г. было закрыто около 60 буржуазных и эсеро-меньшевистских газет, в том числе "Друг народа", "Народное слово", "Родина", "Призыв" и т. п. Была закрыта и газета "Вперед". При этом главным поводом для закрытия редактируемой Мартовым газеты была не столько его полемика со Сталиным, сколько ряд ложных сообщений, которые в тех условиях могли посеять панику среди населения. С требованием о прекращении издания газеты "Вперед" выступил на заседании ВЦИК 9 мая 1918 г. Я. М. Свердлов. По его предложению 11 мая Президиум ВЦИК постановил: "...немедленно, впредь до рассмотрения этого вопроса в трибунале печати, закрыть все газеты, поместившие ложные слухи и вздорные сообщения"². Едва ли не первой в списке закрываемых газет стояла газета "Вперед". Сталин действительно покинул Москву в начале июня 1918 г. Но полемика с Мартовым никакого отношения к этому не имела.

СТАЛИН В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Уже в конце 20-х гг. Сталина нередко называли "полководцем революции". Позднее, когда большая часть командиров и комиссаров гражданской войны была уничтожена, о Сталине

¹ Антонов-Овсеенко Антон. Портрет тирана, с. 12.

² Окорочков А.З. Октябрь и крах русской буржуазной прессы, с. 275 — 277.

стали писать как о "непосредственном вдохновителе и организаторе важнейших побед Красной Армии", которого партия посылала "всюду, где на фронтах решались судьбы революции"¹.

Этот миф был разрушен советской исторической наукой еще в начале 60-х гг. Поэтому остановимся лишь на некоторых эпизодах военной деятельности Сталина.

Еще 29 мая 1918 г. в связи с обострением продовольственного положения в Москве и в центральных губерниях России Совнарком РСФСР назначает Сталина общим руководителем продовольственного дела на юге России, наделив его чрезвычайными правами. В этой связи Сталин 4 июня выезжает в Царицын. Он застаёт здесь неразбериху и хаос как в продовольственных, так и в военных делах, в области транспорта, финансов и т. п. Используя свои полномочия, Сталин взял на себя всю власть в районе Царицына. Нет сомнения в том, что он проделал в Царицыне большую работу по наведению порядка в тылу и на фронте и по снабжению продовольствием промышленных центров России. Однако основным средством для наведения этого "порядка" Сталин уже тогда избрал массовый террор. Он писал Ленину: "Гоню и ругаю всех, кого нужно, надеюсь, скоро восстановим [положение]. Можете быть уверены, что не пощадим никого, ни себя, ни других, а хлеб все же дадим"².

И Сталин действительно не щадил никого. Он не останавливался не только перед тем, чтобы расстрелять десятки действительных врагов Советской власти, но и перед уничтожением всех тех, кто лишь подозревался в связях с контрреволюцией. В свое время об этом без всякого осуждения писал К. Е. Ворошилов³.

Постепенно Сталин присвоил себе и все главные военные функции на Северном Кавказе. Он писал Ленину: "Хлеба на юге много, но чтобы его взять, нужно иметь налаженный аппарат, не встречающий препятствий со стороны эшелонов, командармов и пр. Более того, необходимо, чтобы военные помогали продовольственникам. Вопрос продовольственный естественно переплетается с вопросом военным. Для пользы дела мне необходимы военные полномочия. Я уже писал об этом, но ответа не получил. Очень хорошо. В таком случае я буду сам, без формальностей свергать тех командармов и комиссаров, которые губят дело. Так мне подсказывают интересы дела, и, конечно, отсутствие бумажки от Троцкого меня не остановит"⁴.

Одной из первых жертв Сталина стали военные спе-

¹ "Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография". М., 1947, с. 82 — 83.

² Сталин И. В. Соч., т. 4, с. 118.

³ См.: Ворошилов К. Е. Сталин и вооруженные силы СССР. М., 1951, с. 24.

⁴ Сталин И. В. Соч., т. 4, с. 120 — 121.

циалисты, которых он начал не только отстранять от работы, но нередко и расстреливать. С крайней враждебностью и недоверием отнесся Сталин к военному руководителю Северо-Кавказского военного округа А. Е. Снесареву.

Генерал царской армии и одновременно видный ученый-ориенталист А. Е. Снесарев одним из первых добровольно вступил в Красную Армию. Энергично руководя войсками, он помог организовать оборону Царицына и остановить белоказачков. Тем не менее в это время Сталин шлет телеграмму в Москву, обвиняя Снесарева в саботаже. План Снесарева по обороне города Сталин считает вредительским. В конце концов он самовольно не только сместил, но и арестовал Снесарева. По приказу Сталина был арестован и почти весь штаб военного округа, состоявший из военных специалистов. На одной из барж, стоявших на Волге, была создана плавучая тюрьма, неожиданно утонувшая вместе с большинством заключенных.

По настоянию Сталина был разработан новый план обороны Царицына. С северного участка фронта была снята часть войск с целью наступления к западу и югу от Царицына. Как свидетельствуют в "Военно-историческом журнале" (1965, № 2) военные историки В. Дудник и Д. Смирнов, "это нарушило устойчивость организованной с таким трудом обороны... 1 августа началось это необеспеченное наступление, а к 4 августа связь с югом прервалась, город оказался отрезанным от центра. Пришлось срочно перебрасывать части на северный боевой участок". Сталин свалил неудачу наступления на бывшего военрука Снесарева, от которого он якобы получил совершенно расстроенное наследство.

Для расследования положения дел на юге в Царицын прибыла инспекция Высшего Военного совета во главе с А. И. Окуловым. Снесарев был немедленно освобожден из-под ареста. Он был назначен начальником обороны Западного района. Позднее до своего нового ареста (в 1930 г.) он работал начальником Академии Генерального штаба РККА.

Положение Царицына в середине августа 1918 г. было особенно тяжелым, так как белоказаки вышли на ближние подступы к городу. Но несмотря на тяжелые потери, Красная Армия сумела все же разорвать к концу августа кольцо окружения и отбросить противника за Дон.

11 сентября 1918 г. был создан Южный фронт (командующий П. П. Сытин, члены Военного Совета И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов, С. К. Минин, К. А. Мехоношин). Между Сталиным, Ворошиловым, Мининым — "старыми царицынцами", с одной стороны, и Сытиным и Мехоношиным — с другой, возникли острые разногласия. Царицынские работники по-прежнему продолжали не доверять военным специалистам и пытались ввести отвергнутое партией коллегиальное управление войсками. По

настоянию Сталина Реввоенсовет Южного фронта отменил первые оперативные распоряжения Сытина, а затем отстранил его от командования фронтом. Как раз в это время противник начал новое наступление на Царицын и потеснил ослабевшие части Красной Армии. Положение спасли Стальная дивизия Д. П. Жлобы, прибывшая с Северного Кавказа и неожиданно нанеся удар по противнику с тыла¹.

Сталин и раньше не слишком считался с распоряжениями Наркомвоенмора и Реввоенсовета республики. На одном из приказов Троцкого он наложил резолюцию: "Не принимать во внимание"². В связи с этим 2 октября 1918 г. Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов телеграфировал в Царицын Сталину:

"Все решения Реввоенсовета обязательны для Военсоветов фронтов. Без подчинения нет единой армии. Не приостанавливая исполнения решения, можно обжаловать его в высший орган — Совнарком или ВЦИК, в крайнем случае — ЦК. Убедительно предлагаем провести в жизнь решения Реввоенсовета... Никаких конфликтов не должно быть"³.

Но Сталин не принял во внимание и этой телеграммы. Возникший конфликт отрицательно сказывался на боеспособности Южного фронта. Председатель РВС Республики Троцкий телеграфировал в Москву:

"Я категорически настаиваю, чтобы Сталин был отозван. Дела на Царицынском участке идут плохо, несмотря на превосходство в силах. Ворошилов способен командовать полком, но не 50-тысячной армией. Однако я оставляю его командующим 10-й армией, если он будет отчитываться перед командующим фронтом Сытиным. До сих пор Царицын не посылал даже оперативных сводок... Я просил, чтобы донесения о ходе разведки и операций высылались два раза в день. Если завтра все это не будет выполнено, я предам Ворошилова военному суду и опубликую это в приказе по армии"⁴.

Сталин был выведен из Реввоенсовета Южного фронта и отозван в Москву. В своей книге о Сталине американский исследователь Р. Такер писал: "Бесславное завершение сталинского предприятия в Царицыне нанесло ему тяжелый политический урон"⁵.

Это не совсем так. Неудачи и споры происходили в те месяцы на всех фронтах гражданской войны. Внедрение военных специалистов из числа царских офицеров и генералов проходило

¹ См.: "Гражданская война в СССР", т. 1. М., 1980, с. 229.

² Ворошилов К. Е. Сталин и вооруженные силы СССР, с. 27.

³ Свердлов Я. М. Избранные произведения, т. 3. М., 1960, с. 28.

⁴ Троцкий Л. Как вооружалась революция, т. 1. М., 1924, с. 350 — 351.

⁵ Tucker Robert C. Stalin as Revolutionary. 1879 — 1929, p. 196.

крайне трудно. Красная Армия только создавалась, и единое компетентное командование рождалось в мучительной борьбе с пережитками партизанщины. В конечном счете Царицын удалось удержать, и никто не думал как-то наказывать Сталина. Более того, одновременно с вызовом в Москву Сталин был назначен по предложению Троцкого членом РВС Республики.

Конец 1918 г. Сталин проводит в Москве, занимаясь главным образом делами Наркомата по делам национальностей. Он присутствует на I съезде мусульман-коммунистов в Москве, составляет проект декрета о независимости Эстонии, принимает участие в организации Белорусской Советской Республики. 1 января 1919 г. Сталин и Дзержинский были направлены на Восточный фронт для выяснения причин неудач Красной Армии и сдачи Перми. После того как положение на Восточном фронте улучшилось, Сталин и Дзержинский вернулись в Москву.

Вопрос о событиях в Царицыне обсуждался на VIII съезде РКП(б). Ворошилов и Минин открыто примкнули к так называемой "военной оппозиции". Сталин на словах высказался против "военной оппозиции", но на деле выражал ей сочувствие. В кулуарах съезда он пытался создать впечатление, что, не слишком хорошо разбираясь в военном деле, ЦК партии и Ленин передоверили его Троцкому. Между тем еще на съезде партии А. Каменскому был объявлен выговор, причем ему было разъяснено, что нет военной политики Троцкого, а есть военная политика ЦК, которую проводит Троцкий. Основным пунктом полемики был вопрос о привлечении в армию военных специалистов. Можно предположить, что Ленин убедил Сталина не выступать против Троцкого. Со своей стороны и Ленин воздержался от критики Сталина. Ленин даже одобрил в своей речи проведенные в Царицыне расстрелы. "У нас бывали разногласия, ошибки, — никто этого не отрицает. Когда Сталин расстреливал в Царицыне, я думал, что это ошибка, думал, что расстреливают неправильно, и те документы, которые цитировал тов. Ворошилов... нашу ошибку раскрыли. Моя ошибка раскрылась, а я ведь телеграфировал: будьте осторожны. Я делал ошибку. На то мы все люди"¹.

Однако в главном вопросе — об использовании военных специалистов и о дисциплине в армии — Ленин был непреклонен, и он сурово осудил действия царицынских руководителей, в первую очередь Ворошилова. Огромные потери, которые понесла под Царицыном Красная Армия, Ленин объяснял прежде всего партизанщиной и пренебрежением военными специалистами.

На VIII съезде партии Сталина избрали в ЦК РКП(б). Хотя ЦК партии был в то время не слишком многочисленным, из его состава выделили более узкий руководящий орган — Полит-

¹ "Ленинский сборник", XXXVII. М., 1970, с. 136.

бюро — для оперативного решения важных политических вопросов. В первый состав Политбюро вошли В. И. Ленин, Л. Б. Каменев, Н. Н. Крестинский, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий. Кандидатами в члены Политбюро стали Н. И. Бухарин, М. И. Калинин и Г. Е. Зиновьев. Было впервые организовано и Оргбюро ЦК РКП(б) для руководства текущей организационной работой партии. Оно состояло также из пяти человек: А. Г. Белобородова, Н. Н. Крестинского, Л. П. Серебрякова, И. В. Сталина и Е. Д. Стасовой. Через несколько дней постановлением ВЦИК Сталин был назначен также народным комиссаром государственного контроля.

Мы не будем останавливаться на различных поручениях, которые Сталин выполнял как представитель ЦК РКП(б) и Реввоенсовета на Петроградском, Западном и Южном фронтах. Эти поручения не были "третьестепенными", как полагает А. Антонов-Овсеенко, однако их нельзя считать и столь исключительными, как утверждали позднее апологеты Сталина.

Следует, однако, более подробно рассказать о деятельности Сталина в 1920 г. на Юго-Западном фронте, куда он был направлен в конце мая в качестве члена Военного Совета. В это время наступавшие польские армии были уже остановлены, на территории Украины и Белоруссии завязались тяжелые бои, в результате которых Киев и Минск были освобождены.

Основная часть подкреплений первоначально направлялась в распоряжение Юго-Западного фронта. Но к концу июля сложилась обстановка, требовавшая срочной перегруппировки сил. Против Западного фронта, имевшего всего 60 тыс. штыков и сабель, действовало с польской стороны вдвое больше бойцов. В это же время против Юго-Западного фронта действовало всего три польские дивизии и деморализованные части Петлюры. Между тем на Юге для Советской республики возникла новая угроза: войска генерала Врангеля в июне 1920 г. вышли из Крыма и захватили значительную часть Северной Таврии. Для отражения врангелевского наступления было недостаточно находившихся здесь сил 6-й и 13-й армий, подчинявшихся командованию Юго-Западного фронта, переместившегося далеко на запад.

2 августа 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение объединить все армии, действовавшие против Польши в составе Западного фронта (командующий М. Тухачевский). Одновременно было решено создать самостоятельный Южный фронт. Сталину было предложено сформировать РВС нового фронта, о чем Ленин сообщил ему телеграммой: "Спешно. Шифром. Сталину. Только что провели в Политбюро разделение фронтов, чтобы Вы исключительно занялись Врангелем. В связи с восстаниями, особенно на Кубани, а затем в Сибири, опасность Врангеля становится громадной, и внутри Цека растет стремление тотчас заключить мир с буржуазной Польшей. Я Вас прошу очень

внимательно обсудить положение с Врангелем и дать Ваше заключение"¹.

Одновременно Главком С. Каменев на основании директивы ЦК предложил в ближайшие дни передать Первую Конную армию и 12-ю армию Юго-Западного фронта в распоряжение командования Западного фронта, чтобы укрепить войска на главном Варшавском направлении.

Но Сталин отказался выполнить указания Ленина и С. Каменева. Он ответил вечером того же дня по телеграфу: "Вашу записку о разделении фронтов получил, не следовало бы Политбюро заниматься пустяками. Я могу работать на фронте еще максимум две недели, нужен отдых, поищите заместителя. Обещаниям главкома не верю ни на минуту, он своими обещаниями только подводит. Что касается настроения ЦК в пользу мира с Польшей, нельзя не заметить, что наша дипломатия иногда очень удачно срывает результаты наших военных успехов"².

3 августа Ленин направил Сталину новую телеграмму, настаивая на разделении фронтов. "Наша дипломатия подчинена Цека и никогда не сорвет наших успехов, если опасность Врангеля не вызовет колебаний внутри Цека"³.

Ленин при этом не возражал против отдыха Сталина, но просил его позаботиться о заместителе.

5 августа ЦК подтвердил решение о разделении фронтов и постановил передать Западному фронту также и 14-ю армию. Главком отдал на этот счет необходимые распоряжения. Но Сталин и находившийся под его влиянием командующий Юго-Западным фронтом А. И. Егоров не выполнили этой директивы. Главком С. Каменев повторил свой приказ.

"Западный фронт, — говорилось в письме главкома, — приступает к нанесению решительного удара для разгрома противника и овладения варшавским районом. Ввиду этого теперь же приходится временно отказаться от немедленного овладения на вашем фронте львовским районом"⁴.

Но Сталин и Егоров не вняли и этому приказу. Напротив, они отдали приказ Первой Конной армии "в самый кратчайший срок мощным ударом уничтожить противника на правом берегу Буга, форсировать реку и на плечах бегущих остатков 3-й и 6-й польских армий захватить город Львов"⁵. Выполнить этот приказ Первая Конная не смогла.

Но и Западный фронт потерпел неудачу при наступлении на

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 247.

² "Ленинский сборник", XXXVI. М., 1959, с. 116.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 248.

⁴ "Из истории гражданской войны в СССР" (сборник документов). Том третий. М., 1961, с. 348.

⁵ "Военно-исторический журнал", 1962, № 9, с. 61.

Варшаву. Конечно, неудача Варшавской операции может быть объяснена несколькими причинами. Однако не последнее место среди них занимает и самоуправство Сталина. Располагая крупными силами, Сталин не хотел, чтобы лавры победы над Польшей достались Западному фронту. Видимо, он хотел сам вступить в Варшаву с тыла после взятия Львова. "Ну, кто же на Варшаву ходит через Львов!" — заметил по этому поводу Ленин, когда В. Д. Бонч-Бруевич докладывал о неудачах на польском фронте¹.

Ввиду неподчинения Сталина приказам Главкома 14 августа Секретариат ЦК направил Сталину следующую телеграмму:

"Трения между Вами и Главкомом дошли до того, что... необходимо выяснение путем совместного обсуждения при личном свидании, поэтому просим возможно скорее приехать в Москву"².

17 августа Сталин выехал в Москву и подал здесь просьбу об освобождении его от военной работы. 1 сентября Политбюро полностью освободило Сталина от работы в армии.

На состоявшейся в конце сентября 1920 г. IX партийной конференции Ленин взял под защиту действия Главкома С. Каменева и председателя РВС Троцкого и в заключительном слове по отчету ЦК счел нужным осудить поведение Сталина³. Правда, на следующий день Сталин попросил слова по личному вопросу и заявил, что некоторые места "вчерашних речей" гг. Ленина и Троцкого не соответствуют действительности⁴. Конференция не обратила внимания на это опровержение.

ПОДДЕРЖКА СО СТОРОНЫ В. И. ЛЕНИНА

Можно задать вопрос, почему Сталину так легко сходили с рук приведенные выше случаи самоуправства и грубости. Во-первых, Сталин был в 1918 — 1920 гг. достаточно сильной фигурой в руководстве партии, и он умел постоять за себя. К тому же не только Сталин, но и многие другие представители ЦК на фронтах гражданской войны действовали подчас излишне жестко. Немало подобных жалоб поступало и на председателя РВС Троцкого. Но Ленин и его обычно брал под защиту. В борьбе

¹ Бонч-Бруевич Влад. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1930, с. 283. (В последующих изданиях приведенные слова Ленина были исключены.)

² "Краткая история гражданской войны в СССР". М., 1962, с. 444.

³ См.: "Девятая конференция РКП (б). Сентябрь 1920 года. Протоколы." М., 1972, с. 79. (Заключительное слово Ленина на втором заседании до сих пор не опубликовано, как "неправленное". О Сталине мы узнаем лишь из примечаний на с. 372 — 373.)

⁴ Там же, с. 82.

партийных группировок того времени Сталин обычно стоял на стороне Ленина, и Ленин ценил это. В условиях жестокой гражданской войны, в критическом положении Ленину приходилось учитывать и использовать всякую реальную силу, которая выступала в данный момент на стороне революции.

Ленин нередко и прямо поддерживал Сталина, как это было еще в Кракове при написании последним статей по национальному вопросу, при кооптировании его в состав ЦК РСДРП и назначении в Русское бюро ЦК. Именно по предложению Ленина Сталин был назначен на пост наркома по делам национальностей и наркома государственного контроля, реорганизованного позднее в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции.

Хотя Троцкий неоднократно требовал отстранения Сталина от военной работы, Ленин не спешил с этим решением, порой в большей мере поддерживая Сталина, чем Троцкого. Так, например, 23 октября 1918 г. Ленин дал Троцкому телеграмму:

"Сегодня приехал Сталин, привез известия о трех крупных победах наших войск под Царицыном... Сталин очень хотел бы работать на Южном фронте; выражает большое опасение, что люди, мало знающие этот фронт, наделают ошибок, примеры чему он приводит многочисленные. Сталин надеется, что ему на работе удастся убедить в правильности его взгляда, и не ставит ультиматума об удалении Сытина и Мехоношина, соглашаясь работать вместе с ними в Ревсовете Южного фронта, выражая также желание быть членом Высвоенсовета Республики.

Сообщая Вам, Лев Давыдович, обо всех этих заявлениях Сталина, я прошу Вас обдумать их и ответить, во-первых, согласны ли Вы объяснить лично со Сталиным, для чего он согласен приехать, а во-вторых, считаете ли Вы возможным, на известных конкретных условиях, устранить прежние трения и наладить совместную работу, чего так желает Сталин.

Что же меня касается, то я полагаю, что необходимо приложить все усилия для налаживания совместной работы со Сталиным"¹.

Личной встречи Сталина с Троцким тогда не произошло, и Сталин на Южный фронт не вернулся. Но он был назначен членом Высшего Военного Совета республики. Как писал в 1937 г. в своих неопубликованных заметках Троцкий, "после завоевания власти Сталин стал чувствовать себя и действовать более уверенно, не переставая, однако, оставаться фигурой второго плана. Я заметил вскоре, что Ленин "выдвигает" Сталина. Не очень задерживаясь вниманием на этом факте, я ни на минуту не сомневался, что Лениным руководят не личные пристрастия, а деловые соображения. Постепенно они выяснились мне. Ленин

¹ "Ленинский сборник", XXXVII, с. 106.

ценил в Сталине характер: твердость, выдержку, настойчивость, отчасти и хитрость как необходимое качество в борьбе. Самостоятельных идей, политической инициативы, творческого воображения он от него не ждал и не требовал. Помню во время гражданской войны я расспрашивал члена ЦК Серебрякова, который тогда работал вместе со Сталиным в Реввоенсовете Южного фронта: нужно ли там участие их обоих? Не смог ли Серебряков, в целях экономии сил, справиться и без Сталина? Подумав, Серебряков ответил: "Нет, так нажимать, как Сталин, я не умею, это не моя специальность". Способность "нажимать" Ленин в Сталине очень ценил. Сталин чувствовал себя тем увереннее, чем больше креп и рос государственный аппарат "нажимания". Надо прибавить: и чем больше дух 1917 г. отлетал от этого аппарата".

В этих словах Троцкого есть немало верного. Надо добавить лишь, что Сталин не просто "выдвигался" Лениным, но и сам активно стремился выдвинуться в "фигуры первого плана", используя поддержку Ленина. К тому же "дух 1917 г." — это не только дух революции, свободы, но и дух бесконечных митингов, манифестаций, анархии, отсутствия дисциплины. Троцкий прекрасно чувствовал себя и в этой атмосфере. Но Сталин был достаточно умен, чтобы не соперничать на поприще агитатора с другими революционерами. Он ждал, когда пригодится его умение "нажимать" и его мастерство политической интриги. Сталин был молчалив даже тогда, когда находился в небольшом кругу знакомых. Он умел, однако, придавать своим коротким репликам особую значительность. Это заметил и такой далекий от политики человек, как Ф. И. Шаляпин, случайно встретивший Сталина на квартире у Демьяна Бедного. "Сталин, — писал позднее Шаляпин, — говорил мало, с довольно сильным кавказским акцентом. Но все, что он говорил, звучало довольно веско, может быть потому, что это было коротко. Из его неясных для меня по смыслу, но энергичных по тону фраз я выносил впечатление, что этот человек шутить не будет. Если нужно, он так же легко, как легка его поступь лезгина в мягких сапогах, и станцует и взорвет храм Христа Спасителя, почту, телеграф, что угодно"¹.

Сталин ушел с военной работы почти в самом конце гражданской войны. Это не было понижением или отставкой. Ему надо было сосредоточить внимание на работе в Наркомнаце; Советская власть утвердилась почти во всех национальных районах. Несколько раз Сталин выезжает на Северный Кавказ и в Азербайджан, принимает делегации различных народностей. Гораздо меньше внимания он уделяет работе в Наркомате рабоче-крестьянской инспекции. Ему приходится участвовать в

¹ "Известия", 1962, № 249.

работе не только Политбюро и Оргбюро, но и нескольких постоянных комиссий ЦК РКП (б), а также ВЦИК.

В период, когда партию лихорадила так называемая профсоюзная дискуссия, Сталин был мало активен, хотя он и поддерживал платформу Ленина и выступал против тезисов Бухарина и Троцкого. На X съезде РКП (б) Сталин выступил с докладом по национальному вопросу. Вскоре после того, как Красная Армия вступила в Грузию и власть меньшевиков в этой республике была свергнута, Сталин приехал в Тифлис. При его участии было сформировано большевистское руководство Грузии и всего Закавказья. Однако попытки Сталина выступить перед рабочими кончились плачевно, его освистали на митинге грузинских железнодорожников. Он так и не смог произнести речь и ушел с митинга под охраной русских чекистов. Вместо него выступил видный меньшевик Исидор Рамишвили, которого рабочие подняли на руках. Эта неудача усилила его неприязнь к Грузии, где он впоследствии почти никогда не бывал. Он все более чувствовал, что его родина — не маленькая Грузия, а большая Россия.

На XI съезде партии Е. А. Преображенский предложил несколько ограничить полномочия Сталина. Он сказал в своей речи:

“Или, товарищи, возьмем, например, т. Сталина, члена Политбюро, который является в то же время наркомом двух наркоматов. Мыслимо ли, чтобы человек был в состоянии отвечать за работу двух комиссариатов и, кроме того, за работу в Политбюро, в Оргбюро и десятке чекистских комиссий?”¹

На это В. И. Ленин ответил так:

“Вот Преображенский здесь легко бросал, что Сталин в двух комиссариатах. А кто не грешен из нас? Кто не брал нескольких обязанностей сразу? Да и как можно делать иначе? Что мы можем сейчас сделать, чтобы было обеспечено существующее положение в Наркомнаце, чтобы разбираться со всеми туркестанскими, кавказскими и прочими вопросами? Ведь это все политические вопросы! А разрешать эти вопросы необходимо, это — вопросы, которые сотни лет занимали европейские государства, которые в ничтожной доле разрушены в демократических республиках. Мы их разрешаем, и нам нужно, чтобы у нас был человек, к которому любой из представителей наций мог бы пойти и подробно рассказать, в чем дело. Где его разыскать? Я думаю, и Преображенский не мог бы назвать другой кандидатуры, кроме товарища Сталина.

То же относительно Рабкринна. Дело гигантское. Но для того, чтобы уметь обращаться с проверкой, нужно, чтобы во главе

¹ “Одиннадцатый съезд РКП (б). Март — апрель 1922 года. Стенографический отчет”. М., 1961, с. 84 — 85.

стоял человек с авторитетом, иначе мы погрязнем, потонем в мелких интригах”¹.

Ленин был настолько расположен в 1918 — 1921 гг. к Сталину, что лично заботился о том, чтобы подыскать ему в Кремле спокойную квартиру. Он сделал выговор Г. Орджоникидзе за то, что тот оторвал Сталина от отдыха на Северном Кавказе. Ленин просил разыскать врача, лечившего Сталина, и прислать его заключение о состоянии здоровья Сталина. Однажды полусерьезно Ленин предложил Сталину жениться на своей младшей сестре Марии Ильиничне. Он был уверен, что Сталин все еще холост, и удивился, когда тот сказал, что женился и что его жена работает в Секретариате ЦК. После 1921 г. отношение Ленина к Сталину изменилось.

XI съезд РКП (б) не уменьшил полномочий Сталина, который был вновь избран в ЦК партии. На пленуме ЦК 3 апреля 1922 г. Сталин был избран в Политбюро и Оргбюро ЦК. На пленуме решено было учредить новую должность — генерального секретаря ЦК и назначить на нее Сталина. В “Краткой биографии” Сталина можно прочесть, что именно по предложению Ленина пленум избрал Сталина генеральным секретарем ЦК. Троцкий позднее утверждал, что Ленин был скорее против выдвижения Сталина. Ленин якобы “самоустранился” от решения этого вопроса, высказав лишь ряд сомнений. Именно в эти дни Ленин якобы и произнес столь часто цитируемую Троцким фразу: “Этот повар способен готовить только острые блюда”.

Но что значит “самоустранился”? На открытии пленума ЦК председательствовал Л. Б. Каменев, который и предложил избрать Секретариат ЦК в новом составе. Но невозможно предположить, чтобы состав Политбюро, Оргбюро и Секретариата не был предварительно согласован с Лениным. “Биографическая хроника” жизни и деятельности В. И. Ленина следующим образом излагает, руководствуясь материалами партийных архивов, день 3 апреля 1922 г.: “Апрель, 3. Ленин участвует в заседании пленума ЦК РКП (б), избирается членом Политбюро ЦК и утверждается кандидатом в состав делегации РКП (б) в Коминтерне. В ходе заседания Ленин просматривает повестку дня, дополняет ее рядом пунктов, делает отметки и подчеркивания; вносит написанный им проект постановления об организации работы Секретариата ЦК. Пленум принял решение установить должность генерального секретаря и двух секретарей ЦК. Генеральным секретарем был назначен И. В. Сталин, секретарями В. М. Молотов и В. В. Куйбышев.”².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 122.

² “Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника”, т. 12. М., 1982, с. 267.

Я уже не говорю о том, что все решения по персональным назначениям принимались на пленумах ЦК открытым голосованием, и нет никаких данных, чтобы Ленин или Троцкий воздержались при утверждении нового Секретариата ЦК.

Нельзя не отметить, что пост генсека вовсе не мыслился тогда как главный или даже очень важный пост в партийной иерархии. Секретариат подчинялся и Политбюро, и Оргбюро ЦК, а функции секретарей были ограниченными. Секретариат занимался в основном техническими и внутривнутрипартийными делами, не вмешиваясь в основные области государственного управления. Армия, ВЧК — ГПУ, ВСНХ, народное просвещение не были подконтрольны Секретариату ЦК. Основные наркоматы возглавляли видные члены ЦК, и их деятельность обсуждали на Политбюро или пленумах ЦК. Не занимался Секретариат и проблемами внешней политики и Коминтерна.

До весны 1919 г. те функции, которые позднее стали выполнять Оргбюро и Секретариат ЦК, фактически выполнял по совместительству Я. М. Свердлов, которому еще XI съезд РСДРП поручил возглавлять технический Секретариат ЦК РСДРП. После избрания Свердлова председателем ВЦИК он оставался работать секретарем ЦК. Именно Свердлов, а не Троцкий или Сталин был в 1917 — 1918 гг. вторым по авторитету и значению вождем большевистской партии. После его смерти в марте 1919 г. Ленин говорил:

“Та работа, которую он делал один в области организации, выбора людей, назначения их на ответственные посты по всем разнообразным специальностям, — эта работа будет теперь под силу нам лишь в том случае, если на каждую из крупных отраслей, которыми единолично ведал тов. Свердлов, вы выдвинете целые группы людей, которые, идя по его стопам, сумели бы приблизиться к тому, что делал один человек”¹.

В конце марта 1919 г. ответственным секретарем ЦК РКП (б) была избрана Е. Д. Стасова. Ей было трудно, и в ноябре того же года пленум ЦК избрал вторым секретарем ЦК Н. Н. Крестинского. В апреле 1920 г. был избран Секретариат ЦК в составе трех человек — Н. Н. Крестинского, Е. А. Преображенского и Л. П. Серебрякова. Ведущий фигурой в Секретариате стал Н. Н. Крестинский, который входил также в Оргбюро и Политбюро ЦК РКП (б). Однако все секретари ЦК поддержали во время профсоюзной дискуссии платформы Троцкого или Бухарина, и все они были переизбраны, когда после X съезда РКП (б) собрался первый пленум ЦК. В Секретариат были избраны В. М. Молотов, В. М. Михайлов и Е. М. Ярославский. Все они входили также и в Оргбюро ЦК. Однако Ленин был недоволен деятельностью этих деловых центров партии, обвиняя их в не-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 79.

допустимой волоките и бюрократизме. Предполагалось поэтому, что избрание генсеком Сталина, организаторские способности и крутой нрав которого были уже известны в партийных кругах, позволит навести порядок в рабочих органах ЦК. Таким образом, в назначении Сталина на новый пост не было ничего неожиданного. "Это было событие, — как писала Е. Я. Драбкина, — из числа тех, которым никто не придает особого значения и даже в партийных кругах не обратили на него внимания"¹. В этом, конечно, нет ничего удивительного. В апреле 1922 г. Ленин продолжал стоять во главе партии и правительства. Он был общепризнанным вождем революционных масс России. Поэтому избрание Сталина на пост генсека вопреки позднейшим легендам не носило характера выдвижения нового вождя и лидера партии или преемника Ленина.

Положение изменялось, однако, по мере усиления болезни Ленина, которая все чаще и чаще отрывала его от управления страной и партией. Сталин был не только генеральным секретарем ЦК, он входил также в Оргбюро и Политбюро ЦК, в Президиум ВЦИК, он был наркомом по делам национальностей и наркомом Рабоче-крестьянской инспекции. Именно Сталин превратился в ключевую фигуру партийного аппарата, под его руководством происходили перевыборы партийных органов на местах, что позволило ему произвести массовую перестановку кадров в составе губкомов, обкомов и ЦК национальных компартий. Во главе оргинструкторского отдела ЦК, учраспредотдела, агитпропотдела были назначены Л. Каганович, С. Сырцов, А. Бубнов, которые в то время активно поддерживали Сталина. Сталин подчинил своему влиянию и членов Оргбюро и Секретариата: В. М. Молотова, Я. Э. Рудзутака и А. А. Андреева. Вместе с ближайшим помощником Сталина И. П. Товстухой все они составляли первый "штаб" Сталина в аппарате ЦК РКП (б). Активно поддерживали Сталина в то время и такие члены ЦК, как В. В. Куйбышев, С. Орджоникидзе и А. И. Микоян. Тогда же начали выдвигаться в аппарате ЦК Л. Мехлис и Г. Маленков.

В первой половине 1922 г. состояние здоровья В. И. Ленина продолжало ухудшаться. В результате склероза мозга у него произошло расстройство речи, затруднилось движение левой и правой ноги. Через несколько недель эти явления прошли, но только в октябре 1922 г. Ленин сумел вернуться к работе. Он уже не мог не задумываться о своих преемниках.

В конце 1922 г. у Ленина начинают налаживаться политические и личные отношения с Троцким, резко ухудшившиеся во время профсоюзной дискуссии. Большее доверие Ленин оказы-

¹ Е. Я. Драбкина была секретарем Я. М. Свердлова. Позднее стала писательницей.

вает своему главному оппоненту в 1917 г. Л. Б. Каменеву. Последний становится первым заместителем Ленина по Совнаркому и в 1923 г. в период болезни Ленина председательствует на заседаниях Совнаркома и Политбюро. Что касается Сталина, то Ленин в 1922 г. все более отрицательно отзывался о его деятельности. Ленин был крайне недоволен попыткой Сталина, Бухарина и Сокольников ослабить монополию внешней торговли; помешать этому могло только энергичное вмешательство Ленина. Резко критиковал Ленин и политику Сталина в национальном вопросе. Дело в том, что как раз во время болезни Ленина Сталин провел через комиссии ЦК свое предложение об "автономизации", то есть о вступлении национальных республик в РСФСР на началах автономии.

В первоначальном проекте Сталина говорилось:

"Признать целесообразным формальное вступление независимых советских республик — Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении — в состав РСФСР... Признать целесообразным формальное распространение компетенции ВЦИК, СНК и СТО РСФСР на соответствующие центральные учреждения перечисленных в пункте I республик. Наркоматы: продовольствия, труда и народного хозяйства формально подчинить директивам соответствующих наркоматов РСФСР... Остальные наркоматы, как-то: юстиции, просвещения, внутренних дел, рабоче-крестьянской инспекции, земледелия, народного здоровья и социального обеспечения считать самостоятельными. ...Органы борьбы с контрреволюцией в упомянутых выше республиках подчинить директивам ГПУ РСФСР.

Член Комиссии И. Сталин¹"

По проекту Сталина должен был создаваться не Союз Советских Социалистических Республик, а Российская Федеративная Республика, включающая в свой состав все другие национальные образования.

В письме от 27 сентября 1922 г. Ленин осудил эти предварительные решения и предложил иное решение — создание нового государства — Союза Советских Социалистических Республик на основе равноправия РСФСР, Украины, Белоруссии и других республик. Именно это решение и было принято партией.

Сталин не занял правильной позиции и в том конфликте, который произошел между С. Орджоникидзе и руководством ЦК КП (б) Грузии по вопросам экономической политики Закавказского крайкома и прав Грузинской Советской Республики. Ленина очень взволновал этот конфликт и под его впечатлением он продиктовал в конце 1922 г. свои записки "К вопросу о национальностях".

В них, в частности, говорилось:

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 2479, л. 137.

"Из того, что сообщил тов. Дзержинский, стоявший во главе комиссии, посланной Центральным Комитетом для "расследования" грузинского инцидента, я мог вынести только самые большие опасения... Видимо, вся эта затея "автономизации" в корне была неверна и несвоевременна... Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого "социал-национализма". Озлобление вообще играет в политике обычно самую худшую роль... В данном случае по отношению к грузинской нации мы имеем типичный пример того, где сугубая осторожность, предупредительность и уступчивость требуются с нашей стороны поистине пролетарским отношением к делу".

Имея в виду не столько Орджоникидзе, сколько Сталина, Ленин далее писал:

"Тот грузин, который пренебрежительно относится к этой стороне дела, пренебрежительно швыряется обвинением в "социал-национализме" (тогда как он сам является настоящим и истинным не только "социал-националом", но и грубым великорусским держимордой), тот грузин, в сущности, нарушает интересы пролетарской классово-солидарности... Политически ответственным за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует считать, конечно, Сталина и Дзержинского"¹.

В январе 1923 г. Ленин не раз возвращался к оценке этого конфликта, причем, как можно судить по запискам его дежурных секретарей, Сталин препятствовал получению большим Лениным запрашиваемых им материалов.

5 марта 1923 г. Ленин пишет письмо Троцкому: "Уважаемый тов. Троцкий! Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под "преследованием" Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным. Если Вы почему-нибудь не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признаком Вашего несогласия. С наилучшим товарищеским приветом. Ленин"². Но Троцкий, ссылаясь на болезнь, отказался принять на себя это поручение Ленина.

Ничего не сделал и Л. Б. Каменев, когда Н. К. Крупская еще 13 декабря 1922 г. обратилась к нему с жалобой на грубость Сталина. Она писала: "Лев Борисович, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 360 – 361.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 329.

интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина... прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз. В единогласном решении Контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности. *Н. Крупская*"¹.

Ленин узнал об этом конфликте только в начале марта, вероятно, от Каменева. Возмущенный до глубины души, хотя со времени конфликта прошло более двух месяцев, он вызвал секретаря и продиктовал следующее письмо:

"Уважаемый т. Сталин! Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против моей жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения. С уважением *Ленин*. 5-го марта 1923 года"².

Сталин немедленно принес Крупской извинения и взял свои слова обратно. Он не посмел пойти на разрыв с Лениным.

На следующий день утром В. И. Ленин продиктовал еще одно письмо, в котором говорилось:

"*т. Мдивани, Махарадзе и др.* Копия — *т. Троцкому и Каменеву*."

Уважаемые товарищи!

Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь. С уважением *Ленин*. 6-го марта 23 г."³.

Приведенные нами три письма Ленина от 5 и 6 марта 1923 г. были его последними письменными документами. 6 марта в состоянии здоровья Ленина произошло новое ухудшение, а 10 марта его поразил еще один удар, который вызвал потерю речи и усилил паралич правой руки и ноги. Вряд ли следует сомневаться, что ухудшение здоровья было ускорено душевным

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 674 — 675.

² Там же, с. 329—330. Любопытно отметить, что эту записку Ленина Сталин хранил всю жизнь. Она была обнаружена у него в столе только после его смерти.

³ Там же, с. 300. Это письмо, как и письма Троцкому, вовсе не означают, что Ленин полностью соглашался с позицией Б. Мдивани и грузинского ЦК. Он требовал осторожности и внимания к национализму ранее подчиненных наций и считал гораздо большей опасностью великодержавный шовинизм.

состоянием Ленина. Впрочем, летом и осенью 1923 г. его здоровье улучшилось, он стал принимать у себя многих людей, совершать прогулки, однажды побывал в Москве, в Кремле. Он виделся и разговаривал с некоторыми крупными партийными и государственными деятелями. Но уже ни разу не встречался со Сталиным.

Как генсек Сталин занимался в конце 1922 и в первой половине 1923 г. многими делами, не забывая при этом об укреплении своих личных позиций в партии. Он имел свой план строительства партии, который был начерно изложен в заметке "О политической стратегии и тактике", написанной в июле 1921 г. и впервые опубликованной лишь в 1947 г. Эта заметка составляла развернутый план брошюры, и часть изложенных здесь мыслей Сталин использовал в своих последующих статьях. Но многие свои мысли он не решился предавать гласности по крайней мере до 1947 г. Уже слова "партия — это командный состав и штаб пролетариата" могут вызвать ряд возражений, ибо понятия "авангард" и "командный состав" далеко не идентичны. Но Сталин идет еще дальше и пишет: "Компартия как своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность.

Значение старой гвардии внутри этого могучего ордена. Пополнение старой гвардии новыми закалившимися... работниками"¹.

Сравнение коммунистической партии с церковно-рыцарским орденом "Братьев Христова воинства" (официальное название ордена меченосцев) могло прийти на ум бывшему семинаристу, но ни Ленину или Марксу, который называл все эти ордена "крестовой сволочью". Несомненно, что Сталину импонировало строго иерархическое построение ордена меченосцев по четырем рангам. Тот факт, что заметка Сталина была опубликована только в 1947 г., показывает, что мысль о превращении партии в подобие религиозного ордена, а затем и о создании внутри партии и государственного аппарата какой-то тайной элиты ордена, особой касты "посвященных" долго не оставляла Сталина. Эту мысль он высказывал в узком кругу еще в конце 30-х гг. Создание тайно оплачиваемой при помощи "пакетов" (о чем речь впереди) номенклатуры было, несомненно, шагом именно в этом направлении.

Болезнь Ленина, исход которой становился все более очевидным, а также усиление власти Сталина беспокоили многих лидеров партии. Осенью 1923 г. в Кисловодске в одной из пещер близ города состоялось неофициальное совещание отдохавших там руководителей партии, в котором приняли участие Зиновьев, Бухарин, Евдокимов, Лашевич, Ворошилов и некото-

¹ Сталин И. В. Соч., т. 5, с. 71—72.

рые другие. Формально речь шла об укреплении коллективного руководства партии. Зиновьев предложил тогда ликвидировать Политбюро и создать для руководства партией своеобразный триумvirат в составе Сталина, Троцкого и его, Зиновьева (вместо себя Зиновьев предлагал также Каменева или Бухарина). Мнения разделились, и план Зиновьева встретил возражения. Решили запросить самого Сталина. Позднее, на XIV съезде партии, касаясь этого эпизода, Сталин говорил: "В 1923 году, после XII съезда, люди, собравшиеся в "пещере",... выработали платформу об уничтожении Политбюро и политизировании Секретариата, т. е. о превращении Секретариата в политический и организационный руководящий орган в составе Зиновьева, Троцкого и Сталина... На вопрос, заданный мне в письменной форме, из недр Кисловодска, я ответил отрицательно, заявив, что, если товарищи настаивают, я готов очистить место без шума, без дискуссии, открытой или скрытой"¹.

Вполне возможно, что Сталину пришлось бы действительно "очистить" место главы партии. Однако вскоре внутри партии началась острая дискуссия с Троцким и его сторонниками, и положение в верхах ВКП (б) изменилось. Личная вражда между Зиновьевым и Троцким тогда была еще очень велика, и потому Зиновьев и поддержавший его Каменев не только решительно выступили против притязаний Троцкого, но и активно поддерживали Сталина, в котором они видели тогда своего главного союзника в развернувшейся политической борьбе.

СМЕРТЬ В. И. ЛЕНИНА

В то время как Сталин использовал предоставившиеся ему возможности для укрепления своих личных позиций в партии, Ленин, прикованный болезнью к постели, диктовал (иногда всего по 5 — 10 минут в день) свои последние статьи и предложения. Основная их идея — борьба против растущего бюрократизма и опасности раскола партии. Часть ленинских записок была адресована определенным лицам и, естественно, не предназначена для печати. Некоторые письма и предложения Ленин считал строго секретными. Но большую часть своих последних статей он просил немедленно опубликовать в газетах, которые с разрешения врачей ежедневно просматривал. Это относилось, в частности, к статьям "Как нам реорганизовать Рабкрин" и "Лучше меньше, да лучше", в которых Ленин резко критиковал Наркомат РКИ, во главе которого еще недавно стоял И. Сталин.

¹ "XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет". М. — Л., 1926, с. 506. См. также выступление К. Ворошилова на съезде (с. 398 — 399).

“Будем говорить прямо, — писал Ленин. — Наркомат Рабкрин не пользуется сейчас ни тенью авторитета. Все знают о том, что хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего Рабкрин, нет и что при современных условиях с этого наркомата нечего и спрашивать”¹.

Ленин предлагал поэтому полностью реорганизовать органы партийно-государственного контроля и создать сравнительно небольшой контрольный аппарат, члены которого должны пользоваться всеми правами членов ЦК и избираться в основном из рабочих и крестьян. Эти члены ЦКК, по мнению Ленина, “обязанные присутствовать в известном числе на каждом заседании Политбюро, должны составить сплоченную группу, которая “не взирая на лица”, должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет, ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК, не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел”².

Включению рядовых рабочих в ЦК и ЦКК Ленин придавал принципиальное значение, рассчитывая таким образом обновить и оздоровить правящую верхушку партии и государства. В подготовительных заметках к статье о Рабкрине Ленин писал: “Если мы запоздаем с этим делом, то мы не исполним одной из основных наших обязанностей, именно обязанности воспользоваться пребыванием у власти, чтобы научить лучшие элементы трудящихся масс всем деталям управления”³.

Статья Ленина о Рабкрине вызвала недовольство не только у Сталина, усмотревшего в ней личный выпад против себя, но и у части членов Политбюро. Редактор “Правды” Н. Бухарин, несмотря на свою любовь к Ленину и настояния Крупской, не решался напечатать эту статью. На заседании Политбюро В. Куйбышев предложил даже напечатать в одном экземпляре специальный номер “Правды” со статьей Ленина, дабы успокоить его. Это предложение не было принято. Статья о Рабкрине была все же опубликована в “Правде” 25 января 1923 г., статья “Лучше меньше, да лучше” — 4 марта того же года. Тем не менее на XII съезде партии, состоявшемся 17 — 25 апреля, вопрос о Рабкрине не был внесен в повестку дня и почти не обсуждался. Съезд партии не создал ЦКК с теми широкими полномочиями, какие предлагал дать этой комиссии Ленин. Правда, состав ЦКК был значительно обновлен и расширен, но большинство членов ЦКК находились уже давно на партийной и советской работе, хотя и происходили из рабочих и крестьян. Они не были “рядовыми рабочими”, которых нужно было еще учить “деталю уп-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 393.

² Там же, с. 387.

³ Там же, с. 449.

равления". ЦКК отнюдь не стала органом, равноправным с ЦК партии.

Обострившиеся разногласия внутри ЦК и происходившая в нем тайная и явная борьба за власть очень волновали Ленина, здоровье которого к осени 1923 г. заметно улучшилось. Он требовал от Крупской ежедневно читать ему газеты, хотя уже не вмешивался в партийные дела. Как рассказывает в своих мемуарах Е. Драбкина, Ленин часами сидел в одиночестве и иногда даже плакал, видимо, не только от бессилия, но и от обиды. По свидетельству Крупской, 19 и 20 января 1924 г. она читала Владимиру Ильичу только что опубликованные решения XIII партконференции, где подводились итоги дискуссии с Троцким. Слушая резкие по форме и не всегда справедливые по содержанию резолюции, Ленин снова начал волноваться. Чтобы его успокоить, Крупская сказала, что резолюции приняты единогласно. Вряд ли это могло удовлетворить Ленина, чьи наихудшие опасения начали сбываться. На следующий день в состоянии сильнейшего душевного волнения В. И. Ленин скончался.

Сталин был инициатором создания Мавзолея Ленина и мумифицирования его тела, против чего публично возражала Н. К. Крупская. Однако большинство членов Политбюро поддерживали Сталина. Можно согласиться с Р. Такером, что смерть Ленина принесла облегчение Сталину и "теперь можно было обожествить покойного". Создавая культ Ленина, Сталин готовил и свой собственный. "Сталину нужен был Ленин, которого не надо больше бояться и с которым не придется больше бороться"¹.

О "ЗАВЕЩАНИИ" В. И. ЛЕНИНА

В широком смысле слова "Завещанием" Ленина следует считать все те письма, статьи и записки, которые он продиктовал в конце 1922 — начале 1923 г. Однако в более узком смысле, говоря о "Завещании" Ленина, имеют в виду лишь несколько писем, в которых Владимир Ильич касается работы ЦК и дает персональные характеристики некоторым его членам. Мы приведем обширные выдержки из этих документов, учитывая их важность.

I

ПИСЬМО К СЪЕЗДУ

Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе.

Мне хочется поделиться с Вами теми соображениями, которые я считаю наиболее важными.

¹ Tucker Robert C. Stalin as Revolutionary. 1879 — 1929, p. 285.

В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни. Мне думается, что нашему Центральному Комитету грозили бы большие опасности на случай, если бы течение событий не было бы вполне благоприятно для нас (а на это мы рассчитывать не можем), — если бы мы не предприняли такой реформы. ...Что касается до первого пункта, т. е. до увеличения числа членов ЦК, то я думаю, что такая вещь нужна и для поднятия авторитета ЦК, и для серьезной работы по улучшению нашего аппарата; и для предотвращения того, чтобы конфликты небольших частей ЦК могли получить слишком непомерное значение для всех судеб партии... Мне думается, что устойчивость нашей партии благодаря такой мере выиграла бы в тысячу раз.

23. XII. 22г.

Ленин

II

Продолжение записок. 24 декабря 22 г.

Под устойчивостью Центрального Комитета, о которой я говорил выше, я разумею меры против раскола, поскольку такие меры вообще могут быть приняты...

Наши партия опирается на два класса и поэтому возможна ее неустойчивость и неизбежно ее падение, если бы между этими двумя классами не могло состояться соглашения. На этот случай принимать те или иные меры, вообще рассуждать об устойчивости нашего ЦК бесполезно...

Я имею в виду устойчивость, как гарантию от раскола на ближайшее время, и намерен разобрать здесь ряд соображений чисто личного свойства.

Я думаю, что основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов ЦК до 50, до 100 человек.

Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела.

Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия

не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно.

Я не буду дальше характеризовать других членов ЦК по их личным качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он также мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому.

Из молодых членов ЦК хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил), и относительно их надо бы иметь в виду следующее: Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики).

25.XII. Затем Пятаков — человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством..., чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе.

Конечно, и то, и другое замечание делается мной лишь для настоящего времени в предположении, что оба эти выдающиеся и преданные работники не найдут случая пополнить свои знания и изменить свои односторонности.

... *Ленин*

III

Продолжение записок. 26 декабря 1922 г.

... Я представляю себе дело таким образом, что несколько десятков рабочих, входя в состав ЦК, смогут лучше, чем кто бы то ни было другой, заняться проверкой, улучшением и пересозданием нашего аппарата. ...Рабочие, входящие в ЦК, должны быть, по моему мнению, преимущественно не из тех рабочих, которые прошли длинную советскую службу..., потому что в этих рабочих уже создались известные традиции и известные предубеждения, с которыми именно желательно бороться.

В число рабочих членов ЦК должны войти преимущественно рабочие, стоящие ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в число советских служащих, и принадлежащие ближе к числу рядовых рабочих и крестьян... Я думаю, что такие рабочие, присутствуя на всех заседаниях ЦК, на всех заседаниях Политбюро, читая все документы ЦК, могут составить кадр преданных сторонников советского строя, способных, во-пер-

вых, придать устойчивость самому ЦК, во-вторых, способных действительно работать над обновлением и улучшением аппарата.

*Ленин*¹.

4 января 1923 г. Ленин продиктовал небольшое добавление:

"Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение.

*Ленин*¹.

Эти записки и письма были адресованы очередному XII съезду партии, который был намечен на весну 1923 г. Они были перепечатаны по желанию Ленина в пяти экземплярах: один для него, для Н. К. Крупской, один в секретариат Ленина. Ленин просил запечатать конверты сургучной печатью, пометив на них, что вскрыть их может только сам Ленин, а после его смерти — Крупская. Дежурный секретарь Ленина М. А. Володичева слова "а после его смерти" на конвертах не написала, но на словах передала об этом Н. К. Крупской.

Часть ленинских документов была доведена до сведения делегатов XII съезда партии. Однако основная часть ленинского "Завещания", в том числе его персональные характеристики членов ЦК, обнародована не была. Не обсуждал съезд и вопроса о перемещении Сталина с поста генсека. Состав ЦК был увеличен, однако среди семнадцати новых членов ЦК и тринадцати кандидатов в члены ЦК не было ни одного рабочего или крестьянина — все это были руководители крупных советских и партийных учреждений. Почему на XII съезде не было зачитано обращенное к нему письмо Ленина? Здесь не было умысла. Запечатанные сургучной печатью и строго секретные документы мог вскрыть лишь сам Ленин, а он был парализован и лишился речи. Н. К. Крупская смогла вскрыть эти письма только после смерти Ленина. Таким образом, создалась ситуация, не предусмотренная в распоряжениях Ленина.

Что можно сказать о содержании ленинского "Завещания"? Почему он ограничился характеристикой только шести членов

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 343 — 348.

ЦК и ничего не сказал о таких влиятельных членах ЦК, как А. Рыков, М. Калинин и др. Я думаю, что Ленин ясно представлял себе, что в случае его смерти именно перечисленные шесть человек составят ядро партийного руководства, борьба внутри которого и таила в себе угрозу раскола партии. Особенностью ленинского документа было то, что он указывал не только на положительные качества лидеров ЦК, но и на их существенные недостатки. В своем письме Ленин предлагал освободить Сталина от поста генерального секретаря ЦК, но он не подвергал сомнению возможность и необходимость сохранения Сталина в руководстве. Отсюда и употребление слова "переместить", а не "сместить". Ленин не предложил также никакой новой кандидатуры на пост генсека.

В своих книгах, написанных за границей, Троцкий приписывает Ленину желание видеть именно Троцкого своим преемником. Даже "Завещание" Ленина Троцкий трактует в этом духе. Так, например, во втором томе своей автобиографии Троцкий писал, что Ленин и "намечал создание при ЦК комиссии по борьбе с бюрократизмом. Мы оба должны были войти в нее. По существу эта комиссия должна была стать рычагом для разрушения сталинской фракции, как позвоночника бюрократии, и для создания таких условий в партии, которые дали бы мне возможность стать заместителем Ленина, по его мысли: преемником на посту председателя Совнаркома.

Только в этой связи становится полностью ясен смысл так называемого завещания. Ленин называет в нем всего шесть лиц и дает их характеристики, взвешивая каждое слово. Бесспорная цель завещания: облегчить мне руководящую работу. Ленин хочет достигнуть этого, разумеется, с наименьшими личными трениями¹. В другом месте этой же книги Троцкий утверждает:

"Помимо общеполитических задач, открытая Лениным кампания [речь идет о высказываниях Ленина по национальному вопросу. — Р. М.] имела непосредственно своей целью создать наиболее благоприятные условия для моей руководящей работы либо рядом с Лениным, если бы ему удалось оправиться, *либо на его месте*, если бы болезнь одолела его. Но не доведенная до конца, ни даже до середины борьба дала прямо противоположные результаты"². [Курсив мой. — Р. М.]

"Все это явная фантазия действительно "чрезмерно хватающего самоуверенностью" Троцкого. Ленин не случайно не хотел называть своего преемника. Среди всех шести перечисленных им лидеров партии он не видел никого, кто мог бы заменить

¹ Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии, т. 2. Берлин, 1930, с. 217.

² Там же, с. 226.

его на посту фактически единоличного руководителя партии и государства. Стараясь более равномерно распределить между этими людьми все главные посты (отсюда и предложение о перемещении Сталина), Ленин полагал, что только совместно и под жестким контролем ЦК и ЦКК они смогут вести дальше партию в сложных условиях того времени. В этом-то и состоит подлинный смысл ленинского документа. Ленин действительно тщательно взвешивал в своем "Завещании" каждое слово. Здесь нет обычной для Ленина резкости в оценках. Однако при внешне мягких формулировках в небидных, казалось бы, выражениях скрывался острый политический смысл. О каждом из своих соратников Ленин говорит что-то чрезвычайно лестное. Сталин — "выдающийся вождь современного ЦК". Троцкий — "самый способный человек в нынешнем ЦК". Бухарин — "ценнейший и крупнейший теоретик партии". Пятаков — "человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей". Но одновременно каждому из них Ленин дает и уничтожающую по смыслу, но не по форме политическую характеристику. Разве можно доверить единоличное руководство партии грубому, нетерпимому, нелояльному и капризному Сталину или чрезмерно самоуверенному и увлекающемуся администрированием Троцкому, меньшевизм которого, как и "октябрьский эпизод" у Каменева и Зиновьева, Ленин не считает чем-то случайным. Нельзя, конечно, доверить руководство партией и Бухарину, взгляды которого "лишь с очень большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским", или Пятакову, на которого вообще трудно положиться в "серьезном политическом вопросе".

Ленин в данном случае отлично понимал важность своих оценок. И если у "Завещания" есть главный смысл, то он состоит в том, чтобы не позволить никому из перечисленных Лениным людей занять то место в партии, которое занимал в ней он сам. По мысли Ленина, его оценки должны стать той уздой, при помощи которой партия сможет удержать в определенных рамках политические амбиции и честолюбие ее наиболее выдающихся руководителей.

Н. К. Крупская вскрыла пакеты с ленинским письмом после смерти Владимира Ильича. Письмо было адресовано XII съезду РКП (б), который уже прошел. Крупская решила подождать несколько месяцев и передать письмо XIII съезду партии, назначенному на май 1924 г. За несколько дней до съезда она принесла письмо Ленина на пленум ЦК ВКП (б). В книге бывшего секретаря Политбюро (а не секретаря Сталина, как сказано в заголовке) говорится, что "Завещание" Ленина было прочитано на заседании пленума ЦК, то есть еще до съезда¹. Это неверно.

¹ См.: Бажанов Борис. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Франция, 1980, с. 106 — 107.

Участники пленума не были ознакомлены с ленинским документом. О его содержании знали только некоторые члены Политбюро, которые прочли сопроводительную записку Крупской, в которой говорилось, что "Владимир Ильич выражал твердое желание, чтобы эта его запись после его смерти была доведена до сведения очередного партийного съезда"¹.

Утаить письмо Ленина от делегатов съезда было невозможно, хотя оно и произвело на всех "наиболее выдающихся руководителей ЦК" удручающее впечатление. Каменев, Зиновьев и Сталин решили, однако, не зачитывать письма Ленина на официальных заседаниях съезда. Оно было зачитано первоначально на собрании "старейшин" съезда, то есть руководителей провинциальных организаций партии. При этом Каменев предложил не производить никаких записей. Только на этом собрании о "Завещании" Ленина узнали Троцкий и его сторонники в ЦК РКП (б). Затем ленинский документ зачитывали на закрытых заседаниях отдельных делегаций, при этом никто не должен был делать записей и ссылаться на этот документ на заседаниях съезда. В наиболее крупных делегациях разъяснения по поводу письма Ленина делали Зиновьев и Каменев. В протоколы съезда все эти закрытые собрания и письмо Ленина не вошли.

При формировании руководящих органов партии после съезда Сталин, ссылаясь на "Завещание" Ленина, демонстративно отказался от поста генсека. Но Зиновьев и Каменев, а затем и большинство других членов ЦК убедили его взять свою отставку обратно. Вероятнее всего, перед съездом между Зиновьевым и Сталиным состоялось своеобразное соглашение. Сталин одобрил выдвижение Зиновьева основным докладчиком на XIII съезде и таким образом как бы продвигал этого честолюбивого и беспринципного человека на роль лидера партии. В свою очередь Зиновьев и Каменев должны были на съезде партии отстоять для Сталина пост генсека. Это, впрочем, не встретило возражений у партийного актива, тем более что Сталин обещал ухватить критику Ленина. В то время Сталин не мог еще действовать независимо от мнения других членов ЦК партии, а это исключало, казалось бы, возможность произвола. О личной диктатуре Сталина не могло быть и речи; напротив, именно Сталин выступал глашатаем "коллективного руководства". Он обвинял Троцкого в стремлении к единоличному руководству и защищал Зиновьева и Каменева от нападок Троцкого. В условиях ожесточенной борьбы с Троцким и его многочисленными сторонниками вопрос о грубости и капризности Сталина, активно выступавшего против Троцкого, казался многим членам ЦК действительно мелочью. Они не видели того, что видел Ленин.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 594.

Представляет интерес дальнейшая судьба ленинского "Завещания". В 1926 г. Борис Суварин во Франции и Макс Истман в США опубликовали этот документ, полученный, по-видимому, из кругов оппозиции. Советская печать объявила "Завещание" апокрифом. Однако в 1927 г. вопрос о "Завещании" был поднят и в ЦК ВКП (б). Пришлось признать, что такой документ действительно существует. В речи на пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) Сталин, зачитав выдержку из ленинского "Письма к съезду", заявил: "Да, я груб, товарищи, в отношении тех, которые грубо и вероломно разрушают и раскалывают партию. Я этого не скрывал и не скрываю". Как справедливо отмечал Л. С. Шаумян, Сталин в данном случае сознательно извратил смысл ленинского документа, ибо Ленин обвинял Сталина в грубости по отношению не к врагам партии, а к товарищам, имевшим большие заслуги перед партией¹.

Вопрос о "Завещании" Ленина был предметом обсуждения на XV съезде ВКП (б). Делегат съезда Е. П. Фролов так рассказывал об этом в своих неопубликованных воспоминаниях:

"Открывая тринадцатое утреннее заседание 9 декабря 1927 г., председательствующий Г. Петровский сказал: "Мы забыли проголосовать предложение т. Орджоникидзе о том, чтобы уважить просьбу Объединенного пленума ЦК и ЦКК в июле 1926 г. об опубликовании в "Ленинских сборниках" письма Ленина, которое часто называют "Завещанием" и о неопубликовании которого было решение XIII съезда ВКП (б). Позвольте поставить на голосование". Выступивший вслед Рыков предложил опубликовать не только то письмо, которое называется "Завещанием", но и другие письма по внутривнутрипартийным вопросам, приложив их к стенограмме. Съезд поддержал это предложение и единогласно принял решение опубликовать "Завещание" и письма по внутривнутрипартийным вопросам".

Но "Завещание" Ленина в стенографический отчет, изданный в 1928 г., не вошло. Не было оно опубликовано и в "Ленинских сборниках". Документ этот делегаты XV съезда (их было 1669 человек) могли все же прочесть в бюллетенях, издававшихся во время съезда "только для членов ВКП (б)"². Их могли получить делегаты съезда, и один из таких бюллетеней сохранился у Е. П. Фролова. В партийные организации эти бюллетени не поступали, хотя в выходных данных указывалось, что они печатаются тиражом в 13,5 тыс. экземпляров.

Во всяком случае, после XV съезда партийному активу стало больше известно о ленинском "Завещании". Однако в 30-е гг. об этом документе перестали говорить. С началом массовых репрессий он был объявлен фальшивкой. Обладатели бюл-

¹ "Философская энциклопедия", т. 3. М., 1964, с. 114.

² См.: Приложение I к бюллетеню № 30, с. 35 — 37.

летней XV съезда предпочитали уничтожить этот опасный документ. По свидетельству некоторых моих собеседников, им приходилось встречать в тюрьмах и лагерях коммунистов, приговоренных к длительным срокам заключения за "хранение контрреволюционного документа, так называемого ленинского завещания".

И. СТАЛИН В 1923 – 1924 гг.

В начале главы мы приводили портрет молодого Сталина. Разумеется, Сталин существенно изменился к 44 – 45 годам.

Он держался очень уверенно, но просто и несколько грубовато, что создавало контраст между ним и высокомерным Троцким и крайне амбициозным Зиновьевым. Поведение Сталина было более понятно и близко большинству партийных работников, для которых само слово "интеллигентность" было скорее синонимом трусливого либерализма и мягкотелости, чем пролетарской твердости. Жена видного советского дипломата А. А. Иоффе, эмигрировавшая в 1975 г. в Израиль, писала в своих воспоминаниях:

"Если и был человек, которого Иоффе положительно не выносил, так это был Сталин... Мы виделись со Сталиным. Встречались, например, в ложе дирекции в Большом театре на премьерях. Сталин появлялся здесь обычно в окружении ближайших соратников, были среди них Ворошилов, Каганович... Держался он таким простым, славным малым. Очень общительный, со всеми на дружеской ноге, но не было в нем ни единого правдивого жеста. Помню, как встретил он меня первый раз: "А, Мария Михайловна, слышал, слышал..." Вообще Сталин был редкостный актер, способный всякий раз, по обстоятельствам, менять маску. И одна из любимых его масок была именно эта – простой, душа нараспашку парень... Адольф Абрамович великолепно знал эту черту Сталина. Он никогда не верил ему и еще задолго до того, как Сталин обнаружил свое подлинное лицо, уже знал ему цену..."

Эти наблюдения Марии Иоффе довольно точны.

Много писал о личности Сталина Троцкий, который назвал как-то Сталина "самой выдающейся посредственностью в нашей партии". Эта формула потом часто повторялась в кругах оппозиции, хотя она ничего не могла объяснить. Победу Сталина над его соперниками Троцкий объясняет не столько качествами самого Сталина, сколько условиями, сложившимися в СССР в 1923 – 1927 гг. В одной из своих неопубликованных заметок от 4 января 1937 г. Троцкий писал:

"В 1923 или в 1924 г. И. Н. Смирнов, расстрелянный позже вместе с Зиновьевым и Каменевым, возражал мне в частной бе-

седе: "Сталин — кандидат в диктаторы? Да ведь это совсем серый и ничтожный человек". "Серый — да, ничтожный — нет", — отвечал я Смирнову. На ту же тему были у меня... споры с Каменевым, который, вопреки очевидности, утверждал, что Сталин — "вождь уездного масштаба". В этой саркастической характеристике была, конечно, частица правды; но только частица. Такие свойства интеллекта, как хитрость, вероломство, способность играть на низких свойствах человеческой природы, развиты у Сталина необычайно и при сильном характере представляют могущественные орудия в борьбе. Конечно, не во всякой. Освободительной борьбе трудящихся нужны другие качества. Но где дело идет об отборе привилегированных, об их сплочении духом касты, об обессилении и дисциплинировании масс, там качества Сталина почти незаменимы... И все же взятый в целом Сталин остается посредственностью. Он не способен ни к обобщению, ни к предвидению. Его ум лишен не только блеска и полета, но даже способности к логическому мышлению. Каждая фраза его речи преследует какую-то практическую цель; но речь в целом никогда не поднимается до логического построения. В этой слабости — сила Сталина. Бывают исторические задачи, разрешить которые можно, только отказавшись от обобщений; бывают эпохи, когда обобщения и предвиденье исключают непосредственные успехи: это эпохи сползания, снижения, реакции. Гельвеций говорил некогда, что каждая общественная эпоха требует своих великих людей, а когда таковых не находит, то она изобретает их... Можно применить к Сталину слова, сказанные Энгельсом о Веллингтоне: "Он велик в своем роде, а именно настолько велик, насколько можно быть великим, не переставая быть посредственностью. Индивидуальное "величие" есть в последнем счете — социальная функция".

В этой характеристике, конечно, больше истины, чем в приведенных Троцким словах Смирнова или Каменева. Но и она во многом неточна. Это видно из вывода, который делает Троцкий.

"Если бы Сталин мог с самого начала предвидеть, куда его заведет борьба с троцкизмом, он вероятно, остановился бы, несмотря на перспективу победы над всеми соперниками. Но он ничего не предвидел".

Нет, Сталин не остановился, даже если бы он заранее знал, какой ценой достанется ему победа над его противниками и его почти ничем не ограниченная власть. Возможно, он был бы готов заплатить и еще большую цену.

Вспоминая все известные ему высказывания о Сталине, Троцкий приводит также слова Бухарина о том, что Сталин прежде всего крайне ленивый человек. Это мнение (если Бухарин действительно высказывал его) ошибочно. Сталин был нетороплив и медлителен в действиях, но отнюдь не ленив.

В 1980 г. во Франции вышла в свет книга Б. Бажанова "Воспоминания бывшего секретаря Сталина". Б. Бажанов действительно работал с августа 1923 г. и до конца 1925 г. в секретариате Политбюро. В 1928 г. он бежал из СССР в Иран и впоследствии жил во Франции.

В своих воспоминаниях Б. Бажанов рисует не лишенный правдоподобия портрет Сталина в 1923 — 1924 гг.

Сталин мстителен, подозрителен, груб, у него нет каких-либо сдерживающих моральных принципов. Он умелый и хитрый интриган, чрезвычайно скрытный и хорошо владеющий собой. На нем всегда скромный костюм, и он ведет очень простой образ жизни. У него нет тяготения к роскоши или к благам жизни. Он живет в Кремле в скромно обставленной квартире, где раньше жила дворцовая прислуга. В то время как Каменев уже закрепил за собой превосходный "ролс-ройс", Сталин ездит по Москве на старом и простом "руссо-балте". Сталин не слишком образован, но умеет скрывать недостаток культуры; на заседаниях Политбюро говорит кратко и мало и не столько убеждает и полемизирует, сколько резюмирует в немногих словах мнение большинства. Человек сильной воли, он одновременно и чрезвычайно осторожен, а порой и нерешителен. Он часто не знает, как быть и что делать в трудной политической обстановке, но умеет скрывать свою нерешительность и нередко предпочитает идти за событиями, чем ими руководить. Женщинами Сталин не интересуется. Им владеет одна всепоглощающая страсть к власти, но он терпелив и умеет выжидать, прежде чем нанести удар по своим политическим конкурентам. От природы он неглуп и не лишен здравого смысла.

Однако, увлекаясь, Бажанов начинает добавлять к этому портрету немало фальшивых дорисовок. Он утверждает, например, что Сталин "никогда ничего не читает, ничем не интересуется". Он равнодушен к наукам, литературе, музыке. Он не читает даже литературно обработанных стенограмм своих речей и докладов.

"В первые дни моей работы, — пишет Бажанов, — я десятки раз в день хожу к Сталину докладывать ему полученные для Политбюро бумаги. Я очень быстро замечаю, что ни содержание, ни судьба этих бумаг его совершенно не интересуют. Когда я его спрашиваю, что надо делать по этому вопросу, он отвечает: "А что, по-вашему, надо делать?" Я отвечаю — по-моему, то-то: внести на обсуждение Политбюро или передать в какую-то комиссию ЦК, или считать вопрос недостаточно проработанным и согласованным и предложить ведомству его согласовать сначала с другими заинтересованными ведомствами и т. д. Сталин сейчас же соглашается: "Хорошо, так и сделайте". Очень скоро я прихожу к убеждению, что я хожу к нему зря и что мне надо проявлять больше инициативы. Так я и делаю. В секретариате Ста-

лина мне разъясняют, что Сталин никаких бумаг не читает и никакими делами не интересуется..."¹.

Все эти утверждения не соответствуют действительности. Никто не мог и в 1923 г. входить к Сталину в кабинет десятки раз в день, да еще без доклада. Сталин почти никогда не подписывал документа, не прочитав его внимательно. Он очень много читал: партийную прессу, наиболее заметные художественные произведения, специально переведенные для него материалы западной прессы, а также эмигрантскую литературу, не говоря уже о разного рода дипломатических документах, материалах, связанных с внутривнутрипартийной борьбой и т. п. Сталин нередко бывал на спектаклях МХАТа и Большого театра.

Требуется уточнения и взгляд на Сталина как на оратора и полемиста. Конечно, Сталин не был трибуном. Но он отнюдь не был плохим полемистом. Старый член партии И. А. Сац писал в своих неопубликованных воспоминаниях:

"Должен добавить несколько слов, объясняющих отчасти публицистическое и ораторское воздействие Сталина, дававшее ему преимущество перед более сильными, чем он, ораторами и публицистами. Каменев, Зиновьев, Бухарин, даже Троцкий несравненно хуже знали тексты ленинских сочинений. Эти люди гораздо ближе и чаще, чем Сталин, общались с живым Лениным, слушали его, спорили с ним, прочитывали только что напечатанное, но вряд ли много перечитывали. Они недостаточно чувствовали дистанцию между ним и собой. Сталин в отличие от них изучал и текстуально знал печатного Ленина. Он не затруднялся в подборе нужных ему цитат из Ленина. Здесь не место говорить, что свой догматический метод мышления (катехезис) он называл и, наверное, считал творческим. Оставим в стороне и то, что он вряд ли вполне сознательно и преднамеренно вел борьбу против марксистского диалектического метода, пронизывающего ленинское мышление. Сейчас нам важно отметить, что, переводя политические дискуссии на почву догматическую, Сталин легко ставил своих оппонентов в труднейшее положение, свободно и весьма убедительно манипулируя цитатами".

К сказанному следует добавить, что именно на 1924 г. приходится и наибольшая творческая активность Сталина. Работы этого года занимают целый шестой том в его Собрании сочинений. Именно в 1924 г. Сталин издал две свои главные теоретические брошюры: "Об основах ленинизма" и "Октябрьская революция и тактика русских коммунистов". В них он показал себя если не продолжателем, то достаточно умелым систематизатором взглядов Ленина.

¹ Бажанов Борис. Воспоминания бывшего секретаря Сталина, с. 55 — 56. Весьма неправдоподобна и рассказанная Бажановым история о чешском инженере-телефонисте, который смонтировал для Сталина устройство для прослушивания всех кремлевских телефонных разговоров и который после этого был расстрелян по распоряжению Сталина.

2

БОРЬБА СТАЛИНА С ОППОЗИЦИЕЙ

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Нельзя понять историю возникновения и развития сталинизма, не рассмотрев хотя бы вкратце историю внутрипартийной борьбы в ВКП (б) в 1923 — 1930 гг. Задача эта нелегкая, так как мало какой из вопросов нашей истории подвергался столь явной фальсификации, как вопрос об оппозиции. Уже в публикациях 20-х гг. многие эпизоды, факты, как и само направление происходившей борьбы, излагали крайне тенденциозно. При этом каждая сторона старалась представить своих оппонентов в наиболее непривлекательном виде, их слова искажали, ошибки и неточности преувеличивали. Грубость и нелояльность не только не пресекали, но и поощряли с одной и с другой стороны, что с самого начала придавало внутрипартийной борьбе крайне резкий характер. В 30-е гг. в советской печати лидеров оппозиции стали изображать уже как предателей и шпионов иностранных государств, завербованных на службу империалистических разведок еще с первых лет Советской власти.

Как известно, все активные участники оппозиционных течений были позднее физически уничтожены Сталиным. Только немногие рядовые участники оппозиции вернулись после XX съезда КПСС к своим семьям. Некоторые из них в своих мемуарах чрезмерно расхваливали тех или иных лидеров оппозиции. Их позицию можно понять, но с ней нельзя согласиться. Из того факта, что Сталин, оказавшись победителем в борьбе с оппозицией, узурпировал всю власть в стране и в партии, вовсе не следует, что именно Сталин в борьбе с оппозицией был кругом неправ, а его противники были во всем правы.

Было бы неправильным также, по примеру некоторых западных историков, изображать борьбу различных группировок в партии после смерти Ленина только как беспринципную борьбу за власть, прикрытую для видимости различного рода теоретическими рассуждениями. Нет, в 20-е гг. существовали серьезные теоретические и практические расхождения и идейная борьба, особенно по вопросу о возможностях, путях и методах строительства социализма в Советском Союзе. Верно, однако, и то, что для Сталина в этой борьбе главным был вопрос о власти. Умело

маневрируя между различными течениями и платформами, Сталин воспользовался борьбой различных фракций в партии, чтобы ослабить всех конкурентов и усилить свою власть и влияние.

Нетрудно убедиться в том, что вся предреволюционная история РСДРП наполнена борьбой различных течений, групп и фракций. Эта борьба не прекратилась и после конституирования большевиков в самостоятельную партию. Ленин вел борьбу с "правыми" течениями среди большевиков в 1917 г., с "левыми коммунистами" в 1918 г., с "военной оппозицией" в 1919 г., с "рабочей оппозицией" в 1920 — 1922 гг.; острая дискуссия возникла в партии в 1920 — 1921 гг. по вопросу о профсоюзах. В. И. Ленин считал борьбу различных течений и групп в партии вполне нормальным явлением, не противоречащим принципу демократического централизма. Ограничения такой борьбы могли носить только временный характер, как это и было записано в решениях X съезда РКП (б). Некоторое время и Сталин считал внутрипартийную борьбу не только нормальным явлением, но и достоинством большевистской партии, которая не замазывает внутренние противоречия, а преодолевает их путем борьбы течений и групп.

Борьба с инакомыслящими, которую вел В. И. Ленин и в РСДРП, и позднее в РКП (б), отнюдь не всегда была образцом лояльной и вежливой полемики. Он часто бывал неоправданно резок и груб со своими оппонентами, нередко прибегал к весьма оскорбительным формулировкам, а иногда даже оправдывал грубость. Но характерной чертой Ленина было полное отсутствие каких-либо личных мотивов во внутрипартийной борьбе. Ленину было совершенно чуждо чувство мести, даже обиды. Его главной целью было убедить в своей правоте партию, рабочих, а по возможности — своих оппонентов. И когда удавалось достичь согласия во взглядах, всякая резкость исчезала, сменяясь доброжелательностью, вниманием и дружеской поддержкой. Это можно видеть на примере отношения Ленина и Троцкого в 1912 — 1913 гг. и в 1917 — 1919 гг. Известно, с какой резкостью обрушился Ленин на Зиновьева и Каменева в октябре 1917 г., когда эти члены большевистского ЦК выступили против вооруженного восстания. Но сразу же после победы Октябрьской революции Зиновьев и Каменев признали свою ошибку и заняли видные посты в органах Советской власти. В своем письме к итальянским коммунистам в 1920 г. Ленин писал: "Перед самой Октябрьской революцией в России и вскоре после нее ряд превосходных коммунистов в России сделали ошибку, о которой у нас неохотно теперь вспоминают. Почему неохотно? Потому, что без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены"¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 417.

“Ленин умел быть снисходительным к ошибкам товарищей, — писала о нем М. И. Ульянова, — если эти ошибки вызывались не злой волей или нерадением... И тогда потерпевший товарищ находил всегда поддержку у Ильича и защиту от требовавших более суровых мер по отношению к виновному... И при виде этого новые силы находишь в себе и от ошибок избавляешься лучше, чем при применении строгости и взысканий, — лучше потому, что такой метод не вызывает озлобления, не приводит к подавленности человека, который и сам осознает свою ошибку”¹.

Примеров подобного отношения Ленина к бывшим оппозиционерам можно привести много. Так, например, в 1921 г. на X съезде партии Ленин предложил не только отметить в резолюции заслуги “рабочей оппозиции” в борьбе с бюрократизмом, но и включить лидера этой оппозиции А. Г. Шляпникова в состав ЦК. “Когда в ЦК, — говорил Ленин, — включается товарищ из “рабочей оппозиции”, это есть выражение товарищеского доверия.., это есть проявление высшего доверия, больше которого в партии не может быть”². И когда Шляпников заявил о своей отставке, именно Ленин предложил съезду резолюцию, отклоняющую отставку Шляпникова.

“Как особое задание Контрольной комиссии, — писал Ленин в октябре 1920 г. в Политбюро, — рекомендовать внимательно-индивидуализирующее отношение, часто даже прямое своего рода лечение по отношению к представителям так называемой оппозиции, потерпевшим психологический кризис в связи с неудачами в их советской или партийной карьере. Надо постараться успокоить их, объяснить им дело товарищески, подыскать им (без способа приказывания) подходящую к их психологическим особенностям работу, дать в этом пункте советы и указания Оргбюро Цека и т. п.”³.

Иначе относился к своим оппонентам Сталин. Еще в период внутривнутрипартийной борьбы 1913 — 1923 гг. он отличился чрезмерной резкостью, грубостью и нелояльностью, что и отметил Ленин в своем “Завещании”. Сталин мало заботился о переубеждении своих оппонентов и привлечении их к совместной работе. Он старался подчинить их своей воле, сломить их сопротивление, а если это не удавалось, то бесцеремонно отбросить в сторону. К тому же Сталин был крайне злопамятен и мстителен. Его оппоненты оставались для него личными врагами даже тогда, когда исчезал предмет спора и возникала необходимость совместной дружной работы. Правда, Сталин умел хорошо скрывать свои истинные чувства.

¹ “Из воспоминаний о Ленине”. М., 1928.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 110 — 111.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 394.

Для того чтобы показать различие методов и форм борьбы с оппозицией у Ленина и Сталина, небесполезно вспомнить одно из заседаний IV Всероссийского съезда профсоюзов 18 мая 1921 г. Как вспоминает старый профсоюзный деятель А. М. Дурмашкин¹, на этом заседании выступил Д. Б. Рязанов, защищая тезис о независимости профсоюзов от партии. Рязанов внес резолюцию с предложением о всеобщей натурализации заработной платы. Его предложение, противоречившее линии ЦК РКП (б), находило поддержку из-за резкого падения покупательной способности денег. Большинство фракции (это было заседание коммунистической фракции съезда) неожиданно проголосовало за резолюцию Рязанова, а не за резолюцию, подготовленную в ЦК партии. Прибывший на заседание Сталин пытался поправить положение. Но выступление Сталина было резким, раздраженным и изобиловало грубыми личными выпадами в адрес Рязанова и Томского, а также всей фракции. Это вызвало в зале протесты, выкрики и нервозность. В ответ на реплики Рязанова Сталин грубо бросил в его сторону: "Замолчите, шут гороховый!" Рязанов вскочил, ответил тем же. Напряжение нарастало. В конфликт между фракцией и ЦК пришлось вмешаться Ленину. Его речь отличалась от речи Сталина одной "мелочью" — она была глубоко аргументированной и убедительной. Ленин также весьма резко критиковал Рязанова и Томского. Но Владимир Ильич воздержался от каких бы то ни было личных выпадов и оскорблений. И он победил. Фракция съезда, только что голосовавшая вразрез с решением ЦК, подавляющим большинством отменила резолюцию, внесенную Рязановым, и одобрила решение ЦК.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О Л. Д. ТРОЦКОМ

В центре внутрипартийной борьбы в 1923 — 1927 гг., а позднее в центре борьбы со Сталиным как с вождем мирового коммунистического движения находился Л. Д. Троцкий.

О Троцком существует огромная литература. На Западе было издано большое количество биографий Троцкого, лучшей из них остается биография, написанная И. Дейчером. На русском языке за рубежом сравнительно недавно, в 1980 г., был издан сокращенный перевод с английского книги Д. Кармайкла "Троцкий". Очень много писал и сам Троцкий. Немало говорится о нем и в мемуарах старых большевиков, с которыми я мог ознакомиться главным образом по неопубликованным рукописям. Отрывки из них будут приведены во всех разделах книги.

¹ См.: "О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900 — 1922". М., 1963, с. 528 — 532.

Их следует, однако, предварить краткой биографической справкой.

Лев Давыдович Троцкий (Лейб Бронштейн) родился всего на два месяца раньше Сталина в имени своего отца — одного из очень немногих в России еврейских помещиков. Он окончил начальную еврейскую школу, а затем реальное училище, основанное немецкими колонистами в Одессе. К социал-демократическому движению молодой Троцкий примкнул в 1898 г., после первого ареста. Будучи сосланным в Сибирь, он бежал в 1902 г. за границу. Троцкий участвовал в работе II съезда РСДРП, на котором примкнул к меньшевикам. Однако вскоре он покинул фракцию меньшевиков, но не сделался большевиком. Долгое время Троцкий был одним из тех, кто называл себя "независимым" социал-демократом. Это помогло ему стать выдающимся полемистом, но он никогда не был кропотливым и настойчивым политическим организатором.

Когда началась первая русская революция, Троцкий возвратился в Петербург. Он принял активное участие в работе Петербургского Совета и некоторое время был одним из трех его сопредседателей, а также редактором "Русской газеты", которую он и его тогдашний политический друг и единомышленник А. Л. Парвус (Гельфанд) в течение месяца превратили из маленького либерального листка в массовую газету с 500-тысячным тиражом. Немало статей Троцкий публиковал и в ежедневной меньшевистской газете "Начало".

Петербургский Совет просуществовал всего 50 дней. Троцкий же возглавлял его всего около двух недель. В начале декабря 1905 г. столичный Совет был разогнан, а его руководство арестовано. Тем не менее эти короткие недели сделали Троцкого знаменитым в революционных кругах. Ленин уже тогда относился к Троцкому с унизительной иронией, называя его "пустомелей", "пустозвоном", "фразером", "типичным полуобразованным семинаристским болтуном", "стряпчим по темным делишкам". Случалось, однако, и Ленину отзываться о Троцком похвально.

"В революцию 1905 г., — писал А. Луначарский, — Троцкий выиграл в популярности больше всех... С этого времени Троцкий всегда находился в первых рядах. Невзирая на молодость, он оказался наиболее подготовленным. В нем менее всего ощущалась та особая эмигрантская узость, которая в то время мешала даже Ленину. Помню, как кто-то сказал в присутствии Ленина: "Ну, сегодня сильная личность — это Троцкий". Ленин на мгновение нахмурился, а затем произнес: "О да, Троцкий заслужил это своей неутомимой, блестящей работой"¹.

После разгона Петербургского Совета Троцкий был арестован.

¹ Кармайкл Джоэль. Троцкий. Иерусалим, 1980, с. 57.

станован и вновь сослан в Сибирь. Однако он бежал по дороге, сумел уехать из России и в 1907 г. участвовал в работе V съезда РСДРП в Лондоне. И здесь, на съезде, Троцкий не примкнул ни к фракции большевиков, ни к фракции меньшевиков, выступая, в сущности, от собственного имени. Он пытался поучать как большевиков, так и меньшевиков, опираясь на разработанную им и Парвусом теорию "перманентной революции". На лондонском съезде Троцкий и Сталин имели возможность познакомиться. Троцкий, однако, не заметил Сталина. Но Сталин хорошо запомнил Троцкого.

В эмиграции Троцкий познакомился почти со всеми наиболее известными лидерами европейской социал-демократии; ему удалось с большим трудом наладить выпуск своей небольшой газеты "Правда", которая издавалась еще с 1903 г. группой украинских меньшевиков, а с 1908 г. стала личным печатным органом Троцкого, выходившим в Вене примерно раз в две недели.

В то время как раскол между большевиками и меньшевиками возрастал и Ленин вел дело к тому, чтобы провозгласить большевиков самостоятельной партией, Троцкий опять занял примиренческую позицию, организовав так называемый "августовский блок", который объединял лишь очень малое число его приверженцев. Именно в этот период он особенно резко критиковал Ленина и его политику. Эта критика стала особенно яростной, когда большевики начали издавать в Петербурге свою газету под тем же названием — "Правда". Троцкому казалось, что не только крошечная венская газета, но и ее название являются едва ли не его личной собственностью.

Нападки Троцкого не остались без ответа со стороны Ленина. Именно в 1912 — 1913 гг. Ленин в своих статьях и особенно в частных письмах дал те крайне резкие и нелестные характеристики Троцкому, которые в более позднее время и на совсем иных этапах внутрипартийной борьбы постоянно цитировала наша печать. Ленин обвинял Троцкого в прямом обмане рабочих и сокрытии от них правды о "ликвидаторах". Ленин писал о Троцком как о "подлейшем карьеристе", "авантюристе", "интригане" и т. п. Именно в это время он употребил выражение "Иудушка Троцкий", сравнивая таким образом примиренческую деятельность Троцкого и лицемерные попытки примирения своей семьи со стороны Иудушки Головлева — героя романа Салтыкова-Щедрина.

"Августовский блок" просуществовал недолго, и вскоре после начала первой мировой войны Троцкий порвал формальные связи с меньшевиками. Позиция Троцкого в годы войны становилась все более близкой к позиции большевиков. Когда после Февральской революции Троцкий сумел из США вернуться в Россию — на месяц позже Ленина, огромная толпа под красными знаменами вынесла его на руках из поезда.

В Петрограде Троцкий возглавил небольшую группу так называемых "межрайонцев", возникшую еще в 1913 г. В ней насчитывалось не более 500 человек, однако в нее входили такие блестящие пропагандисты и ораторы, как М. М. Володарский, А. А. Иоффе, А. В. Луначарский, Д. З. Мануильский, М. С. Урицкий и др. Уже на выборах в районные думы Петрограда в мае — июне 1917 г. большевики выступали в блоке с "межрайонцами". На конференции в начале июля "межрайонцы" приняли решение о вступлении в партию большевиков. VI съезд большевистской партии поддержал это решение. Л. Д. Троцкий был избран членом ЦК РСДРП. После завоевания большевиками мандатов в Петроградском Совете Троцкий снова, как и в 1905 г., был избран председателем этого Совета.

Как председатель Петроградского Совета и как член ЦК партии Троцкий проделал в решающие недели перед Октябрем очень большую работу.

"Вообще в 1917 г., — писал в своих воспоминаниях старый большевик А. П. Спундз, — Троцкий проявил свои лучшие качества. Он был кумиром петроградских митингов, его политическая линия вызывала тогда большую симпатию к нему. В этот период в его действиях чувствовался Дантон в варианте 1917 г. Решительность и смелость проявлялись у него во всем. А то, что ему не хватало ни ленинской глубины перспективы, ни ленинского беспредельного подчинения всех своих человеческих чувств делу победы социализма, в тот период практически не чувствовалось... Троцкий был одним из лучших ораторов революции. Говорил он всегда с изумительным блеском, с высоким мастерством популярной передачи даже трудной мысли, хотя принципиальный фундамент часто был несоразмерен с ораторским талантом"¹.

Большинство наблюдателей и участников революционной борьбы в Петрограде не без оснований считают, что Троцкий был в те дни даже не "одним из лучших", а лучшим оратором революции. Как свидетельствует М. Иоффе, не раз стенографировавшая по поручению ЦК РСДРП выступления Ленина, Луначарского и Троцкого, "Троцкий обладал только ему присущим талантом — доводить аудиторию до высшей точки накала. Именно это произошло во время его выступления в Народном доме, когда он в разгар своей речи вскинул вверх два пальца и воскликнул: "Клянитесь, что вы поддержите пролетарскую революцию!" И вся аудитория, тысячи людей скандировали вслед за ним:

¹ А. П. Спундз был заместителем наркома финансов в первом Советском правительстве, позднее — членом ЦИК СССР и заместителем председателя Госбанка СССР. Он не был арестован в 1937 г., а лишь исключен из партии и работал кассиром-счетоводом в Мосторге. Свои воспоминания Спундз писал в 1947 — 1949 гг. Умер в 1962 г. Его воспоминания хранятся в архиве его семьи.

“Клянемся!” И стоящий впереди меня меньшевик Хачалава, ярый противник вооруженного восстания, вскинул вверх два пальца и тоже скандировал: “Клянусь!” Когда мы вышли на улицу, я спросила Хачалаву, как это получилось? И он ответил: “Часа через два я, наверное, приду в себя, но вы понимаете, когда стоишь и слушаешь этого человека, просто невозможно не следовать за ним”».

Незадолго перед Октябрьским вооруженным восстанием большие заслуги Троцкого отметил и В. И. Ленин, говоря о выдвижении кандидатов в Учредительное собрание от партии большевиков. “Никто не оспорил бы, — сказал Ленин, — такой, например, кандидатуры, как Троцкого, ибо, во-первых, Троцкий сразу по приезде занял позицию интернационалиста; во-вторых, боролся среди межрайонцев за слияние; в-третьих, в тяжелые июльские дни оказался на высоте задачи и преданным сторонником партии революционного пролетариата”¹.

Существует много самых различных легенд о роли Троцкого в непосредственной практической организации Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. С одной стороны, можно встретить тенденцию к непомерному преувеличению роли Троцкого. “В этот период, — писал, например, в 1965 г. проф. И. Дашковский, — имена Ленина и Троцкого неизменно шли рядом и олицетворяли собой Октябрьскую революцию не только на знаменах, плакатах и лозунгах Октября, но и в прочном сознании партии, народа, страны”².

В книге Дж. Кармайкла мы можем прочесть: “Одна из главных несообразностей этого странного переходного периода [речь идет о периоде с конца августа до конца октября 1917 г. — Р. М.] состояла в том, что в отсутствие Ленина роль самого авторитетного большевистского лидера — во всяком случае в глазах общественного мнения — перешла к Троцкому. Человек, который на протяжении пятнадцати лет был самым непримиримым врагом большевиков, вдруг стал их самым авторитетным трибуном! Фактически именно Троцкий, опираясь на партийную печать и аппарат партии, а также на свое положение законно избранного председателя Петроградского Совета, задумал и осуществил весь переворот”³.

Подобные утверждения ошибочны, и они противоречат общеизвестным фактам. Имя Троцкого в дни Октября действи-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 345.

² «Открытое письмо в редакцию журнала “Вопросы истории КПСС”», рукопись. И. Дашковский вступил в партию в 1917 г. и активно участвовал в революции и гражданской войне. Автор многих работ по экономике. Исключен из партии в 1927 г. за участие в оппозиции и затем около 30 лет подвергался различным репрессиям. После XX съезда КПСС реабилитирован по всем обвинениям.

³ Кармайкл Джозель. Троцкий, с. 118.

тельно стояло рядом с именем Ленина, но слова "рядом" и "наравне" имеют различный смысл. Даже широкая публика сознавала различный политический вес Ленина и Троцкого. Не было это секретом и для врагов большевистской партии. Что касается "прочного сознания партии", то имена Ленина и Троцкого не стояли здесь ни "рядом", ни "наравне". У партии большевиков был только один вождь — Ленин, и только он один был вдохновителем и руководителем Октябрьской революции. Кстати, в той самой рекомендации Ленина по кандидатурам в Учредительное собрание, которую мы цитировали выше, говорится: *"Само собой понятно, что из числа межрайонцев, совсем мало испытанных на пролетарской работе в направлении нашей партии, никто не оспорил бы такой, например, кандидатуры, как Троцкий"*. [Курсив мой. — Р. М.]

Совершенно неправ и Дж. Кармайкл. Еще в сентябре 1917 г. вся работа по практической подготовке Октябрьского вооруженного восстания проводилась под постоянным руководством Ленина, который почти ежедневно писал статьи, брошюры, посылал в ЦК и в ПК записки и письма. В начале октября Ленин был уже в Петрограде, и именно он руководил заседаниями ЦК большевистской партии, на которых было принято окончательное решение о восстании. Тот факт, что Ленин все еще скрывался на конспиративной квартире, а Троцкий выступал легально как председатель Петроградского Совета, никак не может служить основанием для приведенных выше утверждений Дж. Кармайкла.

Однако было бы неправильным и принижать значение Троцкого в дни Октября. В многотомной "Истории КПСС" в разделе о вооруженном восстании в Петрограде мы можем прочесть лишь о "дезориентирующем влиянии на ВРК выступлений Троцкого"¹. В энциклопедии "Великая Октябрьская социалистическая революция", изданной к 60-летию революции, содержатся сотни кратких биографий участников революции, но мы не найдем в ней имени Троцкого, хотя здесь есть большая статья о Сталине как одном из тех, кто руководил подготовкой и проведением Октябрьской революции. Имя Троцкого не упоминается даже в статье о Петроградском Совете, его можно найти лишь в общем перечислении имен членов Петроградского Военно-революционного комитета. Фальсифицируется роль Троцкого в дни Октября и в трехтомном труде академика И. И. Минца "История Великого Октября".

При всех разногласиях между Лениным и Троцким относительно условий и юридического обоснования переворота, раз-

¹ "История Коммунистической партии Советского Союза". Том третий. Март 1917 — 1920 гг. Книга первая (март 1917 — март 1918 г.). М., 1967, с. 321.

ногласий, которые ход событий свел к минимуму, роль Троцкого в практической подготовке и проведении Октябрьского переворота была исключительна велика. Здесь можно было бы сослаться на множество свидетельств непосредственных участников и очевидцев Октябрьского вооруженного восстания. Но мы сошлемся лишь на одно свидетельство — на статью "Октябрьский переворот", которая была опубликована в "Правде" 6 — 7 ноября 1918 г. за подписью И. Сталина. "Вдохновителем переворота, — говорится в этой статье, — от начала до конца был ЦК партии во главе с Лениным... Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета тов. Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом пролетариата на сторону Советов и умелой постоянной работой Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом Троцкому".

Эту статью, в которой, пожалуй, даже преувеличивается роль Троцкого, Сталин до начала 30-х гг. включал в сборники своих произведений.

Пожалуй, сам Троцкий был более скромнен. В своем "Дневнике" он писал: "Если бы меня не было в 1917 г. в Петрограде, Октябрьская революция все равно совершилась бы — при условии присутствия и руководства Ленина. Но если бы в Петрограде не было ни меня, ни Ленина, не было бы и Октябрьской революции..."¹

Мы не будем останавливаться здесь на поведении и политике Троцкого во время переговоров в Брест-Литовске по вопросу о заключении мирного договора с Германией. Ошибочность позиции Троцкого была доказана уже через несколько месяцев, когда германские войска начали свое февральское наступление. Но каждому объективному историку ясно, что в действиях и выступлениях Троцкого в те критические дни не было и тени "преднамеренного предательства", "капитулянтства", "измены", "провокации", "сговора с контрреволюцией", "смыкания с агрессивным империализмом" и т. п. Все эти определения, которые можно встретить в исторических работах 60 — 70-х гг., были привнесены в историческую науку во времена культа Сталина². Вводя в оборот эти формулировки, Сталин рассчитывал косвенным образом скомпрометировать и Ленина, ибо нужно было быть политическим слепцом, чтобы поручить через несколько месяцев "пособнику империализма" и "помощнику буржуазно-помещичьей контрреволюции" формирование и руководство Красной Армией.

¹ Кармайкл Джоэль. Троцкий, с. 186.

² См.; например: "Борьба партии большевиков против троцкизма в послеоктябрьский период". М., 1969, и др.

Немало легенд существует также о деятельности Троцкого в период гражданской войны. Сторонники Троцкого предпринимали много попыток представить его едва ли не главным организатором Красной Армии и ее основных побед над белыми армиями. В то же время можно упомянуть о многих попытках полностью перечеркнуть значение всей военной работы Троцкого, который был с 1918 г. народным комиссаром по военным и морским делам, а также председателем Реввоенсовета Республики. Эти попытки делали не только историки последующего периода, их предпринимали и в ходе событий. Мы уже говорили об отношении Сталина к распоряжениям Троцкого: на некоторых из них Сталин ставил резолюцию: "Не принимать во внимание". Неприязнь к Троцкому испытывали и многие другие армейские работники.

"На Юге, — писал, например, своему другу А. Сольцу старый большевик и армейский работник В. Трифонов, — творились и творятся величайшие безобразия и преступления, о которых нужно во все горло кричать на площадях, но, к сожалению, пока я это делать не могу. При нравах, которые здесь усвоены, мы никогда войны не кончим, а сами очень быстро скончаемся — от истощения. Южный фронт — это детище Троцкого и является плотью от плоти этого... бездарнейшего организатора... Армию создавал не Троцкий, а мы, рядовые армейские работники. Там, где Троцкий пытался работать, там сейчас же началась величайшая путаница. Путанику не место в организме, который должен точно и отчетливо работать, а военное дело именно такой организм и есть"¹.

Серго Орджоникидзе писал Ленину с того же Южного фронта: "Что-то невероятное, что-то граничащее с предательством... Где же эти порядки, дисциплина и регулярная армия Троцкого? Как же он допустил дело до такого развала? Это прямо непостижимо"².

Подобных сигналов Ленин получал немало — и от уполномоченных ЦК РКП (б), и от командующих отдельными армиями и фронтами. Тем не менее Ленин всегда достаточно высоко оценивал военно-организаторскую деятельность Троцкого и никогда не ставил вопрос о его замене на посту наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета. Дело в том, что Красная Армия создавалась в исключительно трудной обстановке, и Ленин, который был, безусловно, главным ее организатором и главным стратегом гражданской войны, хорошо понимал всю важность той работы, которую проводил в этом же направлении Троцкий. Несомненно, что деятельность Троцкого сыграла существенную роль в превращении Красной Армии из слож-

¹ Трифонов Ю. Отблеск костра. Исчезновение, с. 116 — 117.

² Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи, т. 1. М., 1956, с. 101.

ного конгломерата партизанских и полупартизанских формирований в регулярную и достаточно дисциплинированную военную машину. Троцкий сумел организовать работу в Красной Армии десятков тысяч царских офицеров — от младших офицеров до генералов включительно, и если Красная Армия не сумела бы выиграть гражданскую войну без военных комиссаров, то она не смогла бы ее выиграть и без военных специалистов. Троцкий был одним из главных инициаторов и проводников политики установления твердой дисциплины в Красной Армии. Его меры были суровы и не всегда справедливы, но они помогли превратить Красную Армию в более или менее четко действующий механизм. Как пишет Дж. Кармайкл, "Троцкий открыл "зеленую улицу" жестокости, присущей всякой гражданской войне: все, вплоть до смертной казни, могло быть оправдано интересами дела. Полное слияние Троцкого с Великой Идеей делало его неумолимым; слово "безжалостно" стало его любимым выражением. Он казнил одного из адмиралов (Счастливого) по обвинению в саботаже. Счастливый был назначен самими большевиками; он спас Балтийский флот и, преодолевая огромные трудности, привел его в Кронштадт и в устье Невы. Он пользовался большой популярностью среди матросов; твердая позиция по отношению к новой власти делала его совершенно независимым. Это раздражало Троцкого, который самолично выступил — к тому же единственным — свидетелем; не затруднив себя доказательствами, он просто заявил на суде, что Счастливый — опасный государственный преступник, который должен быть "безжалостно" наказан... Троцкий ввел и другую варварскую меру — захват заложников; по его приказу был составлен список родственников офицеров, ушедших на фронт"¹.

Хорошо известна жестокая расправа Троцкого с одним из полков, покинувших без приказа свои позиции. Троцкий приказал расстрелять не только командира и комиссара полка, но и каждого десятого красноармейца.

Подобным отношением Троцкий нажил себе немало врагов среди партийных и армейских работников. Но он приобрел также и много сторонников в армии и партийном аппарате, хотя и не сумел организовать из них какую-либо свою фракцию, что с немалым успехом начал еще тогда делать Сталин.

В. И. Ленин обычно одобрял все суровые меры Троцкого и вводимые им методы руководства армией. Однажды Ленин, чтобы подчеркнуть свое доверие к Троцкому, передал ему чистый бланк Председателя Совета Народных Комиссаров, написав в нижней его части: "Товарищи! Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходи-

¹ Кармайкл Джозель. Троцкий, с. 145 — 146.

мости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело. В. Ульянов-Ленин»¹. Естественно, что Троцкий хранил этот бланк чистым всю свою жизнь.

“Я был очень удивлен, — пишет в своих воспоминаниях о Ленине А. М. Горький, — его высокой оценкой организаторских способностей Л. Д. Троцкого. — Владимир Ильич подметил мое удивление. — Да, я знаю, о моих отношениях с ним что-то врут. Но что есть — есть, а чего нет — нет, это я тоже знаю. Он вот сумел организовать военных специалистов”².

Конечно, и у Троцкого как председателя Реввоенсовета было немало ошибок, хотя в целом деятельность его на этом посту может быть оценена лишь положительно. Троцкий не стал и не стремился стать полководцем в прямом смысле этого слова, он оставался по-прежнему штатским человеком. Он был именно народным комиссаром, а не командующим Красной Армии. Сам Троцкий поэтому настоял на введении в РВС должности главнокомандующего Вооруженными Силами республики. С 6 сентября 1918 г. до июля 1919 г. на этом посту находился бывший полковник царской армии И. И. Вацетис, а после него — С. С. Каменев, также бывший полковник царской армии, перешедший на сторону Советской власти.

Главным средством организации и сплочения Красной Армии для Троцкого оставалось слово. Его речи и статьи, воззвания и развернутые приказы играли большую роль, чем кропотливая практическая деятельность. Как справедливо пишет Дж. Кармайкл, “будучи по существу человеком глубоко штатским, Троцкий вынужден был с головой окунуться в путаницу фронтовых дел. 6 августа 1918 г. большевистские части оставили Казань — важнейший пункт на восточном берегу Волги. Стоило белым переправиться через реку, и путь на Москву был бы для них открыт. На следующий день Троцкий лично выехал на фронт в том самом поезде, в котором ему суждено было прожить, не считая кратких наездов в Москву, в течение двух с половиной лет. В Свяяжске, лежащем на другом берегу Волги, против Казани, он застал полный хаос — массовое дезертирство и абсолютную растерянность среди командиров и большевист-

¹ Троцкий Л. Моя жизнь., т. 2, с. 204.

² Горький М. В. И. Ленин. М., 1959, с. 12. В первом издании брошюры Горького есть такая фраза: “Ударив рукой по столу, он сказал: “Вот вы указали бы мне другого человека, который способен в год организовать почти образцовую армию, да еще завоевать уважение военных специалистов. У нас такой человек есть” (М., 1924, с. 37). Во втором издании Горький, сократив эту фразу, пишет, что после нее Ленин якобы сказал: “А все-таки не наш! С нами, а не наш. Честолюбив. И есть в нем что-то нехорошее, от Лассаля”. Я не думаю, что Горький здесь что-то выдумал. В 1924 г. он не мог и не стал бы писать все то, что Ленин говорил ему о Троцком.

ских комиссаров. Стоя под огнем вражеских орудий, он обратился к охваченным паникой солдатам и командирам с пламенной речью. Собрав их вокруг себя, Троцкий лично повел их обратно на линию огня. В сопровождении кронштадтских моряков он даже совершил ночную вылазку под Казань на разбитом торпедном катере; маленькая флотилия, проведенная кронштадтцами по Волге, заставила замолчать вражескую артиллерию на противоположном берегу. Троцкий вернулся без единой царапины; его присутствие решило судьбу вылазки¹.

Писатель Василий Аксенов, описывая в одном из очерков судьбу своего отца, участника гражданской войны, арестованного в 1937 г., но вернувшегося домой в 1956-м, приводит другой эпизод из деятельности Троцкого, относящийся к осени 1919 г.:

“В Ряжске был сборный пункт дезертиров. Набралось их здесь несколько тысяч. Это была разнузданная орда морально опустившихся, бешено орущих людей, а конвой наш был малочислен, слаб. Трудно сказать, почему они не перебили тогда нас, конвоиров. Должно быть, просто невозможно им было организоваться даже для такого нехитрого дела. Объединились они только в своей ненависти к комиссару, приехавшему с инспекцией из Москвы.

Мы вывели их за город в поле и кое-как организовали в огромное, гудящее, как взбешенный улей, каре. Здесь была сколочена шаткая трибунка для высокого московского комиссара.

Он подъехал в большой черной машине, сверкающей на солнце своими медными частями. Он был весь в коже, в очках и, что очень удивило нас, абсолютно без оружия. И спутники его тоже не были вооружены. Он поднялся на опасно качающуюся трибуну, положил руки на перила и обратил к дезертирскому безвременному воинству свое узкое бледное лицо.

Что тут началось! Заревело все поле, задрожало от дикой злобы. “Долой!” — орали дезертиры.

- Приезжают командовать нами, гады!
- Сам бы вшей покормил в окопах!
- Уходи, пока цел!
- Эх, винта нет, снял бы пенсию проклятую!
- Братцы, чего же мы смотрим в его паскудные окуляры!

Мы уже подняли винтовки для первого залпа в воздух, как вдруг над полем прокатился, как медленный гром, голос комиссара:

- Что это за люди? — Рукой он показывал на нас, конвоиров.
- Я спрашиваю, что это за люди с оружием? — снова прошелся над нами голос, похожий на звук, что тянется за нынешними реактивными самолетами. Дезертирство от неожиданности затихло, пораскрывало рты.

¹ Кармайкл Джоэль. Троцкий, с. 147.

— Это конвой, — четко доложил один из его спутников.

— Приказываю снять конвой.

Он набрал полную грудь воздуха, очки его сверкнули, и он заревел еще более тяжелым, еще более гневным голосом, толчки которого словно отдавались у каждого в груди:

— Перед нами не белогвардейская сволочь, а революционные бойцы. Снять конвой!

В тишине, последовавшей за этим, над полем вдруг взлетела дезертирская шапка, и чей-то голос выкрикнул одиночное "ура".

— Товарищи революционные бойцы! — зарокотал комиссар. — Чаша весов истории клонится в нашу сторону. Деникинские банды разгромлены под Орлом!

"Ура" прокатилось по всему полю, и через пять минут каждая фраза комиссара вызывала уже восторженный рев и крики:

— Смерть буржуйам! Даешь мировую революцию! Все на фронт!

И мы, конвоиры, о которых все уже забыли, что-то кричали, цепenea от юношеского восторга, глядя на маленькую фигурку комиссара с дрожащим над головой кулаком на фоне огромного, в полнеба, багрового заката, поднимающегося из-за горизонта, как пламя горящей Европы, как огонь американской, азиатской, австралийской, африканской революций¹.

Подобных эпизодов в деятельности Троцкого в годы гражданской войны было множество. Поэтому, не оспаривая приведенных выше свидетельств В. Трифонова или С. Орджоникидзе, мы должны согласиться также и с И. Дашковским, который писал в одном из своих неопубликованных очерков, что прибытие на какой-либо участок фронта поезда Троцкого было равносильно прибытию на фронт свежей дивизии.

Гражданская война в огромной степени способствовала росту известности и популярности Троцкого не только среди большого числа участников войны, зарубежных наблюдателей и друзей Октябрьской революции, но и внутри большевистской партии. Мало кто вспоминал теперь, что Троцкий вступил в партию большевиков лишь за несколько месяцев до революции, а перед этим активно боролся против большевиков. Острая профсоюзная дискуссия 1920 — 1921 гг., в которой Ленин и Троцкий снова оказались противниками, заметно ослабила влияние и вес Троцкого в партии. После победы в этой дискуссии ленинского большинства на X съезде РКП (б) многие сторонники Троцкого не были избраны в состав ЦК, а тем более в состав Оргбюро и Секретариата ЦК. Тем не менее и в 1921 — 1922 гг. Троцкого

¹ "Юность". Избранное. X. 1955 — 1965". М., 1965, с. 16 — 18. В данном очерке "Дикой" В. Аксенов не упоминает, естественно, имени Троцкого. Но и сам В. Аксенов, и его отец П. Аксенов подтвердили, что изображенный в очерке "высокий московский комиссар" — Троцкий.

считали вторым по значению деятелем большевистского руководства. На многих митингах и собраниях провозглашались здравицы в честь "товарищей Ленина и Троцкого", во многих советских и партийных учреждениях можно было видеть портреты Ленина и Троцкого. Имя Троцкого звучало в песнях и военных маршах. Это была, несомненно, высшая точка в карьере Троцкого как революционера и политического руководителя Советского государства. В этот период Ленин относился к Троцкому с подчеркнутым уважением, так же как и Троцкий к Ленину. Поэтому утверждать, подобно Палму Датту, что у Троцкого всегда была "злая, почти патологическая ненависть к Ленину, к основным принципам его учения и вообще к большевикам" — значит говорить явную неправду¹. "Троцкий, — писал в своих рукописных воспоминаниях в 60-е гг. старый большевик В. Громов, — выдающийся революционер. Он, конечно, не ленинец, но с Лениным в нашей партии работал вполне лояльно. Наша партия, созданная Лениным, являлась той силой, которая парализовала необузданное самолюбие и неприкрытый карьеризм Троцкого... Троцкого в нашей партии никто не знал лучше Ленина. Все, что было хорошего и плохого в этом противоречивом человеке, описано с точностью и добросовестностью нашим вождем... Не верьте тому, что писал о Троцком Сталин... Троцкий, пожалуй, единственный противник, не уклонившийся от борьбы, навязанной ему Сталиным, потому что после смерти Ленина он считал возможным занять пост вождя партии. Троцкий высоко ценил и всегда дорожил своим именем. Как человека честолюбивого, его всегда подкупали аплодисменты современников, но прежде всего он заботился о признании своей личности в глазах потомков. Он, как говорится, "бил на историю"... Сам Ленин показал., как надо относиться к Троцкому... Ленин в своем письме к съезду... назвал Троцкого "одним из выдающихся вождей современного ЦК". Это не пустые слова, это окончательное и последнее мнение основателя нашей партии о человеке, с которым он проработал более двадцати лет в чрезвычайной острой и не всегда ясной обстановке".

Положение Троцкого в партии и в государстве к началу 1923 г. было таково, что по мере развития болезни Ленина, принимавшей все более тяжелый и необратимый характер, не только сторонние наблюдатели, но и значительная часть большевиков искренне считали, что наиболее вероятным преемником Ленина как вождя партии и государства может стать только Троцкий. Но в руководстве партии были, однако, очень влиятельные силы, которые решили во что бы то ни стало помешать этому.

¹ Датт Р. Палм. Интернационал. Очерк истории коммунистического движения. 1848 — 1963. М., 1966, с. 188.

ХІІ СЪЕЗД ПАРТИИ И БОРЬБА ВНУТРИ ПОЛИТБЮРО ВЕСНОЙ 1923 г.

В первые месяцы 1923 г. политическое и экономическое положение молодой Советской республики продолжало оставаться очень трудным. Только-только начала восстанавливаться после разрухи промышленность и транспорт. Медленно оправлялось от последствий двух войн и засухи сельское хозяйство. Материальное положение рабочих и крестьян было крайне тяжелым. Особенно трагичной была участь миллионов беспризорных детей и подростков и миллионов безработных пролетариев и служащих. В это же время начала осуществляться новая экономическая политика, в городе и в деревне развивалась частная торговля, стали появляться частные промышленные предприятия, магазины, типографии, рестораны, посреднические конторы и т. п. Мелкие предприниматели, ремесленники, торговцы, богатые крестьяне начали оправляться от шока, вызванного революцией, продаждем, политикой "военного коммунизма". Это развитие частного предпринимательства способствовало улучшению общего экономического положения, облегчая решение неотложных хозяйственных проблем. Но оно же создавало немало политических осложнений и трудностей для партии.

В январе и феврале 1923 г. тяжелобольной Ленин продолжал диктовать свои последние статьи и письма; он просил читать ему литературу о международных отношениях, о кооперации, о научной организации труда. Владимир Ильич торопился более детально разработать основы новой политики партии, ее новых задач и новой структуры, а также изложить более глубокое понимание социализма. Однако после 10 марта эта работа была прервана новым, самым серьезным приступом болезни. Для тех, кто принадлежал тогда к верхам партии, становилось очевидным, что Ленин уже не сможет вернуться к полноценной политической деятельности. Естественно, возникал вопрос о преемнике Ленина.

С тревогой читая правительственное сообщение о значительном ухудшении здоровья Ленина, партийные функционеры и активисты прекрасно понимали, что Ленину как создателю и вождю большевистской партии и Советского государства нет и не может быть никакой адекватной замены. Однако, как армия во время военной кампании нуждается в новом командующем, если тяжело ранен прежний; как церковь нуждается в новом первосвященнике, если ушел в лучший мир прежний наставник, так и политическая партия, особенно в трудных политических условиях, нуждается не только в коллегии руководителей, но и в новом политическом лидере и истолкователе ее идеологической доктрины.

Как и предвидел Ленин, серьезно претендовать на роль нового лидера партии могли только три человека: Сталин, Троцкий и Зиновьев, поддержанный Каменевым. Правда, Сталин тщательно скрывал тогда свои претензии. В уже образовавшемся "триумvirате", или "тройке", в составе Зиновьева, Каменева и Сталина последний скромно держался "в тени" Зиновьева и Каменева. Претензии Зиновьева были основаны на его давней близости к Ленину как вождю большевистской партии. Претензии Троцкого были основаны на его заслугах в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания, в руководстве Красной Армией в годы гражданской войны и на его, казалось бы, очевидной для всех популярности. Именно Троцкому иностранные наблюдатели отдавали обычно предпочтение в своих прогнозах. Однако в Политбюро Троцкий был одинок, и на решающих постах в партийном аппарате было не так уж много его сторонников. Это очень ослабляло его позиции и делало невозможным переход Троцкого на роль главного лидера партии. Предстояла борьба за власть, и эта борьба наметилась еще в начале 1923 г. 14 марта 1923 г. "Правда" опубликовала статью К. Радека "Лев Троцкий — организатор победы". Но одновременно в списках стали распространяться анонимные памфлеты против Троцкого, которые в первую очередь напоминали о "небольшевистском" прошлом последнего. Р. Такер уверен, что эти памфлеты были инспирированы Сталиным¹. А. Луначарский одним из первых стал поднимать авторитет Зиновьева; Ем. Ярославский в ряде публикаций подчеркивал важную роль Сталина в революции и гражданской войне. Все эти литературные упражнения были лишь внешним проявлением той закулисной борьбы, которая велась в партийном аппарате и в которой инициатива принадлежала "триумvirату". Троцкий, конечно, многого не знал, но многое видел и о многом догадывался. У него были немалые возможности решительно противодействовать "тройке". Но первое, что он сделал, — это уклонился от борьбы. Троцкому была неприятна сама мысль о необходимости борьбы за власть, об организации своих сторонников, о каких-то закулисных маневрах. Он, вероятно, полагал, что переход лидерства в партии от Ленина к нему — Троцкому — будет носить характер какой-то автоматической торжественной процедуры. Но даже и там, где события развивались в этом направлении, Троцкий капризничал, отказываясь от удобных и выгодных, с точки зрения борьбы за власть, позиций и шансов.

Как известно, Ленин формально не занимал никаких руководящих постов в партии, он был ее вождем и руководителем в силу своего авторитета. Но Ленин был главой Советского правительства — Председателем Совета Народных Комиссаров. Имен-

¹ Tucker Robert C. Stalin as Revolutionary, p. 335.

но этот пост считался тогда наиболее важным. В 1922 г. у Ленина в СНК было три заместителя — Л. Б. Каменев, А. И. Рыков и А. Д. Цюрупа. Еще в апреле 1922 г. Ленин предложил и Троцкому стать его заместителем в СНК. Но Троцкий отказался, заявив при этом, что Ленин хочет сделать его только номинальной фигурой. Но это было не так, ибо в силу своего авторитета Троцкий не мог бы стать номинальной фигурой; он, несомненно, стал бы первым заместителем Ленина. Через несколько месяцев Ленин вернулся к этому вопросу. Вот как сам Троцкий излагает этот важный эпизод:

“Горячо, настойчиво, явно волнуясь, Ленин излагал свой план. Силы, которые он может отдавать руководящей работе, ограничены. У него три заместителя. “Вы их знаете. Каменев, конечно, умный политик, но какой же он администратор? Цюрупа болен. Рыков, пожалуй, администратор, но его придется вернуть на ВСНХ. Вам необходимо стать заместителем. Положение такое, что нам нужна радикальная личная перегруппировка”. Я опять сослался на “аппарат”, который все более затрудняет мне работу даже и по военному ведомству. — Вот вы и сможете перетряхнуть аппарат, — живо подхватил Ленин, намекая на употребленное мною некогда выражение. — Я ответил, что имею в виду не только государственный бюрократизм, но и партийный; что суть всех трудностей состоит в сочетании двух аппаратов и во взаимном укрывательстве влиятельных групп, собирающихся вокруг иерархии партийных секретарей... Чуть подумав, Ленин поставил вопрос ребром: “Вы, значит, предлагаете открыть борьбу не только против государственного бюрократизма, но и против Оргбюро ЦК?” Я рассмеялся от неожиданности. Оргбюро ЦК означало самое средоточие сталинского аппарата. — Пожалуй, выходит так. — Ну, что-ж, — продолжал Ленин, явно довольный тем, что мы назвали по имени существо вопроса, — я предлагаю вам блок: против бюрократов вообще, против Оргбюро в частности. — С хорошим человеком лестно заключить хороший блок, — ответил я. Мы условились встретиться снова через некоторое время”¹.

Л. Троцкий тотчас рассказал о предложении Ленина своим ближайшим друзьям И. Н. Смирнову, Л. Сосновскому, Х. Раковскому и некоторым другим. Но он не пишет, что же они посоветовали ему. Во всяком случае, известно, что Троцкий не принял и на этот раз предложения Ленина, и блок Ленин — Троцкий, направленный против Сталина, не стал политической реальностью.

В конце апреля 1923 г. должен был состояться очередной XII съезд РКП (б). Ленин с трудом оправлялся от последствий третьего удара, и было очевидно, что он не сможет принять

¹ Троцкий Л. Моя жизнь..., т. 2, с. 216.

участия в работе съезда. Возник вопрос, кто должен делать на съезде политический отчет от имени ЦК партии. Самой авторитетной фигурой в ЦК все еще оставался Троцкий. Поэтому вполне естественно, что на заседании Политбюро Сталин предложил ему взять на себя подготовку этого отчета. Сталина поддержали Калинин, Рыков и даже Каменев. Но Троцкий опять отказался, пустившись в путаные рассуждения о том, что "партии будет не по себе [?], если кто-нибудь из нас попытается как бы персонально заменить больного Ленина"¹. Поэтому Троцкий предложил провести съезд вообще без заслушивания политического отчетного доклада. Это было нелепое предложение, и оно, конечно, было отклонено. На одном из следующих заседаний Политбюро было принято решение поручить подготовку политического доклада Г. Зиновьеву, только что вернувшемуся из отпуска. Троцкий взялся сделать доклад о положении в промышленности, который был заслушан на восьмом заседании съезда.

Мы уже приводили выше крайне резкие высказывания и письма, в которых Ленин осудил позицию Сталина в национальном вопросе в целом и, в частности, по отношению к Грузии. Ленин хотел рассмотреть эти проблемы на XII съезде партии, но, опасаясь, что сам он не сможет принять участие в работе съезда, письменно просил Троцкого взять на себя эту задачу. Свою просьбу Ленин передал Троцкому и через Л. Фотиеву — одну из дежурных секретарей в Горках.

Троцкий признает (и большинство историков с ним соглашались), что если бы он выполнил просьбу Ленина и выступил на съезде по национальному вопросу, огласив все документы и письма Ленина (в том числе и те, которые Ленин собирался ему передать через Фотиеву), то любая дискуссия по этому вопросу кончилась бы политическим поражением Сталина и избрание последнего генеральным секретарем ЦК РКП(б) после съезда стало бы весьма затруднительным. И тем не менее Троцкий отказался выполнить просьбу Ленина, оставив без какой-либо поддержки грузинскую делегацию, о солидарности с которой свидетельствует самый последний из написанных Лениным документов². Троцкий не только позвонил в секретариат Ленина и отказался выполнить просьбу последнего, сославшись на болезнь³. Он пригласил к себе Каменева и предупредил его, что он, Троцкий, не будет выступать на съезде по национальным проблемам, что он не хочет поднимать на съезде никаких спорных вопросов, хотя по существу он согласен с Лениным. Троцкий даже добавил, что он не хочет никаких санкций против Сталина, Дзержинского и Орджоникидзе, которых требовал Ленин. Он, Троцкий, стоит за сохранение статус-кво.

¹ Троцкий Л. Моя жизнь..., т. 2, с. 227.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 330.

³ Там же, с. 674.

“Имейте в виду, — сказал Троцкий, — и передайте другим, что я меньше всего намерен поднимать на съезде борьбу ради каких-то организационных перестроек... Я хочу... честного сотрудничества наверху... Нужен крутой поворот... Необходимо, чтобы Сталин... на деле переменил свое поведение. Пусть не зарывается. Не нужно интриг. Нужно честное сотрудничество”¹.

Это был отказ от борьбы, причём от борьбы в блоке с Лениным против великодержавных амбиций Сталина. Троцкий добровольно упустил не только важный, но и, как выяснилось позднее, наиболее реальный шанс ослабить позиции Сталина и всей “тройки”. Конечно, Каменев, Зиновьев и Сталин были довольны. Но некоторые документы Ленина были известны другим членам ЦК, например Б. Мдивани. Поэтому Троцкий пошел дальше, он согласился с решением Политбюро запретить кому-либо оглашать на съезде документы и письма больного Ленина по национальному вопросу.

Позднее Троцкий пытался объяснить свое поведение какими-то нравственными соображениями. Он писал:

“Письма Ленина по национальному вопросу, как и его Завещание, никому не были известны. Мое выступление могло быть понято, вернее сказано, изображено, как моя личная борьба за место Ленина в партии и государстве. Я не мог без внутреннего содрогания думать об этом. Я считал, что это может внести такую деморализацию в наши ряды, за которую, даже в случае победы, пришлось бы жестоко расплачиваться”².

Троцкий приводит здесь доводы, с которыми трудно согласиться. О некоторых письмах Ленина по национальному вопросу знали в Политбюро. Но ведь и те документы, о которых никто еще не знал, Ленин просил Троцкого огласить на съезде как письма самого Ленина. При этом Ленин прямо писал Троцкому, что этот вопрос его очень волнует и что он будет спокоен лишь в том случае, если эту задачу возьмет на себя именно Троцкий. Отказ Троцкого, естественно, лишь усилил беспокойство и волнение Ленина. К тому же у Троцкого была возможность изменить свое решение, когда важнейшее из писем Ленина — “К вопросу о национальностях или об “автономизации” Л. А. Фотиева 16 апреля, то есть за несколько дней до съезда, передала в Политбюро. Троцкий помог своим молчанием скрыть этот документ от партии, и он был опубликован впервые только в 1956 г.³ Если Троцкий был так уверен, что Ленин именно его, Троцкого, хотел бы видеть своим преемником на посту руководителя государства и партии; если Троцкий видел, что Ленин не просто болен, но разбит параличом и не в состоянии говорить

¹ Троцкий Л. Моя жизнь..., т. 2, с. 224.

² Там же, с. 219.

³ См.: “Коммунист”, 1966, № 9.

и писать; если Троцкий видел также, что на место Ленина претендуют и Зиновьев, и Сталин, а этот вариант Троцкий считал опасным для партии, то его поведение в марте—апреле 1923 г. никак нельзя считать правильным для политика.

“Я до последней возможности уклонялся от борьбы, — писал Троцкий, — поскольку на первых своих этапах она имела характер беспринципного заговора, направленного лично против меня. Мне было ясно, что такого рода борьба, раз вспыхнув, неизбежно примет исключительную остроту и в условиях революционной диктатуры может привести к угрожающим последствиям. Здесь не место обсуждать вопрос о том, правильно ли было ценою величайших личных уступок стремиться сохранить почву коллективной работы или же нужно было самому перейти в наступление по всей линии, несмотря на отсутствие для этого достаточных политических оснований. Факт таков, что я избрал первый путь и, несмотря на все, не раскаиваюсь в этом. Есть победы, которые ведут в тупик, и есть поражения, которые открывают новые пути...”¹

Эти рассуждения неубедительны для политика. Борьба за власть и влияние не является чем-то позорным для профессионального политика, ибо это часть его жизни и профессии. В незаметной для внешнего наблюдателя борьбе в Политбюро весной 1923 г. Троцкий проявил полную пассивность и тем самым обрек себя на поражение. Это поражение действительно открыло новые пути и перспективы, но для возвышения... Сталина, который оказался не только менее щепетильным, но и более хитрым, умным и ловким, чем представлял Троцкий.

БОРЬБА С ТРОЦКИСТСКОЙ ОППОЗИЦИЕЙ В 1923 — 1924 гг.

XII съезд РКП (б) прошел относительно спокойно. С некоторыми документами Ленина, включая и его письмо “К вопросу о национальностях или об “автономизации”, делегаты съезда были ознакомлены лишь в конфиденциальном порядке. Б. Мдивани, пытавшийся процитировать отдельные места из этого письма, был остановлен председательствовавшим Л. Б. Каменевым. Более того, А. Енукидзе прямо заявил на съезде, что Ленин в данном частном вопросе “сделался жертвой односторонней, неправильной информации”². Проблему, которую Ленин считал исключительно важной и принципиальной, Орджоникидзе назвал в своем выступлении “надоевшей всем грузинской склокой”.

¹ Троцкий Л. Д. Что и как произошло. Шесть статей для мировой печати. Париж, 1929, с. 34 — 35.

² “Двенадцатый съезд РКП (б). 17 — 25 апреля 1923 года. Стенографический отчет”. М., 1968, с. 590.

Группа Б. Мдивани без всяких оговорок была осуждена как "национал-уклонистская".

Съезд мог, конечно, удовлетворить тщеславие Троцкого. Делегаты съезда устроили ему самую продолжительную овацию; во многих приветствиях к съезду имя Троцкого упоминалось рядом с именем Ленина. Однако с точки зрения политической и организационной съезд укрепил позиции "тройки", возглавляемой Зиновьевым. Сталин был вновь избран генеральным секретарем ЦК РКП (б).

Доклад о промышленности, который был прочитан Троцким на XII съезде партии, был, пожалуй, наиболее интересным, хотя и не бесспорным, из всех докладов на съезде. Однако в первые месяцы после съезда Троцкий большую часть времени занимался вопросами не слишком актуальными. Как пишет его биограф Дж. Кармайкл, "лето и осень 1923 г. он посвятил анализу торговых циклов XIX — XX веков, а также статьям о конфликте между павловской и фрейдовской школами в психологии... Поздним летом 1923 г., в тот самый момент, когда его политическая судьба, а с ней и вся жизнь висели буквально на волоске, он вдруг занялся серией статей, посвященных... нормам поведения воспитанного человека. Не ограничиваясь вопросами семейной этики, он обсуждал и такие темы, как "Воспитанность и вежливость", "Водка, церковь и кинематограф", "Русские ругательства" и тому подобное. Он выступал перед педагогами, журналистами, библиотечными работниками с нескончаемыми речами об ужасном падении уровня печати и насущных нуждах русского языка, красоту которого уродует поток партийной тарбарщины. Он буквально выходил из себя в своем пуританстве"¹.

Между тем экономическое положение в стране улучшалось очень медленно. Крестьяне были недовольны высокими ценами на промышленные товары, а рабочие — низкой заработной платой, которую выдавали к тому же не слишком регулярно. В июле и августе 1923 г. во многих крупных промышленных центрах (Москва, Харьков, Сормово и др.) прокатилась волна рабочих забастовок, чрезвычайно обеспокоивших партийное руководство. Необходимо было основательно обсудить экономическое положение и экономическую политику партии. Широкому и глубокому обсуждению положения в стране крайне мешал, однако, дефицит внутрипартийной демократии и засилье аппаратного бюрократизма. Вопрос о демократии, конечно, не в ее общегражданском, а пока еще в узкопартийном значении, выдвигался на первый план.

Одним из первых этот вопрос весьма решительно поднял в ряде своих выступлений Ф. Э. Дзержинский. В сентябре 1923 г.

¹ Кармайкл Джозель. Троцкий, с. 204.

в связи с рабочими волнениями и деятельностью образовавшейся в партии и профсоюзах оппозиционной "рабочей группы", руководимой Г. И. Мясниковым¹, был созван пленум ЦК РКП(б). В своем выступлении на этом пленуме Дзержинский указал на тот застой, который наблюдался во внутривнутрипартийной жизни. Он подчеркнул также, что подмена выборного начала "назначенством" партийных секретарей становится политической опасностью и парализует партию. Для рассмотрения внутривнутрипартийного положения пленум ЦК создал комиссию во главе с Дзержинским. Этой комиссии было поручено разработать и внести конкретные предложения об улучшении внутривнутрипартийного режима. Несомненно, что Дзержинский был искренен в своем беспокойстве. Но надо иметь в виду, что он в 1923 г. был не только наркомом путей сообщения, но оставался также председателем ВЧК и наркомом внутренних дел. Надо полагать, что не без ведома Дзержинского Г. И. Мясников еще до пленума ЦК был арестован. Кратковременному аресту подвергся также А. Богданов, один из организаторов "Пролеткульта". Богданов давно уже не был большевиком, что не мешало ему принимать активное участие в общественной и научной жизни Советской России².

Троцкий и его единомышленник Е. Преображенский отказались принимать участие в комиссии Дзержинского. Раздраженный выступлением члена ЦК Н. П. Комарова, который, видимо, отозвался критически о поведении Троцкого, последний неожиданно покинул заседание пленума. Группа делегатов от ЦК была направлена тогда к Троцкому с просьбой вернуться. Однако он отказался сделать это.

К осени 1923 г. в партии, в том числе и в ее руководящих кругах, образовалось несколько пока еще полулегальных оппозиционных групп, выступавших главным образом с "левых" позиций. Между этими группами шел интенсивный обмен мнениями и выработка единой платформы. Не хватало только авторитетного лидера. Таким лидером формирующейся "левой" оппозиции и стал Троцкий. Он, наконец, отбросил свои многомесячные колебания и решил возглавить оппозицию Сталину и всей "тройке". Несомненно, что на решение Троцкого повлияло

¹ Г. И. Мясников — человек редкой и трагической судьбы. В 17-летнем возрасте в 1906 г. он вступил в партию большевиков. Активный участник революции, он еще с Лениным спорил по вопросам демократии (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 78 — 83). После исключения из партии и кратковременного ареста эмигрировал и работал больше 20 лет простым рабочим на автомобильных заводах Франции. В 1945 году Мясникову, как и многим другим эмигрантам, предложили вернуться в СССР, обещая неприкосновенность. Он вернулся, но был арестован и в 1946 г. умер в заключении.

² А. Богданов был основателем не только "Пролеткульта", но и Института переливания крови в Москве. Умер в 1928 г.

не только давление многих его друзей и сторонников. Троцкий убедился, что его постепенно оттесняют от власти. Даже в военном комиссариате, где Троцкий привык считать себя полным хозяином, его позиции были ослаблены. В состав РВС Республики и в Совет обороны были включены по решению Политбюро два старых противника Троцкого — К. Е. Ворошилов и М. М. Лашевич.

8 октября 1923 г. Троцкий направил членам ЦК и ЦКК письмо с резкой критикой в адрес партийного руководства. Большинство его замечаний о бюрократизации партийного аппарата и свертывании партийной демократии было совершенно справедливо. Однако в письме Троцкого имелось и немало преувеличений. «Тот режим, — писал Троцкий, — который в основном сложился до XII съезда, а после него получил окончательное закрепление и оформление, гораздо дальше от рабочей демократии, чем режим самых жестких периодов "военного коммунизма"».

В письме Троцкого содержалось достаточно намеков на необходимость изменений в руководстве партией. Тем не менее он заявлял, что ставит своей целью лишь изменение ошибочной политики, а не "нападение" на существующее руководство. Он подчеркивал также, что считает свое письмо внутренним документом ЦК и ЦКК и не предполагает излагать свои взгляды перед всей партией. Это письмо, однако, стало известно в копиях многим сторонникам Троцкого и было опубликовано в мае 1924 г. меньшевистской эмигрантской газетой "Социалистический вестник".

Еще более резкие замечания содержались в полученном 15 октября в ЦК РКП (б) "Заявлении", которое было подписано 46 известными членами партии. Несомненно, что Троцкий был заранее ознакомлен с содержанием этого документа. "Режим, установившийся в партии, — говорилось в нем, — совершенно нетерпим. Он убивает самостоятельность партии, подменяя партию подобранным чиновничьим аппаратом, который действует без отказа в нормальное время, но который неизбежно дает осечки в моменты кризисов и который грозит оказаться совершенно несостоятельным перед лицом надвигающихся серьезных событий".

Авторы письма резко критиковали деятельность ЦК РКП (б) и в хозяйственной области, считая, что именно из-за некомпетентности, бессистемности и произвольности решений ЦК в СССР вместо успехов и достижений в экономике начался серьезный хозяйственный кризис. Под "Заявлением 46-ти" поставили подписи такие политические единомышленники Троцкого, как Е. Преображенский, Л. Серебряков, В. Косиор, Г. Пятаков, И. Смирнов, А. Белобородов, А. Альский, К. Данишевский и др. Его подписали также бывшие члены оппозиционной группы

“децистов”, или “демократических централистов”, оппозиционной группировки, сложившейся в партии в 1920 — 1921 гг. Мы имеем в виду Н. Осинского, Т. Сапронова, В. Максимовского, В. Смирнова, И. Богуславского, А. Бубнова и др. “Заявление 46-ти” подписали и некоторые другие видные деятели партии, например В. Антонов-Овсеенко. Это письмо также не было опубликовано, однако оно распространялось в списках по многим партийным организациям.

Тот факт, что именно Троцкий оказался в центре борьбы за партийную демократию, мог показаться многим партийным активистам еще более странным, чем забота о внутривнутрипартийной демократии, проявленная главой ВЧК и НКВД Дзержинским. Троцкий никогда не слыл в партийно-государственных кругах демократом, и его методы работы, например, в армии и на транспорте отличались крайней авторитарностью. Именно Троцкий еще недавно настаивал на милитаризации труда на предприятиях и на “перетряхивании” профсоюзов, на их полном подчинении государству. С авторитаризмом Троцкого сочетался и его крайний индивидуализм и высокомерие, что давало повод даже близким к нему людям назвать его барином. Одна из ближайших соратниц Троцкого, М. Иоффе, писала в своих воспоминаниях:

“Троцкий вел себя, как человек, знающий себе цену и свою роль в партии. Вообще в отличие от актерствующего Сталина, готового ради своих целей с каждым, даже с врагом, вести себя запанибрата, в отношениях Троцкого с окружающими чувствовалось, что он незримо держит людей на расстоянии. Иногда на небольшом, но все-таки на расстоянии. И только с очень немногими, к числу которых принадлежали и мы с Адольфом Абрамовичем, он позволял себе быть на коротке. Иные видели в его поведении гордыню, неприступность, которую ловко использовали сталинские аппаратчики и демагоги для того, чтобы опорочить Троцкого, однако ничто не заставляло его изменить самому себе”.

Эти качества помогали Троцкому выполнять определенные поручения партии в рамках уже существовавшей партийной системы, особенно в условиях революции и гражданской войны, когда авторитарные методы были главными методами работы на всех уровнях. Но они всегда мешали Троцкому в чисто политической деятельности. Даже А. В. Луначарский, давая самую дружескую характеристику Троцкому, отмечал:

“Троцкому не хватало способности создать не то что партию, но даже маленькую группу. У него практически не было сторонников: ему мешала исключительная очерченность его собственной личности. Если он и пользовался влиянием в партии, то только благодаря своим личным качествам. Чудовищная авторитарность, своего рода неспособность или нежелание быть

хотя бы заботливым и внимательным к людям, отсутствие той привлекательности, которая свойственна была Ленину, обрекали Троцкого на известную изоляцию”¹.

Так или иначе, но именно Троцкий возглавил “левую” оппозицию в партии, что определило в дальнейшем как многие успехи, так и неудачи этой оппозиции.

Письмо Троцкого в ЦК и “Заявление 46-ти” были теми документами, мимо которых руководство партии не могло пройти. 25 — 27 октября 1923 г. в Москве был созван объединенный пленум ЦК и ЦКК совместно с представителями 10 партийных организаций. Пленум осудил указанные документы как шаг к расколу партии и как пример фракционной деятельности. Однако резолюция пленума была опубликована лишь через несколько месяцев. Руководство партии понимало, что избежать новой большой дискуссии уже невозможно. Но оно не желало класть в основу дискуссии письмо Троцкого или “Заявление 46-ти”. Политбюро стремилось взять инициативу в дискуссии в свои руки. 7 ноября 1923 г. в “Правде” была опубликована большая статья Г. Зиновьева “Новые задачи партии”, написанная в критическом и самокритичном духе. Зиновьев, в частности, утверждал, что “во внутрипартийной жизни за последнее время наблюдается чрезмерный штиль, местами даже прямо застой... Главная наша беда состоит часто в том, что все важнейшие вопросы идут у нас сверху вниз предрешенными. Это суживает творчество всей массы членов партии, это уменьшает самостоятельность низовых партячеек... Чтобы как-нибудь удовлетворительно разрешить намеченные выше задачи, чтобы оказаться на уровне тех международных событий, которые теперь поглощают наше внимание, нужно, чтобы внутрипартийная жизнь стала гораздо более интенсивной., необходимо внутрипартийную рабочую демократию применять на деле — усилить свободную дискуссию в партии по общеполитическим, хозяйственным и другим вопросам, в особенности привлечь внимание рядовых членов партии к жгучим вопросам производственной жизни”.

“Правда” призвала членов партии развернуть широкую дискуссию по статье Зиновьева как в печати, так и в партийных организациях. Начиная с 13 ноября “Правда” стала регулярно печатать в порядке дискуссии разнообразные материалы и статьи по проблемам внутрипартийной демократии. Эта дискуссия вызвала огромный интерес в партии. Публиковались статьи как сторонников, так и противников Троцкого. Однако по многим положениям эти статьи не слишком отличались друг от друга. И та, и другая сторона признавала ненормальность сложившегося в партии положения и призывала к всемерному развитию внутрипартийной демократии. При этом было высказано

¹ Цит. по: Кармайкл Джозель. Троцкий, с. 189.

немало разумных предложений и соображений, многие из которых не потеряли своей актуальности и до настоящего времени. В целом происходившая в партии дискуссия имела конструктивный характер, и это открывало возможность для компромисса. И такой компромисс был достигнут. 5 декабря 1923 г. состоялось совместное заседание Политбюро ЦК и Президиума ЦКК. На нем после долгих и трудных споров единогласно была принята резолюция, которую 7 декабря опубликовала "Правда". В ней говорилось:

"Только постоянная, живая, идейная жизнь может сохранить партию такой, какой она сложилась до и во время революции, с постоянным критическим изучением своего прошлого, исправлением своих ошибок и коллективным обсуждением важнейших вопросов. Только эти методы работы способны дать действительные гарантии против того, чтобы эпизодические разногласия превращались во фракционные группировки... Для предотвращения этого требуется, чтобы руководящие партийные органы прислушивались к голосу широких партийных масс, не считали всякую критику проявлением фракционности и не толкали этим добросовестных и дисциплинированных партийцев на путь замкнутости и фракционности... Необходимо... расширить сеть партийных дискуссионных клубов; не прибегать к неправильным ссылкам на "партийную дисциплину", когда дело идет о праве и обязанности членов партии на обсуждение интересующих их вопросов и вынесение решений... Необходимо перейти от слов к делу, предложив низовым ячейкам, уездным, районным и губернским партконференциям при очередных выборах систематически обновлять партийный аппарат снизу, выдвигая на ответственные посты таких работников, которые способны обеспечить на деле внутрипартийную демократию... Особенно важной задачей контрольных комиссий в настоящий момент является борьба с бюрократическими извращениями партийного аппарата и партийной практики и привлечение к ответственности должностных лиц партии, препятствующих проведению в жизнь принципа рабочей демократии".

За эту резолюцию наряду с другими голосовали Троцкий, Сталин, Зиновьев и Каменев. Но это единодушие оказалось не слишком прочным. Для Сталина и Зиновьева резолюция от 5 декабря была некоторой уступкой оппозиции. Во всяком случае, им пришлось признать наличие существенных элементов бюрократии в партийном аппарате и даже призвать всю партию к их решительному искоренению. Но это была чисто "бумажная уступка", уступка на словах, а не на деле. Ибо никакой существенной борьбы за расширение внутрипартийной демократии и дискуссионных клубов Политбюро после 5 декабря не развернуло. Напротив, многие работники аппарата восприняли резолюцию от 5 декабря как сигнал к окончанию дискуссий и стали на деле

сокращать возможности "для добровестных и дисциплинированных партийцев" заниматься "постоянным критическим изучением своего прошлого, исправлением своих ошибок и коллективным обсуждением важнейших вопросов".

Но и "левая" оппозиция не собиралась отступать. Она не добилась никаких изменений в руководстве партии, а это вопреки заверениям Троцкого было ее важнейшей задачей. Поэтому она решила использовать частичную победу для усиления нажима на Политбюро. Правда, Троцкий в это время был болен, и его болезнь приняла затяжной характер. Но он мог писать, и вскоре несколько его писем привели к возобновлению еще более острой дискуссии между Политбюро и оппозицией.

Вечером 8 декабря на собрании партийного актива Краснопресненского района Москвы было зачитано письмо Троцкого к партийным совещаниям, озаглавленное "Новый курс". По форме это были личные комментарии Троцкого к только что принятой и опубликованной резолюции Политбюро ЦК и Президиума ЦКК. Троцкий заявлял, что принятая 5 декабря руководством партии резолюция означает поворотный момент в жизни партии, она обращена в первую очередь к рядовым членам партии, и они должны использовать открывшиеся для них возможности. "Некоторые консервативно настроенные товарищи, — писал Троцкий, — которые обнаруживают склонность переоценивать роль аппарата и недооценивать самодеятельность партии, критически относятся к решению Политбюро. Они говорят: ЦК берет на себя невыполнимые обязательства, резолюция лишь пробуждает ошибочные иллюзии и приведет к негативным результатам".

Но партия не должна идти за этими консерваторами. Троцкий прямо противопоставлял партию ее аппарату, заявляя, что не аппарат должен решать, когда и до какого уровня нужно вводить партийную демократию. Нет, эти проблемы должна решать сама партия, и партийные массы должны "подчинить себе партийный аппарат"¹.

По словам Троцкого, в аппарате партии имелось много людей, которые враждебно воспримут проведение "нового курса". Поэтому он призывал к чистке аппарата от всех бюрократических элементов и к замене их свежими кадрами. И прежде всего Троцкий предлагал убрать с руководящих постов в партии тех работников, которые при первых словах критики, возражений или протеста начинают репрессии против критикующих. Нужно, чтобы никто не имел возможности и желаний терроризировать партию. Эти намеки были тогда всем понятны.

Письмо Троцкого было встречено враждебно не только

¹ Цит. по: "Die Linke Opposition in der Sowjetunion. 1923 — 1928". Band I, Westberlin, 1976, S. 242—249.

“тройкой”, но и большинством партийного аппарата. Тем не менее оно было опубликовано 11 декабря в “Правде” с рядом добавлений и примечаний самого Троцкого. Троцкий пользовался еще слишком большим влиянием, чтобы можно было помешать этой публикации. На упреки некоторых активистов Сталин ответил: “Говорят, что ЦК должен был запретить печатание статьи Троцкого. Это неверно, товарищи. Это было бы со стороны ЦК опаснейшим шагом. Попробуйте-ка запретить статью Троцкого, уже оглашенную в районах Москвы! ЦК не мог пойти на такой опрометчивый шаг”¹.

Выступление Троцкого дало повод к новой вспышке дискуссии. Повсеместно проходили как общие собрания партийных организаций, так и фракционные собрания сторонников “левой” оппозиции. В одних организациях принимались резолюции в поддержку линии большинства ЦК, в других поддерживалась линия оппозиции. Наибольшую поддержку сторонники Троцкого получили среди учащейся молодежи, служащих советских учреждений, во многих военных организациях. На предприятиях они чаще всего оставались в меньшинстве. 11 декабря на собрании партийного актива Москвы против тезисов Троцкого выступил Л. Каменев. 15 декабря с докладом о внутренней борьбе в партии на собрании партийного актива Петрограда выступил Г. Зиновьев. 15 декабря в “Правде” была опубликована большая статья Сталина “О дискуссии, о Рафаиле, о статьях Преображенского и Сапронова и о письме Троцкого”.

Из-за затянувшейся болезни Троцкий не мог принять непосредственного участия в проходивших повсеместно собраниях и конференциях, что, несомненно, ослабляло ряды “левой” оппозиции. В продолжение своего письма от 8 декабря Троцкий написал еще две большие статьи, которые были опубликованы 28 и 29 декабря 1923 г. в “Правде”. Вместе с некоторыми другими материалами и статьями все эти публикации были объединены в брошюре “Новый курс”, которая вышла в свет в начале января 1924 г. В этой брошюре Троцкий расширял масштабы дискуссии. Он не только намекал на возможность перерождения старой партийной гвардии, но и призывал ориентироваться на молодежь, и в первую очередь на учащуюся молодежь, которая, по его словам, должна быть “вернейшим барометром партии”. Этот тезис был с воодушевлением встречен во многих студенческих организациях, но он не получил поддержки даже среди части авторов “Заявления 46-ти”. Оппоненты Троцкого не возражали против многих критических замечаний “левой” оппозиции по поводу бюрократизации части партийного аппарата. Но они обвиняли Троцкого в попытке противопоставить партийный аппарат всей партии и создать внутри партии собственную

¹ Сталин И. В. Соч., т. 6, с. 33.

фракцию, что могло якобы привести к расколу. Они также решительно отвергали намеки насчет возможности перерождения старой партийной гвардии, при этом постоянно делая намеки на тот факт, что сам Троцкий никак не может быть назван "старым большевиком", ибо он вступил в партию большевиков только летом 1917 г.

Отвечая на эти намеки и уколы, Троцкий довольно надменно давал понять, что именно он и его ближайшие сторонники являются настоящими "ленинцами", подлинными носителями "ленинизма" и что правильную линию надо искать не в "справках биографического характера". "Я вовсе не считаю, — писал он, — тот путь, которым я шел к ленинизму, менее надежным и прочным, чем другие пути. Я шел к Ленину с боями, но я пришел к нему полностью и целиком... И если уж ставить вопрос в плоскости биографических изысканий, то это нужно делать как следует. Тогда пришлось бы давать ответ на острые вопросы:... всякий ли, кто проявил в присутствии учителя Ленина послушание, дает тем самым гарантии последовательности в отсутствие учителя? Исчерпывается ли ленинизм послушанием?"¹

Троцкий намекал не только на свои заслуги в дни Октября и в годы гражданской войны. Он пытался доказать, что именно он, будучи в 1920 г. наркомом железнодорожного транспорта, первым в стране дал пример составления хозяйственных планов и ведения планового хозяйства. Он также сообщал, что еще в феврале 1920 г., то есть за год до Ленина, пришел к мысли о замене подразверстки продналогом. Однако предложения Троцкого не встретили тогда понимания у руководства партии².

Однако именно эти "справки биографического характера" и подвели Троцкого. Сталин и Зиновьев не были особенно щепетильны. Вскоре после смерти Ленина, которая ненадолго прервала полемику с оппозицией, в только что созданный Институт партийной истории были переданы различные документы из архива царской полиции. Среди этих документов находилось написанное еще в 1913 г. письмо Троцкого одному из лидеров меньшевиков Н. Чхеидзе. В этом письме Троцкий писал о Ленине с нескрываемой злобой, давал ему грубые и нелицеприятные характеристики. Для эмигрантских склок это было обычное дело. Ленин в письмах и статьях того времени не раз грубо отзывался о Троцком, Радеке и многих других будущих большевиках, не говоря уже о меньшевиках. Однако публикация этого письма как раз в то время, когда партия скорбела о смерти Ленина, была тяжелым ударом по престижу Троцкого. Мало кто сопоставлял дату написания письма с датой его публикации. Но все читали обидные и несправедливые слова о Ленине из письма

¹ Троцкий Л. Д. Новый курс. М., 1924, с. 48.

² Там же, с. 4 и др.

Троцкого политическому врагу Ленина, активному противнику Октябрьской революции, бежавшему в 1921 г. из Грузии за границу. Троцкий негодовал. Он заявлял, что этот политический подлог является "одним из величайших обманов в мировой истории", намного превосходящим по своему цинизму "фальшивые документы французских реакционеров во время дела Дрейфуса". Но Троцкий не мог отрицать, что именно он написал и отправил Чхеидзе письмо с грубой руганью в адрес Ленина. И хотя письмо было написано задолго до Октября, Троцкий сам видел, что в сознании его читателей "хронология исчезала перед лицом голых цитат"¹.

Итоги первого этапа дискуссии были подведены на XIII партийной конференции, состоявшейся в январе 1924 г. Предшествовавшие конференции партийные собрания в ячейках показали все еще значительное влияние "левой" оппозиции. Даже на районных партийных конференциях в Москве за троцкистскую оппозицию было подано 36% голосов². Ни одна из последующих оппозиций не собирала такого большого числа голосов рядовых членов партии. И все же в целом "левая" оппозиция потерпела поражение. На XIII партийной конференции она была осуждена как "мелкобуржуазный уклон" в партии. Решения конференции были одобрены и на XIII съезде РКП (б), который проходил в конце мая 1924 г. Съезд постановил приобщить резолюции XIII конференции к постановлениям XIII съезда РКП (б).

Троцкий не присутствовал на XIII конференции РКП (б). Он находился на лечении в Сухуми. Не вернулся он в Москву и после получения известия о смерти Ленина. Все политические и организационные решения, которые принимало Политбюро после смерти Ленина, проходили без его участия. Впрочем, ему в то время было, вероятно, одинаково безразлично, кто будет назначен на пост председателя Совнаркома СССР — Л. Каменев или А. Рыков. В отсутствие Троцкого деятельностью оппозиции в Москве руководила главным образом группа из трех его приверженцев: Преображенского, Осинского и Сапронова. Но Троцкий принял участие в работе XIII съезда. Его появление на трибуне съезда было встречено едва ли не столь же продолжительными аплодисментами, как и на XII съезде. Речь Троцкого носила скорее примирительный, чем наступательный характер. Он довольно вяло защищал себя и всю оппозицию. Именно в этой речи он произнес свои известные слова о "вечной" правоте партии, которые мало согласовывались и с реальной действительностью, и со всей прежней позицией самого Троцкого. Он, в частности, сказал: "Никто из нас не хочет и не может быть правым против своей партии. Партия в последнем счете всегда

¹ Троцкий Л. Моя жизнь., т. 2, с. 259.

² "Правда", 13 и 18 января 1923 г.

права, потому что партия есть единственный исторический инструмент, данный пролетариату для разрешения его основных задач... Я знаю, что быть правым против партии нельзя. Правым можно быть только с партией и только через партию, ибо других путей для реализации правоты история не создала. У англичан есть историческая поговорка: права или не права, но это моя страна. С гораздо большим историческим правом мы можем сказать: права или не права в отдельных частных конкретных вопросах, в отдельные моменты, но это моя партия"¹.

Это была пустая риторика, и она не встретила поддержки оппонентов Троцкого. Даже Н. К. Крупская, незадолго до этого отправившая в Сухуми теплое письмо Троцкому, в котором она писала, что Ленин вспоминал о нем в последние дни жизни, в своей речи на съезде сказала, что если партия всегда права, то Троцкому не следовало бы начинать дискуссии. Зиновьев довольно язвительно заметил, что "кисло-сладкие комплименты по адресу партии ей не нужны". Еще более решительно отверг риторикую Троцкого Сталин. Он заявил, что Троцкий в данном случае допустил еще одно принципиально неверное утверждение. "Партия, — сказал Сталин, — нередко ошибается. Ильич учил нас учить партию правильному руководству на ее собственных ошибках. Если бы у партии не было ошибок, то не на чем было бы учить партию. Задача наша состоит в том, чтобы улавливать эти ошибки, вскрывать их корни и показывать партии и рабочему классу, как мы ошибались и как мы не должны в дальнейшем эти ошибки повторять. Без этого развитие партии было бы невозможно. Без этого формирование лидеров и кадров партии было невозможно, ибо они формируются и воспитываются на борьбе со своими ошибками, на преодолении этих ошибок. Я думаю, что такого рода заявление Троцкого является некоторым комплиментом с некоторой попыткой издевки, — попыткой, правда, неудачной"².

Было ясно, что большинство членов Политбюро решили довести борьбу с "левой" оппозицией до конца. Впрочем, и оппозиция отнюдь не собиралась складывать оружие.

Немало споров происходило в ту пору по проблемам коммунистического движения и международного положения. Еще в 1923 г. тяжелые поражения потерпели революционные выступления рабочего класса в Германии. Эти поражения можно объяснить в первую очередь объективной и субъективной обстановкой в Германии. Однако Троцкий и его приверженцы старались возложить главную ответственность за неудачи немецкого рабочего класса на руководство Коминтерна, во главе которого

¹ "Тринадцатый съезд РКП (б). Май 1924 года. Стенографический отчет". М., 1963, с. 158.

² Сталин И. В. Соч., т. 6, с. 227.

стоял в то время Г. Зиновьев. В мире капитализма началась определенная стабилизация, и вопрос о революции здесь был временно снят с повестки дня. Это ставило в новой плоскости и вопрос о перспективах развития русской революции, о возможности успешного строительства социализма в одной стране и, в частности, в такой отсталой стране, как Россия.

Троцкий еще в 1906 г. писал: "Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержать свою власть и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни на минуту"¹.

В 1917 г. в брошюре "Программа мира" Троцкий продолжил эту мысль: "Сейчас, после столь многообещающего начала русской революции, у нас есть все основания надеяться на то, что еще в течение этой войны развернется по всей Европе могущественное революционное движение. Ясно, что оно сможет успешно развиваться и прийти к победе только как общеевропейское. Оставаясь изолированным в национальных рамках, оно оказалось бы обречено на гибель... Спасение русской революции — в перенесении ее на всю Европу... Европейской революции не приходится дожидаться революции в Азии и Африке, ни даже в Австралии и Америке. А между тем победоносная революция в России или Англии немыслима без революции в Германии — и наоборот"².

Эта точка зрения не совпадала тогда с мнением Ленина, который еще в 1915 — 1916 гг. попытался доказать, что в отдельной капиталистической стране можно не только осуществить революцию и завоевать власть, но и "организовать социалистическое производство", а также отстоять власть пролетариата от посягательств со стороны других стран. В 1918 — 1920 гг. взгляды Ленина и Троцкого по этому вопросу почти совпали. Во-первых, Ленин был уверен в скорой победе мировой или, во всяком случае, европейской революции. Во-вторых, экономическая разруха в России была столь сильна, что Ленин несколько раз говорил о том, что построить социализм в России без поддержки социалистической Европы будет невозможно. Однако к концу 1922 г. Ленин вернулся к своей более оптимистической точке зрения. Именно нэп Ленин стал рассматривать как долговременную политику, рассчитанную на построение социализма в России. Хотя Россия оказалась в одиночестве, хотя в Европе социалистическое движение потерпело поражение, Ленин с уверенностью говорил, что из России нэповской будет Россия социалистическая.

"Нам наши противники не раз говорили, что мы предприни-

¹ Троцкий Л. Наша революция, 1906, с. 277 — 278.

² Троцкий Л. Соч., т. 3, с. 88 — 89.

маем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране, — заявлял Ленин. — Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим.

Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной¹.

Но Троцкий и в 1922 — 1924 гг. продолжал утверждать, что социализм невозможно построить в национальных рамках России или СССР, что подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы².

Некоторое время и Сталин придерживался примерно такой же точно точки зрения. Однако позднее под влиянием Н. И. Бухарина и после более основательного знакомства с ленинскими текстами Сталин решительно изменил свое мнение.

В самом конце 1924 г. Сталин издал сборник своих статей и выступлений этого года. В предисловии к книге он впервые выдвинул новое для него положение о возможности построения социализма в СССР даже в условиях капиталистического окружения. Одновременно Сталин подверг резкой критике взгляды Троцкого по данному вопросу. Но Троцкий тогда не стал отвечать на выпад Сталина, и главные споры по этой проблеме развернулись уже на других этапах внутрипартийной борьбы.

Серьезные разногласия возникли между оппозицией и большинством партийного руководства при оценке хозяйственного положения и перспектив хозяйственного развития СССР. "Левая" оппозиция была склонна преувеличивать хозяйственные затруднения страны и недостатки хозяйственного руководства. Она не видела реальных возможностей социалистического строительства в деревне. Ленинский кооперативный план как план строительства социализма оппозиция рассматривала скорее как иллюзию. Она обвиняла партию в "кулацком уклоне" и требовала усилить давление на капиталистические элементы в городе и деревне, что противоречило основным принципам нэпа. В явно демагогических целях "левая" оппозиция до крайности преувеличивала развитие частного капитала в СССР. Как свидетельствует в своих воспоминаниях бывший меньшевик и работник ВСНХ Н. Валентинов (Вольский), позднее эмигрировавший из СССР, "антинэповский характер мысли оппозиции с особенной силой проявлялся в ее постоянных криках о засилье частного торгового капитала. О его мощи и накоплениях она

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 376 — 377.

² Троцкий Л. Соч., т. 3, ч. I, с. 92 — 93.

давала фантастические, непомерно преувеличенные цифры. Она указывала, что подавляющая масса (70 — 80%) всех торговых предприятий суть частные, но умалчивала, что большая часть этих предприятий были крошечными торговцами-одиночками, не имели магазинов, вели продажу с лотка, вразнос. Если бы их не было, ничего не было бы, царствовала бы, особенно в деревне, торговая пустота. Оппозиция все время твердила о необходимости подчинить хозяйство плановому руководству, "собрать все предприятия в одну систему, повинующуюся единому мощному планирующему центру". Но что это значит конкретно, на это объяснений не давала. Мужик, крестьянское хозяйство, сельское хозяйство были вне поля зрения и внимания оппозиции. Зато она много говорила о "диктатуре промышленности" и желала самого мощного ускоренного ее развития, хотя для этого в стране не было средств... Все назидания Ленина в его предсмертных статьях, в частности его призывы не поддаваться "скоропалительному быстрому движению вперед" и "лучше меньше, да лучше"... оппозиция полностью отбросила"¹.

Предложение о форсированном развитии промышленности "левая" оппозиция увязывала с предложением о более массивном изъятии средств из деревни, из еще не вполне оправившегося сельского хозяйства. Как раз в 1924 г. в одной из статей Е. Преображенского можно было найти слова о том, что в целях социалистического накопления нужно пойти на "эксплуатацию пролетариатом досоциалистических форм хозяйства"².

Обострение дискуссии произошло поздней осенью 1924 г. в связи с обсуждением некоторых историко-партийных проблем.

Несмотря на продолжающуюся борьбу против троцкизма, продолжало издаваться Собрание сочинений Л. Д. Троцкого. К осени 1924 г. был подготовлен очередной том, содержащий статьи и речи Троцкого за 1917 г. Троцкий не только решил издать эти материалы отдельным сборником (как сделал и Сталин), но и написал обширное введение под заголовком "Уроки Октября", которое вскоре вышло в свет отдельной брошюрой. Эта публикация преследовала главным образом политические цели. К концу 1924 г. большевики, которые вступили в партию еще до Октябрьской революции, составляли лишь небольшую ее часть. Большинство членов партии плохо знали историю своей партии и биографии ее вождей. Публикуя "Уроки Октября", Троцкий рассчитывал нанести сокрушительный удар по репутации Зиновьева и Каменева, которые выступали, как известно,

¹ Валентинов (Вольский) Н. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Воспоминания. Стэнфорд, 1971, с. 80 — 81.

² "Вестник Коммунистической академии", 1924, № 8.

против Октябрьского вооруженного восстания, а в дальнейшем требовали создания общего с меньшевиками и эсерами "социалистического правительства". Одновременно Троцкий подчеркивал свою выдающуюся роль в подготовке и проведении Октябрьской революции. Более того, оценивая поведение Зиновьева и Каменева в 1917 г. как "правый" уклон, Троцкий пытался доказать, что недостаток смелости и нерешительность руководства Коминтерна (во главе которого стоял Зиновьев) привели к поражению революционного движения в Германии в 1923 г.

Нельзя сказать, что "Уроки Октября" были явной фальсификацией, хотя определенная тенденциозность этой работы Троцкого очевидна. Но чем больше точных фактов содержалось в брошюре, тем больший гнев она вызвала у Зиновьева и Каменева. На Троцкого и троцкизм обрушился поток новых статей и выступлений. Троцкому припоминали теперь все его выступления против Ленина и большевиков в период между 1903 и 1916 гг. Одновременно публиковались многие резкие отзывы Ленина о Троцком, относящиеся к этому же периоду. Авторы многих публикаций не отрицали заслуг Троцкого в октябре 1917 г. Но они напоминали о том, что Троцкий пришел к большевикам лишь летом 1917 г., когда вся главная работа по подготовке Октябрьской революции была уже проделана. В это время и возникла легенда о том, что главную работу по организации Октябрьского вооруженного восстания проделал не возглавляемый Троцким Военно-революционный комитет при Петроградском Совете, а так называемый "практический" или партийный центр по организационному руководству восстанием, в составе которого не было Троцкого. О Троцком же в одном из своих выступлений Сталин говорил: "Я далек от того, чтобы отрицать несомненно важную роль Троцкого в восстании. Но должен сказать, что никакой особой роли в Октябрьском восстании Троцкий не играл и играть не мог, что, будучи председателем Петроградского Совета, он выполнял лишь волю соответствующих партийных инстанций, руководивших каждым шагом Троцкого. Обывателям, вроде Суханова, все это может показаться странным... Между тем, здесь нет, собственно говоря, ничего странного, ибо никакой особой роли ни в партии, ни в Октябрьском восстании не играл и не мог играть Троцкий, человек сравнительно новый для нашей партии в период Октября. Он, как и все ответственные работники, являлся лишь исполнителем воли ЦК и его органов... Стоило Троцкому нарушить волю ЦК, чтобы лишиться влияния на ход дел. Разговоры об особой роли Троцкого есть легенда, распространяемая услужливыми "партийными" кумушками"¹.

В данном случае Сталин говорил лишь полуправду, не забо-

¹ Сталин И. В. Соч., т. 6, с. 327 — 329.

таться о том, чтобы согласовать ее с некоторыми своими прежними заявлениями.

Припоминали Троцкому и его поведение во время переговоров о заключении Брестского мира, когда его позиция поставила под угрозу все завоевания Октября.

ЦК партии принял решение изъять из обращения брошюру Троцкого, хотя издание его Собрания сочинений продолжалось¹.

Резолюции, направленные против Троцкого и "левой" оппозиции, принимались почти во всех партийных организациях. Возглавляемый Зиновьевым Ленинградский губком предложил исключить Троцкого из партии. Многие партийные ячейки, и в том числе партийные ячейки в армии и флоте, предлагали снять Троцкого с поста народного комиссара по военным и морским делам. Этот вопрос должен был обсуждаться на пленуме ЦК, который был намечен на 17 января 1925 г. В это время Троцкий снова утратил волю к борьбе. Он не отвечал на нападки партийной печати в ноябре и декабре 1924 г. Правда, он подготовил новую брошюру под заголовком "Наши разногласия", в которой попытался опровергнуть своих оппонентов или уточнить свои прежние высказывания. Но эта работа осталась незаконченной и не была опубликована. Не дожидаясь пленума ЦК, Троцкий сам направил в ЦК пространное заявление, в котором просил освободить его от обязанностей председателя Революционного Военного совета. Он писал также, что готов в будущем "выполнять любую работу по поручению ЦК на любом посту и вне всякого поста и, само собой разумеется, в условиях любого партийного контроля".

Пленум ЦК РКП(б) состоялся 17 — 20 января 1925 г. Он осудил "совокупность выступлений Троцкого против партии" и признал "невозможной дальнейшую работу тов. Троцкого в РВС СССР". Одновременно пленум постановил дискуссию считать законченной. Троцкий был, однако, оставлен в составе Политбюро. Через некоторое время он получил новое назначение — член Президиума ВСНХ, начальник электротехнического управления, председатель научно-технического сектора ВСНХ и председатель Главного концессионного комитета.

Поражение Троцкого на первом этапе его борьбы со Сталиным по-разному комментируется в западной историографии. Некоторые историки считают, что Троцкий не использовал в этой борьбе всех своих преимуществ и прежде всего своего положения председателя РВС СССР и народного комиссара по военным и морским делам. Надо сказать, что вопрос о военном решении конфликта внутри партии возникал и у некоторых деятелей троцкистской оппозиции. Опасения на этот счет были и

¹ До 1927 г. вышло в свет семнадцать томов Собрания сочинений Л. Троцкого.

у Зиновьева, Каменева и Сталина, чем и объясняются изменения в Реввоенсовете, проведенные еще в 1924 г., а также смещение сочувствовавшего Троцкому начальника Политуправления РККА В. Антонова-Овсенко и замена его А. Бубновым¹. Однако надо сказать вполне определенно, что в период дискуссии в СССР никогда не возникало реальной угрозы военного переворота хотя бы потому, что Красная Армия никогда не была "послушным орудием" в руках Троцкого. Троцкий мог вполне рассчитывать на красноармейцев, когда давал приказ о наступлении на Варшаву. Но он не мог бы поднять Красную Армию против ЦК и Политбюро.

Известный революционер-интернационалист, участник левых движений во многих странах Виктор Серж в середине 20-х гг. жил и работал в СССР. Он примыкал к троцкистам, был арестован и сослан. Но в результате развернувшейся во Франции кампании в его защиту В. Сержа в 1933 г. выслали из СССР. В годы второй мировой войны В. Серж, находившийся в Северной Африке, написал мемуары, в которых утверждал, что Троцкий мог бы в 1924 г. легко победить Сталина, опираясь на армию. В. Серж, в частности, писал:

"Государственный переворот против Политбюро Зиновьева, Каменева, Сталина был еще вполне возможен, и мы держали этот путь в поле зрения оппозиционеров. Армия и даже ГПУ могли бы обеспечить поддержку народа Троцкому, если бы он захотел встать на этот путь. Я знаю, что Троцкий при зрелом размышлении отказался от использования силы из уважения к неписанному закону, что внутри социалистического режима невозможно использовать средства, пригодные для восстания. Троцкий писал позднее (1935), что военное устранение фракции Зиновьева, Каменева и Сталина, бесспорно, не представляло трудности и не вело бы к большому кровопролитию. Но это свелось бы к тому, что триумф бюрократии и бонапартизма, против которого поднялась "левая" оппозиция, мог бы быть только ускорен"².

¹ В некоторых партийных документах и выступлениях имеются ссылки на письмо В. Антонова-Овсенко в ЦК РКП(б) с угрозой "призвать к порядку зарвавшихся вождей" (см.: Сталин И. В. Соч., т. 6, с. 43). В книге "Портрет тирана" А. Антонов-Овсенко более подробно цитирует письмо своего отца, который якобы писал: "Так не может долго продолжаться. Остается одно — апеллировать к крестьянским массам, одетым в красноармейские шинели, и призвать к порядку зарвавшихся вождей". Автор книги ссылается на рукописные воспоминания М. М. Поляка, видимо, работника ЦУР (с. 384 и с. 52 книги А. Антонова-Овсенко). Однако некоторые старые большевики, например А. В. Снегов, считают эту ссылку недостаточной и решительно оспаривают возможность подчеркнутой нами формулировки в письме В. Антонова-Овсенко.

² Serge Victor. *Erinnerungen eines Revolutionärs. 1901 — 1941.* Wien, 1974, S. 263 — 264. (В. Серж умер во Франции в 1947 г.)

Виктор Серж не приводит источник, откуда он взял слова Троцкого, на которые ссылается. Но если Троцкий действительно думал в 1924 г. так, как он писал об этом в 1935 г., то это была еще одна из его иллюзий. Попытки военного вмешательства в партийные дела нельзя было исключить, и если об этом иногда мог думать Троцкий, то тем более это должны были иметь в виду Зиновьев, Каменев и Сталин. Однако военное устранение "тройки" и верного ей партийного аппарата было бы крайне трудным и ненадежным решением. Это была бы явная авантюра с весьма незначительными шансами на успех. И если Троцкий удержался от подобного шага, то можно предположить, что его удержали не соображения о бонапартизме, а неуверенность в своей власти над Красной Армией.

В предисловии к немецкому изданию мемуаров В. Сержа видная немецкая революционерка Эрих Волленберг, которая после неудачи германской революции переехала в СССР, а в 30-е гг. бежала на Запад, убедительно оспаривает приведенную выше версию В. Сержа.

"Какая гигантская ошибка, — пишет Э. Волленберг, — в оценке той конкретной ситуации, которая сложилась в Советской стране уже через несколько месяцев после смерти Ленина! Добавлю, что я во время смерти Ленина, находясь еще на военной работе в Германии, являясь специалистом по гражданской войне и занимая видный пост в Германской компартии, думала тогда примерно так же, как Серж и как думал обо всем этом сам Троцкий еще несколько десятилетий.

Но, переехав в Москву, я поняла свою ошибку. В Москве я должна была убедиться, что руководящие лица в штабе Красной Армии, например Тухачевский, с которым мы подружались, восхищались Троцким как организатором Красной Армии, как человеком и революционером, но в то же самое время критически относились к его общей позиции. В то время я была командиром одного из подразделений Красной Армии, сначала в провинции, потом в Москве в Первом краснопролетарском полку. В последующее время я находилась в распоряжении главного штаба и входила в Президиум ЦДКА — Центрального дома Красной Армии. Я имела там тесный контакт с армией, а через нее и с русской деревней. Не могло оставаться никакого сомнения в полном доверии высшего командования к партийному руководству. И то же самое относится к ГПУ. И вся партия имела безусловное большинство, которое поддерживало "тройку", то есть ту руководящую "тройку", которая образовалась после смерти Ленина — Зиновьева, Каменева и Сталина. В этой именно последовательности и оценивалось тогда значение членов "тройки": Сталин на последнем месте.

Если можно было бы изменить советскую конституцию и провести плебисцит, то невозможно предсказать, кто из последо-

вателей Ленина собрал бы наибольшее количество голосов. Но можно сказать твердо: при враждебности крестьян и образовавшегося в первой половине 20-х гг. среднего сословия к Троцкому, которого считали "врагом нэпа", подавляющее большинство участников референдума проголосовало бы против Троцкого.

Это нужно сказать со всей определенностью, потому что до сих пор троцкисты всех направлений да и эксперты по советским делам в ФРГ и других странах и на словах, и в печати, и в передачах по телевидению высказывают убеждение, что Троцкий после смерти Ленина обладал якобы "верными шансами". Виктор Серж верил в это, по-видимому, до самой своей смерти"¹.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О Г. ЗИНОВЬЕВЕ И Л. КАМЕНЕВЕ

Почти сразу же после поражения "левой", троцкистской оппозиции в нашей партии возникла "новая", или "ленинградская" оппозиция, во главе которой оказались Зиновьев и Каменев. Прежде чем говорить об основных событиях этого нового этапа внутрипартийной борьбы, следует сказать несколько слов о Зиновьеве и Каменеве.

Зиновьев (Радомысльский) Григорий Евсеевич родился в 1883 г. в городе Елисаветграде Херсонской губернии в семье мелкого еврейского предпринимателя. Получив домашнее образование, молодой Зиновьев некоторое время работал конторщиком в крупных торговых предприятиях. В конце 90-х гг. он входил в социал-демократические кружки, но уже в 1902 г. эмигрировал и некоторое время учился в Бернском университете в Швейцарии. Здесь 20-летний Зиновьев познакомился с Лениным, и, когда в РСДРП произошел раскол, Зиновьев твердо встал на платформу большевиков. В Россию он возвращается вскоре после начала первой русской революции. Зиновьев вел работу агитатора и пропагандиста среди петербургских металлистов и был избран в Петербургский комитет партии. От Петербургской организации Зиновьев участвовал в V (Лондонском) съезде партии и был избран на нем членом ЦК партии. Вернувшись в Россию, Зиновьев весной 1908 г. был арестован. Однако он пробыл в тюрьме всего около трех месяцев. Царская охранка почти ничего не знала о работе Зиновьева и о его роли в партии. Поэтому он был скоро освобожден под надзор полиции. Зиновьев вновь эмигрирует и остается за границей до 1917 г. Здесь он участвует во всех начинаниях Ленина и, в частности, входит в редакции газет "Пролетарий" и "Социал-демократ".

¹ Serge Victor. Erinnerungen eines Revolutionärs, S. XI – XII.

Зиновьев проявил себя неплохим агитатором и талантливым полемистом, однако на знакомых революционеров он никогда не производил впечатления выдающегося политического деятеля. В своих воспоминаниях о Зиновьеве М.П. Якубович (о котором мы будем говорить ниже) писал:

“Для всей партии было новым появление этого имени. Когда вышел сборник статей “Против течения”, то на обложке стояло два имени авторов — Ленин и Зиновьев. Тот факт, что имя Зиновьева стояло рядом с именем Ленина, выдвинул его в первые ряды партии. Партия обратила внимание на него и стала прислушиваться к молодому партийному работнику. Это впечатление еще более усилилось, когда Ленин решил создать партийную школу под Парижем в Лонжюмо. Школа в Лонжюмо была создана в противовес партийной школе на Капри, которая была создана группой большевиков, разошедшихся с Лениным по разным вопросам, отчасти политическим, но еще больше по философским. Во главе каприйской школы стоял А.А. Богданов, выдающийся человек, равного которому по образованию и таланту трудно подыскать в партии, кроме Владимира Ильича... Нужно было найти такого руководителя школы (в Лонжюмо), который объективно мог бы противостоять Богданову. И выбор Ленина пал на Зиновьева. Это до некоторой степени удивило социал-демократов... Многие удивлялись тому, что Ленин его выдвигает, меньшевики относились к нему с большим раздражением, потому что Зиновьев был истинным учеником Ленина. Ленин резко полемизировал со своими идейными противниками, никогда не любил говорить примирительно, не любил сглаживать противоречия, категорически выделяя те разногласия, которые у него были с другими партийными деятелями... Но Зиновьев, усвоив эту резко категорическую манеру Ленина, шел еще дальше. И в его полемике было еще больше таких обостренных формулировок. И меньшевики, можно сказать, ненавидели Зиновьева, относились к нему как к “цепному псу”, которого Ленин натравливал на меньшевиков. Вот какое отношение было к Зиновьеву перед первой мировой войной. Все рассматривали его как воспитанника Ленина, как его ученика, которого Ленин вывел на политическую арену. Да так оно и было, конечно”¹.

Ленин в ту пору с большой теплотой относился к Зиновьеву как к своему ближайшему ученику и помощнику. В годы эмиграции между ними не было разногласий. Зиновьев много писал в эмигрантской печати, а после 1912 г.—и в “Правде”. Его статьи отличались резкостью и часто грубостью, но в них не было ори-

¹ Якубович М. П. Воспоминания о Зиновьеве (рукопись). Перу Якубовича принадлежат интересные воспоминания о Троцком, Сталине, Зиновьеве, Каменеве, о событиях 1917 г. (“Из истории идей”) и др.

гинальности и теоретической самостоятельности. В этом отношении Зиновьеву всегда не хватало как образованности, так и таланта, хотя его претензии все время росли.

В эмиграции Зиновьев установил много связей с представителями европейской социал-демократии; вместе с Лениным он участвовал в Циммервальдской конференции, оба они вошли в состав бюро Циммервальдской левой.

После Февральской революции Зиновьев приезжает в Россию вместе с Лениным и сразу входит в состав вновь избранного ЦК большевистской партии. После июльских событий Ленин и Зиновьев уходят в подполье. В течение месяца они живут в знаменитом теперь "шалаше" недалеко от станции Разлив Приморской железной дороги. В августе Ленин перебирается в Финляндию, а Зиновьев остается в подполье в Петрограде. При решении вопроса о вооруженном восстании Зиновьев и Каменев выступают против Ленина и большинства ЦК. Свои возражения Зиновьев опубликовал за несколько дней до восстания во внепартийной газете "Новая жизнь". Гнев Ленина по этому поводу было бы трудно описать. Именно Ленин назвал тогда Зиновьева и Каменева "изменниками и штрейхбрехерами революции". И хотя в последующие недели Зиновьев и Каменев признали свои ошибки и поэтому не были исключены из партии, этот "октябрьский эпизод" лег несмываемым пятном на всю их последующую политическую репутацию среди большевиков.

В конце 1917 г. Зиновьев был избран председателем Петроградского Совета. Когда Советское правительство переехало в Москву, он остался в Петрограде, где была создана в конце февраля 1918 г. Петроградская трудовая коммуна, которая вошла затем в Союз коммун северной области. Руководителем этой Северной коммуны оставался Зиновьев. Влияние буржуазных элементов и групп в Петрограде, как в бывшей столице страны, было еще очень сильным. Однако в борьбе с контрреволюцией Зиновьев довольно часто проявлял неоправданную жестокость и жесткость, против которой возражал даже председатель Петроградской ЧК М.С. Урицкий. Но после убийства последнего и покушения эсерки Каплан на жизнь Ленина ни в одном городе Советской России красный террор не был более массовым, чем в Петрограде. Широко практиковался здесь и расстрел заложников. Так, например, в 5-м номере "Еженедельника ЧК" от 20 октября 1918 г. можно найти краткое сообщение: "По постановлению Петроградской Чрезвычайной Комиссии расстреляно 500 заложников"¹. В своих рукописных воспоминаниях М.П. Якубович пишет, что осенью 1918 г. "Зиновьев применил массовый террор, и было истреблено много

¹ "Еженедельник ЧК". М., 1918, № 5, с. 24.

людей, которые заведомо не могли принимать участия в террористических актах против Советской власти, но просто по своей принадлежности к господствующим ранее классам были намечены к уничтожению. Тогда в Петрограде было уничтожено очень много людей, гораздо больше, чем в других городах. Мне кажется, что эта агрессивная активность Зиновьева не была продиктована спокойным анализом, убеждением, что другого выхода нет. ...Зиновьев впал в паническое настроение. Именно это настроение объясняет те чрезмерно широкие меры репрессий, которые он применил в Петрограде и которые далеко выходили за пределы мер, примененных Дзержинским в Москве. Зиновьев пришел к этим мерам в состоянии отчаяния, ему казалось, что революция гибнет. Все это было проявлением малодушия, которое будет проявляться у него не раз, если мы проследим его историческую судьбу".

Тот же Зиновьев не смог, однако, организовать оборону Петрограда, когда армия Юденича стала подходить к городу. Уже летом 1919 г. на фронте под Петроградом создалось угрожающее положение. Видя неспособность Зиновьева, Ленин направил в Петроград Сталина, который помог создать перелом в военной обстановке на фронте. Армия Юденича отступила, но еще не была разгромлена. Она развернула новое наступление на город осенью 1919 г. одновременно с наступлением Деникина на Москву. Отряды Юденича прорвались на ближние подступы к Петрограду. И опять Зиновьев впал в паническое состояние и начал готовить город к эвакуации. Для руководства обороной Петрограда прибыл Троцкий. Он писал позднее в своих воспоминаниях:

"В Петрограде я застал жесточайшую растерянность. Все ползло. Войска откатывались, рассыпаясь на части. Командный состав глядел на коммунистов, коммунисты — на Зиновьева. Центром растерянности был Зиновьев. Свердлов говорил мне: "Зиновьев — это паника". А Свердлов знал людей. И действительно: в благоприятные периоды, когда, по выражению Ленина, "нечего было бояться", Зиновьев очень легко взбирался на седьмое небо. Когда же дела шли плохо, Зиновьев ложился обычно на диван, не в метафорическом, а в подлинном смысле, и вздыхал... На этот раз я застал его на диване. Вокруг него были и мужественные люди, как Лашевич, но и у них опустились руки... Апатия, безнадежность, обреченность захватили и низы административного аппарата..."¹

Троцкий взял на себя руководство обороной Петрограда, отстранив Зиновьева от главных дел. Между ними тогда возник конфликт, который сделал их личными врагами.

Ленин, впрочем, и не ждал от Зиновьева военных подвигов,

¹ Троцкий Л. Моя жизнь..., т. 2, с. 158—159.

предполагая использовать его способности на ином поприще. После создания III Интернационала Зиновьев был избран по рекомендации Ленина председателем Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ). При этом Зиновьев оставался председателем Петроградского Совета (с 1924 г. Ленсовета) и губисполкома, членом Политбюро ЦК РКП (б). Он с успехом выступал в 1920 г. на съезде независимых социал-демократов в Германии в г. Галле, руководил съездом народов Востока в Баку. Зиновьев был докладчиком на всех первых конгрессах Коминтерна и съездах РКП (б). Поэтому было бы неправильным отрицать некоторые заслуги Зиновьева как революционера. Однако многие люди, хорошо знавшие Зиновьева, не без основания отмечали не только его большую активность, но и отсутствие выдержки, неразборчивость в средствах, склонность к демагогии, а также исключительное честолюбие и тщеславие. Это был человек, который мало у кого вызывал искреннюю симпатию.

Каменев (Розенфельд) Лев Борисович родился в 1883 г. Его родители жили тогда в Москве, и отец Каменева служил машинистом на Московско-Курской железной дороге. Окончив Технологический институт в Петербурге, отец Каменева стал работать главным инженером небольшого завода в Виленской губернии. Позднее он получил назначение на Закавказские железные дороги. В Тифлисе, будучи учеником старших классов гимназии, Л.Б. Каменев стал принимать участие в марксистских кружках. В 1901 г. он поступил в Московский университет на юридический факультет. За участие в студенческих стачках и демонстрациях был арестован, исключен из университета и отправлен к родителям в Тифлис. Вскоре он уезжает в Париж, где встречается с Лениным и надолго попадает под его влияние. После II съезда РСДРП Каменев примкнул к большевикам. Вернувшись в Тифлис, он вошел в состав союзного Кавказского комитета, в который входил и Сталин. От Кавказского комитета Каменев (под псевдонимом Градов) принял участие в работе V съезда РСДРП. После съезда по поручению партии он объехал многие города России. Во время революции 1905—1907 гг. Каменев большую часть времени проводит в Петербурге, работая под непосредственным руководством Ленина. Он много пишет, сотрудничая почти во всех легальных и нелегальных социал-демократических изданиях. После поражения первой русской революции Каменев эмигрировал и в течение нескольких лет вел активную работу в группе большевиков, составлявшей тогда ближайшее окружение Ленина. В 1914 г. по поручению партии Каменев возвращается в Петербург для руководства "Правдой" и работой думской фракции большевиков. Через несколько месяцев после начала первой

мировой войны он был арестован и через год предстал вместе с депутатами думы—большевиками перед Петербургской судебной палатой. По условиям военного времени арестованным большевикам грозила смертная казнь. На суде Каменев вел себя малодушно и заявил о своей несогласии с ленинскими лозунгами насчет "поражения своего империалистического правительства", что вызвало резкое осуждение большевиков. Он был приговорен к ссылке в Сибирь.

О различии между позициями Каменева и Ленина в марте—апреле 1917 г. мы уже говорили выше. Нельзя не отметить, однако, что именно Каменев председательствовал на Апрельской конференции большевиков и по предложению Ленина был избран на этой же конференции в ЦК. Защищая кандидатуру Каменева, Ленин сказал, что споры с ним позволяют партии лучше уяснить те ошибочные мнения, которые имеются среди части большевиков, и таким образом выработать более убедительные доводы для сплочения партии и рабочего класса вокруг правильных лозунгов. Правда, в октябре 1917 г. именно Ленин требовал исключения Каменева и Зиновьева из партии. Однако это были решающие дни революции, и речь шла уже не о теоретических разногласиях, а о поведении двух членов ЦК, которое создавало угрозу всему делу большевистской партии. Признав свои ошибки, Каменев остался в партии. Более того, именно он был избран по предложению Ленина председателем II съезда Советов, утвердившего первые декреты Советской власти. На короткое время Каменев избирается председателем ЦИК, именно он был первым формальным главой Советского государства. Но из-за разногласий с ЦК партии Каменев был отозван с этого поста и заменен Я.М. Свердловым.

В 1918 г. мы видим Каменева на посту председателя Моссовета. Несколько раз он выезжает на фронты гражданской войны, чаще всего для улаживания разного рода конфликтов. Ленин весьма положительно оценивал деятельность Каменева в послеоктябрьский период. В своем последнем публичном выступлении в 1922 г. он назвал Каменева "отличной лошадкой", которая одновременно везла два "воза" — работу в Моссовете и в Совнаркоме, где по рекомендации Ленина Каменев был назначен в 1922 г. одним из заместителей Председателя СНК. Как пишет в своих неопубликованных воспоминаниях М.П. Якубович, Каменев "был, несомненно, человеком высокоталантливым, широко и разносторонне образованным, преданным идее социалистической революции, способным быстро ориентироваться в сложной политической обстановке. Обладал он также незаурядным литературным талантом. Владимир Ильич все это хорошо видел. Поэтому он так и ценил Каменева. Поэтому он, в частности, поручал ему неоднократно председательствовать на партийных съездах и конференциях. Каменев

был великим мастером формулировки — никто так ясно и отчетливо не умел сформулировать выводы из происходящей дискуссии, так объективно их зафиксировать, как он...”.

О доверии Ленина к Каменеву как к теоретику свидетельствует тот факт, что в июле 1917 г., скрываясь в подполье, Ленин просил именно Каменева в случае, “если меня укокошат”, издать его тетради о государстве, то есть книгу “Государство и революция”¹. Каменев руководил первым изданием Собрания сочинений Ленина. Во время болезни именно Каменеву Ленин передал свой личный архив, из которого позднее возник Институт В.И. Ленина. В 1923—1924 гг. Каменев председательствовал на заседаниях не только Совнаркома, но и Политбюро. Но Каменев не был честолюбив, он был уступчив и мягок. Он заметно превосходил и Сталина, и Зиновьева как теоретик, но уступал им как политик и администратор. Это и определило руководящую роль Зиновьева в его блоке с Каменевым.

БОРЬБА С “НОВОЙ” ОППОЗИЦИЕЙ

Смерть Ленина и последовавший вскоре XIII съезд РКП (б) внесли некоторые, казалось бы, не слишком значительные изменения в расстановке главных фигур в руководстве страной и партией. В первую очередь нужно было решить вопрос о назначении нового Председателя Совнаркома СССР. Имелось всего две кандидатуры — Л.Б. Каменев и А.И. Рыков. Каменев не домогался этого поста, хотя именно он в большинстве случаев председательствовал на заседаниях Совнаркома во время болезни Ленина. Без каких-либо споров на Политбюро была утверждена кандидатура А.И. Рыкова. При этом в качестве одного из доводов против Каменева было названо его еврейское происхождение. “Мы должны учитывать, — заявил при обсуждении этого вопроса Сталин, — мужицкий характер России”. Каменев был назначен председателем Совета труда и обороны (СТО), это был созданный еще в годы гражданской войны подсобный орган Совнаркома СССР (а ранее РСФСР), в задачи которого входило согласование работы всех ведомств страны в области обороны и хозяйственного строительства. На заседаниях СТО присутствовали лишь некоторые народные комиссары, а также представитель ВЦСПС и ЦСУ, то есть профсоюзов и статистического управления.

Сталин, как уже говорилось, остался и после XIII съезда партии генеральным секретарем ЦК РКП (б). За два года пребывания на этом посту его власть и влияние заметно усилились. Он уже не был “незаметной” фигурой, и его тяжелую руку почув-

¹ Энциклопедический словарь Гранат, т. 41, ч. 1, с. 167.

вствовали многие партийные руководители. Он немало потрудился над созданием партийного аппарата, и это был во все большей степени "его" аппарат. К тому же борьба с троцкистской оппозицией привела не только к решающему ослаблению политического авторитета Троцкого. Она ослабила и политический авторитет Зиновьева и Каменева, против которых главным образом направлял свои удары Троцкий.

В Политбюро на освободившееся после смерти Ленина место был избран Н.И. Бухарин. Полноправными членами Политбюро были в конце 1924 г. семь человек: Бухарин, Зиновьев, Каменев, Рыков, Сталин, Томский и Троцкий. По основным вопросам внешней и внутренней политики Рыков, Томский и Бухарин поддерживали Сталина, и это создавало для последнего возможность выйти из-под опеки Зиновьева и Каменева.

Сразу же после XIII съезда партии Сталин начал оттеснять Зиновьева и Каменева от их руководящего положения в "тройке". Недавней дружбе наступал конец. Уже через несколько недель после съезда партии в "Правде" был опубликован доклад Сталина "Об итогах XIII съезда РКП (б)", прочитанный им на курсах секретарей укомов партии при ЦК. В этом докладе Сталин обвинил Каменева в его "обычной беззаботности насчет вопросов теории, насчет точных теоретических определений"¹. Поводом к этому обвинению послужило искажение в докладе Каменева ленинской цитаты о превращении "России нэповской в Россию социалистическую". Вместо слова "нэповской" в "Правде" было напечатано "нэпмановской". Сталин пустился в рассуждения о том, что никакой "нэпмановской" России у нас нет и быть не может. Допущенная ошибка была результатом невнимательности стенографиста и корректора, о чем через несколько дней сообщила "Правда".

В том же докладе Сталина содержались нападки и на Зиновьева, хотя его фамилия не упоминалась. "Нередко говорят, — заявлял Сталин, — что у нас "диктатура партии"... Мне помнится, что в одной из резолюций нашего съезда, кажется, даже в резолюции XII съезда, было пущено такое выражение, конечно, по недосмотру. Видимо, кое-кто из товарищей полагает, что у нас диктатура партии, а не рабочего класса. Но это же чепуха, товарищи"².

Разумеется, Сталин хорошо знал, что положение о диктатуре партии выдвинул и пытался обосновать в своем политическом докладе на XII съезде РКП (б) Зиновьев. И в единогласно принятую резолюцию съезда это выражение попало отнюдь не по недосмотру.

Зиновьев и Каменев очень болезненно реагировали на вы-

¹ Сталин И.В. Соч., т. 6, с. 257.

² Там же, с. 258.

пад Сталина. По их требованию в ЦК собралось совещание руководящего ядра партии, на котором присутствовали 25 членов ЦК и все члены Политбюро. Большинство голосов рассуждения Сталина о "диктатуре партии" были отвергнуты и одновременно была одобрена статья Зиновьева, которую "Правда" опубликовала как редакционную¹. Сталин демонстративно подал в отставку, но она не была принята. В решении совещания говорилось, что все высшие руководители партии должны согласовывать друг с другом свои действия и выступления.

Осенью 1924 г. Сталин провел осторожные перемещения в аппарате, ослабившие блок Зиновьева—Каменева. Их сторонник И.А. Зеленский был направлен секретарем Среднеазиатского бюро ЦК РКП (б). Перед этим он несколько лет возглавлял Московскую партийную организацию, а с 1924 г. входил также в Оргбюро и Секретариат ЦК. Его место в Москве занял Н.А. Угланов, вовсе не склонный безоговорочно поддерживать Каменева и Зиновьева. Секретарями ЦК после XIII съезда РКП (б) были избраны Молотов, Каганович и Андреев, то есть люди, которые безоговорочно принимали руководство Сталина.

Более серьезная борьба развернулась в ЦК по поводу судьбы Троцкого, уже потерпевшего политическое поражение. Зиновьев и Каменев требовали исключения Троцкого и его ближайших сподвижников из партии. Но здесь Сталин выступил против своих недавних союзников, и большинство ЦК согласилось с доводами Сталина. Троцкий не только не был исключен из партии, но остался членом ЦК и Политбюро. Предвидя скорое столкновение с Зиновьевым и Каменевым, Сталин хотел нейтрализовать и Троцкого, и троцкистов.

"Мы не согласились с Зиновьевым и Каменевым, — говорил позднее Сталин, — потому, что знали, что политика отсечения чревата большими опасностями для партии, что метод отсечения, метод пускания крови — а они требовали крови — опасен, разителен: сегодня одного отсекли, завтра другого, послезавтра третьего, — что же у нас останется в партии?"²

Такая позиция импонировала большей части работников партийного аппарата.

Зиновьев и Каменев попытались оказать давление на Политбюро через руководство комсомола, где большинство составляли их сторонники. Неожиданно ЦК РЛКСМ принял решение с требованием исключить Троцкого из Политбюро. Ответ Политбюро был очень быстрым — 15 членов ЦК РЛКСМ были выведены из его состава. Все это означало распад "тройки".

Разногласия в Политбюро касались главным образом второстепенных вопросов. Постепенно стали вырисовываться, однако,

¹ См. : "Правда", 23 августа 1924 г.

² Сталин И.В. Соч., т. 7, с. 380.

и многие принципиальные расхождения. Как раз в 1924—1925 гг. стал осуществляться важный поворот в политике партии в деревне, основная суть которого сводилась к ликвидации пережитков "военного коммунизма" и к развитию сельскохозяйственного производства в рамках более последовательного проведения новой экономической политики. В деревне был легализован наем батраков и облегчена аренда земли. Были отменены многие административные ограничения кулацкого хозяйства. Кроме того, был снижен сельскохозяйственный налог и уменьшены цена на промышленные товары. Основная цель этих мероприятий состояла в оживлении хозяйственной деятельности середняка — центральной фигуры в деревне. Однако от проведения в жизнь принятых решений выигрывала и зажиточная часть деревни. Выигрывала и вся страна в целом, ибо речь шла об увеличении производства продовольствия и сырья для легкой промышленности. Валовая продукция сельского хозяйства превысила уровень 1913 г. и продолжала увеличиваться¹.

В целом новые решения ЦК по проблемам деревни были правильными, и они вполне укладывались в рамки нэпа. Можно было бы лишь говорить о преждевременности некоторых решений. Так, например, снижение цен на промышленные товары в условиях сохранения товарного голода и сокращение сельскохозяйственного налога привели к увеличению денежной массы в деревне, то есть к росту неудовлетворенного спроса.

Основная роль в теоретическом оформлении нового курса сельскохозяйственной политики принадлежала Н.И. Бухарину, которому почти во всем вторил и А.И. Рыков. При этом они нередко формулировали свои предложения с последовательностью и откровенностью, которая шокировала многих ортодоксальных большевиков, привыкших к тому, что понятия "кулак", "торговец", "богатый крестьянин" являются синонимами понятия "враг пролетариата". Так, например, Рыков в своем докладе на XIV партийной конференции призывал вообще отказаться от каких бы то ни было административных форм давления на кулаков и на частный капитал в городе. Рыков считал, что к кулаку можно и нужно относиться так же, как и к середняку, то есть не притеснять его административными мерами, не "давить на него". Это не означало, конечно, отказа от многих мер экономического контроля и давления (например, через систему налогов). Более подробно развивал эту же точку зрения Бухарин. Критикуя на той же конференции идею обострения классово-борьбы в деревне, Бухарин выдвинул свою идею мирного развития в деревне.

¹ В 1926 г. валовая продукция сельского хозяйства на 18% превысила уровень урожайного 1913 г. В 1927 г. — на 21%. (См.: "Народное хозяйство СССР. 1922—1972. Юбилейный статистический справочник". М., 1972, с. 219.)

“Какие будут элементы в деревне? — спрашивал Бухарин. — Бедняцкая кооперация — колхозы. Середняцкая кооперация в области сбыта, закупок, кредита и т.д. Будет местами и кулацкая кооперация, которая, вероятно, будет иметь свою опору в кредитных товариществах. Вся эта лестница будет вращаться в систему наших банков, наших кредитных институтов и вместе с тем в систему наших хозяйственных учреждений вообще. Что же у нас в общем получится? В общем у нас получится то, что если кулак будет вращаться в общую систему, это будет элемент государственного капитализма; если бедняк и середняк — это будет та самая социалистическая кооперация, о которой говорил Владимир Ильич. Будет многоцветная картина”¹.

Через несколько месяцев эти идеи Бухарин развил в своей программной работе “Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз”.

И хотя Бухарин говорил о необходимости всемерно содействовать развитию производственной кооперации, то есть колхозов, он не считал возможным быстрое развитие колхозов из-за привязанности крестьян к своей частной собственности. Сначала нужно до предела развивать все возможности мелкого крестьянского землевладения, а затем все легче будет переводить крестьян и на рельсы производственного кооперирования, разумеется, при материальной поддержке государства. В условиях 1925 г. колхоз, по мнению Бухарина, еще не мог быть “столбовой дорогой” к социализму.

К этому времени относится и лозунг Бухарина “Обогащайтесь!”, который вызвал так много ожесточенных дискуссий. Выступая на собрании партийного актива Москвы еще до XIV партийной конференции, Бухарин сказал:

“Наша политика по отношению к деревне должна развиваться в таком направлении, чтобы раздвигались и уничтожались многие ограничения, тормозящие рост зажиточного и кулацкого хозяйства. Крестьянам, всем крестьянам надо сказать: обогащайтесь, развивайте свое хозяйство и не беспокойтесь, что вас прижмут”².

Очень скоро Бухарин отказался от этой формулировки, но подчеркнул, что это была “неправильная формулировка, ошибочная формулировка... совершенно правильного положения...”. Дело в том, что мы “не препятствуем накоплению кулака и не стремимся организовать бедноту для повторной экспроприации кулака”³.

И действительно, взгляды и высказывания Бухарина и Ры-

¹ “Четырнадцатая конференция Российской Коммунистической партии (большевиков), Стенографический отчет”. М. — Л., 1925, с. 187.

² “Правда”, 14 апреля 1925 г.

³ Бухарин Н.И. Текущий момент и основы нашей политики. М., 1925, с. 35. (Эти пояснения Бухарину пришлось делать неоднократно.)

кова не противоречили ни основным положениям научного социализма, ни взглядам и высказываниям Ленина. Строительство социализма в нашей стране только начиналось, причем оно проводилось в отсталой стране, в условиях мелкотоварного производства. Никаких готовых решений и рецептов не существовало, и потому необходимы были не догмы, а дискуссии и поиски в различных направлениях. Направление, представленное Бухариным и Рыковым, было одним из наиболее перспективных. Разве Ленин не говорил в 1921—1922 и в 1918 гг., что Россия страдает не столько от развития капитализма, сколько от его недостаточного развития. Разве Ленин не выступал за поощрение различных форм государственного капитализма, который может в условиях России долгие годы развиваться, не вступая в конфликт с развитием социализма. Ни Бухарин, ни Рыков не предполагали, конечно, что кулаки станут сторонниками социалистического строительства. Но они не считали опасным развитие кулацких хозяйств по линии государственного капитализма. Ибо нужно было не только заботиться о сохранении чистоты каких-то догматических положений, но и об обеспечении всей страны продовольствием, а также о поступлении в бюджет части накоплений богатых слоев крестьянства.

Но Ленин, как известно, не успел придать своим взглядам на возможные пути развития социализма завершенную форму. Его высказывания нередко противоречили одно другому. В период, когда наша партия переходила на рельсы "военного коммунизма", когда создавалась система продразверстки, продотрядов и комбедов (летом 1918 г.), а также в период острого кризиса "военного коммунизма" (летом и осенью 1920 г.), Ленин высказал немало таких положений, с которыми очень плохо согласовывались идеи Бухарина и Рыкова. Этим и воспользовались Зиновьев и Каменев, подвергая атаке экономическую платформу Бухарина и Рыкова, которая пользовалась тогда поддержкой большинства в Политбюро. И та, и другая сторона опиралась при этом на высказывания Ленина. Ленин говорил, например, что нэп является политикой "стратегического отступления пролетарского государства", и Зиновьев напомнил и комментировал эти слова. Но Ленин также говорил о том, что нэп вводится всерьез и надолго и является специфической формой развития социализма. На эти слова Ленина ссылался и их комментировал Бухарин. Сталин в основном поддерживал Бухарина, хотя и не солидаризировался с ним полностью. Но Сталин решительно возражал Зиновьеву и Каменеву, которые еще недавно выдавали себя за защитников крестьянства, а теперь обвиняли большинство в ЦК в "кулацком уклоне", требовали не ослабления, а усиления административного нажима на кулака и значительного увеличения налогового обложения кулачества. Каменев предлагал увеличить налоговое обложение зажиточных

слоев в деревне на 100—200 млн.руб. в год, а также произвести единовременное изъятие 1 млрд.руб. из деревни на нужды индустриализации. Зиновьев и Каменев явно преувеличивали удельный вес и влияние кулачества в послереволюционной деревне. К середине 20-х гг. кулацкие хозяйства составляли всего 4—5% общего числа крестьянских хозяйств против 20% в 1917 г. Поэтому беспокойство оппозиции насчет кулацкой опасности было явно преувеличено. Страна нуждалась в товарном хлебе, и потому предложение Каменева о частичном возрождении политики "военного коммунизма" было не только неправильным, но и опасным. Для характеристики разногласий, возникших в партии по крестьянскому вопросу, поучительно сравнить взгляды Бухарина и его оппонентов. Еще перед XIV партийной конференцией Бухарин утверждал, что Советская власть ни через 15, ни через 20 лет не экспроприрует кулаков и буржуазные верхи города, а будет конкурировать с ними экономически. Выступая на XIV партийной конференции, Ю.Ларин оспаривал утверждения Бухарина.

"Мы открыто признаем, — говорил он, — что у нас есть в деревне эксплуататоры и могут пока существовать потому, что нам выгоднее, чтобы существовали открыто, а не замаскированно, — на этом мы организуем бедноту, подыдем хозяйство, легче ограничим кабальные моменты. А затем, лет через 15—20, мы конфискуем, экспроприруем крупные частные хозяйства, когда придет для этого время. И действительно, через 15—20 лет мы конфискуем, если добром не отдадут, потому что — что же нам тогда еще останется делать?"¹ Из этих слов видно, сколь неточно не только Бухарин, но и его оппоненты предсказали судьбу кулачества в нашей стране.

Ряд нечетких положений содержался в претенциозной статье Г.Зиновьева "Философия эпохи" и в книге "Ленинизм", которая вышла в свет еще до XIV съезда ВКП(б). В них речь шла об общей оценке нэпа, определении понятия "государственный капитализм" и основных советских промышленных предприятий как государственно-капиталистических. Эти ошибочные, по мнению Бухарина, положения были подвергнуты критике в печати Бухариным, Рыковым и их сторонниками.

Надо полагать, что Сталин с удовлетворением наблюдал за развитием полемики, сохраняя себе определенную свободу действий. Он четко отмежевался от бухаринского призыва "Обогащайтесь!" и заставил Бухарина признать свою ошибку. По настоянию Сталина ЦК партии не разрешил публикацию статьи Н.К. Крупской с критикой бухаринского лозунга. Решительно отверг Сталин и утверждения Зиновьева о наличии в руко-

¹ "Четырнадцатая конференция Российской Коммунистической партии (большевиков)", с. 142.

водстве партии "кулацкого уклона". Не углубляясь в экономические дискуссии, Сталин в борьбе против зиновьевской оппозиции выступил в первую очередь как защитник тезиса о возможности построения социализма в отдельной стране.

Мы уже говорили выше о позиции Сталина в этом вопросе. Взгляды Зиновьева и Каменева здесь в большей мере были близки взглядам Троцкого, хотя они и высказывали их со многими оговорками и более осторожно. Тем не менее на одном из заседаний Политбюро они подвергли критике Сталина, обвинив его в недооценке мировой революции и в национальной ограниченности. Но большинство в Политбюро не поддержало Зиновьева и Каменева. Однако они продолжали защищать свою точку зрения главным образом в ленинградской печати. Партийный аппарат Ленинграда и северных областей почти полностью был подобран Зиновьевым из числа своих сторонников, и ленинградская печать весьма активно поддерживала его. Все попытки Сталина внедрить в партийный аппарат Ленинграда своих сторонников были безрезультатны. Это обстоятельство привело к необычному ранее в партийной жизни явлению — к открытой полемике между Московским и Ленинградским комитетами партии. Так, например, еще перед XIV съездом, явно не без инспирации Сталина, Московский комитет опубликовал "Открытое письмо" своим ленинградским коллегам, в котором, в частности, говорилось:

"Не так давно тт. Каменев и Зиновьев защищали в Политбюро ту точку зрения, будто бы мы не сможем справиться с внутренними трудностями из-за нашей экономической отсталости, если только нас не спасет международная революция. Мы же вместе с большинством ЦК думаем, что можем строить социализм, строим и построим его, несмотря на нашу техническую отсталость и вопреки ей. Мы думаем, что это строительство будет идти, конечно, гораздо медленнее, чем в условиях мировой победы. Но тем не менее мы идем и будем идти вперед. Мы точно полагаем, что точка зрения тт. Каменева и Зиновьева выражает неверие во внутренние силы нашего рабочего класса и идущих за ним крестьянских масс. Мы полагаем, что она есть отход от ленинских позиций"¹.

До сих пор перед съездом партии обычно объявлялась общая партийная дискуссия. Но по решению Политбюро и вопреки возражениям Каменева и Зиновьева перед XIV съездом партии общесоюзной дискуссии не проводилось. Открытая критика некоторых аспектов деятельности ЦК и персонально Бухарина была высказана лишь на ленинградской партийной конференции, избравшей делегатов на съезд партии.

XIV съезд ВКП (б) состоялся в конце декабря 1925 г. Перед

¹ Меклер М. О победе социализма в одной стране. Л., 1926, с. 30—31.

съездом Сталин предложил Зиновьеву компромисс, но на условиях, при которых ленинградская партийная организация должна была перейти из-под личного контроля Зиновьева под контроль ЦК. Зиновьев отказался. Вместе с тем он пытался получить гарантии того, что после съезда к членам "новой" оппозиции в случае прекращения ими открытой оппозиционной деятельности не будет применено никаких репрессивных мер. Сталин отказался дать подобные гарантии. Он провоцировал таким образом "новую" оппозицию выступить со своей платформой непосредственно на съезде партии, не имея при этом никаких шансов на успех. Зиновьев был достаточно опытным аппаратчиком, чтобы понимать это. Тем не менее он потребовал для себя права выступить не съезде с содокладом от меньшинства. Это требование было удовлетворено.

В основном политическом докладе на съезде Сталин ничего не сказал о разногласиях с зиновьевско-каменевской оппозицией. Упомянув о победе партии в борьбе с троцкистской оппозицией, он заметил:

"Нынче мы вступили, к сожалению, в полосу новой дискуссии. Я уверен, что партия быстро преодолет и эту дискуссию и ничего особенного случиться не может... Чтобы не предвосхищать событий и не растревлять людей, я не буду в данный момент касаться существа [дискуссии]... Я думаю, что члены съезда это скажут сами, а я подведу итоги в заключительном слове"¹.

Таким образом, Сталин сразу поставил себя в более выгодное положение. Он предоставил Зиновьеву возможность сделать первый шаг в развертывании внутрипартийной борьбы, оставив для себя право подвести итог дискуссии.

Содоклад Зиновьева был, однако, весьма слабым, скучным и неубедительным. Опытный оратор и полемист, он в данном случае не смог увлечь за собой никого из делегатов съезда, и ему аплодировала лишь ленинградская делегация. Положение "новой" оппозиции осложнялось и тем обстоятельством, что по многим теоретическим вопросам видные деятели оппозиции существенно расходились между собой, что нашло отражение и в их выступлениях на XIV съезде партии.

Разумеется, их выступления содержали много справедливых замечаний. Не была лишена оснований их критика некоторых мероприятий ЦК в области сельского хозяйства. Справедливы были и указания оппозиции на ужесточение внутрипартийного режима, прикрываемого лозунгом единства партии. Так, например, Н.К. Крупская, открыто поддержавшая Зиновьева и Каменева, выступила на съезде против зажима внутрипартийной демократии, против линии на устранение участников оп-

¹ Сталин И.В. Соч., т. 7, с. 348.

позиции с руководящих постов в партии, против требования к членам оппозиции не только выполнять все принятые большинством съезда решения, но также немедленно и публично отказаться от своих взглядов и убеждений. По словам Крупской, Ленин никогда не выдвигал подобных требований перед своими оппонентами. Крупская справедливо заметила, что и съезды партии не всегда принимают правильные решения. "Большинство, — говорила Крупская, — не должно упиваться тем, что оно — большинство, а беспристрастно искать верное решение"¹.

Приходится признать сегодня справедливость предупреждений некоторых деятелей оппозиции насчет опасности растущего культа отдельных вождей, и прежде всего культа Сталина. Наиболее решительно высказался на этот счет Л. Каменев. Он сказал:

"Мы против того, чтобы создавать теорию "вождя", мы против того, чтобы делать "вождя". Мы против того, чтобы Секретариат, фактически объединяя и политику, и организацию, стоял над политическим органом. ...Лично я полагаю, что наш генеральный секретарь не является той фигурой, которая может объединить вокруг себя старый большевистский штаб... Именно потому, что я неоднократно говорил это т.Сталину лично, именно потому, что я неоднократно говорил группе товарищей-ленинцев, я повторяю это на съезде: я пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнить роль объединителя большевистского штаба".

Если бы эти слова прозвучали на предыдущем XIII съезде партии, когда только что стало известно "Завещание" Ленина, Сталин почти наверняка не сохранил бы за собой пост генерального секретаря ЦК. Но на XIV съезде ВКП(б) эти слова были прерваны негодующими возгласами большинства делегатов. В стенограмме съезда мы можем прочесть:

*(Голоса с мест: "Неверно!" "Чепуха!" "Вот оно в чем дело!" "Раскрыли карты!" ...Крики: "Мы не дадим вам командных высот!", "Сталина! Сталина!". Делегаты встают и приветствуют товарища Сталина. Бурные аплодисменты. Крики: "Вот где объединилась партия! Большевистский штаб должен объединиться!", "Да здравствует товарищ Сталин!" Бурные продолжительные аплодисменты, крики "Ура!" Шум)*².

Именно после XIV съезда партии Сталина стали особо выделять среди всех членов Политбюро.

Как и следовало ожидать, "новая" оппозиция потерпела

¹ "XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)", с. 165—166.

² Там же, с. 274—275.

на съезде полное поражение. Резолюция по отчету ЦК ВКП (б) была принята 559 голосами против 65¹. Партия отвергла в 1925 г. притязания Зиновьева и Каменева на руководство в ЦК, как в 1924 г. она отвергла аналогичные притязания Троцкого.

Окончательная победа Сталина над "новой" оппозицией была одержана уже после XIV съезда партии. Несмотря на возражения Зиновьева, съезд принял специальное обращение "Ко всем членам ленинградской организации ВКП (б)", в котором осуждалось поведение ленинградской делегации на съезде партии.

"Оппозиция разоблачила себя на съезде целиком, — говорилось в этом обращении. — Съезд обращается ко всем членам ленинградской организации с призывом положить конец... попыткам подрыва единства нашей ленинской партии... XIV съезд не сомневается, что ленинградская организация, всегда шедшая в авангардных рядах партии, сумеет исправить ошибки, допущенные ленинградской делегацией"².

Сразу же после съезда большая группа делегатов во главе с Молотовым, Калининым, Ворошиловым, Андреевым, Кировым, Микояном, Орджоникидзе и другими выехала в Ленинград для разъяснения решений и резолюций съезда. Зиновьев и его сторонники в Ленинграде приняли вызов и защищали на проводившихся собраниях свою позицию. Но они проиграли это неравное политическое сражение. Уже на партийном собрании Путиловского завода была принята резолюция с поддержкой решений съезда партии. Затем аналогичные резолюции стали принимать на большинстве собраний первичных партийных организаций, на районных партийных конференциях и в конечном счете такая же резолюция была принята на областной партийной конференции. В целом против оппозиции голосовало 96,3% участников партийных собраний. За оппозицию голосовало 3,2%, и 0,5% участников собраний воздержались от голосования³. Был избран новый состав Ленинградского губкома и Северо-Западного бюро ЦК во главе с С.М. Кировым. Были переизбраны также все бюро райкомов партии и комсомола.

Изменения произошли и в высшем эшелоне партийного руководства. Зиновьев был отозван с поста председателя Исполкома Коминтерна. Этот пост был вообще ликвидирован. Секретариат Исполкома Коминтерна возглавил Бухарин. Зиновьев был оставлен в составе Политбюро, однако Л. Каменев был переведен из членов в кандидаты в члены Политбюро. Он был

¹ "XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)", с. 524.

² Там же, с. 711, 710.

³ "Ленинградская правда", 22 января 1926 г.

также освобожден с поста председателя ЦТО и заместителя председателя Совнаркома СССР. На короткое время Каменев был назначен на пост наркома внутренней и внешней торговли. Полноправными членами Политбюро стали Ворошилов, Молотов и Калинин. Тем самым Сталин обеспечил себе решающее большинство не только в Секретариате, но и в Политбюро.

СМЕРТЬ М.В. ФРУНЗЕ И Ф.Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

В середине 20-х гг. состав ЦК ВКП(б) был еще невелик — после XIII съезда РКП(б) в ЦК было избрано 53 члена, а после XIV съезда ВКП(б) Центральный Комитет увеличился всего на 10 человек. Влияние Политбюро и других органов ЦК было еще не столь велико, как в конце десятилетия. При этом в ЦК партии входили отдельные руководители, которые по своему влиянию и авторитету были не ниже, а иногда и выше отдельных членов Политбюро и Секретариата ЦК. Огромный авторитет этих членов ЦК, естественно, ограничивал влияние и власть Сталина да и всех других борющихся за руководство лидеров партии. Пожалуй, наибольшей независимостью взглядов и влиянием в этой группе членов ЦК пользовались два человека — М.В. Фрунзе и Ф.Э. Дзержинский. К тому же, кроме влияния, в руках этих людей имелаась и очень большая доля власти.

Как известно, М.Фрунзе еще задолго до Октябрьской революции стал большевиком и профессиональным революционером. Перейдя на службу в Красную Армию после короткой работы в Иваново-Вознесенском губкоме партии и губисполкоме, Фрунзе уже в начале 1919 г. командовал Южной группой войск Восточного фронта, которая нанесла ряд чувствительных поражений армиям Колчака. Через несколько месяцев, возглавив Восточный фронт, Фрунзе руководил боями за освобождение Урала, а затем боями в Средней Азии. Назначенный в сентябре 1920 г. командующим Южным фронтом, Фрунзе руководил разгромом войск Врангеля в Северной Таврии и в Крыму, а после окончания гражданской войны был назначен уполномоченным Реввоенсовета на Украине и в Крыму, а затем командующим Красной Армией на Украине и в Крыму. В отличие от таких людей, как Ворошилов, Фрунзе в совершенстве овладел стратегией и тактикой военного дела и пользовался большим авторитетом не только среди большевиков-комиссаров, но и специалистов военного дела из числа бывших офицеров. После отставки Троцкого именно Фрунзе был назначен в январе 1925 г. новым председателем РВС СССР и народным комиссаром по военным и морским делам. Автор ряда фундаментальных работ по военной теории, обобщавших опыт гражданской войны, Фрунзе способствовал разработке советской военной доктрины и зало-

жил основы советской военной науки. Фрунзе являлся самостоятельным и решительным политическим и военным лидером, и, хотя он был избран в 1924 г. лишь кандидатом в члены Политбюро, его моральный и политический авторитет в стране и партии был очень велик, не говоря уже о Красной Армии, в которой он был в 1925 г. фактическим командующим. И хотя в Красной Армии в это время имелось еще немало сторонников Троцкого, армия в целом приняла руководство М.В. Фрунзе, начавшего проводить здесь важные реформы.

Еще лучше знали в партии и в стране Ф.Э. Дзержинского, которого не без основания называли "рыцарем революции". Дзержинский примкнул к социал-демократическому движению в 1895 г. 18-летним юношей и уже в 1907 г. стал членом ЦК РСДРП (а еще ранее членом Главного правления социал-демократической партии Польши и Литвы). Дзержинский, немало лет проведший в тюрьмах и на каторге царской России, был избран в ЦК партии большевиков еще в апреле 1917 г. После победы Октября именно ему было доверено организовать и возглавить особые организации Советского правительства — Всероссийскую Чрезвычайную комиссию (ВЧК), позднее также Военный совет войск внутренней охраны, а также Народный комиссариат внутренних дел, пограничные войска и народную милицию. Дзержинский, бессменно возглавляя органы ВЧК—ОГПУ, руководил также в течение нескольких лет Наркоматом путей сообщения, отвечал за работу по ликвидации детской безпризорности, а с 1924 г. был назначен также председателем Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ). Как и Фрунзе, Дзержинский в 1924 г. был избран лишь кандидатом в члены Политбюро, однако его огромный политический и моральный авторитет и не менее значительная власть делали его одной из ключевых фигур большевистского руководства.

Неожиданная смерть Фрунзе в 1925 г. и Дзержинского в 1926 г. изменила расстановку сил в руководстве партии и, несомненно, усилила позиции и влияние Сталина, который сумел в 1925—1926 гг. взять под свой личный контроль руководство Красной Армией и ОГПУ, что было бы невозможно при Фрунзе и Дзержинском. Известно, что Дзержинский прямо инструктировал всех чекистов, что органы ВЧК—ОГПУ являются органами партии и революции и не могут, не должны и не имеют права служить интересам какого-либо отдельного "вождя" партии.

Особенно много противоречивых толков породила смерть 40-летнего М.В. Фрунзе. Новый народный комиссар по военным и морским делам страдал язвенной болезнью желудка, и это временами выводило его из строя. Любой опытный врач даже в 1925 г. хорошо знал, что при язве желудка следует вначале испробовать консервативное лечение и лишь в случае его безрезультатности прибегать к хирургическому вмешательству.

Известно, что Фрунзе не хотел делать операцию и предпочитал консервативное лечение, тем более что к осени 1925 г. он чувствовал себя очень хорошо, язвенная болезнь почти не давала о себе знать. Сохранилось письмо М.В. Фрунзе к жене, которое он написал 26 октября 1925 г. то есть за пять дней до смерти. "Ну вот... и подошел конец моим испытаниям," — говорится в этом письме. — Завтра утром я переезжаю в Солдатенковскую [ныне Боткинскую...— Р.М.] больницу, а послезавтра (в четверг) будет операция. Когда ты получишь это письмо, вероятно, в твоих руках уже будет телеграмма, извещающая о ее результатах. Я сейчас чувствую себя абсолютно здоровым и даже как-то смешно не только идти, а даже думать об операции. Тем не менее оба консилиума постановили ее делать. [Курсив мой.— Р. М.] Лично этим решением удовлетворен. Пусть уж раз навсегда разглядят хорошенько, что там есть, и попытаются наметить настоящее лечение. У меня самого все чаще и чаще мелькает мысль, что ничего серьезного нет, ибо в противном случае как-то трудно объяснить факт моей быстрой поправки после отдыха и лечения"¹.

Неизбежно возникает вопрос: почему, несмотря на столь очевидный успех консервативного лечения, оба консилиума постановили делать операцию? Это невероятное для опытных врачей решение можно объяснить только давлением извне. А такое давление существовало. Известно, что вопрос о болезни Фрунзе обсуждался даже на Политбюро, причем именно Сталин в Ворошилов настаивали на проведении операции.

В своем письме к жене М.В. Фрунзе несколько покривил душой. Он не был ни в какой степени удовлетворен решением двух консилиумов. Однако эти решения ставили его — храбрейшего полководца — в трудное положение. Отказаться от операции значило вызвать упреки в боязни, в нерешительности. И Фрунзе согласился, но сделал это с тяжелым сердцем. В 1965 г. были опубликованы воспоминания старого большевика и личного друга М.В. Фрунзе И.К. Гамбурга. "Незадолго до операции, — пишет Гамбург о последних днях М.В.Фрунзе, — я зашел к нему повидаться. Он был расстроен и сказал, что не хотел бы ложиться на операционный стол... Предчувствие какого-то неблагоприятного, чего-то непоправимого угнетало его... Я убеждал Михаила Васильевича отказаться от операции, поскольку мысль о ней его угнетает. Но он отрицательно покачивал головой: — Сталин настаивает на операции, говорит, что надо раз и навсегда освободиться от язвы желудка. Я решил лечь под нож..."²

¹ "Красная звезда", 31 октября 1930 г. Статья С. Сиротинского "Последние дни".

² Г а м б у р г И.К. Так это было... Воспоминания. М., 1965, с. 181—182.

Операция состоялась днем 29 октября. Для наркоза применяли хлороформ, хотя уже в 1925 г. было известно более эффективное средство — эфир. По свидетельству Гамбурга, Фрунзе плохо засыпал, наркоз действовал на него слабо. Профессор Розанов, руководивший операцией, принял решение увеличить почти вдвое против нормы дозу хлороформа, что было крайне опасно для сердца Фрунзе. Невольно возникает вопрос: нужно ли было идти на риск, если состояние здоровья не вызывало особых опасений?

Операция началась в 12 часов 40 минут. При этом сразу же выявилась ее полная ненужность. Хирурги не обнаружили никакой язвы желудка; имелся небольшой рубец на месте зажившей язвы. Однако для сердца Фрунзе оказалась непосильной увеличенная доза наркоза. Состояние больного стало резко ухудшаться. В 5 часов вечера 29 октября, то есть уже после операции, в больницу приехали Сталин и Микоян, но в палату к больному их не пустили. Сталин передал Фрунзе записку: "Дружок! Был сегодня в 5 ч. вечера у т.Розанова (я и Микоян). Хотели к тебе зайти, — не пустил, язва. Мы вынуждены были покориться силе. Не скучай, голубчик мой. Привет. Мы еще придем, мы еще придем... *Коба*".

Увидеть Фрунзе живым ни Сталину, ни Микояну уже не пришлось. Через 30 часов после операции сердце М.В. Фрунзе перестало биться.

1 ноября 1925 г. в "Правде" было опубликовано правительственное сообщение: "В ночь на 31 октября от паралича сердца умер после операции председатель Реввоенсовета СССР Михаил Васильевич Фрунзе".

В тот же день в газетах был опубликован и протокол вскрытия, в котором, в частности, говорилось: "Анатомический диагноз: ...зажившая круглая язва 12-перстной кишки с резко выраженным рубцовым уплотнением... Поверхностные изъязвления различной давности выхода желудка в верхней части 12-перстной кишки... Острое гнойное воспаление брюшины. Паренхиматозное перерождение мышцы сердца, почек, печени..."¹

¹ Совершенно очевидно, что у Фрунзе до операции не было "острого гнойного воспаления брюшины", так как, по свидетельству самого Фрунзе и его друзей, чувствовал он себя вполне здоровым и работоспособным. Этот острый перитонит, который, несомненно, являлся главной причиной смерти Фрунзе, был одним из последствий операции, во время которой в брюшную полость оперируемого и была занесена инфекция. Послеоперационные перитониты развиваются обычно очень быстро — в течение суток, а бороться с ними в 1925 г. еще не умели. Что касается перерождения мышцы сердца, почек, печени, то все это было результатом принятой М.В. Фрунзе повышенной дозы хлороформа. В любом лекарственном справочнике указывается, что хлороформ является высокотоксичным веществом. Он может вызывать нарушение сердечного ритма, дистрофические изменения в миокарде, жировое перерождение, цирроз и атрофию печени. Он нарушает также обмен веществ, в частности углеводный обмен.

В этом же номере газет содержалось и довольно туманное заключение о болезни Фрунзе. "Заболевание М.В.Фрунзе, — говорилось в нем, — как показало вскрытие, заключалось, с одной стороны, в наличии круглой язвы 12-перстной кишки, подвергшейся рубцеванию и повлекшей за собой развитие рубцовых разрастаний... С другой стороны; в качестве последствий от бывшей в 1916 г. операции — удаления червеобразного отростка, имелся старый воспалительный процесс брюшной полости. Операция, предпринятая 29 октября 1925 г. по поводу язвы 12-перстной кишки, вызвала обострение имевшего место хронического воспалительного процесса, что повлекло за собой быстрый упадок сердечной деятельности и смертельный исход. Обнаруженные при вскрытии недоразвитость аорты и артерий, а также сохранившаяся зубная железа являются основой для предположения о нестойкости организма по отношению к наркозу и в смысле плохой сопротивляемости его по отношению к инфекции".

3 ноября 1925 г. в "Правде" было опубликовано несколько статей, посвященных памяти Фрунзе. ("Можем ли мы упрекнуть бедное сердце, — писал, например, М.Кольцов, — за сдачу перед шестьюдесятью граммами хлороформа, после того как оно выдержало два года смертничества, веревку палача не шее".) Здесь же была помещена и официальная статья "К истории болезни тов. Фрунзе". "Ввиду интереса, какой представляет для товарищей вопрос об истории болезни тов. Фрунзе, — говорилось в ней, — редакция считает своевременным напечатать следующий документ".

Далее шли протоколы двух консультаций у постели М.В.Фрунзе и заключение об операции. В этом заключении, в частности, говорилось: "29 октября 1925 г. у тов. М.В. Фрунзе в больнице имени Боткина проведена операция проф. В.Н.Розановым при участии проф. И.Грекова, проф. А.Мартынова и доктора А.Д. Очкина... Операция, произведенная под общим наркозом, длилась 35 мин. По вскрытии брюшной полости... обнаружены... диффузное уплотнение привратника и небольшой рубец в начале 12-перстной кишки, по-видимому, на месте зажившей язвы... Больной трудно засыпал и оставался под наркозом один час 5 мин."

Нелишне будет привести еще один документ — запись беседы с профессором Грековым, опубликованную в газете "Известия" 3 ноября и полную всякого рода противоречивых и туманных рассуждений.

"Последний консилиум был 23 октября, — заявил Греков. — Все подробности этого совещания были изложены тов. Фрунзе, и ему была предложена операция. Несмотря на то, что возможность неблагоприятного исхода от тов. Фрунзе не скрывалась, он все-таки пожелал подвергнуться операции, так как считал свое

состояние лишаящим его возможности продолжать ответственную работу. Тов. Фрунзе просил только оперировать его по возможности скорее. После операции вызвала тревогу плохая деятельность сердца... К больному после операции, естественно, никого не допускали, но, когда тов. Фрунзе сообщили, что ему прислал записку тов. Сталин, он попросил записку эту прочесть и радостно улыбался... Операция относилась к разряду нетяжелых. Произведена она была по всем правилам хирургического искусства, и печальный исход ее представлялся бы совершенно необъяснимым, если не взвесить данных, полученных при операции и вскрытии. Ясно, что в организме... были особенности, которые и обусловили печальный исход". Далее говорилось о том, что революция и война ослабили организм Фрунзе. "Невольно возникает вопрос, — закончил свою беседу Греков, — можно ли было обойтись без операции? Все изменения, которые обнаружались при операции, говорят, несомненно, в пользу того, что тов. Фрунзе был без операции неизлечим и даже находил под угрозой неминуемой и возможно внезапной смерти".

Обстоятельства, связанные с неожиданной смертью М.В.Фрунзе после сравнительно несложной операции, а также крайне путаные объяснения врачей, проводивших эту операцию, вызвали недоумение в широких партийных кругах. Иваново-вознесенские коммунисты (революционная деятельность Фрунзе была ранее тесно связана с Иваново-Вознесенском) требовали даже создать специальную комиссию для расследования причин его смерти. В середине ноября 1925 г. под председательством Н.И. Подвойского состоялось также заседание правления Общества старых большевиков по поводу смерти М.В. Фрунзе. На это заседание был вызван нарком здравоохранения Н.А. Семашко. Из доклада Семашко и его ответов на заданные вопросы выяснилось, что ни лечащий врач, ни проф. В.Н. Розанов не торопились с операцией и что многие участники консилиума не были достаточно компетентны. Все дело шло не через Наркомат здравоохранения, а через лечебную комиссию ЦК, во главе которой имелись люди, о которых Семашко отозвался весьма неодобрительно. Выяснилось также, что перед консилиумом В.Н. Розанова вызывали с себе Сталин и Зиновьев. От Семашко же стало известно, что уже во время операции от слишком большой дозы наркоза возникла угроза смерти Фрунзе на операционном столе. После смерти Фрунзе проф. Розанов был настолько потрясен, что не мог работать, и председатель Совнаркома СССР А. Рыков приезжал к нему, чтобы его успокоить и сообщить, что никто не возлагает на него ответственность за случившееся. Правление Общества старых большевиков после обсуждения этого вопроса в своем решении подчеркнуло безобразное отношение к старым большевикам: было условлено также довести это решение до сведения съезда партии.

На XIV съезде ВКП (б) в декабре 1925 г. вопрос о смерти Фрунзе не обсуждался. Однако в журнале "Новый мир", в № 5 за 1926 г. опубликована "Повесть непогашенной луны" писателя Б.Пильняка. В предисловии к ней говорилось: "Фабула этого рассказа наталкивает на мысль, что поводом к написанию его и материалом послужила смерть М.В. Фрунзе. Лично я Фрунзе почти не знал, едва был знаком с ним, видел его раза два. Все это я нахожу необходимым сообщить читателю, чтобы читатель не искал в нем подлинных фактов и живых лиц". Однако в действительности речь шла в повести именно о смерти М.В. Фрунзе, причем Б.Пильняк обнаружил очень хорошее знание всех обстоятельств, связанных с операцией и смертью Фрунзе. Не удивительно, что весь тираж журнала с повестью Пильняка был немедленно конфискован. Случайно сохранилось лишь несколько номеров журнала, представляющих сегодня огромную библиографическую редкость. Уже в следующем номере "Нового мира" редакция признала, что публикация повести Пильняка была "явной и грубой ошибкой".

Историк А.Антонов-Овсеенко не сомневается в том, что смерть Фрунзе в результате операции являлась "политической акцией устранения", которая была организована Сталиным. Американский историк и советолог А. Улам в своей книге о Сталине решительно возражает против этого. Он считает, что все объяснялось крайне низким уровнем медицинского обслуживания в СССР в 1925 г. Улам напоминает, что еще при Ленине была введена практика вмешательства партийных властей в медицинские дела, и многим партийным руководителям принудительно предписывался отдых или лечение. Так что решение Политбюро об операции Фрунзе не являлось каким-то необычным исключением из общего правила. Повесть Пильняка Улам считает несомненной клеветой, которую "Пильняк предпринял под влиянием кого-то, кто хотел ударить по Сталину. Примечательно, — писал он, — что для Пильняка и редактора в то время не было никаких последствий... То ли от презрения ко лжи, то ли из-за расчетливой сдержанности, а может быть, и от того, и другого Сталин предпочел не реагировать на клевету, которая даже в демократическом обществе обеспечила бы достаточные основания для уголовного судебного преследования ее автора и издателя"¹.

А.Улам, конечно, неправ, когда пишет о "презрении Сталина ко лжи". Медицинское обслуживание в СССР в 1925 г. было действительно организовано очень плохо, но не для самых высших руководителей страны. Когда речь шла об их здоровье, приглашали лучших врачей, в том числе врачей и консультантов из Германии. Политбюро старалось заботиться о здоровье членов

¹ U l a m A d a m B. Stalin..., p. 260—261.

ЦК ВКП (б), выписывая из-за рубежа хороших врачей, лекарства или направляя советских лидеров в лучшие клиники Швейцарии и Германии или на курорты западных стран. Но Политбюро никогда не настаивало на том или ином методе лечения, а тем более на проведении операций, так что в этом отношении дело Фрунзе было как раз исключением и притом весьма странным. Принять какие-либо меры против Пильняка или редактора журнала означало бы для Сталина только привлечь чрезмерное внимание к этому делу. О демократическом суде по поводу "клеветы" не могло быть и речи, ибо суд мог сделать достоянием гласности такие подробности лечения Фрунзе, о которых все хотели поскорее забыть. С Пильняком Сталин расправился позже. Как только начался "большой террор" 1937—1938 гг., он был арестован одним из первых и или погиб в заключении, или же был сразу расстрелян.

Выступая 3 ноября 1925 г. на похоронах М.В. Фрунзе, Сталин сказал: "Может быть, это так именно и нужно, чтобы старые товарищи так легко и так просто опускались в могилу"¹. Разумеется, ни для народа, ни для партии этого не было нужно. Но это оказалось очень важным для Сталина, так как вместо Фрунзе на пост наркома по военным и морским делам был назначен К.Е. Ворошилов, который хотя и имел определенные заслуги перед партией и революцией, но не обладал ни в какой степени ни интеллектом, ни военными дарованиями, ни авторитетом Фрунзе, но зато находился под очень сильным влиянием Сталина еще со времен боев под Царицыном.

Нельзя не отметить, что в конце 1987 г. популярный литературно-художественный и общественно-политический журнал "Знамя" опубликовал "Повесть непогашенной луны" Б. Пильняка. В редакционном предисловии говорится: "Причина общественного скандала, разразившегося летом 1926 г. вокруг повести, заключалась не только в том, что в ней с большой долей достоверности... была рассказана история болезни и внезапной смерти на операционном столе Михаила Васильевича Фрунзе (призванное опровергнуть это обстоятельство, предисловие автора скорее усиливало подозрения в "портретности", нежели отводило их). Главной — и неназываемой — причиной резкой критики повести Б. Пильняка было то, что косвенного виновника случившейся трагедии автор увидел в фигуре "негорбящегося человека", толкнувшего командарма против его воли на роковую операцию... Таким образом, писатель имел, по-видимому, основания для своей трактовки трагического события, случившегося в 1925 г. Основная мысль этой маленькой повести была направлена против политического интриганства, позднее вылившегося в массовые репрессии 1937 г., ко-

¹ Сталин И.В. Соч., т. 7, с. 250—251.

торые коснулись прежде всего старой ленинской гвардии большевиков. В том же году оборвалась и жизнь автора повести". С этими словами нельзя не согласиться.

В июле 1926 г. скоропостижно скончался, не дожив до 50 лет, Ф.Э. Дзержинский. Он тяжело переживал острую внутрипартийную борьбу. Дзержинский не разделял платформы Зиновьева и Каменева, но несколько раз решительно высказывался и против грубых методов Сталина, применяемых им в полемике. Партия, казалось Дзержинскому, шла к расколу, и связанные с этой перспективой переживания ускорили его кончину.

Смерть Дзержинского на короткое время объединила все группы в партии. По свидетельству М.П.Якубовича, участвовавшего в траурной церемонии прощания с "рыцарем революции", гроб с телом Дзержинского выносили на Красную площадь вместе Сталин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков. Но это было, в сущности, последним актом партийного сплочения над гробом любимца партии и ее героя. Ибо именно летом 1926 г. внутривнутрипартийная борьба в ВКП (б) разгорелась с новой силой и приняла особенно резкий оборот. Что касается должности председателя ОГПУ СССР, то на нее был назначен В.Р.Менжинский, один из виднейших соратников Дзержинского. При всех своих достоинствах Менжинский не мог, однако, заменить своего предшественника на столь ответственном посту. У Менжинского не было особенно большого авторитета и влияния в партии. В 1926 г. он не был даже членом ЦК ВКП (б). К тому же Менжинский часто болел и поэтому мало занимался делами ОГПУ. Все большую и большую роль начинали играть заместители председателя ОГПУ, среди которых вскоре на первое место стал выдвигаться Г.Ягода, пользовавшийся покровительством Сталина. Таким образом и армия, и карательные органы партии и революции оказались к 1927—1928 гг. под контролем Сталина, что давало ему решающий перевес над другими членами Политбюро.

"ОБЪЕДИНЕННАЯ" ОПОЗИЦИЯ И БОРЬБА С НЕЙ В 1926—1927 гг.

В 1925 г. Троцкий и его не слишком многочисленные сторонники не принимали участия в той борьбе, которая развернулась между большинством ЦК и "новой" оппозицией. Хотя Зиновьев и Каменев атаковали Сталина и Бухарина в основном с левых позиций, повторяя нередко доводы, сходные с тезисами троцкистов, Троцкий рассматривал Зиновьева и Каменева скорее как "правое" крыло в партии и как своих личных врагов. Являясь членом Политбюро, Троцкий демонстративно держался в стороне от тех острых споров, которые все чаще и чаще еще с

конца 1924 г. возникали между Сталиным и его сторонниками, с одной стороны, и Зиновьевым и Каменевым — с другой. Иногда Троцкий приходил на заседание Политбюро с французским романом в руках и погружался в чтение, не обращая внимания на дискуссии. Однако, будучи политиком, он не мог слишком долго сохранять позицию стороннего наблюдателя.

В партийных и околопартийных кругах в начале 1925 г. стали распространяться слухи о неофициальной встрече Сталина с Троцким, предпринятой якобы по инициативе Сталина. Будто бы Сталин требовал от Троцкого каких-то уступок в обмен на прекращение кампании против троцкизма и предоставление Троцкому крупного поста в государстве. Мы не исключаем, что такая встреча могла состояться, несмотря на крайнюю взаимную антипатию Сталина и Троцкого. Троцкий не возражал против принятого в апреле 1925 г. решения о переименовании города Царицына в Сталинград. Как раз в это время американский публицист Макс Истман опубликовал книгу "После смерти Ленина", в которой привел не только весьма большие и точные выдержки из ленинского "Завещания", но и обрисовал ту борьбу, которая происходила внутри ЦК партии перед смертью и после смерти Ленина. Такую информацию М. Истман мог получить лишь от человека, достаточно близкого к Троцкому, которому американский публицист явно симпатизировал. Троцкий, однако, решительно отмежевался от Истмана и обвинил его в клевете на Ленина и большевистскую партию. Большое заявление Троцкого, в котором он писал откровенную неправду, было опубликовано в № 16 журнала "Большевик" за 1925 г. Во второй половине 1925 г. борьба с троцкизмом действительно пошла явно на убыль, что можно объяснить, впрочем, появлением "новой" оппозиции. На XIV съезде ВКП(б) Троцкий хотел даже выступить против Зиновьева и Каменева, но друзья отговорили его. Правда, когда дело дошло до голосования, делегаты съезда — сторонники Троцкого голосовали против платформы Зиновьева и Каменева. Сам Троцкий присутствовал на съезде лишь с правом совещательного голоса.

После XIV съезда Троцкий уже не мог оставаться вне борьбы. От своих ближайших сторонников он получал разные советы. Карл Радек — один из наиболее способных партийных публицистов — советовал Троцкому вступить в блок со Сталиным против Зиновьева и Каменева. Старый большевик Л.П. Серебряков, занимавший тогда видные посты в системе железнодорожного транспорта, рекомендовал Троцкому вступить в коалицию с Зиновьевым и Каменевым. С. Мрачковский — старый революционер, отличившийся на фронтах гражданской войны, предупреждал Троцкого против обоих "блоков". Троцкий решил последовать совету Серебрякова, который совпадал и с его собственным мнением. "В конце концов, — писал позднее Троц-

кий, — такого рода вопросы решаются не психологическими, а политическими оценками. Зиновьев и Каменев открыто признали, что троцкисты были правы в борьбе против них с 1923 г. Они приняли основы нашей платформы. Нельзя было при таких условиях не заключить с ними блока, тем более что за их спиной стояли тысячи ленинградских рабочих-революционеров”¹.

Еще до формального соглашения Зиновьев, Каменев и Троцкий и их сторонники стали поддерживать друг друга на заседаниях Политбюро и Центрального Комитета. Наконец, не без колебаний с обеих сторон была организована тайная встреча Троцкого, Зиновьева и Каменева. Это была их первая встреча вне официальной обстановки с начала 1923 г. За первым свиданием последовали другие, которые происходили на домашних квартирах в Кремле или на квартире Радека.

Настойчивая инициатива в этих переговорах исходила от Зиновьева и Каменева. Они пытались разоблачить Сталина, но представляли его не слишком опасным противником и были полны оптимизма. Каменев и Зиновьев считали, что, как только партия узнает о соглашении между ними и Троцким, большинство партийцев сразу же встанет на их сторону. Каменев однажды даже воскликнул, обращаясь к Троцкому: “Как только вы появитесь на трибуне рука об руку с Зиновьевым, партия скажет: “Вот Центральный Комитет! Вот правительство!” И Троцкий поддался на эти уговоры. Он готов был бороться за власть в блоке с Зиновьевым. Он не говорил теперь, что ему “невыносима” мысль о борьбе за власть. Правда, позднее он многократно уверял, что никогда не разделял иллюзий Зиновьева и Каменева. Но в этом можно усомниться, если проследить за всей историей их “объединенной” оппозиции. Принимая руководство оппозицией, Троцкий также надеялся на успех. Но только призывал своих союзников не надеяться на быстрый успех, не думать, как он писал позднее, что “победа упадет к нашим ногам, как зрелый плод. “Нам надо брать дальний прицел, — повторял я десятки раз Каменеву и Зиновьеву, — нужно готовиться к борьбе всерьез и надолго”. Сгоряча новые союзники храбро принимали эту формулу”².

Первое совместное выступление троцкистов и зиновьевцев произошло на апрельском пленуме ЦК (6—9 апреля 1926 г.), когда они потребовали разработки планов более интенсивной индустриализации страны. Еще через три месяца “объединенная” оппозиция направила в ЦК и ЦКК пространный документ, в котором была изложена их критика основных аспектов советской действительности и деятельности партийного руководства. Содержание этого документа можно легко представить уже

¹ Троцкий Л. Моя жизнь..., т.2, с.265.

² Там же, с. 266.

по заголовкам его основных разделов: "Бюрократизм и источники фракционности", "Причины роста бюрократизма", "Вопросы заработной платы", "Проблема индустриализации", "Политика в деревне", "Бюрократическая дегенерация пролетарского государства", "Бюрократическое перерождение партийного аппарата", "Бюрократизм и повседневная жизнь трудящихся", "Борьба за мир", "Коминтерн", "О фракционности", "За единство". Под этим документом стояли подписи Троцкого, Зиновьева, Каменева, Крупской, Бакаева, Лашевича, Муралова, Пятакова и др.

Естественно, что объединение двух группировок в партии сопровождалось взаимным отпущением грехов.

Каких только резких слов не говорили Зиновьев и Каменев в 1923—1924 гг. в адрес Троцкого и его платформы! Именно Зиновьев отбрасывал как "клевету" предупреждения Троцкого, касавшиеся бюрократизации и перерождения советского и партийного аппарата. Именно Каменев требовал в своих речах, чтобы партия "против мелкобуржуазного влияния Троцкого держала окопы в полном порядке". Даже организовав "новую" оппозицию, Зиновьев и Каменев обвиняли большинство ЦК в примиренчестве к троцкизму, называли политику ЦК "полутроцкистской". Совершенно иные речи стали звучать в речах лидеров оппозиции в 1926 г.

"Было такое печальное время, — говорил, например, Зиновьев на Президиуме ЦКК 26 июня 1926 г. — ...Вместо того чтобы нам — двум группам настоящих пролетарских революционеров — объединиться вместе против сползающих Сталина и его друзей, мы в силу ряда неясностей в положении вещей в партии в течение пары лет били друг друга по головам, о чем весьма сожалеем и надеемся, что это никогда не повторится".

"Несомненно, что в "Уроках Октября", — заявлял в свою очередь Троцкий, — я связывал оппортунистические сдвиги в политике с именами тт. Зиновьева и Каменева. Как свидетельствует опыт идейной борьбы внутри ЦК, это было грубой ошибкой. Объяснение этой ошибки кроется в том, что я не имел возможности следить за идейной борьбой внутри семерки и вовремя установить, что оппортунистические сдвиги вызывались группой, возглавляемой т. Сталиным, против тт. Зиновьева и Каменева"¹.

Неожиданный союз Зиновьева, Каменева и Троцкого обещал новое обострение внутрипартийной борьбы. Но этот союз не увеличивал возможностей оппозиции. Если бы такой союз был заключен в 1923 или даже в 1924 г., то одолеть его Сталин, вероятнее всего, не смог бы. Однако теперь борьба оппозиции за

¹ "Объединенный пленум ЦК и ЦКК 14—23 июля 1926 г.", вып. 4, с.103.

власть в партии и в стране была обречена на неудачу. Правда, весной и в начале лета лидеры оппозиции развернули весьма активную работу, значительную часть которой проводили конспиративно. В десятки городов были направлены представители блока, чтобы ознакомить своих сторонников с платформой оппозиции. Они проводили на местах нелегальные собрания сторонников оппозиции, вербуя в свою фракцию новых членов. Одно из нелегальных собраний с соблюдением всех правил конспирации состоялось в лесу под Москвой. С докладом на нем выступил М.Пашевич.

Первое открытое столкновение оппозиции с большинством ЦК произошло на пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) в июле 1926 г., где от имени оппозиционного блока выступил Троцкий. Партия увидела Троцкого, Зиновьева и Каменева на одной трибуне, но мало кто воскликнул: "Вот оно, правительство!" Подавляющее большинство ЦК осудило оппозицию. Зиновьев был выведен из состава Политбюро; от оппозиционеров в нем остался один Троцкий.

Не имея возможности подробно анализировать в этой книге все детали и эпизоды внутрипартийной борьбы, мы не можем не отметить, что многие критические высказывания оппозиции, несомненно, были правильны. Так, например, далеко не мифом являлась пустившая глубокие корни бюрократизация как советского, так и партийного аппарата. Много справедливого было и в критике некоторых аспектов экономической политики. Хотя промышленное производство в 1925—1926 гг. увеличивалось очень быстрыми темпами (до 30—35% в год), однако именно в эти годы в народном хозяйстве страны наметились некоторые опасные диспропорции. Несмотря на рост промышленного производства, обострялся товарный голод, ибо еще быстрее возрастал платежеспособный спрос как в городе, так и в деревне. Недостаток товаров затруднял для крестьян продажу излишков зерна. Заметно сократился экспорт, прежде всего экспорт хлеба. Пришлось сократить и импортный план. Уменьшение закупок хлопка создало трудности для текстильной промышленности. Возрастало пассивное сальдо советской внешней торговли, а стало быть, и задолженность СССР иностранным фирмам. Чтобы поддержать доверие к СССР как торговому партнеру, был увеличен вывоз золота и т.д.

Совершенно справедливым было требование оппозиции осудить теорию "социал-фашизма" — это понятие использовалось тогда при оценке деятельности социал-демократии. Теория "социал-фашизма", к созданию которой причастен был не только Сталин, но и Зиновьев, компрометировала коммунистов в глазах левой социал-демократии, помогала ее правым лидерам и мешала единству действий рабочего класса против наступления фашизма.

Однако общая направленность политической платформы оппозиции была ошибочной, несмотря на многие верные замечания.

Оппозиция по-прежнему защищала тезис о невозможности построения социализма в такой отдельно взятой стране, как СССР, без государственной помощи западного пролетариата. Как говорилось в одном из заявлений оппозиционных теоретиков, "техническая отсталость нашей страны и вытекающий из нее низкий уровень производительности труда, разумеется, являются огромным препятствием на пути социалистического строительства. Благодаря этой отсталости переход к действительно социалистической организации производства (при которой рабочий из рабочей силы превращается в хозяина производства, а товарный характер производства уничтожается) без помощи передовых стран, без мировой социальной революции для нас невозможен"¹.

Лидеры оппозиции в пылу полемики до крайности преувеличивали действительно существующие недостатки, что вызывало протест со стороны партийных кадров. То, что имелось как тенденция, выдавалось за уже начавшийся процесс; перерождение, затронувшее пока лишь часть партийного аппарата, преподносилось как перерождение едва ли не всего аппарата. Поэтому и лозунг оппозиции о необходимости "революции в партийном режиме" большинство в партии воспринимало как "левацкий". Курс партии оппозиция представляла как непрерывное отступление. На основании некоторого роста кулачества и нэповской буржуазии, вполне естественного при нэпе, оппозиция делала вывод, что Сталин, Рыков и Бухарин возрождают капитализм. Как утверждалось в одной из оппозиционных платформ, "в стране существуют две, исключаящие друг друга основные позиции: одна — позиция пролетариата, строящего социализм, другая — позиция буржуазии, стремящейся повернуть развитие на капиталистические рельсы... Между этими двумя позициями — все ближе к последней — проходит сталинская линия, состоящая из коротких зигзагов влево и глубоких — вправо"².

Неверным было и утверждение оппозиции, будто частный сектор более быстрыми темпами, чем общественный, осуществляет накопление. В явно демагогических целях оппозиция преувеличивала масштабы капиталистического развития в стране и связанные с этим опасности. В одном из ее программных документов говорилось: "На самом деле капитализм в деревне растет и абсолютно и относительно, растет с большой быстротой и с каждым днем увеличивается зависимость со-

¹ "Оппозиционный неоменьшевизм", М., 1927, с. 4.

² "Большевик", 1927, № 19—20, с. 13.

ветского государства и его промышленности от сырьевых и экспортных ресурсов зажиточно-кулацкой части деревни. Развитие аграрного капитализма, подпирającego живучий городской капитализм, оказалось достаточным, чтобы пробудить сознание своей силы у всех буржуазных элементов страны, чувствующих к тому же за своей спиной огромные резервы мирового капитализма"¹.

Советская промышленность стала действительно получать все больше и больше сырья и экспортных ресурсов из деревни, но это было выгодно не только зажиточной части деревни, но и всему обществу.

Неправильным было и утверждение оппозиции, что представители беспартийной и буржуазной интеллигенции, которых как специалистов привлекали к работе в советских органах экономического управления, якобы в большей мере контролируют промышленность и финансы страны, чем большевистская партия. Так, например, Зиновьев заявлял, что "полпреды" Устрялова (да и Милюкова) в Москве... направляют фактически работу в Наркомфине, Наркомземе, Госплане, больше направляют, чем мы с Калининым. На словах они только "подрабатывают", эти сменовеховские профессора, а на деле они решают"².

"Правящие круги, — говорил Троцкий, — все более вырастают в верхние слои советско-неповского общества. Создаются два слоя, два образа жизни, два рода привычек, два рода отношений или, если резкими словами сказать, создаются элементы бытового двоевластия, которое, при дальнейшем развитии, может превратиться в двоевластие политическое, а политическое двоевластие будет уже непосредственной угрозой диктатуре пролетариата... Нужно, чтобы пролетариат понял, что в известный исторический период при ложной политике и советское государство может стать аппаратом, через который власть будет сдвинута с пролетарской базы и перейдет в руки буржуазии, которая затем окончательно отбросит советскую "подножку" и превратит свою власть в бюрократическую"³.

Разумеется, никакого срастания верхов партии и государства с верхами неповской буржуазии в 1926 г. не происходило. Поэтому угроза перехода власти в руки буржуазии или кулачества была ничтожна. Перерождение некоторых звеньев партии имело иной, гораздо более сложный характер.

Справедливо критикуя политику снижения оптовых и роз-

¹ Кузнецов А. Партия и оппозиция. М.—Л., 1928, с.31

² "Партия и оппозиция по документам", вып. I. М., 1927, с. 57.

³ Там же, с. 58.

ничных цен, проводимую в условиях товарного голода, некоторые лидеры оппозиции предлагали повысить цены на промышленные товары на 20—30%, что было также неправильно. Хотя небольшое повышение цен на наиболее дефицитные товары и являлось в тот период необходимым (на перепродаже этих товаров по более высоким ценам наживались частные торговцы), однако общее повышение цен на промышленные товары было бы нежелательно.

Экономическую программу оппозиции разрабатывал главным образом Е. Преображенский, которому со стороны большинства ЦК противостояли Бухарин и группа его учеников (А. Слепков, Д. Марецкий, А. Стецкий, В. Астров, П. Петровский, А. Айхенвальд, Д. Розит и некоторые другие).

Наиболее подробно Преображенский изложил свои теории в книге "Новая экономика", вышедшей в свет в 1926 г. Краткое изложение его взглядов содержится в специально написанном предисловии к этой книге, которое является ответом на статью Бухарина "К вопросу о закономерностях переходного периода". Е. Преображенский был, несомненно, опытным и знающим экономистом, и его исследования о путях индустриализации в экономически отсталой стране содержат много важных и ценных соображений. Вероятно, именно Преображенский ввел в советскую экономику понятие "социалистического накопления". Но Преображенский допускал вместе с тем ряд терминологических и принципиальных положений, с которыми было трудно согласиться. Не вызывало сомнений, например, что социалистическая индустриализация в сравнительно отсталой стране должна использовать не только те накопления, которые имеются в самом социалистическом секторе, но и часть прибавочного продукта, который образуется в других секторах экономики, например в крестьянском хозяйстве. В более отдаленной перспективе развитие социалистической индустрии было выгодно и самим крестьянам, ибо это обещало в будущем перевод сельского хозяйства на научную и индустриальную основу и соответственно повышение жизненного уровня крестьянства. Важно было, однако, определить уровень такой перекачки средств из деревни в город и из частного хозяйства в хозяйство социалистическое.

По мнению Бухарина и его "школы", ни налоги на частное хозяйство, ни цены на продукцию социалистических предприятий не должны быть столь велики, чтобы мешать развитию частного сектора и индивидуальных крестьянских хозяйств. У крестьян нельзя уничтожать стимулы к расширению своего хозяйства, ибо его деградация приведет и к уменьшению возможностей финансирования за их счет социалистического накопления. Иными словами, должен развиваться не только социалистический сектор, но и, пусть более медленно, частный сектор, ибо

расширенное воспроизводство в этом секторе выгодно всему обществу и дает дополнительные средства для ускоренного расширенного воспроизводства социалистического хозяйства. Определенное равновесие между этими секторами не мешает развитию социализма и будет сохраняться довольно долго.

Схема, которую развивал Преображенский, была иной. Он считал, что длительное сосуществование социалистической системы и частнотоварного производства невозможно. Не стесняясь в выражениях, Преображенский писал, что одна из этих систем неизбежно должна "пожирать" другую. Иначе говоря, или социалистическое производство полностью подчинит себе частное мелкобуржуазное производство, или частнокапиталистический сектор возьмет верх над социалистическим. Поэтому Преображенский выступал не просто за "перекачку" средств в социалистический сектор из других секторов, а за такую перекачку, которая вела бы к постепенному вытеснению всех несоциалистических секторов из экономической жизни, к их ликвидации. Он не стеснялся поэтому применять понятия "эксплуатация" и "экспроприация" и даже сравнивать перекачку средств из деревни в город с перекачкой средств из колоний капиталистических стран в метрополию. Использование пролетарским государством для нужд социалистического развития прибавочного продукта несоциалистических форм хозяйства Преображенский называл "первоначальным социалистическим накоплением", а "закон первоначального социалистического накопления" он считал основным законом советского хозяйства. Е. Преображенский писал: "Чем более экономически отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социальной революции, тем относительно больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на отчуждение части прибавочного продукта досоциалистических форм хозяйства"¹.

"Такая страна, как СССР, должна будет пройти период первоначального накопления, очень щедро черпая из источников досоциалистических форм хозяйства"².

"Задачи социалистического государства не в том, чтобы брать с мелкобуржуазных производителей меньше, чем брал капитализм, а в том, чтобы брать еще больше"³.

Сталин, впрочем, старался не вступать в экономические дискуссии с лидерами оппозиции, предоставив это Бухарину и

¹ Преображенский Е. Новая экономика, М., 1926, с. 101—102.

² Там же, с. 63.

³ Там же, с. 63—67.

его ученикам. Умело и ловко используя невыгодную для "объединенной" оппозиции ситуацию, Сталин обвинил в первую очередь лидеров оппозиции в беспринципности. Это обвинение было нетрудно обосновать, ссылаясь на недавние резкие взаимные нападки и отзывы лидеров оппозиции друг о друге. Кроме того, Сталин объединил все прошлые ошибки, которые, с точки зрения ортодоксального большевизма, совершили как Троцкий, так и Зиновьев с Каменевым. А это был довольно тяжелый политический балласт для любой оппозиции. Основной упор в борьбе Сталин перенес на проблему единства партии, он обвинил "объединенную" оппозицию в раздувании фракционной борьбы. Сталин уловил настроения не только партийного аппарата, но и партийных масс, которые устали от бесконечных дискуссий, да еще в условиях сравнительно трудного материального положения.

Практически уже к осени, то есть всего через несколько месяцев после создания "объединенной" оппозиции, стало очевидным, что она, не сумев увлечь за собой партийные массы, потерпела политическое поражение. Поняв это, лидеры оппозиции дали сигнал к отступлению. 16 октября 1926 г. они направили в ЦК ВКП (б) письмо с признанием части своих ошибок. В нем, в частности, говорилось:

"На XIV съезде и после него мы разошлись с большинством съезда по ряду принципиальных вопросов. Наши взгляды изложены в официальных документах и речах, произнесенных нами на съезде, на пленумах и в Политбюро. На почве этих взглядов мы стоим и теперь. Мы категорически отвергаем теорию и практику "свободы фракций и группировок", признавая, что такая теория и практика противоречит основам партии. Решения партии о недопустимости фракционности мы считаем своей обязанностью проводить на деле.

Вместе с тем мы считаем своим долгом открыто признать перед партией, что в борьбе за свои взгляды мы и наши единомышленники в ряде случаев после XIV съезда допустили шаги, являвшиеся нарушением партдисциплины и выходящие за установленные партией рамки идейной борьбы внутри партии на путь фракционности. Считая эти шаги безусловно ошибочными, мы заявляем, что решительно отказываемся от фракционных методов защиты наших взглядов ввиду опасности этих методов для единства партии и призываем к тому же всех товарищей, разделяющих наши взгляды. Мы призываем к немедленному роспуску всех фракционных группировок, образовавшихся вокруг взглядов оппозиции"¹.

Добившись победы над оппозицией, Сталин торопился закрепить ее организационно. На состоявшемся 23—26 октября

¹ "Правда", 17 октября 1926 г.

объединенном пленуме ЦК и ЦКК было принято решение об исключении Троцкого из состава Политбюро, а Каменева — из кандидатов в члены Политбюро.

Хотя в заявлении оппозиции от 16 октября говорилось о прекращении всякой фракционной деятельности, она не смогла удержаться от ее возобновления. Весной 1927 г. возникли новые серьезные трудности в экономическом положении страны. Обострилась международная обстановка. Англия разорвала дипломатические и торговые отношения с СССР. Революционное движение в Китае, на которое Коминтерн возлагал столь большие надежды, потерпело поражение. Глава гоминьдана Чан Кайши отказался от союза с Коммунистической партией Китая и совершил контрреволюционный переворот. Оппозиция сочла сложившуюся обстановку благоприятной для себя и решила вновь открыто выступить против руководства ВКП (б).

В мае 1927 г. Троцкий, Зиновьев и более 80 их сторонников направили большое письмо в ЦК ВКП (б), требуя созвать закрытый пленум ЦК для обсуждения провала революционного коммунистического движения в Китае. В письме содержалась критика ряда аспектов как внешней, так и внутренней политики сталинского руководства. Одновременно по всей стране стали восстанавливаться группы сторонников оппозиции и распространялись различные письма, статьи и материалы с критикой политики Политбюро. Среди этих материалов была и большая статья Троцкого о проблемах китайской революции. Этим же проблемам была посвящена и большая речь Троцкого в конце мая 1927 г. на 8-м пленуме ИККИ. Однако обвинения Троцкого были отвергнуты руководством Коминтерна.

Своеобразной демонстрацией стали проводы И. Смилги, видного деятеля партии и одного из политических единомышленников Троцкого. Смилга был назначен на второстепенный пост на Дальнем Востоке, что считалось почетной ссылкой для лидеров оппозиции (еще ранее Л. Каменев был назначен послом СССР в Италии, а Х. Раковский — во Франции). На Ярославский вокзал проводить Смилгу пришли тысячи его друзей и сторонников оппозиции. Возник стихийный митинг, на котором Троцкий и Зиновьев выступили с речами. И хотя Троцкий в своем выступлении старался избегать острых тем и даже призывал всех членов партии объединиться вокруг ЦК партии в условиях напряженной международной обстановки, Сталин и Политбюро расценили манифестацию на Ярославском вокзале как фракционное выступление и нарушение обещаний, содержащихся в письме оппозиции от 16 октября 1926 г.

Однако и сам Троцкий уже хотел вновь помериться силами с Политбюро. Ему казалось, что настроение в партии изменилось в его пользу. Об этом ему твердили и приходившие к нему десятки участников оппозиции. И Троцкий решил возобновить

фракционную политическую деятельность. Эту деятельность он осуществлял с большим размахом, и она привлекла большее число участников, чем осенью 1926 г. Фракционные группы в различных городах страны имели свое руководство, свою дисциплину, собирали членские взносы. Свои материалы оппозиция тайно печатала в государственных типографиях, для этих же целей была создана и в Москве небольшая нелегальная типография. Троцкий не только знал об этом, но и одобрял использование дореволюционных форм партийной конспирации. Оценивая эти события через несколько лет, он писал:

“Уже очень скоро обнаружилось, что как фракция мы действительно стали сильнее, то есть идейно сплоченнее и многочисленнее. Но пуповина, нас связывающая с властью, оказалась рассечена мечом Чан Кайши. Его вконец скомпрометированному русскому союзнику Сталину оставалось только дополнить шанхайский разгром рабочих организационным разгромом оппозиции. Ядро оппозиции составляла группа старых революционеров. Но мы были уже не одни. Вокруг нас группировались сотни и тысячи революционеров нового поколения, которое впервые было пробуждено к политической жизни Октябрьской революцией... Партия все более чувствовала себя на историческом перекрестке... В партии пробудилось стремление услышать оппозицию. Этого нельзя было достигнуть иначе как на нелегальном пути. В разных концах Москвы и Ленинграда происходили тайные собрания рабочих, работниц, студентов, собиравшихся в числе от 20 до 100 и 200 человек, и для того чтобы выслушать одного из представителей оппозиции. В течение дня я посещал два-три, иногда четыре таких собрания. Они происходили обычно на рабочих квартирах”¹.

Троцкий в данном случае явно преувеличивает масштабы влияния оппозиции среди рядовых членов партии. Тем более он преувеличивает степень “скомпрометированности” Сталина в результате китайских событий. К тому же большинство нелегальных собраний и материалов оппозиции отнюдь не оставалось тайной для Сталина и его ближайшего окружения. Он крайне внимательно следил за деятельностью лидеров оппозиции. Там, где информация, поступавшая к нему по партийным каналам, была недостаточна, Сталин без колебаний использовал органы ГПУ, и их новый руководитель Менжинский обычно шел ему навстречу. Сталина также не устраивало перемирие с Троцким. Сознвая свое превосходство и являясь хозяином положения, он стремился полностью разгромить своих политических соперников и установить свой полный контроль над партией. Призывая оппозицию к искренности и осуждая ее за лицемерие, Сталин уже тогда сам лицемерил и обманывал партию, скрывая

¹ Троцкий Л. Моя жизнь., т.2, с.276—277.

даже от близких ему людей свои истинные цели. Одним из поводов для разгрома оппозиции стало раскрытие органами ГПУ ее нелегальной типографии. Работники типографии, а также руководивший ее работой Мрачковский были арестованы. Один из арестованных, в прошлом белогвардейский офицер, был тайным сотрудником ГПУ, что позднее признавал и сам Менжинский. Дело о подпольной типографии и "белогвардейском офицере" было максимально использовано для компрометации Троцкого и оппозиции. Состоявшийся в конце октября 1927 г. пленум ЦК и ЦКК принял решение исключить Троцкого и Зиновьева из членов ЦК, сохранив, однако, их членство в партии.

В "Правде" 2 ноября 1927 г. была опубликована речь Троцкого на октябрьском пленуме — его последняя политическая речь на заседании ЦК ВКП (б). Она достаточно ясно показывает всю нереалистичность платформы "левой" оппозиции и лично Троцкого. Такая платформа, в крайне острой форме и с элементами демагогии, не могла иметь успех не только у руководителей, но и у большинства членов правящей партии. Вместе с тем тяжелое впечатление производит и грубость оппонентов Троцкого, таких, как Петровский, Скрыпник, Уншлихт, Ворошилов, Голощекин, Чубарь, Ломов, Калинин и др. Речь Троцкого сопровождалась непрерывными яростными выкриками этих людей. В стенограмме приводятся и такие возгласы, как "хвастун", "болтун", "предатель", "долой гада", "долой ренегата", "шпана ты этакая", "ложь", "клевета", "гнусность", "могильщик революции" и т.п. В конце речи стенографист записывает: "Свист, все нарастающий шум, ничего не слышно, звонок председателя, свистки, голоса "долой с трибуны", председатель объявляет перерыв. Товарищ Троцкий все время читает, но нельзя разобрать ни одного слова. Члены пленума встают с мест и начинают расходиться".

Под крики "долой", "вон" покинул трибуну пленума и Зиновьев, так и не закончив своей речи.

В ответ на решение об исключении Троцкого, Зиновьева и Каменева из состава ЦК оппозиция предприняла попытку провести свою демонстрацию в честь 10-летия Октябрьской революции. Эта демонстрация оказалась, однако, демонстрацией не столько силы, сколько слабости. Рабочие в ней почти не участвовали, преобладала студенческая молодежь, служащие некоторых учреждений. Демонстранты несли лозунги: "Выполним завещание Ленина!", "Ударим по правым, по кулаку, по нэпману, по бюрократу!", "Долой Сталина!", "Долой термидор!", "Да здравствует Троцкий!", "Против оппортунизма и раскола — за единство ленинской партии!", "Да здравствуют вожди мировой революции Зиновьев и Троцкий!". Многие участники демонстрации пели песню, содержащую слова: "Да здравствует Троцкий — вождь Красной Армии!".

Во время демонстрации лидеры оппозиции, стоя на балконе одного из домов на углу Воздвиженки и Моховой улицы, произносили речи. По сравнению с официальной праздничной демонстрацией трудящихся Москвы оппозиционная демонстрация производила жалкое впечатление. Ее быстро разогнали созданные для этого рабочие дружины и подразделения милиции. Здесь же, на улице, были произведены и первые аресты. У демонстрантов вырывали из рук лозунги, портреты Троцкого и рвали их на части. При этом многих студентов избили. Еще более неудачной была попытка организовать оппозиционную манифестацию в Ленинграде. Зиновьев, явно переоценивший свое влияние в этом городе, едва не был избит во время праздничного шествия.

14 ноября 1927 г. за организацию оппозиционной демонстрации пленум ЦК и ЦКК исключил Троцкого и Зиновьева из партии. Из ЦК и ЦКК были исключены еще остававшиеся в их составе активные деятели оппозиции. Какая-либо открытая дискуссия с оппозицией перед намеченным на декабрь XV съездом ВКП(б) была запрещена. Сотни деятелей оппозиции исключали из партии в Ленинграде и в других городах.

Исключение из партии Троцкого явилось одной из причин самоубийства видного советского дипломата А.А. Иоффе, страдавшего к тому же рядом тяжелых заболеваний. Он был крупным партийным деятелем, имевшим большие заслуги, в частности сыгравшим значительную роль при заключении мирного договора в Брест-Литовске. Поэтому ему были устроены официальные похороны. Присутствовавший на них Якубович рассказывает в своих воспоминаниях: "Когда гроб с телом Иоффе стоял в ожидании выноса на Новодевичье кладбище в здании Наркоминдела на Б.Лубянке, вокруг этого здания огромная толпа заполнила все улицы и затормозила на них движение. С трудом пробирался сквозь эту толпу Троцкий в сопровождении К.Радека и Муралова... В числе провожавших гроб шла, между прочим, Н.Аллилуева — жена Сталина. Провожало много народу — главным образом троцкистски настроенная молодежь — комсомольцы-студенты. Было немало бывших военных и военно-политических работников, работавших в прошлом под руководством Троцкого. Провожавшие запели военные песни эпохи гражданской войны, упоминавшие имя Троцкого. На кладбище после официальной надгробной речи от имени ЦК партии, произнесенной Чичериным, говорили Троцкий, Зиновьев и Каменев. Речь Троцкого содержала в себе главным образом призыв к восстановлению партийного единства... в ней не было никаких резких выпадов, имя Сталина в ней вовсе не упоминалось. Зато Зиновьев говорил в запальчивом агрессивном тоне, говорил о преступлениях Сталина, предающего интересы партии, попирающего права ее членов, фальсифицирующего волю пар-

тии. Когда после окончания траурного митинга участники его выходили из ворот Новодевичьего монастыря, недалеко стояла в строю воинская часть, вероятно присланная для того, чтобы произвести оружейный салют. Из окружения Троцкого выделялся один молодой человек, подбежал к воинскому строю и закричал: "Товарищи красноармейцы! Кричите "ура" вождю Красной Армии товарищу Троцкому!" Наступила критическая минута. Никто в строю не шелохнулся. Царила мертвая ненарушенная тишина. Л.Д. Троцкий стоял в нескольких десятках шагов — тоже молча — и смотрел в землю. Потом повернулся и пошел к автомобилю. За ним последовали Зиновьев и Каменев. Для свидетелей этой сцены должно было стать ясным, что дело Троцкого проиграно безнадежно. Новое поколение красноармейцев не знало его, не участвовало в гражданской войне, было воспитано в новом духе. Для них имя Троцкого говорило очень мало или не говорило ничего. Состав похоронной демонстрации тоже наводил на размышления. Рабочих в ней не было. Пролетарской опоры за "объединенной" не находилось".

В декабре состоялся XV съезд ВКП (б). На съезде было подтверждено исключение Троцкого и Зиновьева из партии. Одновременно съезд постановил исключить из партии 75 активных деятелей оппозиции, в том числе Каменева, Пятакова, Радека, Раковского, Сафарова, Смилгу, И.Смирнова, Лашевича и др. Съезд предложил также партийным организациям "очистить свои ряды от всех явно неисправимых элементов троцкистской оппозиции". Съезд партии завершил организационный разгром оппозиции. На нем царила атмосфера нетерпимости, выступления отдельных представителей оппозиции грубо прерывались, отовсюду раздавались резкие и оскорбительные выкрики. Многие делегаты съезда требовали принять еще более жесткие меры против сторонников оппозиции и ограничить всякие дискуссии в партии. Раздавались призывы еще более ужесточить партийный режим. Делегат из Челябинска К.Рындин говорил: "Нельзя давать никакой веры этим обманщикам партии, никакой веры их обещаниям... Довольно издеваться над партией, партия и пролетариат этого не потерпят. Мы хотим работать, нам некогда заниматься дрязгами, создавать комиссии по поводу всяких разборов. Мы хотим работать, а мешающих работать — вон из партии".

Член ЦК Ф. Голощекин заявлял:

"Товарищи, мне кажется, что нам нужно взять более твердую линию, нам нужно освободить партию от оппозиционной болтовни... Надо установить жесткий режим в партии, надо установить жесткий режим в советской работе. Мы, товарищи, на этом срежемся, если будем миндальничать с оппозицией".

А председатель Совнаркома А. Рыков даже сказал:

"По обстановке, которую оппозиция пыталась создать,

сидят в тюрьмах очень мало. Я думаю, что нельзя ручаться за то, что население тюрем не придется в ближайшее время несколько увеличить (*голоса "Правильно!"*)".

Делегат из Москвы Г. Михайловский, искажая исторические факты, высказался вообще против дискуссий в партии.

Уже на съезде партии некоторые видные деятели зиновьевской оппозиции заявили о своем отказе от оппозиционной деятельности и просили вернуть их в партию. Съезд принял решение рассматривать такие заявления лишь в индивидуальном порядке и принимать по ним решения только через шесть месяцев после подачи заявления.

После XV съезда Каменев, Бакаев, Евдокимов и некоторые другие "зиновьевцы" заявили, что подчиняются решениям съезда. Вскоре капитулировал и Зиновьев. В середине 1928 г. Зиновьев, Каменев и многие их сторонники были восстановлены в рядах партии, и им были предоставлены должности в советском и хозяйственном аппарате. Что касается активных троцкистов, то они намеревались продолжать борьбу со "сталинской фракцией". ЦК партии решил поэтому расширить репрессии против троцкистов. Почти все троцкисты, не подавшие письменного заявления об осуждении своих взглядов, были арестованы, помещены в политизолятор (так называемые тюрьмы для коммунистов) или сосланы в отдаленные районы страны. Одним из первых было решение о высылке Троцкого. Его уведомили об этом за четыре дня. Для проводов Троцкого на вокзал явилось множество его сторонников: было очевидно, что он еще популярен. По свидетельству М. А. Солнцевой, некоторые провожающие ложились на рельсы. Отъезд Троцкого был отложен на 18 января. Однако 17 января на квартиру Троцкого пришли работники ГПУ и аппарата ЦК и потребовали его немедленного отъезда. Троцкий отказался, но его силой вынесли на руках и затолкали в стоящую у подъезда машину. Затем его отвезли на Ярославский вокзал и посадили в поезд, отправлявшийся в Казахстан. Сын Троцкого Седов стал кричать, обращаясь к железнодорожникам: "Смотрите, они увозят Троцкого!" Но никто не вмешивался, и поезд отошел от перрона.

В течение года Троцкий вместе с семьей жил в Алма-Ате. Он продолжал поддерживать легальную и нелегальную связь со своими сторонниками, вел обширную переписку. Он был настроен еще весьма оптимистически. В письме, направленном им в Политбюро и распространявшемся в списках среди ссыльных троцкистов, говорилось:

"Неизлечимая слабость аппаратной реакции при ее внешнем могуществе состоит в том, что она не ведает, что творит. Она выполняет заказ враждебных классов. Не может быть большего исторического проклятия для фракции, вышедшей из революции и подрывающей ее.

Величайшая историческая сила оппозиции, при ее внешней слабости в настоящий момент, состоит в том, что она держит руку на пульсе мирового исторического процесса, ясно видит динамику классовых сил, предвидит завтрашний день и сознательно подготавливает его"¹.

Однако письма Троцкого своим сторонникам не подтверждали того, что он "ясно видит динамику классовых сил". Когда в партии обнаружился "правый" уклон, Троцкий выступил вначале за союз с "центром" (то есть со Сталиным) против "правых", которых он считал более опасными, чем группу Сталина. Однако очень скоро Троцкий стал добиваться установления нелегальных контактов с группой Бухарина против Сталина. Некоторое время Троцкий опасался установления под давлением крестьянства военной диктатуры во главе с Ворошиловым и Буденным против Сталина. В этом случае он предлагал своим сторонникам поддерживать Сталина против Буденного и Ворошилова.

В 1929 г. было решено выслать Троцкого за границу. В феврале того же года его с семьей тайно привезли в Одессу и здесь на пароходе "Ильич" отправили за пределы СССР. По договоренности с Турцией, у которой в те годы были хорошие отношения с СССР, Троцкому было предложено поселиться на острове Прикипо (Принцезы острова) в Мраморном море. Здесь он провел более четырех лет, занимаясь главным образом литературной деятельностью. Кроме нескольких книг и множества статей, которые издавались на Западе, Троцкий написал и большую часть материалов созданного им "Бюллетеня оппозиции". Он был все еще полон надежд на успех своего движения. На пороге 1930 г. он писал:

"12-я годовщина Октябрьской революции застигает... Советскую республику... среди величайших трудностей и противоречий... 13-й год будет годом обострения противоречий. Обессиленная и придушенная партия может оказаться застигнутой врасплох... Центристский аппарат покажет, что он аппарат и — ничего более. Пролетарскому ядру понадобится руководство. Его сможет дать только закаленная в борьбе коммунистическая левая"².

И через несколько месяцев Троцкий продолжал утверждать, что "левая" оппозиция якобы укрепляется и расширяет свои ряды. Он писал: „Левая“ оппозиция, вопреки лживым сообщениям официозной печати, идейно крепнет и численно растет во всем мире. Она сделала крупнейшие успехи за последний год"³.

¹ Троцкий Л. Моя жизнь..., т.2, с.310—311.

² "Бюллетень оппозиции", 1929, № 7, с.3—4.

³ "Бюллетень оппозиции", 1930, № 10, с.4.

Это были иллюзии, которые очень скоро стали рассеиваться. Высылка Троцкого из СССР, политика суровых репрессий против оппозиционеров, начавшаяся борьба с "правым" уклоном, проведение все более жесткой антикулацкой и антиэнэповской политики, ускорение индустриализации и начало сплошной коллективизации, означавшие явный поворот Сталина "влево", — все это вызвало быстрый распад троцкистской оппозиции. У большинства видных оппозиционеров воля к борьбе со Сталиным была сломлена, под разными предложениями они стали переходить на его сторону.

"Сталинисты, — писал Радек в одном из своих писем, — оказались достойнее, чем думала оппозиция". Радек и Преображенский решительно отмежевались от теории "перманентной революции", которую они ранее поддерживали. Они должны были отмежеваться и от Троцкого. В своем обращении "Ко всем товарищам по оппозиции" Е.Преображенский писал, что оппозицию привело к поражению именно торжество ее идей. "Сталин осуществил левый курс иначе, чем представляла оппозиция, которая добивалась индустриализации и коллективизации при пролетарской демократии. Но все же Сталин осуществил требования оппозиции... Наша обязанность сейчас подойти ближе к партии и вернуться, чтобы сдержать недовольство, которое может быть вызвано в крестьянской стране политикой социалистического накопления и борьбой против аграрного капитализма... Мы должны нести ответственность за дела, против которых мы предостерегали, и подчиниться методам, с которыми мы не можем согласиться. Если нас восстановят, каждый из нас должен получить партбилет, как берут тяжелый крест, но для тех, кто хочет эффективно служить делу социализма, не остается ничего иного, как взять крест".

Возвращаясь из ссылки в Москву под конвоем, К.Радек на одной из станций обратился к группе ссыльных троцкистов, призывая их к капитуляции перед ЦК. Он говорил о тяжелом положении в стране, о недостатке хлеба, о недовольстве рабочих и угрозе крестьянских восстаний. В такой обстановке оппозиция, по словам Радека, должна признать свою неправоту и объединиться с партией. "Мы сами привели себя в изгнание и в тюрьму... Я порвал с Троцким, мы теперь политические враги". Вскоре от Троцкого отошли И.Т.Смилга, Л.П. Серебряков и И.Н. Смирнов.

Дольше других сопротивлялся Х.Г. Раковский. "Те, кто заключил мир со Сталиным, — писал он, — выполнившим экономическую часть программы оппозиции, в надежде, что он выполнит и политическую, поступают, как реформисты в старину, удовлетворяющиеся частичными уступками... Партийное руководство, выжимающее покаяние в мнимых ошибках, недостойно уважения, как и католическая церковь, когда она требует рас-

каения атеистов, находящихся на смертном одре. Оппозиция, меняющая свои убеждения за одну ночь, заслуживает полного презрения”¹.

Однако в конце 1929 г. Х.Раковский и его группа (Сосновский, Муралов, Мдивани и др.) направили “Открытое письмо Центральному Комитету”, в котором, хотя и критиковали политику Сталина и требовали возвращения Троцкого в СССР, вместе с тем призывали и к примирению. Вскоре большинство членов этой группы полностью капитулировали и возвратились в Москву, где многие из них заняли места и должности, которые до этого занимали участники бухаринской оппозиции.

В 1932 г. Зиновьев и Каменев были вновь исключены из партии за “связь с группой Рютина”. Они были даже арестованы и помещены в политизолятор. Но после очередного “раскаяния” Зиновьев и Каменев были освобождены и восстановлены в партии.

Фактически из всех лидеров “объединенной” оппозиции попытался продолжить борьбу со Сталиным из-за границы только один Троцкий. Он вел громадную переписку со своими сторонниками в других странах, стараясь создать троцкистские фракции или группы. Он пытался наладить доставку троцкистской литературы и “Бюллетеня оппозиции” в СССР. Однако даже тайных сторонников в СССР у него почти не осталось. Субъективно Троцкий и теперь оставался революционером, а не “фашиствующим контрреволюционером”, как об этом заявлял Сталин. Однако из-за своего догматизма, недостатка информации и тенденциозности Троцкий не смог понять и в должной мере оценить те сложные процессы, которые происходили в 30-е гг. в СССР и в мировом коммунистическом движении. В результате он не сумел сформулировать никакой альтернативной марксистской программы. Он даже не смог правильно разобраться в причинах своего поражения. Так, например, через несколько лет после высылки из СССР он писал:

“Почему победил Сталин?.. Историк Советского Союза не сможет не прийти к выводу, что политика правящей бюрократии в больших вопросах представляла ряд противоречивых зигзагов... На основании неопровержимых фактов и документов историк должен будет заключить, что так называемая “левая” оппозиция давала несравненно более правильный анализ происходящих в стране процессов и гораздо вернее предвидела их дальнейшее развитие.

Этому утверждению противоречит на первый взгляд тот простой факт, что побеждала неизменно фракция, не умевшая будто бы далеко заглядывать вперед, тогда как более проница-

¹ Цитируется по: D e u t s c h e r I. The Prophet Outcast: Trotsky, 1929–1940. London, 1963, p. 78.

тельная группировка терпела поражение за поражением. Такого рода возражения, напрашивающиеся сами собой, убедительны, однако лишь для того, кто мыслит рационалистически и в политике видит лишь логический спор или шахматную партию. Между тем политическая борьба есть по самой сути своей борьба интересов и сил, а не аргументов. Качества руководства отнюдь не безразличны, конечно, для исхода столкновения, но это не единственный фактор и в последнем счете не решающий. К тому же не каждый из борющихся лагерей требует руководителей по образу и подобию своему...

Достаточно известно, что каждая революция до сих пор вызывала после себя реакцию или даже контрреволюцию, которая, правда, никогда не отбрасывала нацию назад, к исходному пункту, но всегда отнимала у народа львиную долю его завоеваний. Жертвой первой же реакционной волны являлись по общему правилу пионеры, инициаторы, зачинщики, которые стояли во главе масс в наступательный период революции; наоборот, на первое место выдвигались люди второго плана в союзе со вчерашними врагами революции. Под драматическими дуэлями "корофеев" на открытой политической сцене происходили сдвиги в отношениях между классами и, что не менее важно, глубочайшие изменения в психологии вчера еще революционных масс...

Так (и в России) после беспрецедентного напряжения сил, надежд и иллюзий наступил длительный период усталости, упадка и глубокого разочарования в результатах переворота. Отлив "плебейской гордости" открывал место приливу малодушия и карьеризма. На этой волне поднялся новый командующий слой... Внутренняя реакция в пролетариате вызвала чрезвычайный прилив надежд и уверенности в мелкобуржуазных слоях города и деревни, пробужденных нэпом к новой жизни и все смелее поднимавших голову. Молодая бюрократия, возникшая первоначально в качестве агентуры пролетариата, начинала чувствовать себя теперь третьей стороной между классами. Самостоятельность ее возрастала с каждым месяцем...

Под знаменем большевиков-ленинцев сплотились, правда, десятки тысяч революционных борцов. Передовые рабочие относились к оппозиции с несомненной симпатией. Но симпатия эта оставалась пассивной: веры в то, что при помощи новой борьбы можно серьезно изменить положение, у масс уже не было. Между тем... пропаганда покоя тесно сплавивала аппаратчиков, военных и штатских и находила несомненный отклик у усталых рабочих и крестьянских масс. Может быть, оппозиция и впрямь готова жертвовать интересами СССР во имя идей "перманентной революции", спрашивали они себя... Оппозиция осталась изолированной. Бюрократия ковала железо, пока горячо. Эксплуатируя растерянность и пассивность трудящихся, про-

тивнопоставляя их наиболее отсталые слои передовым, опираясь все смелее на кулака и особенно мелкобуржуазного союзника, бюрократия в течение нескольких лет разгромила революционный авангард пролетариата.

Было бы наивностью думать, что неведомый массам Сталин вышел внезапно из-за кулис во всеоружии законченного стратегического плана. Нет, прежде чем он нашел свою дорогу, бюрократия нащупала его самого. Сталин приносил ей все нужные гарантии: престиж старого большевика, крепкий характер, узкий кругозор и неразрывную связь с аппаратом, как единственным источником собственного влияния... Второстепенная фигура перед лицом масс и событий революции, Сталин обнаружил себя как бесспорный вождь термидорианской бюрократии, как первый в ее среде¹.

Пытаясь подкрепить свою аргументацию, Троцкий приводит слова, якобы сказанные в 1926 г. Н.К. Крупской в кругу "левых" оппозиционеров, которым она до начала 1927 г. продолжала сочувствовать: "Будь Ильич жив, он, наверное, уже сидел бы в тюрьме"². Уж если Ленин не смог бы победить Сталина и его аппарат, то поражение Троцкого было неизбежным.

Приведенное выше пространное рассуждение Троцкого содержит ряд верных мыслей, но в целом с ним трудно согласиться. "Политика есть искусство возможного" — этот афоризм верно схватывает сущность умелой политики. Если "левая" оппозиция давала, по утверждению Троцкого, более правильный анализ происходивших в стране процессов и гораздо вернее предвидела их дальнейшее развитие, то почему она не проводила свою политику с учетом верных анализов и прогнозов? Если рабочий класс и крестьянство были крайне утомлены после многолетнего беспримерного напряжения, то разве не было более правильным дать им спокойно поработать на своих полях и заводах, помочь им одеть, обусть и накормить свои семьи, а не звать их к новым жертвам и новому напряжению? Ленин ведь тоже успел увидеть усталость, разочарование и упадок рабочего класса и недовольство крестьянства. Из этого "правильного анализа" и родился нэп, которому противоречили лозунги Троцкого.

Троцкий утверждал, что под знаменем его оппозиции сплотились десятки тысяч большевиков-ленинцев. Но он признал, что симпатии рабочих к оппозиции оставались пассивными, что рабочие не поддерживали ее лозунгов. Но разве Ленин не повторял многократно, что большевики смогут удержаться у власти только в том случае, если они будут знать настроения и пожелания миллионных масс и выражать их в своей политике. Мож-

¹ Троцкий Л. Что такое СССР и куда он идет. Рукопись. (Ксерокопия из архива автора.)

² Там же, с.78.

но с уверенностью сказать, что если бы Ленин был жив в 1926—1927 гг., то он продолжал бы разрабатывать и совершенствовать политику нэпа и решительно бороться против бюрократизма. В экономической области он, несомненно, не поддержал бы лозунгов Троцкого, Зиновьева и Преображенского. Но эти лозунги, как мы увидим, скоро активно поддержал Сталин.

Советский историк Ю. Голосов в своей неопубликованной работе по истории партии писал:

“В состав [“левой”] оппозиции входили многие старые революционеры, герои гражданской войны. Они были искренне убеждены, что борются за идеалы революции. Основной огонь оппозиция сосредоточила на критике Сталина, обвиняя его во всех смертных грехах. Конечно, если смотреть на эту критику сквозь призму преступлений, которые Сталин совершил позднее, она кажется справедливой. Однако, подходя к оценке Сталина исторически, следует признать, что обвинения в его адрес были чрезмерными и во многом несправедливыми. Побочным эффектом этих обвинений было еще большее сплочение партийного аппарата вокруг Сталина. Другие руководители партии не могли не выступить в защиту своего генсека, так как таким образом они защищали политику партии, которую они вместе с ним намечали и проводили”.

Н.Валентинов (Вольский) также свидетельствовал:

“Мне, как и многим другим, были противны до отвращения применявшиеся Политбюро приемы в борьбе с оппозицией; в частности, дикие разгоны собраний оппозиционеров и их обструкция специально для этого подбираемыми ревущими командами. Но оппозиция погибла не от этого. За исключением очень небольших групп, у нее не было поддержки в стране. В самом деле, на симпатии каких классов она могла рассчитывать? Разумеется, не крестьянства, так как требовала нажима на деревню... Не было у нее поддержки и со стороны “бюрократов”, беспартийной интеллигенции, специалистов, инженеров, техников, считавших вредной и демагогической социально-экономическую программу оппозиции, чувствовавших, что за нею стоит какое-то возвращение к “военному коммунизму”... С равнодушием относилась к оппозиции подавляющая часть рабочих двух главных политических центров — Москвы и Ленинграда. Зиновьев жестоко ошибался, предполагая, что в Ленинграде... рабочие по первому же его зову станут за него. Рабочая масса в то время, *сытая и как никогда еще так хорошо не питавшаяся*, жившая лучше, чем в царское время, пользовавшаяся рядом привилегий, шла за правительством, не обнаруживая вкуса к авантюрам, перетасовкам, революциям”¹.

¹ Валентинов (Вольский) Н. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Воспоминания, с.227.

Конечно, рабочие не предполагали, что их сытой жизни скоро придет конец, что страна будет ввергнута в новые потрясения и испытания и что все это будет результатом нового поворота в политике Сталина и его ближайшего окружения.

Как указывалось выше, "объединенная" оппозиция потерпела полное и идейное, и организационное поражение на XV съезде ВКП (б). Для того чтобы развязать себе руки на новом этапе борьбы за власть, Сталин на первом же пленуме ЦК после съезда предложил свою отставку: "Я думаю, — сказал он, — что до последнего времени были условия, ставящие партию в необходимость иметь меня на этом посту (то есть на посту генсека), как человека более или менее крутого, представляющего известное противоядие против оппозиции... Но теперь эти условия отпали... Сейчас оппозиция не только разбита, но и исключена из партии. А между тем у нас имеется указание Ленина, которое, по-моему, надо провести в жизнь. Поэтому прошу пленум освободить меня от поста генерального секретаря. Уверяю вас, товарищи, что партия от этого только выиграет".

По настоянию Сталина это предложение было поставлено на голосование и отклонено практически единогласно (при одном воздержавшемся). Сталин немедленно воспользовался полученными им особыми полномочиями.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О Н.И.БУХАРИНЕ

Не успели прекратиться острые столкновения с "левой" оппозицией, как началась борьба с "правым" уклоном. В ходе ее ярлык "правого" уклониста был навешен на многих старейших и известных руководителей партии. Однако ведущей фигурой и основным теоретиком новой группы оппонентов Сталина был, бесспорно, Николай Иванович Бухарин.

Н.И.Бухарин родился в Москве 27 сентября (9 октября) 1888 г. Его родители были учителями начальной школы и, как вспоминал позднее сам Бухарин, воспитывали его "в обычном интеллигентском духе". С детства он очень много читал, увлекался естествознанием, рисованием, в чем обнаружил немалые способности, и общественными науками. Еще в раннем детстве Бухарин, по его словам, "решительно разделался с религией". И в начальной школе, и в гимназии он всегда был среди первых учеников, хотя и не прилагал к этому особых усилий. В начале века значительная часть гимназистов в России была настроена революционно, уже в 13—14 лет они читали нелегальную литературу и участвовали в различных кружках. Во время революции 1905г. Бухарин вместе с другими гимназистами принимал активное участие в различных митингах,

демонстрациях и даже в организации забастовок. Он рано познакомился с марксистской литературой, причем в первую очередь увлекся экономической теорией марксизма. В 18 лет Бухарин официально стал членом большевистской партии и начал вести нелегальную работу. Уже через два года он был кооптирован в состав Московского городского комитета партии. Однако после нескольких арестов был выслан в Онегу. Узнав, что дело его передано в суд и ему грозит каторга, Бухарин бежал за границу. Позднее он вспоминал: "За границей начинается новая полоса моей жизни. Я первое время жил обычно в рабочих семьях, а целые дни проводил в библиотеках. Если в России я приобрел общие познания и довольно специальные познания в аграрном вопросе, то, несомненно, основной капитал дали мне заграничные библиотеки. Во-вторых, я познакомился с Лениным, который, конечно, оказал на меня огромное влияние. В-третьих, я приобрел знание языков и практики европейского рабочего движения. За границей началась по-настоящему и моя литературная деятельность... Повсюду я старался принимать практическое участие в рабочем движении"¹.

Бухарин побывал почти во всех основных западноевропейских странах и в США и приобрел не только разнообразные знания в области послемарксистской теоретической мысли, но и широкие связи в социалистическом движении. Кроме множества статей, он написал за границей две книги — "Политическая экономия рантье" и "Мировое хозяйство и империализм". Он обнаружил явное тяготение к теории социализма и довольно скоро приобрел репутацию второго после Ленина теоретика большевистской партии.

За границей Бухарин познакомился не только с Лениным, но и со Сталиным, который приезжал в Краков на совещание большевиков и работал здесь над своей брошюрой "Марксизм и национальный вопрос". Сталин не знал европейских языков, и, когда он короткое время находился в Вене, живший там Бухарин помогал ему в переводе некоторых работ О.Бауэра и Шпрингера, которые Сталин подверг критике в своей брошюре. За границей Бухарин познакомился и с Троцким. Несмотря на политические разногласия, они активно сотрудничали в эмигрантской нью-йоркской газете "Новый мир" и поддерживали дружеские отношения. С Лениным Бухарин встречался в Кракове и в Вене, некоторое время они переписывались. Хотя Владимир Ильич очень тепло отнесся к молодому и привлекательному по своим душевным качествам Бухарину, между ними не раз возникали теоретические споры. Бухарин в эмиграции весьма скептически отзывался о революционных воз-

¹ Бухарин Н.И. Автобиография. Энциклопедический словарь Гранат, т.41, ч. 1, с.54.

возможностях крестьянства и мелкой буржуазии, он не поддерживал также ленинского лозунга о праве наций на самоопределение.

О победе Февральской революции Бухарин узнал в Нью-Йорке и лишь в мае 1917 г. смог вернуться в Россию, в Москву, где сразу же с головой окунулся в активную партийную и революционную работу. Он не только вошел в состав Московского городского комитета, но и был избран на VI съезде партии в состав ЦК РСДРП. Как организатор и оратор-пропагандист, Бухарин сыграл в Москве огромную роль в преодолении колебаний внутри самой большевистской организации и мобилизации масс на вооруженное восстание. После победы Советской власти в Москве Бухарин и И. Стуклов были выбраны представителями московских большевиков для установления связи между новой большевистской Москвой и Советским правительством в Петрограде.

В первые месяцы после победы Октябрьской революции Бухарин проявил себя не только крупным руководителем, но и крайним радикалом, занимавшим по многим вопросам ультралевые позиции. Он не только выступил против заключения Брестского мира, но фактически возглавил фракцию "левых коммунистов", борьба с которыми потребовала от Ленина больших усилий. Эта фракция сохранилась после заключения мира, она критиковала также многие аспекты экономической политики Советского правительства весной 1918 г. Ядро "левых коммунистов" составляли, кроме Бухарина, такие видные большевики, как А. Бубнов, Г. Ломов, Н. Осинский, Г. Пятаков, К. Радек. К "левым" примыкали также в разное время М. Фрунзе, Н. Муралов, В. Куйбышев, Ф. Дзержинский, М. Покровский, А. Сольц, М. Урицкий, Ем. Ярославский, Н. Крестинский, Р. Землячка и многие другие. Однако к концу лета 1918 г. разногласия между партией и ее "левым" крылом потеряли свою остроту. Начался период гражданской войны и "военного коммунизма". "Левые коммунисты" признали частично свои ошибки, однако многие их лозунги, например касавшиеся ускоренной социализации промышленного производства, стали частью политики "военного коммунизма". Поражение Германии в первой мировой войне и аннулирование Советским правительством Брест-Литовского мирного договора ликвидировало последний повод для разногласий.

"Я должен честно и открыто признать, — писал осенью 1918 г. Бухарин, — что мы... были неправы, прав был тов. Ленин, ибо передышка дала нам возможность сконцентрировать силы, организовать сильную Красную Армию. Теперь каждый хороший стратег должен понимать, что мы не должны дробить свои силы, а направить их против сильнейшего врага. Германия и Австрия уже не опасны. Опасность идет со стороны бывших

союзников — главным образом Англии и Америки”¹.

Летом 1918 г. Бухарин стал редактором “Правды” и оставался на этом посту до конца 20-х гг. Несмотря на недавние разногласия между Лениным и Бухариным, их личные отношения были доверительными и даже дружественными. Как справедливо замечает С. Коэн, “среди ведущих большевиков не было никого, кто оспаривал бы ленинские взгляды чаще, чем Бухарин; тем не менее он стал любимцем Ленина. Их связывали привязанность, даже любовь и взаимное уважение”².

Когда по решению VIII съезда партии было создано Политбюро из пяти членов и трех кандидатов, Бухарин вошел в его состав в качестве кандидата.

В годы гражданской войны Бухарин не принимал участия в военной работе партии. Он стал одним из руководителей всей партийной печати и пропаганды, а также занимался налаживанием международных связей РКП (б), продолжая одновременно активную теоретическую работу. К 1920 г. он закончил свой крупнейший труд “Теория исторического материализма”. Особую известность ему принесла написанная вместе с Е. Преображенским популярная книга “Азбука коммунизма” — “Популярное объяснение программы Российской коммунистической партии”. Она выдержала много изданий и была переведена на несколько иностранных языков. В этот период 30-летний Бухарин начал и преподавательскую деятельность. Вокруг него объединяется группа его учеников и приверженцев, положившая начало получившей впоследствии известность “школе Бухарина”. В мае 1920 г. вышла в свет книга Бухарина “Экономика переходного периода”. Она явилась обобщением практики “военного коммунизма”, который Бухарин рассматривал не как временную политику военного времени, а как основной метод преобразования капиталистического общества в социалистическое. Никто в нашей партии, и Бухарин в том числе, еще не предвидели нэпа — наиболее разумной, а в 1920—1921 гг. даже единственно возможной переходной политики. Поэтому книга Бухарина очень быстро устарела. Причиной этого стало не его личное, а коллективное заблуждение, которое разделял и Ленин, внимательно прочитавший книгу Бухарина и сделавший на ее полях множество замечаний, в том числе и немало критических.

Во время так называемой дискуссии о профсоюзах в начале 1921 г. Бухарин не поддержал ни Ленина, ни Троцкого; он пытался выработать собственную “буферную” платформу, что лишь запутало и затянуло дискуссию. Ленин был не на шутку раздражен. В брошюре “Кризис партии” он писал:

¹ “Правда”, 11 октября 1918 г.

² Коэн Стивен. Бухарин. Политическая биография. 1888—1938. М., 1988, с.111.

"До сих пор "главным" в борьбе был Троцкий. Теперь Бухарин далеко "обогнал" и совершенно "затмил" его, создал совершенно новое соотношение в борьбе, ибо договорился до ошибки, во сто раз более крупной, чем все ошибки Троцкого, взятые вместе.

...Мы знаем всю мягкость тов. Бухарина, одно из свойств, за которое его так любят и не могут не любить. Мы знаем, что его не раз звали в шутку "мягкий воск". Оказывается, на этом "мягком воске" может писать что угодно любой "беспринципный" человек, любой "демагог". Эти взятые в кавычки резкие выражения употребил и имел право употребить тов. Каменев на дискуссии 17-го января. Но ни Каменеву, ни кому другому не придет, конечно, в голову *объяснять* происшедшее беспринципной *демагогией*, сводить все к ней"¹.

На X съезде партии Бухарин подписал резолюцию, составленную не Лениным, а Троцким. Эту резолюцию подписали также Дзержинский, Пятаков, Калинин, Преображенский, Раковский и еще 49 человек. Однако при голосовании эта резолюция получила всего 50 голосов, тогда как ленинская резолюция получила 336 голосов из 406 принимавших участие в голосовании².

Что касается новой экономической политики, провозглашенной на этом съезде, то она была принята практически единогласно, и Бухарин вскоре стал одним из ее главных защитников и пропагандистов. Конфликт между Лениным и Бухариным отошел в прошлое. В то время как многие большевики трактовали нэп в первую очередь как тактический или стратегический маневр, Бухарин говорил: "Нэп... это не только стратегическое отступление, но и разрешение крупной общественно-организационной проблемы, а именно проблемы соотношения между отраслями производства, которые мы должны рационализировать, и теми, которые мы рационализировать не в состоянии. Будем говорить откровенно: мы попытались взять на себя организацию всего — даже организацию крестьян и миллионов мелких производителей... С точки зрения экономической рациональности это было безумием"³. Когда Ленин из-за болезни был вынужден отойти от руководства партией, Бухарин чаще других навещал Ленина и беседовал с ним. Бухарин горячо поддержал тот "новый взгляд на социализм" и пути дальнейшего развития, который получил отражение в статьях Ленина "О кооперации", "Лучше меньше, да лучше" и др. Правда, Бухарин оказался еще большим "эволюционистом", чем Ленин.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 242.

² "Десятый съезд РКП (б). Стенографический отчет". М., 1963, с. 399.

³ "IV Всемирный конгресс Коминтерна. Избранные материалы". М.—П., 1923, с. 75.

“Мы будем, — писал он, — многие десятки лет медленно вращать в социализм: через рост нашей промышленности, через кооперацию, через возрастающее влияние нашей банковской системы, через тысячу и одну промежуточную форму”¹.

На XII съезде РКП (б) Бухарин, которому были известны заметки Ленина об “автономизации”, попытался взять на себя защиту “грузинского вопроса”, то есть по собственной инициативе попытался сделать то, о чем Ленин просил Троцкого. Однако авторитет Бухарина был тогда еще недостаточно высок, чтобы повлиять на решения съезда. В борьбе против троцкистской оппозиции Бухарин в целом поддержал “тройку”, сохраняя, однако, определенную независимость в суждениях. Но в борьбе против зиновьевской, или “новой”, оппозиции Бухарин, теперь уже полноправный член Политбюро, был, пожалуй, главным оппонентом Зиновьева и Каменева. Многие руководители партии не скупились тогда на комплименты в адрес Бухарина. “Самый крупный теоретик партии”, “один из лучших теоретиков нашей партии”, он имеет “смелость высказывать свои мысли даже и тогда, когда это идет вразрез всей партии” и имеет смелость “открыто заявлять о своих ошибках”, человек, которого мы “все любим и будем поддерживать”, — так говорили о Бухарине на XIV съезде партии С.Орджоникидзе, В.Молотов, А. Жданов, И.Сталин и некоторые другие ораторы².

Мы уже приводили в начале этой главы основные высказывания Бухарина по проблемам строительства социализма, и в частности о “врастании кулацких и капиталистических элементов в социализм”. Эти высказывания вовсе не означали отказа от принципа классовой борьбы. Бухарин не думал, конечно, что кулачество будет добровольно способствовать построению социализма или даже сохранится в социалистическом обществе. Однако, настаивая на более медленном и эволюционном пути развития социализма, на сохранении добровольного союза рабочего класса и крестьянства, Бухарин не мог, как политик, подробно развивать вопрос о будущей судьбе кулачества, которое в тот момент обеспечивало страну значительной долей необходимого ей товарного хлеба. Далее, взгляды Бухарина совпадали тогда с мнением большинства партийного руководства, не желавшего какой-то новой, “третьей” революции. Вот, например, что писал о перспективах развития деревни председатель ЦИК СССР М.И.Калинин: “Рост кулака многие воспринимают как досадный результат досадного расслоения деревни... Но можно ли говорить серьезно о действительном росте производительности в деревне без параллельного роста расслоения... Расслоение дерев-

¹ “Правда”, 30 июня 1923 г.

² “XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б)”, с.223, 369, 471—472 и др.

ни есть необходимое следствие ее экономического роста. И Советская власть всеми имеющимися в ее распоряжении средствами помогает экономическому росту деревни, а значит, косвенно и расслоению. Кто хочет серьезно мешать, затормозить расслоение, должен остановить и рост деревни. Положительные элементы процесса расслоения перекрывают отрицательную сторону. Ведь вместе с расслоением растет и общее благополучие, в том числе и бедняков. Если говорить по правде, не подделываясь к бедняку, то увеличение производительных сил в деревне есть единственный способ улучшения положения малоимущих. Ясно, что насильственная борьба с расслоением, поскольку она будет тормозить увеличение производительности, экономически вредна и политически бесцельна... Увеличение процента мощных трудовых хозяйств за счет слабых, мне кажется, надо приветствовать, ибо оно служит показателем развития крестьянских хозяйств и производительности в деревне. Многие как бы страшатся развития инициативы в слоях мощных трудовых хозяйств, боясь, что вместе с ростом хозяйств соответственно возрастет и буржуазно-кулацкая идеология среди этих слоев крестьянства... При советском строе... идеологическое влияние нашей государственности гораздо сильнее буржуазного. Расслоение деревни создает небольшой слой настоящей мелкой буржуазии в лице хозяйчиков, ремесленников, торговцев, кустарей, очень ограниченного числа высоко поставленных товарных хозяйств. Но если мы допускаем частный капитал в торговле, заключаем концессионные договоры с полной надеждой использовать их в интересах развития коллективного хозяйства, нет никакого сомнения, что и сельская мелкая буржуазия через госкредит, госторговлю и кооперацию будет способствовать росту общественного хозяйства. Подводя итог сказанному, я утверждаю, что расслоение деревни не только не мешает росту коллективного хозяйства, а, наоборот, увеличивает производительность и товарность в сельском хозяйстве и, следовательно, подготавливает элементы к коллективизму и, как бы это не казалось парадоксально, расчищает почву для советской деревни"¹.

Конечно, не все во взглядах и теориях Бухарина середины 20-х гг. было продумано до конца, он допускал немало высказываний, уязвимых для ортодоксальной марксистской критики. Главной теоретической работой Бухарина, в которой он изложил свое понимание нэпа и путей его эволюции, была книга "Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз". Изданная в 1925 г. она переиздавалась в 1926 и 1927 гг.

Победа над зиновьевской оппозицией выдвинула Бухарина в число наиболее авторитетных членов партийного руководства.

¹ "Известия", 22 марта 1925 г.

Бухарин стал официальным теоретиком партии и фактическим руководителем Коминтерна. Некоторые западные исследователи не без оснований говорят о периоде 1926—1928 гг. как о дуумвирате Сталина и Бухарина. Как пишет С.Коэн, "официальный большевизм 1925—1926 гг. был в основном бухаринским; партия следовала по бухаринскому пути к социализму. Его влияние распространялось не только на собственную партию и на вопросы внутренней политики. Его теории находили систематическое отражение и в резолюциях Коминтерна... С 1926 г. он почти в одиночку формировал официальные взгляды большевиков на внешний мир, международный капитализм и рабочее движение.

Вообще между Бухариным и Сталиным существовало приблизительное разделение обязанностей: один занимался формулированием вопросов политики и теории, другой руководил организационным механизмом... Бухарин пришел в дуумвират и с более практическим политическим багажом. Наиболее важным было его руководство центральными изданиями партии. Помимо того что он был редактором ежедневной газеты "Правда", в апреле 1924 г. он стал также редактором нового, выходявшего раз в две недели журнала ЦК партии "Большевик"... Руководство двумя основными органами, выражавшими мнение ЦК, было важным оружием Бухарина во фракционной борьбе... Руководящая роль в Коминтерне увеличивала личный престиж Бухарина, а также престиж и влияние дуумвирата... У Бухарина был "огромный авторитет" среди партийной молодежи, особенно среди тех, кто был избран для ускоренной подготовки будущей большевистской интеллигенции... Те, кто встречался с ним не один год, свидетельствуют, что мягкий, открытый, добродушный Бухарин в своей традиционной русской рубашке, кожаной куртке и сапогах был самым привлекательным из большевистских руководителей... В нем совсем не было пугающего высокомерия Троцкого, нарочитой помпезности Зиновьева или подозрительности и склонности к интригам, столь характерных для Сталина... Однако в конечном счете авторитет Бухарина основывался на его репутации крупнейшего в то время большевистского марксиста"¹.

Наиболее последовательными и авторитетными союзниками Бухарина в последовавшей вскоре борьбе между Сталиным и "правыми" были А.И.Рыков и М.П.Томский.

А.И.Рыков также принадлежал к числу наиболее крупных и известных партийных работников. Он вышел из пролетарской среды и, став большевиком, принимал активное участие в подпольной борьбе против царизма. Несколько раз подвергался ссылке. В Нарымской ссылке его застало известие о Февраль-

¹ Коэн Стивен. Бухарин..., с.256—258, 260—261, 268.

ской революции. После Октябрьской революции Рыков вошел в первое Советское правительство в качестве народного комиссара внутренних дел. В годы гражданской войны он руководил Высшим советом народного хозяйства (ВСНХ), затем был заместителем председателя Совнаркома и председателя СТО. В 1924 г. Рыков был назначен на пост Председателя Совнаркома, то есть на тот пост, который до него занимал В.И. Ленин. Это была огромная честь для 43-летнего большевика. Излишне говорить о том, какая громадная работа возлагалась в те годы на плечи Председателя Совнаркома.

М.П. Томский не только родился в пролетарской семье, но и сам был по профессии рабочим-печатником. Он примкнул к большевикам еще в годы первой русской революции и сразу же выдвинулся как организатор и руководитель профсоюзного движения. После поражения революции участвовал в нелегальной работе в Москве и Петрограде. Был арестован и осужден на пять лет каторжных работ. Его освободила Февральская революция. Томский вновь вернулся к активной партийной и профсоюзной деятельности и вскоре после победы Октября стал признанным руководителем профсоюзного движения и профсоюзных организаций Советской России. В 20-е гг. он был бессменным председателем ВЦСПС и среди профсоюзного актива страны пользовался огромным авторитетом.

БОРЬБА СТАЛИНА С "ПРАВЫМ" УКЛОНОМ

В 1925—1927 гг., несмотря на атаки "левой" оппозиции, в стране проводился курс на общее развитие производительных сил в деревне, включая и развитие, если пользоваться словами Калинина, "мощных трудовых хозяйств". Эта политика привела к довольно быстрому развитию сельскохозяйственного производства, которое заметно превзошло по общей валовой продукции довоенный уровень. Однако общее экономическое положение в стране оставалось трудным и сложным. Восстановительный период закончился, но восстановленные предприятия работали не лучшим образом, их оборудование было изношено, а продукция нередко отличалась высокой себестоимостью и низким качеством. В стране существовала значительная безработица, внешняя торговля развивалась медленно, так как государство не располагало достаточным количеством товаров для экспорта. Хотя партия уже провозгласила курс на индустриализацию, для ее проведения не хватало средств. Недостаток средств мешал и модернизации, и оснащению Красной Армии, хотя международное положение СССР в тот период было еще неустойчивым и вызывало немало опасений. Приходилось думать о расширении источников "первоначального социалистического на-

копления" также и за счет капиталистических элементов города и деревни. Бухарин сам предложил пересмотреть ряд положений "генеральной линии". Так, например, выступая на VIII московском съезде профсоюзов, он заявил:

"Проведение линии XIV конференции и XIV съезда усилило союз с середняком и укрепило позиции пролетариата в деревне. Теперь вместе с середняком и опираясь на бедноту, на возросшие хозяйственные и политические силы нашего Союза и партии, можно и нужно перейти к более форсированному наступлению на капиталистические элементы, в первую очередь на кулачество"¹.

При участии Бухарина XV съезд ВКП (б) принял ряд решений, направленных на ограничение капиталистических элементов города и деревни. Однако вопреки требованиям "левых" это ограничение предполагалось проводить главным образом экономическими средствами, то есть в рамках нэпа, а вовсе не методами "военного коммунизма". К тому же ограничение капиталистических элементов или наступление на них вовсе не означало их "вытеснения" или "ликвидации". Поэтому XV съезд ВКП (б) решительно высказался против предложенного "левыми" принудительного изъятия хлеба у зажиточных слоев деревни. Съезд возражал также против скоропалительной массовой коллективизации, не подготовленной ни субъективными, ни объективными факторами.

Провозглашенная XV съездом сельскохозяйственная политика не была, однако, проведена в жизнь. Еще до съезда, поздней осенью 1927 г., возникли серьезные трудности с проведением хлебозаготовок. Хотя урожай был хорошим, крестьяне, особенно зажиточные, не торопились продавать хлеб государству. У них еще оставались излишки от урожая 1925—1926 гг., и многие хотели дождаться весны, чтобы продать хлеб по более дорогой цене. Часть крестьян требовала не денег, а товаров промышленного производства. Трудности во взаимоотношениях с крестьянством не удалось преодолеть и в начале зимы. Свои обязательства, связанные с выплатой сельскохозяйственного налога, который был не слишком обременительным и взимался теперь не продуктами, а деньгами, крестьяне выполнили, но продавать хлеб государству по сравнительно невысоким осенним закупочным ценам отказались. Между тем у государства не было резервных запасов зерна, так как хлеб был в то время и важной экспортной статьей. Образовался большой дефицит, который мог серьезно сказаться и на снабжении городов, и на снабжении Красной Армии, и на экспортных поставках.

Стремясь предотвратить последствия этого дефицита в хлебном балансе страны, ЦК ВКП (б) дал ряд директив о при-

¹ "Правда", 13 октября 1927 г.

менении чрезвычайных мер против кулачества и зажиточной части крестьянства, включая принудительную конфискацию хлебных излишков. Хотя в директивах ЦК и говорилось о временном характере принятых мер, речь шла в действительности о резкой и неожиданной для работников на местах перемене всей прежней политики партии в деревне, противоречившей решениям XV съезда ВКП (б) и соответствовавшей скорее предложением только что разгромленной "объединенной" оппозиции.

Новые директивы ЦК были приняты с согласия всех членов Политбюро, включая Рыкова, Бухарина и Томского. Чтобы ускорить хлебозаготовки, тысячи членов партии были направлены в помощь сельским партийным организациям. В различные районы страны направились и многие члены ЦК. Сам Сталин 15 января 1928 г. выехал в Сибирь, где, по данным хлебозаготовительных органов, скопились большие излишки зерна. Он побывал в Новосибирские, Барнауле и Омске, где проводил собрания партийного и советского актива, на которых грубо и резко осуждал местных работников за их нерешительность при применении чрезвычайных мер к богатым крестьянам.

В результате такого нажима хлебозаготовки несколько увеличились. Но в апреле 1928 г. поступление зерна на хлебозаготовительные пункты вновь сократилось, и Сталин дал указание еще более расширить применение чрезвычайных мер, которые затрагивали уже массу середнячества. Одновременно в ВСНХ под руководством В.Куйбышева были разработаны меры по ускоренному проведению индустриализации и расширению капитального строительства, что требовало значительных государственных расходов.

Можно было предвидеть, что новый и резкий поворот в экономической политике Сталина вызовет разногласия в Политбюро и в ЦК ВКП (б). Так оно и произошло. Дебаты в Политбюро весной 1928 г. становились все более острыми. В качестве оппонента выступал не только Бухарин, поддержанный Рыковым и Томским. Еще два члена Политбюро — Калинин и Ворошилов — занимали умеренную позицию. Ворошилов как нарком обороны опасался, что разлад с крестьянством отразится на боеспособности Красной Армии. По закрытым каналам ему докладывали о "нездоровых" настроениях в некоторых частях армии. Калинин как председатель ЦИК СССР беспокоился по поводу союза с крестьянством. Он дорожил своей репутацией "всесоюзного старосты", защитника и выразителя интересов трудового крестьянства. Еще два члена Политбюро — Орджоникидзе и Рудзутак — колебались. По существу, из всех членов Политбюро, вошедших в него после XV съезда, Сталина безоговорочно поддерживали лишь В.Куйбышев и В.Молотов. Это вынуждало Сталина маневрировать и выжидать. Недостаточную поддержку имел Сталин и в ЦК, а также в ряде важных региональных

организаций партии. На стороне Бухарина решительно выступило руководство московской партийной организации во главе о кандидатом в члены Политбюро Н.А.Углановым. Аппарат Совнаркома и Госплана СССР также был на стороне "умеренных". Если новый председатель ГПУ В.Менжинский поддерживал Сталина, то два его заместителя — М.Триллиссер и Г.Ягода — высказывались за более умеренную политику.

Н.Бухарин, будучи теоретиком и идеологом, не боялся вступать в спор ни с Лениным, ни со Сталиным. Но как человеку слишком мягкому, ему трудно было действовать в условиях жесткой политической борьбы. Он не стремился, подобно Троцкому или Зиновьеву, к власти в партии. Воспоминания о только что закончившейся острой борьбе с "левой" оппозицией не позволяли ему даже думать о том, чтобы развязать новую общепартийную дискуссию и обратиться ко всей партии с призывом поддержать его в спорах со Сталиным. Бухарин не хотел создавать новой фракции и разрабатывать оппозиционную платформу. К тому же соотношение сил внутри ЦК позволяло ему надеяться, что он сможет одержать верх, ведя дискуссию в рамках ЦК и Политбюро. Излишне говорить, насколько такая позиция Бухарина была выгодна Сталину.

В мае и в июне 1928 г. Бухарин направил в Политбюро две записки, которые были поддержаны Рыковым и Томским. В них он отмечал, что многие мероприятия ЦК означают новую линию, отличную от линии XV съезда партии, и что все это идеологически дезориентирует партию. Бухарин не без оснований утверждал, что у партийного руководства нет ни общего мнения, ни целостности плана. Бухарин требовал, чтобы на пленуме ЦК, который был намечен на 4 июля, была проведена свободная и общая дискуссия. В отличие от писем в Политбюро Троцкого записки Бухарина не были "открытыми" и не распространялись по партийным организациям. Сталин заявил, что принимает рекомендации Бухарина. Однако он не хотел оставлять инициативу за Бухариным: для него было важно внести раскол в ряды сторонников Бухарина. Повод для этого дал заместитель наркома финансов и наркома внешней торговли М.Фрумкин, который 15 июня направил в Политбюро большое письмо с протестом против проводимой в стране политики. Фрумкин решительно возражал против нового финансового плана, который, по его мнению, превосходил возможности страны. Фрумкин утверждал, что причины тяжелого экономического положения являются следствием чрезвычайных мер, истощивших страну. Он возражал против форсированного создания колхозов и совхозов и против чрезмерно больших капиталовложений. Письмо Фрумкина стало известно сравнительно большому количеству людей в партийных кругах. Сталин настаивал на ответе со стороны Политбюро. Однако общий ответ не удалось согла-

совать, и Сталин сам составил такой ответ, который распространил среди членов Политбюро¹. Обсуждение письма Сталина вызвало острые разногласия на заседании Политбюро 27 июня 1928 г. Бухарин, Рыков и Томский огласили декларацию, в которой говорилось об угрозе разрыва союза между рабочим классом и крестьянством. Они требовали немедленного прекращения чрезвычайных мер и восстановления рынков и предлагали воздерживаться от создания таких колхозов и совхозов, которым государство еще не могло оказать немедленной материальной поддержки. Партия, считали они, должна прежде всего стимулировать мелкие и средние крестьянские хозяйства. В.Молотов назвал эту декларацию "антипартийной". Но Сталин был более осторожен. Для преодоления возникших разногласий была создана комиссия в составе К. Баумана, Бухарина, Микояна, Рыкова, Сталина. Комиссия подготовила компромиссные тезисы о политике хлебозаготовок, которые и были одобрены на очередном заседании Политбюро 2 июля. Было решено отменить чрезвычайные меры, повысить закупочные цены на зерно и восстановить сельские рынки.

Через несколько дней в Москве открылся пленум ЦК ВКП (б). С основным докладом на нем выступил Рыков. Он оценил положение в стране как очень плохое и даже высказал опасения относительно новой гражданской войны с крестьянством. Рыков повторил требования об отказе от чрезвычайных мер и повышения закупочных цен, а также настаивал на сохранении принципов нэпа и поддержке мелкого и среднего крестьянства.

Но Сталин не собирался отступать. Он убедился, что большинство секретарей обкомов его поддерживают, и посвятил свои выступления на пленуме оправданию проводимой им до сих пор политики. Главным вопросом он считал вопрос о необходимости более быстрых темпов индустриализации. Но как Рыков не обвинял Сталина, так и Сталин в своих речах на пленуме не выдвигал никаких обвинений в адрес Бухарина или Рыкова. Сталин выступал лишь против некоторых тезисов Троцкого, Преображенского и Фрумкина. На июльском пленуме ЦК Сталин впервые выдвинул свой тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму. "Продвижение рабочего класса к социализму... не может, — заявил он, — не вести к сопротивлению эксплуататорских элементов... не может не вести к неизбежному обострению классовой борьбы"².

Сталин призывал в своей речи не только "исключить необходимость применения каких бы то ни было чрезвычайных мер". Он заявил, что "люди, думающие превратить чрезвычайные меры в постоянный или длительный курс нашей партии, — опасные

¹ См.: Сталин И.В. Соч., т.11, с.116—126.

² Там же, с. 172.

люди, ибо они играют с огнем и создают угрозу для смычки"¹.

Но в той же речи Сталин заметил, что нельзя вообще зарека-ться от применения в будущем чрезвычайных или "комбедо-вских" мер в деревне, если там возникнут "чрезвычайные условия".

Июльский пленум ЦК закончился принятием компромис-сных резолюций, которые были гораздо ближе к позиции "пра-вых", чем к сталинской позиции. Но это не было победой Буха-рина, так как именно Сталин сумел повести за собой большинство ЦК, а также привлечь на свою сторону Калинина и Ворошилова. Он имел теперь прочное большинство в Политбюро, а это было важнее, чем любые резолюции пленума ЦК. Понимал это и Буха-рин. Как раз во время июльского пленума были восстановлены в партии и вернулись в Москву около 40 "левых" оппозиционе-ров, включая и Каменева. 11 июля Бухарин через посредство Сокольников встретился с Каменевым на его квартире. Он пытался отговорить Каменева от возможного блока со Стали-ным против "правых", убеждая, что все различия между "ле-выми" и "правыми" ничего не значат по сравнению с их общими целями в борьбе против Сталина. Эта тайная встреча ничего не дала Бухарину. Хотя Каменев обещал хранить свои беседы с Бухариным в тайне, он сделал о них подробную запись, с ко-торой познакомил и Зиновьева. Эта запись попала в руки троц-кистов, и Троцкий, возмущенный "капитуляцией" Каменева и Зиновьева и не питавший никаких симпатий к Бухарину, фак-тически обнародовал содержание переговоров между Камене-вым и Зиновьевым. Впоследствии это дало важные козыри Сталину в его борьбе против "правых" да и против Зиновьева и Каменева.

Слухи о разногласиях в Политбюро и в ЦК распространи-лись как в партии, так и за ее пределами. Однако члены Полит-бюро по взаимной договоренности решительно опровергали их, стараясь сохранить временное равновесие. В конце июля в Москве должен был состояться VI конгресс Коминтерна. 30 ию-ля 1928 г. все члены Политбюро подписали следующий доку-мент: "... Нижеподписавшиеся члены Политбюро ЦК ВКП (б) заявляют сеньорен-конвенту конгресса, что они самым реши-тельным образом протестуют против распространения каких бы то ни было слухов о разногласиях среди членов Политбюро ЦК ВКП (б)".

30 сентября 1928 г. Бухарин опубликовал в "Правде" свою известную статью "Заметки экономиста", в которой содержа-лась критика многих аспектов сталинской экономической по-литики, и в частности форсированной индустриализации. Однов-ременно Бухарин предлагал развернутый план преодоления эко-

¹ См.: Сталин И. В. Соч., т. 11. с. 173.

номических трудностей в стране путем развития и модернизации политики нэпа. Он выступил против новых "революций", за ограничение кулачества, за развитие кооперации и за проведение более правильной политики цен. Бухарин защищал принцип планирования экономики, но возражал против гипертрофирования планирования, которое не может предусмотреть все и вся. Планирование промышленности, считал он, должно идти в ногу с развитием сельского хозяйства и учитывать имеющиеся в стране ресурсы. Темпы индустриализации должны быть реальными. Формально критика Бухарина была направлена против троцкизма, но фактически он выступал против экономической политики Сталина. Не удивительно, что сторонники Бухарина всячески пропагандировали эту статью. На заседании Политбюро 8 октября большинством голосов публикация бухаринской статьи "без ведома ЦК" была осуждена, несмотря на возражения Рыкова, Томского и Бухарина¹. Однако Сталин уклонился от дискуссии. Он даже заявил в одном из своих выступлений, что Бухарин поставил в "Заметках экономиста" ряд теоретических вопросов и что постановка этих вопросов "вообще возможна и закономерна"².

Одновременно Сталин принял меры для ослабления позиций Бухарина. Развернутая в Коминтерне борьба против "правых" тенденций в коммунистическом движении была косвенно направлена против Бухарина и его сторонников. Было переизбрано "бухаринское" партбюро в Институте красной профессуры и ослаблены позиции Бухарина в органах печати. В редколлегии "Правды" все активнее действовал верный сталинец Ем. Ярославский. В президиум ВЦСПС был введен другой верный сталинец Л.Каганович. П.Петровский был снят с должности главного редактора "Ленинградской правды", Слепков, Астров, Марецкий, Зайцев и Цетлин были удалены из редакций "Правды" и "Большевика". Хотя Бухарин все еще оставался главным редактором "Правды", ему трудно было определять позицию партийной печати.

Сторонники Сталина активизировались в московской партийной организации. Им удалось добиться переизбрания нескольких секретарей райкомов партии. В середине октября 1928 г., когда Бухарин отдыхал в Кисловодске, состоялся пленум Московского обкома и горкома партии. Угланов оказался в меньшинстве. На пленуме выступил Сталин, который обвинил Угланова в "правом" уклоне. Угланов и его сторонники не были избраны в руководство московской партийной организации. Ее возглавил секретарь ЦК В.Молотов. Так было нанесено едва

¹ См.: Ваганов Ф.М. Правый уклон в ВКП(б) и его разгром. М., 1970, с.161—163.

² Сталин И.В. Соч., т. 11, с. 260.

ли не решающее поражение группе Бухарина. Она была деморализована, и даже Рыков пошел на уступки в дискуссиях, которые происходили в Политбюро. Только теперь Бухарин прервал свой отпуск и вернулся в Москву. Он убедился, что его позиции в партийных верхах решительно ослабли. К тому же положение в стране вновь обострилось. Дело с хлебозаготовками шло плохо, и снова был поднят вопрос о применении чрезвычайных мер. Бухарин, Рыков и Томский выступили против. Когда Политбюро отклонило их протест, они подали коллективное заявление об отставке. Но Сталин еще не был вполне уверен в своем превосходстве. Калинин и Ворошилов вновь стали выказывать признаки колебаний. Поэтому Сталин предложил компромисс, на который Бухарин согласился. Сталин обещал, в частности, прекратить преследования бухаринцев и сократить капиталовложения в промышленность. Рыков был утвержден докладчиком на предстоящем пленуме ЦК ВКП (б).

Ноябрьский пленум ЦК ВКП (б) продемонстрировал явное превосходство Сталина и укрепил его позиции. На пленуме Сталин выступил с речью "Об индустриализации страны и о "правом" уклоне в ВКП (б)". Правда, он называл в качестве "носителей" "правого" уклона только таких деятелей партии, как Фрумкин и Угланов. Что же касается Политбюро, заявил он, то "мы все в Политбюро едины"¹. Бухарин не присутствовал на большинстве заседаний пленума. В Коминтерне под предлогом борьбы с "правыми" было изменено руководство многих коммунистических партий, что сделало Бухарина лишь номинальным главой Коминтерна. На очередном 8-м съезде профсоюзов Томский и его сотрудники оказались в меньшинстве среди делегатов и потерпели поражение уже при утверждении повестки дня. Хотя Томский и был избран в конце съезда председателем ВЦСПС, большинство Центрального Совета составляли сторонники Сталина. Убедившись в своем поражении, Томский подал в отставку. И хотя его отставка не была принята, он так и не приступил к работе в ВЦСПС. Его примеру последовал и Бухарин. Он перестал посещать заседания Исполкома Коминтерна и даже редколлегию "Правды". Однако в конце января 1929 г. именно Бухарину было поручено сделать доклад на траурном заседании, посвященном пятилетию со дня смерти Ленина. В этом докладе, озаглавленном "Политическое завещание Ленина", Бухарин, опираясь на анализ статей и выступлений Ленина в 1921—1923 гг., подробно изложил взгляды Ленина на перспективы строительства социализма в СССР. Для всякого внимательного слушателя или читателя доклада Бухарина было очевидно, что политическая и экономическая линия Сталина весьма далеко отстоит от ленинских планов социалисти-

¹ Сталин И.В. Соч., т. 11, с. 290.

ческого строительства. Но этот косвенный выпад против Сталина оказался не слишком эффективным.

Борьба, так и не вышедшая фактически за рамки ЦК и разного рода аппаратных столкновений, приближалась к развязке. Сталину уже не нужны были компромиссы. Бухарин принял вызов, и острая борьба между ними развернулась на заседаниях Политбюро, происходивших в январе и феврале 1929 г. В это время Бухарин составил совместно с Томским и Рыковым подробный документ, своего рода платформу "правых" ("платформа трех"), которая содержала критику сталинской политики и предлагала альтернативную программу экономического и политического развития страны. Эта платформа была зачитана Рыковым на одном из заседаний Политбюро, но не была вынесена на обсуждение ни всей партии, ни хотя бы ее Центрального Комитета. Именно в этом документе Бухарин обвинил Сталина в "военно-феодальной эксплуатации крестьянства". Политбюро отвергло эти обвинения как "клевету" и вынесло порицание Бухарину. Новый компромисс был уже невозможен. Обстановка накалялась, и в числе ближайших сторонников Бухарина наметились колебания. Рыков взял назад свое заявление об отставке и вернулся к работе в Совнарком. Неожиданно осудил Бухарина один из его ближайших учеников — Стецкий. Развязка наступила в апреле, когда собрался объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). Бухаринцы были в явном меньшинстве. Сталин выступил на пленуме с развернутой критикой "группы Бухарина, Томского и Рыкова", о существовании которой якобы раньше никто не знал и которая только что обнаружилась в Политбюро. Доклад Сталина был резким, грубым и тенденциозным. Сталин говорил о всех ошибках Бухарина чуть ли не с первых дней его политической карьеры. Ошибочными он объявил и те работы Бухарина, которые служили основой линии партии в 1925—1927 гг. Томского Сталин грубо обозвал "тред-юнионистским политиканом", а Бухарин, заявил он, "подпеваает господам Милюковым и плетется в хвосте за врагами народа", он "еще недавно состоял в учениках у Троцкого", это "человек с разбухшей претенциозностью". Теория Бухарина — это "чепуха", декларация "группы Бухарина" — "это наглая и грубая клевета" и т.д. и т.п.

Попытки Бухарина, Томского и Угланова смягчить остроту этих высказываний и оценок ссылками на недавнюю личную дружбу со Сталиным последний решительно отбросил, заявив, что "все эти сетования и вопли не стоят и ломаного гроша"¹.

Бухарин, Рыков, Томский и Угланов не стали каяться на пленуме, а выступили с защитой своих взглядов и критикой сталинской политики. Бухарин, в частности, обвинил Сталина в

¹ См.: Сталин И.В. Соч., т.12, с.1—107.

подрыве нэпа и установлении "чудовищно односторонних" отношений с крестьянством, которые разрушают "смычку рабочего класса и крестьянства". Он заявил, что такая политика означает полную капитуляцию перед троцкизмом. Бухарин поддерживал планы быстрой индустриализации. Но он предупредил, что без одновременного развития сельского хозяйства индустриализация обречена на провал. Бухарин обвинил Сталина в создании чиновничьего государства и в ограблении крестьянства, осудив при этом сталинский тезис о непрерывном обострении классовой борьбы по мере продвижения СССР к социализму. "Эта странная теория, — сказал он, — возводит самый факт теперешнего обострения классовой борьбы в какой-то неизбежный закон нашего развития. По этой странной теории выходит, что чем дальше мы идем вперед в деле продвижения к социализму, тем больше трудностей набирается, тем больше обостряется классовая борьба и у самых ворот социализма мы, очевидно, должны или открыть гражданскую войну, или подохнуть с голоду и лечь костями".

Речь Бухарина, так же как и большая часть стенограммы апрельского пленума ЦК ВКП (б), не была опубликована ни в 1929 г., ни позже. На пленуме Сталин имел прочное большинство. Но он боялся, что в широких кругах партии, и особенно среди сельских коммунистов, программа Бухарина встретит гораздо большее сочувствие, чем среди членов ЦК и ЦКК. Не могло быть сомнения в том, что среди широких кругов крестьянства, значительной части рабочих и среди беспартийной интеллигенции Бухарин в тот период пользовался большей популярностью, чем Сталин. Даже речь Сталина не была опубликована полностью, из нее была исключена значительная часть, содержащая главным образом критику Бухарина и его платформы. Речь Сталина была полностью опубликована лишь через 20 лет в 12-м томе его Сочинений.

Эта боязнь Сталина сделать гласной его полемику с Бухариным отражала неуверенность Сталина в прочности своей идейной и политической платформы. И действительно, мы видим сегодня, что большая часть критических замечаний "правых" в адрес сталинской политики 1928—1929 гг. являлась совершенно правильной. "Правые" справедливо выступали против превращения чрезвычайных мер в постоянную политику партии в деревне. Они резонно возражали против ускоренной и принудительной коллективизации, которая может привести лишь к падению сельскохозяйственного производства, ухудшению снабжения городов и срыву экспортных планов. Не без основания "правые" возражали против гигантомании в индустриальном строительстве, против чрезмерных и во многих случаях экономически неоправданных капитальных затрат. Весьма разумными были предложения "правых" об изменении закупоч-

ных цен на зерно. В 1927 г. они были очень низкими — ниже фактической себестоимости зерна, и это не создавало экономических стимулов для крестьянства расширять продажу зерна государству.

Бухарин и его политические единомышленники предлагали в 1928 г. не применять чрезвычайные меры, а закупить за границей вместо этого товары легкой промышленности и даже зерно. Возможно, в тех условиях это было бы меньшим злом. "Правые" совершенно справедливо указывали на недооценку развития легкой промышленности. При сохранении приоритета тяжелой индустрии легкая промышленность должна была получить более быстрое развитие, ибо она давала большую часть товаров для продажи как в городе, так и в деревне, а стало быть, обеспечивала необходимые средства для финансирования всех государственных проектов и нужд. Без соблюдения должных пропорций в стране неизбежно сохранялась инфляция, товарный голод, а экономические стимулы заменялись административным нажимом.

Бухарин и в 1928—1929 гг. был уверен, что нэп, как основная линия экономической политики партии, еще не исчерпала себя, что в СССР еще существует достаточный простор для развития не только социалистических предприятий, но и определенных капиталистических элементов. Лишь в более отдаленном будущем развитие социализма должно привести к ликвидации нэповского буржуазного сектора и кулацкого эксплуататорского хозяйства. Бухарин считал, однако (и Сталин поддерживал его в этом до 1928 г.), что вытеснение капиталистических элементов в городе и в деревне должно происходить в основном в силу экономического, а не административного давления, то есть в результате конкуренции, при которой социалистический сектор должен одержать верх над капиталистическим. Такую точку зрения могли оспаривать "левые", призывавшие к новой "революции" и к новым экспроприациям. Но она имела полное право на существование и практическую проверку. Опыт социалистических стран Европы показал, что возможны различные формы сочетания крупной социалистической индустрии и крупных социалистических сельскохозяйственных предприятий с мелким частным хозяйством, включая и мелкие капиталистические предприятия (ГДР, Польша, Венгрия, Югославия). Речь идет в данном случае о различном подходе к крестьянству и мелкой буржуазии при сохранении общей социалистической перспективы.

В своей политике по отношению к крестьянству именно Сталин взял на вооружение (и при этом значительно углубил и расширил) троцкистские концепции "первоначального социалистического накопления" и зиновьевско-каменевские предложения о чрезвычайном обложении зажиточных слоев деревни.

Логично поэтому, что Сталин привлек для проведения своей новой политики многих видных деятелей недавней "левой" оппозиции.

С явно неправильных "ультралевых" и сектантских позиций критиковал Сталин и деятельность Бухарина как руководителя Коминтерна. Несомненно, что Бухарин разделял в середине 20-х гг. ошибочную позицию Коминтерна в отношении социал-демократии и ошибочную формулу "социал-фашизма". Однако в конце 20-х гг. он стал пересматривать эту позицию. По мере роста фашистской опасности в Европе Бухарин находил возможным соглашения с низовыми социал-демократическими организациями и социал-демократическими профсоюзами против фашизма. Сталин, напротив, требовал усиления борьбы против социал-демократии. Более того, он предлагал усилить борьбу против левых течений в социал-демократии, хотя именно эти течения были потенциально наиболее вероятными союзниками коммунистических партий. "Второй вопрос, — заявлял, например, Сталин в речи "О правом уклоне в ВКП (б)", — это вопрос о борьбе с социал-демократией. В тезисах Бухарина говорилось о том, что борьба с социал-демократией является одной из основных задач секций Коминтерна. Это, конечно, верно. Но этого недостаточно. Для того чтобы борьба с социал-демократией шла с успехом, необходимо заострить вопрос на борьбе с так называемым "левым" крылом социал-демократии, с тем самым "левым" крылом, которое, играя "левыми" фразами и ловко обманывая таким образом рабочих, тормозит дело отхода рабочих масс от социал-демократии. Ясно, что без разгрома "левых" социал-демократов невозможно преодоление социал-демократии вообще. А между тем в тезисах Бухарина вопрос о "левой" социал-демократии оказался совершенно обойденным. Это, конечно, большой недостаток. Поэтому делегации ВКП (б) пришлось внести соответствующую поправку в тезисы Бухарина, принятую потом конгрессом"¹.

Ошибочность этой позиции Сталина очевидна. Она не только мешала созданию фронта с левыми силами в рабочем движении Запада, но и приводила к тому, что не в одной лишь ВКП (б), но и во многих западных партиях немало честных коммунистов и коммунистических активистов произвольно зачисляли в число носителей "правого" уклона.

Выступая против Бухарина и его группы, Сталин и его сторонники часто и грубо использовали в своей полемике чуждый марксизму метод вульгарного социологизма. Этот метод состоял, в частности, в том, что какие-либо явления в области культуры или политические высказывания связывались непосред-

¹ Сталин И.В. Соч., т.12, с.21—22.

ственно с позицией и политическими настроениями того или иного класса.

Поскольку платформа Бухарина в 1928—1929 гг. не только для широких масс трудящихся, но и для капиталистических элементов города и деревни была предпочтительнее платформы Сталина, то последний сразу же приклеил Бухарину ярлык "защитника капиталистических элементов", "выразителя идеологии кулачества", "проводника кулацких влияний в ВКП (б)" и т.д. Кое-кто добавлял сюда еще словечко "объективно", однако впоследствии чаще всего обходились и без этого добавления. При таком вульгарно-социологическом подходе и Ленина можно было бы назвать в 1921—1922 г. в связи с введением нэпа "защитником кулацко-капиталистических элементов".

Следует отметить, что Бухарин и Томский никогда не создавали внутри партии какой-либо четкой фракции. Это признавал и сам Сталин. "Есть ли у "правых" уклонистов фракция? — вопрошал он в одной из своей речей. — Я думаю, что нет. Можно ли сказать, что они не подчиняются решениям нашей партии? Я думаю, что у нас нет еще оснований обвинять их в этом. Можно ли утверждать, что "правые" уклонисты обязательно сорганизуются в свою фракцию? Я в этом сомневаюсь"¹.

Таким образом, "правые" формально не нарушали известную резолюцию X съезда о единстве партии. Поэтому, выступив с репрессиями против "правых", начав против них организованную борьбу и объявив защиту "правых" взглядов несовместимой с пребыванием в партии, Сталин чрезвычайно сузил, если не уничтожил вовсе, и те гарантированные уставом ВКП (б) права каждого члена партии свободно обсуждать вопросы партийной политики.

Только после апрельского (1929 г.) пленума ЦК на собраниях и в печати началась крайне интенсивная кампания против "правого" уклона, причем критика была направлена конкретно в адрес Бухарина, Рыкова и Томского. Все работы Бухарина с начала его политической деятельности подвергались тенденциозному разбору. Между тем сами лидеры "правых" были вынуждены молчать, хотя они все еще оставались членами Политбюро, а Рыков по-прежнему возглавлял Совнарком. Сталин требовал от них публичной капитуляции, которой он не смог добиться на апрельском пленуме. И он добился своего. Уже в ноябре 1929 г. на очередном пленуме ЦК А. Рыков огласил письменное заявление — от своего имени, Бухарина и Томского. В нем говорилось, что "тройка", безусловно, поддерживает генеральную линию партии и отличается от большинства членов ЦК лишь по некоторым методам проведения этой линии. Вместе с тем в заявлении отмечалось также, что и "на рельсах приня-

¹ Сталин И.В. Соч., т.11, с.287.

того партией конкретного метода проведения генеральной линии были достигнуты в общем большие положительные результаты". Поэтому Бухарин, Рыков и Томский заявляли, что "разногласия между ними и большинством ЦК снимаются"¹. Но даже и это заявление было признано "неудовлетворительным". Ноябрьский пленум ЦК вывел Бухарина из Политбюро и предупредил Рыкова, Томского и Угланова.

Сразу же после ноябрьского пленума ЦК Бухарин вместе с Рыковым и Томским подали в Политбюро новое заявление о признании своих "ошибок". Воля к борьбе у лидеров "правой" оппозиции была сломлена, как и у большинства "левой" оппозиции. Рассказывают, что в ночь на 1 января 1930 г. в квартиру к Сталину, весело отмечавшему Новый год со своими друзьями, неожиданно постучали. На пороге стояли с бутылками вина Бухарин, Рыков и Томский — они пришли мириться. И хотя внешне примирение состоялось, никто из лидеров "правых" не вернул себе прежнего положения в партии. После XVI съезда ВКП (б) М. Томский был выведен из состава Политбюро, а на декабрьском пленуме ЦК в 1930 г. из Политбюро был выведен и А. Рыков. Затем он был освобожден от поста Председателя Совнаркома и в марте 1931 г. назначен наркомом почт и телеграфов. Бухарин был назначен заведующим научно-исследовательским сектором ВСНХ СССР. Через несколько лет он стал также главным редактором газеты "Известия". XVI съезд партии еще избрал Бухарина, Рыкова и Томского членами ЦК ВКП (б). Однако после XVII съезда все они были переведены в кандидаты в члены ЦК ВКП (б). Хотя в начале 30-х гг. страну потрясли еще многие драматические события, о которых мы будем говорить ниже, Бухарин, Рыков и Томский уже не подали голоса протеста.

Несмотря на покорность бывших "правых", пресса продолжала поносить их в течение всей первой пятилетки. Даже в 1935 г. журнал "Большевик" называл Бухарина "правым капитулянтom", который предлагал якобы отказаться от индустриализации и коллективизации и предоставить неограниченную свободу частнокапиталистическим элементам. Здесь же говорилось, разумеется, что "кулацкая сущность" этой программы была разоблачена партией под руководством Сталина и т.п. Все это было в стиле Сталина. Он продолжал все сильнее поносить даже побежденных оппонентов.

Возникает вопрос, а могла ли победить Сталина "правая" оппозиция? Если в отношении "левой" оппозиции мы ответили на этот вопрос отрицательно, то в отношении "правой" оппозиции категорический ответ был бы неверен. "Правая" оппозиция имела очень много шансов для победы над Сталиным. При

¹ "Большевик", 1930, № 2, с.8.

определенных условиях ее платформа могла бы получить большинство и в Политбюро, и в ЦК, и в широких кругах партии, а также получить поддержку большинства крестьян, рабочих и служащих. Но лидеры "правой" оппозиции не сумели использовать эти шансы. Они оказались недостаточно твердыми и настойчивыми политиками, и у них не хватило воли бороться за власть в партии и стране; фактически они уклонились от этой борьбы.

Анализируя причины поражения "группы Бухарина", американский историк С. Козн дает очень глубокий и тонкий анализ внутрипартийной борьбы конца 20-х гг. Он пишет:

"Как же тогда объяснить не совсем еще уверенную победу Сталина над Бухариным? Среди нескольких обстоятельств, дававших перевес генсеку, важнейшим был узкий фронт борьбы между ними и ее скрытность. Бухарин, Рыков и Томский сами способствовали сохранению этой ситуации, ограничившей конфликт рамками партийной иерархии, где Сталин был сильнее всего, а сила бухаринской группы сводилась к нулю, поскольку она лежала за пределами партийного руководства и даже за пределами самой партии.

Дело в том, что в отличие от "левых" большевиков, оставшихся до самого конца движением диссидентов в высшем партийном руководстве, не имевшим социальной базы, "правая" оппозиция располагала потенциальной массовой поддержкой по всей стране. Практически всем было ясно, что крестьянское большинство предпочитало политику "правых" в деревне. Это в равной степени понимали и бухаринцы, и сталинисты, и те, кто держался в стороне. Кроме того, чистки, которые потрясали административные органы, начиная от наркоматов и кончая местными Советами и кооперативами, и отдавались эхом в длительной кампании в прессе против "правого уклона на практике", свидетельствовали о том, что умеренные взгляды Бухарина широко распространены среди беспартийных работников, особенно связанных с деревней и с отдаленными республиками. Но взгляды Бухарина были популярны не только в деревне. Даже после того, как Томский попал в опалу, "правые" настроения среди рядовых членов профсоюзов (и, как можно думать, среди городского рабочего класса) упорно сохранялись и выражались главным образом в форме упрямого сопротивления сталинской политике в области промышленности. О размахе этих настроений можно судить по сплошной перетасовке фабрично-заводских комитетов в 1929—1930 гг.: в главных промышленных центрах — Москве, Ленинграде, на Украине, Урале — были заменены от 78% до 85% их членов.

Сторонники Бухарина пользовались скрытой поддержкой и в самой партии, о чем также можно судить по шумным нападениям на "правых оппортунистов" на всех уровнях...

Трагедия Бухарина и суть его политической дилеммы заключались в его нежелании апеллировать к этим широким настроениям. Когда речь идет о массах в целом, это нежелание легко объяснимо: оно проистекало из большевистской догмы, что политическая деятельность вне партии незаконна и потенциально (если не на практике) контрреволюционна. Эта точка зрения усиливалась опасениями, разделявшимися как большинством, так и оппозиционными группами, что обращение фракций к народу может привести к образованию "третьей силы" и таким образом погубить партию. Из этого следовала аксиома, что внутрипартийные разногласия нельзя даже обсуждать перед беспартийной аудиторией. Как заметил один троцкист, объясняя затруднения "левых", это было "делом партийного патриотизма: он толкал нас на бунт и в то же самое время обращал нас против самих себя". Так же дело обстояло и с "правыми", которых притом сдерживал и разразившийся в стране кризис. Бухарин, Рыков и Томский были убеждены, что сталинский курс опасен своей непопулярностью и гибелен в хозяйственном отношении, но тем не менее хранили молчание перед народом. Общественное мнение участвовало в происходившей борьбе лишь косвенно, его учитывали лишь в постоянных дискуссиях о значении наводнявших центр писем с протестами против новой политики в деревне... Однако Бухарина сдерживало и другое соображение. В глазах марксиста социальные группы, которые, по-видимому, были наиболее восприимчивы к его политике (а именно крестьянство и технические специалисты), являлись "мелкой буржуазией" и, следовательно, на них нельзя было ориентироваться большевику...

Его нежелание выносить борьбу со Сталиным на суд широких партийных масс объясняется сдерживающими факторами того же порядка, так как политическая деятельность в партии за пределами ее руководства также стала вызывать подозрения и постепенно прекращалась... Все же, несмотря на свое участие во внедрении запретительных норм, Бухарин испытывал соблазн обратиться ко всей партии. Он мучительно раздумывал над дилеммой: "По ночам я иногда думаю: "А имеем ли мы право промолчать? Не есть ли это недостаток мужества?.." Наконец, полагая, что партийная иерархия, которую он хотел перетянуть на свою сторону, уничтожит любого руководителя, вынесшего борьбу за ее пределы, Бухарин подчинился "партийному единству и партийной дисциплине", подчинился узким правилам нетерпимой политической игры, созданию которых он сам содействовал. Он остерегался "фракционности" и потому вынужден был ограничиться бесплодными закулисными интригами (вроде его визита к Каменеву), которые легко использовались против него врагами. Политически его позиция была нелепой: испытывая глубокое презрение к Сталину и к его политике,

он все же оставался до конца скованным, колеблющимся оппозиционером.

Не считая публичных призывов, которые были слишком эзоповскими, чтобы возыметь какое-нибудь действие, Бухарин, Рыков и Томский оказались поэтому в сговоре со Сталиным, ограничив свой далеко идущий конфликт узкой ареной, на которой им предстояло быть "задушенными за спиной партии"... Все это... дало Сталину огромное преимущество над Бухариным, который однажды охарактеризовал себя как "худшего организатора в России". Но триумф Сталина был обеспечен не только политической машиной. В том, что касается ЦК, она в основном обеспечивала ему преданность или благожелательный нейтралитет делегатов низшего и среднего звена, выдвинувшихся благодаря сталинской протекции. Как сказал о них один разочаровавшийся сталинист: "Мы победили Бухарина не аргументами, а партбилетами". Однако, несмотря на то, что эти младшие партийные работники являлись членами ЦК, в 1928–1929 гг. роль их была второстепенной. По сути дела, они лишь утверждали решения, уже принятые более узкой, неофициальной группой старших членов ЦК – олигархией из двадцати–тридцати влиятельных лиц, таких, как высшие партийные руководители и главы важнейших делегаций в ЦК (представлявших в первую очередь Москву, Ленинград, Сибирь, Северный Кавказ, Урал и Украину)...

В апреле 1929 г. эти влиятельные деятели предпочли Сталина и обеспечили ему большинство в высшем руководстве. Представляется очевидным, что они поступили так не столько из-за его бюрократической власти, сколько потому, что предпочли его руководство и его политику. В какой-то степени их выбор, безусловно, определялся тем, что они ощущали родство с генсеком как с волевым "практическим политиком", тогда как мягкий, погруженный в теорию Бухарин по сравнению с ним мог, возможно, показаться "просто мальчиком"¹.

Мы должны согласиться с большинством доводов С. Козна. По нашему мнению, он неправ лишь в одном – даже в партийной иерархии сила Бухарина и его группы вовсе не была равна нулю; в первые месяцы борьбы его предложения были поддержаны большинством даже в Политбюро. Но Бухарин не сумел использовать благоприятную ситуацию, он был действительно одним из худших организаторов в России.

К концу 1929 г. у Сталина, казалось бы, уже не было противников и оппонентов в ЦК партии. В приветствии ЦК ВКП (б) Сталину по случаю его 50-летия он назван "лучшим, самым стойким и последовательным из непосредственных учеников и соратников Ленина". "Ты, как никто другой, – говорится в этом

¹ Козн Стивен. Бухарин..., с.387–393.

приветствии, – сочетал в себе глубокое теоретическое знание ленинизма с умением смело претворять его в жизнь на различных этапах революционной борьбы. Это помогло партии с наименьшей затратой сил и времени успешно справиться с труднейшими историческими задачами, это помогло партии сохранить действительное ленинское единство”¹.

Из людей, подписавших это приветствие, мало кто дожил до конца следующего десятилетия. Большинство из них стали жертвами кровавых чисток 30-х гг. Ибо победа Сталина над оппозициями не была победой ленинизма. Это была победа сталинизма, надолго утвердившего свое господство над страной и партией. Советскому Союзу предстояло пройти через самые трудные и кровавые десятилетия в своей истории.

¹ “Сталин. Сборник статей к пятидесятилетию со дня рождения”. М.–Л., 1929, с.8–11.

3

ОШИБКИ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ СТАЛИНА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ И ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ КООПЕРАЦИИ И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В СССР

После введения нэпа на всей почти территории Советской России в течение нескольких лет можно было наблюдать значительное оживление хозяйственной деятельности во всех секторах и в рамках всех существовавших в стране экономических укладов. Восстанавливалось и расширялось промышленное производство, составлявшее теперь основу социалистического сектора народного хозяйства. Развивалось ремесленное производство. Улучшалось положение и увеличивалось производство в десятках миллионов мелких крестьянских хозяйств. Расширялась государственная и частная торговля. Крепло и развивалось более крупное крестьянское хозяйство, которое применяло эпизодически или постоянно наемный труд и которое было принято в тот период называть кулацким хозяйством. Небольшие и средние капиталистические предприятия возникали повсюду, как грибы после дождя. В меньшей мере, чем на это рассчитывал Ленин, но все же развивалось производство на основе иностранных кредитов, концессионное или государственно-капиталистическое. Увеличивались и объемы внешней торговли. Во всем этом был еще значительный элемент стихийности, и нет ничего удивительного, что в экономике то и дело возникали различные диспропорции, которые удавалось преодолеть иногда легко, а иногда и с большими затруднениями.

Наибольшая диспропорция между развитием сельского хозяйства и промышленности образовалась к 1926–1927 гг. При отсутствии какой-либо иностранной помощи и недостатке кредитов экономическое развитие Советского Союза могло идти лишь на основе самофинансирования, но накопления, образующиеся в промышленности, были еще слишком малы. Основные надежды в этой области возлагались на развитие сельского хозяйства, что требовало в первую очередь увеличения товарного производства в деревне, особенно производства то-

варного хлеба. Но именно в этом отношении успехи советского хозяйства были невелики. Общий объем валовой продукции сельского хозяйства увеличился к 1927 г. на 21% по сравнению с наиболее урожайным (до революции) 1913 г. Этот прирост происходил, однако, за счет продукции животноводства и технических культур. Что касается зерновых, то они ни по посевным площадям, ни по валовому производству не достигли довоенного уровня. Значительно уменьшилось производство товарного хлеба. Если в 1909–1913 гг. среднегодовая товарная продукция зерновых составила 1018 млн. пудов (в границах до 1939 г.), то в 1923–1927 гг. страна получала 514 млн. пудов товарного зерна¹. Производству товарного зерна мешало несколько факторов. Не слишком стимулировали зерновое хозяйство заготовительные цены. Если индекс заготовительных цен на продукты животноводства составлял в 1926–1927 гг. 178% (за 100% принят 1913 г.), а на технические культуры – 146%, то на зерно индекс заготовительных цен достиг в это время только 89%. Это несоответствие не было результатом случайной ошибки заготовительных органов. Повышение заготовительных цен на зерно потребовало бы увеличения поставок различных товаров деревне. Крестьянам нужны были не бумажные деньги, а потребительские товары и машины, которые можно было бы приобрести за эти деньги. Между тем промышленное производство еще не могло ликвидировать товарный голод как в городе, так и в деревне.

Препятствовала производству товарного зерна и новая структура сельского хозяйства, сложившаяся после революции. Были уничтожены помещичьи хозяйства – в недавнем прошлом основной поставщик товарного хлеба. В годы “военного коммунизма” был нанесен тяжелый удар и по кулацким хозяйствам, которые также поставляли на рынок в предвоенные годы немалое количество товарного хлеба. Главными производителями зерна после Октябрьской революции стали середняцкие и бедняцкие хозяйства. К концу 20-х гг. они давали до 4 млрд. пудов хлеба (до революции – 2,5 млрд.), однако товарного зерна – лишь 400–440 млн. пудов (товарность – 10–11%).

Подобные трудности можно было предвидеть, еще провозглашая Декрет о земле. Разъясняя основы нэпа, Ленин достаточно ясно наметил и пути преодоления трудностей на “хлебном фронте”. Во-первых, следовало оказать всемерную помощь мелким индивидуальным хозяйствам. Именно поддержка хозяйственной деятельности середняка и бедняка была главной целью новой экономической политики в деревне на первом этапе.

Нельзя было, однако, сбрасывать со счетов и зажиточные

¹ “Народное хозяйство СССР. Ежегодник ЦСУ за 1958 г.” М., 1959, с.311.

хозяйства. Некоторое развитие кулацкого производства в первые годы нэпа не было опасным для диктатуры пролетариата. Поэтому те тревожные заявления, которые делала в этой связи "левая" оппозиция, не были обоснованы. Наша деревня, неоднократно говорил Ленин, страдала тогда не столько от капитализма, сколько от его недостаточного развития. Поэтому с первых месяцев нэпа Ленин предлагал всячески поддерживать хозяйственную инициативу всех "старательных" крестьян, считал возможным даже премировать их за увеличение производства. Правда, Ленин предлагал премировать не средствами производства, а предметами личного потребления и домашнего обихода.

Конечно, политика, правильная и естественная в первый период нэпа, не могла стать основной политикой диктатуры пролетариата в деревне на весь переходный период от капитализма к социализму в России. Никто в руководстве большевиков не предполагал строить сколько-нибудь долгосрочные планы развития сельского хозяйства на основе развития кулацкого производства. Еще до своего прихода к власти большевики разработали такую аграрную программу, которая предусматривала создание на основе "культурных" помещичьих хозяйств крупных образцовых сельскохозяйственных предприятий социалистического типа. Но повести деревню по этому пути не удалось. Приходилось искать более сложные обходные пути, идя на временный компромисс с богатой частью деревни. Имея в виду задачи партии в деревне на более длительный период, Ленин предлагал всемерно способствовать развитию здесь всех видов и форм кооперации, включая и производственную кооперацию. Пересматривая свои прежние взгляды на кооперацию, Ленин заявлял в 1923 г., что именно развитие кооперации при пролетарском государстве тождественно развитию социализма в российской деревне. "Если крестьянское хозяйство может развиваться дальше, — писал Ленин, — необходимо прочно обеспечить и дальнейший переход, а дальнейший переход неминуемо состоит в том, чтобы наименее выгодное и наиболее отсталое, мелкое обособленное крестьянское хозяйство, постепенно объединяясь, сорганизовало общественное, крупное земледельческое хозяйство"¹.

Хотя предложенный Лениным кооперативный план был пока еще не более чем черновым наброском, Ленин уже хорошо понимал, что кооперирование деревни — это длительное и сложное дело, невозможное без многих лет напряженного труда, без развития грамотности, культуры в деревне, без механизации сельского хозяйства и постепенного приучения крестьян к совместной экономической деятельности. "Но чтобы достигнуть

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 148.

через нэп участия в кооперации поголовно всего населения, — писал Ленин в 1923 г., — ...для этого требуется целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия. Но все-таки это будет особая историческая эпоха, и без этой исторической эпохи, без поголовной грамотности, без достаточной степени толковости, без достаточной степени приучения населения к тому, чтобы пользоваться книжками, и без материальной основы этого, без известной обеспеченности, скажем, от неурожая, от голода и т.д., — без этого нам своей цели не достигнуть”¹.

Высказывания Ленина в его последних работах давали партии некоторые важные ориентиры, но они никогда не являли собой какой-то “ленинской генеральной линии партии”, малейшее отклонение от которой составляло бы “правый” или “левый” оппортунистический уклон. Подобного рода “генеральная линия” была более поздним изобретением преемников Ленина. Еще Герберт Уэллс после своей встречи с Лениным верно отметил, что “Ленин с откровенностью, которая порой ошеломляет его последователей, рассеял недавно последние иллюзии насчет того, что русская революция означает что-либо иное, чем вступление в эпоху непрерывных исканий. Те, кто взял на себя гигантский труд уничтожения капитализма, должны сознавать, что им придется пробовать один метод действия за другим”².

Крайняя сложность экономической обстановки начала 20-х гг. порождала не только непрерывные дискуссии, но и значительные трудности, в отношении которых партия далеко не всегда могла найти быстрое и разумное решение. Как известно, восстановление разрушенной двумя войнами экономики началось у нас в стране с сельского хозяйства. Однако уже в 1923 г. развитие деревни столкнулось с рядом серьезных трудностей. Дело в том, что крестьянские хозяйства еще не имели почти никаких накоплений, излишки, которыми они располагали, были минимальными. С другой стороны, и себестоимость, и цена покупаемых крестьянами промышленных товаров были высокими. Поэтому, несмотря на слабость промышленности, в стране возник кризис сбыта, затоваривание, что привело даже к остановке некоторых промышленных предприятий, задержке зарплаты рабочим и служащим, отдельным забастовкам. Чтобы предотвратить развитие кризиса, государство снизило цены на многие промышленные товары и повысило закупочные цены на часть сельскохозяйственной продукции. На селе была развернута система дешевого кредита, которым могли пользоваться все хозяйства. Хотя формально получение кредитов и машин кулацкими хозяйствами предусматривалось во “вторую очередь”,

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 45, с.372.

² Уэллс Г. Собр. соч., т. 15, с. 366.

реально машины и кредиты использовались в первую очередь более зажиточными хозяйствами. В 1925 г. по предложению XIV Всесоюзной партконференции и "в целях развития производительных сил деревни" был принят закон о расширении прав найма сельскохозяйственных рабочих и аренды государственных и крестьянских земель. Этот закон был выгоден зажиточной части деревни. Но он был также выгоден и государству. В какой-то мере этот закон был выгоден и бедноте, так как он легализовал наем батраков, достаточно широко практиковавшийся и до 1925 г., и позволял контролировать условия найма.

Проведение указанных мер позволило преодолеть кризис сбыта и затоваривание. Между развитием сельского хозяйства и развитием промышленности установилось относительное равновесие. В этом же направлении были проведены важные изменения не только в деревне, но и в городе. Была приостановлена проводившаяся в 1924 г. интенсивная кампания против "частников", улучшились условия работы кустарей и ремесленников, а также частных торговцев. Была успешно завершена денежная реформа, советский рубль обрел невиданную ранее устойчивость.

Достигнутое равновесие сохранялось, однако, недолго. Уже в 1925—1926 гг. стали возникать новые диспропорции. Промышленное производство развивалось медленнее, чем возрастал платежеспособный спрос деревни; речь шла теперь не о затоваривании, а о товарном голоде. Между тем Советское государство продолжало осуществлять ряд мер по стимулированию накоплений в сельском хозяйстве. Так, например, сельскохозяйственный налог был снижен в 1926 г. с 312,9 до 244,8 млн. рублей¹. В основном было снижено налогообложение середняка — на 60 млн. рублей. Но при высоких урожаях 1926 и 1927 гг. выгоду от снижения налога получили и все зажиточные крестьяне, у которых увеличилось количество излишков продукции.

Несмотря на то, что быстрому росту покупательной способности крестьянства не соответствовал рост производства нужных деревне товаров, было проведено еще одно значительное снижение как оптовых, так и розничных цен на промтовары. В условиях товарного голода это снижение не полностью использовалось потребителем, а обогащало торговцев-посредников, которые владели 40% розничного товарооборота. В то же время снижались прибыли промышленных предприятий. А между тем нужда в накоплениях у промышленности резко возросла, так как к 1925—1926 гг. закончилось в основном восстановление

¹ "Пятнадцатый съезд ВКП (б). Декабрь 1927 года. Стенографический отчет", ч. II. М., 1962, с. 857.

ние старых промышленных предприятий и начинало разворачиваться новое строительство. Из-за недостатков в ценообразовании товарное предложение возросло в натуральном выражении, но не в стоимостном.

Так, например, в конце 1927 г. производство предметов широкого потребления в текущих ценах увеличилось всего на 0,5%, тогда как фонд заработной платы рабочих государственной промышленности увеличился на 16%, а выручка крестьянства только по плановым заготовкам и после уплаты налогов — на 31%. Весь покупательный фонд города и деревни увеличился более чем на 20%.

В 1927 г. у зажиточной части деревни скопилось большое количество бумажных денег, на которые нельзя было купить нужные товары. Нет ничего удивительного, что большинство крестьян не спешило в этих условиях с продажей хлеба государству, да еще по низким заготовительным ценам.

У основного держателя хлебных излишков — кулака и зажиточного середняка — не было в 1927 г. экономической заинтересованности в быстрой реализации своих хлебных излишков. Сравнительно небольшой сельскохозяйственный налог деревня могла покрыть за счет выручки от продажи второстепенных продуктов и технических культур. У крестьян было достаточно денег и для покупки имевшихся в продаже товаров. Зерно могло полежать в закромах. И действительно, осенью 1927 г. было заготовлено гораздо больше, чем в 1926 г., льна, подсолнуха, пеньки, свеклы, хлопка, масла, яиц, кожи, шерсти и мяса. Совершенно иное положение сложилось с заготовкой хлеба.

ТРУДНОСТИ С ХЛЕБОЗАГОТОВКАМИ 1927—1928 гг. И ПОЛИТИКА СТАЛИНА

Экономические просчеты Сталина, Рыкова, Бухарина, с одной стороны, и нежелание зажиточного крестьянства формировать продажу хлеба государству — с другой, поставили Советский Союз в самом конце 1927 г. перед угрозой хлебного кризиса. Год выдался урожайным, но хлебозаготовки проходили хуже, чем в предыдущие годы. В государственных закромах не было достаточных страховых запасов зерна, а между тем большинство крестьян придерживало хлеб до весны, когда его можно было продать по более высоким ценам. Если к январю 1927 г. было заготовлено 428 млн. пудов зерна, то к январю 1928 г. заготовки зерна едва достигали 300 млн. пудов. Возникла угроза снабжению хлебом городов и армии.

Каким образом следовало бы преодолеть эти трудности? На этот счет вносилось немало предложений. Так, например, "левая" оппозиция считала, что пришло время повести решитель-

ное наступление на кулачество с применением всей силы государственного аппарата. Оппозиция предлагала осуществить насильственное изъятие у зажиточной части деревни не менее 150 млн. пудов хлеба. Эти предложения были отвергнуты ЦК еще в августе 1927 г. "ЦК и ЦКК считают, — говорилось в решении пленума от 9 августа 1927 г., — что эти предложения направлены, по сути дела, на отмену новой экономической политики, установленной партией под руководством Ленина..." Пленум ЦК и ЦКК "отвергает вздорные, рассчитанные на создание дополнительных трудностей в развитии народного хозяйства, демагогические предложения оппозиции о насильственном изъятии натуральных хлебных излишков"¹.

Предложения оппозиции были решительно отвергнуты и на XV съезде ВКП (б) в декабре 1927 г. Правда, сам Сталин в докладе съезду был осторожен в своих формулировках. Он сказал: "Мы имеем известный рост кулачества в деревне. Это минус в балансе нашего хозяйства... Неправы те товарищи, которые думают, что можно и нужно покончить с кулаком в порядке административных мер, через ГПУ... Это средство легкое, но далеко не действенное. Кулака надо взять мерами экономического порядка и на основе советской законности... Это не исключает, конечно, применение некоторых необходимых административных мер против кулака. Но административные меры не должны заменять мероприятий экономического порядка"².

Гораздо более определенно высказались на съезде многие деятели из ближайшего окружения Сталина. Так, например, в докладе на съезде Молотов говорил: "Тот, кто теперь предлагает нам эту политику... принудительного изъятия 150—200 млн. пудов хлеба.., тот враг рабочих и крестьян (в этом месте доклад, согласно стенограмме, Сталин выкрикнул: "Правильно!"), враг союза рабочих и крестьян; тот ведет линию на разрушение Советского государства".

Подробно остановился на вопросе о трудностях в деревне А.И. Микоян. Он призывал к тому, чтобы "наиболее безболезненно" выйти из полосы неизбежных затруднений. Микоян считал, что "решительный поворот в ходе хлебозаготовок должен заключаться в переброске товаров из города в деревню даже за счет временного (на несколько месяцев) оголения городских рынков с тем, чтобы добиться хлеба у крестьянства. Если мы этого поворота не произведем, мы будем иметь чрезвычайные трудности, которые отзовутся на всем хозяйстве"³.

¹ "Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК", часть II. М., 1954, с.380—381.

² "Пятнадцатый съезд ВКП (б). Декабрь 1927 года. Стенографический отчет", ч. II, с.1222.

³ Там же, с. 1094—1095.

Не успели, однако, делегаты съезда разъехаться по местам, как им вдогонку полетели новые директивы. Всего через несколько дней после окончания съезда, исключившего лидеров "левой" оппозиции из партии, Сталин сделал крутой поворот "влево" и стал проводить в жизнь те самые предложения о принудительном изъятии хлеба у зажиточных слоев деревни, которые только что были отвергнуты партией как авантюристические. Уже в конце декабря Сталин направил на места директиву о применении чрезвычайных мер в отношении кулачества. Эта директива об использовании принуждения застала врасплох местных работников, которые только что читали выступления на съезде Сталина, Молотова, Микояна и решения съезда. Ее не торопились выполнять, и тогда 6 января Сталин направил новую директиву, крайне резкую и по тону, и по требованиям, с угрозами в адрес местных партийных организаций. В результате по всей стране прокатилась волна конфискации и насилия в отношении богатых крестьян.

В январе—марте хлебозаготовки увеличились, но затем снова сократились. Объясняя сложившуюся ситуацию, Сталин говорил: "Если мы сумели собрать в январе—марте почти 300 миллионов пудов, имея дело с маневренными запасами крестьянства, то за апрель—июнь нам не удалось собрать и сотни миллионов пудов ввиду того, что нам пришлось здесь задеть страховые запасы крестьянства, при условиях, когда виды на урожай не были еще выяснены. Ну, а хлеб все-таки надо было собрать. Отсюда повторные рецидивы чрезвычайных мер, административный произвол, нарушение революционной законности, обход дворов, незаконные обыски и т.д., ухудшившие политическое положение страны"¹.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что решение применить зимой и весной 1927/28 г. чрезвычайные меры в деревне было крайне поспешным и ошибочным. Хотя ошибки в экономической политике 1925—1927 гг. оставляли мало места для политических и хозяйственных маневров, все же еще оставались возможности для преодоления трудностей на путях нэпа, а не на путях "военного коммунизма". Но в области "большой" политики имеются свои законы и своя логика, и если сойдешь здесь с одной дороги, то чаще всего невозможно вступить снова на недавно покинутый путь. Так было и с применением чрезвычайных мер против кулачества.

Несомненно, что Сталин поначалу не собирался сделать чрезвычайные меры основой политики в деревне на длительное время. Своими директивами он хотел, по-видимому, лишь поугубить кулачество и сделать его более уступчивым. Об этом можно судить хотя бы по тому, что летом 1928 г. на места идут

¹ Сталин И.В. Соч., т.11, с.206.

уже совсем иные директивы: не применять больше чрезвычайные меры, повысить на 15—20% закупочные цены, увеличить поставки товаров в деревню, немедленно прекратить практику обхода дворов, незаконных обысков и всякого рода нарушений революционной законности, открыть закрытые только что местные базары.

“Честное и систематическое проведение этих мероприятий, — говорил в июле 1928 г. Сталин, — в условиях нынешнего благоприятного урожая должно создать обстановку, исключаящую необходимость применения каких бы то ни было чрезвычайных мер в предстоящую хлебозаготовительную кампанию”¹. Однако осуществить этот новый поворот Сталин не сумел, ибо применение чрезвычайных мер зимой 1927/28 г. было фактическим объявлением войны кулачеству и окончанием нэпа в деревне. Трудно прекратить войну односторонним прекращением огня. Уже весной 1928 г. сотни тысяч зажиточных крестьян в ответ на чрезвычайные меры стали сокращать посевные площади. Многие кулаки “самоликвидировались” — продавали имеющиеся у них машины, а деньги и ценности прятали. У середняков не было стимула расширять производство, так как они боялись попасть в разряд кулаков, которым партия открыто грозила ликвидацией. Не удивительно, что осенью 1928 г., несмотря на уступки, заготовки хлеба вновь оказались под угрозой. Сократились и поставки государству ряда технических культур, что привело к дезорганизации в текстильной промышленности, нарушило сырьевой баланс страны и уменьшило возможности экспорта, а стало быть, и получения валюты. Забыв о своих июльских обещаниях, Сталин направляет в конце 1928 г. директивы о применении еще более жестких, чем ранее, административных мер против богатого крестьянства.

Повторное применение чрезвычайных мер позволило на несколько месяцев увеличить поступление зерна. Однако в феврале и марте 1929 г. заготовки шли плохо, а в целом к апрелю было заготовлено меньше хлеба, чем в эти же сроки в 1928 г. Перебои с продажей печеного хлеба были повсюду, и даже в Москве. Возросла спекуляция хлебом. К тому же новый нажим на зажиточных крестьян вызвал новое сокращение посевных площадей в этом секторе и новую волну “самоликвидации” кулачества. Были, правда, приняты меры по расширению посевов в бедняцких и середняцких хозяйствах, но это ненамного увеличило товарное производство зерна. Урожай был хорошим и в 1929 г. Тем не менее правительству пришлось ввести нормирование при продаже хлеба и многих других продуктов в городах и рабочих поселках.

Таким образом, в СССР к середине 1929 г. сложилось опас-

¹ Сталин И.В. Соч., т. 11, с. 211.

ное положение. Война с зажиточной частью деревни грозила дезорганизацией всего народного хозяйства и даже голодом. При этом ошибочная политика Сталина оставляла еще меньший, чем ранее, простор для политических и экономических маневров. Оставалось три возможных решения. Можно было признать свои ошибки и пойти на уступки кулачеству и зажиточному середняку. Но теперь эти уступки должны были быть весьма значительными, ибо зажиточная часть деревни перестала верить в политику нэпа. Этот путь был, однако, неприемлем для Сталина, да и для большинства ЦК. Можно было пойти на закупки хлеба за рубежом, но это означало бы сокращение планов индустриального строительства и пересмотр заданий первой пятилетки. Этот путь также был отвергнут. Можно было, наконец, пойти на форсирование производственной кооперации в деревне для создания значительного колхозного сектора и ликвидации кулацкой монополии на товарный хлеб. Мы знаем, что партия выбрала этот последний и также очень нелегкий путь. К сожалению, Сталин не сумел осуществить этот новый (четвертый за два года) поворот в политике партии без серьезных ошибок и перегибов.

ОБ ИЗВРАЩЕНИЯХ И ОШИБКАХ ПРИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Несмотря на советы и указания Ленина, кооперация в СССР развивалась в 20-е гг. очень медленно. Основной упор делался на поощрение снабженческо-сбытовой кооперации. Даже к середине 1928 г. в колхозах состояло менее 2% всех крестьянских дворов, на них приходилось не более 2,5% всех посевных площадей и 2,1% посевов зерновых. Многие из этих колхозов и коммун были созданы еще в 1918—1920 гг. XV съезд ВКП (б) постановил ускорить производственную кооперацию. В резолюции съезда говорилось, что "задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве *основной задачи* партии в деревне"¹.

Однако все делегаты съезда, говорившие о работе в деревне, отмечали необходимость осторожности и постепенности в деле коллективизации. Так, например, Молотов в своем докладе говорил о том, что требуется немало лет для того, чтобы перейти от индивидуального к общественному (коллективному) хозяйству. "Надо понять, что 7-летний опыт нэпа достаточно научил нас тому, о чем говорил Ленин еще в 1919 году: ни-

¹ "Всесоюзная Коммунистическая партия (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК", ч.II. М., 1936, с.256.

какой торопливости, никакой скоропалительности со стороны партии и Советской власти в отношении среднего крестьянства. ...Тут нам очень пригодится то, чему мы так много учились за первые семь лет нэпа, а именно: важные в социалистическом строительстве в деревне навыки осмотрительности, осторожности, неторопливости, постепенности и т.п."¹

Многие делегаты съезда говорили о нехватке у государства материальных средств для поддержки колхозов, о недостатке сельскохозяйственной техники, о слабости сельских партийных организаций. Учитывая все эти обстоятельства, съезд партии указал, что развитие колхозов должно сочетаться с всемерной помощью индивидуальному бедняцкому и середняцкому хозяйству, так как индивидуальное собственное хозяйство "еще значительное время будет базой всего сельского хозяйства"². На одном из пленумов ЦК в 1928 г. Сталин заявлял: "Есть люди, думающие, что индивидуальное крестьянское хозяйство исчерпало себя, что его не надо поддерживать. Это неверно, товарищи. Эти люди не имеют ничего общего с линией партии... Нам не нужно ни хулителей, ни певцов индивидуального хозяйства. Нам нужны трезвые политики, умеющие взять у индивидуального хозяйства максимум того, что можно взять, и умеющие вместе с тем постепенно переводить индивидуальное хозяйство на рельсы коллективизма".

По плану первой пятилетки ("оптимальный" вариант), принятому на XVI Всесоюзной партконференции, предполагалось за 5 лет коллективизировать 23% крестьянских хозяйств, располагающих 17,5% всех посевных площадей и способных давать до 49% товарной продукции зерновых. При этом на первый год пятилетки (июль 1928— июль 1929 г.) планы коллективизации были весьма скромными, уровень коллективизации в стране планировалось поднять лишь до 2,2%

Однако острота положения и проблем, возникших в деревне к началу 1929 г., потребовала пересмотра этих планов. Известные успехи в колхозном строительстве наметились уже к середине 1929 г.; в начале июня в колхозах числилось более одного миллиона крестьянских хозяйств (при плане 560 тыс.). Но это был очень скромный успех, так как всего в стране было около 25 млн. крестьянских хозяйств. В 1929 г. менее 10% посевной площади было обработано с помощью тракторов. Число комбайнов исчислялось несколькими сотнями. В селах и деревнях не было еще ни коллективных скотных дворов, ни силосных башен.

Но Сталин не сумел правильно оценить положение в де-

¹ "Пятнадцатый съезд ВКП (б). Декабрь 1927 года. Стенографический отчет", ч. II, с. 1208, 1209.

² "ВКП (б) в резолюциях...", ч. II, с. 253.

ревне. Желая получить компенсацию за прежние неудачи и удивить мир картиной великих успехов, он вновь резко и круто повернул громоздкий корабль нашего хозяйства, не потрудившись разведать перед тем наличие всякого рода подводных рифов и мелей. Не считаясь с объективными возможностями, Сталин при поддержке Молотова, Кагановича и некоторых других членов Политбюро взял курс на чрезмерно высокие темпы коллективизации, всячески подгоняя при этом обкомы и райкомы. Хотя к началу ноября 1929 г. в стране было создано уже около 70 тыс. колхозов, в своем большинстве это были небольшие кооперативы, которые объединяли около 2 млн., или 7,6%, всех крестьянских хозяйств. Подавляющее большинство этих хозяйств были бедняцкими. Только в отдельных районах в колхозы вступала и часть середняков. Однако Сталин поспешно обобщил эти факты и объявил о них как о начале коренного перелома в колхозном движении. Статья Сталина об итогах года называлась "Год великого перелома". Более того, Сталин выдвинул осенью 1929 г. лозунг сплошной коллективизации, который, учитывая обстановку этих месяцев, был явно преждевременным. Основная масса середняков все еще продолжала колебаться, кулаки не были нейтрализованы, зажиточные середняки высказывались еще против колхозов. В такой обстановке лозунг сплошной коллективизации неизбежно вел к извращениям в колхозном строительстве, к административному нажиму, к насилию над середняком. Именно это и случилось в конце 1929 г. и начале 1930 г.

В период после октябрьского (1964 г.) пленума ЦК многие историки стали вновь оправдывать политику Сталина и его окружения на первом этапе коллективизации. Так, например, Ф. Ваганов писал: "Бурным подъемом колхозного движения ознаменовалась вторая половина 1929 года... В колхозы вступали середняки, становясь активными участниками социалистического строительства. В стране насчитывалось уже 67,4 тысячи колхозов. Они имели 3,6 процента всех посевных площадей и давали 4,9 процента товарной сельскохозяйственной продукции. Все это свидетельствовало о том, что были созданы необходимые материально-технические и политические предпосылки для развертывания сплошной коллективизации сельского хозяйства"¹.

Но Ф. Ваганов сознательно не приводит данных о числе коллективизированных хозяйств. Ибо простое сопоставление этих цифр — 7,6% коллективизированных хозяйств и 3,6% занимаемых ими посевных площадей — ясно свидетельствует о том, что середняк еще не пошел в это время в колхозы. Оче-

¹ Ваганов Ф. Преобразование сельского хозяйства. "Коммунист", 1966, № 3, с. 93.

видно также, что 3,6% посевных площадей и 4,9% товарной продукции — это слишком малая доля сельскохозяйственной продукции и посевов, чтобы делать вывод о наличии необходимых материально-технических и политических предпосылок для немедленной и сплошной коллективизации.

В конце 1929 г. была создана специальная комиссия ЦК ВКП(б) для подготовки решения о колхозном строительстве. Многие из членов ЦК возражали против ненужной гонки, для которой не было ни объективных, ни субъективных предпосылок. Однако разработанный комиссией проект подвергся резкой критике Сталиным и был переработан. Поправки Сталина ориентировали на ускорение колхозного движения. По требованию Сталина из проекта были исключены указания по таким вопросам, как степень обобществления крестьянского скота, инвентаря, порядок образования неделимых фондов и оборотных средств в колхозах. В окончательном варианте постановления были значительно сокращены сроки коллективизации для Северного Кавказа и Средней Волги, исключены установки о порядке обобществления средств производства, скота, о сохранении у крестьян мелкого скота, инвентаря, птицы. Были исключены положения о методах ликвидации кулачества и об использовании кулаков в колхозах, если они будут подчиняться и добровольно выполнять все обязанности членов колхозов. Постановление ориентировало закончить коллективизацию в основных зерновых районах к осени 1930 г. или к весне 1931 г. В остальных районах коллективизацию нужно было закончить к осени 1931 г. или к весне 1932 г.¹

Постановление ЦК "О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству" было принято ЦК ВКП(б) 5 января 1930 г. Сразу же после его опубликования многие областные и республиканские партийные организации решили перевыполнить намеченные планы и завершить коллективизацию не осенью, а весной 1930 г. Газеты в январе и феврале 1930 г. были полны сообщений на этот счет. Но к такой скоротечной кампании не были подготовлены ни местные партийные и советские органы, ни сами крестьяне. Не удивительно, что для выполнения идущих сверху письменных, а чаще *устных* директив партийные и советские органы на местах были вынуждены прибегнуть к давлению не только на крестьян, но и на низовых партийных и советских работников. Повсюду возросла роль ГПУ. Фактически в сельских местностях вводился режим чрезвычайного положения.

О добровольности и постепенности при переходе от частной собственности на землю к собственности коллективной говорил

¹ Н е м а к о в Н.И. Коммунистическая партия — организатор массового колхозного движения (1929—1932 гг.). М., 1966, с.98—102.

еще К. Маркс. Эти мысли много раз высказывал и В.И. Ленин, и они были закреплены специальным решением VIII съезда партии. Да и сам Сталин произнес по этому поводу немало правильных слов. Однако в 1929 г. Сталин выдвинул лозунг насаждения колхозов и совхозов. Он говорил в декабре 1929 г.: "Чтобы мелкокрестьянская деревня пошла за социалистическим городом, необходимо еще, кроме всего прочего насаждать в деревне крупные социалистические хозяйства в виде колхозов и совхозов, как базы социализма... Социалистический город может вести за собой мелкокрестьянскую деревню не иначе, как насаждая в деревне колхозы и совхозы и преобразуя деревню на новый, социалистический лад"¹.

И действительно, под нажимом Сталина и его ближайшего окружения принцип добровольности в колхозно-кооперативном строительстве был почти повсеместно нарушен. Разъяснительная работа подменялась грубым администрированием и насилием по отношению к середнякам и части бедняков, не торопившихся вступать в колхозы. Их заставляли изменить свое решение под угрозой раскулачивания. Во многих областях был выдвинут лозунг: "Кто не идет в колхозы, тот враг Советской власти". Использовались для привлечения крестьян и разного рода нереальные обещания: колхозам обещали тракторы, другую технику, большие кредиты. "Все дадут — идите в колхозы". Нередко создавались не колхозы, а коммуны, в которых принудительно обобществлялся мелкий скот, домашняя птица, приусадебные участки. Одновременно с обещаниями в некоторых областях старались "выжать" с единоличников как можно больше средств. Их заставляли перед вступлением в колхоз расплатиться по всем долгам — по кредиту, семенной ссуде, паевым взносам.

В деревне энтузиазм немногих крестьян сочетался с недовольством большинства, особенно середняков. Перед вступлением в колхоз крестьяне забивали скот: коров, овец, свиней, даже домашнюю птицу. Только за два месяца — в феврале и марте 1930 г. — было забито 14 млн. голов крупного рогатого скота, третья часть всех свиней и четвертая часть овец и коз. Хотя проценты коллективизации быстро росли, но росло и политическое напряжение в деревне. Кое-где состоялись антиколхозные выступления крестьянства.

Обстановка начала разряжаться лишь в марте 1930 г. после публикации статьи "Головокружение от успехов", которую Сталин написал по требованию ЦК ВКП(б). В этой статье правильно критиковались многие перегибы в колхозном строительстве. Однако ответственность за все ошибки Сталин возложил на местные органы, обвинив их в "головотяпстве". Это вызвало

¹ Сталин И.В. Соч., т.12, с.149.

замешательство местных властей, которые действовали главным образом по директивам "центра" и областного руководства. Специальные сводки о коллективизации каждые 7—10 дней рассылались всем членам Политбюро. На совещаниях именно Сталин настаивал на высокой степени обобществления в колхозах, включающего домашний инвентарь, мелкий скот, молочных коров¹. Да и вся печать была полна сообщений и обязательств об ускоренной коллективизации.

"Тов. Сталин! — писал рабочий из Днепропетровска Белик. — Я рядовой рабочий и читатель газеты "Правда" все время следил за газетными статьями. Виноват ли тот, кто не сумел послушать создавшегося шума и крика вокруг вопроса коллективизации?.. Мы все, низы и пресса проморгали этот основной вопрос о руководстве колхозами, а т. Сталин, наверное, в это время спал богатырским сном и ничего не слышал и не видел наших ошибок, потому и тебя также нужно одернуть. А теперь т. Сталин сваливает всю вину на места, а себя и верхушку защищает"².

Протест против сталинских методов коллективизации сохранился и в речи Н.К. Крупской, которую она произнесла летом 1930 г. в Москве на Бауманской районной партийной конференции. По свидетельству делегатов этой конференции С. Бердичевской и М. Цимхлес, Крупская, в частности, сказала, что коллективизация проводится в стране не по-ленински и не имеет ничего общего с ленинским кооперативным планом, что руководители ЦК не советовались ни с партией, ни с народом. "И незачем, — говорила Крупская, — сваливать на местные органы те ошибки, которые были допущены самим ЦК". Однако против Крупской резко и грубо выступили Л. Каганович и А. Бубнов. Последний даже заявил: "Крупская — это не тот маяк, который приведет к добру нашу партию".

Весной и летом 1930 г. во многих районах страны проводились даже судебные процессы над "левыми загибщиками". Конечно, многие из них заслуживали сурового наказания за нарушения законности. Однако те, кто давал на места ошибочные директивы, не были привлечены к ответственности.

Вскоре после публикации статьи Сталина ЦК ВКП (б) принял постановление "О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении". Было предложено осудить практику принудительных методов коллективизации, крестьянам разрешалось при желании уйти из колхозов. Это решение привело к массовому отливу крестьян из колхозов. Еще недавно здесь было более 10 млн. хозяйств, но уже к 1 июля 1930 г. осталось только около 6 млн. В некоторых областях и районах распа-

¹ См.: "Вопросы истории", 1965, № 3, с.12.

² "Исторический архив", 1962, № 2, с.194.

лись почти все созданные колхозы. К осени, однако, нажим на крестьян возобновился. Тем, кто ушел из колхоза, просто отказывались возвращать скот и землю. Не удивительно, что число охваченных коллективизацией скоро снова стало увеличиваться.

Коллективизация деревни в ее сталинском варианте нанесла большой ущерб сельскохозяйственному производству. Предполагалось, что создание колхозов сразу же приведет к увеличению валовой продукции сельского хозяйства. Директивы первой пятилетки предусматривали увеличение валовой продукции с 16,6 млрд. руб. в 1927–1928 гг. до 25,8 млрд. руб. в 1932–1933 гг., то есть на 52%. В действительности производство продукции сельского хозяйства уменьшалось на протяжении всей первой пятилетки. Если принять за 100% производство сельскохозяйственной продукции в 1928 г., то в 1929 г. оно составило 98%, в 1930 г. — 94,4, в 1931 г. — 92, в 1932 г. — 86, а в 1933 г. — 81,5%. Особенно уменьшилось производство животноводческой продукции — до 65% от уровня 1913 г. Поголовье крупного рогатого скота сократилось в 1928–1933 гг. с 60,1 до 33,5 млн. голов. Более чем в 2 раза уменьшилось поголовье лошадей, а также овец, коз и свиней. Резко сократилось в этой связи использование органических удобрений. В целом валовая продукция сельского хозяйства составила в 1933 г. только 13,1 млрд. руб.¹ Тяжелые последствия коллективизации ощущались не только во второй, но и в третьей пятилетке. Так, например, среднегодовое производство зерна во второй половине 30-х гг. было в нашей стране меньшим, чем в 1913 г. (в границах до 17 сентября 1939 г.). Не достигло уровня 1913 г. и производство мяса, хотя численность населения в стране возросла.

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И НОВЫЕ ГОНЕНИЯ НА ПРАВОСЛАВНУЮ ЦЕРКОВЬ

Одной из форм давления государства и партии на широкие массы крестьянства было усилившееся гонение на православную церковь. Антирелигиозная пропаганда стала усиливаться в СССР в начале 1928 г., а уже осенью этого года она переросла в антицерковный террор. Пострадали все религиозные организации и церковные группы, однако в центре этой борьбы с "религиозными предрассудками" стояла борьба против православной церкви. Арестовывались и ссылались многие видные и авторитетные деятели церкви. Так, например, именно в 1928 г. был сослан, а позднее и арестован крупнейший русский религиозный мыслитель

¹ Данные приводятся по ежегодникам ЦСУ за 1956–1960 гг.

Павел Флоренский. Он погиб в лагере на Соловецких островах в годы Отечественной войны. На протяжении 1928—1929 гг. были закрыты все монастыри, функционировавшие в тот период как образцовые сельскохозяйственные артели. Тысячи монахов и монахинь были высланы в Сибирь. В середине 1929 г. в ЦК ВКП (б) было проведено совещание по антирелигиозной работе, а вскоре собрался Второй Всесоюзный съезд "воинствующих безбожников". После этого съезда антирелигиозный террор повсеместно усилился, а его центр переместился из города в деревню. По-видимому, сталинская верхушка рассматривала церковь как одно из главных препятствий в деле коллективизации, поэтому принятие в той или иной деревне решения о коллективизации сопровождалось обычно закрытием местной церкви. С купола церкви чаще всего сбивали при этом крест; иконы и многие предметы церковного обихода сжигали, многих сельских священников арестовывали. Арестовывали и некоторых крестьян, пытавшихся сопротивляться уничтожению церквей. Тысячи людей пострадали, таким образом, не по социальному признаку, а по причине своей религиозности.

К началу 1930 г. антицерковный террор достиг особенно широкого размаха. Запуганная Академия наук специальным решением сняла с охраны большинство памятников старины, связанных с "религиозными культами". В результате стали сносятся церкви и монастыри, являвшиеся ценнейшими памятниками архитектуры. Это происходило в таких старинных русских городах, как Тверь, Нижний Новгород, Псков, Новгород, Самара, Вятка, Рязань, Тула, и других. Особенно пострадала Москва. Между прочим, разрушение церквей производилось даже внутри Кремля, против чего решительно возражали не только А.В. Луначарский, но и А.С. Енукидзе. Бывший секретарь Луначарского И.А. Сац рассказывал, что, участвуя в послешном разборе бумаг на квартире Луначарского после его смерти и под бдительным надзором представителей Центрального партархива, он нашел выписку из решения Политбюро за подписью Сталина: "Слушали письмо т. Луначарского. Постановили: считать письмо Луначарского неправильным по существу и непартийным по форме". В письме речь шла как раз о разрушениях в Кремле. Комсомольцы того времени пели песню, в которой были и такие слова:

Мы раздуем пожар мировой,

Тюрьмы и церкви сровняем с землей.

"Антирелигиозный террор достиг таких масштабов, — писал в одной из статей М. Агурский, — что в январе 1930 года папа римский Пий XI призвал всех верующих к всеобщему молебну за гонимых в России христиан. К этому призыву присоединилось не только большинство христианских церквей, но также и еврейские религиозные круги, взволнованные сведениями о

терроре против иудаизма и сообщением об аресте в Минске 25 представителей еврейского духовенства. Кампания протеста за пределами СССР приняла такой характер, что стала угрожать политическим и экономическим интересам СССР. Повсюду раздавались требования о разрыве дипломатических отношений с СССР¹.

Несомненно, что эта массовая кампания протеста побудила Сталина не только приостановить на время антирелигиозный террор, но даже дезавуировать его, как якобы проявление местного произвола и перегибов. В статье "Головокружение от успехов", опубликованной 2 марта 1930 г., Сталин писал: "Я уже не говорю о тех с позволения сказать "революционерах", которые дело организации артелей начинают со снятия с церковей колоколов. Снять колокола — подумаешь какая революционность!"²

15 марта 1930 г., то есть за день до всеобщего молебна, объявленного папой римским, в наших газетах было опубликовано постановление об "искривлениях" партийной линии в колхозном движении. В этом постановлении было признано ошибкой местных властей административное закрытие церквей. Постановление угрожало строгими карами за оскорбление религиозных чувств верующих. Все это было, несомненно, уступкой мировому общественному мнению, однако временное прекращение антирелигиозного террора не сопровождалось ни восстановлением разрушенных или даже просто закрытых церквей, ни возвращением большинства людей, сосланных в Сибирь и на Север по религиозным мотивам. А между тем к концу 1930 г. в русских деревнях оказались закрытыми около 80% всех сельских храмов, а значительная часть духовенства числилась среди "раскулаченных".

О ЛИКВИДАЦИИ КУЛАЧЕСТВА КАК КЛАССА

Следует сказать и о такой сопутствующей коллективизации массовой репрессивной кампании, как ликвидация кулачества как класса. Известно, что еще до революции кулачество было большой силой в русской деревне. В первые месяцы после Октябрьской революции кулачество даже укрепило свои позиции за счет раздела помещичьих земель. Кулаки составляли тогда до 20% всех крестьян и владели 40% пахотных земель.

Первое столкновение между Советской властью и кулачеством произошло весной и летом 1918 г., когда большевики встали на путь принудительного изъятия всех излишков сельскохо-

¹ Агурский М. Новые измерения сталинизма. Рукопись.

² Сталин И.В. Соч., т.12, с.198.

зайственных продуктов (продразверстка) и передали власть в деревне в руки комитетов бедноты (комбедов). Ленин требовал в тот период вести решительную борьбу с кулачеством. "Никакие сомнения невозможны, — писал он в августе 1918 г. — Кулаки — бешеный враг Советской власти. Либо кулаки пережуют бесконечно много рабочих, либо рабочие беспощадно раздают восстания кулацкого, грабительского, меньшинства народа против власти трудящихся. Середины тут быть не может"¹.

Ленин в данном случае был не вполне прав, ибо приемлемая "середины" была найдена большевиками через три года, когда был введен нэп и продразверстка была заменена продналогом, а власть от комбедов и ревкомов вновь перешла к Советам. Важно отметить, однако, что, даже призывая в 1918 г. и позже к беспощадному подавлению кулацких восстаний, Ленин никогда не призывал к полной экспроприации всего кулачества, а тем более к физическому уничтожению или выселению всех кулаков и членов их семей. 12 марта 1919 г. Ленин говорил: "...Мы за насилие против кулака, но не за полную его экспроприацию, потому что он ведет хозяйство на земле и часть накоплена им своим трудом. Вот это различие надо твердо усвоить. У помещика и капиталиста — полная экспроприация; у кулаков же отнять собственность всю нельзя, такого постановления не было..."²

Еще через неделю Ленин разъяснял делегатам VIII съезда партии: "По отношению к помещикам и капиталистам наша задача — полная экспроприация. Но никаких насилий по отношению к среднему крестьянству мы не допускаем. Даже по отношению к богатому крестьянству мы не говорим с такой решительностью, как по отношению к буржуазии: абсолютная экспроприация богатого крестьянства и кулаков... Мы говорим: подавление сопротивления богатого крестьянства, подавление его контрреволюционных поползновений. Это не есть полная экспроприация"³.

Планируя нэп как длительный исторический период, Ленин предполагал ограничение и вытеснение кулака в основном экономическими мерами. "Если ты можешь дать крестьянству машины, — писал Ленин, — этим ты поднимешь его, и когда ты дашь машины или электрификацию, тогда десятки или сотни тысяч мелких кулаков будут убиты"⁴.

В середине 20-х гг. кулачество укрепило и расширило свои экономические позиции и влияние. Но вопрос о его ликвидации выдвигался лишь наиболее крайними деятелями "левой" оппо-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 40.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 19.

³ Там же, с. 145.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 69.

зиции. Этот вопрос продолжал обсуждаться в партийной печати и в 1928—1929 гг. При этом ни один из авторов не ставил вопрос о насильственной экспроприации и выселении кулачества. Речь шла лишь о том, на каких условиях можно допускать кулака в колхоз и можно ли это делать вообще. Мнения разделились, и на местах эту проблему решали по-разному. В Сибири и на Северном Кавказе было решено не принимать кулаков в колхозы. Средневолжский крайком ВКП (б) с некоторыми оговорками высказался за допущение кулака в колхозы. Сравнительно умеренную позицию в этом вопросе занимали и такие члены Политбюро, как Ворошилов и Калинин, которые отнюдь не принадлежали к “правому” уклону.

В декабре 1929 г. при Политбюро ЦК ВКП (б) была создана специальная комиссия по коллективизации, а также особая *подкомиссия о кулаке*. Но Сталин не дожидался каких-либо рекомендаций этой подкомиссии. В конце декабря 1929 г. в речи на конференции аграрников-марксистов Сталин выдвинул лозунг ликвидации кулачества как класса и заявил, что раскулачивание должно стать составной частью коллективизации.

После речи Сталина почти повсеместно началась кампания по раскулачиванию. Все последующие решения и телеграммы Политбюро были попыткой внести некоторый “порядок” в эту уже развернувшуюся жестокую акцию.

В своих первых рекомендациях комиссия Политбюро предложила делить кулацкие хозяйства на три группы.

Первая группа — кулаки, оказывающие активное сопротивление организации колхозов и ведущие контрреволюционную подрывную работу. Этим кулакам предлагалось арестовывать и высылать в отдаленные районы страны.

Вторая группа — кулаки, которые хотя и менее активно, но все же оказывают сопротивление мероприятиям, связанным с проведением сплошной коллективизации. Этим кулаков предлагалось выселять за пределы данной области (края).

Третья группа — кулаки, готовые подчиниться мероприятиям по коллективизации и лояльно относящиеся к Советской власти. Комиссия считала возможным принимать кулаков данной группы в колхозы, но без предоставления им в течение 3—5 лет избирательных прав.

Сталин, однако, решительно возражал против этих рекомендаций, и особенно против приема кулаков любой группы в колхозы. В инструкции ЦИК и СНК СССР от 4 февраля 1930 г. разделение кулаков по группам излагалось уже в иной редакции.

В этой инструкции к первой категории кулачества относился контрреволюционный кулацкий актив, организаторы террора и восстаний. Этим кулаков было предложено немедленно изолировать, не останавливаясь и перед применением высшей меры — расстрела. Всех членов семей этих кулаков предлагалось высе-

лять в отдаленные районы. Предполагалось, что к первой категории кулачества может быть отнесено примерно 60 тыс. хозяйств¹.

Ко второй категории относилась остальная часть кулацкого актива из наиболее богатых кулаков. Этих кулаков вместе с семьями предлагалось выселять в отдаленные районы страны или в отдаленные места в пределах данного края. Указывалось, что таких хозяйств в стране будет около 150 тыс.

К третьей категории относились менее мощные кулацкие хозяйства. Этих кулаков было предложено оставлять в пределах данного района, но переселять их за пределы коллективизированных селений с отводом им новых участков земли вне колхозных полей. На эти хозяйства, согласно инструкции, предполагалось возложить определенные задания и обязательства. Считалось, что к этой, третьей категории можно будет отнести большинство кулацких хозяйств — около 800 тыс.

Ни о каких подкулачниках или зажиточных середняках в инструкциях и постановлениях по данному вопросу речи, разумеется, не было. К сожалению, даже эти весьма суровые рекомендации не выполнялись в большинстве областей ни до, ни после их публикации. Уже в 1930 г. было арестовано, расстреляно или выселено в северные районы страны гораздо больше кулаков, чем "планировалось" в начале года. В 1931 г. эти репрессии проводились в еще более широких масштабах.

Истинные масштабы этой жестокой репрессивной акции установить трудно. Еще на январском пленуме ЦК ВКП(б) в 1933 г. было доложено, что за период с начала 1930 по конец 1932 г. было выселено в отдаленные районы страны 240 757 кулацких семей, то есть вместе с членами семей — около 1,5 млн. человек. Это были явно заниженные данные. В более поздних исследованиях можно найти иные цифры. Сообщается, что ликвидация кулачества проводилась в два этапа. На первом этапе — до октября 1930 г. — в северные районы страны было выслано 115 231 семейство. В феврале 1931 г. было принято решение о втором этапе выселения кулачества. В течение года было выслано еще 265 795 кулацких семей². Таким образом, общее число выселенных достигло 381 тыс. семей. Это официальные данные, которые не были доложены в 1933 г. пленуму ЦК, но которые основаны на сообщениях органов ГПУ, осуще-

¹ В 1928 г. на территории РСФСР было зарегистрировано 1123 террористических акта, совершенных кулаками (см.: "История СССР", 1966, №1, с. 96). Можно предположить поэтому, что, давая "контрольные цифры" на расправу с контрреволюционным кулачеством, комиссия ЦК скорее преувеличивала, чем преуменьшала, численность "кулацкого актива".

² "История Коммунистической партии Советского Союза", т.4, кн.2. М., 1971, с.56; "Ленинский кооперативный план". М., 1970, с.121.

ствлявших выселение, и на материалах проверки, проведенной осенью 1931 г. членами Президиума ЦКК ВКП (б)¹. Однако и эти данные не могут считаться исчерпывающими и точными. Они не включают те кулацкие хозяйства, которые находились в районах сплошной коллективизации. Они не включают и те сотни тысяч хозяйств середняков и бедняков, которые были выселены как подкулачники. Кроме того, известно, что массовые выселения крестьянских и казацких семей в северные районы проводились и в 1932 г., то есть после упомянутой выше проверки Президиума ЦКК. Мы вряд ли погрешим против истины, если выскажем предположение, что общее число раскулаченных составляло около 1 млн. семей, из которых не менее половины было выселено в северные и восточные районы страны.

В советской историографии массовое выселение кулацких семей в отдаленные районы страны объясняли обычно обострением классовой борьбы в деревне, причем всю вину за это обострение большинство авторов возлагают только на самих кулаков. Но это неточно и несправедливо. Классовая борьба в деревне действительно стала обостряться уже в 1928 г., но это было связано с применением чрезвычайных мер и массовым нарушением советской законности местными властями. Обострение классовой борьбы происходило и в результате тех перегибов и извращений в колхозном строительстве, которые были допущены в 1929—1930 гг. Эти перегибы вызывали недовольство и основной массы середняков. Таким образом, кулацкая часть деревни не была изолирована и нейтрализована, и это облегчало и поощряло сопротивление кулачества. Да само по себе выселение кулачества было актом гражданской войны, который, естественно, порождал у части богатого крестьянства попытки активного сопротивления. Террор был обрушен не только на "контрреволюционный кулацкий актив", но и на значительные массы зажиточных середняков, которые лишь эпизодически применяли наемный труд или не применяли его вовсе. К тому же был установлен такой порядок, при котором личное имущество богатых семей распределялось среди бедноты. Это способствовало зачислению многих зажиточных середняков в списки на раскулачивание.

Во многих областях и районах удары властей обрушились и на маломощных середняков, бедняков и батраков, которые отказывались по разным причинам вступать в колхозы и которые для удобства репрессий были обозначены нелепым термином "подкулачники".

О том, как происходило раскулачивание в 1930—1932 гг., немало сведений можно почерпнуть и из советской художественной литературы. Весьма правдиво описывает драматические

¹ "Вопросы истории КПСС", 1975, №5, с. 140.

сцены выселения зажиточных казачьих семей М. Шолохов в романе "Поднятая целина". Страшные эпизоды этой террористической акции описаны и в романе "Бруски" Ф. Панферова. В изданной в 1964 г. повести С. Залыгина "На Иртыше" дается правдивая картина коллективизации в сибирской деревне, где жертвой раскулачивания становятся многие добросовестные и честно работающие середняки. К слову сказать, именно в Сибири было особенно много жертв раскулачивания, так как сравнительно зажиточное сибирское крестьянство не торопилось создавать колхозы. В одном только Западно-Сибирском крае в 1932 г. было выселено на Север 43 тыс. семей. По документам все они проходили как кулаки и подкулачники¹. О жестоких эксцессах, сопровождавших коллективизацию в Сибири, писал и В. Астафьев в романе "Царь-рыба".

О злоупотреблениях и перегибах при раскулачивании писала немало и партийная печать в 1930—1931 гг. "Можно привести очень много фактов, — писал, например, еще в середине 1930 г. А. Ангаров, — показывающих, что сельсоветы к вопросу раскулачивания подходили упрощенно, механически, формально... Было допущено очень много случаев раскулачивания середняков. В этом отношении особенно отличился Герценовский сельсовет (речь идет о Свердловской области). Средняков раскулачивали по различным причинам. Одного середняка раскулачили за то, что он продал когда-то около десятка кос своим односельчанам. Другого раскулачили за продажу своих хлебных излишков, третьего — за покупку усадебного участка, четвертого — за продажу коровы, что им было сделано два года назад; пятого — за продажу подошв к сапогам, шестого — за продажу сена в кооперацию и т.д. Ясно, что все это нарушало смычку с основной середняцкой массой... В Семеновском сельсовете (Ивановская область) группа бедноты при колхозе "Труд на пользу" вынесла постановление: "Создать комиссию для взятия на учет имущества как у кулака, так и у середняка. Поручить комиссии немедленно приступить к работе". В другом постановлении этой же группы говорится о взятии на учет швейных машин, зеркал, трюмо и кроватей. "Постановили: взять на учет всю роскошь".

...Были случаи, когда раскулачивали пастухов или за то, что у них дед был кулаком, или, наконец, за воспитание племянника-сироты. Один сельсовет постановил раскулачить 34 хозяйства. При проверке оказалось, что из них только 3 действительно кулацких, остальные середняцкие"².

Подобных примеров были многие тысячи. Мы приведем ниже один из эпизодов раскулачивания, о котором пишет в

¹ "Вопросы истории КПСС", 1975, №5, с. 140.

² "Большевик", 1930, №6, с. 20.

своей неопубликованной повести участник коллективизации М.Н. Авербах. В 1930 г. еще совсем молодым рабочим он был включен в специальную бригаду, отправленную в деревню для помощи в раскулачивании.

“...Дверь открылась. Бригада врывается в дом. Впереди оперуполномоченный ОГПУ с револьвером в руках.

— Руки вверх!

Моргунов едва успевает разглядеть тщедушную фигурку классового врага. Он в белых подштанниках, темной нательной рубашке, босой, всклокоченная борода на давно не бритом лице немного загнута вперед. Глаза, округлившись от ужаса, перебегают с места на место. Вздрагивает морщинистое лицо, грубые коричневые руки трясутся. На открытой груди, на заношенном шнурке потемневший от времени крестик.

— Господи, Иисусе Христе! Спаси и помилуй!..

Через открытую дверь в жарко натопленную избу врывается морозный клубящийся воздух. Члены бригады по раскулачиванию уже у окон, взгляды суровы, все ждут чего-то ужасного, все готовы в бой ринуться за себя, за Советскую власть, за дело социализма. Но подкулачник Терентьев и не думает сопротивляться. Он часто моргает и крестится, переступает ногами, как будто стоит на горячем и вдруг начинает рыдать. Судорожные всхлипы перекареживают все его тело. Он неестественно изгибается, подергивается, и маленькие блестящие капли одна за другой катятся по загорбелому обветренному лицу. Соскочила с полатей и в голос завыла немолодая жена, заплакали дети, замычал лежащий у печи, видимо, не совсем здоровый теленок. Моргунов с ужасом осматривается вокруг. Он видит: в избе только горница и громадная русская печь. В переднем углу, под иконами, две простые деревянные лавки и грубый из досок сколоченный стол. Нет ни шкафов, ни кроватей, ни стульев. На полках простые, истертые временем деревянные миски, такие же старые ложки. У печи ухваты, ведра с водой, а слева у стенки — большой старомодный сундук.

— Классовый враг!

Представители власти уже объявили Терентьеву, что он арестован. Его раскулачат и тут же сошлют. Имущество все конфискуют. Семья едет сразу за ним, но куда — неизвестно. С собой можно взять только носильные вещи, белье.

Терентьев трясется и плачет:

— Какие мы кулаки? За что? Что я сделал?

Ему не отвечают. Грубо ломая замки, вскрывают сундук и кладовку. Тащут какую-то обувь, дерюгу, продукты.

— За что? Что я сделал?

— А ничего! Ты — кулак, подкулачник!.. Ты против колхозов!.. Ты не хочешь вступать и срываешь всю работу! Вот и вся недолга!

Приступают к описи скарба"¹.

Жестокая директива о выселении семей экспроприированных кулаков была связана в первую очередь с тем, что советское государство не располагало в 1930—1931 гг. необходимыми материальными и финансовыми ресурсами для помощи создаваемым колхозам. Поэтому и было решено передать колхозам практически все имущество кулацких хозяйств. Уже к маю 1930 г. у половины колхозов бывшее кулацкое имущество составляло 34% неделимых фондов этих колхозов². Таким образом, форсирование коллективизации толкало к максимально жестоким методам раскулачивания. В нетопленных вагонах сотни тысяч крестьян, женщин, детей ехали в отдаленные районы Урала, Казахстана, Сибири. Многие тысячи их гибли в пути от голода и холода, от болезней. Старый член партии Э.М. Ландау встретил в 1930 г. в Сибири один из таких этапов. Зимой в сильный мороз большую группу кулаков с семьями перевозили на подводах на 300 километров в глубь области. Дети кричали и плакали от голода. Один из мужиков, не выдержав крика младенца, сосущего пустую грудь матери, выхватил ребенка из рук жены и разбил ему голову о дерево.

Во многих случаях сначала арестовывали и ссылали в лагерь, сажали в тюрьму или расстреливали самого кулака. Семью же не трогали, только делали опись имущества, так что семья как бы считалась принявшей хозяйство на сохранение. Выселение семей производилось уже через несколько месяцев.

Немало бывших кулаков и членов их семей погибло в первые годы жизни в необжитых районах Урала, Сибири, Казахстана и Северо-Востока Европейской части СССР, где были созданы тысячи кулацких спецпоселений. Все жители этих спецпоселений были лишены свободы передвижения. Положение ссыльных изменилось в 1942 г., когда вследствие тяжелых потерь на фронтах Отечественной войны молодежь из спецпоселений стали призывать в Красную Армию. К концу войны комендатуры здесь были ликвидированы и жители бывших спецпоселений получили относительную свободу передвижения.

В 1951—1954 гг. я работал учителем в Висимском районе Свердловской области. Школа была построена в богатом рабочем поселке; здесь жили работники прииска по добыче платины, золота и алмазов. Но наша школа обслуживала также детей из бывшего спецпоселения для высланных из Центральной России кулаков и подкулачников. Коренные уральцы и рабочие прииска жили в просторных домах с крытыми дворами. Им позволяли держать даже лошадей — большая редкость для тех лет. В бывшем спецпоселении люди жили в хлипких стандартных домиках,

¹ А в е р б а х М.Н. К вящей славе господней. Рукопись.

² "Советское крестьянство". М., 1970, с. 237.

причем для каждой семьи отводилось полдома. Колхоза не было, на приусадебных участках выращивалась картошка и другие овощи. Работу на прииске жителям этого поселка было получить трудно. Здесь жили поэтому главным образом старики и дети. Остальные работали на заводах и фабриках в разных городах Урала.

Показательно, что после второй мировой войны во многих странах народной демократии на определенном этапе их развития выдвигалась задача ликвидации кулачества *как класса*. Однако при этом не проводилось полной экспроприации богатых крестьян. Для бывших кулаков и членов их семей был открыт на определенных условиях доступ в производственные кооперативы. В ряде стран многочисленные хозяйства, использующие наемный труд, существуют и в настоящее время и им не грозит экспроприация (Польша, Югославия).

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕПРЕССИИ В ДЕРЕВНЕ В 1932—1933 гг.

Падение сельскохозяйственного производства в годы первой пятилетки привело к ухудшению продовольственного снабжения городских жителей, число которых быстро увеличивалось. Не удивительно, что Сталин с его склонностью к администрированию и злоупотреблению властью не нашел иного выхода, как вновь встать на путь насильственного изъятия всех излишков (и не только излишков) сельскохозяйственных продуктов. Несмотря на уменьшение валовой продукции сельского хозяйства, государственные заготовки непрерывно возрастали, достигнув к 1934 г. 40% собранного зерна. При этом закупочные цены были очень низкими, они были в несколько раз ниже себестоимости заготавливаемых продуктов, что вызывало законное недовольство колхозников. По существу, государственные заготовки принимали характер принудительной продразверстки.

Подобный характер заготовок привел к падению трудовой дисциплины в только что созданных колхозах и к массовому расхищению хлеба. Хотя кулаки были высланы, во многих областях страны усиливались антиколхозные и антисоветские настроения. Под их влиянием в таких относительно богатых хлебом районах, как Южная Украина, Северный Кавказ, Донская область, начались своеобразные "хлебные забастовки", когда не только единоличники, но и колхозы сокращали посевы, отказывались сдавать хлеб государству, закапывали его в землю. Однако вместо исправления допущенных ошибок или повышения закупочных цен Сталин вновь встал на путь насилия. Были при-

няты драконовские законы против хищений в колхозах. Многие крестьяне и крестьянки, уличенные в краже ими же выращенного зерна, приговаривались к длительным срокам заключения или даже к расстрелу. В отдельных районах возобновился массовый террор. Был прекращен подвоз товаров в районы, которые не выполнили плана хлебозаготовок, там закрывались и государственные, и кооперативные магазины.

В отдельных случаях применялась даже такая жестокая мера, как выселение целых станиц и деревень со всем их населением в отдаленные районы страны. Так, например, осенью 1932 г. в связи с трудностями при проведении заготовок на Северный Кавказ была направлена комиссия ЦК ВКП (б) во главе с Л.М. Кагановичем, которому были предоставлены фактически неограниченные права. В ноябре 1932 г. при участии Кагановича бюро Северо-Кавказского крайкома партии приняло решение: "Ввиду особо позорного провала хлебозаготовок и озимого сева на Кубани поставить перед партийными организациями в районах Кубани боевую задачу — сломить саботаж хлебозаготовок и сева, организованный кулацкими контрреволюционными элементами, уничтожить сопротивление части сельских коммунистов, ставших фактически проводниками саботажа, и ликвидировать несовместимые со званием члена партии пассивность и примиренчество с саботажниками¹.

На основании этого решения были выселены в северные районы страны жители 16 северокавказских станиц, в том числе станиц Полтавской, Медведовской, Урупской, Багаевской и других. При этом речь шла о поголовном выселении населения этих станиц, включая бедноту и середняков, единоличников и колхозников. На освободившиеся места переселяли крестьян из нечерноземных районов. Массовые репрессии против крестьян прошли под руководством Молотова и Кагановича на Украине, а также в Белоруссии (выселение так называемых "чернодосочных" районов). Показательным является письмо М.А. Шолохова о возмутительных действиях хлебозаготовителей в Вешенском и других районах Дона. 16 апреля 1933 г. Шолохов писал Сталину, что в связи с хлебозаготовками к колхозникам применяли "омерзительные методы" пыток, избиений и надругательств. «Примеры эти, — говорилось в письме, — можно бесконечно умножить. Это не отдельные случаи загибов, это узаконенный в районном масштабе "метод" проведения хлебозаготовок. Об этих фактах я либо слышал от коммунистов, либо от самих колхозников, которые испытали все эти "методы" на себе и после приходили ко мне с просьбами "прописать про это в газету"». Шолохов просил Сталина присмотреться к тому, что происходит в районах Дона, и расследовать не только дела тех, кто

¹ Газета "Молот", 5 ноября 1932 г.

применял к колхозникам недопустимые методы, но и дела тех, чья рука их направляла¹.

Однако Сталин оставался глух к подобного рода сигналам. Он даже попытался дать этому террору против крестьянства "теоретическое" обоснование. "Что такое колхозное крестьянство? — говорил Сталин на одном из заседаний Политбюро. — Колхозное крестьянство есть союзник рабочего класса. Громадное большинство этого крестьянства является опорой Советской власти в деревне. Но это еще не значит, что среди колхозников не может быть отдельных отрядов, идущих против Советской власти, поддерживающих саботаж хлебозаготовок. Было бы глупо, если бы коммунисты, исходя из того, что колхозы являются социалистической формой хозяйства, не ответили на удар этих отдельных колхозников и колхозов сокрушительным ударом"².

Немало административных репрессий обрушилось и на молодые совхозы. Только в одном из постановлений, подписанных Сталиным, Молотовым и наркомом земледелия Яковлевым ("О работе животноводческих совхозов"), были указаны фамилии 34 директоров совхозов, которых было предложено снять с работы и отдать под суд, и фамилии 92 директоров совхозов, которые снимались с работы без передачи дела в суд.

ГОЛОД В ДЕРЕВНЕ В 1932—1933 гг.

Для советской деревни первая пятилетка завершилась не только массовой коллективизацией, но и страшным голодом, унесшим миллионы жизней. Все более острая нехватка продовольствия начала ощущаться в сельской местности уже в 1930—1931 гг., так как валовая продукция сельского хозяйства уменьшилась, а государственные заготовки возрастали. Поздней осенью 1932 г. обширные районы страны охватил жестокий голод. Особенно свирепствовал голод на Южной Украине, в Среднем Поволжье, на Северном Кавказе и в Казахстане. По своим масштабам это бедствие значительно превосходило голод 1921 г., который также охватил не только Поволжье. Однако в 1921 г. о голоде писали все газеты, был организован сбор средств по всей стране, налажена международная помощь голодающим, созданы специальные организации для помощи голодающим губерниям. Ничего этого не было в 1932—1933 гг.: на все сообщения о голоде был наложен запрет; ни в Советском Союзе, ни за границей не проводилось никаких кампаний помощи голодающим. Напротив, сам факт массового голода официально отри-

¹ Письмо Шолохова привел в одной из своих речей Н.С. Хрущев (см.: "Правда", 10 марта 1963 г.).

² "Большевик", 1933, №1—2, с. 19.

цался. Сотни тысяч и даже миллионы голодающих бежали в города и в более благополучные области, но мало кому удавалось добраться до цели, так как на дорогах и станциях выставлялись воинские заставы, не выпускавшие крестьян из охваченных голодом районов. Но и те, кто добирался до города, не могли получить здесь помощь: без продовольственных карточек им не продавали хлеб в магазинах. В Киеве да и во многих других южных городах раннее утро начиналось с уборки трупов крестьян, их складывали на телеги и увозили за город хоронить в больших безымянных могилах. Ничего не говорилось о голоде в деревне на Первом всесоюзном съезде колхозников-ударников, который был созван в Москве в феврале 1933 г., то есть в самый разгар этого страшного бедствия. Именно на этом съезде Сталин выдвинул лозунг: "Сделать всех колхозников зажиточными".

Даже на заседаниях Политбюро Сталин отказывался обсуждать вопрос о голоде. Так, например, когда один из секретарей ЦК КП (б) Украины Р. Терехов докладывал Сталину о тяжелом положении, сложившемся в селах Харьковской области в связи с недородом, и просил выделить для области хлеб, то реакция Сталина на сообщение о трудностях в деревне была весьма странной. Резко оборвав докладчика, Сталин сказал: "Нам говорили, что Вы, товарищ Терехов, хороший оратор, оказывается Вы хороший рассказчик — сочинили такую сказку о голоде, думали нас запугать, но не выйдет! Не лучше ли Вам оставить посты секретаря обкома и ЦК КПУ и пойти в Союз писателей: будете сказки писать, а дураки будут читать..."¹

Нелишне отметить, впрочем, что в советской литературе 30-х гг. нельзя было похвастать никакими "сказками" о голоде 1932—1933 гг. Всякое упоминание о нем было запрещено в нашей печати вплоть до 1956 г., а в 30-е гг. за слова "голод на юге" многих людей арестовывали как за "контрреволюционную агитацию". Только после XXII съезда партии некоторые писатели стали затрагивать в своих произведениях эту ранее запретную тему. "Вслед за кулаком, — писал о страшной зиме 1932/33 г. Михаил Алексеев, — из села, только уже добровольно, двинулся середняк. По чьему-то распоряжению был вывезен весь хлеб и весь фураж. Начался массовый падеж лошадей, а в тридцать третьем — страшный голод: люди умирали семьями, рушились дома, редели улицы, все больше и больше окон слепо — уезжали в город, наглухо забивали их досками и горбылями... Чернее горна стало лицо Акимушки. Белым накалом светились на нем глаза, в которые так часто заглядывали односельчане и как бы спрашивали: "Что же это? Как же это, Акимушка? Ведь мы за тобой пошли? Ведь ты человек партийный!" Он отвечал как мог. Говорил,

¹ "Правда", 26 мая 1964 г.

что там, наверху, разберутся. Сталин пришлет в Выселки своего человека, тот посмотрит, накажет виновных — и все будет хорошо. Никто в Выселки не приехал, а вот такие, как Акимушка, к счастью, не пали духом, не опустили рук своих, и артель медленно вновь стала подниматься в гору”¹.

“В Петраковской, — писал В.Ф. Тендряков, — падал скот от бескормицы, люди ели хлеб из крапивы, колобашки из круглины, пареную кашу из дягиля. И не в одной Петраковской. По стране шел голодный год — тысяча девятьсот тридцать третий. В районном городе Вохрове, на пристанционном скверике умирали высланные из Украины, раскулаченные куркули. Видеть там по утрам мертвых вошло в привычку, приезжала телега, больничный конюх Абрам наваливал трупы. Умирали не все, многие бродили по пыльным неказистым улочкам, волоча слоновьи от водянки, бескровные голубые ноги, собачьи просящими глазами ощупывали каждого прохожего. В Вохрово не подавали. Сами жители, чтобы получить хлеб по карточкам, становились в очередь к магазину с вечера. Тридцать третий год...”²

В своих воспоминаниях К. Икрамов писал о том, что в 1933 г. сотни тысяч голодающих из всех районов Средней Азии устремились к Ташкенту. Все станции были забиты людьми. Несмотря на заставы, многие из них пробирались в город. Предельно истощенные, они тихо бродили по улицам, надеясь на подавание. Многие умирали прямо на улицах.

В повести “Все течет” выдающийся советский писатель Василий Гроссман описывал ужасающие картины голода на Южной Украине:

“...А пыль — и ночью и днем пыль, пока хлеб везли... И люди стали какие-то растерянные... И земля потрескалась... потом осень пришла, дожди, а потом зима снежная. А хлеба нет. И в райцентре не купишь, потому что карточная система. И на станции не купишь в палатке — потому что военизированная охрана не подпускает. А коммерческого хлеба нет.

С осени стали нажимать на картошку, без хлеба быстро она пошла. А к рождеству начали скотину резать. Да и мясо это на костях, тощее. Курей порезали, конечно. Мясо быстро подъели, а молока глоточка не стало, во всей деревне яичка не достанешь. А главное — без хлеба... Ночью проснешься, кругом тихо: ни разговору, ни гармошки. Как в могиле, только голод ходит, не спит. Дети по хатам с самого утра плачут — хлеба просят. А что мать им даст — снегу? А помощи ни от кого... А государство зернышка голодным не дало, а оно ведь на крестьянском хлебе стоит. Неужели Сталин про это не знал?.. По всем дорогам заставы — войска, милиция, энкаведе — не пускают голодных из деревень,

¹ “Звезда”, 1964, №1, с. 37.

² “Москва”, 1968, №3, с. 77.

к городу не подойдешь, вокруг станции охрана, на самых малых полустанках охрана...

А когда снег таять стал, вошла деревня по горло в голод. Дети кричат, не спят: и ночью хлеба просят. У людей лица, как земля, глаза мутные, пьяные... Шатает голод людей. Меньше стали ходить, все больше лежат. И все им мерещится — обоз скрипит, из райцентра прислал Сталин муку — детей спасать. Бабы крепче оказались мужчин, злее за жизнь цеплялись. А досталось им больше — дети кушать у матерей просят. Некоторые женщины уговаривают, целуют детей. "Ну не кричите, терпите, где я возьму?" Другие как бешеные становятся: "Не скули, убью!" — и били чем попало, только бы не просили...

А лица у детей старенькие, замученные, словно младенцы семьдесят лет на свете уж прожили, а к весне уж не лица стали... Нечеловеческие лица, а глаза, господи! Товарищ Сталин, боже мой, видел ты эти глаза? Может быть, и в самом деле он не знал, он ведь статью написал про головокружение...

Пошел по селу сплошной мор. Сперва дети, старики, потом средний возраст. Вначале закапывали, потом уж не стали закапывать. Так мертвые и валялись на улицах, во дворах, а последние в избах остались лежать. Тихо стало. Умерла вся деревня¹.

"Страшновато было ходить в 1933—1934 гг. по селам и станицам, — писал в своих воспоминаниях писатель А. Костерин. — А довелось мне пройти десятки селений по Ставрополью, Дону, Кубани и Тереку, по Саратовской, Оренбургской областям. Дома с забитыми окнами, пустые дворы, в полях — брошенный инвентарь. И ужасающая смертность, особенно среди детей. Поля и приусадебные участки дичали. На Кубани казаки невесело шутили: в наших сорняках около станиц волки завелись.

И люди ходили какие-то очумелые..."²

Дочь В.Г. Короленко в 1934 г. обратилась с большим письмом к своей бывшей учительнице Н.К. Крупской. В очень спокойной, но яркой форме Софья Владимировна Короленко описала положение на Полтавщине. Но Крупская не ответила своей ученице, которую она еще в 1898 г. готовила к поступлению в гимназию. Не только Сталин отмахивался от сообщений о голоде на юге страны.

Несмотря на страшный голод, Сталин настаивал на продолжении экспорта хлеба в страны Европы. Если из урожая 1928 г. было вывезено за границу 1 млн. центнеров зерна, то в 1929 г. было вывезено 13 млн. центнеров, в 1930 г. — 48,3 млн., в 1931 г. — 51,8 млн., в 1932 г. — 18,1 млн. центнеров. Даже в самом голодном 1933 г. в Западную Европу было вывезено

¹ Гроссман В. Все течет. "Октябрь", 1989, № 6, с. 78—80.

² Костерин А. Воспоминания. Рукопись.

около 10 млн. центнеров зерна¹. При этом советский хлеб продавался в условиях экономического кризиса в странах Европы фактически за бесценок. А между тем и половины вывезенного в 1932—1933 гг. за границу зерна хватило бы, чтобы уберечь все южные районы нашей страны от голода.

А в странах Западной Европы спокойно ели советский хлеб, отнятый у голодающих и умирающих от голода крестьян. Все слухи о голоде в России решительно опровергались как советской пропагандой, так и официальными лицами. Даже всемирно известный английский драматург Бернард Шоу, который как раз в начале 30-х гг. совершил ознакомительную поездку по СССР, писал, вернувшись на Запад, что слухи о голоде в России являются выдумкой и он убедился, что Россия никогда раньше не снабжалась так хорошо продовольствием, как в то время, когда он побывал в этой стране. Совершенно иную картину увидел в советской деревне Пастернак. "В начале 30-х годов, — писал он позднее, — было такое движение среди писателей — стали ездить по колхозам собирать материалы о новой деревне. Я хотел быть со всеми и тоже отправился в такую поездку с мыслью написать книгу. То, что я там увидел, нельзя выразить словами, никакими словами. Это было такое нечеловеческое, невообразимое горе, такое страшное бедствие, что оно становилось уже как бы абстрактным, не укладывалось в границы сознания. Я заболел. Целый год я не мог писать"².

До сих пор никто не знает, сколько людей в Советском Союзе умерло от голода в 1932—1933 гг. Многие исследователи сходятся на цифре 5 млн. человек, другие называют 8 млн. человек, и они, вероятно, ближе к истине. Число погибших было больше, чем в 1921 г. и чем в Китае во время страшного голода 1877—1878 гг. Об этом свидетельствуют косвенные данные. В книге "Народонаселение СССР" приводятся данные о численности украинцев в СССР: по переписи 1926 г. их было 31,2 млн., а по переписи 1939 г. — 28,1 млн. человек. Абсолютное уменьшение за 13 лет составило 3,1 млн. человек. Между тем за эти же 13 лет численность белорусов увеличилась на 1,3 млн. человек, то есть почти на 30%. За период с 1926 по 1939 г. численность казахов уменьшилась на 860 тыс., уменьшилась численность и некоторых других национальных меньшинств³. Всему этому могло быть только одно объяснение — голод начала 30-х гг.

Справочники ЦСУ в течение шести лет (1933—1938) повторяли одни и те же данные о численности населения СССР — дан-

¹"Народное хозяйство СССР. Ежегодник ЦСУ за 1935 г.". М., 1936, с. 222.

²Пастернак Б.Л. Из неопубликованных воспоминаний.

³См.: Гозулов А. и Григорьянц М. Народонаселение СССР. М., 1969.

ные на 1 января 1933 г.: 165,7 млн. человек. Выступая в декабре 1935 г. на совещании передовых комбайнеров, Сталин заметил: "У нас теперь все говорят, что материальное положение трудящихся значительно улучшилось, что жить стало лучше, веселее. Это, конечно, верно. Но это ведет к тому, что население стало размножаться гораздо быстрее, чем в старое время. Смертности стало меньше, рождаемости больше, и чистого прироста получается гораздо больше. Это, конечно, хорошо, и мы это приветствуем. Сейчас у нас каждый год чистого прироста населения получается около трех миллионов душ. Это значит, что каждый год мы получаем прирост населения на целую Финляндию"¹.

Но Сталин поторопился и со своим выводом об увеличении прироста населения и о том, что жить стало "веселее". Перепись 1939 г. дала цифру 170,4 млн. человек. Чистый прирост составил, таким образом, менее 1 млн. человек в год. Что касается более "веселой" жизни в СССР, то об этом речь будет ниже.

О ВВЕДЕНИИ ВНУТРЕННИХ ПАСПОРТОВ В СССР

Своеобразной репрессивной кампанией стала и проведенная в начале 30-х гг. паспортизация части населения страны.

Известно, что в царской России паспортная система служила в первую очередь целям полицейского надзора и ограничения передвижения в стране. Паспортная система настолько усложняла жизнь простых людей, что одним из важных требований революционно-демократического движения в России в конце XIX и начале XX в. было требование отмены внутренних паспортов и гарантия свободы передвижения. Естественно, что после Октябрьской революции паспортная система в СССР была отменена, и это считалось одним из важнейших демократических мероприятий нового пролетарского государства. В Малой советской энциклопедии, изданной в 1928—1930 гг., можно прочесть следующее: "Паспортная система была важнейшим орудием полицейского воздействия и податной политики в так называемом "полицейском государстве". Паспортная система действовала в царской России. Особенно тягостная для трудовых масс, паспортная система стеснительна и для гражданского оборота буржуазного государства, которое упраздняет или ослабляет ее. Советское право не знает паспортной системы..."

В СССР в 20-е гг. паспорта выдавались гражданам лишь при поездках за границу. О таком именно "краснокожем" и "молоткастом" советском паспорте писал Маяковский в стихотворении

¹"Правда", 4 декабря 1935 г.

“Стихи о советском паспорте”, которое включено во все хрестоматии по советской литературе.

Положение, однако, стало меняться с началом коллективизации, а тем более во время голода, когда миллионы голодающих крестьян устремились в города. Если после гражданской войны миллионы жителей городов спасались от голода в деревне, то в начале 30-х гг. жители деревень спасались от голода в городах, где положение с продовольствием было все же лучше. Не зная, как справиться с этим стихийным перемещением миллионов людей, сталинское руководство приняло решение — вновь ввести в стране паспортную систему. При этом право на получение паспортов имели только рабочие и служащие, но не крестьяне. Их свобода передвижения была, таким образом, существенно ограничена. Усилился контроль и за свободой передвижения всех граждан.

В начале 1930 г. журнал “Большевик” опубликовал некоторые замечания Христиана Раковского как пример “троцкистской клеветы на партию”. Х. Раковский, между прочим, писал: “За фикцией собственников-колхозников, за фикцией выборного управления создаются отношения, оставляющие далеко позади все то, что мы видим теперь в совхозах. Дело в том, что колхозники не будут работать сами на себя. Единственное, что будет расти, цвести и развиваться в колхозах, — это будет новая колхозная бюрократия. Она будет всех видов и родов. Детище бюрократической фантазии... колхозы, объединяющие под одной крышей все слои крестьянства, исключая явных кулаков, будут опоясаны во всех направлениях стальными обручами бюрократического аппарата. Колхозы будут во всем терпеть нужду, но эта нужда будет широко компенсирована чиновниками и охранителями, тайными и явными. Это подтверждает еще раз, что чиновничий социализм рождает в свою очередь чиновников и то, что социалистическое общество, к которому, по уверениям официальных писак, мы подошли уже вплотную, будет царством чиновников...

...Оказавшись в тяжелом положении, бедняки и батраки, — писал далее Раковский, — станут уходить массами в город, оставляя деревню без рабочих рук. Неужели может случиться, чтобы наша пролетарская власть издала закон, прикрепляющий бедняка и середняка к его колхозу, а нашу красную милицию обязывающий ловить на улицах беглецов и водворять их на место жительства!”¹

К сожалению, многие из этих горьких пророчеств Раковского, которые в начале 1930 г. воспринимались читателями “Большевика” как нечто немислимое для пролетарского государства, стали действительностью в конце 1932 и в начале 1933 г. Совет-

¹ “Большевик”, 1930, № 7, с. 18—19.

скому государству действительно пришлось при помощи паспортной системы прикреплять бедняков и середняков к их колхозам и обязывать "красную милицию" ловить и выдворять голодающих крестьян со станций и из городов.

Нелишне отметить, что паспортизация послужила не только прикреплению крестьян к их колхозам. Далеко не все жители Москвы, Ленинграда, Киева и некоторых других крупных городов получили здесь паспорта. Милиция не выдавала паспорта тысячам бывших капиталистов, дворян и другим "лишенцам" (то есть людям, лишенным избирательных прав). Эти люди были вынуждены уезжать из столиц и крупных городов в небольшие провинциальные городки, где становились обычно мелкими служащими в местных учреждениях.

В 1920 г. видный деятель кооперативного движения, блестящий экономист и писатель А.В. Чаянов издал в Москве небольшую книгу "Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии". Эта книга вышла в свет под псевдонимом Ив. Кремнев и с предисловием видного публициста-большевика В.В. Воровского. Год издания книги был временем, когда в России вновь резко обострились противоречия между городом и деревней и по стране прокатилась волна крестьянских восстаний, сурово подавленных Красной Армией. Описывая в своей утопии возможное дальнейшее развитие этой борьбы между городом и деревней, автор рассказывает нам, как с течением лет деревня будет постепенно одолевать город. Крестьяне сначала сумеют добиться уравнивания избирательных прав с рабочими и получат большинство во всех высших органах Советской власти. К 1932 г. политическая власть в России будет уже прочно находиться в руках крестьянских лидеров, которые начнут постепенно переустройство всей экономики на началах индивидуального крестьянского хозяйства и кооперативных предприятий. Города станут постепенно уничтожаться. Восстание горожан против крестьянской власти будет подавлено в 1937 г., и города разворуются среди окружающих их сельских районов, что не помешает ни научно-техническому прогрессу, ни сохранению военной мощи нового крестьянского государства, которое сумеет легко справиться с военной агрессией индустриально-городской Германии. Действительное развитие событий в СССР пошло совсем иным путем, чем мы видим в утопии А. Чаянова.

О НЕДОСТАТКАХ И ОШИБКАХ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Ошибки и злоупотребления властью при проведении коллективизации неоднократно подвергались критике как в советской, так и в зарубежной литературе. Менее освещенным остается

вопрос о недостатках и злоупотреблениях властью Сталиным при проведении индустриализации.

Мы не собираемся ставить здесь под сомнение большие успехи, достигнутые нашей страной в годы первой пятилетки. Только за период с 1928 по 1933 г. в СССР было построено 1500 крупных предприятий и заложены основы таких отраслей промышленности, каких не знала царская Россия, — станкостроения, автомобилестроения, тракторостроения, химической промышленности, авиационной промышленности. Было налажено производство мощных турбин и генераторов, качественных сталей, ферросплавов, синтетического каучука, азота, искусственного волокна и др. За годы первой пятилетки были введены в строй тысячи километров новых железных дорог и каналов. Крупные очаги промышленности были созданы на бывших национальных окраинах России — в Средней Азии и Закавказье, в Казахстане, в Татарии. Возрос промышленный потенциал Урала, Сибири и Дальнего Востока, где начала возникать вторая топливно-металлургическая база нашей промышленности. Была создана оборонная промышленность. По всей стране возникли сотни новых городов и рабочих поселков. В громадную работу по созданию в СССР современной промышленности вложил немалый труд и Сталин. Однако и в этой области Сталин действовал нередко не как мудрый государственный деятель, а как прожектор и волюнтарист, создавая для страны и партии дополнительные трудности.

Известно, например, что пятилетний план 1928/29—1932/33 гг. был составлен в двух вариантах — отправном и оптимальном, причем отправной план был примерно на 20% меньше оптимального.

Составление двух вариантов плана было связано не только с недостатком опыта в деле планирования, но и с невозможностью точно предсказать такие важные для первого пятилетнего плана факторы, как состояние сельского хозяйства, возможности получения западных кредитов и товаров по линии внешней торговли. Уже первый год пятилетки показал, что наличие двух вариантов плана является не только разумным решением, но что основным для страны должен стать именно отправной план. Между тем в ходе обсуждения проектов пятилетнего плана большинство наметок отправного плана было объявлено уступкой "правому" уклону. Фактически Сталин ориентировал все партийные организации на выполнение пятилетки именно в оптимальном ее варианте, который и был утвержден на XVI Всесоюзной партийной конференции.

Однако в первые два года работы стало ясно, что в СССР отсутствуют важные условия для выполнения оптимального плана пятилетки. Западные кредиты были слишком малы. Экспортные ресурсы СССР также оказались недостаточными.

Из-за мирового экономического кризиса цены на сырье на западных рынках резко упали. За каждую машину Советскому Союзу приходилось вывозить в 2—2,5 раза больше сырья и материалов, чем это предполагалось ранее. К тому же в нашей стране уменьшилось валовое производство сельского хозяйства. Если раньше предполагалось, что производство сельскохозяйственной продукции будет расти и накопления из этой отрасли можно будет широко использовать при создании промышленности, то теперь приходилось пересматривать все эти расчеты. Доля использованного для развития промышленности прибавочного продукта, произведенного в сельском хозяйстве, за годы первой пятилетки составила в среднем 33,4%. В начале пятилетки эта доля приближалась к 50%, а в 1932 г. составила только 18,1%¹. Голодающая деревня к концу первой пятилетки мало чем могла помочь развитию промышленности.

Поэтому, несмотря на огромные усилия, старт первой пятилетки был не слишком успешным. Производство чугуна и стали увеличилось, например, в 1929 г. только на 600—800 тыс. тонн, производство тракторов составило в этом же году лишь 3,3 тыс. штук. Медленнее, чем планировалось, возрастало производство продукции легкой и пищевой промышленности. Плохо работал железнодорожный транспорт. В сложившихся условиях возникла необходимость снизить многие задания и контрольные цифры пятилетнего плана и перейти на отправной вариант пятилетки. Однако Сталин настоял, напротив, на значительном увеличении многих заданий пятилетнего плана.

“Работа ЦК, — говорил по этому поводу Сталин на XVI съезде ВКП(б) в июне 1930 г., — ... шла главным образом по линии исправления и уточнения пятилетнего плана в смысле увеличения темпов и сокращения сроков...

...По черной металлургии: пятилетний план предусматривает доведение производства чугуна в последний год пятилетки до 10 миллионов тонн; решение же ЦК находит эту норму недостаточной и считает, что производство чугуна в последний год пятилетки должно быть поднято до 17 миллионов тонн.

По тракторостроению: пятилетний план предусматривает доведение производства тракторов в последний год пятилетки до 55 тысяч штук; решение же ЦК находит это задание недостаточным и считает, что производство тракторов в последний год пятилетки должно быть поднято до 170 тысяч штук.

То же самое нужно сказать об автостроении, где вместо производства 100 тысяч штук автомобилей (грузовых и легковых) в последний год пятилетки, предусмотренных пятилетним пла-

¹ Барсов А.А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. М., 1969, с. 134.

ном, решено поднять производство автомобилей до 200 тысяч штук.

То же самое имеет место в отношении **цветной металлургии**, где наметки пятилетнего плана увеличены более чем на 100%, и **сельхозмашиностроения**, где наметки пятилетнего плана также увеличены более чем на 100%.

Я уже не говорю о строительстве **комбайнов**, которое не было вовсе учтено в пятилетнем плане и производство которых должно быть доведено в последний год пятилетки минимум до 400 тысяч штук¹.

Подобный авантюризм в планировании встретил серьезные и обоснованные возражения не только со стороны беспартийных специалистов, но и со стороны многих большевиков-хозяйственников. Сталин не пожелал считаться с их доводами. Когда руководитель "Главцветмета" А.С. Шахмурадов выступил с аргументированной критикой новых заданий в цветной металлургии, он был немедленно снят со своего поста, а позднее и репрессирован.

Но эти репрессии и угрозы не привели к ускорению темпов развития промышленности. На 1930 г. планировалось увеличение промышленной продукции на 31—32%, фактический же прирост составил 22%. На 1931 г. было принято обязательство увеличить промышленное производство на 45%, однако фактический рост составил 20%; в 1932 г. он снизился до 15%, а в 1933 г. — до 5%. Уже в 1932 г. был снят лозунг "За 17 миллионов тонн чугуна". Были значительно сокращены планы развития черной и цветной металлургии и машиностроения.

Тем не менее в январе 1933 г. Сталин объявил о досрочном выполнении первого пятилетнего плана. Было объявлено, что план выполнен за 4 года и 3 месяца и что уже в 1932 г. промышленное производство достигло контрольных цифр, намеченных на 1933 г. Сталин объявил на январском пленуме ЦК, что пятилетний план выполнен к концу 1932 г. на 93,7%, причем по группе "А" — на 103%. По этому случаю в стране была начата шумная пропагандистская кампания. С ее помощью Сталин хотел как-то замаскировать тяжелое положение, которое сложилось в стране, особенно из-за острого дефицита продовольственных продуктов и голода в основных сельскохозяйственных районах.

Конечно, промышленность СССР сделала за годы первой пятилетки большой шаг вперед. Однако это продвижение было отнюдь не столь значительным и быстрым, как об этом было объявлено на январском пленуме ЦК ВКП(б). Приведенные Сталиным цифры были основаны на сознательной фальсификации.

Известно, что рост валовой продукции промышленности

¹ Сталин И.В. Соч., т. 12, с. 345—347.

планировался ВСНХ и Госпланом на пятилетие 1928/29 — 1932/33 гг. в 2,8 раза, при этом по группе "А" производство должно было увеличиться в 3,3 раза. Фактически за 5 лет продукция всей промышленности увеличилась в 2 раза, а производство средств производства в 2,7 раза, что значительно отставало от плановых наметок. Производство предметов народного потребления увеличилось на 56%, а не в 2,4 раза, как намечалось пятилетним планом¹.

Однако и этот прирост в ряде случаев был чисто "статистическим". В связи с проводившейся в годы первой пятилетки специализацией производства стоимость некоторых полуфабрикатов учитывалась при отчетах дважды: вначале при оценке работы предприятия, выпускающего полуфабрикат, а затем при оценке работы предприятия, дающего готовое изделие.

Если мы проанализируем выполнение первой пятилетки не только по валовому производству, но и по натуральным показателям, то убедимся, что общие результаты этой пятилетки были гораздо скромнее, чем об этом сообщала пропаганда. К концу пятилетки не было выполнено не только большинство контрольных заданий оптимального, но и многие показатели отправного варианта пятилетки. Тем более остались невыполненными те совершенно нереальные задания, о которых Сталин говорил на XVI съезде партии.

Как указывалось выше, производство чугуна на последний год пятилетки было запланировано в 10 млн. тонн. Сталин объявил об увеличении этого задания до 17 млн. тонн. Фактически в 1932 г. было выплавлено всего 6,16 млн. тонн чугуна. Даже в 1940 г. выплавка чугуна составляла в СССР 15 млн. тонн и превысила 17 млн. тонн только в 1950 г.² Вместо 10,4 млн. тонн стали в 1933 г. было выплавлено всего 6 млн. тонн, а проката — вместо 8 млн. тонн произведено 4,4 млн. тонн.

Производство электроэнергии в последний год пятилетки намечалось довести до 22 млрд. квт. ч., фактически же было получено в 1932 г. 13,4 млрд. квт.ч электроэнергии. Производство угля и торфа отставало в 1932 г. на 10—15% от контрольных заданий на последний год пятилетки. Несколько лучше обстояло дело с добычей нефти: уже в 1931 г. добыли 22,4 млн. тонн нефти, то есть больше, чем было запланировано на 1932/33 г. Однако в последующие два года добыча нефти снова упала — в 1932 г. до 21,4 млн. тонн и в 1933 г. до 21,5 млн. тонн.

¹ См.: "Промышленность СССР. Статистический сборник". М., 1964, с. 234.

² Плановые задания приводятся нами по изданным в 1928—1929 гг. в трех томах разработкам Госплана СССР и материалам XVI съезда ВКП(б). Фактическое выполнение заданий приводится по статистическим ежегодникам ЦСУ, публикуемым с 1956 г. См. также: "История социалистической экономики СССР", т. 3. М., 1977, с. 113.

Не были выполнены задания оптимального варианта пятилетки и по производству строительных материалов. Так, например, вместо 9300 млн. штук кирпича по плану в 1932 г. было произведено всего 4900 млн. штук. Еще хуже обстояло дело с производством минеральных удобрений — по плану нужно было произвести в последний год пятилетки 8—8,5 млн. тонн удобрений, фактическое же производство составило в 1932 г. 920 тыс. тонн и в 1933 г. — 1033 тыс. тонн (суперфосата было произведено в 1932 г. только 182 тыс. тонн вместо 3400 тыс. по плану). Примерно на 30% было выполнено задание пятилетки и по производству серной кислоты.

Не были выполнены многие важные задания по машиностроению (в том числе сельскохозяйственному). Производство автомашин планировалось довести в 1932 г. до 100 тыс. штук (а по сталинскому плану — до 200 тыс. штук), фактически в 1932 г. было произведено 23,9 тыс. автомашин, а в 1933 г. — 49,7 тыс. Только в 1936 г. число изготовленных автомашин превысило 100 тыс. Производство тракторов в 1932 г. составило 49 тыс.; что касается объявленных Сталиным 170 тыс. тракторов в год, то эта цифра не была достигнута ни перед войной, ни в первое десятилетие после войны. Не было выполнено и нереальное задание Сталина о производстве 40 тыс. комбайнов.

Что касается легкой и пищевой промышленности, то здесь во многих случаях вообще не наблюдалось никакого роста. В 1928 г. было выпущено 2,68 млн. метров хлопчатобумажных тканей, а в 1932 г. — 2,69 млн. План же предусматривал 4,6 млн. метров. Шерстяных тканей в 1928 г. было изготовлено 86,8 млн. метров, а в 1932 г. — 86,7 млн. План предусматривал производство 270—300 млн. метров, но для его выполнения не было сырья, так как поголовье овец значительно уменьшилось. Снизилось за пятилетие производство льняных тканей. На 30% уменьшилось производство сахара, заметно уменьшилось в сравнении с 1928 г. и производство мяса и молока. Не были выполнены к 1932 г. контрольные цифры плана по производству обуви, бумаги, по грузообороту железных дорог и по многим другим показателям.

При отставании от плана по натуральным показателям численность рабочего класса возрастала в 1928—1933 гг. быстрее, чем это предполагалось. Она увеличилась в этот период не на 30 %, как планировалось, а на 100%¹. Это объяснялось многими причинами: затягиванием строительства крупных промышленных объектов, массовым бегством крестьян в города, невыполнением планов повышения производительности труда. Чрезмерно быстрый рост городского населения создавал немало трудностей и диспропорций.

¹ "Вопросы истории КПСС", 1967, № 2, с. 53.

Переселение миллионов людей из деревни в город сопровождалось улучшением условий жизни этих людей, так как в город шли в основном из бедных семей. Улучшилось материальное положение и миллионов горожан, прежде безработных; теперь все получили работу. Однако жизненный уровень кадровых рабочих за годы первой пятилетки несколько понизился. Не была выполнена и директива XV съезда ВКП (б) о непрерывном росте заработной платы рабочих и служащих "в реальном ее выражении"¹. Уже в начале первой пятилетки курс советского рубля упал и цены на частном рынке значительно возросли. Были созданы коммерческие магазины для продажи дефицитных товаров по повышенным ценам. Подсчеты историка О.И. Шкаратана показывают, что реальная заработная плата рабочих Ленинграда уже в 1930 г. была по всем отраслям ниже, чем в 1927—1928 гг. Эта тенденция сохранялась и в 1931—1932 гг., только в 1940 г. реальная зарплата рабочих достигла уровня 1928 г.²

Разумеется, трудности с выполнением первого пятилетнего плана определялись уже тем обстоятельством, что это был *первый* пятилетний план. Но многое было связано и с ошибками Сталина.

О том, насколько порочным был его "волевой" метод планирования, свидетельствует, например, история советской промышленности по производству синтетического каучука³. Известно, что первая партия опытного синтетического каучука была получена в январе 1931 г. Сразу же возник вопрос о постройке одного-двух больших заводов. Однако все ведущие инженеры, а также академик С.В. Лебедев, по методу которого был получен каучук, высказывали неуверенность в реальности выполнения этой программы. И все же, стремясь к быстрейшему развитию советской химической индустрии, участники обсуждения утвердили проект строительства одного-двух заводов по производству каучука. Велико же было изумление специалистов, когда они узнали, что правительством, по предложению Сталина, принято решение — построить уже в первой пятилетке десять крупных заводов по производству синтетического каучука. Сам Лебедев был категорически против того, чтобы ставить одновременно, и в таких грандиозных размерах, еще не до конца отработанное производство, многие из вопросов которого не были решены. Возражал против строительства десяти заводов и Я.Э. Рудзутак. Однако Сталин отмахнулся от этих обоснованных возражений. Начались поиски строительных площадок, завоз строительных материалов. По десяти объек-

¹ "Пятнадцатый съезд ВКП (б). Стенографический отчет". ч. II, с. 1450.

² "История СССР", 1964, № 3, с. 34—38.

³ "Вопросы истории", 1964, № 8, с. 38—39.

там распылялись и без того скудные еще силы. В 1932—1933 гг. были пущены первые очереди только трех заводов, остальные не были построены ни в первой, ни во второй пятилетке. Огромные средства были надолго омертвлены.

Подобных примеров некомпетентности и авантюризма Сталина, весьма затруднявших и без того необычайно сложное дело индустриализации, можно было бы привести еще немало.

Некоторые из старых большевиков отмечают в своих воспоминаниях большую разницу между всем стилем и атмосферой заседаний по хозяйственным проблемам, которые вели Ленин и Сталин. "Ленин, — пишет, например, известный советский хозяйственник Ю. Флаксерман, — никогда не подавлял своим авторитетом. На заседаниях Совнаркома царила товарищеская атмосфера, все чувствовали себя свободно. В прениях часто высказывались мнения, не совпадающие с ленинскими, он внимательно выслушивал и, если улавливал здравую мысль, вносил коррективы в свои предложения.

Никогда не забуду запомнившегося мне по контрасту заседания одной комиссии ЦК, которое вел И.В. Сталин. Это было в 1931 году. Обсуждался вопрос о составе и месте расположения нового крупного промышленного комбината, в котором играла большую роль энергетика, поэтому меня и пригласили. К этому времени я стал инженером-энергетиком и был заместителем председателя "Энергоцентра". Комиссия работала днем в зале заседаний Совнаркома. Я устроился сбоку, у окон, где обычно сидел и в 1918 году при Ленине. Члены комиссии, наркомы, Орджоникидзе и члены Президиума ВСНХ сидели за длинным столом. Сталин ходил, покуривая свою трубку. Говорили главным образом работники ВСНХ. Затем слово взял Сталин. Он сел сбоку у стола председателя, лицом к длинному столу. Говорил он так тихо, что никто ничего не мог слышать. Сначала все невольно приложили к ушам руки, но и это не помогло. Тогда все чуть ли не легли на стол, стараясь слышать оратора. В такой позе все они оставались до тех пор, пока Сталин произносил свою речь. Когда же он кончил говорить, заседание было закрыто: обсуждать больше нечего, истина в ее последней инстанции высказана. Как все это непохоже было на то, что было при Ленине..."

Можно с уверенностью сказать, что развитие промышленности происходило в годы первой пятилетки более медленно и достигалось более дорогой ценой не в последнюю очередь потому, что во главе партии и Советского государства стоял Сталин. При ином, более компетентном руководстве страна могла бы достигнуть значительно лучших результатов.

4

ОБОСТРЕНИЕ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ОБСТАНОВКИ В НАЧАЛЕ 30-х гг. НОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ СТАЛИНА

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И "БУРЖУАЗНАЯ" ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Серьезные просчеты в экономической и социальной политике в 1928—1932 гг. привели к ухудшению материального положения большинства населения страны, к введению строгого нормирования в снабжении и торговле. Это вызвало недовольство среди значительной части трудящихся. Трудно было списать все эти недостатки только на счет кулаков, большая часть которых была уже выслана в отдаленные районы страны. Еще меньше можно было рассчитывать на самокритику со стороны Сталина и его окружения. Сталин снова искал "козла отпущения", и он нашел его в лице специалистов из числа старой, сформировавшейся еще до революции интеллигенции.

Известно, что часть русской интеллигенции активно выступала в годы гражданской войны против большевиков. Немало интеллигентов было выслано из Советской России в первые годы нэпа. Но так же, как для строительства Красной Армии были использованы опыт и знания многих тысяч бывших царских офицеров, так и для строительства советской экономики и науки Ленин считал не только возможным, но необходимым использовать опыт и знания старой буржуазной интеллигенции, которая готова была в своей профессиональной области лояльно сотрудничать с новой властью.

"Мы не можем построить коммунизм иначе, — писал Ленин, — как из материалов, созданных капитализмом, как из того культурного аппарата, который взращен буржуазной обстановкой и поэтому неизбежно бывает пропитан — раз речь заходит о человеческом материале, как части культурного аппарата — буржуазной психологией. В этом трудность построения коммунистического общества, но в этом же гарантия возможности и успешности его построения. Тем и отличается марксизм от старого утопического социализма, что последний хотел строить новое общество не из тех массовых представителей человеческого материала, которые создаются кровавым, грязным, грабительс-

ким, лавочническим капитализмом, а из разведенных в особых парниках и теплицах особо добродетельных людей”¹.

“Если все наши руководящие учреждения, — указывал в другом месте Ленин, — т.е. и компартия, и Соввласть, и профсоюзы, не достигнут того, чтобы мы как зеницу ока берегли всякого спеца, работающего добросовестно, с знанием своего дела и любовью к нему, хотя бы и совершенно чуждого коммунизму идейно, то ни о каких серьезных успехах в деле социалистического строительства не может быть и речи”².

Эта намеченная Лениным политика довольно последовательно проводилась в жизнь в первый период нэпа. Не удивительно поэтому, что в годы первой пятилетки в советском хозяйственном аппарате, на промышленных предприятиях, в научных учреждениях и учебных заведениях, в земельных органах, в Госплане СССР и в статистических управлениях работало немало так называемых буржуазных специалистов, представителей старой интеллигенции и свергнутых Октябрем эксплуататорских классов. Работали здесь и многие бывшие члены партий меньшевиков и эсеров, отказавшиеся от оппозиционной политической деятельности.

Обострение всех внутренних противоречий в стране, и особенно между Советской властью и крестьянством, некомпетентность при вмешательстве в экономику, порождавшая множество потерь и трудностей, — все это не могло не оказывать влияния на настроение перечисленных выше групп и слоев населения. Естественно, что большая часть старой интеллигенции сочувствовала той группировке партийного руководства, которая получила наименование “правого” уклона. Иные специалисты оказывались втянутыми и в антисоветскую деятельность, в том числе и конспиративного характера. В начале 30-х гг. не только в эмиграции, но и в СССР возникло несколько контрреволюционных организаций и групп (некоторые группы в провокационных целях создавало само ГПУ, как это было с организацией “Трест”). Но подобных людей среди старой интеллигенции и специалистов было ничтожное меньшинство. Подавляющее большинство работало честно, стараясь помочь партийным деятелям, стоявшим во главе различных хозяйственных организаций, советом и делом. Многие специалисты были искренне захвачены громадным размахом первых пятилетних планов.

Нет ничего удивительного в том, что органы ГПУ пресекали все попытки свергнуть Советскую власть, предпринимаемые как отдельными группами в эмиграции, так и внутри страны. Однако необходимо было при этом проводить строгую дифференциацию, чтобы сохранить лояльное отношение к Советской

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 409.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 350—351.

власти со стороны основной части старой интеллигенции и специалистов, которые своими знаниями и опытом могли оказать огромную услугу делу строительства социализма.

В речах, статьях и заявлениях Сталина этого периода можно найти немало утверждений о необходимости всемерно заботиться о старой, "буржуазной" интеллигенции. Однако дела Сталина решительно расходились с его словами. Во-первых, он все более жестко требовал от этих людей не только лояльности к Советской власти, но и признания коммунистической идеологии. Репрессии нередко обрушивались на людей за их некоммунистические и немарксистские взгляды или за их дореволюционную деятельность. Во-вторых, стремясь возложить на "буржуазных спецов" ответственность за все просчеты в индустриализации и планировании, Сталин и некоторые его ближайшие помощники начали проводить кампанию компрометации и разгрома значительной части кадров беспартийных специалистов.

Особое место в этой кампании занимали те политические судебные процессы, которые состоялись в конце 20-х — начале 30-х гг. и которые не могут не привлечь самого пристального внимания историков.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ 1928—1930 гг.

Первым крупным политическим процессом, сыгравшим значительную роль в обострении внутривластной обстановки в стране, было так называемое "шахтинское дело". По этому "делу" к ответственности привлекались главным образом инженеры и техники Донецкого бассейна, обвиненные в сознательном вредительстве, в организации взрывов на шахтах, в преступных связях с бывшими владельцами донецких шахт, а также в закупке ненужного импортного оборудования, нарушении техники безопасности, нарушении законов о труде, неправильной закладке новых шахт и т.п. Обвинительное заключение было составлено старшим помощником прокурора РСФСР Н.В. Крыленко и прокурором Верховного суда СССР П.А. Красиковым. Заседания Специального судебного присутствия Верховного суда СССР по «шахтинскому делу» состоялись летом 1928 г. в Москве под председательством А.Я. Вышинского. Бывший меньшевик, юрист по профессии, член коллегии наркомата просвещения, а также ректор Московского государственного университета, Вышинский должен был обеспечивать, по замыслу организаторов процесса, видимость объективности судебного разбирательства. Процесс носил явно политический характер. Кроме специалистов и рабочих Донбасса, на скамье подсудимых находились некоторые руководители украинской промышленности,

составлявшие якобы "харьковский центр", возглавлявший деятельность вредителей. Были здесь и представители "московского центра". Их обвиняли не только в связях с различными эмигрантскими организациями русских предпринимателей, но и с представителями бельгийского, французского и польского капитала. По данным обвинения, западные капиталисты финансировали вредительские организации и акции в Донбассе.

На суде большинство подсудимых признали лишь часть предъявленных им обвинений или отвергли их вовсе, а некоторые признали себя виновными по всем статьям обвинения. Суд оправдал четверых из 53 подсудимых, четверых приговорил к условным мерам наказания, девять человек — к заключению на срок от одного до трех лет. Большинство обвиняемых было осуждено на длительное заключение — от четырех до десяти лет, 11 человек были приговорены к расстрелу, пять из них расстреляли, а шести ЦИК СССР счел возможным смягчить меру наказания.

"Шахтинское дело" обсуждалось на двух пленумах ЦК партии и послужило поводом к продолжительной пропагандистской кампании. Понятие "шахтинцы" стало нарицательным, как бы синонимом "вредительства". Однако, знакомясь с материалами судебного процесса, широко освещавшегося в печати, невольно задаешься вопросом: насколько обоснованным было обвинительное заключение и, следовательно, приговор по "шахтинскому делу"?

Старый большевик А.М. Дурмашкин встретил в годы своего пребывания в лагере бывшего ответственного работника НКВД, также осужденного в 1937 г. на 15 лет заключения. Этот работник рассказал Дурмашкину, что в "шахтинском деле" многие обвинения, особенно в сознательном вредительстве и связях с иностранным капиталом, были липой, их цель была в том, чтобы повысить "классовую бдительность". Писатель В.Т. Шаламов, автор знаменитых "Колымских рассказов", встречался в заключении с двумя специалистами — Бояршиновым и Миллером, проходившими по "шахтинскому делу" (Н.Н. Бояршинов был вначале приговорен к расстрелу, но этот приговор был заменен 10 годами заключения). Оба "шахтинца" рассказали Шаламову, что уже в 1928 г. к ним применялись такие жестокие методы ведения следствия, как "конвейер" (то есть многодневный допрос заключенного следователями, непрерывно сменявшими друг друга), помещение в карцер с водой или в камеру с холодным, а потом сильно разогретым полом. Эти пытки и вынудили многих подсудимых дать следствию и суду ложные показания.

Бывший член партии меньшевиков В. Бродский, находившийся в заключении почти 30 лет — с конца 20-х гг. до 1956 г., писал мне: "Я видел несчетное количество людей, обвиненных

во вредительстве, видел много людей, обвинявших во вредительстве, и все они отрицали даже единичные факты сознательного вредительства специалистов. Непосредственно на производстве со стороны рабочих (особенно пришедших из деревни), как рассказывали, были случаи порчи оборудования (засыпали в подшипники песок и др.). Впрочем, и это могло быть результатом незнания и неумелого обращения с машинами. Аварии, в частности, в Донбассе, объяснялись всеми встречавшимися мне специалистами следующими причинами: гонкой за выполнение и перевыполнение норм и планов, некомпетентностью руководителей-неспециалистов; низкой квалификацией рабочих, в большинстве выходцев из деревни”.

По свидетельству старого чекиста С.О. Газаряна, долгое время работавшего в экономическом отделе НКВД Закавказья (и арестованного в 1937 г.), среди форм антисоветской борьбы со стороны врагов нашего государства была и такая, как вредительство, однако она имела незначительное распространение. Что касается вредительства как сознательной политики, проводимой якобы целым слоем “буржуазных” специалистов, то такого явления никогда не было. Газарян рассказал мне, что он приезжал в Донбасс в 1928 г. в порядке “обмена опытом” работы экономических отделов НКВД. По его словам, в Донбассе в тот период обычным явлением была преступная бесхозяйственность, ставшая причиной многих тяжелых аварий с человеческими жертвами (затопления и взрывы на шахтах и др.). И в центре, и на местах советский и хозяйственный аппарат был еще несовершенен, там было немало случайных и недобросовестных людей, в ряде хозяйственных и советских организаций процветало взяточничество, воровство, пренебрежение интересами трудящихся. За все эти преступления необходимо было, конечно, наказывать виновных. Не исключено, что в Донбассе были и единичные случаи вредительства, а кто-то из инженеров получал письма от какого-либо бывшего хозяина шахты, бежавшего за границу. Но все это не могло служить основанием для громкого политического процесса. В большинстве случаев обвинения во вредительстве, в связях с различного рода “центрами” и заграничными контрреволюционными организациями добавлялись уже в ходе следствия к различным обвинениям уголовного характера (воровство, взяточничество, бесхозяйственность и др.). Следователи шли на такой подлог, обещая заключенным за “нужные” показания смягчение их участи, из “идейных” соображений: “мобилизовать массы”, “поднять в них гнев против империализма”, “повысить бдительность”. В действительности же эти подлоги преследовали одну цель: отвлечь недовольство широких масс трудящихся от партийного руководства, поощрявшего гонку за максимальными показателями индустриализации.

В своей книге “На новом этапе”, изданной в 1930 г. в г. Хар-

бине (Маньчжурия), один из наиболее видных идеологов буржуазной интеллигенции и нэповской буржуазии в СССР Н. Устрялов писал: "Вредительство есть бессмысленное, позорное и злореднейшее преступление, предательство, прямой переход на антисоветские и антирусские позиции; теперь даже и Милюков в эмиграции не станет его защищать... Что же касается так называемого пассивного нейтралитета, то он заслуживает безоговорочного принципиального осуждения с нашей точки зрения. Не дело технической интеллигенции отходить в сторону, отказываться от активной деятельности, от содействия... великой перестройке страны". Устрялов давал своим последователям, специалистам-сменовеховцам, находившимся на советской работе, четкую директиву: "Что делать старым спецам? Ответ может быть только один: сохранять безукоризненную лояльность государству. Посильно ему способствовать".

Но Сталин не желал разбираться в тонкостях положения и поведения старой интеллигенции. Ему было выгодно поддержать версию о сознательном вредительстве "буржуазной" интеллигенции. Поэтому Сталин поспешил "обобщить" уроки "шахтинского дела" и призвал членов партии искать "шахтинцев" во всех звеньях советского и хозяйственного аппарата.

"Нельзя считать случайностью так называемое шахтинское дело, — заявил Сталин на пленуме ЦК в апреле 1929 г. — "Шахтинцы" сидят теперь во всех отраслях нашей промышленности. Многие из них выловлены, но далеко еще не все выловлены. Вредительство буржуазной интеллигенции есть одна из самых опасных форм сопротивления против развивающегося социализма. Вредительство тем более опасно, что оно связано с международным капиталом. Буржуазное вредительство есть несомненный показатель того, что капиталистические элементы далеко еще не сложили оружие, что они накапливают силы для новых выступлений против Советской власти"¹.

Не удивительно, что после подобного рода директивных указаний террор против так называемых буржуазных специалистов резко усилился. Так, например, весной 1930 г. на Украине состоялся "открытый" политический процесс по делу СВУ (Союз вызволения Украины). Руководителем этой мифической организации был объявлен крупнейший украинский ученый и вице-президент Всеукраинской Академии наук (ВУАН) С.А.Ефремов. Кроме него, на скамье подсудимых оказалось еще 40 с лишним человек. Здесь были и ученые, и учителя, и священники, и деятели кооперативного движения, и медицинские работники. Почти все они обвинялись в "буржуазном национализме", во вредительстве, в выполнении директив зарубежных украинских националистических организаций, а также в "агентурной работе

¹ Сталин И.В. Соч., т. 12, с. 14.

по заданиям разведок и контрразведок некоторых государств". СВУ обвинялся также в подготовке некоторых террористических актов и даже в заключении тайного союза с Польшей с целью отделения Украины от России.

По свидетельству старого большевика А.В. Снегова, находившегося тогда на ответственной партийной работе на Украине, главным организатором процесса СВУ было ГПУ Украины, возглавлявшееся В. Балицким. Последний выполнял прямые директивы Сталина. Не были в стороне от организации процесса СВУ и руководители партийной организации Украины: С. Кошиор, Н. Скрыпник и В. Чубарь. Главными государственными обвинителями на процессе были прокуроры Л. Ахматов и Михайлик, общественными обвинителями выступали П.Н. Любченко и академик А.Н. Соколовский. Как считает Снегов, хотя националистические настроения среди украинской интеллигенции в те годы и были весьма сильными, но все главные обвинения в адрес СВУ были ложными, да и никакого СВУ как организации в действительности не существовало. Это подтвердили мне и двое подсудимых, которые остались в живых после 25-летнего заключения и еще в 70-е гг. жили на Украине, — профессор-филолог В. Ганцов и инженер Б.Ф. Матушевский. Впрочем, к такому же выводу мы можем прийти сегодня и при чтении материалов судебного процесса. Реальных доказательств и убедительных улик вины подсудимых в этих материалах найти невозможно.

В 1930 г. было объявлено о раскрытии в СССР еще одной контрреволюционной организации — ТКП (Трудовой крестьянской партии). Руководителями этой партии объявили выдающегося экономиста Н.Д. Кондратьева, в 1917 г. товарища, то есть помощника министра продовольствия Временного правительства, известного экономиста Л.Н. Юровского, экономиста и писателя А.В. Чаянова, у которого мы уже говорили выше, крупнейшего ученого-агронома А.Г. Дояренко и некоторых других. Все они в это время честно работали в различных советских и хозяйственных учреждениях. Как сообщалось, ТКП имела девять основных подпольных групп только в Москве: в системе сельхозкооперации, сельхозкредита, в Наркомате земледелия РСФСР, в Наркомате финансов РСФСР, в газете "Беднота", в НИИ сельскохозяйственной экономики, в Тимирязевской сельскохозяйственной академии и т.п. Кроме того, ТКП объединяла, по утверждению ГПУ, значительное число подпольных групп на местах, особенно в земельных и сельскохозяйственных органах, среди бывших членов эсеровской партии. ГПУ заявляло, что общее число членов ТКП составляет от 100 тыс. до 200 тыс. человек.

В связи с раскрытием новой "подпольной партии" органы ГПУ начали подготовку большого политического судебного процесса. Были заготовлены необходимые для этой цели фальсифицированные показания, к судебному процессу предполагалось

привлечь большое число людей — в основном из числа агрономов и кооператоров. Процесс уже "репетировался", но Сталин отменил его, что-то, видимо, не ладилось в его подготовке. Арестованные, конечно, не были освобождены, их осудили в закрытом порядке. В печати позднее не раз упоминалась Трудовая крестьянская партия, однако критике подвергались не столько какие-то конкретные действия членов ТКП, сколько теоретические высказывания и труды московских профессоров, возглавлявших якобы эту партию.

Осенью 1930 г. было объявлено о раскрытии ОГПУ вредительской и шпионской организации в сфере снабжения населения важнейшими продуктами питания, особенно мясом, рыбой и овощами. По данным ОГПУ, эта организация возглавлялась бывшим помещиком профессором А.В. Рязанцевым и бывшим помещиком и генералом Е.С. Каратыгиным, а также другими бывшими дворянами и промышленниками, кадетами и меньшевиками, "пробравшимися" на ответственные должности в ВСНХ, в Наркомторг, в Союзмясо, в Союзрыбу, в Союзплодоовощ и другие аналогичные организации. Как сообщалось в печати, эти "вредители" сумели якобы расстроить систему снабжения продуктами питания многих городов и рабочих поселков, организовать голод в ряде районов страны, на них же возлагалась вина за повышение цен на мясо и мясопродукты, за выпуск недоброкачественных консервов и т.п. ОГПУ также не решилось провести по этому делу открытый процесс. В отличие от других подобных процессов приговор на этот раз был крайне суров — все привлеченные по данному делу 46 человек были расстреляны по постановлению закрытого суда. Разумеется, обоснованность подобного рода обвинений и приговора вызывает сегодня законные сомнения.

ПРОЦЕСС ПРОМПАРТИИ И ПРОЦЕСС СОЮЗНОГО БЮРО

С 25 ноября по 7 декабря 1930 г. в Москве проходил новый, теперь уже открытый политический процесс над группой видных технических специалистов, обвиненных во вредительстве и контрреволюционной деятельности, — так называемый процесс Промпартии. Председателем суда был А.Я. Вышинский, одним из государственных обвинителей Н.В. Крыленко. Защитниками на процессе выступали И.Д. Брауде и М.А. Оцеп.

К суду по обвинению во вредительской и шпионской деятельности было привлечено восемь человек: Л.К. Рамзин — директор Теплотехнического института и крупнейший специалист в области теплотехники и котлостроения, а также видные специалисты в области технических наук и планирования: В.А. Ла-

ричев, И.А. Калинин, Н.Ф. Чарновский, А.А. Федотов, С.В. Куприянов, В.И. Очкин, К.В. Ситнин.

Все эти люди, по данным обвинения, представляли собой руководящий комитет созданной якобы еще в конце 20-х гг. подпольной Промышленной партии, которая ставила своей задачей организацию вредительства и диверсий, саботажа и шпионажа, а также помощь в подготовке интервенции западных держав с целью свержения Советской власти. Создание Промпартии связывалось с крупным инженером и промышленником П.А. Пальчинским, который в это время был уже расстрелян в числе пяти жертв "шахтинского дела". Организаторы нового процесса хотели таким образом увязать "шахтинское дело" и дело Промпартии. Было объявлено, что общее число членов Промпартии вместе с периферийными группами составляет около двух тысяч человек, в основном из числа высококвалифицированной технической интеллигенции.

На суде все обвиняемые признали себя виновными и дружно давали самые невероятные и подробные показания о своей шпионской и вредительской деятельности, о связях с эмигрантской организацией Торгпром, с иностранными организациями и посольствами и даже с главой французского правительства А. Пуанкаре. По Советскому Союзу прокатилась в дни процесса волна митингов и собраний, участники которых требовали расстрела обвиняемых. Они и были приговорены к расстрелу, но по решению ЦИК СССР этот приговор был заменен приговором к длительным срокам тюремного заключения.

Но и в западных странах прошла волна обращений и заявлений с протестами против судебного процесса в Москве. Специальное заявление опубликовал Пуанкаре. В этом заявлении говорилось: "...Устраивали ли профессор Рамзин и другие члены Промышленной партии заговор против правительства их страны — этого я не знаю. Я не являюсь их духовником... Я должен, во всяком случае, повторить, что ни Бриан, ни я, ни французский генеральный штаб ничего не знали ни в 1928 году, на раньше или позже о подлинных или мнимых проектах Промышленной партии, что, следовательно, мы никогда их не одобряли и не поощряли... Что касается меня, то в момент врангелевской экспедиции я публично осудил операции подобного рода как иллюзорные и опасные... Если бы мне были известны намерения, приписываемые сегодня Промышленной партии, то я, без сомнения, отнесся бы к ним как к авантюре еще более опасной, чем дело Врангеля, и никоим образом не согласился бы кинуться в эту авантюру. Я хотел бы, чтобы мне сказали, в каком таинственном зале русские заговорщики беседовали с моим двойником и на основании каких полномочий он дал им аудиенцию. Я желал бы прежде всего, чтобы мне сообщили мнимые планы французского генерального штаба и чтобы мне указали, где, когда и при каких

условиях должно было произойти мнимое нападение"¹.

Любопытно, что полный текст заявления Пуанкаре (как и многие подобные заявления) был опубликован в "Правде", оглашен на процессе и приобщен к делу, что должно было продемонстрировать объективность нашего судопроизводства. В 1930 г. доверие публики к советскому суду еще было мало поколеблено, поэтому заявление Пуанкаре, известного противника коммунизма, воспринималось скорее как доказательство существования заговора.

Через несколько месяцев после процесса Промпартии в Москве состоялся еще один открытый политический процесс — судебный процесс по делу так называемого Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиков). К суду были привлечены: В.Г. Громан, член президиума Госплана СССР; В.В. Шер, член правления Государственного банка; Н.Н. Суханов, литератор; А.М. Гинзбург, экономист; М.П. Якубович, ответственный работник Наркомторга СССР; В.К. Иков, литератор; И.И. Рубин, профессор политэкономии, и др., всего 14 человек. Председателем суда на этот раз был Н.М. Шверник, одним из государственных обвинителей Н.В. Крыленко. Обвиняемых защищали И.Д. Брауде и Н. Комодов. Большинство обвиняемых в прошлом действительно принадлежали к партии меньшевиков, но покинули ее и работали затем в хозяйственных и плановых органах. Однако, по данным обвинения, все они в 20-е гг. тайно вступили вновь в партию меньшевиков, образовав подпольный центр этой партии в СССР.

Подсудимые обвинялись во вредительстве, особенно при составлении государственных планов. Если верить обвинению, то подсудимые сознательно занижали эти планы, чтобы сдержать развитие промышленности и сельского хозяйства. Согласно обвинительному заключению, между Союзным бюро, Промпартией и ТКП существовало тайное соглашение об организации интервенции и вооруженных восстаний. При этом Промпартия брала на себя ведение переговоров с правительствами капиталистических стран, формирование "летучих боевых отрядов" из инженеров и техников для организации диверсий и террора, а также организацию военного заговора с участием некоторых лиц из высшего командного состава РККА. ТКП брала якобы на себя организацию крестьянских восстаний и беспорядков в частях Красной Армии, а также снабжение всех восставших против Советской власти продовольствием и оружием. Союзное бюро якобы брало на себя создание в городах отрядов "гражданской гвардии", захват правительственных учреждений, создание первого временного контрреволюционного правительства.

В обвинительном заключении содержались утверждения о тесных связях Союзного бюро с бывшими оппозиционными

¹ "Правда", 3 декабря 1930 г.

группировками в большевистской партии (и "левыми", и "правыми"). Некоторые из пунктов обвинения были прямо направлены против Д.Б. Рязанова, занимавшего в начале 30-х гг. пост директора Института Маркса—Энгельса—Ленина. Крупный теоретик и историк марксизма Д.Б. Рязанов был известен своим отрицательным и даже пренебрежительным отношением к Сталину.

Когда начался процесс, все подсудимые признали себя виновными и дали подробные показания о своей вредительской деятельности. На одном из заседаний суда Н.В. Крыленко огласил опять-таки в целях демонстрации "объективности" специальное заявление заграничного руководства меньшевистской партии по поводу проводимого в Москве процесса. В этом заявлении говорилось: "...1) Выдвинутые против нашей партии обвинения в том, что она вела "вредительскую деятельность", состояла в связи с контрреволюционными организациями русской буржуазии, получала от них денежную помощь и держала курс на военную интервенцию империалистических держав против России, стоят в таком противоречии к общеизвестной позиции и политике русской социал-демократии, что для каждого честного человека сам собой очевиден клеветнический характер этих обвинений, о чем уже публично заявил Исполком II Интернационала.

2) Наша партия, которую большевики, не терпящие никаких других партий в Советском Союзе, лишили всякой возможности легального существования, была вследствие этого вынуждена вести, как во времена царизма, пропаганду и агитацию посредством нелегальных организаций, которыми в Советском Союзе руководило бюро ЦК. Но это бюро никогда не было и не могло быть той коллегией из 14 человек, которых большевики произвольно свалили в одну кучу, которые теперь сидят на скамье подсудимых, подавляющее большинство которых ушло из нашей партии 10 или более лет тому назад, а другие никогда к ней не принадлежали..."

После оглашения заявления заграничной организации меньшевиков подсудимые по предложению Крыленко выступили с опровержением этого заявления и еще раз подтвердили свои прежние показания. Через несколько дней все 14 подсудимых были приговорены к лишению свободы на срок от 5 до 10 лет.

ФАЛЬШИВЫЙ ХАРАКТЕР ПОЛИТИЧЕСКИХ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ 1928—1931 гг.

К сожалению, даже после XX и XXII съездов КПСС во многих книгах, статьях и учебниках по истории партии вопрос о политических судебных процессах 1928—1931 гг. излагался пример-

но так же, как это делалось 50—60 лет назад. Писать подобным образом можно было лишь при крайне некритичном отношении к материалам и документам, которые открыто публиковались в СССР в 1928—1931 гг. и знакомство с которыми не составляет большого труда¹.

Следует сказать, что при внимательном чтении этих протоколов суда, обвинительных заключений, речей прокуроров и защитников создается твердое убеждение в сознательной фальсификации большей части материалов обвинения.

В деле Промпартии неувязки начинаются с обвинительного заключения, в котором говорится, что руководство Промпартии состояло из бывших крупных промышленников или людей, занимавших высокооплачиваемые командные должности в дореволюционной промышленности. Однако, как выяснилось на суде, ни один из восьми обвиняемых не был капиталистом или даже сыном капиталиста. Все происходили из семей ремесленников, крестьян, служащих, небогатых помещиков. В частной промышленности работали до революции только трое, причем Ларичев всего три года. "Одна из исходных причин создания контрреволюционной организации, — говорилось в обвинительном заключении, — это политические убеждения старого инженерства, колебавшегося обычно от кадетских до правых монархических убеждений". Но и это положение не получило подтверждения на процессе. Из восьми подсудимых только Федотов примыкал раньше к кадетам. Остальные мало интересовались политикой, а некоторые состояли в прошлом в РСДРП. Даже Крыленко вынужден был характеризовать некоторых обвиняемых как "политически безыдейных людей, для которых вопросы политики никакой роли не играют". Как указывалось далее в обвинительном заключении, политические настроения обвиняемых "подкреплялись разницей в деловом и бытовом положении инженеров до и после революции; естественным недоверием Советской власти к инженерству". Однако из материалов процесса видно, что все обвиняемые занимали до ареста крупные посты, так что трудно говорить в отношении этих людей о недоверии. Материальное положение большинства обвиняемых было к моменту ареста лучше, чем до революции. Вообще вопрос о мотивах "вредительской деятельности" лидеров Промпартии оказался к концу процесса совершенно запутанным. Перечеркивая сказанное ранее, Н. Крыленко в заключительной речи заявил: "Никаких идей, даже внутренней убежденности у

¹ См. книги и сборники: "Процесс Промпартии". М., 1931; "Процесс контрреволюционной организации меньшевиков". М., 1931; "Социал-интервенты перед судом пролетарской диктатуры". Л., 1931; "Вредители пятiletки". М., 1931; "Вредители рабочего снабжения". М., 1930; Садовский А.А. Завершим разгром Кондратьевщины. М.—Л., 1931; "Экономическая контрреволюция в Донбассе". М., 1928, и др.

них не было и нет и не может быть, ибо вы видели цену, за которую все делалось... лишенные какой-либо идеологической опоры, они шарахнулись в лагерь прямой контрреволюции и как наймиты за деньги стали работать, отказавшись, по существу, от всяких претензий на идеологическое руководство и политическую устойчивость... Рамзин не из тех людей, которые за идею бескорыстно работают. Болтовня, что он не получал за это денег”.

Подобное заявление задело Рамзина, так как оно, по-видимому противоречило заранее согласованному сценарию, и он в своем последнем слове стал возражать Крыленко. “Можно ли было, — сказал Рамзин, — из-за денежных расчетов, из-за приработка 10—20—30% к жалованью рисковать головой, идти на предательство, измену, вредительство? Я думаю, что никто не поверит этому... Что я мог ожидать от перемены власти? Ничего лучшего, во всяком случае, потому что я имел в Советском Союзе то, о чем редко заграничный ученый может мечтать как в смысле материальной обстановки, так и в смысле исключительной благоприятности научной обстановки, в которую я был поставлен”.

Много нелепостей и противоречий можно обнаружить и в показаниях обвиняемых. Так, например, Рамзин говорил, что белоэмигрантские организации устроили ему встречу с руководителями французского генерального штаба, которые ознакомили Рамзина не только с общими решениями Франции о скорой интервенции, но и с оперативными планами французского командования. Рамзину якобы сообщили направления главных ударов французского экспедиционного корпуса и союзников, места высадки десантов, сроки нападения на СССР и т.п. Ясно, однако, что никакой генеральный штаб не стал бы посвящать Рамзина в конкретные планы интервенции, даже если бы такие планы существовали.

Вообще уже для условий конца 20-х гг. являлась крайне сомнительной сама возможность создания на территории СССР подпольных партий, объединявших тысячи членов, со своими центральными комитетами, рассылающими на места письменные директивы и инструкции, имеющими прочные связи с западными посольствами в Москве и заграничными центрами. Кстати, на описываемых нами процессах следствие открыто заявляло суду, что оно не располагает вещественными уликами и документами всех этих подпольных партий. О всякого рода директивах, воззваниях и инструкциях обвиняемых партий, о резолюциях и протоколах заседаний говорилось на процессах немало, но ни один из подобных документов не был представлен суду и общественности. Следствие объявило, что подсудимые успели уничтожить перед арестом все документы. “Проанализируем дальше тот же вопрос, — говорил в заключительной речи на

процессе Промпартии Н.В. Крыленко, — какие улики могут быть? Есть ли, скажем, документы? Я спрашивал об этом; оказывается, там, где они были, там документы уничтожались... Я спрашивал: а может быть, какой-нибудь случайно остался? Было бы тщетно на это надеяться"¹.

Крыленко пытался доказать, что и без документов суд может вынести приговор, опираясь на "чистосердечные показания и признания" обвиняемых. Но почему подсудимые, зная об отсутствии улик, были столь чистосердечны и откровенны? Ведь сам Крыленко в той же речи заявил: "На слово верить гражданину Рамзину и всем остальным, несмотря на их заявления о чистосердечном раскаянии, я не могу и не верю". Трудно было в данном случае обвинению свести концы с концами.

В обвинительном заключении говорилось, что Промпартия планировала назначить на пост министра промышленности и торговли в будущем русском правительстве П.П. Рябушинского, бывшего крупного русского капиталиста, и что с ним об этом в октябре 1928 г. вели переговоры Рамзин и Ларичев. Но после публикации обвинительного заключения многие иностранные газеты сообщили, что П.П. Рябушинский умер еще до 1928 г. и что за границей живут лишь его сыновья. Пришлось на ходу неуклюже перестраиваться. Рамзин, который уже показал, что встречался в Париже с Рябушинским, должен был дать новые пояснения. "В имени Рябушинского, с которым я беседовал, — заявил Рамзин, — у меня полной уверенности не имеется: Петр или Владимир? Я могу его наружность описать, если это представляет интерес.

Крыленко. Важно установить, что это, по-видимому, был Владимир.

Рамзин. Это наиболее вероятно".

Спутать отца с сыном — это было уже слишком.

Неувязка произошла и с известным историком Е.В. Тарле. Он был арестован, и члены Промпартии говорили, что Тарле планировался как будущий министр иностранных дел. Но вскоре Тарле оказался нужен Сталину. Он был без большого шума освобожден и восстановлен в Академии. Из его биографии эпизод с Промпартией был исключен.

Множество противоречий и неувязок было в показаниях о составе ЦК Промпартии, количестве денег, полученных из-за границы, о разного рода конкретных актах "вредительства". Иногда председателю суда приходилось прямо-таки подсказывать подсудимым — в чем именно заключалась их вредительская деятельность. Любопытен в этом отношении диалог Вышинского и Федотова:

¹"Пролетарский приговор над вредителями-интервентами". М.—Л., 1930, с. 32.

В ы ш и н с к и й. Была ли директива строить новые фабрики при недостаточном использовании существующих?

Ф е д о т о в. Нет, такой директивы не было.

В ы ш и н с к и й. Не было?

Ф е д о т о в. Позвольте, была директива, чтобы строить новые фабрики, несмотря на то, что существуют фабрики.

В ы ш и н с к и й. Нет, тут ничего вредительского нет. Строить фабрики нужно.

И далее Вышинский наводит Федотова на мысль, что директива заключалась в том, чтобы строить фабрики при неполной загрузке существующих производственных мощностей. И Федотов соглашается, что "если бы не вредительство, то можно было бы построить меньшее количество фабрик, правда, не много меньше, может быть, на одну-две, но все-таки этим путем сохранить некоторое количество валюты".

Вредительством была объявлена плохая связь научно-исследовательских институтов с производством, о чем наша печать пишет порой и сегодня. Даже осушение болот в приграничных районах объявлялось вредительством с целью облегчения интервенции.

Множество нелепостей было и на процессе Союзного бюро. Самый уязвимый пункт обвинительного заключения по новому делу — связь Союзного бюро и Промпартии. О ней говорилось подробно и в обвинительном заключении, и в показаниях подсудимых. Рамзин был на новом процессе важным свидетелем, и он много говорил о связях Промпартии, ТКП и Союзного бюро. Но ведь на недавнем еще процессе Промпартии не было никаких упоминаний о Союзном бюро и его деятелях. А между тем к моменту процесса Промпартии основные деятели Союзного бюро, представшие перед судом в начале 1931 г., были уже арестованы. Чтобы как-то объяснить это недоразумение, было объявлено, что у членов Союзного бюро удалось добиться "чистосердечных признаний" только к декабрю 1930 г., а члены Промпартии не были на своем процессе достаточно искренни. Между тем совершенно очевидно, что сама мысль об организации процесса Союзного бюро пришла Сталину и его помощникам уже после "успеха" процесса Промпартии. Соответственно стали готовиться и нужные для нового процесса легенды. В спешке было допущено немало неувязок. В обвинительном заключении, например, говорилось, что вопрос о соглашении между Союзным бюро и Промпартией обсуждался на третьем пленуме Бюро в апреле 1930 г. Между тем к апрелю 1930 г., по данным предыдущего процесса, Промпартия была уже разгромлена. Поэтому, выступая на суде, Шер внес поправку: оказывается вопрос о связи с Промпартией обсуждался еще на втором пленуме Союзного бюро в 1929 г. В обвинительном заключении цитируются показания Суханова о его трех встречах с Рамзиным и получении из

рук в руки 30 тыс. рублей. Но на суде неожиданно выяснилось, что Рамзин ничего не знает про Суханова, а Суханов никогда не встречался с Рамзиным. Показания были сразу же изменены: деньги для Бюро получал Громан, а вручал их Ларичев.

В ходе судебного разбирательства подтвердилось, что большинство подсудимых не имели никаких связей с меньшевиками до 1927, а некоторые были в 20-е гг. не меньшевиками, а большевиками (Финн-Енотаевский). Почему же эти люди вдруг назначены руководителями Союзного бюро меньшевиков? Крайне бессвязные и противоречивые показания подсудимых на этот счет ничего не прояснили. По-разному рассказывали подсудимые о содержании пленумов и совещаний, проведенных якобы Союзным бюро. Неубедительными и полными неувязок были показания подсудимых об их встречах с одним из руководителей зарубежного центра партии меньшевиков Р. Абрамовичем, который якобы нелегально приезжал в СССР инструктировать своих сторонников.

Абсолютно неубедительны и примеры "вредительства" членов Союзного бюро. Так, например, президиум ВСНХ наметил на 1929/30 г. снизить себестоимость промышленной продукции на 10%. Соколовский "вредительски" изменил эту цифру на 9,5%. И хотя промышленность не могла достигнуть и этой цифры, Соколовский "признавался", что его неосуществившиеся намерения были все же "вредительскими". В то время как члены Промпартии признавались, что они в целях вредительства завышали плановые наметки, члены Союзного бюро обвинялись, напротив, в составлении заниженных планов. При этом цитировались речи обвиняемых на заседаниях Госплана, в которых они возражали против чрезмерно высоких новых заданий на пятилетку, полученных от Политбюро. Вообще, читая материалы судебных процессов 1930—1931 гг., можно подумать, что пятилетние планы составлялись членами Союзного бюро и Промпартии, а не обсуждались в деталях на партийных конференциях и съездах. Точно так же, знакомясь с показаниями обвиняемых о сознательном расстройстве ими снабжения продовольственными и промышленными товарами городов и сел, можно подумать, что во всех хозяйственных наркоматах и в Наркомате торговли именно "вредители" были полными хозяевами положения. Между тем главные вопросы снабжения решались даже не в наркоматах, а на заседаниях Политбюро.

Явно инспирированными были и показания членов Союзного бюро о деятельности II Интернационала. Эти показания должны были подкрепить ошибочную доктрину "социал-фашизма", о которой мы еще будем говорить, но они не соответствовали реальным фактам.

Довольно странной была и последующая судьба некоторых подсудимых. В то время, как все 46 "вредителей снабжения"

были расстреляны, хотя их организация была, по версии обвинения, лишь одним из филиалов в Промпартии, руководитель Промпартии Л.К. Рамзин, "кандидат в диктаторы", "шпион", "организатор диверсий и убийств", был помилован. Ему разрешили, находясь в заключении, заниматься научной работой. Всего через пять лет после процесса Рамзин был освобожден и награжден орденом Ленина за заслуги в котлостроении. Позднее он получил Сталинскую премию и умер в 1948 г., занимая ту же должность директора Московского теплотехнического института, какую занимал до процесса Промпартии.

ЗА КУЛИСАМИ СУДЕБНЫХ ИНСЦЕНИРОВОК

Мы уже писали о том, что Сталин пытался свалить на вредительство "буржуазных" специалистов все ошибки и просчеты своего руководства в первые годы коллективизации и индустриализации. Сталин хотел также приписать себе несуществующие заслуги в предотвращении иностранной интервенции и в разгроме подпольных контрреволюционных партий. Иными словами, он стремился нажать пусть и фиктивный, но важный для него политический капитал. К тому же, организуя политические судебные процессы, Сталин сознательно нагнетал в стране напряженность, чтобы заставить замолчать своих критиков и лишний раз бросить тень на бывших лидеров оппозиционных групп 20-х гг.

Возникает, однако, вопрос: каким образом удалось заставить обвиняемых публично клеветать на себя и на многих других, придумывать несуществующие организации и несовершенные преступления? Это было сделано путем применения пыток и многих других средств незаконного давления на арестованных ОГПУ людей. Но Сталину не удалось уничтожить всех свидетелей своих преступлений. Остался жив, несмотря на тяготы 24-летнего заключения, М.П. Якубович, один из главных обвиняемых на процессе Союзного бюро. После освобождения он находился в инвалидном доме в Караганде, но каждый год приезжал в Москву¹. Он несколько раз беседовал со мной, подробно рассказывая о методах подготовки судебных процессов начала 30-х гг. Решив раскрыть правду об этих процессах, М.П. Якубович столь же подробно беседовал в 1966—1967 гг. и с А.И. Солженицыным. Последний расспрашивал Якубовича о всей его жизни, о революции 1917 г. и деятелях различных левых партий, которых М.П. Якубович хорошо знал. Часть этих сведений Солженицын приводит в своей книге "Архипелаг ГУЛАГ". К сожалению, Солженицын искажает многие свидетельства Якубови-

¹ М.П. Якубович умер в 1980 г. в возрасте 90 лет.

ча. Так, например, ложные показания Якубовича на процессе Союзного бюро Солженицын объявляет результатом добровольного согласия подсудимого, его искреннего желания помочь коммунистической партии в борьбе с меньшевиками. Солженицын пытается доказать наличие добровольного сговора между Якубовичем и Крыленко. Но автор "Архипелага ГУЛАГ" умалчивает о том, что Якубович попал в кабинет Крыленко уже после многонедельных страшных пыток, после попытки самоубийства, после угрозы следователя все время держать Якубовича в камере пыток. О человеке, который провел почти 25 лет в лагерях и тюрьмах, проявив при этом, по свидетельству своих сокамерников, самые высокие человеческие качества, Солженицын пишет почти как о провокаторе, как о "находке для прокуратуры". А все потому, что Якубович, будучи в 1917 г. меньшевиком, стал затем сотрудничать с большевиками и остался даже после выхода из лагеря сторонником социализма.

М.П. Якубович не ограничился лишь устными свидетельствами. В мае 1967 г. он составил и направил в Прокуратуру СССР письмо, копии которого он передал некоторым из своих друзей. Мы приводим ниже это письмо с небольшими купюрами.

«Генеральному прокурору СССР

В связи с проверкой, произведенной Прокуратурой СССР по делу, по которому я был осужден в 1931 году, представляю следующее объяснение: никакого Союзного бюро меньшевиков в действительности никогда не существовало. Осужденные по делу не все знали друг друга и не все принадлежали в прошлом к меньшевистской партии. Большинство обвиняемых в той или другой степени имели, однако, в прошлом связи с меньшевистской партией. Некоторые — весьма слабую и случайную, другие принадлежали к ее основным и даже руководящим кадрам... Но и те и другие уже давно порвали с меньшевиками при разных обстоятельствах и по разным мотивам. Единственный участник процесса, действительно сохранивший связь с меньшевистским центром (как я узнал от него впоследствии в Верхнеуральском политизоляторе) и даже являвшийся председателем или секретарем меньшевистского бюро, — В.К. Иков — ни одним словом не обмолвился перед следствием и на суде о своих действительных партийных связях и своей деятельности, и даже само существование Московского бюро осталось не вскрытым на следствии и на суде.

...Следователи ОГПУ и не стремились ни в какой мере вскрыть действительные политические связи и действительную политическую позицию Икова или кого-либо другого из обвиняемых. У них была готовая схема "вредительской" организации, которая могла быть сконструирована только при участии крупных и влиятельных работников государственного аппарата, а настоящие подпольные меньшевики такого положения не за-

нимали и поэтому для такой схемы не годились. По-видимому, эта схема была подсказана работникам ОГПУ руководителями двух ранее намеченных вредительских процессов — Промпартии и ТКП — Рамзиным и Кондратьевым, которые впоследствии выступали свидетелями обвинения на процессе Союзного бюро. Им необходимо было для стройности процесса и политической композиции дополнить нарисованную картину наличием третьей политико-вредительской организации — социал-демократической. Так мне объяснял, между прочим, посаженный ко мне на несколько дней в камеру — очевидно, для разъяснения следственной ситуации — один из крупных участников ТКП профессор Л.Н. Юровский, признавший себя “министром финансов” в “теневом кабинете” Н.Д. Кондратьева.

Идея Кондратьева была полностью подхвачена его личным приятелем В.Г. Громаном, которого сотрудники ОГПУ, явившиеся арестовывать Кондратьева, застали у него на квартире, что и явилось первоначально поводом для возбуждения следствия против Громана. Громану было обещано следствием, что в случае содействия с его стороны в организации процесса вредителей меньшевиков ему будет гарантировано возвращение на работу с последующей полной амнистией. Впоследствии, когда осужденные по процессу Союзного бюро были доставлены в Верхнеуральский политизолятор, Громан в помещении “вокзала” изолятора громогласно, с негодованием и отчаянием воскликнул: “Обманули!”. Готовность Громана взять на себя организацию процесса была подкреплена его алкоголизмом. Следователи подпаивали его и получали все желательные для них показания.

Деятельным помощником Громана в создании версии вредительской меньшевистской организации явился обвиняемый Петунин — человек малоинтеллигентный, к меньшевистской партии примкнувший после Февральской революции и вскоре после Октябрьской победы большевиков ее покинувший. По его рассказам — впоследствии в Верхнеуральске, — он “скалькулировал”, что наиболее выгодным в создавшихся для него после ареста условиях является деятельное содействие следствию в конструировании вредительского процесса, за что он получит от ОГПУ соответствующее вознаграждение в виде возвращения свободы и предоставления работы. В противном случае он может попасть на длительный срок в заключение и даже погибнуть. Петунину принадлежала мысль создать Союзное бюро по принципу ведомственного представительства: 2 человека от ВСНХ, 2 — от Наркомторга, 2 — от Госбанка, 1 — от Центросоюза, 1 — от Госплана. При этом он назвал поименно этих “ведомственных представителей” — из числа руководящих работников соответствующего аппарата, о которых он слышал, что это бывшие меньшевики...

Тогда началось “извлечение признаний”. Некоторые, подоб-

но Громану и Петунину, поддались на обещание будущих благ. Других, пытавшихся сопротивляться, "вразумляли" физическими методами воздействия — избивали (били по лицу и голове, по половым органам, валили на пол и топтали ногами, лежавших на полу душили за горло, пока лицо не наливалось кровью и т.п.), держали без сна на "конвейере", сажали в карцер (полураздетыми и босиком на мороз или в нестерпимо жаркий и душный без окон) и т.д. Для некоторых было достаточно одной угрозы подобного воздействия — с соответствующей демонстрацией. Для других оно применялось в разной степени — строго индивидуально — в зависимости от сопротивления каждого. Больше всех упорствовали в сопротивлении А.М. Гинзбург и я. Мы ничего не знали друг о друге и сидели в разных тюрьмах: я — в Северной башне Бутырской тюрьмы, Гинзбург — во внутренней тюрьме ОГПУ. Но мы пришли к одинаковому выводу: мы не в силах выдержать применяемого воздействия и нам лучше умереть. Мы вскрыли себе вены. Но нам не удалось умереть. После покушения на самоубийство меня уже больше не били, но зато в течение долгого времени не давали спать. Я дошел до такого состояния мозгового переутомления, что мне стало все на свете все равно: какой угодно позор, какая угодно клевета на себя и на других, лишь бы заснуть. В таком психическом состоянии я дал согласие на любые показания. Меня еще удерживала мысль, что я один впал в такое малодушие, и мне было стыдно за свою слабость. Но мне дали очную ставку с моим старым товарищем В.В. Шером, которого я знал как человека, прошедшего в рабочем революционном движении задолго до победы революции из богатой буржуазной среды — то есть как человека, безусловно, идейного. Когда я услышал из уст Шера, что он признал себя участником вредительской меньшевистской организации — Союзного бюро — и назвал меня как одного из его членов, я тут же, на очной ставке, окончательно сдался. Дальше я уже несколько не сопротивлялся и писал любые показания, какие мне подсказывали следователи: Д.З. Апресян, А.А. Наседкин, Д.М. Дмитриев.

...Было ли какое-нибудь вредительство в Наркомторге в деле планирования и использования промышленных товаров, в чем и Л.Б. Залкинда обвиняли? Не только не было, но и не могло быть. Ведь планы "завоза промышленных товаров" по экономическим районам, составленные мною и руководимым мною Управлением промышленных товаров, я докладывал на заседаниях коллегии Наркомторга с подробным обоснованием и разъяснением каждого назначения. В заседаниях коллегии принимали участие ответственные и опытные партийные работники и эксперты от разных ведомств — ВСНХ, Наркомфина, крупных хозяйственных объединений, например текстильного синдиката. Председательствовал на коллегии А.И. Микоян, который

критически, даже придирчиво рассматривал каждую цифру, прежде чем согласиться на ее утверждение. О каком вредительстве в такой обстановке могла идти речь? Что же, все были слепцы, кроме меня? Такого нелепого предположения невозможно сделать. Да, я пользовался доверием коллегии, наркома и всех ответственных работников, знавших меня. Но это доверие было завоевано обоснованностью и убедительностью докладов, которые я делал, а также многими годами работы в советском государственном аппарате, начиная с его первоначальной организации, наконец, "советской политической линией", которую я проводил — сперва в рядах меньшевистской партии, а затем, порвав с ней, когда убедился, что не могу повернуть ее на советский путь. В следственном деле есть показания, написанные моей рукой, в которых перечисляются вредительские акты с указанием "исходящих" номеров из наркомата. Но ведь я в тюрьме ни одного документа не видел, и их мне никто не показывал. Эти номера взяты "с потолка" и рассчитаны на то, что их никто не будет проверять.

...Когда Союзное бюро было "сформировано" на "международной основе", его пополняли, по указанию следователей, дополнительными членами. В их числе оказался, между прочим, и В.К. Иков — неожиданно для основных "участников" Союзного бюро. Как проходило это пополнение, можно судить на примере М.И. Тейтельбаума. Уже состав Союзного бюро был определен и согласован следствием и обвиняемыми, когда меня вызвал из камеры следователь Апресян. В его кабинете я застал Тейтельбаума, которого никто из обвиняемых в своих показаниях не называл. Я знал Тейтельбаума много лет как партийного работника, социал-демократа. В прошлом он был большевиком, во время первой мировой войны перешел к меньшевикам, в 1917 году состоял секретарем Московского комитета меньшевиков, после Октябрьской революции порвал с меньшевиками и работал в заграничном аппарате Наркомвнешторга. Когда я вошел, следователь Апресян поднялся и вышел, оставив нас вдвоем. Тейтельбаум обратился ко мне: "Я уже давно сижу в тюрьме. Меня били и требовали признания в том, что я брал взятки за границей с капиталистических торговых фирм. Я не выдержал истязаний и "признался". Это ужасно — ужасно жить и умереть с таким позором. Следователь Апресян вдруг мне сказал: "Может быть, Вы хотите переменить показания — признаться в участии в контрреволюционном меньшевистском Союзном бюро? Тогда у Вас будет не уголовное, а политическое преступление". "Да, хочу, — ответил я, — как это сделать?" Апресян говорит: "А я сейчас позову Якубовича. Вы его знаете?" "Знаю". Вот он и позвал Вас. "Товарищ Якубович, умоляю вас — включите меня в Союзное бюро. Лучше я умру как контрик, а не как мошенник и негодяй". Тут в комнату вошел Апре-

сян. "Ну как, договорились?" — обратился он к нам с усмешкой. На меня смотрели с мольбой полные отчаяния глаза Тейтельбаума. "Я согласен, — сказал я, — подтверждаю участие Тейтельбаума в Союзном бюро". "Ну вот и хорошо, — сказал Апресян, — пишите показания, а остальные за вами подпишут. А вы, Тейтельбаум, заново пишите все показания, а старые я уничтожу". Вот так формировалось Союзное бюро.

За несколько дней до начала процесса состоялось первое "организационное заседание" Союзного бюро в кабинете старшего следователя Д.М. Дмитриева и под его председательством. В этом заседании, кроме 14 обвиняемых, приняли участие Апресян, Наседкин и Радищев. На заседании обвиняемые познакомились друг с другом, и согласовывалось — репетировалось — их поведение на суде. На первом заседании эта работа не была закончена, и оно было повторено.

Я был в смятении. Как вести себя на суде? Отрицать данные на следствии показания? Попытаться сорвать процесс? Устроить мировой скандал? Кому он пойдет на пользу? Разве это не будет ударом в спину Советской власти? Коммунистической партии? Я не вступил в нее, уйдя от меньшевиков в 1920 году, но ведь я политически и морально был с нею и остаюсь с нею. Какие бы преступления ни совершал аппарат ОГПУ, я не должен изменять партии и государству. Не скрою, я думал и о другом. Если я откажусь от ранее данных показаний на процессе, что со мной сделают палачи-следователи? Страшно об этом и подумать. Если бы только смерть. Я хочу смерти. Я искал ее и пытался умереть. Но ведь они умереть не дадут — они будут медленно пытаться, пытаться бесконечно долго. Не будут давать спать до тех пор, пока не наступит смерть. А когда она наступит от бессонницы? Раньше, вероятно, придет безумие. Как на это решиться? Во имя чего? Если бы я был врагом Коммунистической партии и Советского государства, я нашел, может быть, нравственную опору своему мужеству в ненависти к ним. Но ведь я не враг. Что же может побудить меня на такое отчаянное поведение на суде?

С такими мыслями и в таком душевном состоянии меня вывели из камеры и привели в кабинет, где сидел Н. В. Крыленко, назначенный государственным обвинителем на наш процесс. Я знал Крыленко давно — еще с дореволюционных времен. Знал близко. В 1920 г., когда я был смоленским губпродкомиссаром, он приезжал в Смоленск в качестве уполномоченного ЦК партии по наблюдению и руководству заготовкой хлеба. Некоторое время он жил в моей квартире. Мы спали в одной комнате...

Предложив мне сесть, Крыленко сказал: "Я не сомневаюсь, что вы лично ни в чем не виноваты. Мы оба выполняем наш долг перед партией, — я вас считал и считаю коммунистом — я буду обвинителем на процессе, вы будете подтверждать данные на

следствии показания. Это наш с вами партийный долг. На процессе могут возникнуть непредвиденные осложнения. Я буду рассчитывать на вас. Я попрошу в случае надобности председателя дать вам слово. А вы найдете, что сказать". Я молчал. "Договорились?" — спросил Крыленко. Я что-то невнятно пробормотал, но в том смысле, что обещаю ему выполнить свой долг. Кажется, на глазах у меня были слезы. Крыленко приветственно помахал рукой. Я вышел.

На процессе действительно возникло осложнение, предвиденное Крыленко. Так называемая Заграничная делегация меньшевистской партии обратилась к суду с пространной телеграммой-протестом, опровергающей материалы происходящего процесса. Крыленко огласил эту телеграмму на суде и, окончив чтение, попросил председательствующего Н. М. Шверника предоставить слово для ответа подсудимому Якубовичу. Мое положение было бы весьма затруднительным, если бы Заграничная делегация в своей телеграмме, честно отвергая лживые измышления о якобы совершившемся по ее указаниям вредительстве, высказывала бы сочувствие к обвиняемым, вынужденным насильем давать ложные показания. Что мог бы я противопоставить таким заявлениям? Но Заграничная делегация сама облегчила мою роль. Отвергая обвинительный материал, она вместе с тем заявляла, что подсудимые не имеют и никогда не имели никакого отношения к социал-демократической меньшевистской партии, что это не более, как провокаторы, подкупленные Советским правительством. Тут я уже мог говорить правдиво и честно, изобличая Заграничную делегацию во лжи и лицемерии, напоминая о роли и заслугах в истории меньшевистской партии ряда подсудимых и обвиняемых и обвиняя меньшевистское руководство в измене революции и предательстве интересов социализма и рабочего класса. Я говорил с эмоциональным подъемом и силой убеждения. Это была одна из моих лучших политических переполненных Колонного зала (я это чувствовал по моему ораторскому опыту) и, пожалуй, была кульминационным пунктом процесса — обеспечила его политический успех и значение. Мое обещание, данное Н. В. Крыленко, было выполнено.

На другой день, начиная свои показания перед судом, А. Ю. Финн-Енотаевский заявил, что он полностью присоединяется ко всему сказанному мною в адрес Заграничной делегации, и добавил, что я выступал в данном случае от имени всех обвиняемых.

Процесс прошел гладко — с внешним правдоподобием. Несмотря на допущенные следствием грубые ошибки в его мотивировании. В особенности в эпизоде с якобы имевшим место нелегальным приездом в Советский Союз члена меньшевистского ЦК Р. А. Рейн-Абрамовича. Надо было знать Абрамови-

ча, как я знал его, чтобы понять всю нелепость утверждения о возможности его нелегального приезда в СССР. Во всем составе Заграничной делегации не было человека, менее способного на подобный риск. Как на предварительном, так и на судебном следствии мне удалось уклониться от подтверждения своего свидания с ним. Но Громан и некоторые другие подсудимые наперебой рассказывали о своих с ним встречах. Я слышал впоследствии, что Абрамович опубликовал на Западе неопровержимые доказательства своего алиби....

В своей "защитительной" речи я сказал, что преступления, в которых я сознался, заслуживают высшей меры наказания, что требование государственного обвинителя не является преувеличенным, что я не прошу у Верховного суда сохранения мне жизни. Я хотел умереть. После дачи мною ложных показаний на следствии и на суде я ничего не хотел, кроме смерти, я не хотел жить покрытый позором. Когда после моего выступления я сел на свое место на скамье подсудимых, Громан, сидевший рядом со мной, схватил меня за руку и в гневе, и в отчаянии проговорил полушепотом: "Вы сошли с ума! Вы нас всех погубите! Вы не имели права перед товарищами так говорить!"

Но нас не приговорили к смерти.

Когда после приговора нас выводили из зала, я столкнулся в дверях с А. Ю. Финн-Енотаевским. Он был старше по возрасту всех подсудимых и старше меня на 20 лет. Он мне сказал: "Я не доживу до того времени, когда можно будет сказать правду о нашем процессе. Вы моложе всех — у вас больше, чем у всех остальных, шансов дожить до этого времени. завещаю вам рассказать правду".

Исполняя это завещание моего старшего товарища, я пишу эти объяснения и давал устные показания в Прокуратуре СССР. 5 мая 1967 года.

Михаил Якубович».

Заявление М. П. Якубовича в Прокуратуру СССР является не единственным документом, раскрывающим механику подготовки политических судебных процессов 1930—1931 гг. Мне был передан еще один документ "Записки" Б. И. Рубиной о своем брате И. И. Рубине, который также сидел на скамье подсудимых по делу Союзного бюро.

И. И. Рубин, видный ученый в области политической экономики, принимал участие в революционном движении еще с 1905 г. Он был вначале членом Бунда, затем примкнул к меньшевикам. Но после 1924 г. Рубин отошел от политики и посвятил себя исследованиям в области политэкономии. Он работал в Институте Маркса—Энгельса—Ленина и пользовался большим доверием директора этого института Д. Б. Рязанова. Включение Рубина в Союзное бюро было предпринято главным образом для

того, чтобы скомпрометировать Рязанова, к которому Сталин относился с крайней неприязнью.

После процесса Союзного бюро Рубин находился три года в одиночном заключении, а затем был сослан в Актюбинск. Сюда к нему приехала жена, а затем и сестра, которым он рассказал об обстоятельствах, которые вынудили его дать ложные показания о себе и Рязанове.

«Вот что я узнала от своего брата, — пишет в своих воспоминаниях Б. И. Рубина. — Когда его арестовали 23 декабря 1930 года, ему предъявили обвинение, что он является членом Союзного бюро меньшевиков. Обвинение это показалось ему настолько нелепым, что он немедленно подал письменное заявление с изложением своих взглядов, что должно было, по его мнению, убедить в невозможности такого обвинения. Когда следователь прочел его заявление, он тут же разорвал его. Брату устроили очную ставку с Якубовичем, который был арестован ранее и признал себя членом Союзного бюро. Мой брат даже и знаком не был с Якубовичем. На очной ставке, когда Якубович, обратившись к моему брату, сказал: "Исаак Ильич, мы же вместе с вами были на заседании Союзного бюро", — мой брат сразу спросил его: "А где это собрание происходило?" Этот вопрос вызвал такое замешательство в ходе допроса, что следователь, тут же прервав допрос, сказал: "Ну и юрист же вы, Исаак Ильич!" Мой брат действительно был юристом, многие годы работал в этой области. После этой очной ставки обвинение Рубина как члена Союзного бюро отпало. Вскоре брата перевели в Суздаль.

...Допросы в Суздале также не дали следователям желаемых результатов. Тогда Рубина посадили на сутки в карцер. Мой брат был к 45 годам человеком с большим сердцем и большими суставами. Карцер представлял собой каменный мешок в человеческий рост, двигаться в нем нельзя было, можно было лишь стоять или сидеть на каменном полу. Но и это испытание мой брат перенес и вышел из карцера с чувством внутренней уверенности в себе, в свои моральные силы... Затем последовало вторичное заключение в карцер, которое также не дало никаких результатов. Сидел в это время Рубин в камере с Якубовичем и Шером. По выходе из карцера сокамерники встречали его с большой заботой и вниманием; ему тут же приготовили чай, отдавали сахар и другие продукты и всячески старались показать ему свое сочувствие. Рассказывая об этом, Рубин говорил, что это его так удивляло: эти же люди оговаривали его и в то же время так тепло относились к нему. Вскоре Рубин был переведен в одиночку; это явилось поводом для всякого рода мучительных издевательств над ним. Он был лишен всех личных вещей, которые с собой привез, даже носовых платков. В это время он заболел гриппом, ходил с распухшим носом, в язвах,

грязный. Тюремное начальство часто устраивало проверку состояния его камеры, и стоило им обнаружить какое-нибудь отклонение от правил содержания камеры, его посылали чистить отхожие места. Принимались всяческие меры, чтобы сломить его волю... говорили, что жена его очень больна, на что он отвечал: "Ничем не могу помочь ей, я и себе не могу помочь". Были случаи, когда следователь, дружески обратившись к Рубину, говорил: "Исаак Ильич, это нужно партии". Одновременно применялись ночные допросы, когда человеку ни минуты не давали вздремнуть, будили его, опять донимали всякими допросами, называли "меньшевистским иисусиком". Так продолжалось до 28 января 1931 года. Ночью с 28 на 29 января его отвели в подвал, где были разные тюремные чины и арестованный, некто Васильевский, которому в присутствии моего брата сказали: "Мы вас сейчас расстреляем, если Рубин не признается". Васильевский на коленях умолял моего брата: "Исаак Ильич, ну что вам стоит признаться". Но брат остался тверд и спокоен, даже тогда, когда Васильевского тут же расстреляли. Чувство внутренней правоты было так сильно, что помогло перенести это страшное испытание. Назавтра, в ночь с 29 на 30 января, брата опять повели в подвал. На этот раз там был молодой человек, похожий на студента, брат его не знал. Когда к этому студенту обратились со словами: "Вы будете расстреляны, потому что Рубин не признается", — студент разорвал рубаху на груди и сказал: "Фашисты, жандармы, стреляйте!" Его тут же расстреляли, фамилия студента была Дороднов. Расстрел Дороднова произвел на моего брата потрясающее впечатление. И, придя обратно в свою камеру, он задумался. Что же делать? Брат решил начать переговоры со следователем, переговоры эти продолжались с 2 по 21 февраля 1931 года... Договорились о том, что брат согласился признать себя членом программной комиссии при Союзном бюро и что он, Рубин, хранил в своем рабочем кабинете в институте документы меньшевистского центра, причем, уволившись из института, он в запечатанном конверте передал их Рязанову как документы из истории социал-демократического движения. При этом Рубин просил якобы Рязанова на короткое время сохранить у себя эти документы. В этих переговорах борьба шла за каждое слово, за каждую формулировку. Неоднократно написанное Рубиным "признание" перечеркивалось и исправлялось следователем. Когда Рубин 1 марта 1931 года вышел на суд, у него в боковом кармане пиджака лежало его "признание", исправленное красными чернилами следователя. Положение Рубина было трагическим: он должен был признать то, чего не было, а не было ничего; не было его прежних взглядов, не было и не могло быть его связи с другими подсудимыми, большинство которых он и не знал, а с другими был случайно знаком, не было никаких доку-

ментов, которые ему будто бы передали на хранение, и не было того закрытого пакета с документами, который он якобы передал Рязанову. В ходе допросов и переговоров со следователем для Рубина стало ясно, что имя Рязанова будет фигурировать в этом деле если не в показаниях Рубина, то в показаниях кого-либо другого. И Рубин согласился выступить со всей этой историей с мифическим пакетом. Для брата выступить против Рязанова — это было все равно, что против отца родного, как сказал мне брат. Это был самый тяжелый для него момент, и он решил поставить вопрос так, что он обманул Рязанова, который ему безгранично доверял. И это положение о личном доверии Рязанова и об обмане этого доверия Рубиным брат упорно проводил во всех своих показаниях. С этой позиции его никто и ничто не могло сдвинуть. Показание от 21 февраля фигурирует в обвинительном заключении по этому делу, подписанном Крыленко 23 февраля 1931 года. В этом показании сказано, что документы в запечатанном конверте Рубин передал Рязанову и просил на короткое время оставить в институте. Эту позицию об обмане им доверия Рязанова брат подчеркивал во всех своих показаниях как до суда, так и на суде. На суде он рассказал ряд случаев, которые должны были объяснить, почему Рязанов мог Рубину так доверять... Такая постановка вопроса разрушала намерения прокурора в этом вопросе. Он задал прямой вопрос Рубину: "Вы организационную связь не устанавливали?" На это Рубин ответил: "Нет, никакой организационной связи не было, было только большое личное доверие ко мне". Тогда Крыленко попросил устроить перерыв. Когда он и другие подсудимые перешли в другую комнату, Крыленко обратился к Рубину со словами: "Вы сказали не так, как следовало сказать, после перерыва я вас снова вызову и вы исправите своей ответ". Рубин резко ответил: "Не вызывайте меня больше, я опять повторю то, что сказал". Это столкновение имело своим следствием то, что вместо условленных трех лет заключения Рубину дали пять лет, и то, что в своем заключительном выступлении Крыленко дал Рубину такую уничижительную характеристику, как никому другому. Рубин поставил себе целью все сделать, что в его силах, чтобы выгородить Рязанова... Возможность так определить свою позицию на суде в отношении Рязанова дала Рубину известное моральное удовлетворение. Но эти юридические тонкости были мало кому понятны. Политически Рязанов был скомпрометирован. А Рубин вообще вычеркнут из числа лиц, имеющих право на жизнь, достойную человека. Рубин сам себя в своем сознании вычеркнул из числа таких лиц, как только начал давать показания... Рубин прекрасно понимал, что своим признанием он поставил крест на своей жизни, честной, незапятнанной, полной труда и достижений в избранной научной области. Но не это главное. Главное —

это то, что он был уничтожен как человек... Все знали, каким уважением были связаны эти два человека — Рубин и Рязанов. Рязанов, который был значительно старше Рубина, видел в последнем талантливого ученого-марксиста, посвятившего свою жизнь изучению и популяризации марксизма. Как человеку Рязанов ему безгранично доверял; он сам был в недоумении от происходящего. Тут я хочу остановиться на таком эпизоде, очень тяжелом, — очная ставка Рубина с Рязановым. Очная ставка была в присутствии следователя. Рубин, бледный и измученный, обратившись к Рязанову, сказал: "Давид Борисович, помните я вам передал пакет?" Сказал ли что-нибудь Рязанов и что именно, я не помню. Брата тут же отвели в камеру; в камере он начал биться головой об стену. Кто знал спокойствие и выдержанность Рубина, может понять, до какого состояния он был доведен. По слухам, Рязанов говорил, что не понимает, что случилось с Исааком Ильичом.

В Актюбинске брат поступил работать в потребкооперацию плановиком-экономистом. Кроме того, он продолжал заниматься своей научной работой. Летом 1935 года тяжело заболела его жена. Брат прислал мне телеграмму, просил приехать. Я тут же выехала в Актюбинск, жена брата лежала в больнице, сам он был в очень тяжелом состоянии. Через месяц, когда жена его поправилась, я уехала домой в Москву... Брат сказал мне, что в Москву он и не хочет вернуться, не хочет встречаться с прежним кругом знакомых. Это показывало, как глубоко он потрясен всем пережитым. Только большой оптимизм, присущий ему, и глубокие научные интересы давали ему силы жить.

Осенью 1937 года при массовых арестах того времени брат мой был снова арестован. Тюрьма в Актюбинске была переполнена, условия содержания заключенных были ужасающими. После краткого пребывания в тюрьме он из Актюбинска был куда-то переведен. Больше мы о нем ничего не могли узнать».

Заслуживает быть отмеченной трагическая судьба Н. Суханова, автора "Записок о революции", человека, сыгравшего важную роль в первые дни Февральской революции 1917 года. Сломленный на предварительном следствии, Суханов не "подвел" своих следователей на процессе. Однако в дальнейшем Суханов нашел в себе силы для протеста и после нескольких голодовок он был освобожден из заключения. Но в 1937 г. Суханов был вновь арестован и погиб в заключении. Он умер в лагере или был расстрелян в 1940 г.

МАССОВЫЕ РЕПРЕССИИ СРЕДИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И СПЕЦИАЛИСТОВ

Политические процессы конца 20-х — начала 30-х гг. послужили поводом для массовых репрессий против старой, или "бур-

жуазной", интеллигенции, представители которой работали в различных наркоматах, учебных заведениях, в Академии наук, в музеях, кооперативных организациях, а также в армии. Среди этих людей было немало бывших членов кадетской партии, даже умеренных монархистов, участников националистических движений, а также бывших меньшевиков, эсеров. Только очень немногие из них в 20-е гг. примкнули к большевикам. Большинство же вообще не занималось политикой. Однако, пользуясь относительной свободой времен нэпа, некоторые деятели старой интеллигенции принимали участие в работе различного рода религиозно-этических кружков и групп, литературных и национальных объединений. Между той частью старой интеллигенции, которая осталась в СССР, и той, которая в 1918—1923 гг. эмигрировала за границу, существовали различные связи, однако они почти никогда не принимали криминального характера даже с точки зрения советского законодательства 20-х гг. Несомненно, многие представители старой интеллигенции относились с некоторой иронией или даже пренебрежением к вождям большевиков, включая и Сталина, а Ленин не был для этих людей кумиром. Но свои взгляды они не высказывали публично, а лишь в самом узком кругу. Важно другое, главное: в целом все старые специалисты относились вполне лояльно к Советской власти и приносили ей немалую пользу своими знаниями и опытом.

Основной удар карательные органы наносили в 1929—1932 гг. по технической интеллигенции — "спецам". Газеты писали, что вредительство под руководством "спецов" проникло повсюду, что на судебных процессах была раскрыта только "головка" вредительских организаций, а не широкие слои их участников. Появлялись даже заявления о том, что "старое инженерство нужно безусловно считать настроенным контрреволюционно на 90—95 процентов"¹.

Вспоминая об этом нелегком времени, инженер-химик Д. Витковский писал в своей автобиографической повести "Полжизни": «В январе 1931 года волна арестов бросила меня в тюрьму. Тюремь были забиты до отказа. Меня поместили в камеру, очевидно приспособленную из небольшого подвального помещения, выходявшего единственной маленькой отдушиной на Малую Лубянку... Объяснения начались быстро и энергично, как в детективном романе. Оказывается, я был деятелем разветвленного антисоветского заговора... изобретал яды для уничтожения членов правительства... в заговоре участвовали военные... за ними по пятам скользили невидимые шпики... теперь все уже выяснено и не хватает только нашего признания.

Увы! Я ничем не мог помочь следствию и только утверждал, что никакого заговора не знаю и с заговорщиками не общался...

¹ "Классовая борьба путем вредительства". М.—Л., 1930, с. 9.

Допросы велись только по ночам. Многие всю ночь. На измор. Но — сидя.

Через месяц, как обработанного, перевели в Бутырку... Часть заключенных спала прямо на цементном полу; некоторые без всяких подстилок. В камере при мне было от 60 до 80 человек; среди них несколько профессоров, преимущественно технических специальностей, не меньше пятидесяти инженеров и немного военных, писателей, артистов. Недаром тюрьмы в то время назывались остряками "домами отдыха инженеров и техников".

... Почти все заключенные того времени быстро сдавались на следствии и подписывали фантастические обвинения. По существу, никакого следствия и не было. Была система вынуждения ложных показаний угрозами расстрела, ареста членов семьи или обещаниями смягчения участи... И был ли смысл бороться? Все очень хорошо усвоили уроки шахтинского и рамзинского процессов: уцелеть можно, только оговорив себя и других. Кто пытается сохранить свое достоинство — погибает. Никто не обманывался насчет истинной цены этих признаний. Некоторые переживали свое падение трагически; большинство махнуло рукой на этическую сторону вопроса: против рожна не попрешь!.. Я не захотел стать на проторенную дорожку и был наказан: получил расстрел с заменой десятью годами...»¹

О том же писал в своих неопубликованных воспоминаниях и авиаинженер С.М. Данскер: "После окончания института в начале 1930 года меня направили на самолетостроительный завод... На территории завода № 39 имелся деревянный одноэтажный ангар, переоборудованный под жилье. В нем под охраной жили 20 арестованных, в большинстве своем пожилых инженеров, имевших право выхода только на территорию завода, но не с завода. Этим лишенных свободы инженеров работники завода между собой так и называли "инженерами-вредителями". Память сохранила следующие фамилии: Григорович Д.П. — авиаконструктор, Поликарпов Н.Н. — авиаконструктор, Надашкевич А.В. — конструктор по вооружению самолета, Крейсон П.М. — инженер по статиспытаниям, Гончаров Б.Ф. — аэродинамик, Косткин И.М. — организатор производства, Тиссов — плановик, Вознесенский — плановик, Щербаков — конструктор электропечей, Днепров — моторист, Некрасов — профессор, Сидельников А.Н. — конструктор. Я стал приглядываться ко всем вредителям, жившим в ангаре № 7. Тех из них; с которыми у

¹ Д. Витковский был реабилитирован только после XX съезда КПСС. Последние годы жизни жил в Москве. Повесть "Полжизни" он передал в "Новый мир", но ее не удалось там напечатать, несмотря на большое желание А.Т. Твардовского, который и передал мне ее рукопись. После смерти Д. Витковского его повесть была опубликована мною в альманахе "Двадцатый век" (Лондон, 1976).

меня был деловой производственный контакт, я имел возможность в течение двух лет особенно внимательно наблюдать. В результате чего пришел к выводу, что это не преступники, а в высшей степени порядочные и даже благородные люди. Если нужно что-нибудь для производства, то даже ночью, разбуженные мною через красноармейцев, охранявших ангар, прерывают свой сон, идут в комнату КБ, делают расчеты и пишут на служебной записке технические решения, чтобы производство опытного самолета не задерживалось даже ночью. После двух лет наблюдений я думал о них так: "Это культурные, интеллигентные специалисты, высокоорганизованные, глубоко технически образованные, добросовестные инженеры и вполне порядочные и честные работяги, у которых молодежь, то есть такие, как я, инженеры, должны многому и многому учиться. Да это совсем не вредители".

Среди арестованных в 1929—1932 гг. "буржуазных" специалистов оказались такие выдающиеся ученые и инженеры, как Н.И. Ладыженский, главный инженер Ижевского военного завода; А.Ф. Величко, крупнейший специалист по железнодорожному строительству и перевозкам, в прошлом генерал царской армии. Был арестован и выслан крупнейший русский физик академик П.П. Лазарев. По клеветническому обвинению в создании монархической контрреволюционной организации арестовали большое количество честных и заслуженных военных командиров и специалистов. Среди них и такие видные деятели нашей военной науки, как Н.Е. Какурин и уже упоминавшийся А.Е. Снесарев, бывший начальник Академии Генерального штаба, которому ЦИК СССР только что присвоил звание Героя Труда.

Широкие аресты были проведены и среди ученых-гуманитариев, историков, лингвистов, географов, философов. В тюрьму попали академики С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачев, С.В. Бахрушин, С.И. Тхоржевский и некоторые другие. Был арестован академик В.В. Виноградов, крупнейший русский лингвист. В заключении оказался один из основателей сортоиспытательной системы в СССР селекционер В.В. Таланов. В Ленинграде был арестован специалист по истории естествознания проф. Б.Е. Райков. Аресту или высылке подверглись философ А.А. Мейер, историк В.В. Бахтин, историк И.М. Гревс, литературовед М.М. Бахтин и десятки других известных в то время ученых.

Судьба этих людей в дальнейшем сложилась по-разному. Многие из них были через несколько лет освобождены и сделали позднее блестящую научную карьеру, к примеру Е.В. Тарле, В.В. Виноградов, В.В. Таланов и ряд других. Они возглавляли в 40—50-е гг. важнейшие научные учреждения страны, пользовались почетом, получали ордена и звания. Но многие крупнейшие ученые умерли в заключении. Реабилитировали посмертно Н.Е. Какурина, А.Е. Снесарева, П.П. Лазарева, С.Ф. Платонова.

Краткие справки о них можно найти в современных энциклопедиях, часть их трудов переиздана. А многие ученые, арестованные в 1929—1931 гг., не реабилитированы до сих пор, причем о некоторых просто забыли.

Необоснованные репрессии среди научно-технической и гуманитарной интеллигенции были бы, вероятно, еще более широкими, если бы не протесты ряда видных руководителей партии и государства, с мнением которых Сталин и органы ОГПУ еще не могли тогда не считаться. Так, например, благодаря заступничеству командарма И. Якира, поддержанному чекистом Е. Г. Евдокимовым, были освобождены из заключения многие честные военные специалисты. Якир сумел добиться обсуждения "дела военных" на Политбюро и пересмотра вынесенных ОГПУ приговоров. А. В. Луначарский часто протестовал против репрессий в высших учебных заведениях, и ему удалось спасти от тюрьмы или ссылки многих ученых. Решительно протестовал против ареста многих честных и ценных технических специалистов и нарком тяжелой промышленности С. Орджоникидзе. У Орджоникидзе не было иллюзий по поводу того, какие именно "вредители" содержались в начале 30-х гг. в тюрьмах и лагерях. "Я слышал, что тебе нужны хорошие специалисты, — сказал в 1934 г. парторгу на военном комбинате № 9 А. В. Снегову С. Орджоникидзе, — Я дам тебе трех отличных специалистов — "вредителей". Они будут у тебя хорошо работать, если ты будешь хорошо к ним относиться и не поминать прошлое". И действительно, вскоре на комбинат были доставлены под охраной три специалиста, которые помогли наладить здесь ряд важных производств.

ОКОНЧАНИЕ НЭПА

Мы писали выше, что политика чрезвычайных мер против кулачества, проводимая в 1928 г., была фактически окончанием нэпа в деревне. Ликвидация кулачества как класса и проведение сплошной коллективизации и формально положили в деревне конец провозглашенной Лениным в 1921 г. новой экономической политике. Преждевременная и насильственная "революция сверху", как определил ее сам Сталин, отразилась, естественно, и на положении в городах. Общее ухудшение хозяйственного положения в городах, введение здесь нормированного снабжения, нарушение финансового равновесия в народном хозяйстве и падение курса рубля — все это до крайности осложнило проведение нэпа в промышленных центрах, хотя ни с экономической, ни с политической точек зрения возможности нэпа не были исчерпаны ни в деревне, ни в городе.

Впрочем, в начале 30-х гг. Сталин уже не думал о проведении нэпа в городе. Советское государство испытывало в этот период острую нехватку средств для завершения многих крупнейших индустриальных проектов. Среди других важным источником финансирования индустриализации стало дополнительное налоговое обложение всех частных предприятий в городах. Налог и раньше был очень большим, достигая 50—60% от прибыли частника (в отдельных случаях и 90%). Поэтому партия несколько лет назад и отклонила предложение "левой" оппозиции о дополнительном 200-миллионном обложении частников, резонно полагая, что такой налоговый пресс будет равнозначен экспроприации частного капитала, что означает отказ от новой экономической политики. Теперь же дополнительное обложение вынуждало частных предпринимателей и торговцев ликвидировать свои предприятия. Правда, Сталин не призывал арестовывать и выселять бывших нэпманов и членов их семей. Однако было принято негласное решение о частичной конфискации их имущества. Особенно примечательна в этом отношении так называемая "золотая кампания", проводившаяся на территории всей страны. Дело в том, что при ликвидации своего бизнеса большинство нэпманов, не доверяя советским бумажным денежным знакам, старались обратить их в золото и драгоценности. К тому же и раньше, не слишком надеясь на лучшее будущее, частники пускали немалую долю своих доходов не на расширение дела, а на покупку золота и ювелирных изделий. Это тогда не было нарушением Гражданского кодекса РСФСР. В статье 54 в разделе "Право собственности" можно было прочесть: "Предметом частной собственности могут быть: немунICIPализированные строения, предприятия торговые, предприятия промышленные, имеющие наемных рабочих в количестве, не превышающем предусмотренного особыми законами; орудия и средства производства, деньги, ценные бумаги и прочие ценности, в том числе золотая и серебряная монета и иностранная валюта, предметы домашнего обихода, хозяйства и личного потребления, товары, продажа коих не воспрещается законом, и всякое имущество, не изъятое из частного оборота"¹.

Теперь все эти положения были фактически отменены. Не слишком заботясь о соблюдении законности, финансовые органы потребовали от недавних частных предпринимателей сдать государству по произвольно установленной цене все имеющееся у них золото и золотые монеты. Тех, кто медлил с выполнением этого требования, органы ОГПУ арестовывали и держали в заключении до тех пор, пока родственники заключенных не сдавали ценности. Важно отметить, что органы ОГПУ очень хорошо знали, кто именно из нэпманов располагает "запасами" золота.

¹ "Гражданский кодекс РСФСР". М., 1928, с. 19.

По свидетельству бывшего чекиста С. О. Газаряна, еще раньше в Закавказье переодетые чекисты продавали золото из государственного запаса на черном рынке местным торговцам по спекулятивным ценам. Это делалось тогда якобы для укрепления падающего курса советского рубля и уменьшения количества бумажных денежных знаков, находящихся в обращении. Теперь все это недавно проданное золото требовали вновь вернуть государству, но уже по государственным ценам. Разумеется, вся эта репрессивная кампания означала грубое злоупотребление властью.

Вообще, оказавшись в трудном положении и стремясь увеличить поступление в казну золота и валюты, Сталин не стеснялся в средствах. Он настоял, например, на продаже за границу многих знаменитых полотен, выставленных или хранившихся в Эрмитаже, в Музее им. Пушкина в Москве и некоторых других музеях. Богатым коллекционерам, главным образом из США, были проданы картины Тициана, Рафаэля, Рубенса, Веласкеса, Рембрандта, Ватто и других художников. Была продана за границу и часть мебели и предметов убранства из царских дворцов.

Некоторые историки относят окончание нэпа к 1934 или даже к 1937 г. При этом ссылаются или на общие положения о продолжительности переходного периода от капитализма к социализму (весь этот переходный период объявляется периодом нэпа, а окончание переходного периода связывается с концом первой или даже второй пятилетки), или на тот факт, что и в первой половине 30-х гг. заметная часть крестьян еще не была коллективизирована и сохранилось частное ремесленное производство. Однако подобная периодизация нэпа явно ошибочна. Нэп предусматривал не только сохранение мелкого крестьянского хозяйства или ремесленничества, но и временное допущение капиталистических элементов в сельском хозяйстве, торговле, мелкой и отчасти средней промышленности, конечно, при условии их государственного ограничения и регулирования. Но в 1931—1932 гг. капиталистические элементы и в городе, и в деревне были уже полностью уничтожены.

Надо отметить при этом, что ликвидация нэпа, проведенная Сталиным без должного экономического обоснования, в свою очередь не ускорила, а замедлила экономическое развитие нашей страны. Справедливо выступая против притязаний "левой" оппозиции, ЦК ВКП (б) многократно утверждал, что политика нэпа введена в СССР "всерьез и надолго", что, до тех пор пока государственная промышленность, государственная торговля и кооперация не смогут удовлетворять на 100% потребностей народного хозяйства, остается место не только для единоличника или ремесленника, но и для капиталиста (на определенных условиях и под бдительным государственным контролем). Едва ли

нужно доказывать, что в 1932—1937 гг. ни государственная промышленность, ни государственная торговля, ни кооперация еще не удовлетворяли на 100% потребностей народного хозяйства. Если учесть, что эти потребности непрерывно растут и причем быстрее, чем возможности для их удовлетворения, то и сегодня мы не можем утверждать, что в нашей стране нет места для мелкого частного предпринимателя и в сфере промышленности, и в сфере торговли, и в сфере услуг. Во всяком случае, вопрос о "досрочной" ликвидации нэпа и его реальных возможностей в социалистическом обществе требует дополнительных и основательных исследований. Недавно умерший старый большевик, журналист и дипломат Е. А. Гнедин, подводя итоги своей жизни и деятельности, писал: "Позволю себе, не вдаваясь в доказательства, сказать, что историческим преступлением партийной бюрократии под сталинским главенством была ликвидация нэпа, то есть уничтожение предпосылок благоприятного развития страны в условиях смешанной экономики, при государственном планировании и прогрессивном развитии крестьянского хозяйства". Мы можем только поддержать этот вывод.

РЕПРЕССИИ И УЖЕСТОЧЕНИЕ РЕЖИМА ВНУТРИ ПАРТИИ

Ужесточение режима в стране, массовые репрессии против зажиточных крестьян, нэпманов, "буржуазной" интеллигенции сопровождалось ужесточением режима и внутри самой партии. Так, например, вскоре после процесса Союзного бюро был исключен из партии, а затем арестован Д. Б. Рязанов, организатор и первый директор Института Маркса—Энгельса—Ленина. Еще до революции он по поручению Германской социал-демократической партии начал издание Собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Работу эту он продолжил в Москве. В 20-е годы в партии не было лучшего знатока истории марксизма. Рязанову приходилось не раз спорить с Лениным, но он относился к Ленину с большим уважением. Что касается Сталина, то Рязанов относился к нему с иронией и даже сарказмом и не скрывал этого. Не случайно поэтому фамилия Рязанова прозвучала в фальсифицированных показаниях на процессе Союзного бюро.

В 1931—1933 гг. были вновь проведены широкие репрессии против бывших сторонников Троцкого, которые не заявили к тому времени публично о своем полном разрыве с троцкизмом. Вместе с другими арестовали и виднейшего в прошлом деятеля большевистской партии И. Н. Смирнова, одного из руководителей вооруженного восстания в Москве в 1905 г., председателя

Сибирского ревкома в 1919 г., народного комиссара почт и телеграфа в 20-е гг.

В начале 30-х гг. развернулась и довольно широкая репрессивная кампания против "национал-уклонистов". Было бы, конечно, неправильно отрицать наличие националистических настроений и среди самих коммунистов, работавших на Украине, в Закавказье, в Средней Азии. Однако еще Ленин призывал относиться к подобным настроениям с большой осторожностью и изживать их постепенно, политическими средствами, а не репрессиями. В первое десятилетие после образования СССР союзные республики обладали значительной автономией при решении своих внутренних проблем. Это не нравилось Сталину, и он под предлогом борьбы с национализмом начал систематически ограничивать права союзных республик, что вызывало протест многих местных коммунистов, произвольно зачисляемых в "национал-уклонисты". При этом Сталин раздувал отдельные ошибки неугодных ему партийных руководителей, придавая им несоразмерно большое значение. Именно такой грубой и необоснованной критике подвергся в начале 30-х гг. один из руководителей Украинской ССР, член ЦК ВКП (б) и член ИККИ Н. Скрыпник.

Сталин не забыл ни той критики, которой Скрыпник подвергал еще в 1918 г. работу Наркомата по делам национальностей, ни той критики, которая прозвучала в выступлении Скрыпника еще на VI съезде партии и была направлена также в адрес Сталина. Сталин не забыл публичного и пренебрежительного отзыва Скрыпника по поводу доклада Сталина на X съезде РКП (б) по национальному вопросу. Конечно, и сам Скрыпник был далеко не всегда прав в своих высказываниях. Возглавляемый им процесс украинизации вызывал порой справедливые протесты работавших на Украине большевиков. Но вместо товарищеской критики и откровенного обсуждения трудных проблем национального строительства на Украине Сталин и избранный в 1930 г. секретарем ЦК ВКП (б) П. П. Постышев развернули против Скрыпника грубую политическую кампанию, обвиняя последнего в "объективной" поддержке "классовых врагов" на культурном фронте и других смертных грехах. При этом использовались и некоторые материалы из фальсифицированного судебного процесса по "делу" СВУ. Как утверждал в одном из своих выступлений П. Постышев, "притупление и даже потеря в отдельных случаях большевистской бдительности" привели к тому, что в 1933 г. пришлось констатировать, что "тот участок, которым до недавнего времени руководил т. Скрыпник, — я имею в виду Наркомпрос и всю систему органов просвещения Украины, — оказался наиболее засоренным вредительскими, контрреволюционными, националистическими элементами. Ведь именно в этих органах вредительские элементы распоясались

вовсю, расставив своих людей на ответственных руководящих участках идеологического фронта"¹.

Вся эта клеветническая кампания на Украине закончилась трагически. Многие ценные работники и деятели национальной культуры были скомпрометированы и сняты со своих постов, немало их арестовали. Н. Скрыпник в июле 1933 г. покончил жизнь самоубийством. Постышев, избранный кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП (б), вернулся в Киев, чтобы возглавить здесь вместе с В. Я. Чубарем партийную организацию республики.

В Армении в начале 30-х гг. был смещен за "национализм" нарком просвещения Нерсик Степанян, известный армянский большевик, весьма популярный в республике. Уже тогда несправедливым гонениям подверглись выдающийся армянский поэт Е. Чаренц и писатель А. Бакунц. За "национализм" были арестованы в начале 30-х гг. многие работники советского и партийного аппарата в Узбекистане.

Суровые репрессии обрушились в эти годы и на членов небольших оппозиционных групп в самой партии.

Как мы уже писали, все прежние лидеры оппозиционных течений и групп (кроме высланного за границу Троцкого) были психологически сломлены и не выступали против политики Сталина, хотя они и видели, в каком состоянии находится экономика страны. Недовольство, связанное с крайне тяжелым материальным положением народных масс и социальными конфликтами, проникало, однако, и в ряды партии. Одним из выразителей этого недовольства стал В. В. Ломинадзе, работавший в начале 1930 г. первым секретарем Закавказского крайкома партии. Ломинадзе выступал против пренебрежительного отношения к нуждам рабочих и крестьян, против очковтирательства и того, что он называл "феодално-барским перерождением" отдельных партийных работников Закавказья. По этому поводу Ломинадзе провел через бюро крайкома специальную резолюцию.

Недовольство политикой Сталина выражал также видный партийный работник, кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП (б) и Председатель Совнаркома РСФСР С. И. Сырцов. Вместе со своими единомышленниками Сырцов протестовал против чрезмерного расширения капитального строительства и обращал внимание на тяжелое положение в сельском хозяйстве, особенно в животноводстве. Сырцов считал, что о победе социализма в деревне и близком завершении строительства фундамента социалистического общества в СССР говорить еще рано.

В 1930 г., когда Ломинадзе приезжал в Москву, его пригласил к себе Сырцов, и они в течение нескольких часов беседовали

¹ Постышев П. П. От XVI до XVII съезда. Статьи и речи. М., 1934, с. 202–203.

с глазу на глаз о партийных и государственных делах. Сталин уже тогда широко пользовался услугами осведомителей и старался держать их в окружении всех крупных государственных деятелей. Он узнал о беседе Сырцова и Ломинадзе и был крайне разгневан, так как оба эти деятеля были выдвинутыми Сталина и пользовались его покровительством. Срочно было созвано объединенное заседание Политбюро и Президиума ЦКК, на котором Сталин обвинил Сырцова и Ломинадзе в создании некоего "право-левого блока". Их вывели из состава ЦК и сняли с постов. В печати началась грубая проработка этого никогда не существовавшего "блока" и его предполагаемых участников, включая известных в то время молодых партийных руководителей Н. Чаплина и Л. Шацкого. Сырцов был назначен директором завода "Грампластинка"; Ломинадзе был отозван из Закавказья и вскоре направлен секретарем горкома в Магнитогорск.

В начале 30-х гг. внутри партии возникла антисталинская оппозиционная группа М. Н. Рютина. Сам Рютин работал в аппарате ЦК ВКП (б), несколько лет возглавлял Краснопресненский райком партии в Москве. Недовольные неудачами коллективизации и индустриализации, а также ужесточением режима в партии М. Н. Рютин и его друг П. А. Галкин создали подпольную группу, в которую входило около 15 человек. Эта группа разработала пространный документ — так называемую "платформу Рютина". Ознакомили с нею лишь небольшой круг людей — для сколько-нибудь широкого распространения документов такого рода не было условий. О существовании группы Рютина знали некоторые из друзей и учеников Бухарина — Н. А. Угланов, П. Г. Петровский, А. Н. Слепков, Д. П. Марецкий, а также известный философ Я. Э. Стэн. С некоторыми фрагментами "платформы Рютина" были ознакомлены Зиновьев и Каменев. Рютин и его группа требовали решительно изменить экономический курс партии, ослабить нажим на деревню, а также прекратить репрессии внутри партии, больше демократизировать ее. Однако главной предпосылкой этих изменений Рютин считал удаление Сталина от руководства партией. Едва ли не четвертая часть текста "платформы Рютина" была посвящена критике Сталина¹.

Рютин вступил в партию большевиков еще в 1914 г. и хорошо знал ее руководителей. По свидетельству его друзей, Рютин всегда был очень плохого мнения о Сталине и критиковал Политбюро за рекомендацию избрать его генсеком партии. В своих рукописных воспоминаниях Р. Г. Алиханова², хорошо

¹ См.: Рютин Мартемьян. Прочитай, передай другому. "Юность", 1988, № 11, с. 22—26.

² Р. Г. Алиханова — жена видного деятеля Коминтерна Г. Алиханова, одного из основателей компартии Армении.

знавшая М. Рютина, отмечает, что своим ближайшим единомышленникам он не раз говорил об убийстве Сталина не только как о возможном, но как о единственном способе избавиться от него. Однако никакой подготовки или попытки осуществить такое убийство группой Рютина не было сделано.

Когда Сталин через своих осведомителей или ОГПУ узнал о существовании группы Рютина—Галкина, он потребовал немедленной и суровой расправы. Обвиняя Рютина в создании "кулацкой и контрреволюционной" организации и в попытке "реставрировать капитализм", Сталин настаивал не только на аресте всех участников группы Рютина, но и на расстреле ее руководителей. Большинство Политбюро, однако, не поддержало Сталина: тогда еще существовало неписаное правило — не применять столь суровых наказаний к недавним активистам партии. Было решено выслать большинство "рютинцев" в отдаленные районы страны, предварительно исключив их из партии. М. Рютина арестовали и исключили из партии первым. 11 октября 1932 г. в "Правде" было опубликовано постановление Президиума ЦКК об исключении из партии 20 человек "как разложившихся, ставших врагами коммунизма и Советской власти, как предателей партии и рабочего класса, пытавшихся создать подпольным путем под обманным флагом марксизма-ленинизма буржуазную, кулацкую организацию по восстановлению в СССР капитализма, и в частности кулачества".

В списке исключенных из партии были П. А. Галкин, М. С. Иванов, П. М. Замятин, П. П. Федоров, В. И. Демидов, В. Н. Каюров, А. Н. Слепков, Д. П. Марецкий, М. И. Мебеля, С. В. Токарева и др. Все они были высланы из Москвы. Я. Э. Стэн, П. Г. Петровский, Н. А. Угланов и М. Е. Равич-Черкасский были исключены из партии на один год. Им было предоставлено право "через год, в зависимости от их поведения, возбудить вопрос о пересмотре настоящего решения".

Многие из перечисленных в данном постановлении людей вскоре "покаялись", были восстановлены в партии и возвращены в Москву. Однако с началом массовых репрессий 1936—1938 гг. все они были арестованы и физически уничтожены.

САМОУБИЙСТВО ЖЕНЫ СТАЛИНА Н.АЛЛИЛУЕВОЙ

9 ноября 1932 г. в семье Сталина произошло трагическое событие — в ночь с 8 на 9 ноября покончила жизнь самоубийством жена Сталина Надежда Сергеевна Аллилуева. По мнению некоторых биографов, уход из жизни Н. Аллилуевой, которую Сталин по-своему очень любил, оказал большое влияние на его характер. Я думаю, что влияние этого трагического эпизода на

Сталина не следует преувеличивать — характер Сталина уже вполне сложился к концу 1932 г.

Надежда Аллилуева была второй женой Сталина. Как мы уже писали в первой главе, первая жена Сталина Екатерина Сванидзе умерла в 1907 г., когда их сыну Якову был всего один год. У одной из дочерей Прокофия Джапаридзе (погибшего среди 26 бакинских комиссаров под кличкой Алеша) еще в 60-е гг. хранилась фотография, подаренная ей матерью Екатерины Сванидзе. На фотографии — обросший бородой Сталин и родственники его умершей жены стоят у изголовья гроба.

С отцом своей второй жены С. Я. Аллилуевым Сталин познакомился еще в 1903 г., когда Аллилуев приезжал в Тифлис по делам Бакинской подпольной типографии¹. Через несколько лет судьба вновь свела их в Баку, где Аллилуев жил с семьей, и Сталин мог встретить в их доме не только сына Павла и дочь Анну, но и младшую, очень живую и привлекательную 16-летнюю Надю. Сталин часто посещал семью Аллилуевых, но вскоре ему пришлось отправиться в новую ссылку, а С. Я. Аллилуев со всей семьей переехал в Петербург и устроился рабочим на электромеханический завод. С. Я. Аллилуев продолжал поддерживать тесную связь с товарищами по партии и выполнять различные партийные поручения. В 1910 г. Сталин, нелегально покинувший свою очередную ссылку, на этот раз в Вологде, остановился именно в семье Аллилуевых. Связь с этой полюбившейся одинокому и нелюдимому Сталину семьей продолжалась и далее, и, когда Сталина сослали в далекий Туруханский край, Аллилуевы отправляли ему посылки с теплыми вещами и деньги.

Нет ничего удивительного в том, что после Февральской революции 1917 г., когда Сталин вернулся в Петроград, он разыскал семью Аллилуевых, живших на окраине города, и ему был устроен здесь теплый прием. Вскоре Аллилуевы перебрались в более просторную квартиру, и их дом стал местом конспиративных встреч большевиков. После июльских событий здесь несколько дней скрывался В. И. Ленин. Что касается Сталина, то он стал почти членом семьи Аллилуевых. Их старшая дочь Анна работала в штабе большевиков в Смольном, а Надежда еще училась в гимназии. Сталин приходил поздно, но сестры ждали его, кормили и поили чаем. Сталин рассказывал девушкам различные истории из своей жизни, даже читал отрывки из книг Чехова, Горького, Пушкина. При этом уже тогда Сталин начал оказывать Надежде особые знаки внимания. Надя выросла в семье профессионального революционера, сочувствовала большевикам и также увлеклась 37-летним Сталиным, хотя он и был старше ее на 20 лет. Чаще всего молчаливый и мрачный, Сталин умел тем не менее скрывать присущую ему грубость, стараясь

¹ Аллилуев С. Я. Пройденный путь, с. 80.

быть внимательным, предупредительным и даже нежным к тем людям, которые были ему нужны, или к женщинам, которые ему нравились.

Октябрьская революция решительно изменила положение Сталина. Теперь он — член первого Советского правительства, народный комиссар по делам национальностей. Но он не забывает об Аллилуевых и, формируя немногочисленный пока еще аппарат наркомата, предлагает Надежде работу секретарши. Надя согласилась, и в начале 1918 г. ей пришлось вслед за Советским правительством перебираться из Петрограда в Москву. Здесь в Москве 18-летняя Надежда и соединила свою судьбу со Сталиным, приняв на себя хлопоты о его несложном хозяйстве. При этом она сохранила свою девичью фамилию. Никаких свадеб тогда не устраивалось и даже к гражданской регистрации прибегали лишь немногие партийцы; чаще они просто объявляли себя мужем и женой и начинали жить вместе. Не удивительно, что многие люди в ЦК и в Совнаркоме продолжали считать Сталина по-прежнему вдовцом или холостяком. Между тем Надежда Аллилуева вступила в партию и вместе со Сталиным выезжала на Царицынский фронт.

Вернувшись в Москву, Надежда стала работать уже не в Наркомнаце, а в секретариате Совнаркома и в личном секретариате Ленина. Для характеристики нравов и отношений того времени показателен эпизод, связанный с очередной чисткой партии, происходившей в 1921 г. Среди других служащих аппарата Н. Аллилуева была исключена из партии за "недостаточную общественную активность", хотя она и работала в секретариате Ленина. Узнав об этом, Владимир Ильич обратился к руководителям комиссии по чистке партии А. А. Сольцу и П. А. Залуцкому со специальным письмом, "считая долгом" довести до сведения этой комиссии обстоятельства, оставшиеся неизвестными "ввиду молодости Надежды Сергеевны Аллилуевой".

"Лично я, — писал Ленин, — наблюдал ее работу как секретарши в Управлении делами СНК, т.е. мне очень близко. Считаю, однако, необходимым указать, что всю семью Аллилуевых, т.е. отца, мать и двух дочерей, я знаю с периода до Октябрьской революции. В частности, во время июльских дней, когда мне и Зиновьеву приходилось прятаться и опасность была очень велика, меня прятала именно эта семья, и все четверо, пользуясь полным доверием тогдашних большевиков-партийцев, не только прятали нас обоих, но и оказывали целый ряд конспиративных услуг, без которых нам бы не удалось уйти от ищеек Керенского"¹.

Аллилуева была восстановлена в партии. "Недостаточная

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 82.

общественная активность" Аллилуевой была, кстати, связана с тем, что именно в 1921 г. у нее родился сын Василий (это имя Сталин дал ему, вероятно, по одной из своих партийных кличек). Еще через несколько лет появилась на свет и дочь Светлана.

После смерти Ленина Аллилуева несколько лет работала в журнале "Революция и культура", а в конце 20-х гг. она поступила учиться в недавно образованную Промышленную академию. Не завершив обучения, Надежда Сергеевна перешла в начале 30-х гг. на работу в Московский горком партии.

Еще в те годы вокруг личности Аллилуевой возникало немало слухов и легенд. В 60-е гг. в мои руки попала книга "Сталин", изданная на русском языке в Риге в 1930 г. одним из эмигрантских издательств. Некоторые факты из этой книги соответствовали действительности, но другие были просто выдуманы. Так, например, автор книги, взявший псевдоним Эссад-Бей, утверждал, что Сталин, подобно восточному деспоту, держит свою жену в большой квартире в Кремле и что никто из других жителей Кремля ее никогда не видел. На самом деле Н. Аллилуева была общительной женщиной. Она очень дружила с семьей Авеля Енукидзе, с семьей погибшего Алеши Джапаридзе, с большой семьей Сванидзе, была хорошо знакома с Н. С. Хрущевым еще с времен Промышленной академии, где Хрущев не только некоторое время учился, но и возглавлял партийную организацию. При этом нельзя не отметить, что Надежда была весьма самостоятельна в выборе своих знакомств и отнюдь не порывала дружеских отношений с теми, кто входил в конфликт со Сталиным по политическим мотивам. Наиболее близкой ее подругой была жена Молотова — Полина Жемчужина.

Кроме квартиры в Кремле, семья Сталина, как, впрочем, и семьи других членов Политбюро, получила в конце 20-х гг. большую государственную дачу. Тогда еще не строили подобных дач по специальным проектам, а оборудовали или переоборудовали различные подмосковные имения, принадлежавшие ранее московским купцам и промышленникам. Их строили в основном уже в начале XX века и в ином стиле, чем помещичьи усадьбы XIX или XVIII веков. Загородная дача Сталина располагалась недалеко от деревни Усово на берегу Москвы-реки. Супруги называли свой дом Зубалово — по фамилии нефтепромышленника, владевшего им до революции.

Дети Сталина — Яков, приехавший в Москву в начале 20-х гг. уже подростком, Василий и Светлана — жили по большей части в Москве и учились в школе. Но дом в Зубалове не пустовал. Здесь подолгу жили родственники и некоторые друзья, они занимали весь первый этаж. На втором этаже жили Сталин и его жена, но комнат в доме нефтепромышленника было много, и тут же на этаже располагались братья Надежды Федор и Павел с

женами. Частыми гостями в доме были Анна Аллилуева и ее муж — чекист Станислав Реденс, а также родственники Сталина со стороны первой жены — Александр Сванидзе с женой, Александром и Марио Сванидзе. Сталину не особенно нравилось это многолюдье, но в 20-е гг. он носил еще маску демократа и хлебосольного хозяина. Однако уже тогда между ним и Надеждой все чаще вспыхивали ссоры. Дважды дело доходило до того, что Надежда с маленькой Светланой покидала не только квартиру в Кремле и дом в Зубалове, но и Москву. Однако под дружным воздействием отца и родственников Надежда через несколько месяцев возвращалась под общий кров. Причины этих ссор могли быть разными, так как взгляды на жизнь и характеры Сталина и его жены оказались слишком различными. Дочь Сталина, Светлана, приводит в своих воспоминаниях эпизод ссоры Сталина и матери из-за присутствия в их доме “мерзавца Берии”.

Этот эпизод мог произойти только в конце 1931 или в 1932 г., так как Сталин и Берия познакомились в Грузии в 1931 г. во время очередного отпуска Сталина. Начальник ГПУ Грузии Л. Берия решил тогда лично возглавить охрану южной дачи Сталина. Надежде было трудно еще и потому, что в ссорах со Сталиным, если они выходили наружу, большинство родственников оставались на стороне Сталина, тем более что некоторые из ссор возникали не на личной, а на политической почве. Можно предположить, что именно в это время у Надежды и возникла мысль о самоубийстве, так как она не встречала понимания не только у Сталина, но и у большинства родственников и друзей. Когда Павел Аллилуев, участник гражданской войны, военный инженер, а позднее комиссар Автобронетанкового управления Красной Армии (РККА), уезжая по делам за границу, спросил Надежду, что ей привезти в подарок, она попросила не косметику или одежду, а револьвер. Павел привез ей из Берлина маленький дамский браунинг. Разумеется, Надежда скрыла это от своего мужа, хотя владение оружием было в те годы обычным делом. Почти у всех ответственных работников партии были револьверы разных моделей и марок, так повелось еще со времен гражданской войны. Лучшим подарком или даже наградой за военные, да и за гражданские отличия был хороший пистолет. Каждый член ЦК или Политбюро держал в своем столе один, а то и два пистолета. Помню, что и у моего отца, комиссара и участника гражданской войны, в ящике письменного стола лежал револьвер с выгравированной на нем надписью “За заслуги в гражданской войне”. Отец не прятал от нас это оружие, но держал в тайнике обоймы с патронами. Оружие было тогда и у комсомольского актива. Но для женщин наличие пистолета и в те времена было все же редким, хотя и не столь уж необычным делом. Поэтому Павел вовсе не удивился просьбе своей сестры.

Хотя отношения у Сталина и его жены становились все хуже, Надежда, видимо, еще любила Сталина. По свидетельству А. Аджубея, Н. С. Хрущев рассказывал ему, что 7 ноября 1932 г. во время ноябрьской демонстрации на Красной площади он, Хрущев, оказался на одной из нижних трибун рядом с Надеждой. Было ветрено и дождливо. Аллилуева все время поглядывала на трибуну Мавзолея, явно беспокоясь за мужа. Сказала Никите Сергеевичу: "Мерзнет ведь! Просила одеться потеплее, а он, как всегда, буркнул что-то грубое и ушел". А всего через 40 часов — в ночь с 8 на 9 ноября Надежда Аллилуева застрелилась.

Существует несколько версий самоубийства Надежды Аллилуевой, которые разнятся лишь в несущественных деталях¹. В своей книге "Двадцать писем к другу" Светлана Аллилуева приводит рассказ няни, а также рассказ Полины Жемчужиной. Обе эти женщины решились поведать дочери Сталина об обстоятельствах смерти ее матери лишь в 1955 г., когда они вернулись из ссылки.

Няня Светланы и экономка Сталина К. В. Тиль первыми увидели Надежду Аллилуеву, которая лежала в крови возле своей кровати с зажатым в руке маленьким пистолетом. Они вызвали жившего рядом Авеля Енукидзе, Полину Жемчужину и коменданта Кремля К. В. Паукера. Вскоре пришли К. Е. Ворошилов и В. М. Молотов. Они и сообщили Сталину о смерти Надежды. (По одним данным, Сталин еще спал в своей спальне, по другим — находился в Зубалове). П. Жемчужина рассказала Светлане о той ссоре, которая произошла между Сталиным и его женой накануне вечером на небольшом банкете в Кремле по случаю 15-летия Октябрьской революции. В свое время я записал рассказ одного из близких знакомых Авеля Енукидзе. Согласно этому рассказу, 8 ноября в Кремле собралась не особенно большая компания большевистских руководителей. Здесь была и Надежда Аллилуева, но Сталин запаздывал. Когда он пришел, Надежда сделала ему шутовское замечание. Сталин вспылил и ответил грубостью. Иногда Сталин курил не трубку, а папиросы. В порыве злости он неожиданно бросил непотухшую папиросу в лицо жене. Папироса попала в вырез платья. Вытолкнув ее, Надежда вскочила, но Сталин, быстро повернувшись, ушел. Почти сразу ушла и Надежда. Сталин поехал на дачу, а Надежда пошла в кремлевскую квартиру. Праздник был испорчен, однако худшее случилось через несколько часов. Позвонили из квартиры Сталина и вызвали Авеля Енукидзе и Серго Орджоникидзе. Надежда застрелилась. Рядом лежал небольшой дамский револь-

¹ Среди многих людей, вполне заслуженно не любивших Сталина, гораздо позднее возникла версия о том, что Сталин сам убил Надежду Аллилуеву. Эта версия, однако, совершенно несостоятельна и не заслуживает серьезного разбора и опровержения.

вер и письмо, которое, конечно, никто не посмел вскрывать. Сообщили Сталину, он быстро приехал. Видно было, что он потрясен, но молчал. Все условились хранить тайну самоубийства. В газетах опубликовали фальсифицированный медицинский бюллетень. Вся прислуга в доме Сталина была заменена.

Примерно то же самое недавно писала в своих воспоминаниях и вдова Н. И. Бухарина А. М. Ларина. Она свидетельствует: "В ноябре 1932 г., придя домой из института, я застала там Н. И. (Бухарина) ... Я увидела его взволнованного, бледного. Они тепло относились друг к другу, Н. И. и Надежда Сергеевна; тайно она разделяла взгляды Н. И., связанные с коллективизацией, и как-то улучила удобный момент, чтобы сказать ему об этом. Надежда Сергеевна была человеком скромным и добрым, хрупкой душевной организации и привлекательной внешности. Она всегда страдала от деспотичного и грубого характера Сталина. Совсем недавно, 8 ноября, Н. И. видел ее в Кремле на банкете в честь пятнадцатилетия Октябрьской революции. Как рассказывал Н. И., полупьяный Сталин бросал в лицо Надежде Сергеевне окурки и апельсиновые корки. Она, не выдержав такой грубости, поднялась и ушла до окончания банкета. Они сидели друг против друга, Сталин и Надежда Сергеевна, а Н. И. рядом с ней (возможно, через человека, точно не помню). Утром Надежда Сергеевна была обнаружена мертвой"¹.

Я заметил выше, что версия об убийстве, а не самоубийстве Н. Аллилуевой не заслуживает серьезного опровержения. Добавлю следующее. В 1932 г. можно было скрыть от широкой общественности самоубийство Аллилуевой, объявив официально о ее болезни и смерти. Но для узкого круга семей, живущих в Кремле, такого рода события не могли оставаться тайной. От этих людей невозможно было бы скрыть тогда убийство Сталиным своей жены. Этого нельзя было утаить и от большой семьи Аллилуевых. Характерно, что члены этой семьи не только не осуждали Сталина за смерть Надежды, их первым побуждением было стремление как-то помочь Сталину пережить случившуюся трагедию. Срочно вернувшийся из Берлина Павел Аллилуев на несколько лет поселился снова на даче Сталина. Тот часто начинал говорить с ним о Надежде. Временами он чувствовал себя виноватым и пытался как-то оправдаться перед братом жены. "Я все делал, как она хотела, — говорил Сталин. — Могла ходить куда угодно, покупать все, что ей хотелось. Чего ей не хватало? Смотри!" И Сталин выдвинул незапертый ящик своего письменного стола. Он был набит червонцами².

¹ Ларина А. М. Незабываемое. "Знамя", 1988, № 11, с. 135.

² С. Аллилуева свидетельствовала, что и много позднее, уже после войны, Сталин не расходовал зарплату от многих занимаемых им должностей. Конверты с деньгами он складывал в один из ящиков письменного стола, даже не распечатывая их.

Английский историк и советолог Р. Конквест утверждает в своей книге, что после смерти Надежды ее брат Павел потерял доверие Сталина.

“Брат Надежды, старый большевик Павел Аллилуев, — писал Р. Конквест в книге “Большой террор”, — был политическим комиссаром в бронетанковых войсках. Его взяли под особое наблюдение. Позже он рассказывал старому знакомому, что со времени смерти сестры его не допускали к Сталину, и кремлевский пропуск был у него отобран. Ему стало ясно, что, по мнению Ягоды и Паукера, он стал опасным для Сталина в том смысле, что мог отомстить за сестру”.

Все это не более чем домыслы. В Москве живут два сына Павла Аллилуева, и они помнят и свою жизнь на даче Сталина в 1933—1934 гг., и отдельные встречи со Сталиным. Конечно, у Павла Аллилуева имелась квартира в Москве, но он, как и другие, любил подолгу жить “на природе”. Лишь в 1935 г. Сталин перебрался на специально построенную для него большую государственную дачу в Кунцево. Здесь у него уже не гостили ни Сванидзе, ни Аллилуевы. Семья Павла Аллилуева перебралась на огромную дачу Анастаса Ивановича Микояна, которая также была раньше бывшим купеческим именем. Но и теперь Павел мог свободно приходить в Кремль и навещать Сталина на его кремлевской квартире.

“На квартиру к нам в Кремль еще заходили, — свидетельствует С. Аллилуева, — оба Сванидзе, дядя Павлуша и Реденсы. Но без мамы все это было уже не то. Все распалось — и дом, и отношения взаимной заинтересованности и дружбы”.

В конце 30-х гг. многие из родственников Сталина были арестованы и погибли. Некоторые из Аллилуевых были арестованы после войны. Большая и относительно дружная семья Сталина фактически распалась, и он лишь очень редко виделся со своим сыном Василием и дочерью Светланой. Сталин не испытывал теплых родственных чувств к внукам и большинства из них не видел до конца жизни.

Много домыслов связано также и с похоронами Надежды Аллилуевой. Поклонники Сталина рассказывают, что он пешком шел за гробом от Кремля до Новодевичьего кладбища. Можно услышать даже истории о том, что раз в неделю Сталин по ночам приходил на могилу супруги и при свете прожектора сидел здесь несколько часов. Действительность была иной. Гроб с телом Аллилуевой был установлен в помещении нынешнего ГУМа, где в 30-е гг. располагались различные службы Кремля. Сталин появился в самом начале гражданской панихиды, подошел к гробу, даже поцеловал лоб покойной. Затем сделал неожиданный жест, как бы отталкивая гроб от себя, и отчетливо произнес: “Она ушла как враг”. После этого он ушел и не присутствовал ни на панихиде, ни на похоронах жены — за гробом шел Абель Ену-

кидзе, и те, кто видел процессию со стороны, могли подумать, что это идет Сталин. Сталин ни разу не посетил могилу жены, и замечательный памятник изготовлен и установлен по заказу семьи Аллилуевых. Сталин остался вдовцом до конца жизни. У него были короткие и не слишком частые связи с отдельными женщинами, но никто из них не мог повлиять уже ни на его поведение, ни на образ жизни. Внебрачных детей, носивших фамилии матерей, Сталин никогда не видел и не стремился к этому. Семья и семейная жизнь для него кончилась в 1932 г.

ТЯЖЕЛАЯ ОБСТАНОВКА В ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУКАХ И ЛИТЕРАТУРЕ

В № 6 журнала "Пролетарская революция" за 1931 г. было опубликовано письмо Сталина "О некоторых вопросах истории большевизма", крайне грубое по форме и далеко не бесспорное по содержанию. Это письмо вызвало первую волну репрессий против историков-марксистов. Многих из них сняли с работы, некоторых исключили из партии. Именно с той поры все открытые дискуссии по историко-партийным вопросам в советской печати были фактически прекращены — Сталин стал единственным и монопольным толкователем истории партии. В конце ноября 1931 г. Институт истории в своем письме в президиум Комакадемии сообщал:

"Во исполнение указаний письма т. Сталина в журнал "Пролетарская революция" Институтом истории проделана следующая работа: 1) Пересмотрен штат научных сотрудников Ин-та истории и отчислены из ин-та сотрудники, фальсифицировавшие историю большевизма или не справлявшиеся с теми задачами, которые выдвигались перед исторической наукой в свете тех директив, которые вытекали из письма т. Сталина... 4) Изменена организационная структура института: ликвидированы секции... и созданы бригады по разработке актуальных исторических проблем"¹.

Из института были уволены историки И. М. Альтер и А. Г. Слуцкий, статья которого об отношениях между большевиками и "левыми" германскими социал-демократами послужила поводом к письму Сталина. Такие историки, как Н. Эльвов и Г. Вакс, были исключены из партии.

Репрессии коснулись и смежных с историей наук. В обзоре деятельности Ленинградского отделения Коммунистической академии (ЛОКА) за 1930—1933 гг. сообщалось: "В связи с письмами тов. Сталина в редакцию журнала "Пролетарская революция", ЛОКА развернуло широкую разоблачительную и разъяс-

¹ "Европа в новое и новейшее время". М., 1966, с. 508—509.

нительную работу по истории большевизма и по выкорчевыванию контрабанды троцкизма, люксембургизма, меньшевизма не только на историческом фронте, но и на экономическом, аграрном, литературном и других фронтах..."¹

10 апреля 1932 г. на 64-м году жизни умер член ЦК ВКП (б) академик М. Н. Покровский, известный русский историк, который в начале XX века перешел на позиции марксизма и вступил в партию большевиков. После Октябрьской революции Покровский стал признанным главой советской исторической науки. Он был заместителем наркома просвещения РСФСР, бессменным руководителем Коммунистической академии и ее Института истории, а также Института красной профессуры. М. Н. Покровский был также председателем Общества историков-марксистов, руководителем Центрархива, главным редактором журналов "Историк-марксист" и "Борьба классов". В некрологе по случаю смерти Покровского говорилось: "М. Н. Покровский был всемирно известным ученым-коммунистом, виднейшим организатором и руководителем нашего теоретического фронта, неустанным пропагандистом идей марксизма-ленинизма"².

Однако авторитет М. Н. Покровского мешал Сталину занять ведущее положение в области марксистской теории. Поэтому вскоре после смерти Покровского под руководством такого "историка", как Л. М. Каганович, началась тенденциозная критика научного наследия Покровского, который обвинялся вначале в "вульгарном социологизме" и "экономическом материализме", а затем и в "антимарксизме" и "антиленинизме". Конечно, работы Покровского не были свободны от ошибок. Однако теперь они стали неправомерно преувеличиваться, на переиздание его книг и статей был фактически наложен запрет.

Жестокая борьба велась и на "философском фронте", в основном между так называемыми "механистами", представленными в первую очередь И. И. Скворцовым-Степановым, А. Тимирязевым, А. Варьяшом, и "диалектиками" — А. Дебориным, Я. Стэнном, Н. Каревым и другими. При этом представители обоих этих направлений считали себя марксистами, сторонниками и материализма, и диалектики. Постепенно в дискуссию втягивалась и группа молодых философов, в сущности еще студентов Комакадемии и Института философии. Во главе этой группы "молодых", составлявших большинство бюро партийной ячейки Института философии, стояли такие философы, как М. Митин, П. Юдин, В. Ральцевич, к которым примыкали также Ф. В. Константинов, М. Иовчук и др. А. М. Деборин был тогда наиболее

¹ "Европа в новое и новейшее время". М., 1966, с. 509.

² "Правда", 12 апреля 1932 г.

авторитетным из советских философов, и его сторонники явно брали верх в происходящей дискуссии.

Неожиданно обстановка на философском фронте резко изменилась. Группа "молодых", возглавляемая Митиным и Юдиным, стала выступать и против "механистов", и против "диалектиков"-деборинцев с демагогическими тезисами "большевизации" философии и защиты "ленинского этапа" в развитии марксистской философии. 9 декабря 1930 г. Сталин встретился с членами бюро партийной ячейки Института философии (входившего в Институт красной профессуры). Нет ни подробной записи, ни даже краткого изложения этой беседы. Известно, однако, что именно во время этой беседы Сталин обозначил взгляды А. Деборина и его группы нелепым термином "меньшевистствующий идеализм", что можно было понимать только как "враг марксизма-ленинизма", а это в свою очередь давало возможность для любых других обвинений в адрес Деборина без какой-либо возможности для последнего защищаться. Между тем Деборин никогда не был идеалистом. Правда, он был в течение ряда лет меньшевиком, но это обстоятельство не отразилось на его философском мировоззрении (меньшевиком был, как известно, до конца свой жизни и Г. В. Плеханов). Впрочем, в указанной беседе Сталин осудил и "механистов", призвав таким образом "молодых" философов к борьбе "на два фронта". Этим они и стали усердно заниматься, заглушая любые живые и свежие ростки философской мысли. На два с лишним десятилетия в философской литературе утверждаются демагогия и схематизм, упрощенчество и самый вульгарный механицизм, некомпетентность и высокомерное презрение ко всему новому и творческому, лишь прикрываемые словами о диалектике и "ленинском", а позднее "ленинско-сталинском" этапе в развитии философии.

Какая только борьба не велась в начале 30-х гг. в науке! В экономике — против "контрреволюционной рубинщины". В методике биологии — против "райковщины". В литературоведении — против "воронщины" и "переверзевщины". В педагогике — против "теории отмирания школы". И во всех этих "битвах" на разных идеологических фронтах незначительные или естественные во всякой науке неточности или ошибки, а то и совершенно правильные положения возводились немедленно в ранг "извращений марксизма-ленинизма", подлежащих немедленному искоренению. А это означало по тем временам, если не арест, то исключение из партии и изгнание с работы. В малейших неточностях формулировок пытались найти "вражеские влияния", под видом революционной бдительности культивировались сектантская ограниченность, нетерпимость и грубость. Вот, например, какой разумный совет давался в одной из стенных газет Института журналистики: "Коллеги газетчики, читатель умоляет

вас не наставляя его, не поучая, не призывая, не понукать, а толково и ясно рассказать ему, изложить, объяснить — что, где и как. Поучения и призывы из этого вытекают сами". А вот что говорилось по поводу этого совета в специальной резолюции собрания Института журналистики: "Это — вреднейшие буржуазные теории, отрицающие организаторскую роль большевистской печати, и они должны быть окончательно разгромлены".

Именно в 1930—1933 гг. началась стремительная карьера Т. Д. Лысенко и некоторых других менее известных авантюристов от науки.

Велась идеологическая борьба также в литературе и искусстве. Сталин назвал превосходную пьесу М. Булгакова "Бег" антисоветским явлением, попыткой "оправдать или полуоправдать белогвардейское дело"¹, а Московский камерный театр, основанный выдающимся советским режиссером А. Я. Таировым, буржуазным Камерным театром. Грубые и оскорбительные отзывы Сталин позволил себе и в адрес такого, казалось бы, тесно связанного с партией и всей историей Октябрьской революции и гражданской войны поэта, как Демьян Бедный. Конечно, стихи и поэмы Д. Бедного можно было критиковать с разных точек зрения. Однако в условиях 1930—1931 гг. назвать Д. Бедного, не без оснований считавшегося зачинателем пролетарской поэзии, вступившего еще в 1912 г. в большевистскую партию, "перетрусившим интеллигентом", который плохо знает большевиков², было достаточно, чтобы перед Д. Бедным закрылись двери большинства редакций и издательств.

«На днях я перелистал, — писал в 1966 г. писатель В. А. Каверин, — трехлетний комплект журнала "На литературном посту" (1928—1930). В наше время — это изысканное по остроте и изумляющее чтение. Все дышит угрозой. Литература срезается, как по дуге, внутри которой утверждается и перевозносится другая, мнимая рапповская литература. Одни заняты лепкой врагов, другие — оглаживанием друзей. Но вчерашний друг мгновенно превращается в смертельного врага, если он преступает волшебную дугу, границы которой по временам стираются и снова нарезаются с новыми доказательствами ее непреложности. Журнал прошит ненавистью. Другая незримо сцепляющая сила — зависть, особенно страшная потому, что в ней не признаются, ее, напротив, с горячностью осуждают... Читая "На литературном посту", я спрашивал себя: откуда взялась эта подозрительность, эта горячность? Чем была воодушевлена эта опасная игра с нашей литературой, у которой новизна была в крови, которая была психологически связана с революцией и развивалась верно и быстро? От возможности захвата власти, от головокружитель-

¹ Сталин И. В. Соч., т. 11, с. 327.

² Сталин И. В. Соч., т. 13, с. 26—27.

ного соблазна, о котором, впрочем, говорится на страницах журнала с деловой последовательностью, что теперь кажется немногим смешным»¹.

В. А. Каверин пишет о периоде 1928—1930 гг. Но обстановка в литературе продолжала накаляться и в 1931—1932 гг. вплоть до неожиданного для многих решения ЦК ВКП (б) о роспуске РАППа и создании единого Союза советских писателей. Но эта вспышка либерализма и надежд, духом которых был пронизан, пожалуй, и Первый съезд советских писателей, продолжалась недолго и сменилась еще худшими временами, о которых речь впереди.

О ПОЛИТИКЕ СТАЛИНА В МЕЖДУНАРОДНОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ В НАЧАЛЕ 30-х гг.

Ужесточение режима во внутренней политике Советского государства с неизбежностью вело к ужесточению политики в Коминтерне и к усилению борьбы с "правым" и "левым" уклонами в отдельных коммунистических партиях. При этом нередко копировались формы и лозунги борьбы, применявшиеся ВКП (б), хотя они мало соответствовали положению в зарубежных коммунистических партиях, а также политической ситуации в тех странах, где эти коммунистические партии действовали. Каждая коммунистическая партия должна была автоматически одобрять все, что происходило в СССР и в ВКП (б). В жесткой организационной структуре Коминтерна они были лишены политической самостоятельности и превращены в полуавтономные секции мировой коммунистической организации. Такое положение приводило нередко к исключению из зарубежных коммунистических партий многих ценных и перспективных политических деятелей и мешало компартиям превратиться в действительно массовые политические организации. В 1928 г. во всех коммунистических партиях мира (кроме СССР) насчитывалось всего около 400 тыс. членов. В этом же году социал-демократические партии имели в своих рядах около 6,5 млн. человек².

В начале 30-х гг. были проведены первые аресты среди западных коммунистов, работавших в СССР. Так, например, был арестован известный французский революционер-коммунист Виктор Серж, который активно поддерживал в свое время "левую" оппозицию. Несколько лет В. Серж провел в тюрьме и ссылке, но был освобожден в связи с кампанией протеста, проводившей-

¹ "Новый мир", 1966, № 11, с. 141—142.

² "Коммунист", 1968, № 2, с. 90; 1980, № 5, с. 34.

ся в западных странах. Позднее, еще при жизни Сталина, он опубликовал в Париже свои воспоминания — ценный источник для понимания событий в СССР и Западной Европе в 20—30-е гг. Тяжелый удар обрушился на небольшую коммунистическую партию Западной Украины: ее руководителей М. Т. Звяжковского и Г. В. Иваненко клеветнически обвинили в предательстве и арестовали¹. В 1933 г. такой же тяжелый удар был нанесен и по руководству компартии Западной Белоруссии. Бывшие депутаты польского сейма П. П. Волошин, Ф. И. Волинец, Н. Е. Гаврилюк и другие коммунисты, приговоренные в буржуазной Польше к многолетнему тюремному заключению, но впоследствии обмененные Советским правительством и нашедшие в СССР политическое убежище, были ложно обвинены в антисоветской и контрреволюционной деятельности и арестованы. Вместе с ними были арестованы и многие руководители КПЗБ Я. Бобрович, А. Г. Капуцкий, П. А. Клинецвич, Л. И. Родзевич и другие². Экономический и финансовый кризис 1929—1933 гг., глубоко потрясший всю капиталистическую систему, вызвал глубокие политические и социальные изменения. Они были различны в США и Западной Европе. В США кризис привел к победе Ф. Рузвельта и его “нового курса”, означавшего существенные перемены в функционировании капиталистической системы при сохранении всех основных институтов буржуазной демократии. Хотя Рузвельт заботился в первую очередь об укреплении посредством реформ капиталистической системы, некоторые из этих реформ — расширение государственного регулирования в промышленности и сельском хозяйстве, законы о социальном страховании и помощи безработным, расширение возможностей и прав профсоюзов, закон о “справедливом” найме рабочей силы и др. — позволяют думать о некотором влиянии на политику “нового курса” социального законодательства, осуществленного в СССР.

Иные последствия имел экономический кризис в странах Западной Европы. Резкое ухудшение материального положения трудящихся и мелкой буржуазии привели к некоторому усилению “левых” революционных партий и групп. Однако еще более усилились “правые” националистические и массовые движения — их уже тогда стали объединять понятием “фашизм”. Являясь наиболее реакционным движением, фашизм, используя методы социальной демагогии и эксплуатируя националистические предрассудки, стремился привлечь на свою сторону всех недовольных, создать себе массовую опору, а затем изолировать и разгромить наиболее организованную и сознательную часть рабочего класса. Фашизм направлял свой удар не только против комму-

¹ “Правда Украины”, 11 октября и 18 ноября 1963 г.

² “Коммунист”, 1963, № 10, с. 37—47.

нистов, но в такой же мере против социал-демократов, против профсоюзов и других прогрессивных рабочих организаций. Он выступал против различных форм буржуазной демократии, добиваясь установления однопартийной тоталитарной системы. Еще в 20-е гг. фашизм победил в Италии. В начале 30-х гг. смертельная опасность победы еще более агрессивной фашистской диктатуры возникла в Германии, наиболее крупной и экономически развитой стране Западной Европы.

Среди факторов, которые помогли победе фашизма в Германии, немалую роль играли и те, что были связаны с политикой СССР. В этой связи советская историческая наука подчеркивает обычно страх западной буржуазии перед социализмом вообще и большевизмом в частности. Гитлеровцы умело использовали эти опасения, чтобы обеспечить себе поддержку со стороны некоторых влиятельных групп германского капитала, и попустительство со стороны влиятельных кругов Англии и Франции. Но они умело использовали и другой фактор — разочарование трудящихся и мелкой буржуазии Западной Европы в социалистической России, которая переживала не только экономические трудности, но и конвульсии массовых репрессий. Совершенно очевидно, что волна насилия в советской деревне в конце 20-х — начале 30-х гг., ликвидация нэпа и нэпманов, массовая конфискация мелких предприятий, "золотая кампания", террор против технической и гуманитарной интеллигенции, преследование церкви, отдельные репрессии против западных специалистов — все эти эксцессы и перегибы помогали западной пропаганде в ее стремлении ослабить революционное движение в своих странах. Почему невиданный кризис капитализма 1929—1933 гг. лишь очень незначительно усилил на Западе коммунистическое движение, не породив здесь революционных ситуаций? Почему значительные массы мелкой буржуазии, крестьянства, даже рабочего класса повернули в годы кризиса не влево, а вправо, став в ряде стран массовой опорой для фашистского движения? Вряд ли можно сомневаться, что этому в немалой степени способствовали вести, которые шли тогда из Советского Союза.

Однако более всего способствовала становлению фашизма раскольническая политика Сталина в международном рабочем движении.

Как известно, образование Коминтерна происходило в обстановке ожесточенной борьбы между молодыми коммунистическими партиями и различными течениями и группами западной социал-демократии, которые восстанавливали свои организации и связи после тяжелых потрясений первой мировой войны. Мы не имеем возможности анализировать здесь историю и причины этого прискорбного раскола в рабочем движении, при объяснении которого каждая из сторон выдвигала тогда весьма веские доводы в защиту своей политики и позиции. Эта полити-

ческая и идеологическая борьба двух Интернационалов происходила на протяжении всего периода 20-х гг., когда не только Сталин, но также Троцкий, Зиновьев, Каменев и Бухарин как бы соревновались друг с другом в обвинениях в адрес социал-демократов. Обвинение в социал-демократизме или меньшевизме было в этот период едва ли не самым оскорбительным для большевика.

Несомненно, что уже в 20-е гг. было ошибкой называть социал-демократов "социал-фашистами", "умеренным крылом фашизма", "главной социальной опорой фашизма" и т.п., хотя определения подобного рода можно найти даже в Программе Коминтерна, принятой на VI конгрессе этой организации в 1928 г. В 1929—1931 гг. политический экстремизм Сталина становился особенно опасным. Наступление фашизма в западных странах делало совершенно необходимым поворот в политике коммунистических партий. Главной политической задачей становилась борьба за установление единого фронта рабочего класса и общенародного антифашистского движения, а не борьба против социал-демократии. Иными словами, требовалось проводить политику сближения и единства действий с социал-демократическими партиями, которые в рабочем движении западных стран были преобладающей силой.

Можно не сомневаться, что в этих новых условиях В. И. Ленин сумел бы своевременно произвести необходимый политический поворот. Известно, что в годы гражданской войны в России большевики не только арестовывали, но и расстреливали эсеров, меньшевиков и анархистов, как своих злейших врагов. Немало большевиков пало в эти годы от пуль эсеров и анархистов, особенно на территориях, контролируемых эсеро-меньшевистскими и анархистскими отрядами, армиями и "правительствами". И тем не менее, когда белые армии генерала Деникина в 1919 г. угрожали Москве, Ленин распорядился освободить из тюрем меньшевиков и эсеров, и они добровольно шли прямо на фронт, иногда даже в качестве комиссаров, чтобы сразиться за Советскую власть. Были также восстановлены союзные отношения с повстанческой армией анархиста Нестора Махно, которая была формально включена в Красную Армию и громила на Южной Украине отборные полки деникинской армии.

Несомненно, что "правые" социал-демократы помогли после первой мировой войны сохранить в Западной Европе капиталистическую систему. Оказавшись в ряде стран Запада у власти, они и не помышляли о переходе к социализму. Но во многих случаях буржуазия не хотела идти даже на те незначительные реформы, которые пытались осуществить социал-демократические партии. А в таких странах, как Германия, Италия и Япония, где значительная часть буржуазии делала ставку на фашистское движение, социал-демократические партии переходили в оппо-

зицию. Более того, перед лицом фашистской опасности многие социал-демократические группы и лидеры начинали занимать все более отчетливую антифашистскую позицию. Но Сталин, казалось, не замечал всех этих изменений, продолжая настаивать в первую очередь на борьбе против социал-демократии. Не без влияния Сталина 11-й пленум Исполкома Коминтерна принял в 1931 г. следующую резолюцию: "Успешная борьба против фашизма требует от компартий... быстрого и решительного исправления ошибок, в основном сводящихся к либеральному противопоставлению фашизма буржуазной демократии и парламентских форм диктатуры буржуазии ее открыто фашистским формам, что являлось отражением социал-демократических влияний в коммунистических рядах"¹.

С особенным рвением Сталин нападал в начале 30-х гг. на "левых" социал-демократов, имевших значительное влияние в рядах рабочего класса. Именно Сталин называл "левых" социал-демократов наиболее опасным и вредным течением в социал-демократии, так как они, по его мнению, прикрывали свой оппортунизм "показной революционностью" и этим отвлекали трудящихся от коммунистов. Сталин слишком быстро забыл, что именно "левые" течения в социал-демократии и послужили основой для создания коммунистических партий. Если Ленин называл Розу Люксембург "великой коммунисткой", "представителем пролетариата и нефальсифицированного марксизма", то Сталин развернул в начале 30-х гг. борьбу против "люксембургизма".

Наиболее значительный ущерб эта сектантская позиция причинила Германии, где угроза фашизма была особенно значительной. Как известно, на выборах в рейхстаг в 1930 г. нацистская партия собрала 6 400 тыс. голосов, что означало рост в 8 раз по сравнению с 1928 г. Но за социал-демократов проголосовало более 8,5 млн. избирателей, а за коммунистов — 4,5 млн. В 1932 г. на выборах в рейхстаг гитлеровская партия получила уже 13 750 тыс. голосов, Компартия — 5,3 млн. голосов, а социал-демократы — около 8 млн. Если бы коммунисты и социал-демократы создали единый фронт, то они, несомненно, сумели бы и в 1930-м и даже еще в 1932 г. остановить продвижение Гитлера к власти. Но единого фронта не существовало, напротив, руководящие группы обеих рабочих партий вели друг против друга ожесточенную борьбу. Вот, например, что говорилось в одной из распространяемых в это время листовок КПГ: "Другой различимой с большим трудом, но коварной разновидностью фашистов являются социал-фашисты". А 1932 г. ЦК КПГ направил местным организациям специальный циркуляр, в котором говорилось, что "левые" социал-демократы "принадлежат

¹ "11-й пленум ИККИ. Стенографический отчет". М., 1932, с. 626.

к авангарду контрреволюционной буржуазии, к злейшим врагам и предателям пролетариата”¹. Особенно рьяно проводила в КПГ линию Сталина группа Г. Неймана — Г. Реммеле. Г. Реммеле даже заявил в рейхстаге в 1931 г.: “Фашистское господство, фашистское правительство не пугает нас. Оно еще быстрее обанкротится, чем любое другое”². Советский публицист Эрнст Генри писал в 60-е гг. о позиции Сталина и КПГ: «Старые социал-демократические рабочие повсюду были не только оскорблены до глубины души, они были разъярены. Этого коммунистам они не простили. А коммунисты, стиснув зубы, выполняли приказ о “смертном бое”. Приказ есть приказ, партийная дисциплина — дисциплина. Везде, как будто спятив с ума, социал-демократы и коммунисты неистовствовали друг против друга на глазах у фашистов. Я это хорошо помню. Я жил в те годы в Германии и никогда не забуду, как сжимали руки старые товарищи, видя, как все идет прахом, как теория социал-фашизма месяц за месяцем, неделя за неделей прокладывает дорогу Гитлеру. Сжимали кулаки, подчиняясь “уму” и “воле” Сталина, и шли навстречу смерти, уже поджидавшей их в эзсовских застенках»³.

Даже после победы фашизма в Германии сектантские настроения в руководстве Коминтерна были настолько сильны, что, когда в октябре 1934 г. Морис Торез обратился к партии радикалов с предложением создать Народный фронт, руководство Коминтерна сочло это оппортунизмом и попросило Тореза отказаться от своего предложения. Французская компартия, однако, отклонила просьбу Коминтерна, и это было одной из причин, не давших фашизму победить во Франции⁴.

НАЧАЛО КУЛЬТА СТАЛИНА В СТРАНЕ И В ПАРТИИ

Начало 30-х гг. было временем все возрастающего культа Сталина, личность которого все более отождествлялась с деятельностью партии и государства. Разумеется, культ Сталина возник не в один день. Еще в начале 20-х гг. советским людям прививалась мысль о том, что ради партии и государства, которые всегда принимают только правильные решения, каждый, и особенно коммунист, должен пойти на все, что от него требуют. После смерти Ленина в нашей стране стал сознательно создаваться культ Ленина, одним из проявлений которого было

¹ Гинцберг Л. И. На пути в имперскую канцелярию. М., 1972, с. 269.

² “Европа в новое и новейшее время”, с. 676.

³ Генри Э. Рукопись.

⁴ “Проблемы мира и социализма”, 1965, № 12, с. 20.

сооружение Мавзолея, против которого возражала Н. К. Крупская и некоторые из друзей Владимира Ильича.

Постепенно, однако, культ партии и Ленина стал переключаться на учеников Ленина и членов Политбюро ЦК ВКП (б). Их именами стали называть не только улицы и предприятия (завод им. Рыкова, Бухаринский трамвайный парк и др.), но и города. В 1924—1925 гг. на карте нашей страны появились не только Ленинград и Сталинград, но также Зиновьевск и Троцк. Но чем больше менялся состав Политбюро, тем более неумеренными становились восхваления в адрес Сталина.

Некоторые историки считают, что культ Сталина возник в 1926—1927 гг. Действительно, во многих речах лидеров "левой" оппозиции уже тогда звучал протест против нарождающегося в партии культа Сталина. Но то было лишь начало его возвышения. Внешне он держался с подчеркнутой демократичностью, как бы противопоставляя себя "аристократу" Троцкому. Сталин был относительно доступен, грубоват и прост. Свободно ходил по зданию ЦК и Кремлю, гулял вокруг Кремля почти без охраны. Иногда запросто заходил в Институт красной профессуры побеседовать со студентами — активистами партии. Если в начале 20-х гг. в большинстве официальных учреждений были вывешены портреты Ленина и Троцкого (конечно, после 1924 г. портрет Троцкого почти везде убрали), то портретов Сталина еще нигде не было — их начали повсюду вывешивать только в 1930 г., после того, как в декабре 1929 г. с небывалой для того времени помпезностью было отмечено его 50-летие. Сталина в приветствиях называли не только "замечательным, выдающимся", но уже и "великим", "гениальным". В сборнике статей и воспоминаний о Сталине можно было найти немало преувеличений и искажений. Настойчиво повторялась мысль, что "при жизни В. И. Ленина т. Сталин, будучи одним из его учеников, был, однако, *единственным, самым надежным его помощником*, который в отличие от других на всех важнейших этапах революции, на всех крутых поворотах, проделанных партией под руководством Владимира Ильича, без колебаний шел рука об руку с ним"¹.

Иные из авторов сборника стремились доказать, что хотя Сталина знают в партии скорее как практика, в действительности он и крупнейший теоретик марксизма-ленинизма. Особенно много искажений содержалось в статье К. Е. Ворошилова "Сталин и Красная Армия", где Сталину были приписаны такие заслуги в гражданской войне, которых он не имел.

Уже в 1931 г. в предисловии к 6-томному Собранию сочинений В. И. Ленина редактор этого издания В. В. Адоратский писал, что работы Ленина надо изучать через труды Сталина. В но-

¹ "Сталин", 1929, с. 161. [Курсив мой.— Р. М.]

вые издания своих книг по истории ВКП (б) Ем. Ярославский и А. Бубнов вписывали страницы о "заслугах" Сталина.

Можно предположить, что в восхвалениях Сталина, особенно усилившихся после январского пленума ЦК 1933 г., были и искренние ноты. Но еще больше было заботливо поощряемого подхалимского усердия. То, что первыми стали прибегать к неумеренным восхвалениям Сталина члены Политбюро, особенно Молотов и Каганович, сразу придало этим восхвалениям характер официального политического курса, которого должны были придерживаться и те, кто никогда не считали Сталина непогрешимым.

К общему хору восхвалений Сталина присоединились и бывшие лидеры оппозиции, причем их голоса звучали нередко громче других. Одна за другой в печати появились статьи Пятакова, Зиновьева, Каменева, которые в очередной раз признавали свои ошибки и правоту "великого вождя трудящихся всего мира — товарища Сталина". В первом номере "Правды" за 1934 г. была помещена огромная статья К. Радека, где он прямо-таки захлебывался от восторга, говоря о Сталине. Через несколько дней эту статью издали отдельной брошюрой тиражом 225 тыс. экземпляров.

Культе Сталина служил не только его неумеренному тщеславию, но и столь же неумеренному властолюбию, ставил его в особое положение, поднимал над партией на недостижимую высоту и полностью изолировал от какой-либо критики. Сталин стремительно выходил из-под контроля ЦК, в составе руководства партией нарушалось необходимое равновесие. Это проявилось уже на XVII съезде ВКП (б), который прошел под знаком неумеренных восхвалений Сталина. Почти каждый оратор говорил о "величии" и "гениальности" Сталина. Можно было подумать, что съезд собрался лишь для того, чтобы чествовать Сталина. Показательно, что впервые в практике партии XVII съезд не принял развернутого постановления по отчету ЦК, а предложил всем партийным организациям "руководствоваться в своей работе положениями и задачами, выдвинутыми в докладе товарища Сталина"¹.

Естественно, что через Коминтерн культ Сталина стал сразу же насаждаться и во всех зарубежных компартиях, а это не могло не повлиять на стиль и методы их работы. Пример ВКП (б) поощрял к созданию культа собственных вождей, к извращению демократических принципов внутрипартийной жизни.

Известно, что Маркс и Энгельс крайне отрицательно относились к проявлениям какого-либо культа личности, включая, конечно, и все попытки возвеличить их деятельность. К. Маркс

¹ "КПСС в резолюциях...", ч. III, М., 1954, с. 201.

писал немецкому политическому деятелю Вильгельму Блосу: "Из отвращения ко всякому культу личности я во время существования Интернационала никогда не допускал до огласки многочисленных обращений, в которых признавались мои заслуги и которыми мне надоедали из разных стран, — я даже никогда не отвечал на них, разве только изредка за них отчитывал"¹.

Столь же неприязненно относился к попыткам возвеличения его личности и В. И. Ленин. Сохранилось воспоминание А. Луначарского о том, что в 1918 г., вскоре после покушения на Владимира Ильича, выздоравливающий Ленин вызвал к себе Управляющего делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича и еще нескольких человек и сказал им примерно следующее: "С большим неудовольствием отмечаю, что мою личность начинают возвеличивать. Это досадно и вредно. Все мы знаем, что не в личности дело. Мне самому было бы неудобно воспретить такого рода явление. В этом также было бы что-то смешное, претенциозное. Но нам следует исподволь наложить тормоз на всю эту историю"².

В № 12 журнала "Коммунистический Интернационал" за 1920 г. была опубликована статья Горького о Ленине и письмо Горького Г. Уэллсу, проникнутые духом культа личности. Ознакомившись с журналом, Ленин лично написал проект постановления Политбюро ЦК РКП(б) с осуждением статей Горького, "ибо в этих статьях нет ничего коммунистического, но много антикоммунистического. Впредь никоим образом подобных статей... не помещать"³.

Сталин иначе относился к восхвалениям в свой адрес. Факты дают основания утверждать, что Сталин не только не пресекал переходящее всякие границы подхалимское усердие некоторых своих приближенных, но, напротив, поддерживал и выдвигал этих подхалимов.

Через несколько лет в беседе с выдающимся немецким писателем-антифашистом Лионом Фейхтвангером, посетившим нашу страну, Сталин с показным недобрением отозвался о бесконечных и неумеренных восхвалениях в свой адрес. По словам Фейхтвангера, он заговорил со Сталиным о безвкусном и не знающем меры культе его личности. «На мое замечание, — свидетельствует Фейхтвангер, — он пожал плечами. Он извинил своих рабочих и крестьян тем, что они были слишком заняты своими делами и не могли развить в себе хороший вкус, и слегка пошутил по поводу сотен тысяч увеличенных до чудовищных размеров портретов человека с усами, которые мелькают у него перед глазами во время демонстраций. Я указываю ему на то, что даже люди, несомненно обладающие вкусом, выстав-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 241.

² "Ленинские страницы". М., 1960, с. 100.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 429.

ляют его бюсты и портреты — да еще какие! — в местах, к которым они не имеют никакого отношения, например на выставке Рембрандта. Тут он становится серьезен. Он высказывает предположение, что это люди, которые довольно поздно признали существующий режим и теперь стараются доказать свою преданность с удвоенным усердием. Да, он считает возможным, что тут действует умысел вредителей, пытающихся таким образом дискредитировать его. "Подхалимствующий дурак, — сердито сказал Сталин, — приносит больше вреда, чем сотня врагов". Всю эту шумиху он терпит, заявил он, только потому, что знает, какую наивную радость доставляет праздничная суматоха ее устроителям, и знает, что все это относится к нему не как к отдельному лицу, а как к представителю течения, утверждающего, что построение социалистического хозяйства в Советском Союзе важнее, чем перманентная революция»¹.

Мы не будем говорить здесь о народнических представлениях о роли отдельных "великих" личностей. Известно, что и среди марксистов в первое десятилетие XX века существовало течение "богостроительства", к которому относились тогда А. Луначарский, В. Базаров и даже М. Горький. Они объявляли своей задачей создание на основе марксизма некой "пролетарской религии без бога". Сталин фактически выполнил эту задачу, но с рядом поправок. Он помог создать на основе марксизма нечто вроде религии, но только с богом. Всесильным, всезнающим и грозным богом новой религии был объявлен сам Сталин.

Н. И. БУХАРИН В НАЧАЛЕ 30-х гг.

Я уже писал о том, что "правая" оппозиция была в 1929 г. сломлена не только политически, но и психологически, что можно отчетливо проследить на поведении Н. И. Бухарина в начале 30-х гг. Назначенный в июне 1930 г. заведующим научно-исследовательским сектором ВСНХ, Бухарин аккуратно выполнял возложенные на него обязанности. Он, казалось, не замечал тех социальных катаклизмов, которые происходили в стране и которые оправдывали худшие из его предсказаний. Бухарин не встречался ни с Рыковым, ни с Томским. Его публичные выступления касались лишь вопросов планирования научно-технических исследований, но не текущей политики.

Бухарин не был избран делегатом XVI съезда ВКП (б). Конечно, он мог присутствовать на съезде как член ЦК, но он предпочел отказаться от участия в съезде, тем более что был в это время нездоров. Сталин требовал от бывших лидеров "правой" оппозиции новых покаяний; Рыков, Томский и Угланов долж-

¹ Фейхтвангер Л. Москва, 1937. Отчет о поездке для моих друзей. М., 1937, с. 51—52.

ны были выступить на съезде партии с покаянными речами, Бухарин же отказался даже от какого-либо письма съезду, что вызвало резкую критику в его адрес со стороны многих делегатов. Все же съезд избрал не только Рыкова и Томского, но и Бухарина членами ЦК ВКП (б). Бухарин все еще пользовался популярностью среди значительной части партии.

Постепенно Бухарин расширил свою работу и в ВСНХ, и в Академии наук. Он не встречался со своими учениками, но встречался и беседовал со многими виднейшими советскими учеными, выступал с докладами на собраниях Академии, принял участие в редактировании Собрания сочинений Ленина, писал статьи и памфлеты с критикой мирового капитализма. Бухарин живо интересовался литературой и поэзией, очень дружил с Горьким, а также поддерживал дружеские отношения с О. Мандельштамом. В доме Горького Бухарин несколько раз встречался со Сталиным, они почти не беседовали друг с другом, но Бухарин с некоторых пор стал часто писать Сталину письма, на которые тот, впрочем, никогда не отвечал, но лишь подтверждал их получение. Сталин продолжал требовать от Бухарина покаяния, причем публичного и полного.

Впервые Бухарин выступил с осуждением своей "правой" теоретической платформы лишь на январском пленуме ЦК ВКП (б) 1933 г. Самокритика Бухарина была, однако, признана недостаточной, что нашло отражение и в решении пленума.

В январе 1934 г. в Москве собрался XVII съезд партии, о котором мы еще будем говорить в дальнейшем. И здесь Бухарин пошел на окончательную капитуляцию перед Сталиным. Он сказал в своей большой речи, в частности, следующее: "Ясно, что у "правых", к коим я принадлежал, была другая *политическая* линия, линия против развернутого социалистического наступления, против нового штурма на капиталистические элементы, на который наша партия шла. Ясно, далее, что эта линия предполагала другие *темпы* развития, что она была фактически против необходимого форсированного развертывания *индустриализации*, что она была против... ликвидации кулачества как класса, что она была против решительного курса на переделку мелкого крестьянского хозяйства; ... что она была против всего нового этапа развертывания широкого социалистического наступления, совершенно не понимая его исторической необходимости и делая политические выводы, которые нельзя было иначе истолковать, как антиленинские... Ясно, далее, что победа этого уклона неизбежно развязала бы *третью силу*, ослабила бы до крайности позиции рабочего класса... привела бы к преждевременной *интервенции*... и, следовательно, к *рестаурации капитализма* как совокупному результату обостряющегося внутреннего и внешнего положения при значительном ослаблении сил

пролетариата и при развязывании сил антипролетарских, контрреволюционных... Ясно, далее, что товарищ Сталин был целиком прав, когда разгромил, блестяще применяя марксо-ленинскую диалектику, целый ряд теоретических предпосылок "правого" уклона, формулированных прежде всего мною"¹.

Трудно предположить, что Бухарин говорил все это искренне. Он шел на компромисс со своей совестью. Оправданием для него, как можно судить из текста этой речи, было усиление фашистской опасности на Западе и на Востоке. Перед лицом этой опасности, как полагал Бухарин, нужно отложить споры и сплотиться вокруг того руководства ВКП (б), которое уже существует, то есть вокруг Сталина.

Эта капитуляция не прошла незамеченной. Хотя Бухарин был избран на съезде лишь кандидатом в члены ЦК ВКП (б), однако это понижение его в партийной иерархии сопровождалось возвращением к активной политической и публицистической деятельности. В феврале 1934 г. Бухарин был назначен ответственным редактором газеты "Известия", второй по значению советской газеты. Бухарину удалось сделать газету интересной, при этом главной темой статей самого Бухарина, которые нередко появлялись на страницах "Известий", была тема борьбы с фашистской опасностью. Однако наряду с этим "Известия", как, впрочем, и все другие советские газеты, активно способствовала раздуванию культа Сталина.

Л. Д. ТРОЦКИЙ В НАЧАЛЕ 30-х гг.

Троцкий, высланный в 1929 г. за границу, после недолгого пребывания в Стамбуле, поселился на небольшом острове в Мраморном море в полутора часах езды от Стамбула. Он развернул здесь необычайно интенсивную литературно-политическую деятельность. В западной печати были опубликованы статьи, а затем и несколько книг Троцкого. Он вел постоянную переписку со своими не слишком многочисленными сторонниками на Западе; с помощью сына Троцкому удалось наладить издание журнала "Бюллетень оппозиции", в котором почти половина материалов принадлежала перу самого Троцкого. В первый год ссылки Троцкий был настроен весьма оптимистически. На пороге 1930 г. он писал: "12-я годовщина застигает Советскую республику в таком состоянии, когда крупнейшие успехи сочетаются с крупнейшими трудностями, причем одновременно растут и те, и другие... 13-й год будет годом обострения противоречий. Обессиленная и придушенная партия может оказаться застигнутой врасплох. ...Центристский аппарат покажет, что он

¹ "XVII съезд ВКП (б). Стенографический отчет". М., 1934, с. 124—125.

аппарат и — ничто более. Пролетарскому ядру понадобится руководство. Его сможет дать только закаленная в борьбе коммунистическая левая”¹.

В 1930 г. Троцкий продолжал утверждать, что “левая” оппозиция непрерывно укрепляет и расширяет свои позиции. «“Левая” оппозиция, — писал он, — вопреки лживым сообщениям официозной печати идейно крепнет и численно растет во всем мире. Она сделала крупнейшие успехи за последний год». Но это были иллюзии. На деле в нашей стране после высылки Троцкого основные кадры недавней “левой” оппозиции капитулировали. Если в западных странах Троцкому удалось создать несколько небольших групп своих сторонников, то в СССР число его последователей непрерывно уменьшалось.

Критические замечания Троцкого по поводу политики Сталина были в большинстве случаев совершенно справедливы. Троцкий предлагал приостановить сплошную коллективизацию, заменив ее осторожным кооперированием на основе строгой добровольности и в соответствии с реальными ресурсами страны. Приостановить административное раскулачивание и вернуться к политике ограничения кулачества. Сократить нереальные планы сталинской сверхиндустриализации. Но в то же время Троцкий принял на веру фальсифицированные процессы против “вредителей” из числа так называемой буржуазной интеллигенции. Он даже выступил против слишком “мягких” приговоров лидерам Промпартии.

В “Бюллетене оппозиции” Троцкий опубликовал редакционную статью, в которой Сталин и его окружение обвинялись в том, что они выдвигали на ведущие хозяйственные посты “наемных агентов иностранных империалистов и русско-эмигрантских компраторов”. “Не ясно ли, — говорилось в статье, — что обвинительный акт Крыленко против Промышленной партии является вместе с тем обвинительным актом против сталинской верхушки, которая в своей борьбе против большевиков-ленинцев являлась на деле политическим орудием мирового капитала?”²

Полностью поверил Троцкий и в существование мифической Трудовой крестьянской партии. Когда в 1931 г. в Москве был организован еще один фальсифицированный судебный процесс Союзного бюро, то Троцкий и на этот раз поверил не убедительным доводам зарубежного центра меньшевиков, а бездоказательным доводам прокурора СССР Н. В. Крыленко. Троцкий полностью поверил и в вину Д. Б. Рязанова, который якобы хранил подпольный архив Союзного бюро, и, хотя ни один листок этих “подпольных архивов” не был представлен на суде, писал,

¹ “Бюллетень оппозиции”, 1929, № 7, с. 4.

² “Бюллетень оппозиции”, 1930, № 17—18, с. 21.

что вина подсудимых "неопровержимо установлена"¹. Комментируя дело Рютина—Галкина, Троцкий выразил лишь злорадство по поводу разгрома "рютинской группы", напомнив, что именно Рютин возглавлял борьбу против троцкистов в Краснопресненском районе Москвы.

Не отказался Троцкий и от своих теоретических построений. Он писал: "Разумеется, основные трудности социалистического строительства лежат вне воли руководства. Они коренятся в невозможности построения социалистического общества в отдельной стране, к тому же крайне отсталой"².

Даже тогда, когда Троцкому приходилось признавать значительные успехи социалистической промышленности и прочность созданного в СССР строя, "который обнаружил такое жизненное упорство, которого никто не предвидел, даже самые большие оптимисты в нашей среде", он не забывал добавить, что дальнейшие успехи социалистического строительства возможны лишь на основе мировой пролетарской революции и на базе международного хозяйства.

Если предположить, что в 1924—1925 гг. к власти в СССР пришла бы не группа Сталина, а группа Троцкого, то в середине и в конце 30-х гг. не было бы и "большого террора". Но нельзя идеализировать и Троцкого, "левая" оппозиция не могла составить приемлемой альтернативы сталинскому руководству. Еще в начале 30-х гг., наблюдая за капитуляцией своих недавних приверженцев, Троцкий писал в работе "Сталинская школа фальсификаций":

«Революция — суровая школа. Она не жалеет позвоночника, ни физических, ни моральных. Целое поколение вышло в тираж, истрепалось нервно, израсходовалось духовно. Сохранились немногие. Опустошенные составляют огромный процент на вершинах сталинской бюрократии. Аппаратные скрепы придают им внушительный вид, как парадная форма генералу-рамолитику. События будут обнаруживать и подтверждать опустошенность сталинской "гвардии" при каждом новом испытании. На капитуляциях по вопросу о троцкизме тысячи и десятки тысяч дрессировались в искусстве капитуляций вообще.

Чередование политических поколений есть очень большой и очень сложный вопрос, встающий по-своему, по-особому перед каждым классом, перед каждой партией, но встающий перед всеми. Ленин не раз издевался над так называемыми "старыми большевиками" и даже говаривал, что революционеров в 50 лет

¹ Только через пять лет в примечании к одному из материалов, опубликованных в "Бюллетене оппозиции", Троцкий писал: "Редакция "Бюллетеня" должна признать, что в период меньшевистского процесса она далеко недооценила степень бесстыдства сталинской юстиции и ввиду этого брала слишком всерьез признания бывших меньшевиков".

² "Бюллетень оппозиции", 1930, № 10, с. 2.

следовало бы отправлять к праотцам. В этой невеселой шутке была серьезная политическая мысль. Каждое революционное поколение становится на известном рубеже препятствием к дальнейшему развитию той идеи, которую оно вынесло на своих плечах. Политика вообще быстро изнашивает людей, а революция — тем более. Исключения редки, но они есть: без них не было бы идейной преемственности. Теоретическое воспитание молодого поколения есть сейчас задача задач. Только этот смысл и имеет борьба с эпигонами, которые, несмотря на видимое могущество, идейно уже вышли в тираж».

Троцкий не был "старым большевиком" и, вероятнее всего, искажил ленинские высказывания. Впрочем, для Троцкого, находящегося в изгнании, все это были только слова. Он уже не имел возможности отправлять людей "к праотцам". Но Сталин, который читал статьи и книги Троцкого, прислушивался иногда к его словам.

Зная, что в 1936—1939 гг. Сталин отправил к "праотцам" всю основную часть ленинской партийной гвардии, то есть все то поколение "старых большевиков", которые приближались по возрасту к 50 годам, можно было бы подумать, что он последовал совету Троцкого. Однако это не так. Сталин был вполне самостоятелен в своем решении и уничтожил целое поколение большевиков не потому, что оно "истрепалось нервно" и "израсходовалось духовно". Эти люди мешали не "дальнейшему развитию той идеи, которую они вынесли на своих плечах", а развитию и углублению самодержавной власти Сталина. Это и привело Сталина к мысли отправить всех "старых большевиков", к которым он чувствовал такую же неприязнь, что и Троцкий, "к праотцам" и опереться на более молодое поколение партийных работников, которые не прошли как следует школу революции, но уже достаточно основательно прошли сталинскую школу фальсификации.

Часть вторая

**УЗУРПАЦИЯ
СТАЛИНЫМ ВЛАСТИ
В СТРАНЕ И ПАРТИИ**

1

УБИЙСТВО С. М. КИРОВА. СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ НАД БЫВШИМИ ЛИДЕРАМИ ОПОЗИЦИИ

1934 г.

ЗАЧАТКИ "НОВОЙ" ОПОЗИЦИИ СТАЛИНУ

В 1931—1933 гг., несмотря на крайне тяжелое положение в стране, в коммунистической партии не существовало никакой серьезной оппозиции сталинскому руководству. То, что почти никто не оспаривал роль Сталина как вождя партии, объяснялось несколькими причинами. Во-первых, личная власть Сталина в эти годы была исключительно велика. Он практически бесконтрольно распоряжался быстро увеличивавшимся и централизованным партийным аппаратом. Благодаря К. Ворошилову он сохранял контроль над Красной Армией, а благодаря Г. Ягоде и Я. Агранову — контроль над органами ОГПУ. В этих условиях оппозиция Сталину становилась весьма опасным делом, и большинство тех, кто в прошлом не раз весьма критически отзывались о Сталине, сковывал страх. Во-вторых, многие грубые просчеты и преступления, совершенные Сталиным в начале 30-х гг. выявились более отчетливо лишь много лет спустя, некоторые — лишь после его смерти. Так, например, очень немногие были посвящены в тайну фальсификации политических судебных процессов 1930—1931 гг. Иные ошибочные и даже преступные действия Сталина изображались пропагандой как великие достижения и ставились ему в заслугу. Важно отметить также, что сама исключительность ситуации, сложившейся в нашей стране в начале 30-х гг., способствовала укреплению власти Сталина. Перед лицом невиданных ранее трудностей большинство партийных руководителей, даже недовольных Сталиным, считали невозможным развешивать какую-то новую внутрипартийную борьбу, чтобы еще более не осложнять положение. Они не видели в партийных верхах никого, достойного занять место Сталина, и боялись, что если страна и партия начнут двигаться иным курсом или попытаются остановиться или даже отступить, это кончится полным крахом. Даже убежденный троцкист, как пишет в своей книге "Большой террор" Р. Конквист, комментировал события таким образом: "Если бы не этот [Сталин]... все распалось бы к сегодняшнему дню на куски. Это он связывает все воедино". К тому же многие руководители партии сильно изменились к 1933—1934 гг., ибо Сталину

удалось не только подчинить их себе, но и развратить, о чем мы еще будем говорить в дальнейшем.

Одновременно с ростом культа Сталина между ним и значительной частью партийных кадров возникло и продолжало расти определенное отчуждение. При этом речь идет не о бывших лидерах оппозиции, а об основном руководящем ядре партии. Сталин, чувствуя это, стал все более энергично продвигать вперед сравнительно молодых партийных работников и с пренебрежением относиться к ветеранам партии, которые, по его мнению, уже сыграли свою роль. Даже такой в прошлом верный помощник и личный секретарь Сталина, как И. П. Товстуха, стал выражать в начале 30-х гг. недовольство Сталиным. После конфликта со Сталиным Товстуха был переведен на работу в Институт Маркса—Энгельса—Ленина. Ранняя смерть спасла его от более тяжелой судьбы.

Заслуживает внимания в этой связи дело Н. Б. Эйсмонта, В. Н. Толмачева и А. П. Смирнова, которое разбиралось на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) в 1933 г. Это были известные в то время деятели партии. А. П. Смирнов руководил в 20-е гг. различными наркоматами, был секретарем ЦК ВКП (б) и членом коллегии ВСНХ СССР. Н. Б. Эйсмонт в начале 30-х гг. занимал пост наркома снабжения СССР, а В. Н. Толмачев был наркомом внутренних дел РСФСР и членом ЦИК СССР. В резолюции пленума по данному вопросу в обычных для того времени выражениях говорилось о создании Эйсмонтом, Толмачевым и Смирновым "подпольной фракционной группы", которая якобы ставила своей задачей срыв индустриализации и коллективизации и восстановление капитализма в нашей стране. Пленум принял решение исключить Эйсмонта и Толмачева из партии "как разложившихся и переродившихся антисоветских людей". Смирнов был оставлен в партии, но исключен из состава ЦК ВКП (б)¹.

В настоящее время мы знаем, что главной виной Смирнова, Эйсмонта и Толмачева было то, что они вели среди небольшой группы своих сторонников разговор о замене Сталина на посту генсека. "Ведь это только враги могут говорить, — заявил при разборе этого дела Сталин, — что уберет Сталина и ничего не будет"².

Группа Эйсмонта—Толмачева—Смирнова не представляла опасности для Сталина, другое дело — разногласия в новом составе Политбюро, которые далеко не всегда кончались его победой. Мы уже писали выше, что в 1932 г. Сталин потребовал рас-

¹ "КПСС в резолюциях..." ч. III, с. 199. Через несколько лет А. П. Смирнов был расстрелян по приказу Сталина, так же как и В. Н. Толмачев. Н. Б. Эйсмонт еще раньше погиб в результате несчастного случая.

² "Всесоюзное совещание историков". М., 1964, с. 291.

стрела М. Рютина и руководителей его группы, однако Политбюро приняло решение только о ссылке "рютинцев". Постепенно в Политбюро сложилась более умеренная группа — С. М. Киров, М. И. Калинин, С. В. Косиор, Г. К. Орджоникидзе, В. В. Куйбышев.

Во время голода 1933 г. на Украине и Северном Кавказе Сталин настаивал на усилении репрессий против бегущих из своих сел и станиц крестьян, тогда как Киров призывал к сдержанности. На одном из заседаний Политбюро он высказался за "восстановление Советской власти" в деревне, где еще со времен коллективизации действовал режим чрезвычайного положения, а власть в большинстве районов принадлежала политотделам МТС. Вскоре по решению ЦК ВКП (б) политотделы МТС были ликвидированы. В большинстве сельских районов были восстановлены полномочия Советов, а в МТС создана должность заместителя директора по политической работе.

На протяжении 1933 г. на заседаниях Политбюро С. М. Киров несколько раз выступал за более гибкую политику, за некоторую "либерализацию" режима, и его выступления встречали положительный отклик ведущих партийных работников. Не без влияния Кирова в 1933 г. Зиновьев и Каменев были еще раз восстановлены в рядах партии. В Ленинграде Киров воспротивился репрессиям против бывших участников оппозиции. Оппозиционеры, принявшие "генеральную линию", были возвращены в ряды партии. Киров выступал за улучшение отношений между партией и писателями, а также другими группами творческой интеллигенции. Не без его участия было принято решение о ликвидации РАППа и подготовке к созыву Первого всесоюзного съезда советских писателей.

Недовольство, разочарование и протест в отношении политики Сталина были в начале 30-х гг. не только у части старых большевиков, но и у части партийно-комсомольской молодежи. Известно, что комсомольский актив середины 20-х гг. нередко с энтузиазмом принимал лозунги "левой" оппозиции. С другой стороны, огромной популярностью среди комсомольцев пользовался Н. И. Бухарин. Теперь, в начале 30-х гг., молодая часть партии испытывала разочарование в своих недавних кумирах, а также и в политике Сталина. Это привело к появлению большого числа небольших кружков. В большинстве случаев дело ограничивалось встречами и разговорами в узком, обычно домашнем кругу и на вечеринках, однако происходили и публичные манифестации с разбрасыванием листовок. Подобные действия квалифицировались как "контрреволюция", и летом 1933 г. органами НКВД было арестовано несколько групп молодежи. Сталин настаивал на самых суровых наказаниях, однако Политбюро разрешило применять "высшую меру" только в исключительных случаях. И действительно, приговоры по делам участ-

ников оппозиционных манифестаций были сравнительно мягкими.

Особое значение приобретают поэтому некоторые события, связанные с XVII съездом партии, происходившим в январе—феврале 1934 г. На поверхностный взгляд съезд был демонстрацией любви и преданности Сталину. Но если сопоставить скудные свидетельства некоторых старых большевиков, можно уверенно сделать вывод о том, что на XVII съезде образовался нелегальный блок в основном из секретарей обкомов и ЦК нацкомпартий, которые больше, чем кто-либо, ощущали и понимали ошибочность сталинской политики. Одним из активных членов этого блока был И. М. Варейкис, занимавший тогда пост секретаря обкома Центрально-Черноземной области. Беседы проходили на московских квартирах у некоторых ответственных работников, и в них участвовали Г. Орджоникидзе, Г. Петровский, М. Орахелашвили, А. Микоян. Выдвигались предложения переместить Сталина на пост Председателя Совета Народных Комиссаров или ЦИК СССР, а на пост генсека ЦК ВКП (б) избрать С. М. Кирова. Группа делегатов съезда беседовала на этот счет с Кировым, но он решительно отказался, а без его согласия весь план становился нереальным. Об этих совещаниях в кулуарах XVII съезда упоминалось, правда, очень скупо и в учебнике по истории КПСС, изданном в 1962 г. под редакцией секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева. Мы можем здесь прочесть следующее:

“Ненормальная обстановка, складывающаяся в партии, вызывала тревогу у части коммунистов, особенно у старых ленинских кадров. Многие делегаты съезда, прежде всего те из них, кто был знаком с завещанием Ленина, считали, что наступило время переместить Сталина с поста генсека на другую работу”¹.

Недовольство Сталиным отразилось на результатах голосования при выборах ЦК ВКП (б), состоявшихся на вечернем заседании съезда 9 февраля. Председателем счетной комиссии был избран В. П. Затонский, сменивший Н. Скрыпника на посту наркома просвещения Украины. Его заместителем стал старый большевик В. М. Верховых. Когда в ночь с 9 на 10 февраля счетная комиссия вскрыла урны для голосования, оказалось, что Сталин получил меньше всего голосов. Против Кирова было подано на съезде всего 3 голоса, против Сталина проголосовало 270 делегатов съезда. Только потому, что кандидатов выдвигалось теперь ровно столько, сколько надо было избрать членов ЦК, Сталин оказался избранным. Однако огласить подобные

¹ “История КПСС”. М., 1962, с. 486. (В последующих изданиях учебника приведенная нами фраза была опущена, как и многие другие фразы и абзацы, содержащие критику Сталина.)

результаты голосования даже перед делегатами съезда счетная комиссия не решилась. По свидетельству В. М. Верховых, который чудом пережил все ужасы сталинских "чисток" и лагерей, В. П. Затонский немедленно доложил о результатах голосования Л. М. Кагановичу, ведавшему организационной работой съезда. Каганович распорядился изъять почти все бюллетени, в которых была вычеркнута фамилия Сталина. На заседании съезда 10 февраля было объявлено, что против Сталина, так же как и против Кирова, было подано всего 3 голоса. Ни в газетах, ни в изданной вскоре стенограмме съезда вообще не упоминалось о количестве голосов, поданных за того или иного кандидата. Однако Сталин знал о действительных результатах голосования. Узнал он также и о совещаниях делегатов съезда, на которых обсуждался вопрос о его перемещении на менее ответственный пост.

Слухи о неблагоприятном для Сталина голосовании уже в феврале 1934 г. распространялись в Москве и проникли за границу. Говорили даже о том, что Сталин вообще не набрал нужного для избрания в ЦК числа голосов. Меншевистский "Социалистический вестник", выходящий в Париже, сообщал читателям 25 февраля, что Сталин получил меньше голосов, чем другие кандидаты, и что наибольшее число голосов было отдано М. И. Калинину.

Американский историк А. Улам в своей книге о Сталине оспаривает приведенные выше свидетельства о подтасовке результатов голосования на XVII съезде. Не приводя никаких доказательств, А. Улам пишет, что "имеется во всех смыслах основание считать, что выборы Центрального Комитета были единоголосными"¹. Улам замечает также, что голосование на съездах партии было тайным, и после 1923 г. при объявлении результатов голосования не обнародовались цифры, свидетельствующие о том, кто из кандидатов оказался более удачливым при голосовании. Улам даже считает, что В. М. Верховых в своих воспоминаниях обнаруживает незнание процедуры голосования для избрания на съезде партии Центрального Комитета. В данном случае, однако, ошибается именно А. Улам. В. М. Верховых подробно описал в своей записке, направленной им в ЦК КПСС еще перед XX съездом, каким образом происходил подсчет голосов при выборах в ЦК на XVII съезде партии. Выборы в ЦК всегда были тайными, но после 1923 г. результаты выборов перестали публиковать в печати и в стенограммах съездов, но не перестали еще объявлять делегатам съезда. В любом случае было бы трудно сохранить тайну этих выборов, так как в счетную комиссию на XVII съезде входило более 40 человек. Для проверки свидетельства В. М. Верховых специальная комиссия ЦК КПСС в

¹ U l a m A d a m B. Stalin..., p. 374.

1957 г. обследовала в партийном архиве материалы XVII съезда, в том числе особые пакеты, в которых под сургучными печатями хранились бюллетени голосования. В эту комиссию входила член КПК, старая коммунистка О. Г. Шатуновская. По ее свидетельству, в этих пакетах, вскрытых в присутствии ответственных сотрудников партийного архива и тогдашнего директора Института марксизма-ленинизма П. Н. Поспелова, не хватало 267 бюллетеней. Иначе говоря, в протоколах счетной комиссии была указана иная цифра, чем реальное количество хранимых под сургучными печатями бюллетеней. В. М. Верховых считал, что эти бюллетени просто уничтожили. Можно предполагать, однако, что их изъяли для всестороннего изучения в ОГПУ.

На XVII съезде был значительно изменен персональный состав ЦК ВКП (б). Из прежнего состава ЦК не были избраны в новый некоторые негодные Сталину люди — Ф. И. Голощекин, Э. И. Квиринг, Н. Н. Колотилов, В. В. Ломинадзе, Г. И. Ломов, М. Д. Орахелашвили, Л. Картвелишвили, К. А. Румянцев и др. Из членов в кандидаты ЦК были переведены Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, М. П. Томский и др. На съезде были избраны в ЦК (минуя пост кандидата в члены ЦК) чекисты В. Балицкий и Е. Г. Евдокимов. Без кандидатского стажа вошли в состав ЦК Л. П. Берия, Н. И. Ежов, а также Н. С. Хрущев — все это были теперь фавориты Сталина. Кандидатами в члены ЦК избрали Л. З. Мехлиса и А. Н. Поскребышева, которые на XVI съезде не были даже в числе делегатов, но входили теперь в личную канцелярию Сталина. Членом ЦК стал и Г. Г. Ягода, а кандидатом в члены ЦК — М. Д. Багиров.

После съезда партии Н. Ежов и Л. Мехлис заняли важные посты в аппарате ЦК ВКП (б). ОГПУ было преобразовано в Наркомат внутренних дел СССР, объединивший теперь несколько прежних организаций. Тогда это было воспринято как признак некоторой либерализации.

На съезде С. М. Киров был избран секретарем ЦК ВКП (б), но, хотя Сталин настаивал на его переезде в Москву, Киров не хотел оставлять Ленинград. По свидетельству старого большевика А. М. Дурмашкина, хорошо знавшего Кирова, в Москву по этому поводу приезжала делегация ленинградских большевиков, которую Сталин принял очень холодно. Сталин согласился, чтобы Киров временно остался во главе ленинградской партийной организации, однако на протяжении года несколько раз требовал, чтобы Киров выполнял поручения, далеко выходящие за пределы обязанностей секретаря Ленинградского обкома (например, помочь при уборке хлеба в Казахстане). А. М. Дурмашкин свидетельствовал также, что после съезда стало заметно отчуждение между Сталиным и Кировым, которых раньше считали близкими друзьями. Сталин почти перестал звонить Кирову

в Ленинград, хотя прежде звонил очень часто. Киров продолжал работать активно и достаточно самостоятельно. Он, например, разрешил переехать в Ленинград Д. Б. Рязанову — “неразоружившемуся” противнику политики Сталина, исключенному к тому же из партии. Когда в Коминтерне возникли разногласия по вопросу об отношении к социал-демократии, С. М. Киров неизменно выступал на стороне тех, кто требовал поворота Коминтерна в сторону единого фронта.

Из всего сказанного выше можно сделать вывод, что на XVII съезде партии проявилось растущее недоверие к Сталину среди широких кругов партийного актива. Сталин был всегда крайне чуток к таким “сигналам”. Он почувствовал опасность для своего положения и для своей власти, и эта опасность персонифицировалась для него в лице С. М. Кирова и многих делегатов XVII съезда.

УБИЙСТВО С. М. КИРОВА

1 декабря 1934 г. в 16 часов 30 минут в Смольном выстрелом в затылок был убит член Политбюро, секретарь ЦК ВКП (б) и первый секретарь Ленинградского обкома партии С. М. Киров. Некоторые подробности этого преступления можно узнать из ряда биографических книг о Кирове, опубликованных в 60-е гг.¹ Однако истинные мотивы и обстоятельства убийства Кирова, ставшего первым звеном в длинной цепи трагических событий, продолжавшихся несколько лет, и до сих пор не вполне ясны.

В сообщении об убийстве Кирова говорилось, что при попытке к бегству задержан стрелявший в него молодой член партии Леонид Николаев. Казалось бы, это создавало возможность тщательно расследовать все нити совершенного преступления. Однако весь ход первоначального следствия по делу об убийстве Кирова, проведенного еще в декабре 1934 г., противоречил закону и здравому смыслу. Не была установлена истина и в результате дальнейшего следствия, проведенного органами НКВД в 1936-м и в 1937—1938 гг.

Выступая на XX съезде партии, Н. С. Хрущев рассказал делегатам о некоторых сомнительных обстоятельствах, связанных с расследованием дела об убийстве Кирова. В 1956 г. в ЦК КПСС была создана особая комиссия, которая в течение нескольких лет проводила новое расследование этого террористического акта. Хотя со времени событий миновало больше 20 лет, комиссии удалось собрать большой материал. Были получе-

¹ См., например, книги: Красников С. Сергей Миронович Киров. Жизнь и деятельность. М., 1964; Синельников С. Киров. М., 1964, и др.

ны свидетельства более трех тысяч человек. Естественно, что многие свидетельства были неточны, противоречивы, сомнительны. Но были и крайне важные, не вызывающие сомнений показания и свидетельства, которые позволяли комиссии составить итоговый документ о проделанной работе. Этот документ, однако, не был опубликован. Член комиссии О. Г. Шатуновская, награжденная за эту работу орденом Ленина и отправленная затем на пенсию, сообщила, что сам Н. С. Хрущев, ознакомившись с выводами комиссии, запер итоговый документ в свой сейф и сказал: "Пока в мире существует империализм, мы не можем опубликовать такой документ".

Такое решение не может быть убедительным для любого честного историка. Не претендуя на полноту, приведу некоторые свидетельства и гипотезы, связанные с убийством Кирова. Вначале я должен привести здесь некоторые личные воспоминания. Дело в том, что в 1934 г. наша семья жила в Ленинграде, и я хорошо помню то волнение, которое охватило моих родителей и всех окружающих при известии об убийстве Кирова. В 30-е гг. дети очень рано начинали интересоваться политикой, и именно после убийства Кирова я стал регулярно читать не только ленинградскую молодежную газету "Смена"¹, но и многие другие газеты, включая "Правду" и "Известия".

В некоторых западных исследованиях можно прочесть, что убийство Кирова вызвало удовлетворение в определенных кругах советского населения. А. Улам, например, писал в своей книге о Сталине:

"Всякий, близко знакомый с историей русского революционного движения, должен знать, сколь опьяняющими могут быть известия об успешном политическом убийстве для жертв политического угнетания. Один шестнадцатилетний ученик заявил: "Они убили Кирова, теперь им следует убить Сталина", — говорилось в одном из многих аналогичных сообщений, найденных в архиве Смоленской партийной организации"².

Можно, конечно, не сомневаться, что в тогда еще крайне неоднородном советском обществе было место для самых различных чувств по поводу убийства Кирова. Однако среди "жертв политического угнетания" преобладали настроения не "окрыляющей радости", как думает А. Улам, а страх, как оказалось, вполне обоснованный. Но среди большинства молодежи

¹ Первая публикация, под которой стояла подпись "Рой Медведев", появилась 1 декабря 1935 г. в ленинградской газете "Смена". Заметка имела заголовок "На смерть Кирова".

² U l a m A d a m B. Stalin., p. 385. Во время второй мировой войны немецкие войска захватили все областные смоленские архивы, включая и архив НКВД. Этот архив попал затем в руки англо-американских войск. См. книгу М. Файнсод (Fainsod M. Smolensk Under Soviet Rule. Cambridge, 1958, p. 422).

убийство Кирова вызвало скорбь и гнев, эти эмоции преобладали также и среди рабочего класса Ленинграда, где Киров был весьма популярен. Во всяком случае, я хорошо помню молчаливое, скорбное ночное факельное шествие трудящихся Ленинграда, которые шли по набережной Васильевского острова на грандиозный траурный митинг к Зимнему дворцу.

Утром 2 декабря в Ленинграде распространился слух о приезде Сталина. Он приехал специальным поездом вместе с В. Молотовым, К. Ворошиловым, Н. Ежовым, Г. Ягодой, А. Ждановым, Я. Аграновым и Л. Заковским. На вокзале его встречали руководители ленинградской партийной организации во главе с М. С. Чудовым и руководители ленинградского управления НКВД во главе с Ф. Д. Медведем. Рассказывали, что, выйдя на перрон, Сталин не подал руки никому из встречавших, а Медведев ударил по лицу, не снимая перчатки. Сразу же после приезда Сталин взял руководство следствием в свои руки.

В убийстве Кирова, несомненно, нельзя винить одного Николаева. Как рассказал мне Петр Чагин, известный партийный работник и близкий друг Кирова, в 1934 г. было несколько попыток покушения на его жизнь, явно направляемых чьей-то сильной рукой. Такая попытка, например, была предпринята во время поездки Кирова в Казахстан. Что касается Николаева, то все источники сходятся на том, что этот психически неуравновешенный человек действовал вначале по собственной инициативе. Озлобленный и тщеславный неудачник, он мнил себя новым Желябовым и готовил убийство Кирова как некую важную политическую акцию.

Киров любил ходить пешком по городу, и Николаев изучил маршруты его прогулок. Конечно, Кирова тщательно охраняли, и группа охранников в штатском, возглавляемая сотрудником НКВД Борисовым, сопровождала его, идя "лесенкой" впереди и сзади. Во время одной из прогулок охрана задержала человека, который пытался приблизиться к Кирову. Это был Николаев. В его портфеле оказался вырез, через который можно было выхватить спрятанный там револьвер, не открывая застёжку. В портфеле лежал также чертеж с маршрутами прогулок Кирова. Николаева немедленно арестовали. Его допрашивал заместитель начальника УНКВД области И. Запорожец, лишь недавно прибывший в Ленинград доверенный сотрудник Г. Ягоды. Он был, как выяснилось впоследствии, активным участником заговора. Запорожец не доложил о задержанном своему непосредственному начальнику Ф. Д. Медведеву, который был близок к Кирову, а позвонил в Москву наркому внутренних дел Г. Ягоде. Через несколько часов Ягода дал указание освободить Николаева. С кем советовался Ягода? В 1938 г. во время судебного процесса над участниками "правотроцкистского блока" подсудимый Ягода подтвердил приведенные выше факты, но одно-

временно утверждал, что все главные приказы он получал якобы от А. Енукидзе и А. Рыкова. В настоящее время эта версия полностью отпала. Можно не сомневаться, что приказы Ягода получал от более влиятельных лиц.

Николаева отпустили, и через некоторое время он вновь был задержан на мосту охраной Кирова, которая вторично изъяла у него все тот же заряженный револьвер. Станный либерализм Ленинградского управления НКВД вызвал подозрения у людей, охранявших Кирова, но им заявили, что это не их дело, и пригрозили исключением из партии. Все же Борисов рассказал обо всем Кирову.

Николаева снова освободили, и вскоре ему удалось убить Кирова. Прибывший в Ленинград Сталин решил лично допросить Николаева. Сопоставляя некоторые из свидетельств (помощника Жданова И. М. Кулагина, присутствовавшего при допросе, уже упомянутого нами П. Чагина и некоторых других), можно обрисовать допрос Николаева следующим образом.

В большой комнате за столом сидели Сталин, Молотов, Ворошилов, Жданов, Косарев и некоторые другие. Сзади стояла группа ленинградских партработников во главе со вторым секретарем обкома М. С. Чудовым и отдельно группа чекистов. (И. Запорожец в день убийства Кирова находился на отдыхе у Черного моря и вряд ли мог так быстро вернуться в Ленинград.) Ввели Николаева. Сталин спросил его, почему он стрелял в Кирова? Упав на колени, Николаев закричал, указывая рукой на чекистов: "Они заставляли меня это сделать!" Тогда несколько чекистов подбежали к Николаеву и стали избивать его рукоятками пистолетов. Окровавленного, потерявшего сознание Николаева вынесли из помещения. Некоторые из присутствующих, в том числе и Чудов, считали, что Николаев был убит на допросе, а следовательно, на судебном процессе в конце декабря судили не Николаева, а какое-то подставное лицо. Об этом Чудов рассказывал позднее своему близкому другу А. М. Дурмашкину¹.

Однако в действительности Николаев не был убит на допросе. Его доставили в тюремную больницу, где с большим трудом возвратили к жизни, ведь в 1934 г. медицина не располагала еще современными способами реанимации. Ни Чудов, ни Кулагин не могли понять тогда, почему Сталин не остановил избивавших Николаева чекистов, позволивших себе в его присутствии столь грубое превышение власти.

Затем должен был состояться допрос начальника охраны Борисова, которого арестовали сразу же после убийства Кирова.

¹ В большинстве случаев лица, у которых я брал интервью, позволяли ссылаться на них при публикации их свидетельств. Однако были и исключения.

Всех арестованных доставляли на допрос в легковых машинах, но за Борисовым отправили крытую грузовую машину, в кузов которой влезло несколько чекистов с ломками. Один из них сел в кабину к шоферу. На улице Воинова, когда машина проезжала мимо глухой стены склада, сидевший рядом с шофером чекист неожиданно вывернул руль. Шофер сумел все же избежать столкновения, и машина, задев стену по касательной, добралась до места своим ходом. Однако Борисов был уже мертв. Медицинская экспертиза дала ложное заключение о гибели Борисова в автомобильной катастрофе. Но некоторые врачи, участвовавшие в экспертизе, остались живы и дали письменные показания комиссии ЦК о том, что заключение экспертизы было вынужденным и в действительности смерть Борисова наступила от ударов тяжелыми металлическими предметами по голове. Этот эпизод счел нужным рассказать на XXII съезде партии и Н. С. Хрущев. Он сказал в своем докладе:

“Обращает на себя внимание тот факт, что убийца Кирова раньше дважды был задержан чекистами около Смольного и у него было обнаружено оружие. Но по чьим-то указаниям оба раза он освобождался. И вот этот человек оказался в Смольном с оружием в том коридоре, по которому обычно проходил Киров. И почему-то получилось так, что в момент убийства начальник охраны Кирова далеко отстал от С. М. Кирова, хотя он по инструкции не имел права отставать на такое расстояние от охраняемого. Весьма странным является и такой факт. Когда начальника охраны Кирова везли на допрос, а его должны были допрашивать Сталин, Молотов и Ворошилов, то по дороге, как рассказывал потом шофер этой машины, была умышленно сделана авария теми, кто должен был доставить начальника охраны на допрос. Они объявили, что начальник охраны погиб в результате аварии, хотя на самом деле он оказался убитым сопровождавшими его лицами. Таким путем был убит человек, который охранял Кирова. Затем расстреляли тех, кто его убил... Кто мог это сделать? Сейчас ведется тщательное изучение обстоятельств этого сложного дела”¹.

После XX и XXII съездов партии сотни коммунистов и беспартийных писали в ЦК КПСС о своих сомнениях по поводу официальной версии убийства С. М. Кирова и сообщали при этом некоторые факты и свидетельства, которые, по их мнению, могли бы пролить свет на это преступление. Копии некоторых из этих писем есть и в моем архиве.

Так, например, старый член партии И. П. Алексахин сообщал о своей встрече на прииске “Линковский” с другим заключенным — Дубошиным, работавшим ранее начальником Петропав-

¹ “XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17—31 октября 1961 года. Стенографический отчет”, ч. II. М., 1962, с. 583—584.

ловского НКВД. Дубошин рассказал Алексахину, что когда он в Москве в ноябре 1934 г. жил в гостинице "Селент" (где обычно останавливались приезжие чекисты), в их комнату зашел один ответственный работник НКВД, тесно связанный с московским руководством. "В Ленинграде, — сказал он, — готовится страшное убийство". Дубошин не придавал значения этим словам. Но после убийства Кирова он спросил того же работника: "Выходит, что некоторые из вас знали о подготовке покушения на Сергея Мироновича?" Вразумительного ответа Дубошин не получил.

По свидетельству Е. П. Фролова, работавшего в 1934 г. в Промотделе ЦК ВКП (б), еще утром 1 декабря 1934 г. Н. И. Ежов, который в то время заведовал промотделом, а по совместительству контролировал также деятельность НКВД, ушел в кабинет к Сталину и провел там большую часть дня. Раньше столь длительных встреч у них не было. Только в 7 часов вечера Ежов вернулся в отдел и приказал своему помощнику В. Цесарскому немедленно готовиться к поездке в Ленинград.

Известно, что вместо Кирова первым секретарем Ленинградского обкома был вскоре избран А. А. Жданов. Его помощник И. М. Кулагин свидетельствовал, что через несколько месяцев после убийства Кирова в Смольный пришла жена начальника охраны Борисова. Кулагин принял ее. Женщина умоляла о помощи, так как ее поместили в сумасшедший дом и хотели отравить, но ей удалось бежать. Еще раньше ее допрашивали в НКВД, стараясь выяснить, что рассказывал ей муж перед убийством Кирова. Но Кулагин не вправе был что-то сделать для Борисовой без ведома НКВД. Он позвонил в это учреждение и попросил поместить обратившуюся к нему женщину в обычную городскую больницу, что и было сделано. Через несколько дней Кулагин узнал, что Борисова умерла в больнице с признаками отравления.

По рассказам дочери соратника Кирова П. И. Смородина — М. Смородиной, начальник Ленинградского УНКВД Ф. Д. Медведь, узнав об убийстве Кирова, бросился бежать в Смольный, не одев даже пальто и шапку (в декабре). Однако у входа в Смольный он был задержан не известными ему чекистами из московской охраны, каким-то образом оказавшимися у входа раньше Ф. Медведя. Этот рассказ, впрочем, содержит, видимо, ряд неточностей. Киров был убит в Смольном рядом с кабинетом своего заместителя М. С. Чудова. Чудов выбежал из кабинета, услышав выстрелы. Киров был уже мертв, и Чудов распорядился ничего не трогать, чтобы не мешать следствию, а сам немедленно позвонил в Москву Сталину. Сталин приказал отменить намеченное на 1 декабря собрание ленинградского партийного актива и окружить Смольный войсками НКВД. Медведь был в эти минуты не у себя в управлении, и эти распоряжения шли не

через него. Вероятно, вызванные Чудовым подразделения НКВД, так же как и Ф. Д. Медведь, не "узнали" друг друга.

По свидетельству С. Н. Осмоловской, жены близкого друга Кирова П. П. Петровского, за несколько дней до убийства Кирова было совершено покушение и на Петровского. К нему подошли двое неизвестных и стали наносить удары железными предметами. Петровскому удалось, прикрыв голову, убежать. Узнав об убийстве Кирова, Петровский сразу сказал жене, что это дело рук Сталина. И таких рассказов можно привести немало.

Вскоре после убийства Кирова руководителей Ленинградского управления НКВД Ф. Медведя, И. Запорожца и нескольких других, обвинив в преступной халатности, сняли и направили на работу в органы НКВД на Дальнем Востоке. Но в 1937 г. все они были расстреляны. "Можно думать, — не без основания заявил на XX съезде КПСС Н. С. Хрущев, — что их расстреляли затем, чтобы замести следы организаторов убийства Кирова".

Заслуживает быть отмеченным и то, что уже вечером 1 декабря 1934 г. по телефонному распоряжению Сталина секретарь ЦИК СССР А. Енукидзе составил и обнародовал постановление ЦИК и СНК СССР "О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик". Согласие же членов Политбюро, СНК и ЦИК СССР оформили опросом только через два дня. В данном постановлении говорилось:

"Внести следующие изменения в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик по расследованию и рассмотрению дел о террористических организациях и террористических актах против работников Советской власти: 1) Следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней. 2) Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде. 3) Дела слушать без участия сторон. 4) Кассационные обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать. 5) Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговоров"¹.

Фактически это было постановление о терроре, беспредедентное в условиях мирного времени, так как открывало широкий простор для беззаконий. Ведь при желании любое "политическое дело" можно было подать как подготовку к террористическому акту. Ускоренный порядок следствия толкал к поверхностному рассмотрению дел и прямым фальсификациям, мешал определить, виновен или не виновен подсудимый.

На основании данного постановления десятки дел, находившихся к 1 декабря 1934 г. в производстве в различных инстан-

¹ "Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства". М., 1938, с. 314.

циях, ничем не связанных с убийством Кирова, но подпадавших под широко толкуемое понятие "контрреволюция", были в спешном порядке переданы в Военную коллегия Верховного суда СССР и также спешно рассмотрены выездными сессиями этой грозной коллегии. Почти всех обвиняемых по этим делам приговорили к расстрелу, о чем и было объявлено 6 декабря, то есть в день похорон С. М. Кирова. В Ленинграде было расстреляно 39 и в Москве 29 человек. (Как сообщалось, Военная коллегия все же возвратила некоторые дела на доследование, что лишний раз показывает юридическую нелепость требований об ускоренном порядке следствия.) В последующие дни было сообщено об аресте 12 человек в Минске (9 из них были расстреляны) и 37 человек в Киеве (28 расстреляны)¹.

С необычной поспешностью велось и следствие об убийстве Кирова. Уже 22 декабря было объявлено, что Николаев является якобы членом террористической организации, образованной из членов бывшей зиновьевской оппозиции, и что "ленинградский центр" оппозиции принял решение убить Кирова, с которым у зиновьевцев особые счеты. Были названы и члены "ленинградского центра", большинство которых действительно примыкало в прошлом к зиновьевцам. 27 декабря газеты опубликовали "Обвинительное заключение", под которым стояли подписи прокурора СССР А. Я. Вышинского и следователя Л. Шейнина. В обвинительном заключении утверждалось, что убийство Кирова было лишь частью далеко идущего плана, включающего убийство Сталина и других членов Политбюро. Сообщалось также, что ленинградскую "террористическую группу" возглавлял якобы И. И. Котолынов, который в 20-е гг. был секретарем Выборгского райкома комсомола и членом ЦК ВЛКСМ. Здесь же говорилось, что убийца получил 5 тыс. рублей от одного иностранного консула, осуществлявшего связь между заговорщиками и Троцким. (Из СССР в это время был выслан консул Латвии. Латвийское правительство категорически отрицало причастность своего консула к убийству Кирова.)

Даже анализ опубликованного текста "Обвинительного заключения" позволяет обнаружить в нем немало противоречий и несоответствий. Виновыми признали себя только трое, включая и Николаева. Но его показания, на которых и держалось все обвинение, расходились с показаниями других обвиняемых. Не подтверждали версии "ленинградского центра" и вещественные улики — дневник Николаева, его записные книжки и прочее. В "Обвинительном заключении" эти материалы названы "фальшивками", составленными в целях "маскировки". Не были опубликованы в печати ни показания обвиняемых, ни

¹ Часть людей, перечисленных в этих списках, была реабилитирована после XX съезда.

текст приговора. Один из военюристов, присутствовавший на процессе, сообщил мне, что Николаев вел себя на судебном разбирательстве иначе, чем на допросе у Сталина. Он признался в умышленном убийстве Кирова по заданию "ленинградского центра" и обличал членов этого центра. Но большинство обвиняемых не признали себя виновными и заявили, что видят Николаева впервые. Это не помешало приговорить всех подсудимых к расстрелу и немедленно привести приговор в исполнение.

Очень важным является свидетельство бывшего работника НКВД Кацафы, который неотлучно дежурил в камере Николаева, пытавшегося покончить с собой. Николаев рассказывал Кацафе об организации чекистами убийства Кирова и о том, что ему обещали сохранить жизнь, если он покажет на ленинградских зиновьевцев как на инициаторов и руководителей террористического акта. Он спрашивал Кацафу — не обманут ли его. Когда на суде был оглашен приговор, Николаев стал кричать и вырываться из рук охраны. Естественно, что Кацафа в 1934 г. не верил ни одному слову Николаева, но в 1956 г. он передал в ЦК КПСС в письменном виде свои свидетельства.

Вскоре после убийства Кирова стали возникать и распространяться некоторые "отвлекающие" версии. В Ленинграде немало говорили о том, что Николаев убил Кирова из ревности, ибо Киров стал якобы ухаживать за женой Николаева. В печати появлялись цитаты из некоторых белоэмигрантских изданий с призывами к убийству большевистских вождей. Но Сталина не устраивали эти версии. Еще в начале следствия Сталин выяснил, кто в Ленинграде занимается делами бывших зиновьевцев, и потребовал дать ему соответствующие данные. В Ленинграде действительно была небольшая группа зиновьевцев, которая иногда проводила полулегальные собрания. Чекисты знали ее состав и просили у Кирова санкции на арест членов этой группы. Но Киров отказался дать такую санкцию, так как не считал эту группу опасной, полагая, что ее можно будет привлечь на сторону большинства партии без репрессий. Весь список зиновьевцев Ленинграда с резолюцией Кирова принесли Сталину из архива НКВД. Имея перед собой этой документ, а также список зиновьевцев Москвы, Сталин сам составил списки "московского" и "ленинградского" центров. По свидетельству бывшего члена КПК О. Г. Шатуновской, оба эти списка сохранились в архивах, с них снимали фотокопии, по ним проводили графологическую экспертизу. Показательно, что Сталин некоторых бывших оппозиционеров записал вначале в "московский центр", а затем перенес в "ленинградский", и наоборот. Все поименованные Сталиным лица были арестованы.

Надо сказать, что в 1934 г. версия Сталина о том, что именно сторонники Зиновьева организовали убийство Кирова, могла

показаться правдоподобной, ибо именно Ленинград был в свое время центром зиновьевской оппозиции. Но именно эта "правдоподобность" заставляет сегодня отнести к этой версии с сомнением. Никому из бывших зиновьевцев убийство Кирова не могло принести никаких политических выгод. Между тем весь характер следствия, руководимого Сталиным, а также цепь последующих событий позволяют предположить, что Киров был убит не без ведома Сталина. Киров долгое время считался близким другом Сталина. Но мы знаем теперь, как мало значили для последнего дружеские и родственные связи, когда речь шла о достижении политических целей.

Важно отметить, что та часть постановления ЦИК СССР, в которой говорилось об ускоренном — не более десяти дней — проведении следствия, в последующие месяцы и годы уже не применялась. Вероятно, только в деле об убийстве Кирова Сталину важно было добиться быстрой судебной расправы, чтобы упрятать концы в воду. (Остальные пункты Закона от 1 декабря остались в силе. Обвинение в террористической деятельности было самым излюбленным в 1937—1938 гг., поскольку позволяло не заботиться о какой бы то ни было законности в суде и следствии.)

Киров, хоть и обладал многими чертами, характерными для окружения Сталина, все же как личность во многом отличался от него. Он был прост и доступен, близок рабочим, часто бывал на предприятиях, обладал огромной энергией, ярким ораторским талантом, неплохой теоретической подготовкой. Влияние Кирова в стране росло, и в 1934 г. он был, несомненно, вторым по авторитету человеком в партии. Известно также, что, когда летом 1934 г. Сталин впервые серьезно заболел и возник вопрос о его возможном преемнике на посту генсека, Политбюро единодушно высказалось за кандидатуру С. М. Кирова.

Грубый, властолюбивый, подозрительный и жестокий Сталин плохо переносил возле себя людей ярких и самостоятельных. Растущие популярность и влияние Кирова не могли не вызвать у него зависти и подозрений. Можно с уверенностью сказать, что смерть Кирова не вызвала у Сталина сожаления. Убийство Кирова явилось важным звеном в цепи событий, которые привели в конечном счете к узурпации Сталиным всей власти в стране. Вот почему версия о причастности Сталина к убийству Кирова, которая в 1934—1935 гг. могла показаться невероятной, представляется в настоящее время весьма правдоподобной и с политической, и с логической точек зрения.

Любопытно отметить, что в первом же номере "Бюллетеня оппозиции" за 1929 г. говорилось, что Сталину для того, чтобы разгромить оппозицию до конца, "необходимо до зарезу связать оппозицию с покушениями, подготовкой вооруженных восстаний и пр. ... Бессильная политика лавирования и виляния,

возросшие хозяйственные трудности, рост недоверия партии к руководству привели Сталина к необходимости оглушить партию инсценировкой крупного масштаба. Нужен удар, нужно потрясение, нужна катастрофа. В этой области Сталин доводит свои планы до конца"¹.

Это говорилось в 1929 г., и можно было бы указать на пронизательность Троцкого, заметив только, что он ошибся лишь в конкретных сроках. Тем более странно, что через 6 лет сам Троцкий совершенно превратно истолковал убийство Кирова. Он писал в сорок первом номере своего "Бюллетеня":

"Николаев изображается советской печатью как участник террористической организации, состоящей из членов партии. Если сообщение верно — а мы не видим никаких оснований считать его вымышленным, ибо бюрократии нелегко было признать его, — то мы имеем перед собой новый факт, которому надлежит придать огромное симптоматическое значение. Случайный выстрел под влиянием личного аффекта возможен всегда. Но террористический акт, подготовленный и совершенный по поручению определенной организации, немыслим, как учит вся история революций, без сочувственной политической атмосферы. Враждебность к правящей верхушке должна была широко распространиться и принять очень острые формы, чтобы в среде партийной молодежи, вернее ее верхнего слоя, тесно связанного с низшими и средними бюрократическими кругами, могла кристаллизироваться террористическая группа"².

Троцкий явно не понял событий конца 1934—начала 1935 гг. в СССР. Но тем не менее в своих призывах к рабочему классу нашей страны он требовал от "авангарда пролетариата" провести "беспощадную чистку бюрократического аппарата, начиная сверху". Этот совет вполне подходил в данный момент для Сталина, он как раз начинал готовить подобную "чистку".

РЕПРЕССИИ В НАЧАЛЕ 1935 г.

Сразу же после убийства С. М. Кирова по всем предприятиям и учреждениям страны прошли митинги рабочих и служащих. В Москве в Центросоюзе с сообщением об убийстве выступил Г. Зиновьев, тогда член правления Центросоюза, в управлении "Главмолоко" — начальник этого управления Г. Евдокимов. Однако уже через несколько дней Г. Зиновьев, Г. Евдокимов, Л. Каменев и многие другие руководители бывшей "новой" оппозиции были арестованы. Среди других был арестован П. А. Залуцкий — в прошлом видный большевик, один из орга-

¹ "Бюллетень оппозиции", 1929, № 1—2, с. 2.

² Там же, 1935, № 41, с. 6.

низаторов Русского бюро ЦК, а затем и Петроградского комитета большевиков, активный участник гражданской войны, секретарь и член Президиума ВЦИК. Залуцкий примыкал к "левой" оппозиции, за что на год был исключен из партии. Но участие во внутрипартийных спорах 20-х гг. не могло опорочить безупречной революционной биографии П. А. Залуцкого.

В январе 1935 г. после короткого следствия состоялся первый политический судебный процесс над бывшими лидерами "новой" оппозиции. На скамье подсудимых находились: Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Г. Е. Евдокимов, А. М. Гертик, И. П. Бакаев, А. С. Куклин, Я. В. Шаров и другие, всего 19 человек. Во время короткого судебного процесса повсюду проходили митинги и выдвигались требования о расстреле обвиняемых. Следствие по данному делу велось, видимо, еще без применения пыток, к тому же имена обвиняемых были тогда широко известны. Доказать какую-либо связь "московского центра" с убийством Кирова не удалось. В решении суда отмечалось: "Судебное следствие не установило фактов, которые давали бы основание квалифицировать преступления зиновьевцев как подстрекательство к убийству С. М. Кирова". Поэтому Зиновьев был приговорен "только" к 10 годам заключения, а Каменев — к 5. К различным срокам заключения были приговорены и другие обвиняемые.

18 января 1935 г. по всем партийным организациям было разослано закрытое письмо ЦК с требованием мобилизовать все силы на выкорчевывание "контрреволюционных гнезд" врагов партии и народа. По всем областям, и особенно по Ленинграду, прокатилась зимой и весной 1935 г. первая волна массовых арестов, которую впоследствии в лагерях называли "кировским потоком". Одновременно было проведено массовое выселение из Ленинграда бывших дворян и членов их семей, хотя они не вели никакой подпольной да и вообще политической деятельности. Свидетель этого трагического эпизода А. Краснов-Левитин писал позднее в своих воспоминаниях:

"В марте началось массовое выселение из Ленинграда "чуждого элемента". В газетах было опубликовано краткое сообщение о том, что из Ленинграда выселено некоторое количество "граждан из царской аристократии и из прежних эксплуататорских классов". Редактор "Ленинградской правды" писал, что "в городе Ленина имеют право жить только настоящие пролетарии, только честные труженики".

Я отправился на Шпалерную посмотреть на высылаемых. Никогда не забуду этого дня. Еще не доходя до Шпалерной, я увидел старую даму, лет за 70, видимо, из очень хорошего общества, которая еле двигалась на своих подагрических ножках; в руках она держала какую-то зеленую бумажку. Встретившимся знакомым она громко жаловалась, что ей предложено уехать куда-то

в Башкирию в течение 24 часов. Все улицы, прилегающие к Шпалерной, были заполнены такими же пожилыми людьми. С перевернутыми лицами, с прекрасными манерами, нагруженные вещами. Район Литейного — район аристократических особняков — и многие уцелевшие хозяева этих особняков ютились в дворничьих и подвалах своих бывших домов. Теперь всем им надо было уезжать. Куда? Зачем? Неизвестно. Но вот я дошел до Шпалерной, с трудом протиснулся в приемную... Боже, что я здесь увидел! Большой зал, битком набитый людьми. Такого отчаяния, такого ужаса я еще никогда не видел. Порядок был такой. Человека арестовывали. Через 2 дня отпускали, предписав явиться в НКВД с паспортом, паспорт отбирали и вместо него давали предписание — в 24 часа выехать в определенную местность. (Ту самую зеленую бумажку, которую я видел в руках старой дамы.) В приемной было очень много бывших офицеров. Эти держались намеренно бодро, даже шутили друг с другом, но и у них на лицах я увидел ужас и безнадежность. ...Высылка производилась по следующему принципу: брали старую справочную книгу "Весь Петербург" и тех, кто уцелел, высылали. Высылали также по доносам. Высылали всех "бывших": бывших дворян, бывших аристократов, бывших офицеров, бывших купцов, бывших лавочников, бывших торговцев..."¹

В меньших масштабах такая же высылка "бывших" производилась и в Москве. Позднее в западной печати можно было встретить сообщения о высылке нескольких сотен семей или, напротив, о том, что в 1935 г. из Ленинграда была выслана чуть ли не четверть населения. Это неверно. Хотя точные данные отсутствуют, можно предположить, что из Ленинграда было выслано несколько десятков тысяч, а из Москвы — несколько тысяч человек. Конечно, это была ничем не оправданная и жестокая репрессивная акция.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РЕПРЕССИЙ 1935—1936 гг.

На протяжении 1935-го и первой половины 1936 гг. экономическое положение в стране стало улучшаться. В городах была отменена карточная система. Однако политическое напряжение в стране и в партии непрерывно росло. По всем партийным организациям в эти месяцы проходила кампания "покаяний" и "признаний ошибок".

"Большие, многолюдные залы и аудитории, — писала в своих воспоминаниях Е. С. Гинзбург, — превратились в исповедальни. Несмотря на то что отпущения грехов давались очень туго

¹ Краснов-Левитин А. Лихие годы. 1925—1941. Воспоминания. Париж, 1977, с. 266—269.

(наоборот, чаще всего покаянные выступления признавались "недостаточными"), все же поток "раскаяний" ширился с каждым днем. На любом собрании было свое дежурное блюдо. Каялись в неправильном понимании теории "перманентной революции" и в воздержании при голосовании оппозиционной платформы в 1923 году. В "отрыжке" великодержавного шовинизма и в недооценке второго пятилетнего плана. В знакомстве с какими-то грешниками и в увлечении театром Мейерхольда..."¹

Постепенно ужесточалось советское законодательство. 30 марта 1935 г. был принят Закон о наказании членов семей изменников родины. Всех ближайших родственников изменников родины должны были высылать в отдаленные районы страны, даже если они никакого отношения к совершенному преступлению не имели. Система заложничества становилась, таким образом, частью советского законодательства. Хотя в Указе ЦИК СССР говорилось об "изменниках, бежавших за границу", в последующие годы уже не существовало никакого различия между понятиями "изменник" и "враг народа". 7 апреля 1935 г. ЦИК СССР принял указ, разрешающий привлекать к уголовной ответственности детей с 12-летнего возраста. При этом, по смыслу указа, на них могли распространяться все предусмотренные Уголовным кодексом наказания вплоть до смертной казни.

"Выборочные" репрессии не прекращались на протяжении всего 1935-го и первой половины 1936 гг. В каждой области и республике оказались в тюрьме несколько десятков человек как из числа бывших оппозиционеров, так и коммунистов, никогда не примыкавших ни к каким оппозициям. Одновременно сотни членов партии сурово наказывали "за связь с враждебными элементами" или "недостаток бдительности". Начавшаяся еще в 1933 г. "чистка" партии была продолжена не до конца 1934-го, как предполагалось, а до конца 1935 г. Фактически до середины 1936 г. прием в партию был закрыт. Однако большинство бывших руководителей и активных участников "правой" и "левой" оппозиции продолжали оставаться до осени 1936 г. на свободе; они по-прежнему занимали ответственные посты в наркоматах, органах печати, учебных заведениях. Н. Бухарин редактировал "Известия" и даже выезжал за границу для переговоров о покупке для Института Маркса—Энгельса—Ленина части архива германской социал-демократии. Г. Пятаков напряженно работал в качестве первого заместителя наркома тяжелой промышленности. Статьи К. Радека почти еженедельно появлялись на страницах центральной печати.

Репрессии почти не затронули высшие партийные и государственные круги. Однако были арестованы некоторые работники среднего звена (член бюро Дальневосточного крайкома партии

¹ Гинзбург Е. С. Крутой маршрут. "Даугава", 1988, № 7, с. 11.

П. И. Шабалкин, один из руководителей Управления Волго—До-на В. В. Дьяков и др.)

В 1935 г. был арестован видный историк партии, директор Библиотеки имени Ленина В. И. Невский, в прошлом один из руководителей Военной организации при ЦК РСДРП (б). Он был крупным идеологическим работником партии и при этом сохранял определенную самостоятельность. По свидетельству М. А. Солнцевой, Невского арестовали после того, как он запретил изъять из фондов библиотеки значительную часть "неудобной" политической литературы и не подчинился даже тогда, когда явившиеся к нему работники НКВД предъявили ему письменное распоряжение Сталина. "Я не сторож, — заявил Невский. — Партия поручила мне хранить все это".

Тогда же, в 1935 г., погиб В. В. Ломинадзе, секретарь Магнитогорского горкома партии. В этот период Сталин ввел в практику такой обычай: членам Политбюро и некоторым видным партийным работникам рассылали копии протоколов допросов, проводимых в НКВД. Эти протоколы направляли часто и тем, чьи фамилии упоминались во время допросов. Так, например, Ломинадзе получил копию допроса Л. Каменева, на котором тот дал показания о своем разговоре с Ломинадзе летом, во время отдыха. На большом приеме в Кремле в честь металлургов Сталин прошел мимо Ломинадзе, не поздоровавшись, хотя именно Ломинадзе возглавлял большую группу магнитогорцев. После возвращения домой Ломинадзе получил распоряжение немедленно прибыть в Челябинск. По дороге в автомашине он попытался застрелиться и умер в одной из челябинских больниц.

Из членов ЦК ВКП (б) пострадал, по-видимому, только секретарь ЦИК СССР Абель Енукидзе, который был исключен из ЦК и из партии, но не был тогда еще арестован. Абель Енукидзе считался, и не без оснований, одним из немногих личных друзей Сталина. Их дружба возникла еще в начале века — в годы совместной работы в Закавказье. Тем не менее А. Енукидзе обвинили в потере бдительности и моральном разложении. Поводом для таких обвинений послужило то, что в аппарате ЦИК СССР были "обнаружены" некоторые бывшие дворяне, меньшевики и эсеры. Так, например, юрисконсульт ЦИК работал бывший меньшевик Э. Э. Понтович. Однако все эти работники были в прошлом активными участниками русского революционного движения и теперь честно работали в аппарате ЦИК, подчиняясь директивам ЦК ВКП (б). Бывших дворян, меньшевиков или эсеров можно было встретить тогда и в аппарате Прокуратуры СССР, в Госплане да и в самом НКВД. Для Сталина это никогда не было секретом. Подлинной причиной опалы и отстранения Енукидзе было его возмущение фальсификаторской книгой Л. Берии "Из истории большевистских организаций в Закав-

казье", где Сталину приписывались несуществующие заслуги, в том числе и те, которые в действительности принадлежали А. Енукидзе. На заседании пленума ЦК Сталин молчал, делая вид, что он не хочет вмешиваться в это дело. Молчал, впрочем, и Енукидзе, он не стал выступать ни с покаяниями, ни с возражениями. Только тогда, когда на пленуме зачитывали подробные и явно ложные показания арестованных работников аппарата ЦИК СССР, Енукидзе выкрикнул со своего места: "Будь у меня власть Ягоды, я бы мог зачитать здесь и еще более нелепые показания!" После пленума ЦК "проработка" Енукидзе продолжалась несколько недель по всем партийным организациям.

Значительно усложнилось в 1935 г. положение А. М. Горького. Вскоре после убийства Кирова было принято постановление об усилении охраны "вождей" и членов правительства. Это постановление позволяло также усилить контроль за деятельностью членов правительства со стороны НКВД¹. Горький был включен в список "вождей". Утром 3 декабря он обнаружил неожиданно для себя, что для его охраны выделено чуть ли не целое подразделение войск НКВД. Это лишило А. М. Горького свободы передвижения, так как все свои поездки он должен был теперь согласовывать не только с врачами, но и с начальником охраны. И. С. Шкапа, давний сотрудник Горького, посетивший его в сентябре 1935 г., писал в своих воспоминаниях:

"В пятницу 20 сентября я снова был в кабинете Горького. Он слушал мой доклад о вторичном посещении Краматорки... В соседней комнате зазвонил телефон. Крючков (секретарь Горького) ушел на несколько минут. Мы остались вдвоем. Вдруг, наклонившись ко мне, Горький сказал:

— Что происходит, мой друг? Неужели головотяпство нельзя выкорчевать?

Не получая ответа, он продолжал:

— Устал я очень... Сколько раз хотелось побывать в деревне, даже пожить, как в былые времена. Не удастся. Словно забором окружили, не перешагнуть!

Слова о деревне были ответом на мои неоднократные советы провести два-три дня среди колхозников, но я молчал, ибо знал, что в своих выездах за пределы Москвы—Горок—Крыма Горький ограничен...

Вдруг я услышал:

— Окружили... Обложили... ни взад, ни вперед, непривычно сие!"²

¹ Кроме этого, в начале 1936 г. ЦК ВКП (б) отменил для коммунистов право ношения оружия, которым они пользовались еще со времен гражданской войны. Готовясь к массовому террору против партии, Сталин, видимо, опасался каких-либо ответных действий.

² Шкапа И. С. Семь лет с Горьким. М., 1966, с. 383—384.

Уже в начале 30-х гг. попасть на прием к Горькому было очень трудно. Но в 1935—1936 гг. охрана и секретари писателя вообще перестали пускать к нему "нежелательных лиц". Однажды старик М. Пришвин, крупнейший русский писатель, избегавший, однако, политических тем, пришел к Горькому, но его задержал секретарь последнего Крючков, которого многие считали агентом Г. Ягоды. Пришвин просто оттолкнул Крючкова и прошел в кабинет Горького. Услышав о поведении своего секретаря, Горький конфузливо произнес: "Разве вы не знаете, что я нахожусь под домашним арестом?"

Однажды Н. И. Бухарин, часто заходивший к Горькому, был остановлен наружной охраной. У Бухарина не было с собой удостоверения кандидата в члены ЦК, и он не позаботился заранее позвонить Горькому с просьбой заказать пропуск. Склонный ко всякого рода шутивым проделкам, Бухарин обошел дом сзади и просто перелез через высокий забор. Но и здесь он был задержан двумя охранниками. На шум вышел Крючков и, узнав Бухарина, велел пропустить его. Вряд ли Бухарину и Горькому этот эпизод доставил повод для шуток.

Рост политического напряжения в стране был, однако, заметен далеко не всем, многие руководители партии, члены ЦК, секретари обкомов, народные комиссары, высшие военные руководители не чувствовали опасности. Сталин умел скрывать свои планы.

В экономике после всех трагедий минувших лет положение стало улучшаться. Развивалась промышленность. Прирост валовой продукции в 1934 г. составил 19%, в 1935 г. — 23%, а в 1936 г. — 29%. Большинство народных комиссаров и секретарей обкомов наградили в 1935—1937 гг. орденом Ленина, тогда это была не только высшая, но и редкая награда; в 1936 г. награжденных орденом Ленина было не более 200—300 человек. В армии было введено звание маршала, его получили не только К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный, но и М. Н. Тухачевский, А. И. Егоров и В. К. Блюхер.

После нескольких лет застоя начало увеличиться и сельскохозяйственное производство; по сравнению с 1933 г. в 1935 г. деревня дала на 20% больше продукции, и этот рост продолжался. Вслед за отменой карточной системы была разрешена продажа сельскохозяйственной продукции на колхозных рынках. Это увеличивало материальную заинтересованность колхозников в развитии производства, ибо система государственных заготовок из-за очень низких заготовительных цен не создавала подобных стимулов. Острый продовольственный кризис начала 30-х гг, казалось, остался позади. Именно в это время Сталин произнес на одном из приемов знаменитую фразу: "Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее". Жить стало действительно немного лучше как в гордах, так и в деревне. При этом все

хозяйственные успехи советская пропаганда приписывала “мудрому руководству” Сталина, культ личности которого непрерывно возрастал. Это было, конечно, не только результатом стихийного энтузиазма масс. Сам Сталин поддерживал и поощрял неумеренные восхваления в свой адрес. Усердно раздували культ Сталина и приближенные к нему Молотов, Каганович, Ворошилов.

Об обстановке в Советском Союзе можно судить по многим обстоятельствам, связанным с поездкой по нашей стране летом 1936 г. крупнейшего французского писателя Андре Жида. Еще в начале 30-х гг. 60-летний писатель объявил себя врагом капитализма и стал выражать открытые симпатии Советскому Союзу и лично Сталину. Его пригласили в СССР, где были изданы в срочном порядке некоторые из книг Андре Жида. Принимали гостя роскошно, организатором приема был М. Кольцов. Повсюду устраивали богатые банкеты, столы ломились от напитков и закусок. Андре Жид протестовал, но его протесты оставляли без внимания. Своим друзьям он говорил: “У меня ужас перед этими пиршествами. Мне они очень не нравятся. Они не только абсурдны — они аморальны”. В своей поездке Андре Жид должен был следовать по заранее определенному маршруту. Он часто выступал, однако все его речи подвергались строгой цензуре. Так, например, из речи, которую Андре Жид готовился прочесть в Ленинграде, был удален следующий “крамольный” абзац:

“После торжества революции искусство всегда в опасности, так как оно может стать ортодоксальным. Триумф революции прежде всего должен дать искусству свободу. Если оно не будет иметь полной свободы, оно потеряет всякую значимость и ценность. А так как аплодисменты большинства означают успех, то награды и слава будут уделом лишь тех произведений, которые читатель может понять с первого раза. Меня часто беспокоит мысль, не чахнут ли в неизвестности где-нибудь в СССР новые Китс, Бодлер или Рэмбо, которых не слышат из-за их силы и своеобразия”.

Когда Андре Жид был в Москве, здесь умер А. М. Горький. Андре Жид стоял во время похорон на трибуне Мавзолея рядом со Сталиным, Молотовым и Микояном. Но ему не разрешили встретиться с Бухариным, хотя последний был еще главным редактором “Известий”. Во время путешествия по Грузии Андре Жид решил послать из Гори приветственную телеграмму Сталину. Он написал на бланке: “Проезжая через Гори во время моего чудесного путешествия, я захотел послать Вам...” Но переводчица, сопровождавшая писателя, сказала ему, что нельзя писать просто “Вам”, когда идет речь о Сталине, а нужно добавить “Великому вождю трудящихся” или что-то в этом роде. Андре Жид отказался изменить текст телеграммы, и тогда переводчица отказалась ее отправить.

Конечно, существовала негласная договоренность о том, что Андре Жид напишет книгу о "стране победившего социализма". Книга вышла в ноябре 1936 г. в Париже. В ней было много похвал в адрес нашей страны и ее руководителей, однако была и вполне справедливая критика. "Не думаю, — писал Андре Жид, — что в какой-либо другой стране мысль менее свободна, более терроризирована, более порабощена.

...В СССР каждый знает, раз и навсегда и заранее, что по любому поводу может быть только одно мнение". Осудил Андре Жид и культ личности Сталина: "Его портрет повсюду, его имя на устах у всех. Славословия ему в любой речи. Это результат поклонения, любви или страха?"¹

Разумеется, книга Андре Жида подверглась оскорбительным нападкам в советской прессе. Ее называли не иначе как "зловным антисоветским памфлетом", "троцкистской бранью", хотя большая часть содержащейся в книге критики совершенно справедлива, а вероятно, даже недостаточна. Злобной критике советская пресса подвергла и самого Андре Жида. Если в 1935—1936 гг. в СССР было начато издание его собрания сочинений в переводе на русский язык, то теперь на все его книги был наложен строгий запрет. Я вряд ли ошибусь, если скажу, что до сих пор в СССР в переводе на русский язык не издано ни одной новой книги этого знаменитого французского писателя, которому после войны была присуждена Нобелевская премия по литературе. Резко критиковали Андре Жида и такие его коллеги, как Р. Роллан, Л. Фейхтвангер и И. Эренбург. На следующий год Фейхтвангер "исправил" ошибки Андре Жида. Он также совершил путешествие по СССР и написал книгу "Москва, 1937", о которой мы еще будем говорить ниже.

ПЕРВЫЙ "ОТКРЫТЫЙ" СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС НАД БЫВШИМИ ЛИДЕРАМИ ОППОЗИЦИИ

19 августа 1936 г. в Москве в Октябрьском зале Дома Союзов начался первый чудовищный спектакль — так называемый "открытый судебный процесс" над лидерами оппозиции. На скамье подсудимых главным образом бывшие лидеры "новой" оппозиции — Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Г. Е. Евдокимов, И. Н. Смирнов, И. П. Бакаев, В. А. Тер-Ваганян, С. Мрачковский и другие, причем многие из них уже второй раз за два года оказались на этой скамье. Всего в группе обвиняемых было 16 человек, их в обвинительном заключении называли "троцкистско-зиновьевским террористическим центром".

¹ По материалам из архива И. Эренбурга.

Во время "судебного разбирательства", проходившего до 24 августа, обвиняемые уже не "отпирались". "Мой ущербный большевизм, — заявил Зиновьев, — превратился в антибольшевизм, а благодаря троцкизму я дошел до фашизма... Мы заняли место меньшевиков, эсеров и белогвардейцев, которые не могли открыто выступать в нашей стране".

Каменев в свою очередь говорил: "Случайно ли, что рядом со мной и Зиновьевым... сидят эмиссары зарубежных секретных политических ведомств, люди с фальшивыми паспортами, с сомнительными биографиями и несомненными связями с Гитлером, с гестапо? Нет! Это не случайно!"¹

Обвиняемые "охотно" рассказывали и о своей роли в убийстве Кирова и о планах убийства Сталина, Молотова, Кагановича, Чубаря, Косиора, Эйхе. По словам Зиновьева, убийство Сталина планировалось осуществить во время VII конгресса Коминтерна, то есть в 1935 г. Этот акт, как они якобы надеялись, не только должен был вызвать замешательство в партии, но и привести к мощному движению за возвращение к власти Троцкого, Каменева и Зиновьева.

Лишь один И. Н. Смирнов, объявленный на процессе руководителем троцкистского подполья, пытался отвергнуть большую часть предъявленных ему обвинений. Однако он был "уличен" показаниями других подсудимых.

Процесс считался открытым. Но в зале присутствовали лишь несколько десятков заранее отобранных "представителей общественности". Остальными "зрителями" были сами работники НКВД. Были нарушены и другие элементарные нормы судопроизводства. Никаких вещественных улик или документов прокурор СССР А. Я. Вышинский не предъявлял, а коллегия Верховного суда, возглавляемая В. В. Ульрихом, их и не требовала. Все обвинение было построено на показаниях и признаниях самих обвиняемых. В судебных заседаниях не участвовали защитники: предложения нескольких зарубежных адвокатов взять на себя защиту обвиняемых были отвергнуты. Показания обвиняемых были однообразны: перечисление различных преступлений или еще чаще планов преступлений, которые подготавливали "центр" и его "филиалы".

Г. Зиновьев, Л. Каменев и другие обвиняемые теперь реабилитированы, и нет необходимости подробно говорить о том, что процесс был фальсифицирован. Однако в 1936 г. доверие партии и большинства народа к Сталину, НКВД и к советскому суду было еще велико. Сомнения возникали у немногих, и мало кто решался высказать их даже среди своих близких друзей.

¹ "Дело троцкистско-зиновьевского террористического центра". М., 1936, с. 170.

Судебный процесс 19—24 августа и смертный приговор всем обвиняемым вызвали новую волну репрессий, прокатившуюся по всей стране. В первую очередь арестовывали бывших членов "левых" оппозиций. Газеты были полны сообщений о "разоблачении" замаскированных троцкистов, большинство из которых и не собирались утаивать свое прошлое. "Скрытый троцкист", "Покровитель троцкистов", "Троцкисты на идеологическом фронте", "Троцкистская диверсия в науке", "Троцкистский салон писательницы Серебряковой", "Следы троцкизма в Наркомземе Узбекистана" — статьи с такими заголовками печатались в ту пору повсюду.

Некоторые из обвиняемых по делу "троцкистско-зиновьевского центра" к показаниям на предварительном следствии неожиданно стали добавлять новые — о своих преступных связях с Бухариным, Рыковым, Радеком, Пятаковым, Сокольниковым, Серебряковым, Углановым, Шляпниковым и другими еще не арестованными бывшими оппозиционерами различных направлений. В связи с этим в газетах 21 августа 1936 г. опубликовали распоряжение А. Я. Вышинского о проведении следствия по делу о причастности указанных выше лиц к контрреволюционному заговору. На предприятиях и в учреждениях состоялись митинги, требовали "до конца расследовать связи Бухарина, Рыкова, Томского и других с презренными террористами". Не дожидаясь такого расследования, М. П. Томский покончил жизнь самоубийством. По свидетельству сына Томского Юрия (единственного оставшегося в живых члена этой семьи), его отец застрелился сразу же после неожиданного визита Сталина. Последний пришел в квартиру Томского в Кремле с бутылкой вина в руках и заперся с ним в кабинете. Потом раздался громкий крик — это М. П. Томский кричал на Сталина, обзывая его нецензурными словами. Распахнув дверь кабинета, Томский потребовал, чтобы Сталин убирался вон. Сталин ушел в крайнем раздражении, а через несколько минут в кабинете раздался выстрел. В эти же дни хотел застрелиться и А. И. Рыков. Однако домочадцы буквально вырвали из его рук револьвер, о чем позднее очень жалели.

Что касается Бухарина, то он находился во второй половине августа в горах Памира, где проводил отпуск. Он ничего не знал о начале судебного процесса. Только спустившись с гор во Фрунзе, Бухарин узнал о событиях в Москве. Бухарин был потрясен: он не ожидал от Сталина подобного поворота. Но при всей своей относительной наивности Бухарин понимал, что его имя, а также имена Томского и Рыкова произносились на московском процессе не случайно. Особенно поразило Бухарина самоубийство Томского.

Бухарин думал, что его арестуют во Фрунзе. Этого не случилось. Тогда, бросив здесь весь свой багаж, он купил билет на

ближайший самолет в Москву, предварительно отправив телеграмму Сталину с просьбой отложить исполнение приговора, чтобы устроить ему очную ставку с обвиняемыми. Но и в Москве Бухарина ждали на аэродроме не чекисты, а персональная машина, где, кроме шофера, сидела взволнованная молодая жена Бухарина А. М. Ларина. Сталина не было в Москве. После расстрела Зиновьева, Каменева, Евдокимова и других Сталин, выслушав с удовольствием рассказ чекистов, приводивших приговор в исполнение, уехал отдохнуть в Сочи. Несколько дней Бухарин не выходил из дома и ни с кем не встречался.

10 сентября в газетах было опубликовано сообщение Прокуратуры СССР об окончании следствия по поводу сделанных на только что закончившемся процессе некоторыми обвиняемыми указаний о причастности к их "контрреволюционной деятельности" Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова. "Следствием не установлено, — говорилось в сообщении, — юридических данных для привлечения Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова к судебной ответственности, в силу чего настоящее дело производством прекращено".

В сообщении Прокуратуры не упоминались, однако, имена Радека, Серебрякова и других "левых". Смертельно напуганный этим обстоятельством, Радек пришел на следующий день к Бухарину. "Попроси Сталина о том, чтобы мое дело прошло через его руки, а не через руки Ягоды. Напомни Сталину о Блюмкине", — умолял Радек, полагавший, что Бухарин может чем-то ему помочь. Через несколько дней Бухарин узнал об аресте Радека. Были арестованы также Сокольников, Серебряков, Пятаков и многие другие видные деятели партии. Бухарин написал письмо Сталину, но не получил ответа.

ПАДЕНИЕ ЯГОДЫ И ВЫДВИЖЕНИЕ ЕЖОВА

25 сентября 1936 г. Сталин и Жданов направили из Сочи телеграмму, адресованную Кагановичу, Молотову и другим членам Политбюро. В телеграмме говорилось:

"Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ ОПОЗДАЛО В ЭТОМ ДЕЛЕ НА 4 ГОДА. Об это говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД".

Уже на следующий день Ягода был снят с поста наркома внутренних дел и назначен наркомом связи. Центральные газеты вышли в тот день с большими портретами двух новых наркомов — Ежова Н. И., назначенного новым руководителем советских карательных органов, и Ягоды. Возглавлял наркомат связи Ягода недолго: в начале 1937 г. его арестовали (мы еще будем говорить о его судьбе).

Н. И. Ежов не случайно оказался на посту наркома внутренних дел. Этот человек, которому суждено было сыграть одну из коротких, но страшных ролей в истории нашей страны, сравнительно быстро выдвинулся в число фаворитов Сталина. Говоря о выдвижении Н. И. Ежова, Р. Конквест в своей книге «Большой террор» писал о нем как об «испытанном и безжалостном исполнителе».

Полемизируя с Конквестом, старый член партии, литератор и бывший секретарь А. В. Луначарского И. А. Сац, хорошо знавший закулисную сторону многих событий 30-х гг., свидетельствовал в своих воспоминаниях:

«Еще до этих [высоких] назначений Ежов ведал в ЦК отделе партийных кадров. Однако, по отзывам хорошо знавших его людей, он вовсе не был тогда, в рядах среднего звена партийной иерархии и еще раньше на более низких звеньях, «безжалостным исполнителем». Работая в провинции, он производил впечатление человека нервного, но доброжелательного, внимательного, лишённого чванства и бюрократизма. Может быть, это была маска. Однако, вернее всего, палачом сделала его сталинская система и влияние самого Сталина. Во всяком случае, дальнейшая роль, поведение и судьба Ежова были неожиданностью для многих, кто знал его до НКВД»¹.

Примерно то же самое писала о Ежове в своих «Воспоминаниях» и Надежда Яковлевна Мандельштам, которая познакомилась с Ежовым, Косиором, Подвойским на государственной даче в Сухуми, куда Осипа и Надежду Мандельштам пригласил в 1930 г. Н. Лакоба, кавказский большевик, председатель ЦИК Абхазии.

«Сухумский Ежов, — писала в своих воспоминаниях Н. Я. Мандельштам, — был скромным и довольно приятным человеком. Он еще не свыкся с машиной и потому еще не считал ее своей исключительной привилегией, на которую не смеет претендовать обыкновенный человек. Мы иногда просили, чтобы он нас повез до города, и он никогда не отказывал. ...В день смерти Маяковского мы гуляли по саду с надменным и изящным грузином, специалистом по радио. В столовой собрались отдыхающие, чтобы повеселиться. Наш спутник сказал: «Грузинские наркомы не стали бы танцевать в день смерти грузинского национального поэта». О.М. кивнул мне: «Пойди, скажи Ежову...» Я вошла в столовую и передала слова грузина разгоряченному весельем Ежову. Танцы прекратились...»

И действительно, Ежов вовсе не был какой-то демонической личностью. Выходец из бедной рабочей семьи, он рано осиротел и воспитывался с 12 лет в семье А. Шляпникова. В партию большевиков Ежов вступил в 1917 г. Он не отличался в моло-

¹ Сац И. А. Из воспоминаний. Рукопись.

дости ни коварством, ни злобностью, ни какими-либо другими заметными пороками, столь характерными, например, для молодого Берии. Те, кто знал Ежова еще по комсомольской, по партийной работе в одной из областей Казахстана или по краткой работе в Наркомате земледелия, говорили мне, что Ежов был тогда самым обыкновенным, отнюдь не жестоким и даже неплохим человеком. Но с первой же встречи со Сталиным, которая произошла, по-видимому, во время поездки Сталина в Сибирь в 1928 г., Ежов подпал под его полное, безраздельное, почти гипнотическое влияние. Сталин это заметил и стал быстро продвигать Ежова в системе партийно-государственной иерархии. В 1929 г. Ежов был назначен заместителем наркома земледелия СССР, однако на XVI съезде ВКП (б) присутствовал лишь в качестве делегата с совещательным голосом. В 1930 г. Ежов стал заведующим распредотделом и отделом кадров ЦК. Не будучи даже членом ЦК, он приобрел в партийном аппарате огромное влияние, так как руководимый им отдел определял многие важные назначения и перемещения.

После XVII съезда партии, на котором Ежов впервые был избран членом ЦК, его карьера пошла вверх еще стремительней: член оргбюро ЦК, заведующий промышленным отделом ЦК и заместитель председателя КПК. Не известно, за какие заслуги перед международным рабочим движением Ежов был избран и членом Исполкома Коминтерна. В 1935 г. он уже один из секретарей ЦК ВКП (б) и председатель КПК. В 1935—1936 гг. Сталин поручил Ежову контроль за деятельностью НКВД, что очень не понравилось Г. Ягоде. Ежов не только осуществлял общий контроль, но и активно участвовал в подготовке судебного процесса над Зиновьевым и Каменевым, присутствовал на допросах, отдавал распоряжения ответственным работникам НКВД.

Как пишет в своей книге А. Орлов, "Ягода очень болезненно воспринимал вмешательство Ежова в дела НКВД и следил за каждым его шагом, надеясь его на чем-либо подловить и, дискредитировав в глазах Сталина, избавиться от его опеки. ...По существу, на карту была поставлена карьера Ягоды. Он знал, что члены Политбюро ненавидят и боятся его. Это под их влиянием в 1931 году Сталин направил в "органы" члена ЦК Акулова, который должен был стать во главе ОГПУ. Правда, Ягоде вскоре удалось добиться дискредитации Акулова и убедить Сталина убрать его из "органов". Но Ежов-то был действительно сталинским фаворитом и поэтому представлял несравненно большую опасность"¹.

¹ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. Н.-Й., 1983, с. 126, 131, 132. (А. Орлов, видный работник НКВД, оставшийся за границей в 1937 г. Написал свою книгу уже после смерти Сталина. В книге не все достоверно, так как часто источником для автора служили случайные разговоры, слухи.)

Далее А. Орлов выдвигает версию, не лишенную оснований:

"Осуществляя контроль за подготовкой процесса, направленного против Зиновьева и Каменева, Ежов, по-видимому, уже знал, что через несколько месяцев Сталин назначит его наркомом внутренних дел. Только этим можно объяснить необычный интерес, который он проявлял к методам оперативной работы НКВД и к чисто технической стороне обработки заключенных. Он любил появляться ночью в обществе Молчанова или Агранова в следственных кабинетах и наблюдать, как следователи вынуждают арестованных давать показания. Когда его информировали, что такой-то и такой-то, до сих пор казавшийся несгибаемым, поддался, Ежов всегда хотел знать подробности и жадно выпрашивал, что именно, по мнению следователя, сломило сопротивление обвиняемого"¹.

После назначения Ежова наркомом произошли изменения в аппарате НКВД. Вместе с Ягодой оттуда были удалены, а позднее арестованы многие его заместители и ведущие работники, а также начальники областных управлений. Вероятно, не менее десяти—пятнадцати видных работников НКВД покончили жизнь самоубийством. Ежов привел с собой для работы в "органах" несколько сотен новых людей, главным образом из числа партийных работников среднего звена. Однако многие выпестованные Ягодой сотрудники остались на своих местах. Ежов и "его люди" плохо знали механику работы карательных органов, и им старательно помогали освоить ее Л. Заковский, С. Реденс, М. Фриновский, Г. Люшков и некоторые другие.

С приходом Ежова аппарат органов НКВД был значительно расширен. Однако осенью 1936 г. поток репрессий стал ослабевать. Это происходило в первую очередь из-за массовых кадровых перемещений в органах безопасности и перестройки их работы. Разгулу террора мешало, вероятно, и то обстоятельство, что именно в эти месяцы по всей стране шло обсуждение проекта новой Конституции, которая на бумаге гарантировала всем гражданам нашей страны неприкосновенность личности и многие другие демократические права. Не удивительно, что смещение Ягоды и назначение Ежова не было воспринято в стране как предвестие усиления террора. Многие из тех, кто опасался ареста, стали вести себя более спокойно, некоторые жертвы террора 1934—1936 гг., оставшиеся в живых, надеялись на улучшение своей участи. Но их надеждам не суждено было сбыться. В новом 1937 г. на партию и на всех граждан нашей страны репрессии и террор обрушились в невиданных ранее масштабах. Понятие "37-й год" до сих пор является не столько календарной датой, сколько синонимом жестокого массового террора.

¹ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений Н. -И., 1983, с. 150.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ "ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ЦЕНТРА"

1937 г. начался новым большим политическим процессом — спектаклем. На этот раз перед Военной коллегией Верховного суда СССР предстали Г. Л. Пятаков, К. Б. Радек, Г. Я. Сокольников, Л. П. Серебряков, Я. А. Лившиц, Н. И. Муралов, Я. Н. Дробнис, М. С. Богуславский и другие — всего 17 человек. В большинстве подсудимые были известными деятелями партии, активными участниками революции и гражданской войны. Почти все принадлежали в 1924—1928 гг. к "объединенной" оппозиции, но затем публично заявили о своем разрыве с Троцким и были восстановлены в партии. Перед арестом осенью 1936 г. эти люди занимали, как правило, важные посты в хозяйственном и партийном аппаратах, в органах печати и др. Теперь все они были обвинены в принадлежности к так называемому "параллельному центру", в подготовке террористических актов, в шпионаже, в стремлении добиться поражения СССР в войне с фашистской Германией, в вынашивании планов расчленения СССР и восстановления капитализма.

Процесс "параллельного центра" проходил уже с соблюдением некоторых юридических норм, которыми пренебрегли на предыдущем судилище. Так, обвиняемым выделили защитников, которые, впрочем, даже и не пытались защищать их от несправедливых и необоснованных обвинений. Убедившись в безотказности "следственной" машины, Сталин разрешил пригласить на процесс большое число иностранных корреспондентов и некоторых дипломатов. Но и теперь никаких документов или вещественных улик обвинение не представило. Как только А. Вышинский объявлял о предстоящем предъявлении суду документов "н-ской разведки", открытое заседание суда немедленно прекращалось и назначалось закрытое. Единственным доказательством и теперь оставались показания обвиняемых.

Естественно возникал вопрос, что побудило обвиняемых, которые, по данным следствия, давно уже потеряли стыд и совесть, превратились в убийц и диверсантов и не могли надеяться на снисхождение, что заставляло их "чистосердечно" признаваться в своих преступлениях? К тому же все обвиняемые делали оговорку, что их не подвергали пыткам или давлению. Однако, чтобы предупредить появление каких-либо сомнений, Вышинский почти каждому из этих "убийц, вредителей, предателей и шпионов" задавал вопрос о мотивах их чистосердечных признаний. Приведем лишь один типичный диалог между Вышинским и Мураловым, обвиненным в организации вредительства и террористических актов в Сибири.

"В ы ш и н с к и й. Меня интересует, почему вы решили дать правдивые показания? Изучая следственное производство, я

вижу, что на протяжении ряда допросов вы отрицали свою подпольную работу... Изложите мотивы, по которым вы решили все выложить на стол...

М у р а л о в. По-моему, тут три причины, которые меня сдерживали и заставляли все отрицать... Начну с моего характера. Я очень горячий, обидчивый человек. Когда меня посадили, я обиделся, озлобился. Вторая причина — моя привязанность к Троцкому. Третий момент, вы знаете, во всяком деле есть перегибы. И я думал, если я и дальше останусь троцкистом, то я могу стать знаменем контрреволюции. Это меня страшно испугало. В то время как на моих глазах росли кадры, промышленность, народное хозяйство... Я не слепец. И я сказал себе, что надо подчиниться интересам того государства, за которое я активно сражался в трех революциях... Как же я останусь и буду усугублять это дело? Мое имя будет знаменем для тех, кто еще есть в рядах контрреволюции. Для меня это было решающее, и я сказал: ладно иду и показываю всю правду..."¹

Фальшивый характер подобного рода "признаний" бросается в глаза.

Во время этого процесса уже вполне отчетливо прозвучали (или, вернее, были вложены в уста подсудимых) слова о "шпионско-террористической деятельности Бухарина и Рыкова". "Я признаю за собой еще одну вину, — заявил, например, в своем последнем слове 29 января 1937 г. К. Радек. — Я, уже признав свою вину и раскрыв организацию, упорно отказывался давать показания о Бухарине. Я знал: положение Бухарина такое же безнадежное, как и мое, потому что вина у нас, если не юридически, то по существу была та же самая. Но мы с ним близкие приятели, а интеллектуальная дружба сильнее, чем другие дружбы. Я знал, что Бухарин находится в том же состоянии потрясения, что и я, и я был убежден, что он даст честные показания Советской власти. Я поэтому не хотел приводить его связанного в Наркомвнудел. Я так же, как и в отношении других наших кадров, хотел, чтобы он мог сложить оружие. Это объясняет, почему только к концу, когда я увидел, что суд на носу, понял, что я не могу явиться в суд, скрыв существование другой террористической организации"². Не только Радек, но и некоторые другие подсудимые подробно рассказывали суду о своих "контрреволюционных связях" с группой Бухарина—Рыкова.

Показания на процессе "параллельного центра" решали судьбу почти всех, кто прежде придерживался "правого" уклона. 17 января 1937 г. "Известия" вышли без подписи ее главного редактора — Н. И. Бухарина. Был снят со всех постов и А. И. Рыков. Многие решили поэтому, что Бухарин и Рыков

¹ "Правда", 27 января 1937 г.

² "Известия", 30 января 1937 г.

уже арестованы. Но это было не так. Сталин не торопился с арестом Бухарина и Рыкова, хотя они всенародно были объявлены "врагами народа".

Еще осенью 1936 г., когда арестовали Радека, Пятакова и готовился процесс "параллельного центра", Бухарин ждал ареста и вместе с тем постоянно писал письма Сталину, на которые тот не отвечал. Однако Сталин вел с Бухариным и Рыковым гораздо более сложную игру, чем с Каменевым и Зиновьевым. По свидетельству жены Бухарина А. М. Лариной, 7 ноября 1936 г. Бухарин решил пойти с женой на праздник Октября. Конечно, он не поднялся на трибуну Мавзолея, но по гостевому билету "Известий" прошел на соседние с Мавзолеем трибуны. Сталин заметил Бухарина. Неожиданно Ларина увидела, что через густую толпу людей к Бухарину пробирается часовой. Она подумала, что часовой предложит Бухарину немедленно оставить Красную площадь. Но тот отдал честь Бухарину и сказал: "Товарищ Бухарин, товарищ Сталин просил передать, что вы не на месте стоите. Поднимитесь на Мавзолей".

Однако после праздника в жизни Бухарина началась самая тяжелая полоса. Его не вызывали на Лубянку, но в Кремле одну за другой Бухарину устраивали очные ставки и с арестованными "левыми", и с членами так называемой "школы Бухарина", то есть его ближайшими учениками. За очной ставкой с Сокольниковым последовала очная ставка с Пятаковым, Радеком, с одним из любимых учеников Бухарина Ефимом Цетлиным. И все эти люди говорили о своих мнимых преступных связях с Бухариным, о существовании еще одного контрреволюционного и террористического центра, во главе которого якобы стояли Бухарин и Ягода. Так, например, Е. Цетлин сообщил, что Бухарин дал ему револьвер и поставил его на углу улицы Герцена, по которой должен был в этот день проехать Сталин. Однако машина Сталина проехала по другой улице и покушение не состоялось.

Кроме очных ставок, на квартиру Бухарина и Рыкова почти каждый день доставлялись копии протоколов "показаний" тех деятелей партии, которые были уже арестованы и от которых следователи НКВД постоянно получали все новые и новые сведения по поводу их "вредительской" и "террористической" деятельности. Имя Бухарина и Рыкова встречалось в этих показаниях очень часто. Такие же пачки протоколов получали и другие члены и кандидаты в члены ЦК ВКП (б).

В начале февраля 1937 г. в кремлевскую квартиру Бухарина пришли трое чекистов и вручили предписание о выселении его из Кремля. Николай Иванович растерялся. Его беспокоила судьба огромной домашней библиотеки и архива. Куда их перевозить? Вдруг раздался звонок по внутреннему кремлевскому телефону — "вертушке". Звонил Сталин.

“Ну как у тебя дела, Николай?” — как ни в чем не бывало спросил Сталин. Бухарин сказал, что к нему явились люди из комендатуры Кремля с предписанием о немедленном выселении. Не задавая других вопросов, Сталин громко сказал: “Гони ты их всех к черту!” Непрошенные гости, разумеется, немедленно удалились.

Уже с декабря 1936 г. Бухарин не выходил из своей квартиры, находясь как бы под добровольным домашним арестом. Состояние его было ужасно, посещали Бухарина и мысли о самоубийстве. Во время процесса “параллельного центра” Бухарин все время находился в таком страшном напряжении, что почти не спал.

Как известно, процесс в Доме Союзов закончился 30 января 1937 г. 13 человек были приговорены к расстрелу. Радек, Сокольников и Арнольд — к 10 годам заключения, Строилов — к 8 годам. Присутствовавшие в зале чекисты и представители общественности встретили этот приговор криками одобрения, как и толпа москвичей, собравшихся возле Дома Союзов. На следующий день руководимый Н. С. Хрущевым Московский горком партии созвал на Красной площади грандиозный митинг, на котором сотни тысяч рабочих и служащих московских предприятий одобрили “суровый, но справедливый” приговор.

ФЕВРАЛЬСКО-МАРТОВСКИЙ ПЛЕНУМ ЦК ВКП (б)

Вскоре после окончания процесса Радека—Пятакова было намечено провести пленум ЦК ВКП (б). В повестке дня этого пленума, заблаговременно разосланной членам ЦК, стояли два главных вопроса: 1. О Бухарине и Рыкове. 2. О подготовке партийных организаций к выборам в Верховный Совет СССР. Пленум ЦК открылся 25 февраля 1937 г. Сообщение о “преступной деятельности” Бухарина и Рыкова, а также о “шпионско-вредительской деятельности” некоего нового “контрреволюционного центра” сделал Н. Ежов. Обсуждение велось в резких и грубых тонах. Существует легенда, что некоторые члены ЦК защищали Бухарина и Рыкова, возражали против начавшихся массовых репрессий. Но этого не было. Никто не осуждал политики Сталина и НКВД, все обвиняли Бухарина и Рыкова, требовали привлечения их к ответственности, приводили многочисленные примеры плохой работы предприятий и учреждений из-за вредительства бывших оппозиционеров. Конечно, не все выступления на пленуме были одинаковы. Так, например, нарком легкой промышленности И. Е. Любимов пытался преуменьшить масштабы вредительства в его отрасли, что вызвало

нападки на него со стороны И. Варейкиса. Нарком здравоохранения Г. Н. Каминский высказал не только сомнение в правомерности некоторых репрессий в Закавказье, но и политическое недоверие Л. Берии, фактическому наместнику Сталина в Грузии и Закавказье. П. Постышев усомнился в правомерности ареста одного из своих ближайших помощников, никогда не участвовавшего ни в какой оппозиции.

Обстановка на пленуме уже достаточно накалилась, когда слово для ответа было предоставлено Бухарину. Он отверг выдвинутые против него обвинения. Когда он сказал: "Я не Зиновьев и не Каменев и лгать на себя не стану", Молотов закричал с места: "Не будете признаваться, этим и докажете, что вы фашистский наймит, они же в своей прессе пишут, что наши процессы провокационные. Арестуем — сознаетесь!" Бухарин зачитал их с Рыковым совместное заявление о том, что показания против них, данные подсудимыми на процессе Пятакова—Радека, являются клеветническими. Бухарин и Рыков обвинили НКВД в фабрикации ложных показаний и предложили создать комиссию по расследованию деятельности НКВД. "Вот мы тебя туда пошлем, ты и посмотришь!" — выкрикнул Сталин.

Для подготовки решения пленум создал комиссию в составе примерно 30 человек, прервав на два дня свою работу. Эти два дня Бухарин провел дома. У него уже не было никаких надежд. Он написал письмо "Будущему поколению руководителей партии". Это письмо он попросил жену выучить наизусть. "Ты молодая, — сказал он, — и ты дождешься, когда во главе партии будут стоять другие люди". Несколько раз Бухарин проверял жену, а когда убедился, что она запомнила текст слово в слово, письмо сжег.

"Ухожу из жизни, — писал в этом письме Бухарин. — Опущу голову не перед пролетарской секирой, должной быть беспощадной, но и целомудренной. Чувствую свою беспомощность перед адской машиной, которая, пользуясь, вероятно, методами средневековья, обладает исполинской силой, фабрикует организованную клевету, действует смело и уверенно.

Нет Дзержинского, постепенно ушли в прошлое замечательные традиции ЧК, когда революционная идея руководила всеми ее действиями, оправдывала жесткость к врагам, охраняла государство от всяческой контрреволюции. Поэтому органы ЧК заслужили особое доверие, особый почет, авторитет и уважение. В настоящее время в своем большинстве так называемые органы НКВД — это переродившаяся организация безыдейных, разложившихся, хорошо обеспеченных чиновников, которые, пользуясь былым авторитетом ЧК, в угоду болезненной подозрительности Сталина, боюсь сказать больше, в погоне за орденами и славой творят свои гнусные дела, кстати не понимая, что одновременно

уничтожают самих себя, — история не терпит свидетелей грязных дел!

Любого члена ЦК, любого члена партии эти “чудодейственные” органы могут стереть в порошок, превратить в предателя-террориста, диверсанта, шпиона. Если бы Сталин усомнился в самом себе, подтверждение последовало бы мгновенно.

Грозовые тучи нависли над партией. Одна моя ни в чем не повинная голова потянет еще тысячи невинных. Ведь нужно же создать организацию, “бухаринскую организацию”, в действительности не существующую не только теперь, когда вот уже седьмой год у меня нет и тени разногласий с партией, но и не существовавшую тогда, в годы “правой” оппозиции. О тайных организациях Рютина и Угланова мне ничего известно не было. Я свои взгляды излагал вместе с Рыковым и Томским открыто.

С восемнадцатилетнего возраста я в партии, и всегда целью моей жизни была борьба за интересы рабочего класса, за победу социализма. В эти дни газета со святым названием “Правда” печатает гнуснейшую ложь, что якобы я, Николай Бухарин, хотел уничтожить завоевания Октября, реставрировать капитализм. Это неслыханная наглость. Это — ложь, адекватна которой по наглости, по безответственности перед народом была бы только такая: обнаружилось, что Николай Романов всю свою жизнь посвятил борьбе с капитализмом и монархией, борьбе за осуществление пролетарской революции.

Если в методах построения социализма я не раз ошибался, пусть потомки не судят меня строже, чем это делал Владимир Ильич. Мы шли к единой цели впервые, еще не проторенным путем. Другое было время, другие нравы. В “Правде” печатался дискуссионный листок, все спорили, искали пути, ссорились и мирились и шли дальше вперед вместе.

Обращаюсь к вам, будущее поколение руководителей партии, на исторической миссии которых лежит обязанность распутать чудовищный клубок преступлений, который в эти страшные дни становится все грандиознее, разгорается, как пламя, и душит партию.

Ко всем членам партии обращаюсь!

В эти, быть может, последние дни моей жизни, я уверен, что фильтр истории, рано или поздно, неизбежно смоем грязь с моей головы.

Никогда я не был предателем, за жизнь Ленина без колебания заплатил бы собственной. Любил Кирова, ничего не затевал против Сталина.

Прошу новое, молодое и честное поколение руководителей партии зачитать мое письмо на пленуме ЦК, оправдать и восстановить меня в партии.

Знайτε, товарищи, что на том знамени, которое вы понесете

победоносным шествием к коммунизму, есть и моя капля крови!"¹

Это письмо свидетельствует не только о личной трагедии Бухарина, но и о том, что он до самого конца не понимал страшного смысла происходящих событий. Бухарин защищает только себя, ни слова о Зиновьеве, Каменеве, Пятакове и других, уже уничтоженных Сталиным видных деятелях партии, оправдывает все прежние репрессии против "врагов партии", беспощадность и даже жестокость прежней ЧК. Пишет, что ничего не знал о существовании тайных организаций Рютина и Угланова, не подвергая сомнению существование этих контрреволюционных "тайных организаций". Бухарин пишет, что у него уже семь лет "нет и тени разногласий с партией" и что он "ничего не затевал против Сталина". Письмо Бухарина — это, конечно, не завещание умудренного опытом государственного деятеля, а крик отчаяния. И тем не менее это очень важный человеческий документ. Не следует забывать также, что Бухарин писал это письмо не только для "будущих руководителей", но и для молодой жены, которую мог бы испугать иной текст.

Комиссия, которой пленум поручил решить вопрос о Бухарине и Рыкове, заседала под председательством А. И. Микояна. В нее входили почти все высшие руководители партии, многие из которых в ближайшие два года сами пали жертвами репрессий. Голосовали поименно, в порядке алфавита. Один за другим поднимались члены ЦК — Андреев, Бубнов, Ворошилов, Каганович, Молотов — и произносили три слова: "Арестовать, судить, расстрелять!" Когда очередь дошла до Сталина, он сказал: "Передать дело в НКВД". Несколько человек затем повторили эти слова, которые, по существу, конечно, мало отличались от первых. Только Микоян как председатель комиссии не высказал своего мнения, и оно не записано в протоколе заседания.

Через два дня пленум возобновил работу. Бухарина и Рыкова вызвали на заседание, чтобы они выслушали решение. Они не сомневались в своей участи. Уходя из дома, Бухарин простился с отцом, поцеловал своего 9-месячного сына, упал со слезами на колени перед женой, прося у нее прощения за загубленную жизнь. Затем, овладев собой, поднялся и сказал: "Смотри, не обозлишь, Анютка, в истории бывают досадные опечатки, но правда восторжествует! Воспитавай сына большевиком, обязательно большевиком!"

Бухарин с семьей жил в Кремле. Выйдя из квартиры, он прошел в помещение, где заседал пленум. В раздевалке было пусто.

¹ "Знамя", 1988, № 12, с. 168—169. А. М. Ларина пережила тяжелейшие годы лагерного заключения и ссылки. Она много раз повторяла текст письма своего мужа и восстановила его по памяти после освобождения. Письмо Н. И. Бухарина А. М. Ларина передала в ЦК КПСС после XX съезда партии.

Одновременно с Бухариным туда вошел и Рыков. Когда они сдавали свои пальто, их окружили восемь человек, арестовали и отправили на Лубянку; на квартирах у них работники НКВД провели обыск. Члены семей Бухарина и Рыкова еще не были арестованы, они были нужны следствию для шантажа и давления на арестованных.

Когда пленум заслушал решение комиссии о Бухарине и Рыкове, когда принималось постановление об их исключении из состава ЦК ВКП (б) и из партии, обоих уже подвергали в НКВД первому допросу.

Выступая на одном из заключительных заседаний февральско-мартовского пленума с большой речью, Сталин потребовал усилить борьбу с врагами народа, каким бы знаменем они ни прикрывались — троцкистским или бухаринским.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ "АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВОТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА"

Судебный процесс по делу "правотроцкистского блока" начался 2 марта 1938 г. Председателем Военной коллегии был все тот же В. В. Ульрих, государственным обвинителем — все тот же А. Я. Вышинский. Это был во многих отношениях очень важный процесс: он якобы раскрывал наиболее тайный и наиболее многочисленный из всех "антисоветских центров". Состав подсудимых был довольно пестрым. Кроме Бухарина, главного из обвиняемых, на скамье подсудимых сидел А. И. Рыков, многие годы возглавлявший СНК СССР. Здесь были недавние народные комиссары СССР: А. П. Розенгольц, М. А. Чернов, Г. Ф. Гринько, В. И. Иванов, а также Г. Г. Ягода, всего два года назад всеильный глава НКВД; крупнейший советский дипломат Н. Н. Крестинский; крупный деятель российского и международного рабочего движения Х. Г. Раковский; руководители Узбекской ССР А. Икрамов и Ф. Ходжаев; секретарь Горького П. П. Крючков, видные врачи Д. Д. Плетнев, И. Н. Казаков и некоторые другие.

К обвинениям, предъявленным на процессах 1936 и 1937 гг. и теперь лишь повторенным (убийство Кирова, подготовка убийства Сталина и др.), подсудимым были добавлены обвинения в убийстве А. М. Горького, В. В. Куйбышева, В. Р. Менжинского, в покушении на Ленина еще в 1918 г., а также в стремлении отдать империалистам не только Украину, Белоруссию и Дальний Восток, но также Закавказье и Среднюю Азию.

На первом судебном заседании председательствующий Ульрих зачитал пространное обвинительное заключение и обратился к каждому из подсудимых с вопросом: "Признаете ли вы себя виновным?" Бухарин, Рыков, Ягода ответили: "Да, признаю".

Когда очередь дошла до Крестинского, тот неожиданно ответил: "Я не признаю себя виновным. Я не троцкист. Я никогда не был участником "правотроцкистского блока", о существовании которого не знал. Я не совершал также ни одного из тех преступлений, которые вменяются лично мне, в частности не признаю себя виновным в связях с германской разведкой".

Растерявшийся Ульрих повторил свой вопрос, но получил тот же твердый ответ. Затем Ульрих продолжил опрос подсудимых, и все они признали себя виновными. После этого был объявлен перерыв на 20 минут. Что происходило во время этого перерыва? Несомненно, было решено изменить порядок допроса подсудимых. Первым начали допрашивать Бессонова, роль которого и в организации процесса, и по "сценарному плану" была особой. Именно Бессонов был по плану тем, кто якобы связал троцкистов и зиновьевцев с "правыми", в первую очередь с Бухариным, Рыковым и Томским. Это он, работая в торгпредстве СССР в Берлине, будто бы организовал встречи оппозиционеров с Троцким и сыном Троцкого — Седовым. Это Бессонов будто бы передавал директивы Троцкого "правотроцкистскому блоку". К тому же Бессонов в отличие от Крестинского явно подтвердил свою готовность продолжать играть отведенную ему роль.

Итак, после короткого перерыва утреннее заседание возобновилось с допроса Бессонова. Когда тот говорил о своих усилиях связать троцкистов и зиновьевцев с "правыми", Вышинский обратился к Бухарину с вопросом, может ли он подтвердить эти показания. Бухарин сказал, что переговоры с Пятаковым и другими троцкистами велись "правыми" еще до встречи с Бессоновым. "Вы вели переговоры об объединенных действиях против Советской власти?" — спросил Вышинский. "Да", — кратко ответил Бухарин.

Однако, когда Вышинский обратился к Крестинскому за подтверждением показаний Бессонова, тот их отверг. Крестинский был крупным партийным и государственным деятелем и до своего ареста работал заместителем наркома иностранных дел. Хотя Крестинский сочувствовал некоторым акциям "левой" оппозиции, он не был троцкистом и не участвовал во внутрипартийной борьбе 20-х гг. хотя бы потому, что до 1930 г. работал советским послом в Германии. Во время следствия он быстро подписал все то, что от него требовали подписать. Вероятно, он понял, что готовится новый процесс, и решил сохранить силы, чтобы сказать правду на этом процессе. Теперь в ответ на новый вопрос Вышинского Крестинский резко, даже пронзительно заявил, что никогда и нигде с Бессоновым о связях с троцкистами не говорил, что Бессонов лжет. На вопрос растерявшегося Вышинского о показаниях Крестинского на предварительном следствии он ответил, что они были ложны. "Почему же вы не

говорили правду на предварительном следствии?" — спросил Вышинский. Крестинский помедлил с ответом, и Вышинский то-ропливо произнес: "Ответов не слышу, вопросов не имею" — и опять стал допрашивать Бессонова. Через некоторое время обвинитель вновь должен был обратиться к Крестинскому, и тот снова отверг показания Бессонова. При этом Крестинский прямо сказал, что не мог и не хотел говорить правду на предварительном следствии, ибо убедился, что "до судебного заседания, если таковое будет", ему не удастся отвести от себя ложные обвинения. "Для чего же вы вводили следствие и прокуратуру в заблуждение?" — спросил Вышинский. "Я просто считал, — ответил Крестинский, — что если я расскажу то, что говорю сегодня, — что это не соответствует действительности, — то это мое заявление не дойдет до руководителей партии и правительства". Вышинский задал затем несколько вопросов Бессонову и объявил утреннее заседание суда законченным¹. Перерыв между утренним и вечерним заседаниями продолжался два часа.

Новые показания Крестинского действительно быстро дошли до руководителей партии и правительства. Подсудимые давали свои показания, подходя к микрофону, провода от которого шли не только к усилителям в самом зале, но также и в Кремль. В разных местах сцены и в зале, недалеко от председателя суда и государственного обвинителя, были вмонтированы тайные микрофоны для управления ходом этого сложного спектакля. Кроме того, весь процесс от начала до конца снимался на киноплёнку.

Во время двухчасового перерыва в помещении для руководителей процесса собрался весь его "штаб". Поскольку процесс был большим спектаклем, были и опытный режиссер, и группа помощников режиссера. Для этого "штаба" оборудовали комфортабельные помещения неподалеку от Октябрьского зала Дома Союзов, причем вход в эти помещения был тщательно замаскирован, хорошо охранялся и был известен только самым посвященным². Во главе "штаба" стоял старый чекист Л. Заковский, который занимал видное положение в ЧК—ГПУ—НКВД при всех прежних руководителях и сохранил свое положение при Ежове.

Нам неизвестно, как обсуждался в "штабе" инцидент с Крес-

¹ См.: "Судебный отчет по делу антисоветского правотроцкистского блока. Полный текст стенографического отчета". М., 1938, с. 49—146. Показательно, что в кратком судебном отчете, а также в газетах значительная часть допроса Крестинского была опущена. Что касается полного текста, то он был опубликован лишь в небольшом количестве экземпляров.

² Об этих деталях организации процесса мне рассказал Е. А. Гнедин (умер летом 1983 г.), который по линии НКВД отвечал за деятельность дипломатического корпуса и иностранных корреспондентов. Он был их главным цензором на московских судебных процессах.

тинским. После перерыва Вышинский вел допрос Розенгольца и Гринько. Они дали суду все "нужные" показания, в том числе и "обличающие" Крестинского. Но тот опять настаивал на своей невинности.

На утреннем заседании 3 марта Вышинский допрашивал других подсудимых. Однако на вечернем заседании во время допроса Раковского он обратился к Крестинскому с вопросом:

"Вы выслушали подробное объяснение Раковского о так называемом вашем отходе от троцкизма. Считаете ли вы эти объяснения Раковского правильными?"

Крестинский. То, что он говорил, правильно.

Вышинский. Если верно то, что говорил здесь Раковский, то будете ли вы продолжать обманывать суд и отрицать правильность данных вами на предварительном следствии показаний?

Крестинский. Свои показания на предварительном следствии я полностью подтверждаю.

Вышинский. Что означает в таком случае ваше вчерашнее заявление, которое нельзя иначе рассматривать как троцкистскую провокацию на процессе?

Крестинский. Вчера, под давлением минутного острого чувства ложного стыда, вызванного обстановкой скамьи подсудимых и тяжелым впечатлением от оглашения обвинительного заключения, усугубленным моим болезненным состоянием, я не в состоянии был сказать правду, не в состоянии был сказать, что я виновен. И вместо того, чтобы сказать — да, я виновен, я почти машинально сказал: нет, не виновен...

Вышинский. Машинально?

Крестинский. Я не в силах был перед лицом мирового общественного мнения сказать правду, что я вел все время троцкистскую работу против Советской власти. Я прошу суд зафиксировать мое заявление, что я целиком и полностью признаю себя виновным по всем тягчайшим обвинениям, предъявленным лично мне, и признаю себя полностью ответственным за совершенные мною измену и предательство.

Вышинский. У меня вопросов к подсудимому Крестинскому пока нет".

Конечно, трудно ответить на вопрос, что именно произошло в ночь со 2 на 3 марта и почему Крестинский столь резко изменил свои показания. Член партии с 1919 г. С. И. Бердичевская встретила на одном из этапов в годы заключения свою знакомую еще по гражданской войне, врача Лефортовской тюрьмы. Эта женщина-врач рассказала, что на второй день процесса "правых" видела Крестинского в Лефортовской тюрьме — он был жестоко избит, окровавлен. Бердичевская предполагает, что после 2 марта на скамье подсудимых находился не Крестинский, а его двойник. Е. А. Гнедин, выполнявший ряд важных поручений, свя-

занных с организацией процесса, считает это предположение вполне допустимым. Писатель Камил Икрамов, сын Акмаля Икрамова, встретил однажды в лагере человека, присутствовавшего на процессе и хорошо знавшего Крестинского еще до 1937 г. Этот человек сказал:

“Вы знаете, Камил, они, вероятно, сделали с Крестинским что-то ужасное, потому что на второй день я просто не узнал Николая Николаевича. У него даже голос стал другим”.

Александр Орлов в своей книге, основываясь больше на слухах, чем на точных фактах, пишет на этот счет следующее:

“За границей, у тех, кто по газетам следил за процессом, естественно возник вопрос: что сделали с Крестинским в ночь со второго на третье марта? Любому непредубежденному человеку невольно приходили на ум страшные орудия пытки.

Между тем энкаведистам не требовались какие-то новые средства принуждения, чтобы заставить Крестинского внезапно изменить свою позицию. Эта попытка отречься от собственных показаний была не более чем актом все того же фальшивого спектакля, который разворачивался на суде по сталинским указаниям. Сталин знал о подозрениях, вызванных на Западе тем, что на первых двух процессах все обвиняемые в один голос признавали свою вину, и, вместо того чтобы подыскивать смягчающие обстоятельства, каждый из них старался взять на себя львиную долю преступлений, в которых их обвиняли.

Он понял, что зарубежные критики нащупали слабое место в его процессах, где подсудимые так старательно следовали предназначенной роли, что даже переигрывали. Теперь он решил показать, что не все обвиняемые ведут себя, точно автоматы. Выбор пал на Крестинского. Он уже на следствии в НКВД показал себя одним из наиболее уступчивых, а во-вторых, как бывший юрист он скорее мог уловить поощрительные намеки прокурора и отреагировать на них, включившись в игру в наиболее подходящий момент”¹.

Мы не считаем эту версию достаточно убедительной.

Не вполне обычными были и показания Н. И. Бухарина, во всяком случае они дают пищу для размышлений. Из них видно, что судили врага Сталина и врага Советской власти. Однако вдумчивый исследователь найдет в показаниях Бухарина множество намеков, которые ставят под сомнение версию суда и следствия. Признавая свою принадлежность к контрреволюционному “правотроцкистскому блоку”, Бухарин тут же говорил, что эта организация недостаточно сознавала свои цели и не ставила все точки над “i”. Признавая свое руководство в “блоке”, Бухарин тут же отмечал, что именно как руководитель он не мог знать, чем конкретно занимались участники “блока”.

¹ Орлов А. Тайная история сталинских преступлений, с. 279.

Заявив, что "блок" стремился к реставрации капитализма в СССР и что "мы все превратились в ожесточенных контрреволюционеров, в изменников, в шпионов, террористов... мы превратились в повстанческий отряд" и т.п., Бухарин тут же решительно отвергал обвинения в конкретных преступлениях, таких, как убийство Кирова, Менжинского, Горького, Куйбышева. Столь же категорически он отрицал свою причастность к подготовке убийства Ленина в 1918 г., когда возглавлял фракцию "левых коммунистов".

Касаясь своей поездки за границу весной 1936 г., Бухарин сказал, что эта поездка якобы помогла ему установить связи с руководящими кругами меньшевиков. Там он узнал, однако, что и без его информации меньшевики были в курсе главных соглашений между бухаринцами, зиновьевцами и троцкистами и хорошо знали рютинскую платформу. Поэтому единственное, о чем Бухарин якобы договорился с меньшевиками, — это о той кампании, которую поднимет Интернационал в печати в случае провала "правого" центра.

Признав вначале, что все "они превратились в шпионов", Бухарин вдруг заявил, что о "шпионской работе блока он совершенно ничего не знает". На протяжении всего процесса Бухарин продолжал утверждать, что никаким шпионажем не занимался и об актах шпионажа не знает. Подробно рассказав о своих "связях" с Троцким и подготовке государственного переворота, Бухарин, несомненно, сознательно допустил множество противоречий в этих показаниях и, кроме того, решительно отверг какую бы то ни было связь своего "блока" с белогвардейскими и фашистскими организациями и английской разведкой.

После признаний в самых немыслимых преступлениях Бухарин в своем последнем слове сказал: "Признания обвиняемых не обязательны, признания обвиняемых есть средневековый юридический принцип". Все эти оговорки вызывали нескрываемое раздражение у обвинения и судейской коллегии. На одном из заседаний Ульрих не выдержал и воскликнул: "Пока вы еще ходите вокруг да около, ничего не говорите о преступлениях!" Вышинский также с раздражением сказал Бухарину во время допроса: "Вы, очевидно, придерживаетесь определенной тактики и не хотите говорить правду, прикрываетесь потоком слов, крючкотворствуете, отступая в область политики, философии, теории и так далее. Это вам надо забыть раз и навсегда, ибо вы обвиняетесь в шпионаже и являетесь, очевидно, по всем данным следствия, шпионом одной из развдок. Поэтому бросьте крючкотворствовать".

Журнал "Октябрь" писал в марте 1938 г. в передовой статье: «Бухарин... Вот он развязно подходит к микрофону, как бы готовясь прочитать очередной псевдонаучный доклад. Как умел

маскироваться этот предатель! Блудил до революции. Забивал головы молодежи вредными анархистскими идейками. Австрия, Америка, Япония...

Как знать, что он там делал? Не были ли ему уже тогда знакомы явочные квартиры разведок и лисьи повадки охранника?

И об этом его спрашивает прокурор.

Но предатель возмущается. Конечно, он, Бухарин, отвечает за все, за все "по совокупности" как лидер. Но он не может позволить, чтобы его подозревали в службе охране.

— Если вам угодно задавать такие вопросы...

Но прокурору угодно их задавать... Проклятая смесь свиньи с лисицей. Взломщик сейфов, "медвежатник" в роли политического лидера.

...Леденящим холодом веет по залу, когда прокурор спрашивает подсудимого Бухарина: известно ли было руководителям "правотроцкистского блока" о готовящемся убийстве Кирова? И он, Бухарин, несмотря на все улики, несмотря на показания своего дружка Рыкова, невозмутимым профессорским тоном заявляет: "Это мне не было известно".

Бухарин лжет, как лгал десятки лет. Он, видите ли, никогда не пачкал своих "академических" ручек в грязных делах своих соседей по скамье подсудимых. Он только, если хотите, идеолог. Убивали другие. Шпионили тоже другие. А он только "осмысливал" анализировал кровавые деяния науськиваемых им людей. Он — "теоретик"¹.

На утреннем заседании суда 11 марта Вышинский произнес свою заключительную обвинительную речь. Заканчивая эту речь, он патетически воскликнул:

"Пройдет время. Могилы ненавистных изменников зарастут бурьяном и чертополохом, покрытые вечным презрением честных людей, всего советского народа... А наш народ будет по-прежнему шагать по очищенной от последней нечисти и мерзости прошлого дороге, во главе с нашим любимым вождем и учителем — великим Сталиным"².

На вечернем заседании 11 марта слово взяли защитники И. Д. Брауде и Н. Коммодов, выступления которых не слишком отличались от речи государственного обвинителя. Затем обвиняемым предоставили возможность произнести свое последнее слово. Эта процедура заняла весь день 12 марта и не обошлась без инцидентов. А. П. Розенгольц, лишь недавно признавшийся в самых чудовищных преступлениях против СССР, неожиданно начал говорить о своих заслугах перед страной и революцией. "Я заслужил смертную казнь, — сказал Розенгольц, — но это не значит, что я не расстаюсь с болью с прекрас-

¹ "Октябрь", 1938, № 3, с. 5—6.

² "Известия", 12 марта 1938 г.

ной Советской землей. Мы имеем такой подъем в Советском Союзе, какого не имеется нигде в мире... Впервые мы имеем жизнь полнокровную, блестящую радостью и красками". После этих слов Розенгольц неожиданно для всего зала запел песню Дунаевского "Широка страна моя родная...". Большинство присутствующих в зале — и приглашенных, и чекистов — вскочили, не зная, как им себя вести. Розенгольц, не закончив песню, с рыданиями упал на свое место.

Г. Ягода произнес краткую речь. Он пытался все же отрицать, что принадлежал к руководству "блока" и был организатором убийства Кирова, хотя и признал другие свои преступления. Под конец он произнес громким, срывающимся голосом прямо в микрофон: "Товарищ Сталин, товарищи чекисты, если можете, пощадите".

Бухарин и в последнем слове продолжал свою тактику. Он заявил: "Я говорил и повторяю сейчас, что я был руководителем, а не стрелочником контрреволюционного дела. Из этого вытекает, как всякому понятно, что многих конкретных вещей я не мог знать, что их я действительно не знал, но это ответственности моей не снимает". Далее Бухарин говорил, что сам он никогда не занимал пораженческой позиции, что он не виновен в шпионаже и не давал директив о вредительстве. Бухарин также категорически отрицал свою причастность к убийству Кирова, Горького, Куйбышева, Менжинского. "Чудовищность моих преступлений безмерна, — сказал далее Бухарин, — особенно на новом этапе борьбы СССР. С этим сознанием я жду приговора. Дело не в личных переживаниях раскаявшегося врага, а в расцвете СССР, в его международном значении"¹.

Бухарин не просил пощады.

Поздно вечером 12 марта суд удалился на совещание, продолжавшееся шесть часов. В 4 утра 13 марта заседание возобновилось, и крайне уставшие зрители, охранники и подсудимые заняли свои места. Москва была пустынна, возле Дома Союзов — никого. Около 30 минут Ульрих читал приговор, который все выслушали стоя. Большинство подсудимых были приговорены к высшей мере уголовного наказания — расстрелу; Плетнев — к 25 годам заключения, Раковский и Бессонов — 20 и 15 годам.

В ночь на 15 марта 1938 г. Н. И. Бухарина, которого Ленин называл любимцем партии, А. И. Рыкова, бывшего Председателя Совнаркома, и их товарищей по несчастью расстреляли. Известно, что Сталин почти всегда выслушивал рассказы руководивших расстрелами чекистов, если речь шла о людях, лично знакомых Сталину, которых он явно или тайно ненавидел. Не будем останавливаться на том, как вели себя перед расстрелом многие видные большевики. Нервы выдержали далеко не у всех. Буха-

¹ "Известия", 13 марта 1938 г.

рин держался спокойно. Он попросил, однако, дать ему карандаш и лист бумаги, чтобы написать последнее письмо Сталину. Просьба была удовлетворена. Короткое письмо начиналось словами: "Коба, зачем тебе была нужна моя смерть?" Это письмо Сталин всю жизнь хранил в одном из ящиков своего письменного стола вместе с резкой запиской Ленина, вызванной грубым обращением с Крупской.

ФАЛЬШИВЫЙ ХАРАКТЕР МОСКОВСКИХ "ОТКРЫТЫХ" ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

В 1936—1938 гг. подавляющее большинство советских людей, не только рабочих, служащих, но и представителей интеллигенции, не сомневались, что на скамье подсудимых в Доме Союзов сидят действительно враги народа. Этому верили и такие 12—13-летние школьники, каким я тогда был, и такие люди, как Е. А. Гнедин, принимавший участие в этих процессах. В своих мемуарах он писал:

"...Посещение Октябрьского зала неизменно вызывает у меня тягостное чувство. В этом небольшом помещении как бы сохранились флюиды, нервные токи, порожденные страданиями и ужасом, которым были охвачены жертвы и очевидцы чудовищных судебных преступлений. Я сижу в зале и передо мною предстают призраки казненных деятелей Советского государства: бывший Председатель Совнаркома Рыков, подтверждая нелепые выдумки, ухватился за спинку стула, как за якорь спасения, а может быть, просто, чтобы не упасть от слабости; рядом мужское лицо, ставшее маской смерти, — это Пятаков, когда-то сильный волевой организатор индустрии; из глубины сцены выходит скорбный Икрамов, бывший секретарь ЦК Узбекистана, а впереди у авансцены сидит элегантно одетый бывший Председатель Совнаркома Узбекистана Ходжаев; бледный Н. И. Бухарин, отвечая прокурору, смотрит в зал, а вернее, в будущее, с надеждой, что будет понят подлинный смысл его уклончивых ответов и туманных философских рассуждений; Н. Н. Крестинский пронзительным голосом заявляет о своей невиновности, и снова Крестинский (он ли это?) на несвойственном ему канцелярском языке подтверждает свою виновность; Радек после оглашения приговора поворачивается лицом к публике и глядит в зал с жалкой прощальной улыбкой; бывший нарком внешней торговли Розенгольц, заканчивая последнее слово, пытается запеть "Широка страна моя родная", а Ягода, бывший нарком внутренних дел, всегда походивший на волка, а теперь — затравленный волк, умоляет в последнем слове: "Товарищи чекисты, товарищ Сталин, если можете, простите!" (будто он перед ними провинился). Прокурор Вышинс-

кий, произнося кроважидную речь, делает рассчитанные жесты оратора, словно он выступает не на закрытом судилище, а перед широкой аудиторией; в зале, в пяти первых рядах сидят странные, неприятные субъекты, одни с массивными квадратными физиономиями, другие востроносые, злые; это — следователи, внимательно следящие за тем, как ведут себя их жертвы. Над сценой — несколько небольших окошек, завешанных темной, тонкой тканью; скрываясь за этими занавесками, можно смотреть сверху в зал, а из зала видно, как за тканью вьется дымок из трубки; главный режиссер и главный злодей любителю... как по его приказу творится чудовищное злодеяние...

На процессах 30-х годов я присутствовал в качестве представителя НКВД... Воистину прав был Достоевский, говоря: "В возможности не считать себя и даже иногда не быть мерзавцем, делая явную мерзость, — вот в чем беда".

Беда или вина? Думаю все же, что в первую очередь — беда. Мы стали жертвами палачей еще до того, как оказались непосредственно в их власти. И, не находясь за тюремной решеткой, человек может быть скован незримыми цепями. Одна из многих возможных иллюстраций этой мысли — отношение к фальсифицированным судебным процессам. Не только из примитивного страха лояльный гражданин отвергал сомнения в том, что такое огромное число "вредителей", "шпионов", "врагов народа" действовало в стране. Сеть, в которой мы оказались, была посложнее наручников и кандалов. Мы были связаны пред-рассудками и иллюзиями, догмами и даже собственными надеждами на обновление общества. Догмам мы подчинялись, надежд не хотели терять. В нашем сознании таился страх совсем особого рода: если последовательно проанализировать процессы "врагов народа", то цепь умозаключений может стать петлей, которая задушит нас самих... Так я рассуждаю теперь, когда пишу свои воспоминания. Но я не способен был так рассуждать в то время, о котором пишу. Я не знал среди известных мне людей — я имею в виду людей безусловно честных, а были среди них люди и весьма пронизательные, — не знал ни одного, кто решился бы взять на себя бремя последних логических выводов из анализа тогдашних политических событий, в частности судебных процессов".

К сожалению, и в более позднее время сохранилось немало людей, которые не желали и боялись взять на себя бремя последних логических выводов из анализа событий 1936—1938 гг., и особенно судебных процессов над "врагами народа". В своей вышедшей уже после XXII съезда КПСС книге один из тогдашних руководителей английской компартии писал, что "окончательная оценка этих процессов, обоснованность которых оспаривается многими, — дело историков будущего"¹. С подоб-

¹ Датт Р. Палм. Интернационал. М., 1966, с. 251.

ной точкой зрения, разумеется, нельзя согласиться. Не только историки будущего, но и все советские люди давно должны были узнать правду о судебных процессах 1936—1938 гг., оказавших столь большое влияние на все стороны жизни в нашей стране в предвоенные да и в послевоенные годы. А эта правда, как теперь нетрудно догадаться, состоит в том, что все перечисленные выше процессы были полностью фальсифицированы. Они были чудовищным спектаклем, который пришлось несколько раз репетировать, прежде чем он был показан зрителям.

Лишь очень небольшая часть показаний обвиняемых соответствовала действительности. Представляется, например, очевидным, что Ягода имел определенное отношение к убийству Кирова, хотя он получал на этот счет указания отнюдь не от "правотроцкистского блока". И Крестинский, и Бессонов действительно встречались в 1921—1922 гг. с представителями рейхсвера. Но эти встречи происходили с ведома В. И. Ленина и в рамках секретного соглашения между РСФСР и Германией, о чем знал и член Политбюро Сталин. Советскому государству важно было преодолеть в те годы дипломатическую изоляцию со стороны западных держав, а также экономическую блокаду. Нелепо было через 17 лет представлять все эти контакты личным делом Троцкого, Крестинского и Бессонова.

Что касается большинства других показаний, то они были явной и часто нелепой ложью, сознательно сфабрикованной в застенках НКВД.

Сегодня никто уже не предъявляет бывшим оппозиционерам обвинений в убийстве Кирова, Горького, Куйбышева и Менжинского. Полная и безоговорочная реабилитация Тухачевского, Якира, Гамарника, Уборевича и других выдающихся военачальников также свидетельствует о лживости большинства обвинений, предъявленных на процессе "правотроцкистского блока", ибо именно "преступная связь" с этими военачальниками была основой многих показаний на процессе. На процессе говорилось, что Тухачевский и Гамарник еще в 1934 г. разрабатывали якобы план захвата Кремля, уничтожения ЦК ВКП (б) и части делегатов XVII съезда партии. В дальнейшем Якир якобы готовил убийство Ежова, а Гамарник тщательно планировал убийство Сталина. Полностью реабилитированы те руководители Белоруссии, которые якобы планировали отторжение Белоруссии в пользу Польши. Полностью реабилитированы Ф. Ходжаев и А. Икрамов, "английские агенты", готовившие якобы передачу советской Средней Азии английским империалистам. Реабилитирован А. Енукидзе, который якобы являлся одним из лидеров "блока" и участвовал в тайном заседании, принявшем решение убить Кирова.

Большое место на процессе "параллельного центра" занял, как известно, вопрос о покушении на Молотова в 1934 г. в Про-

копьевске. На XXII съезде КПСС Н. М. Шверник сказал, что никакого покушения на Молотова не было и вся история была выдумана самим Молотовым в провокационных целях.

Сегодня, когда Верховный суд СССР наконец реабилитировал практически всех обвиняемых на московских "открытых" процессах и объявил, что никаких "параллельных" или "право-троцкистских" центров не существовало, нет нужды продолжать доказывать, что эти процессы были фальсифицированы, и приводить еще и еще неувязки и противоречия, содержащиеся в обвинительных материалах. Можно лишь выразить сожаление, что реабилитация состоялась только через 50 лет после гибели обвиняемых, хотя настойчивые требования пересмотреть грубые судебные фальсификации раздавались и в КПСС, и в международном коммунистическом движении начиная с 1956 г.

Однако возникает вопрос: какие методы использовали Ягода и Ежов при подготовке фальсифицированных процессов, как удалось им добиться от обвиняемых нужных Сталину показаний?

Высказывалось предположение, что на суде в качестве обвиняемых выступали хорошо загримированные и специально подготовленные агенты НКВД. Эти предположения решительно опровергают люди, присутствовавшие на процессе и хорошо знавшие многих обвиняемых, — Е. А. Гнедин, И. Г. Эренбург¹ и некоторые другие, с которыми я беседовал в 60-е гг.

Слушая показания тех обвиняемых, которых он хорошо знал, Эренбург думал, что говорят они так под воздействием каких-то медицинских препаратов — тогда уже были известны средства и способы превратить на время весьма решительного человека в послушную марионетку. Возможно также, что следователи применяли гипноз и внушение. В этой связи обращают внимание на исчезновение известного в середине 30-х гг. гипнотизера Арнольдо.

Некоторые западные авторы не без основания предполагают, что на заключенных воздействовали различными идеологическими и психологическими методами. Вот что пишет один из западных историков Ф. Фейто:

"...Делается ставка на добросовестность обвиняемых, на их незнание истинного лица сталинизма, в котором они видят одну из форм марксизма—ленинизма, действующего в современных исторических условиях, в условиях ожесточенной классовой борьбы. При помощи чудовищной системы доказательств, опираясь на эту веру и эту добросовестность, их убеждают, что, сог-

¹ И. Эренбург дружил с Бухариным с детских лет. Сталин сам позаботился, чтобы Эренбургу выписали пропуск в Дом Союзов. "Устройте Эренбургу пропуск, — сказал Сталин новому редактору "Известий". — Пусть посмотрит на своего друга".

ласно точке зрения, которую они будто бы разделяют или же искренне думают, что разделяют "объективно" (то есть на нашем языке "бессознательно"), они стали преступниками, союзниками своих врагов, их невольным орудием. И как только их удастся в этом убедить, они как бы попадают в систему зубчатых колес и соглашаются на все, что от них требуют, чтобы искупить свои преступления перед лицом истинных судей (то есть перед лицом потомства и своей собственной совести), чтобы оказать по крайней мере последнюю большую услугу партии, вожди которой расценили их деятельность как вредную и недостойную профессионального революционера. Победитель всегда и обязательно прав, и поэтому он предоставляет побежденным возможность спасти единство, сплоченность и честь партии, которые "в известной мере" по их вине (они сами в этом признались) оказались под угрозой. Поэтому же кто в глазах членов партии и, может быть, всего народа находится в оппозиции к новой политике, должны выставить себя законченными подлецами, одержимыми людьми, не заслуживающими ни уважения, ни жалости, никогда не сделавшими и даже не пытавшимися сделать что-либо хорошее, честное, полезное для коммунистического движения"¹.

Такую же версию проводит в своем вышедшем в 1940 г. романе "Слепящая тьма" Артур Кёстлер. Герой романа Николай Залманович Рубашов, один из крупнейших руководителей ВКП (б) и Коминтерна, находится в тюрьме, и следователи Иванов и Глеткин должны психологически подготовить его к участию в показательном судебном процессе. Кёстлер признавал, что прототипом Рубашова являлся главным образом Н. И. Бухарин, хотя у героя можно встретить черты и Радека, и Пятакова.

Герой романа Кёстлера Н. Рубашов готов признать многие свои ошибки и даже объективный вред своей оппозиционной деятельности. Но следователь хочет большего. Он читает Рубашову записи из его собственного дневника:

"Упрощенная и бесконечно повторяемая мысль легче укладывается в народном сознании; то, что объявлено на сегодня правильным, должно сиять ослепительной белизной; то, что признано сегодня неправильным, должно быть тускло-черным, как сажа; сейчас народу нужен лубок".

И Рубашов понимает:

"Я понимаю, куда вы клоните. Вам хочется, чтобы я сыграл лубочного дьявола, — мне следует скрежетать зубами, выпучивать белесые глаза и плевать серой — да не за страх, а за

¹ Фейто Ф. Венгерская трагедия. М., 1957, с. 55. (Во времена Н. С. Хрущева подобные книги издавались для ограниченного круга людей. Эта практика сохранилась до сих пор, но резко сократился круг людей, получающих книги по спискам.)

совесть. От Дантона и его соратников не требовали добровольного участия в подобном балагане.

Глеткин захлопнул папку и, выпрямившись в кресле, согнал назад складки гимнастерки под скрипучим ремнем.

— Добровольно выступив на открытом процессе, вы выполните последнее задание партии... Товарищ Рубашов, я надеюсь, вы понимаете, какое доверие оказывает вам партия?

Впервые Глеткин назвал Рубашова "товарищем". Рубашов резко выпрямился на табуретке и поднял голову. Его охватило волнение, с которым он не в силах был справиться. Надевая пенсне, он заметил, что его рука чуть заметно дрожит.

— Понимаю, — сказал он негромко¹.

Методы, о которых писали А. Кёстлер и Ф. Фейто, несомненно, применялись к части подсудимых. Вероятнее всего, что именно таким образом удалось заставить К. Радека не только говорить, но даже активно помогать следствию в составлении сценария процессов. Но Бухарина трудно было убедить столь примитивным способом. Многие свидетельствуют о том, что Бухарина шантажировали, прежде всего угрожая расправиться с молодой женой, с престарелым и больным отцом, а недавно родившегося сына грозили отдать в детский дом. В первые месяцы следствия семья Бухарина продолжала жить в своей кремлевской квартире, ему передавали записки от жены и книги из домашней библиотеки. Все кончилось, когда Бухарин был сломлен и начал давать "нужные" показания. Еще до начала процесса его жену арестовали.

Однако главным орудием воздействия на большинство участников судебных процессов были пытки и истязания. Член ВКП (б) Н. К. Илюхов в 1938 г. оказался в Бутырской тюрьме в одной камере с Бессоновым, осужденным на процессе "правотроцкистского блока". Бессонов рассказал Илюхову, которого хорошо знал по совместной работе, что перед процессом его подвергли многодневным и тяжелым пыткам. Почти 17 суток его заставляли стоять перед следователями, не давая спать и садиться, — это был пресловутый "конвейер". Потом стали методически избивать, отбили почки и превратили прежде здорового крепкого человека в изможденного инвалида. Арестованных предупреждали, что пытать будут и после суда, если они откажутся от выбитых из них показаний.

Некоторым обещали не только сохранить жизнь, но и дать частичную свободу, направив на партийную, хозяйственную или советскую работу в районы Сибири и Дальнего Востока. Заверяли, что приговор будет простой формальностью, что их восстановят в партии, хотя, возможно, им и придется несколько лет работать под чужой фамилией. По свидетельству жены Я. Дроб-

¹ Кёстлер А. Спящая тьма. М., 1989, с. 175, 178.

ниса, такое именно обещание дали ее мужу при подготовке процесса "параллельного центра". Дробнис сумел сообщить об этом родным и просил их "не беспокоиться".

МАССОВЫЕ РЕПРЕССИИ СРЕДИ БЫВШИХ ОППОЗИЦИОНЕРОВ

Выступая 5 марта 1937 г. на пленуме ЦК, Сталин говорил, что репрессиям нужно подвергать только активных троцкистов, тех, кто сохраняет верность Троцкому. "Среди наших товарищей, — заявил он, — имеется некоторое число бывших троцкистов, которые давно уже отошли от троцкизма и ведут с ним борьбу. Было бы глупо опорочивать этих товарищей"¹.

После опубликования этой речи в газетах некоторые органы НКВД стали даже сокращать масштабы уже "запланированных" акций. Очень скоро пришли, однако, "разъяснения", и массовые репрессии возобновились с небывалой ранее интенсивностью. Фактически к концу 1937 г. были арестованы почти все бывшие члены оппозиций, независимо от их теперешних взглядов.

Показательна в этом отношении судьба виднейшего большевика, члена ВРК в октябре 1917 г., одного из руководителей штурма Зимнего дворца, человека, арестовавшего Временное правительство, — В. А. Антонова-Овсенко. Этот герой Октября, командовавший позднее не только армиями, но и фронтами гражданской войны, в течение нескольких лет примыкал к троцкистской оппозиции, но в 1928 г. открыто порвал с ней и был назначен послом в Чехословакии. В 30-е гг. работал прокурором РСФСР. Когда в Испании разгорелось пламя гражданской войны, Антонов-Овсенко был направлен в качестве генерального консула в Барселону. Он был здесь одним из главных советников революционного правительства Каталонии. В конце августа 1937 г. В. Антонова-Овсенко вызвали в Москву, не объяснив причин. Его сын вспоминает в своей книге:

"Антонова-Овсенко вызвали в Москву... В подъезде Второго дома Совнаркома Владимира Александровича встречает испуганный взгляд лифтерши. Почти все двери семиэтажного здания опечатаны большими сургучными печатями НКВД.

...Прошла неделя и еще одна. Вставать каждое утро без всяких обязанностей, провожать бесцельно прожитый день и длинной ночью ждать — чего?

¹ До смерти Сталина в СССР были изданы тринадцать томов его сочинений; издание не было завершено. В 1967 г. Гуверовский институт при Стэнфордском университете в Калифорнии довел издание до конца, опубликовав на русском языке 14–16-й тома, причем в том же оформлении. Приведенное высказывание Сталина опубликовано в 14-м томе.

Сталин вызвал Антонова-Овсеенко в Кремль на тридцатый день пребывания в Москве. Он начал с упреков. Оказывается, Антонов действовал в Испании слишком самостоятельно, не согласовывая своих шагов с Наркоматом иностранных дел. На него поступило много жалоб.

Владимир Александрович объяснил:

— Необходимо было принимать подчас рискованные, смелые решения немедленно, как того требовала боевая обстановка.

Видимо, он убедил собеседника. Через день последовало назначение на пост наркома юстиции. А в сером доме на Большой Дмитровке в своем кабинете на пятом этаже генеральный прокурор Вышинский уже заготовил ордер на арест нового наркома...¹

Антонова-Овсеенко арестовали 11 октября 1937 г. Он находился в должности наркома юстиции РСФСР меньше двух недель. Через короткое время он был расстрелян².

Подобная судьба постигла и видного революционера Е. Эшбу, руководителя восстания трудящихся в Абхазии в 1921 г. Короткое время в 1926 г. он примыкал к оппозиции, но затем открыто отошел от нее. Он работал на ответственных постах в тяжелой промышленности. В 1937 г. Эшба был обвинен в троцкистской деятельности, арестован и погиб.

И Антонов-Овсеенко, и Эшба теперь полностью реабилитированы, так же как и старейший член партии А. К. Воронский — литературный критик и публицист. В середине 20-х гг. Воронский участвовал в оппозиции, но порвал с ней.

Вместе с другими бывшими оппозиционерами погиб обладатель партийного билета № 1 Петроградского комитета РСДРП революционер Г. Ф. Федоров. На Апрельской партийной конференции Федоров был избран членом ЦК РСДРП и принимал активное участие в революции. В 1937 г. он занимал пост управляющего Всесоюзным картографическим трестом.

Уничтожая всех членов троцкистской, зиновьевской и бухаринской оппозиций, органы НКВД наносили удар и по участникам других, более ранних оппозиций. Были арестованы, например, почти все члены группы "демократического централизма" (1920—1921 гг.). Репрессировали таких известных деятелей партии, как Н. Осинский (в 1937 г. он руководил ЦСУ), И. Стуков, И. Дашковский. Погибло большинство членов "рабочей оппозиции" (1920—1922 гг.) Расстрелян в 1937 г. А. Г. Шляпников, в дни Февральской революции один из виднейших руководителей петроградской партийной организации, возглавлявший в трудное время эмиграций и ссылок в 1916 г. Русское

¹ Антонов-Овсеенко Антон. Портрет тирана, с 193.

² О мужестве этого героя Октября в последние часы его жизни см. очерк Ю. Томского ("Новый мир", № 11, 1964).

бюро ЦК. Шляпников вошел в первое Советское правительство как народный комиссар труда, затем он был членом Реввоенсовета Южного и Кавказского фронтов. Перед арестом он был председателем одного из облисполкомов, членом ЦИК СССР. Погиб и Е. Н. Игнатов, видный руководитель московских большевиков в дни Октября. В "рабочей оппозиции" он возглавлял особую группу "игнатовцев", но еще в 20-е гг. отошел от всякой оппозиции; в середине 30-х гг. работал директором Высших курсов советского строительства при ВЦИК и ЦИК СССР. Органы НКВД физически уничтожили и А. С. Киселева, профессионального революционера с 1898 г., входившего до революции в ЦК РСДРП (с 1924 по 1938 г. он работал секретарем ВЦИК). Такая же судьба постигла бывшего члена "рабочей оппозиции" Н. А. Кубяка, в 20—30-е гг. секретаря ЦК ВКП (б), наркома земледелия, председателя Всесоюзного совета по делам коммунального хозяйства.

Были арестованы и в большинстве своем уничтожены все участники группы Сырцова—Ломинадзе, а тем более группы Рютина. В союзных республиках массовые репрессии были направлены против тех членов партии, которые обвинялись когда-то в "национал-уклонизме". Разумеется, Сталин не преминул расправиться и со своим личным врагом Буду Мдивани. Один из виднейших грузинских большевиков П. Г. Мдивани работал в 30-е гг. заместителем Председателя Совнаркома Грузинской ССР, но в 1936 г. был исключен из партии, а вскоре и расстрелян. Известно, что в остром конфликте между Сталиным, Орджоникидзе и Дзержинским, с одной стороны, и руководством грузинской компартии — с другой, Ленин в конце 1922 г. решительно встал на сторону Мдивани. И. А. Сац писал в своих воспоминаниях:

"Буду Мдивани был любим Сталиным как актер, как остроумный рассказчик, чья талантливая натура носила глубоко национальные черты. Однако позднейшие попытки Сталина политически примирить с собой Мдивани — после первого столкновения с ним в Грузии в 1922 году — ни к чему не привели. Его выступления на съездах партии, не только критические, но сатирически характеризовавшие методы Сталина, были широко известны. Например, такое выступление с трибуны: "Нет, нам ЦК не приказывает. ЦК (Мдивани засучивает рукава и делает приготовления, как к удару кулаком) нам р-р-рекомендует". Или еще: "Не надо уклоняться влево (жест левой рукой). Не надо уклоняться вправо (жест правой рукой). Надо идти прямо по генеральной линии (извилистое, как у ползущей змеи, движение рукой перед собой)"¹.

Всего этого Сталин, конечно, забыть не мог.

¹ Сац И. А. Из воспоминаний. Рукопись.

Естественно, что, говоря здесь о массовых арестах всех бывших оппозиционеров, уже давно отошедших от оппозиции, мы вовсе не хотим сказать, что сама по себе оппозиционная деятельность в прошлом или в настоящем может быть поводом для уголовного преследования. Все эти аресты были тяжким преступлением Сталина и органов НКВД.

Одновременно с арестами бывших участников внутрипартийных оппозиций органы НКВД провели в 1935—1937 гг. массовые аресты еще сохранившихся в живых бывших членов других российских партий. Лишь единицы из бывших эсеров, бундовцев, меньшевиков, кадетов, дашнаков, мусаватов, анархистов не прошли в 1920—1930 гг. через советские тюрьмы. Многие и в середине 30-х г. работали в небольших городках на положении ссыльных. Поддерживая между собой дружеские связи или переписку, они не вели, однако, никакой политической, а тем более антисоветской деятельности (я не имею в виду таких бывших меньшевиков, как А. Я. Вышинский, которые и за страх, и за совесть служили Сталину).

Так, например, были арестованы бывшие видные руководители партии "левых" эсеров М. А. Спиридонова, Б. Камков, И. А. Майоров, А. А. Измаилович, И. К. Каховская, один из руководителей партии "правых" эсеров А. Гоц, эсер К. Когу и др.

Не пощадили и многих стариков народовольцев. Почти сразу же после убийства Кирова было ликвидировано Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев и закрыт журнал этого общества "Каторга и ссылка". При этом в первую очередь хватали тех, кто до революции был связан с террористической деятельностью. В 1935 г. были арестованы А. В. Прибылов и Н. М. Салова. Репрессировали и народовольцев, никогда не занимавшихся террором. Попала в заключение деятельный "Южнорусского рабочего союза" Е. Н. Ковальская, постоянный член редколлегии "Каторги и ссылки". Ряд других народовольцев (В. И. Сухомлин, А. И. Прибылова-Корба и др.) были арестованы позднее.

Почти все эти люди погибли. Среди реабилитированных в 1956—1957 гг. мне довелось встретить только одного бывшего меньшевика, фамилию которого я забыл, одну бывшую анархистку — З. Б. Гандлевскую и "левую" эсерку И. К. Каховскую, которая незадолго до своей смерти оставила друзьям краткие воспоминания о страшных годах, проведенных ею в сталинских тюрьмах и лагерях.

Был арестован и расстрелян видный публицист и русский политический деятель, один из руководителей кадетской партии Н. В. Устрялов, идеолог так называемого "сменовеховства". В 20-е гг. Устрялов жил в Харбине. Он выступал за примирение с Советской властью и еще с 1921—1922 гг. проповедовал среди

эмигрантов идею возвращения на родину. Он работал на КВЖД директором советской библиотеки. После захвата Маньчжурии Японией многие сотрудники КВЖД вернулись в Советский Союз. Вместе с ними вернулся в СССР и Устрялов, но был арестован и погиб.

Немало представителей других партий, арестованных тогда органами НКВД, не только давно изменили свои прежние взгляды, но и вступили в ВКП (б), участвовали в гражданской войне на стороне большевиков и работали потом на ответственных постах в государственном и партийном аппаратах, в Коминтерне, (В. Ф. Малкин, Г. Закс, А. П. Колегаев, Ф. Ю. Светлов, Е. Ярчук, Г. Б. Сандомирский, В. Шатов и др.). При этом уничтожение бывших членов всех антибольшевистских партий происходило уже без каких-либо открытых судебных процессов, об арестах этих людей почти никогда не сообщалось в печати.

Естественно, возникает вопрос: что побудило Сталина физически уничтожить всех бывших оппозиционеров и членов других партий, не представлявших какой-либо опасности для Советской власти?

Это была, во-первых, заблаговременно продуманная политическая акция. Выступая на январском пленуме ЦК ВКП (б) в 1933 г. Сталин говорил:

“Надо иметь в виду, что рост мощи Советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов. ...На этой почве могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контрреволюционных партий эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контрреволюционных элементов из троцкистов и правых уклонистов. Это, конечно, не страшно. Но все это надо иметь в виду, если мы хотим покончить с этими элементами быстро и без особых жертв”¹.

Уничтожение прежних противников не было продиктовано боязнью образования новой и более опасной оппозиции. Эти соображения в действительности мало беспокоили Сталина. Отчасти то была просто политическая месть. В 20-е гг. у Сталина не было достаточного влияния и власти, чтобы расправиться со своими оппонентами, часто весьма резко говорившими и писавшими о нем. Он терпеливо ждал своего часа. Капитуляцию большинства оппозиционеров Сталин принял только формально, он явно двурушничал: говорил одно, а готовился делать другое. И он немедленно уничтожил всех бывших оппозиционеров, как только почувствовал себя достаточно сильным для этого. В

¹ Сталин И. В. Соч., т. 13, с. 211—212 (об этом многозначительном и зловещем “предвидении” Сталина немало говорилось в 1937—1938 гг.).

свою очередь разгром и физическое уничтожение бывших оппозиционеров, обвиненных в шпионаже, измене родине, вредительстве, позволили Сталину еще больше укрепить свою власть и влияние. Но главное заключалось, конечно, не в мстительности Сталина.

Организуя политические процессы над бывшими оппозиционерами, людьми, которые были частично скомпрометированы перед партией, людьми, растерявшими связи с партией и народом и потому беззащитными перед Сталиным, он стремился создать в стране обстановку чрезвычайного положения, запугать народ и партию, заставить всех поверить в существование в СССР разветвленной сети врагов и шпионов и на этом основании получить в свои руки чрезвычайные полномочия в качестве "спасителя" Советского государства.

Немалое значение имело и стремление свалить на "врагов народа" все политические и экономические трудности. Любому деспоту, насаждающему культ своей личности, нужен козел отпущения. Если в 1928—1932 гг. таким козлом отпущения были кулаки и вредители из числа буржуазной интеллигенции, то в середине 30-х гг. — бывшие члены различных оппозиций.

Логика борьбы за власть в стране и в партии, логика преступления вела Сталина к уничтожению под прикрытием политических процессов 30-х гг. основных кадров партии и государства, всех неугодных ему деятелей науки, культуры, независимо от того, принимали они участие в каких-либо оппозициях или нет. Таким образом, репрессии, о которых мы говорили выше, были только прологом и прикрытием еще более страшной и массовой террористической кампании, не имевшей, по видимому, прецедента в мировой истории.

Л. Д. ТРОЦКИЙ В СЕРЕДИНЕ И КОНЦЕ 30-х гг.

На первом же московском судебном процессе в августе 1936 г. Л. Д. Троцкий был заочно приговорен к смертной казни. В это время он жил еще в Норвегии, и формально ему было запрещено заниматься политической деятельностью. Однако, узнав первые подробности московского процесса, Троцкий сразу же нарушил этот запрет: он делал заявления для печати, направлял телеграммы в Лигу Наций, посылал обращения к различным митингам. Это вызвало немедленную реакцию правительства Норвегии — оно предложило Троцкому покинуть страну. Однако ни одна страна Запада не хотела пускать к себе Троцкого. Он оставался пока в Норвегии, но под строгим домашним арестом. Защиту отца взял на себя старший сын Троцкого Лев Седов, однако, как потом выяснилось, каждый шаг

Л. Седова был известен НКВД от осведомителей, которых Седов считал своими верными соратниками. В конце декабря Мексика дала согласие принять у себя Троцкого и предоставить ему политическое убежище. В глубокой тайне, под охраной, не на пассажирском судне, а на танкере, нанятом норвежским правительством, Троцкий с женой отплыл в Мексику. Он прибыл туда 9 января, а через две недели в Москве начался процесс "параллельного центра", где бывшие троцкисты преобладали среди обвиняемых.

В Мексике Троцкий развернул бурную деятельность, однако она находила очень слабое отражение в мировой прессе, ибо сам Троцкий не был популярен ни в буржуазных, ни в либеральных, ни в социал-демократических, ни тем более в коммунистических кругах. К тому же Троцкий не слишком хорошо понимал все то, что происходит в Москве, и в своих оценках часто выдавал желаемое за действительное. Он, в частности, писал:

"Временно спасая власть Сталина, кровавая чистка окончательно расшатывает социальные и политические основы бонапартизма. Сталин близок к завершению своей трагической миссии. Чем более ему кажется, что ему никто не нужен, тем ближе час, когда он сам окажется никому не нужен. Если бюрократии удастся, переделав формы собственности, выделить из себя новый имущий класс, этот последний найдет себе других вождей, не связанных революционным прошлым и более грамотных. Сталин вряд ли услышит при этом слово благодарности за совершенную работу. Открытая контрреволюция расправится с ним, вернее всего, по обвинению в ... троцкизме. ...Однако такой путь вовсе не предreshен... Вполне вероятно, что революционные потрясения в Азии и в Европе, предупредив свержение сталинской клики капиталистической контрреволюцией, подготовят ее падение под ударами трудящихся масс. В этом случае Сталину еще меньше придется рассчитывать на признательность"¹.

Сразу же после процесса "параллельного центра" Троцкий решил организовать "контрпроцесс" для разоблачения разыгранного в СССР судебного фарса. Однако большинство видных и авторитетных деятелей западной интеллигенции отклонили предложение Троцкого принять участие в "контрпроцессе". Некоторые из них верили во многое из того, что происходило в Москве, другие не верили, но отрицательно относились к Троцкому. С большим трудом, при посредстве своих американских последователей Троцкому удалось создать специальную комиссию, во главе которой согласился встать 80-летний американский философ и педагог Джон Дьюи, человек, чья репутация ученого была вне сомнений. Заседания комиссии

¹ "Бюллетень оппозиции", 1937, № 58—59, с. 4.

происходили в Мексике в доме Троцкого под строгой охраной полиции. Заседания комиссии начались 10 апреля 1937 г. и шли непрерывно в течение недели, однако западная печать уделяла им крайне мало внимания. Лишь через несколько месяцев после окончания заседаний комиссии в шестьдесят втором и шестьдесят третьем номерах "Бюллетеня оппозиции" был опубликован "Вердикт Международной комиссии о московских процессах", в котором, в частности, говорилось:

"Комиссия находит:

1) Ведение московских процессов убеждает всякое непредвзятое лицо, что не было сделано никаких попыток для выяснения правды.

2) В то время как признания вообще требуют чрезвычайно серьезного рассмотрения, эти признания заключают в себе такие невероятности, что они убеждают комиссию совершенно независимо от того, каким способом они добыты, в их несоответствии действительности".

Отвергнув все конкретные обвинения в адрес Троцкого и его сына, комиссия в заключение своего вердикта записала:

"21) Мы находим, что прокурор чудовищно фальсифицировал роль Троцкого до, во время и после Октябрьской революции.

23) Мы находим поэтому, что Троцкий и Седов невиновны".

Комиссия объявила также, что результаты ее работы с неопровержимостью доказывают, что московские процессы являются подлогом.

Вердикт Международной комиссии не мог, конечно, спасти Троцкого от мести Сталина. После того как в Москве прошел последний большой "открытый" процесс, Сталин поставил перед НКВД задачу — уничтожить Троцкого. Для убийства Троцкого, а также для расправы с некоторыми дипломатами и разведчиками, оставшимися в 1936—1938 гг. за границей, в системе НКВД был создан специальный отдел. В начале 1938 г. при странных обстоятельствах в одной из французских больниц после успешно проведенной операции аппендицита умер сын Троцкого Лев Седов. В СССР был арестован и вскоре погиб второй сын Троцкого — Сергей, который был далек от политики и отказался выехать с отцом за границу. В это же время по всем лагерям прошли массовые расстрелы троцкистов — и бывших, и тех, кто еще сохранял верность Троцкому и находился в заключении еще с конца 20-х гг. Не осталось в живых почти никого.

Зимой 1938/39 г. Троцкий был занят организацией нового, IV Интернационала. Его сторонникам удалось собрать учредительный конгресс, однако фактически это было весьма узкое собрание троцкистов, на котором присутствовало всего около 20 человек, представляющих несколько стран. Сам Троцкий не мог присутствовать на этом собрании, которое состоялось в

глубокой тайне недалеко от Парижа и продолжалось только один день — с утра до вечера без перерыва.

Троцкий связывал с созданием IV Интернационала большие надежды. Он был уверен, что новая организация сыграет чуть ли не главную роль в классовых боях ближайшего десятилетия и что новая война будет "работать" на троцкистов. Он писал о "миллионах приверженцев Четвертого Интернационала", которые будут готовы "штурмовать небо и землю". Но история пошла иными более сложными путями, и те "ультралевые" организации, которые называли и продолжают называть себя "троцкистскими", не смогли завоевать заметного влияния в среде рабочего класса ни во время войны, ни в послевоенные десятилетия.

Что касается самого Троцкого, то его судьба была трагична. Охота сталинских агентов за ним продолжалась, в ней приняли участие и некоторые видные мексиканские коммунисты. Дом Троцкого в Койоакане, превращенный в настоящую крепость, постоянно охранялся. Однажды его обстреляла из пулеметов, а потом атаковала группа, возглавляемая мексиканским художником коммунистом Сикейросом. Нападавшие сумели разоружить охрану и на 20 минут захватить дом. Троцкий и его жена спрятались в темной комнате. Нападение удалось отбить, дом стали охранять более тщательно, вокруг возвели новые укрепления. В это время в ближайшее окружение Троцкого был уже внедрен молодой испанский коммунист Рамон Меркадер, выдававший себя за американского коммерсанта. 20 августа 1940 г. Меркадер смертельно ранил Троцкого ударом ледоруба, который пронес под пальто в его кабинет. Убийца был схвачен и после длительного судебного процесса приговорен к 20 годам тюремного заключения. Руководивший операцией полковник НКВД Л. Этингон и мать убийцы Каридад, также принимавшая участие в подготовке этого террористического акта, сумели скрыться.

Сталин торжествовал. Рамону Меркадеру было присвоено звание Героя Советского Союза, его мать награждена орденом Ленина, ее принимал лично Берия. Руководитель операции Этингон получил генеральский чин, и Сталин сказал, что, пока он жив, ни один волос не упадет с головы этого чекиста. Но в данном случае Сталин отступил от своего правила уничтожать всех тех, "кто знал слишком много".

2

УДАР ПО ОСНОВНЫМ КАДРАМ ПАРТИИ И ГОСУДАРСТВА (1937—1938 гг.)

Незаконные репрессии, которым были подвергнуты бывшие участники оппозиции, нанесли чувствительный удар по кадрам партии и государства. Но это оказалось только началом. Уже в первые месяцы 1937 г. большая часть бывших „левых” и „правых”, которых насчитывалось, по-видимому, 50—60 тыс., находилась в заключении, многие из них были расстреляны. Несмотря на это, в течение всего 1937 и 1938 гг. поток репрессий нарастал, принимая все более массовый и зловещий характер.

Не делая уже почти никакой разницы между участниками той или иной оппозиции и их бывшими оппонентами, между людьми, когда-то выступавшими против политики Сталина, и людьми, которые активно способствовали его выдвигению и сами участвовали во многих более ранних актах политического террора, органы НКВД, руководимые и направляемые Сталиным, приступили к организованному и планомерному истреблению основных кадров партии и государства. Это безжалостное уничтожение миллионов людей явилось самым страшным актом в трагедии 30-х гг.

УДАР ПО КАДРАМ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ПАРТИЙНЫХ, СОВЕТСКИХ И ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

Тяжелый удар был нанесен прежде всего по Центральному Комитету ВКП (б). К началу 1939 г. по всякого рода клеветническим обвинениям было арестовано более двух третей членов и кандидатов в члены ЦК ВКП (б), избранного XVII съездом партии. Все они вскоре были физически уничтожены.

Так, например, был выведен из Политбюро и снят со всех ответственных постов крупнейший партийный деятель В. Я. Чубарь. Он был направлен вначале на второстепенную работу в Соликамск, а через несколько месяцев арестован и расстрелян. Аналогично сложилась судьба и другого члена Политбюро — С. В. Косиора, занимавшего до начала 1938 г. пост первого

секретаря ЦК КП (б) Украины. После массовых репрессий в этой республике он был обвинен в недостатке бдительности, отстранен от работы на Украине и назначен на пост заместителя Председателя СНК СССР. Вскоре Косиор был арестован и расстрелян. Был также арестован и расстрелян кандидат в члены Политбюро, известный партийный деятель П. П. Постышев, долгое время занимавший пост второго секретаря ЦК КП (б) У. Был арестован и погиб кандидат в члены Политбюро Р. Эйхе, первый секретарь Западно-Сибирского крайкома партии, назначенный в 1937 г. наркомом земледелия СССР. В мае 1937 г. был арестован и расстрелян кандидат в члены Политбюро и заместитель Председателя СНК СССР Я. Рудзутак.

Были расстреляны многие ответственные работники аппарата ЦК: заведующий отделом науки К. Я. Бауман, в прошлом секретарь и член Оргбюро ЦК; заведующий сельхозотделом ЦК Я. А. Яковлев, в прошлом нарком земледелия; заведующий отделом печати и издательств ЦК Б. М. Таль; заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК А. И. Стецкий и др.

Погиб известный коммунист А. М. Назаретян, назначенный в 1922 г. по совету Ленина помощником Сталина и работавший в 30-е гг. в Комиссии советского контроля и в Бюро жалоб при ЦК ВКП (б).

Одновременно с аппаратом ЦК партии был разгромлен и аппарат Комиссии партийного контроля. Большая часть членов КПК, избранных XVII съездом партии, была арестована (И. М. Беккер, Н. С. Березин, В. С. Богушевский, С. К. Брикке, Е. Б. Генкин, М. Л. Грановский, В. Я. Гроссман, Ф. И. Зайцев, Н. Н. Зимин, М. И. Кохиани, А. А. Левин, И. А. Лычев, Ж. И. Меерзон, К. Ф. Пшеницын, Н. Н. Рубенов, А. А. Френкель, С. К. Шадунц и др.). Почти никто из них не остался в живых.

Вместе с членами ЦК, КПК и Ревизионной комиссии ЦК было арестовано большинство инструкторов ЦК и КПК и технических работников центральных партийных учреждений.

Тяжелые репрессии обрушились на центральные советские и хозяйственные органы. Была арестована большая часть членов Президиума ЦИК СССР и ВЦИК. Мы уже писали о судьбе попавшего в опалу секретаря ЦИК СССР и ВЦИК Авеля Енукидзе, в прошлом самого близкого друга Сталина. Исключенный из состава ЦК ВКП (б) и назначенный на второстепенный пост в управлении курортами страны, Енукидзе был в 1937 г. арестован и после короткого закрытого суда расстрелян. Аресты большинства членов ЦИК СССР санкционировал, как правило, сам всесоюзный староста и председатель ЦИК, а затем Президиум Верховного Совета СССР М. И. Калинин. Во время одного из заседаний ЦИК в 1937 г. секретарь Калинина вызвала из зала заседаний одного за другим четырех членов ЦИК и Калинин, рыдая, подписывал санкцию на их арест, который производила

оперативная группа НКВД, находившаяся в соседней комнате¹.

Был разгромлен аппарат Госплана СССР. Погиб опытный партийный и хозяйственный руководитель В. И. Межлаук, долгие годы возглавлявший Госплан СССР. Арестовали и его премьера Г. И. Смирнова, которому в 1937 г. исполнилось всего 34 года. Был расстрелян заместитель председателя Госплана Э. И. Квиринг, а также старейший деятель партии, долгое время работавший в Госплане СССР Г. И. Ломов (Оппоков).

Были арестованы и погибли заместители Председателя СНК СССР В. Шмидт и Н. К. Антипов, Председатель Совнаркома РСФСР Д. Е. Сулимов, его заместители Д. З. Лебедь, С. Б. Зозноченко и Т. Рыскулов.

Были арестованы и погибли наркомы СССР — оборонной промышленности М. Л. Рухимович, легкой промышленности И. Е. Любимов, лесной промышленности С. С. Лобов, внутренней торговли И. Я. Вейцер, здравоохранения Г. Н. Каминский, зерновых и животноводческих совхозов М. И. Калманович и Н. Н. Демченко, водного транспорта Н. И. Пахомов, машиностроения А. Брускин, заготовок Н. Попов, председатель Комитета по строительству С. Л. Лукашин, председатель правления Госбанка СССР Л. Е. Марьясин. Погибли и большинство наркомов РСФСР — К. В. Уханов и др.

Были расстреляны Б. З. Шумяцкий, известный партийный работник, руководивший Комитетом кинематографии, и нарком юстиции РСФСР и СССР, активный участник Октябрьской революции Н. В. Крыленко; выдающийся деятель партии, один из руководителей вооруженного восстания в Петрограде А. С. Бубнов, с 1929 по 1937 г. нарком просвещения РСФСР.

Следует отметить, что происходил не только арест наркомов, но и настоящий погром возглавлявшихся ими наркоматов, в которых арестовали почти всех ведущих работников. Полному разгрому подвергся, например, Наркомат тяжелой промышленности. Создав версию о существовании в наркомате "шпионско-вредительской группы", возглавляемой заместителем наркома Пятаковым, органы НКВД арестовали и других заместителей наркома — А. П. Серебровского, А. И. Гуревича и О. П. Осипова-Шмидта. Были арестованы начальники управлений, отделов и члены коллегии: К. А. Нейман, А. Ф. Толоконцев, А. И. Зыков, Ю. П. Фигатнер, С. С. Дыбец, Е. Л. Бродов и др. То же происходило и в других наркоматах СССР и РСФСР. Погибли такие известные и авторитетные деятели партии и государства, как Ш. З. Элиава, Н. П. Брюханов, А. М. Лежава, А. Б. Халатов,

¹ Свидетельство П. Аксенова, председателя Казанского горсовета и члена ЦИК СССР, также арестованного в кабинете Калинина. Отец писателя Василия Аксенова и муж писательницы Е. С. Гинзбург, он остался жив после 17 лет заключения. После реабилитации жил в Казани.

Пауль Орас, В. М. Милютин, К. П. Сомс, В. И. Полонский, В. Нанейшвили, М. В. Баринов, И. И. Тодорский, В. А. Кангелари, С. С. Одинцов, В. А. Трифонов, И. И. Радченко, М. М. Майоров, Г. И. Благодравов, А. И. Муралов, Я. Л. Бобис, К. Данишевский, Г. Джабиев и многие другие. Все это были "генералы" советской индустрии, главные деятели первой и второй пятилеток, а до этого активные участники революционной борьбы в России.

Жестокой чистке подвергся в 1937—1939 гг. аппарат Наркоминдела. Погибли заместители наркома Л. Карахан и Б. С. Стомоняков. Были вызваны в Москву и арестованы многие послы и атташе СССР в разных странах: Л. Юренев, М. А. Карский, Е. В. Гиршфельд, В. Х. Таиров, Богомоллов (посол в Китае), Островский (посол в Румынии), Г. А. Астахов, И. С. Якубович и др. Были арестованы заведующие отделами НКВД А. В. Сабинин, А. Ф. Нейман, М. А. Плоткин, А. В. Фихнер, Е. А. Гнедин и др. В тюрьме оказался дипломат М. Розенберг, много сделавший для франко-советского сближения. Погибли такие дипломаты, как В. В. Егорьев и Б. Миронов-Корнев. Были объявлены вне закона посол СССР в Болгарии Ф. Ф. Раскольников и посол СССР в Греции А. Г. Бармин, отказавшиеся вернуться на верную гибель в Москву. Репрессии затронули также многих корреспондентов ТАСС и советских газет за границей.

ГИБЕЛЬ СЕРГО ОРДЖОНИКИДЗЕ

1937—1938 гг. были временем не только массовых арестов, но и многих самоубийств. Так, считая себя обреченным, покончил с собой заместитель заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК Н. Н. Рабичев.

В феврале 1937 г. трагически погиб один из известнейших руководителей партии Серго Орджоникидзе. Видный деятель революционного подполья, активный участник Октябрьской революции и гражданской войны, Орджоникидзе был в 1937 г. членом Политбюро и наркомом тяжелой промышленности.

В опубликованном 19 февраля 1937 г. правительственном сообщении говорилось, что С. Орджоникидзе в результате паралича сердца скоропостижно скончался 18 февраля в 17 час. 30 мин. в своей квартире. Было опубликовано также подробное медицинское заключение. Только на XX съезде КПСС официально сообщили, что Орджоникидзе покончил жизнь самоубийством. Основными виновниками этой трагедии были Сталин, Ежов и Берия.

Не решаясь прямо предъявить Орджоникидзе какие-либо обвинения, Сталин стал действовать исподволь, стремясь деморализовать Серго. Был арестован его старший брат — Папулия. Фальсифицированные показания Папулии были переданы С. Орд-

жоникидзе в день его рождения. Почти ежедневно Серго узнавал о расстреле кого-либо из своих друзей и добрых знакомых. Массовые аресты прошли и в системе тяжелой промышленности; органы НКВД обходились на этот раз без санкции наркомата, которую Серго отказывался давать и которую давали Сталин или Молотов. После этого Сталин присылал Орджоникидзе вырванные под пытками ложные показания. "Товарищ Серго, — писал при этом Сталин, — почитай, что о тебе пишут".

Орджоникидзе, однако, не очень верил этим показаниям и решительно протестовал против арестов в системе тяжелой промышленности. В некоторых случаях он поручал инспекторам своего наркомата проверить на месте обоснованность тех или иных арестов. Тем не менее Политбюро по предложению Сталина поручило именно Серго сделать на ближайшем пленуме ЦК доклад о "вредительстве" в промышленности. Сталин пошел даже на такую провокацию, как обыск в кремлевской квартире Орджоникидзе. Как писал в своей книге И. Дубинский-Мухадзе, Орджоникидзе, узнав об обыске, оскорбленный и разгневанный, всю ночь звонил Сталину. Под утро дозвонился и услышал в ответ: "Это такой орган, что и у меня может сделать обыск. Ничего особенного..." У Серго был разговор со Сталиным с глазу на глаз утром 17 февраля; он продолжался несколько часов. Потом был второй разговор, безудержно гневный со взаимными оскорблениями, бранью на русском и грузинском языках. Все было разрушено в их отношениях. Как писал Дубинский-Мухадзе, "уже ни любви, ни веры. Все разрушено... Разделять ответственность за то, что никак не в состоянии предотвратить, Серго не мог. Подличать не хотел, это значило бы перечеркнуть всю прошлую жизнь... Оставалось уйти"¹.

Некоторые старые большевики выдвигали позднее версию об убийстве, а не самоубийстве Серго. Они отмечали, что накануне трагедии Серго не только работал в наркомате, но и сделал ряд распоряжений и назначил несколько встреч на следующий день. Как отмечал в своих записках Е. П. Фролов, никакого расследования обстоятельств смерти Орджоникидзе не проводилось, даже не было осмотрено пулевое отверстие. Всех врачей, подписавших медицинское заключение, вскоре арестовали. Сразу же после смерти Серго был арестован начальник его личной охраны В. Н. Ефремов, а также личный секретарь Орджоникидзе Семушкин. Были арестованы не только работники охраны, но и почти все люди, обслуживавшие Орджоникидзе, включая сторожа на даче. По утверждению Фролова, большая часть архива Орджоникидзе была изъята и передана на "изучение" Л. Берии, который был личным врагом Орджоникидзе. Позднее были арестованы младшие братья Серго — Константин и Ваню

¹ Дубинский-Мухадзе И. Орджоникидзе, с. 6—7.

и почти все его родственники. По свидетельству бывшего заместителя Серго Б. Л. Ванникова, уже через несколько дней после трагедии его вызвал Ежов и потребовал, чтобы Ванников написал докладную записку о "вредительских" директивах, якобы дававшихся Орджоникидзе. Вся эта цепь событий порождает немало вопросов, но еще не дает оснований оспаривать факт самоубийства Орджоникидзе.

Как свидетельствует жена Серго Зинаида Гавриловна, Орджоникидзе действительно работал вечером 17 февраля в наркомате, а утром следующего дня не поднялся с кровати, не оделся и не вышел к завтраку. Он просил никого не заходить к себе и все время что-то писал. Днем в квартиру Серго пришел его друг Г. Гвахария. Но Серго не принял его, велел лишь накормить его в столовой. Стало темнеть. Решив еще раз зайти в спальню к мужу, Зинаида Гавриловна, проходя через гостиную, зажгла свет. И в этот момент в спальне раздался выстрел. Вбежав туда, она увидела мужа, лежавшего на кровати. Он был уже мертв.

По словам Зинаиды Гавриловны, в квартире, кроме "черного" входа, которым все пользовались, имелся еще и парадный. Но он был не только закрыт, но и заставлен книжными шкафами. Этот ход вел в гостиную, и воспользоваться им для убийства было нельзя, так как в гостиной как раз в момент выстрела находилась жена Орджоникидзе.

Она немедленно позвонила Сталину, квартира которого была напротив. Он пришел не сразу — сначала собрал членов Политбюро. В спальню вбежала и сестра жены. Она увидела на письменном столе листки бумаги, исписанные бисерным почерком Серго. Вера Гавриловна схватила эти листки и зажала в руке, читать она не могла. Когда Сталин вошел в спальню в сопровождении Молотова, Ворошилова и других членов Политбюро, он сразу увидел листки в руке у Веры Гавриловны и вырвал их. Зинаида Гавриловна, рыдая, воскликнула: "Не уберегли Серго ни для меня, ни для партии!" "Молчи, дура", — оборвал ее Сталин.

Заслуживают внимания хранящиеся у автора рукописные воспоминания об этом трагическом дне Константина Орджоникидзе, младшего брата Серго, оставшегося в живых после 16-летнего заключения.

"Я расскажу о некоторых подробностях, связанных со смертью моего дорогого брата Серго. Серго покончил жизнь самоубийством 18 февраля 1937 г. в 17 часов 30 минут.

Как обычно, в этот вечер после катания на коньках в Сокольниках я направился в Кремль к своему брату Серго. У подъезда шофер Серго Н. И. Волков сказал: "Поторопитесь!"

Я ничего не понял. Поднявшись на второй этаж, мы с женой направились в столовую, но нас остановил работник НКВД,

стоявший у дверей. Потом все же нас пустили в кабинет Серго, я увидел Гвахарию. Он произнес: "Нет больше нашего Серго".

Я поспешил в спальню, но мне преградили путь и не допустили к покойнику. Я вернулся в кабинет ошеломленный, не понимая, что произошло.

Потом пришли Сталин, Молотов и Жданов. Они прошли сначала в столовую. У Жданова на лбу была черная повязка. Вдруг из кабинета Серго увели Гвахарию почему-то через ванную комнату. После этого Сталин, Молотов и Жданов прошли в спальню. Там постояли они у покойника, потом все они вместе вернулись в столовую. До меня донеслись слова, сказанные Зинаидой Гавриловной: "Об этом надо опубликовать в печати". Сталин ей ответил: "Опубликуем, что умер от разрыва сердца". "Никто этому не поверит", — возразила Зинаида Гавриловна. Далее она добавила: "Серго любил правду и нужно опубликовать правду". "Почему не поверят? Все знали, что у него было больное сердце и все поверят", — так закончил Сталин этот диалог.

Двери в спальню были закрыты. Я подошел к ним и, немного приоткрыв, увидел, что там сидят на стульях у ног покойника Ежов и Каганович. Они о чем-то разговаривали. Я сразу же закрыл дверь во избежание излишних нареканий.

Спустя некоторое время в столовой собрались члены Политбюро и ряд других высокопоставленных лиц. Появился и Берия. Зинаида Гавриловна назвала Берию негодяем. Она направилась к Берии и пыталась дать ему пощечину. Берия сразу после этого исчез и больше на квартире Серго не появлялся.

Тело покойного из спальни было перенесено в кабинет. Здесь брат Молотова сфотографировал покойного вместе со Сталиным, Молотовым, Ждановым, другими членами правительства и Зинаидой Гавриловной... Потом приходил известный скульптор Меркуров и снял маску с лица Серго.

Зинаида Гавриловна обратилась к Ежову и Паукеру и просила сообщить родственникам в Грузию, чтобы на похоронах присутствовал старший брат Папулия. Ежов на это ответил:

„Папулия Орджоникидзе находится в заключении, и мы считаем его врагом народа, пусть отбывает наказание, можно оказать ему помощь теплой одеждой и питанием. Остальным родственникам мы сообщим, дайте только адреса“.

Я дал им адреса брата Ивана и сестры Юлии, а также жены Папулии Нины.

Поздно вечером приехал Емельян Ярославский. Увидев покойника, он упал в обморок. С трудом уложили его на диван. Когда Ярославский пришел в себя, его на машине отправили домой. После этого приехал Семушкин. День был выходной, он отдыхал на даче в Тарасовке. Увидев страшную картину, Семуш-

кин стал буйствовать. Пришлось чуть ли не связанным, силой отправить его домой.

Секретарь Серго Махвер, пораженный увиденным, произнес запомнившиеся мне слова: "Убили мерзавцы!"

... В ночь на 20 февраля 1937 г. состоялась кремация. На следующий день, 20 февраля, состоялись похороны. С запозданием приехали в Москву брат Иван с женой и сестра Юлия с мужем.

Через некоторое время начались усиленные аресты... Арестовали Семушкина с женой и многих работников Наркомтяжпрома, близко соприкасавшихся с Серго. Арестовали Нину Орджоникидзе — жену нашего старшего брата Папулии (Павла) Орджоникидзе. Вместе с ней арестовали и другого нашего родственника — Г. А. Орджоникидзе.

Наконец 6 мая 1941 г. арестовали и меня".

О СУДЬБЕ Н. К. КРУПСКОЙ

Тяжело сложилась в 30 гг. судьба вдовы В. И. Ленина Н. К. Крупской. Мы уже писали о тех "проработках", которым она подверглась в середине 20-х гг. и в разгар коллективизации. Когда в 1934 г. вышла в свет книга Крупской "Воспоминания о Ленине", ей позвонил сам Сталин и поздравил с хорошим и полезным изданием. Однако не прошло и нескольких дней, как в "Правде" появилась несправедливая и резкая рецензия на книгу Крупской. Рецензент П. Поспелов приписывал (явно не без ведома Сталина) Крупской "ошибки" в изображении Ленина и ряда вопросов истории партии.

Когда начались массовые аресты, Крупская несколько раз пыталась защитить от репрессий многих хорошо известных ей деятелей партии. Так на июньском (1937 г.) пленуме ЦК ВКП (б) она выступила с протестом против ареста И. Пятницкого, члена ЦК ВКП (б), объявленного НКВД провокатором царской охраны. Крупская говорила, что Пятницкий был ответственным работником большевистского подполья (он отвечал за технику связи с Россией из-за границы) и что по его линии в партии не было ни одного провала. Но ее протест был оставлен без внимания.

Только в отдельных случаях Крупской удавалось добиться освобождения тех или иных партийных работников. Именно в результате энергичного вмешательства Крупской был освобожден И. Д. Чугурин, который 3 апреля 1917 г. вручил партийный билет В. И. Ленину².

¹ "Советская историческая энциклопедия", т. 8, с. 192.

² "Правда", 22 декабря 1962 г.

Однако вскоре органы НКВД перестали вообще обращать внимание на все протесты Крупской. Когда на торжественном январском заседании, посвященном памяти Ленина, Крупская обратилась к Ежову с вопросом о судьбе ряда известных ей товарищей, он ничего не ответил, отвернулся и отошел. Н. К. Крупская умерла в самом начале 1939 г., на следующий день после своего дня рождения. Когда она отмечала этот день в узком кругу своих ближайших друзей, в ее квартиру принесли огромный торт — от Сталина. Позднее на этом основании возникли слухи о возможном отравлении Крупской. Но подобный подарок от Сталина доставляли Крупской каждый год в день ее рождения, и никто из ее гостей, лакомящихся тортом, не пострадал. Н. К. Крупскую хоронили со всеми почестями; урну с прахом несли члены Политбюро во главе со Сталиным. Однако уже на следующий день после смерти Крупской на ее квартире и даче был произведен тщательный обыск и большая часть архива была изъята. Издательство Наркомпроса получило директиву: "Ни одного слова больше не печатать о Крупской"¹. После смерти Надежды Константиновны ее имя было предано почти полному забвению. Под разными предлогами книги Крупской снимались с библиотечных полок. Даже на выставке, посвященной созданию "Искры", о ее работе в этой газете ничего не было сказано.

Когда известие о смерти Крупской дошло до Троцкого, последний написал в некрологе: "Мы далеки от мысли винить Надежду Константиновну в том, что она не нашла в себе решимости открыто порвать с бонапартистской бюрократией. Более самостоятельные политические умы колебались, пробовали играть в прятки с историей и — погибли. Крупской было в высшей степени свойственно чувство личной ответственности. Личного мужества у нее было достаточно, но ей не хватало мужества мысли. Мы провожаем ее с глубокой скорбью, как верную подругу Ленина, как безупречную революционерку и как одну из самых трагичных фигур в истории"².

В данном случае можно понять позицию Троцкого. Обосновывая свою близость к Ленину и приводя слова Ленина о том, что "после Октября не было у нас лучшего большевика, чем Троцкий", Троцкий ссылался чаще всего на личные письма Крупской к нему уже после смерти Ленина. Плохим отзывом о Крупской он мог бы частично дезавуировать эти свидетельства.

Однако историк не может полностью согласиться с оценками Троцкого. Не вызывает сомнения трагичность положения Крупской, которая была свидетельницей гибели многих лучших

¹ "Всесоюзное совещание историков", с. 260.

² "Бюллетень оппозиции", 1939, № 75—76, с. 32.

друзей Ленина и своих товарищей. Но она быстро прекратила даже очень робкие попытки вмешательства в деятельность НКВД и не возражала, когда в ее статьи вставляли обширные пассажи с восхвалениями Сталина. Многие коммунисты, оказавшиеся в заключении, задавались вопросом — чем объяснялось поведение Крупской, которую Сталин и Берия могли, конечно, тайно умертвить, но не решились бы арестовать. Ответ был в основном один — Крупская была сломлена задолго до 1937 г.

В книге Р. Конквеста "Большой террор" автор, ссылаясь на свидетельство А. Орлова, пишет: "Известно, что Сталин однажды обронил, что если Крупская не перестанет его критиковать, то партия объявит, что не она, а старая большевичка Елена Стасова была женой Ленина." "Да-да, — добавил Сталин, — партия все может".

К сожалению, слухи также являются важным источником информации. Но только тот, кто живет в стране и внимательно изучает ее политическую жизнь с близкого расстояния, может отличить слух, который соответствует действительному событию, от случайного и недостоверного слуха, от слуха, специально "пущенного в оборот" с целью дезинформации, или даже от простого анекдота. Сделав приведенную выше выписку из книги Р. Конквеста, писатель и старый член партии И. А. Сац отмечал в своих неопубликованных записках: "В данном случае речь идет не о *свидетельстве*, правдивом или ложном; уже по конструкции приведенной цитаты ясно, что речь идет об *анекдоте*. Анекдотов тогда ходило много; большинство из них приписывалось К. Радеку. Вполне допускаю, что циничный и остроумный Радек (или кто-нибудь другой) мог после XIV съезда партии пустить в ход и такой анекдот и что в кругах сотрудников НКВД он мог иметь хождение. Но если такой анекдот и характеризует в какой-то мере общественную атмосферу, то воспринимать его как факт, как историческое свидетельство по меньшей мере наивно".

По свидетельству И. Саца, Крупская была сломлена еще в начале 30-х гг. Она согласилась сделать обширные купюры в своих воспоминаниях о Ленине, ее фактически изолировали от общения с простыми рабочими и крестьянами, даже от живого общения с учителями, и она сама стала отказываться от таких встреч, вообще от участия в широкой партийной жизни. Она сосредоточилась на делах Наркомпроса. Но и здесь с ней мало считались, особенно тогда, когда после отставки А. В. Луначарского наркомом стал А. Бубнов. Не разделяя многих изменений, которые стали вводиться в системе народного просвещения, Крупская подала в отставку, но Политбюро обязало ее выполнять прежние обязанности заместителя наркома. Она подчинилась и не спорила с новым наркомом даже тогда, когда он не просто игнорировал ее, но и прямо оскорблял на заседаниях

коллегии Наркомпроса. Она ушла в частную жизнь и почти перестала посещать свой служебный кабинет в наркомате. Все это объяснялось, однако, не только недостатком мужества мысли, но и недостатком воли и мужества у этой больной, старой и уставшей женщины.

О СУДЬБЕ ДРУГИХ БЛИЗКИХ ЛЕНИНУ ЛЮДЕЙ

В 1936—1939 гг. не подвергались аресту многие старейшие члены партии, долгие годы работавшие рядом с Лениным, а нередко и дружившие с ним семьями. Среди них можно назвать Г. М. Кржижановского, Ф. Я. Кона, П. А. Красикова, В. Д. Бонч-Бруевича, Н. И. Подвойского, А. Е. Бадаева, Д. З. Мануильского, М. К. Муранова, Ф. И. Самойлова, Н. А. Семашко, Н. И. Шварц, А. М. Коллонтай, Е. Д. Стасову, Л. А. Фотиеву и др. Однако все они были отстранены от участия в руководстве партией, терроризированы и не оказывали влияния на ход событий. О большинстве из них перестали вспоминать.

Тяжело сложилась, например, судьба Г. И. Петровского. Близкий соратник Ленина, большевистский депутат Государственной думы, председатель ЦИК Украины и самый первый председатель ЦИК СССР¹, Петровский был глубоко потрясен арестами своих ближайших друзей по работе на Украине. Был арестован старший сын Петровского Петр, герой гражданской войны, недавний редактор "Ленинградской правды". Исключили из партии и сняли с должности командира Московской пролетарской дивизии младшего сына Г. Петровского Леонида. Погиб муж дочери Петровского — С. А. Загер, председатель Черниговского исполкома. В конце 1938 г. Г. И. Петровского неожиданно вызвали в Москву. После короткой, но тяжелой встречи со Сталиным, который грубо обругал Петровского, последнего освободили от всех его должностей на Украине, обвинив в связях с "врагами народа". На XVIII съезде партии Петровский не был избран в ЦК и долгое время вообще не мог найти никакой работы. Только перед войной он был назначен заместителем директора по хозяйственной части в Музее Революции.

Нелегкой оказалась в 30-е гг. судьба поэта-большевика и близкого соратника Ленина Демьяна Бедного. Его отношения со Сталиным резко ухудшились в начале 30-х гг. Позднее Сталин сделал некоторые шаги к примирению и приглашал раза два Демьяна Бедного на свою дачу. Но очень скоро наступил новый

¹ При создании СССР в декабре 1922 г. было решено иметь не одного, а четырех равноправных председателей ЦИК, каждый из которых должен был работать три месяца в году на этом посту. Первым из них был Петровский.

разрыв, и все публикации поэта были остановлены. Когда в 1938 г. Демьян Бедный написал для "Правды" антифашистский памфлет под названием "Ад", Сталин лично сделал на рукописи поэта оскорбительную надпись: "Передайте этому новоявленному "Данте", что он может перестать писать". В августе 1938 г. Демьяна Бедного исключили из партии, а затем из Союза писателей. До самого начала войны перед ним были закрыты двери редакций всех газет и журналов.

И все же многие лично близкие Ленину люди были арестованы. Еще в 1935 г. репрессировали Н. А. Емельянова, того самого питерского рабочего, который прятал Ленина в шалаше у Разлива и помог сохранить его жизнь. В 1921 г. Ленин писал: "Очень прошу оказывать *полнейшее доверие* и всяческое содействие товарищу Николаю Александровичу Емельянову, лично мне известному со времени еще до Октябрьской революции, старому партийному работнику и одному из виднейших деятелей питерского рабочего авангарда"¹.

К моменту ареста Емельянов находился уже на пенсии. По свидетельству Снегова, Крупская со слезами вымолила у Сталина сохранение жизни этому старейшему большевику, однако он пробыл в заключении и ссылке почти 20 лет. Была арестована и вся семья Емельянова: его жена и сыновья — Кондратий, Николай и Александр, которые в 1917 г., будучи мальчишками, помогали укрывать Ленина в Разливе.

В годы террора погиб и А. В. Шотман, старый большевик, руководивший еще в 1903 г. знаменитой Обуховской обороной — одним из первых массовых выступлений русских рабочих. Летом 1917 г. Шотман был единственным связным между Лениным и ЦК партии. Партия поручила Шотману не только охрану ушедшего в подполье Ленина, но и организацию его переезда из Разлива в Финляндию. Еще в 1918 г. Ленин писал: "... тов. Шотман, старый партийный товарищ, лично мне превосходно известный и заслуживающий абсолютного доверия"². Но Сталин не доверял именно таким людям, как Шотман.

Погиб в годы террора известный швейцарский социалист, а затем коммунист, деятель международного рабочего движения Фриц Платтен. В 1917 г. Платтен оказал русской революции неоценимую услугу, организовав переезд Ленина и других русских эмигрантов через Германию в Россию. Платтен сопровождал Ленина в этой поездке и принял затем активное участие в революционной борьбе в России. 1 января 1918 г., когда Ленин возвращался с солдатского митинга, Платтен, ехавший с Лениным в одной машине, засллонил Владимира Ильича от пуль тер-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 24.

² Бондаревская Т. А. Шотман. М., 1963, с. 47.

рористов, но сам был ранен. Советская Россия стала его второй родиной. Но в 1937 г. он и его жена, работавшая в Коминтерне, были арестованы. Платтен сидел в тюрьмах царской России, боярской Румынии, в каторжной ковенской тюрьме, в застенках Петлюры, в тюрьмах Швейцарии. Он умер в лагере для инвалидов Каргопольлага, где заготавливал дранку и плел корзины.

В 1937 г. был расстрелян еще один ближайший соратник Ленина Я. С. Ганецкий, в прошлом видный деятель российского и международного рабочего движения, которого Ленин лично рекомендовал принять в члены РКП (б). Именно Ганецкий добился освобождения Ленина, арестованного в августе 1914 г. австрийскими властями по обвинению в шпионаже в пользу России. Ганецкий помогал Ленину проехать через Германию и встречал его в Швеции, а также обеспечил дальнейший проезд Ленина в революционный Петроград. В последние годы своей жизни он был директором Музея Революции в Москве.

Погиб и С. И. Канатчиков, который входил в созданный Лениным в 1895 г. "Союз борьбы за освобождение рабочего класса".

Сталин не щадил даже старых большевиков, уже давно вышедших на пенсию. Так, например, был арестован Н. Ф. Доброхотов, участник многих партийных съездов, еще в 20-е гг. ушедший на пенсию по старости и болезни. Сталин не щадил и мертвых. Одни из них были посмертно объявлены "врагами народа", другие преданы несправедливому забвению. Огульной критике подвергся, например, П. И. Стучка, нарком юстиции в первом Советском правительстве. В конце 1918 г. Стучка возглавил правительство Советской Латвии, а после падения Советской власти в Прибалтике работал в Москве на ответственной работе. Он умер в 1932 г. и был похоронен на Красной площади, однако это не помешало объявить его через несколько лет носителем враждебной идеологии в области правовой науки.

С крайней неприязнью относился Сталин и к крупному деятелю партии, ближайшему соратнику Ленина и члену ЦК ВКП (б) С. И. Гусеву. Он также был похоронен с воинскими почестями на Красной площади в 1933 г. Но вскоре имя Гусева было вычеркнуто из истории партий и гражданской войны. Многие родственники и друзья Гусева были арестованы.

Перестало упоминаться имя знаменитого большевика-подпольщика Камо (С. А. Тер-Петросяна), погибшего в 1922 г. Скромный памятник на могиле Камо в центре Тбилиси был снесен, сестра Камо — арестована. Был арестован и погиб брат Я. М. Свердлова — В. М. Свердлов. Были преданы забвению видные большевики Л. Б. Красин, В. П. Ногин, Г. В. Чичерин, А. В. Луначарский и многие другие.

УДАР ПО КАДРАМ РЕСПУБЛИКАНСКИХ И ОБЛАСТНЫХ ПАРТИЙНЫХ И СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ

Страшная волна репрессий прокатилась в 1937—1938 гг. по всем областям и республикам. В РСФСР было разгромлено до 90% всех обкомов партии и облисполкомов, а также большинство городских, окружных и районных партийных и советских организаций. В отдельных областях один за другим арестовывали несколько составов обкома партии. Среди погибших десятков тысяч работников партийного и советского аппарата было немало широкоизвестных деятелей партии, членов и кандидатов в члены ЦК ВКП (б). В РСФСР были арестованы и погибли секретари обкомов партии: Л. И. Картвелишвили, И. М. Варейкис, И. П. Носов, Н. Н. Колотилов, А. И. Криницкий, А. И. Угаров, Ф. Г. Леонов, В. В. Птуха, И. Д. Кабаков, К. В. Рындин, Д. А. Булатов. П. И. Смородин, В. П. Шубриков, Б. П. Шеболдаев, Э. К. Прамнэк, М. И. Разумнов, И. В. Слинкин, И. П. Румянцев, М. С. Чудов, М. Е. Михайлов, Н. М. Осьмов, П. А. Ирклис, А. С. Калыгина, Я. С. Сойфер, Г. Байтуни, И. И. Иванов, Н. Д. Акилинушкин, Б. П. Беккер, Е. И. Рябинин, Г. П. Раков, П. М. Тонигин, С. П. Коршунов, В. Я. Симочкин, А. Я. Столяр, С. М. Соболев, С. М. Савинов, В. Я. Симякин и многие другие. Вместе с ними погибли председатели облисполкомов: Г. М. Крутов, Н. И. Пахомов, П. И. Струппе, Ян Полуян, Ф. И. Андрианов, С. Б. Агеев, М. Л. Волков, Н. И. Журавлев, В. В. Иванов, И. Ф. Новиков, А. Н. Буров, Д. А. Орлов, И. Н. Пивоваров, Г. Д. Раки-тов, И. И. Решиков, А. А. Шпильман, И. Ф. Гусихин, И. Я. Смирнов, председатель Ленсовета И. Ф. Кодацкий и др.

Арест секретаря обкома или председателя облисполкома означал обычно и полный разгром руководящих кадров. Так, например, в Москве и Московской области были арестованы и расстреляны секретари областного и городского комитетов партии: А. Н. Богомолов, Т. А. Барановский, Е. С. Коган, Н. В. Марголин, Н. И. Дедиков, В. С. Егоров, М. М. Кульков, С. З. Корытный, председатель Мособлисполкома Н. А. Филатов, его заместитель С. Е. Губерман и многие другие.

К середине 1939 г. из 136 секретарей райкомов партии Москвы и Московской области¹ только семь работали на своих прежних постах. Почти все остальные — В. П. Тарханов, Н. Е. Воловик, И. Левинштейн, Б. Е. Трейвас, С. Е. Горбульский, Е. Першман и десятки других — были арестованы и почти все немедленно расстреляны. Были уничтожены заведующие отделами

¹ Территория Московской области в 1936—1937 гг. включала территории нынешних Рязанской, Калужской, Калининской и Тульской областей.

обкома и горкома партии: М. Д. Крымский, Т. Р. Ворошилов, Куренков, Верклов, Барлебен и другие. Некоторые видные работники партийного аппарата покончили жизнь самоубийством, например В. Фурер.

В специальном корпусе Горьковской тюрьмы оказался в 1937 г. весь состав Горьковского горкома партии во главе с секретарем горкома Л. И. Пугачевским и весь состав горсовета во главе с А. П. Грачевым. Здесь же находились секретари девяти городских райкомов партии и многие другие ответственные работники города и области. На областной партийной конференции в 1938 г. начальник областного управления НКВД заявил, что в Горьковской области "разгромлены целые полчища контрреволюции"¹. Почти весь руководящий актив был истреблен в Ленинграде и во многих других крупных городах РСФСР.

Разгрому подверглись кадры во всех автономных республиках РСФСР. В Карелии погиб Густав Ровио, первый секретарь Карельского обкома, в прошлом "красный полицмейстер" Гельсингфорса, помогавший в 1917 г. скрывать Ленина. Был убит председатель СНК Карелии Э. Гюллинг. Погиб председатель КарЦИК Н. В. Архипов. В Бурят-Монголии было уничтожено почти все руководство республики во главе с первым секретарем обкома М. Н. Ербановым, одним из организаторов Советской власти в Бурятии.

В Татарской АССР жертвой репрессий стали секретарь Татарского обкома партии А. К. Лепя, председатель ТатЦИК Г. Г. Байчурина, председатели СНК республики К. А. Абрамов и А. М. Новоселов, их заместители, десятки секретарей райкомов и горкомов. Погиб С. Саид-Галиев, первый председатель СНК Татарии, видный деятель революционного движения в России, критиковавший в свое время наркома по делам национальностей Сталина².

Погиб первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома партии Бетал Калмыков, секретари обкома Еврейской автономной области Г. Н. Сухарев и М. П. Хавкин, председатели СНК Крымской АССР М. Ибрагимов и А. Самединов, глава башкирского правительства З. П. Булашев, секретарь Марийского обкома партии Ч. И. Врублевский, руководители республики немцев Поволжья Е. Э. Фрешер и Д. Г. Розенберг, а также многие тысячи других работников этих республик.

Огромный урон понесли партийные организации Дагестана и Осетии, Чечено-Ингушетии и Чувашии, Мордовии и Удмур-

¹ "Очерки истории Горьковской организации КПСС", ч. 2. Горький, 1966, с. 392.

² См.: "Очерки по истории партийной организации Татарии". Казань, 1962.

тии, Якутии и Карачаево-Черкессии. В Северной Осетии, например, из одиннадцати членов обкома было арестовано девять. За два года здесь сменилось четыре первых секретаря обкома (С. А. Такоев, К. С. Бутаев и др.)¹. Даже в такой небольшой и далекой от основных центров страны республике, как Коми АССР, репрессиям подверглась четвертая часть всех членов партии во главе с секретарями обкома А. А. Семичевым и Ф. И. Булашевым².

Столь же тяжелые удары были обрушены и на кадры всех союзных республик.

Мы говорили о гибели руководителей Украины Чубаря, Постышева, Косиора. Но в 1937 г. здесь были арестованы почти все руководящие работники в Киеве и на периферии. В числе жертв произвола оказались В. П. Затонский, И. Е. Клименко, К. В. Сухомлин, М. М. Хатаевич, В. И. Чернявский, Е. И. Вегер, Ф. И. Голуб, С. А. Загер, С. А. Кудрявцев, А. С. Егоров, О. В. Пилацкая, В. Д. Еременко, А. В. Осипов, А. К. Сербиченко, Н. И. Голуб, Г. И. Старый, М. И. Кондаков и др. Председатель Совнаркома Украины А. П. Любченко, опасаясь, что после его смерти репрессиям подвергнутся члены его семьи, застрелил сначала жену и сына, а потом застрелился сам.

На Украине были арестованы почти все члены семьи соратника Ленина П. К. Запорожца — Виктор и Антон Запорожцы, Мария Кузьминична Запорожец. Погиб председатель Госплана УССР, герой гражданской войны Ю. М. Коцюбинский — сын известного украинского революционера. Когда Н. С. Хрущев был назначен первым секретарем ЦК КП (б) У и должен был для восстановления партийного руководства созвать в республике съезд партии, выяснилось, что общее число членов партии сократилось с 453,5 тыс. в 1934 г. до 286 тыс. в 1938 г.³.

Еще более тяжелому разгрому подверглась партийная организация Белоруссии, где число членов партии уменьшилось более чем на половину. Уже в 1937 г. в ЦК КП (б) Белоруссии и во многих обкомах часто было некому работать. Здесь перебили несколько составов партийных и советских органов. При этом погибли почти все руководители белорусских большевиков — Н. М. Голодед, А. Г. Червяков (по сообщениям газет, он покончил с собой "на семейной почве"), М. О. Стакун, С. Д. Каменштейн, А. М. Левицкий, Д. И. Волкович, Н. Ф. Гикало (известный всей стране герой гражданской войны), Я. И. Заводник, А. И. Хацкевич и сотни других видных работников.

¹ "История Северо-Осетинской АССР". Орджоникидзе, 1966, с. 247.

² См.: "История Коммунистической партийной организации Коми АССР". Сыктывкар, 1964.

³ См.: "Очерки по истории Коммунистической партии Украины". Киев, 1964.

Был арестован, но выжил А.Ф. Ковалев. Знакомясь сегодня с "Белорусской энциклопедией", мы можем убедиться, что из людей, пользовавшихся в 30-е гг. заслуженной известностью в Белоруссии, уцелели в годы террора лишь несколько человек, в том числе Якуб Колас и Янка Купала. Все остальные были арестованы, и большинство их погибло.

Массовые репрессии прошли в Азербайджане, ими руководил здесь ставленник Сталина — М. Д. Багиров. Был расстрелян известный большевик, один из председателей ЦИК СССР, член Исполкома Коминтерна Г. М. Мусабеков. Погиб председатель СНК Азербайджана Гусейн Рахманов, председатель АзЦИК С. М. Эфендиев, а также видные партийные и советские работники: М. Д. Гусейнов, А. П. Акопов, Р. Али-Оглы Ахундов, Д. Буниат-Заде, М. Церафибеков, А. Г. Караев, М. Кулиев, М. А. Нариманов, Г. Султанов, А. Султанова¹.

Тяжелые жертвы понесла грузинская партийная организация. Среди расстрелянных или погибших в заключении оказались такие видные большевики, как Миха Кахиани, Леван Гогоберидзе, Ясон Мамулия, Сосо Буачидзе, Петр и Леван Агнишвили, Иван Болквадзе и др. Погиб один из создателей большевистских организаций в Закавказье, долгое время работавший первым секретарем Закавказского крайкома ВКП (б) Мамия Орахелашвили. Его судьбу разделила и его жена Мария, видная деятельница женского движения.

Один за другим были арестованы председатели Совнаркома Грузии Г. Мгалоблишвили и Л. Сухишвили, большинство наркомов республики, руководители многих учреждений и предприятий, преподаватели вузов.

Погиб руководитель абхазских большевиков Н. А. Лакоба, друг Орджоникидзе, Кирова, Дзержинского, Калинина, которому и сам Сталин нередко выказывал свое расположение. Был расстрелян первый секретарь Абхазского обкома А. С. Агрба. Погиб член бюро обкома Абхазии М. А. Лакоба.

О размахе репрессий в Грузии свидетельствует такой факт: из 664 делегатов X съезда Коммунистической партии Грузии, состоявшегося в мае 1937 г., 425 человек, или 68%, были вскоре арестованы².

Рано начались репрессии в Армении. Выдвижение Берии первым секретарем Заккрайкома партии вызвало недовольство у руководителей Армении. Здесь открыто критиковали и изданную в 1935 г. книгу Берии об истории большевистских организаций в Закавказье. Начало террора пришлось в Армении на

¹ См.: "Очерки по истории Коммунистической организации Азербайджана". Баку, 1964.

² См.: "Очерки по истории Коммунистической партии Грузии". Тбилиси, 1963.

1935 г., когда органы НКВД сфабриковали несколько провокационных дел против группы партийных работников и писателей Армении с целью скомпрометировать первого секретаря ЦК КП (б) Армении А. Ханджяна. 9 июля 1936 г. бюро Заккрайкома заслушало сообщение НКВД ЗСФСР "О раскрытии контрреволюционной террористической группы по Грузии, Азербайджану и Армении". На этом бюро Ханджян был обвинен в потере бдительности. Вечером того же дня он погиб. По одним данным, Ханджян покончил с собой¹. По другим, гораздо более правдоподобным свидетельствам (А. Н. Шелепин, С. О. Газарян, О. Г. Шатуновская, А. Иванова) Ханджян был застрелен лично Берией.

После смерти Ханджяна новые руководители Армении и ставленники Берии Г. Амадуни и С. Акопов под видом борьбы с "дашнакским национализмом и контрреволюцией" стали проводить террор против руководящих кадров республики. В числе жертв оказались ветераны революции секретари ЦК партии Армении: С. Срапионян (Лукашин), А. Ионисян, Г. Авсепян, А. Костанян, бывший председатель СНК Армении С. Тер-Габриелян, председатель ЦИК Армении С. Мартикян, председатель КПК Армении П. М. Кузнецов (Дарбинян), наркомы Н. Степанян, А. Ерзинкян, В. Еремян, А. Есян, А. Егизарян, старейшие коммунисты Д. Шавердян, А. Меликян, А. Шахсуварян и многие другие². В сентябре 1937 г. в Армению прибыли А. И. Микоян и Г. М. Маленков. При их участии террор в республике усилился, причем были арестованы и недавно возглавившие Армению Г. Амадуни и С. Акопов³.

Массовый характер приняли репрессии в Казахстане, где были расстреляны все члены ЦК КП (б) Казахстана. Погибли секретари ЦК Казахстана Л. И. Мирзоян и С. Нурпеисов, председатель ЦИК КазССР У. Кулумбетов, председатель СНК республики И. Д. Исаев, член бюро ЦК, видный ученый И. Ю. Кабулов. Одновременно было арестовано большинство членов ЦК КП (б) Казахстана, секретари областных комитетов партии, председатели обласполкомов, большинство районного актива. Погибли активные участники борьбы за Советскую власть в Казахстане: У. К. Джандосов, С. Сегизбаев, Ю. Бабаев, А. Розыбакиев, А. М. Асылбеков и др.⁴.

В Таджикистане был арестован председатель СНК республики А. Рахимбаев, которого лично знал и высоко ценил В. И. Ленин. Были арестованы видные деятели партии: Ш. Шотемор,

¹ См.: Агаян Ц. Нерсик Степанян. Ереван, 1967.

² См.: "Очерки по истории Коммунистической партии Армении". Ереван, 1964.

³ Газета "Коммунист" (Ереван), 22—30 сентября 1937 г.

⁴ См.: "Очерки по истории Коммунистической партии Казахстана", Алма-Ата, 1963.

Х. Бакиев, С. Анваров, Б. Додобаев, К. Ташев, А. Т. Рединин и др.¹.

Среди жертв террора в Киргизии были первый секретарь ЦК Киргизии А. К. Аммосов, второй секретарь М. Л. Белоцкий, председатель Контрольной комиссии Д. С. Садаев и многие другие².

В Туркменской ССР были репрессированы секретари ЦК Туркмении А. Мухамедов и Я. А. Попок, председатель СНК республики К. Атабаев, председатель ЦИК ТССР Н. Айтаков, а также видные партийные и общественные деятели: Ч. Веллеков, Х. Сахатмурадов, К. Кулиев, О. Ташиазаров, Д. Мамедов, Б. Атаев, Курбан Сахатов и др. Из-за массовых репрессий в Туркмении в течение нескольких месяцев не функционировало бюро ЦК КП (б)³.

Тяжелые потери понесла и компартия Узбекистана. Мы уже говорили о гибели руководителей республики А. Икрамова и Ф. Ходжаева. Вместе с ними погибли и другие узбекские руководители: Д. Тюрабеков, Д. Ризаев, Д. И. Манжара, Н. Исраилов, Р. Исламов — и сотни секретарей райкомов, горкомов, руководителей советских и хозяйственных организаций.

Сказанного выше достаточно, чтобы сделать вывод о том, что главное острие террора во второй половине 30-х гг. было направлено против актива самой партии. Это было очевидно даже для обывателей, которые спали по ночам гораздо спокойнее, чем коммунисты. Известно, что А. И. Солженицын и в книге "Архипелаг ГУЛАГ", и в своей публицистике неоднократно заявлял, что он не может и не желает считать коммунистов, арестованных в 1936—1939 гг. жертвами сталинского террора. Ибо эти коммунисты проводили "красный террор" в 1918—1922 гг., они прямо или косвенно помогали проводить политику насилия над крестьянством и интеллигенцией в 1929—1933 гг. "Но спрашивается, — восклицает Солженицын, — если жертва до последнего времени помогала палачу и подавала ему других на убой и топор держала — насколько эта жертва или уж тоже палач?"

Приходится встречать, однако, и противоположные высказывания, в которых идеализируется то поколение партийных руководителей, которые погибли в 1936—1939 гг. Герой одного из романов Виктора Сержа старый большевик Кирилл Рублев, расстрелянный вскоре по приказу Сталина, записал в своем дневнике:

¹ См.: "Очерки по истории Коммунистической партии Таджикистана". Душанбе, 1965.

² См.: "Очерки по истории Компартии Киргизии". Фрунзе, 1966.

³ См.: "Очерки по истории Компартии Туркмении". Ашхабад, 1965.

“...Мы представляли собой исключительное человеческое достижение и потому-то мы и погибали. Наше поколение сложилось в совершенно особых условиях полувекового исторического периода. Мы выросли в борьбе, но нам удалось избежать влияния “святой Руси” и буржуазного Запада, хотя мы заимствовали у этих миров то, что в них было живого и сильного: у крестьянских масс — жажду справедливости и готовность к восстанию, накопленные за века деспотизма; у западного мира — увлечение исследованиями, смелыми реформами и веру в прогресс... Мы не верили в устойчивость социального строя, нас не привлекало богатство, не соблазнял буржуазный индивидуализм; мы постоянно размышляли о смысле жизни, постоянно работали над преобразованием мира... Наш трезвый взгляд на происходящее, наше бескорыстие оказались помехой другим, их старым и новым интересам. Мы не сумели приспособиться к наступившей реакции, и, так как мы были у власти и нас окружали легенды, основанные на подлинных подвигах, нас надо было уничтожить, и не только физически: над нашим прахом распустили клевету о нашем предательстве. А теперь на нас лежит тяжесть всего мира. Нас осудили все те, кто не хочет знать больше ни стремлений, ни тревоги, кто считает революцию законченной... В глазах людей мы оказались опасными авантюристами — мы требовали от них смелости и новых подвигов, а им хотелось только одного: уверенности в будущем, покоя, хотелось забыть о страданиях и крови...”

Истина лежит между этими крайне положительными или, напротив, крайне отрицательными оценками погибшего поколения большевиков. Кое в чем Солженицын все же прав: ни Ягода, ни Ежов, ни Заковский, ни многие другие палачи и их непосредственные и сознательные помощники не могут быть просто названы “жертвами” террора, хотя и им предъявляли — когда пришел их черед — совсем не те обвинения, которые следовало бы предъявить. Однако, отвергая в отношении других коммунистов мнение Солженицына, я вовсе не хочу оправдывать жестокий террор против крестьян в годы коллективизации и террор против мнимых “вредителей” или “бывших” классовых врагов. В дальнейшем еще я буду говорить о том, как много потрудились некоторые уничтоженные позднее партийные и советские руководители над истреблением своих же товарищей по партии. Когда в докладе на февральско-мартовском пленуме 1937 г. Молотов перечислял случаи “вредительства” в легкой промышленности, секретарь Дальневосточного крайкома Варейкис крикнул наркому легкой промышленности Любимову: “Вот видишь, а ты говорил, что в легкой промышленности нет вредительства!” Через несколько месяцев Любимов был арестован как “вредитель”, а Варейкис — как “враг народа”. Среди погибших в 30-е гг. коммунистов были люди,

далеко не одинаковые и по своей биографии, и по поведению, и по личным качествам, и по степени своей ответственности за преступления, совершенные после революции или во время самой революции. Среди них было много честных и самоотверженных людей, искренне стремившихся создать справедливое общество и свято веривших в то, что они участвуют в создании именно такого общества и борются только с его врагами. Было немало людей, которые искренне ошибались, или были обмануты, или стали жертвой другого культа — культа партийной дисциплины. Были люди, которые многое поняли, но лишь тогда, когда было уже поздно. Были и такие, которые ничего не могли понять до самого конца. Было немало людей думающих, которые остро переживали все то, что происходило в стране, но все же во многом веривших еще партийному руководству и партийной пропаганде. Они обращались к Сталину и другим руководителям, но нередко сами вскоре попадали в чудовищную мясорубку террора. Были и такие, кто уже не верил ни партийной пропаганде, ни Сталину, но не знал, как и с помощью каких средств можно изменить положение. Были, конечно, и такие, кто просто боялся. Поэтому глубокой ошибкой было бы огульно зачислять их в число преступников, "получавших по заслугам". Можно лишь говорить об общей исторической и политической ответственности партийного актива за ошибки и трагедии 20—30-х гг. Сказанное выше относится также и к чекистам, хотя их ответственность за события 30-х гг. очень велика. Но я не могу одинаково относиться к Ягоде или Заковскому и к известному чекисту Артузову, который перед расстрелом написал кровью на стене тюремной камеры: "Честный человек должен убить Сталина".

О РЕПРЕССИЯХ СРЕДИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПРОФСОЮЗНЫХ И КОМСОМОЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Еще задолго до 1937 г., сразу же после отставки М. Томского, из профсоюзов были удалены почти все прежние руководители. Под предлогом борьбы с "правыми" их перевели на мало-значительные посты в хозяйственных или советских органах. В 1937—1938 гг. почти все они, в том числе известные в прошлом профсоюзные деятели: Г. Н. Мельничанский, А. И. Догадов, Я. Яглов, В. Михайлов, Б. Козелев, Ф. Угаров и В. Шмидт, были репрессированы.

В 1937 г. большая часть нового секретариата ВЦСПС не была затронута репрессиями. Однако многие известные профсоюзные руководители оказались в тюрьме. Так, например, погибла Е. Н. Егорова, секретарь ВЦСПС. Ее подпись стоит на партийном билете, выданном в 1917 г. Ленину Выборгским

райкомом партии, где Егорова была одним из секретарей, она же в июле 1917 г. помогала скрывать Ленина¹. Погиб в годы террора и ответственный профсоюзный деятель А. А. Коростелев.

Более трагичной оказалась судьба руководства ВЛКСМ. Уже в 1936—1937 гг. было арестовано немало комсомольских руководителей 20—30-х гг., перешедших затем на партийно-хозяйственную работу, но сохранивших связи с комсомолом. Погиб Оскар Равкин, избранный на I съезде комсомола в 1918 г. председателем ЦК РКСМ. Перед арестом он был секретарем Краснодарского горкома партии. Погиб Лазарь Шацкин — первый секретарь ЦК РКСМ в 1920—1921 гг. и перешедший в 30-е гг. на работу в Коминтерн. Мы уже писали выше о расстреле Петра Смородина, который возглавлял ЦК комсомола до 1924 г. и у гроба Ленина давал от имени комсомола клятву верности заветам Ильича. Погиб Николай Чаплин — генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ с 1924 по 1928 г. Был арестован Александр Мильчаков — генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ в 1928—1929 гг. Так что, если верить лживым версиям НКВД, комсомол на протяжении всей его истории возглавляли "враги народа".

Вместе с ветеранами комсомола в 1936—1937 гг. были арестованы и некоторые руководители нового поколения, но эти репрессии имели ограниченный характер, что вызвало недовольство Сталина. По свидетельству В. Пикиной, А. Мильчакова и А. Диментмана, в июне 1937 г. А. В. Косарев вместе с другими секретарями ЦК ВЛКСМ был вызван к Сталину. У него в кабинете находился Ежов. Сталин начал упрекать Косарева за то, что ЦК комсомола не помогает НКВД разоблачать "врагов народа". Никакие объяснения Косарева не помогли. Аналогичные обвинения содержались и в решениях закрытого IV пленума ЦК ВЛКСМ, состоявшегося в августе 1937 г. и заслушавшего доклад Косарева "О работе врагов народа внутри комсомола". На пленуме присутствовали Маленков и Каганович. В принятой резолюции говорилось, что вина бюро ЦК ВЛКСМ, и персонально Косарева, состоит в том, что они своевременно не проявили инициативы и запоздали с разоблачением врагов народа в комсомоле и что среди актива распространили мнения о том, что в комсомоле нет врагов народа².

После такого решения репрессии среди комсомольских работников заметно усилились. Были арестованы секретари ЦК ВЛКСМ П. С. Горшенин и Файнберг, член Исполкома КИМ

¹ "Советская Латвия", 22 марта 1964 г.

² Стенограмма собрания в Музее Революции, посвященного 60-летию со дня рождения А. Косарева. Ноябрь 1963 г. (Из архива семьи А. Косарева.)

В. Чемоданов, члены ЦК ВЛКСМ Д. Лукьянов, Г. Лебедев, А. Курyleв, редактор "Комсомольской правды" В. М. Бубекин, секретари республиканских и областных организаций: С. С. Андреев, К. Тайшитов, Артыков, В. А. Александров и др.

В конце 1938 г. наступила очередь и самого А. В. Косарева. С 19 по 22 ноября 1938 г. в Москве под председательством А. А. Андреева проходил очередной пленум ЦК ВЛКСМ, на котором присутствовали Сталин, Молотов и Маленков. На этом пленуме Косарев и большинство его ближайших друзей были смещены со своих постов и через некоторое время арестованы.

"Разоблачение врагов народа в комсомоле, — говорилось в передовой статье "Комсомольской правды" от 24 ноября 1938 г. — началось с большим запозданием... Потребовалось прямое вмешательство ЦК ВКП (б) и лично товарища Сталина, чтобы банда врагов народа, пробравшаяся в руководство ЦК ВЛКСМ, была разгромлена. Работа по очищению рядов комсомола от враждебных политически и морально разложившихся элементов не должна прекращаться ни на минуту. Несомненно, что враждебные и политически разложившиеся люди, стоявшие у руководства комсомола, успели на многих участках насадить свои "кадры". Это вражеское охвостье далеко еще не разгромлено". Газета писала это всего лишь через несколько недель после того, как по всей стране было торжественно отмечено 20-летие Ленинского комсомола.

Вместе с Косаревым были арестованы его соратники: В. Пикина, Богачев, Горшков и другие. В книге "Первое десятилетие" А. Мильчакова, одного из немногих, кто вышел живым из многолетнего заключения, упоминаются такие видные деятели молодежного коммунистического движения, как О. Тарханов, Р. Юровская, В. Фейгин, А. Шохин, Д. Матвеев, Г. Иванов, Г. Рахманов, М. Шаравьев, С. Салтанов, которые погибли в годы сталинского террора. Все это были еще совсем молодые люди: лишь немногим из них исполнилось 35 лет. Биография большинства из них очень похожа на биографию Николая Островского и героя его книги Павла Корчагина. Однако многие тысячи этих молодых, полных сил и энергии людей были объявлены "врагами народа", "шпионами" и в большинстве своем были расстреляны или погибли в лагерях.

РАЗГРОМ КАДРОВ КРАСНОЙ АРМИИ

В конце 30-х гг. Советский Союз, не жалея ни сил, ни средств готовился к неизбежной, казалось бы, войне с фашистскими государствами, уже начавшими свою агрессию в Эфиопии, Испании, Китае и в центре Европы. И в это тревожное время Ста-

лин и органы НКВД нанесли удар по кадрам Красной Армии, уничтожив в течение двух лет десятки тысяч ее лучших командиров и комиссаров.

Первые аресты среди военных прошли в конце 1936 — начале 1937 г. Были арестованы видные военачальники и герои гражданской войны: И. И. Гаркавий, комкор С.А. Туровский, Г. Д. Гай, Ю. В. Саблин, комдив Д.А.Шмидт, Б. Кузьмичев и Я. Охотников, — обвиненные в связях с троцкистами.

11 июня 1937 г. в печати появилось сообщение о предании суду Военной коллегии группы крупнейших военачальников: М. Н. Тухачевского, И. Э. Якира, И. П. Уборевича, Б. М. Фельдмана, А. И. Корка, Р. П. Эйдемана, В. М. Примакова и В. К. Путны. После короткого суда все подсудимые были приговорены к расстрелу.

Якир был одним из наиболее выдающихся военачальников Красной Армии, авторитет которого признавали и в нашей стране, и за границей. Член ЦК ВКП (б), он командовал перед арестом Киевским военным округом. Крупнейшим полководцем был и Уборевич. В 1919 г. в 22-летнем возрасте он командовал 14-й армией, нанесшей поражение под Орлом отборным дивизиям генерала Деникина. В 1922 г. Уборевич командовал армией Дальневосточной республики, возглавляя штурм Спасска и освобождение Владивостока. Перед арестом он командовал войсками Белорусского военного округа. Талантливыми командирами были Примаков, знаменитый в прошлом начдив "червонных казаков", и Эйдеман, герой боев у Каховки, председатель Осоавиахима, а также известный поэт, один из основателей латышской советской литературы.

Особенно тяжелой потерей для Советской Армии была гибель Тухачевского, недавнего первого заместителя народного комиссара обороны СССР, который после Фрунзе был, несомненно, наиболее выдающимся военным деятелем по своему стратегическому кругозору и оперативным способностям.

Одним из авторитетнейших деятелей партии и армии был член ЦК ВКП (б) Я. Б. Гамарник, который, по сообщению печати, покончил жизнь самоубийством "запутавшись в своих связях с врагами народа".

Все это было, однако, только начало. Выступая в августе 1937 г. на совещании армейских политработников, Сталин призывал выкорчевывать "врагов народа" в армии и доносить об их действиях. Через день Ворошилов и Ежов издали приказ по Вооруженным Силам, где говорилось, что в Красной Армии имеется разветвленная сеть шпионажа. Приказ предлагал всем, кто как-то связан со шпионами, — сознаться; а тем, кто что-то знает или подозревает о шпионской деятельности, — донести.

Во второй половине 1937 и в 1938 гг. репрессивные органы нанесли ряд страшных ударов по основному руководящему

ядру Красной Армии — от командующих округами и флотами до командиров полков и батальонов.

Был арестован и погиб маршал А. И. Егоров, начальник Генерального штаба Красной Армии, руководивший в 1919 г. разгромом Деникина. Был расстрелян герой гражданской войны маршал В. К. Блюхер, командующий Особой Дальневосточной армией. Блюхер пользовался в стране и в армии огромной популярностью. Поэтому Сталин не решился открыто объявить о его аресте. Ходили слухи, что Блюхер под другим именем воюет в Китае. Погиб заместитель наркома обороны И. Ф. Федько, герой гражданской войны, кавалер четырех орденов Красного Знамени.

Были арестованы и погибли заместители наркома обороны по морским делам и ВВС В. М. Орлов и Я. И. Алкснис, начальники управлений наркомата: А. И. Седякин, комкор Э. Ф. Аппога, Г. Бокис, Н. Н. Петин, Я. М. Фишман, Р. В. Лонгва, А. И. Геккер; армейский комиссар И. Е. Славин, недавние заместители Гамарника по Политуправлению РККА: Г. А. Осепян и А. С. Булин и другие руководители Наркомата обороны. Погиб секретарь Комитета Обороны при СНК СССР Г. Д. Базилович. Начальник химических войск РККА был арестован, но пережил многолетнее заключение.

Одновременно были расстреляны почти все командующие военными округами страны — герои гражданской войны: П. Е. Дыбенко, Н. В. Куйбышев, С. Е. Грибов, Н. Д. Каширин, М. Д. Великанов, И. П. Белов, И. К. Грязнов, П. Я. Гайлит, И. И. Дубовой.

Погибли командующие корпусами и армиями: А. Н. Борисенко, М. К. Левандовский, В. В. Хрипин, А. Я. Лапин, Е. И. Ковтюх, герой Таманского похода, описанного Серафимовичем в книге "Железный поток". Погиб И. И. Вацетис, бывший командир знаменитой Латышской дивизии и Главнокомандующий вооруженными силами РСФСР. Были расстреляны герои гражданской войны: И. С. Кутяков, сменивший Чапаева на посту командира 25-й дивизии, Д. Ф. Сердич, И. Я. Строд, Б. С. Горбачев, В. М. Мулин и др.

Был арестован Г. Х. Эйхе, бывший командующий 5-й армией Восточного фронта, разгромивший под Иркутском главные силы Колчака (Г. Эйхе — один из немногих военачальников, кто дожил до своей реабилитации, несмотря на тяготы многолетнего заключения).

Страшный удар был нанесен и по ВМС СССР. Погибли командующие флотами, флотилиями и особыми соединениями флагманы, адмиралы и вице-адмиралы: М. В. Викторов, И. К. Кожанов, К. И. Душенов, А. К. Векман, А. С. Гришин, Д. Г. Дуплицкий, Г. П. Киреев, И. М. Лудри, Р. А. Муклевич, Г. С. Окунев, В. М. Смирнов, Э. С. Панцержинский.

Тяжелому разгрому подверглись почти все военные акаде-

мии Красной Армии. Были арестованы начальники этих академий: С. А. Пугачев, Б. М. Иппо, М. Я. Германович, Д. А. Кучинский, А. Я. Сазонтов, а также сотни преподавателей и слушателей этих академий. При этом погибли видные представители военной науки: П. И. Вакулич, А. И. Верховский, А. В. Павлов, А. А. Свечин и др. Был арестован и начальник Управления военно-учебными заведениями Наркомата обороны А.И. Тодорский.

Были физически уничтожены все ведущие политработники армии и флота. Для оправдания этих репрессий Сталин напомнил о "белорусской-толмачевской оппозиции", когда некоторые политработники Белорусского военного округа и Военно-политической академии выступили еще в 1928 г. с критикой вводимого тогда единоначалия и уменьшения полномочий военных комиссаров. И вот теперь под прикрытием разговоров об этой оппозиции были арестованы и расстреляны члены Военных Советов и начальники политуправлений почти всех военных округов: М. П. Амелин, Л.Н. Аронштам, Г. И. Векличев, Г. Д. Хаханянц, А. М. Битте, А. И. Мезис. Кстати, проводя репрессии среди членов уже забытой всеми "белорусской-толмачевской оппозиции", Сталин именно в 1937 г. вновь ввел на несколько лет институт политических комиссаров в армии и ограничил единоначалие.

Среди погибших в годы репрессий были известные герои гражданской войны, которые перешли позднее из армии на другую работу. Среди них можно назвать секретаря ЦИК СССР И. С. Уншлихта, еще недавно возглавлявшего Управление воздушного флота, а также Р. И. Берзина, который командовал в 1918—1920 гг. 3-й и 9-й армиями, но позднее перешел на работу в военную промышленность. Был арестован знаменитый командир "Стальной дивизии" Д. П. Жлоба, перешедший на хозяйственную работу на Кубани.

Не пощадил Сталин и многих военачальников, уже вышедших на пенсию. Был расстрелян В. И. Шорин, командовавший во время гражданской войны армиями и фронтами. Еще в 1925 г. Шорин вышел на пенсию по возрасту и состоянию здоровья. В приказе Реввоенсовета по этому поводу были отмечены его огромные заслуги перед Советской властью. Реввоенсовет постановил навечно оставить имя Шорина в списках Красной Армии. Сталин не только вычеркнул имя Шорина из списков армии, но санкционировал расстрел 68-летнего героя.

С неприязнью относился Сталин и ко многим ранее умершим военачальникам. Были преданы забвению В. Триандофилов, К. Калиновский, Я. Фабрициус, С. Каменев, С. Вострецов и др.

В предвоенные годы были арестованы трое из пяти маршалов СССР, пятнадцать из шестнадцати командармов, все коман-

диры корпусов и почти все командиры дивизий и бригад. Около половины командиров полков, все армейские комиссары, почти все комиссары корпусов, дивизий и бригад и третья часть комиссаров полков¹. Столь же тяжелые потери понес и Военно-Морской флот. Огромны были потери среди среднего и младшего комсостава. Ни в одной войне ни одна армия не понесла такого урона в командном составе, какой понесла Красная Армия в предвоенные годы.

Была сведена на нет многолетняя работа военных академий по подготовке кадров. Осенняя проверка в 1940 г. показала, что из 225 командиров полков, прибывших на сбор, не было ни одного с академическим образованием, 25 окончили военные училища, а остальные 200 — лишь курсы младших лейтенантов. В начале 1940 г. 70% командиров дивизий и полков работали в этих должностях лишь около года². И это было всего за год до начала войны.

Уничтожение лучших кадров Красной Армии вызвало радость в стане гитлеровцев. В своих планах нападения на СССР Гитлер придавал этому особое значение. Как показал на Нюрнбергском процессе Кейтель, многие немецкие генералы предостерегали Гитлера от нападения на СССР. Но он рассеял эти сомнения. "Первоклассный состав советских высших военных кадров, — заявил Гитлер генералу Кейтелю, — истреблен Сталиным в 1937 г. Таким образом, необходимые умы в подрастающей смене еще пока отсутствуют".

Выступая 9 января 1941 г. на совещании высших нацистских генералов по поводу нападения на СССР, Гитлер вновь заявил: "У них нет хороших полководцев".

РЕПРЕССИИ В ОРГАНАХ НКВД, РАЗВЕДКИ, СУДА И ПРОКУРАТУРЫ

Проводя репрессии в стране, Сталин опирался в первую очередь на карательные и судебно-следственные органы. Однако важнейшей составной частью и предпосылкой этих массовых репрессий было физическое уничтожение многих тысяч работников НКВД, суда и прокуратуры.

Безжалостная чистка карательных органов началась уже осенью 1936 г. О работниках этих органов трудно говорить как о честных чекистах. Они принимали активное участие во всех репрессивных кампаниях конца 20-х — начала 30-х гг. Они

¹ "Краткая история Великой Отечественной войны". М., 1965, с. 39—40. Аналогичные подсчеты делал и А. И. Тодорский.

² Анфилов В. А. Начало Великой Отечественной войны. М., 1962, с. 28.

готовили первый крупный процесс против бывших лидеров оппозиции. Однако перерождение и политическое разложение среди руководства НКВД, суда и прокуратуры шло не так быстро, как это было нужно Сталину. Предполагая повернуть острие репрессий против основного ядра партии и государства, он принял решение коренным образом изменить и состав карательных органов. К тому же эти люди знали "слишком много", а тираны не любят свидетелей своих преступлений.

Вскоре после ареста Ягоды были арестованы и расстреляны его заместители и ближайшие помощники: В. Балицкий, Я. С. Агранов, Г. А. Молчанов, Л. Г. Миронов, М. И. Гай, А. М. Шанин, З. Б. Кацнельсон. Был отравлен начальник иностранного отдела НКВД А. А. Слуцкий. Сталин санкционировал расстрел начальника оперативного отдела НКВД, коменданта Кремля и фактического начальника кремлевской охраны К. В. Паукера, человека, которого многие годы считали одним из самых доверенных лиц Сталина.

Был арестован Е. Г. Евдокимов, один из организаторов процесса Промпартии. В 1934 г. он перешел на партийную работу в Ростовскую область и немало потрудился над ее "очищением" от "врагов народа". В 1937 г. Евдокимов сам был расстрелян. Погиб Т. Д. Дерibas, руководитель органов НКВД на Дальнем Востоке. По свидетельству П. И. Шабалкина, Дерibas выступал против необоснованных репрессий.

В 1936—1937 гг. погибли известные чекисты: М. Лацис, С. Мессинг, Н. Быстрых, В. А. Стырне, А. Артузов, Г. Благодравов, С. Аршакуни, Р. А. Пилляр, В. Р. Домбровский, М. В. Слонимский, Г. Е. Прокофьев, Л. Б. Залин, Л. Лордкипанидзе, Б. А. Бак и др. Как свидетельствуют бывшие чекисты и старые большевики С. О. Газарян, М. В. Остраградский, М. М. Инов, большинство перечисленных выше работников НКВД были субъективно честными людьми, не желавшими участвовать в уничтожении партийных кадров. Так, например, А. Артузов, выступая в 1937 г. на активе НКВД заявил: "При установившемся после смерти Менжинского фельдфебельском стиле руководства отдельные чекисты и даже звенья нашей организации вступили на опасный путь превращения в простых техников аппарата внутреннего ведомства со всеми его недостатками, ставящими нас на одну доску с презренными охранками капиталистов"¹.

После этого выступления Артузов был арестован и вскоре расстрелян. Был расстрелян личный друг Дзержинского В. Н. Манцев. За отказ от применения "новых методов" был расстрелян нарком внутренних дел Белоруссии И. М. Леплевский.

¹ Гладков Теодор, Смирнов Михаил. Менжинский. М., 1969, с. 327.

Был арестован почетный чекист Ф.Т. Фомин¹. Покончил самоубийством известный чекист и педагог М.С. Погребинский, организатор и руководитель многих детских коммун. Назначенный начальником Горьковского областного управления НКВД, Погребинский, как об этом свидетельствовало его предсмертное письмо, не хотел выполнять преступные приказы Центра. Покончил с собой и следователь по особо важным делам Курский, незадолго до того награжденный орденом Ленина за "успешную подготовку" процесса "параллельного центра". Причиной этого был скорее страх, а не совесть. Бывший деятель НКВД А. Орлов писал в своей книге, что после уничтожения окружавшей ранее Ягоду верхушки НКВД "Ежов начал действовать более энергично. Пошли массовые аресты следователей, принимавших участие в подготовке московских процессов, и всех прочих лиц, которые знали или могли знать тайны сталинских фальсификаций. Их арестовывали одного за другим, днем — на службе, а ночью — в их квартирах. Когда в предрассветный час опергруппа явилась в квартиру Чертока (прославившегося свирепыми допросами Каменева), он крикнул: "Меня вы взять не сумеете!" — выскочил на балкон и прыгнул с двенадцатого этажа, разбившись насмерть. Феликс Гурский, сотрудник иностранного управления, за несколько недель перед этим награжденный орденом Красной Звезды "за самоотверженную работу", выбросился из окна своего кабинета на девятом этаже. Так же поступили двое следователей Секретного политического управления... Инквизиторы НКВД, не так давно внушавшие ужас несчастным сталинским пленникам, ныне сами оказались захлестнутыми диким террором. ...По делам арестованных сотрудников НКВД не велось никакого следствия, даже для видимости. Их целыми группами обвиняли в троцкизме и шпионаже и расстреливали без суда"².

В 1937 г. был расстрелян организатор первых лагерей на Колыме, бывший командир дивизии латышских стрелков Э.П. Берзин. Погибли члены коллегии НКВД И.Д. Каширин, Г.И. Бокий и Я.Х. Петерс — близкий соратник Ф. Дзержинского.

В своих воспоминаниях "Это не должно повториться" старый чекист С.О. Газарян, арестованный в 1937 г. и доживший до освобождения, подробно описал на примере Грузии ту страшную обстановку террора, которая существовала тогда в НКВД. Он пишет об аресте десятков работников НКВД Грузии, которых арестовывали и пытали их бывшие сотрудники и подчиненные. В то же время выдвигали сначала на руководящие посты в НКВД Грузии, а затем и НКВД СССР таких приспешников

¹ Ф. Т. Фомин остался в живых. В 1964 г. в Издательстве политической литературы была издана его книга "Записки старого чекиста".

² Орлов А. Тайная история сталинских преступлений, с. 213—214.

Берии, как Кобулов, Хазан, Крымян, Савицкий, Деканозов, Меркулов, Гоглидзе и Мильштейн.

Тяжелый удар был нанесен и советской разведке — и по линии НКВД, и по линии НКО. Многих видных разведчиков и резидентов вызывали в Москву для доклада или "отдыха": здесь их арестовывали и расстреливали. Немало разведчиков и дипломатов отказались вернуться на верную гибель в СССР. Для расправы с невозвращенцами всех ведомств в структуре НКВД был создан специальный отдел. В результате были выслежены и убиты Игнатий Рейс, Вальтер Кривицкий, а также бывший резидент ОГПУ в Турции Агабеков, который порвал со своим ведомством еще в 1929 г. и был убит в Бельгии в 1938 г.

Погиб основатель и начальник советской военной разведки Я.К. Берзин, назначенный в 1937 г. главным советником Испанского республиканского правительства. В 1938 г. он был вызван в Москву и расстрелян.

Берзин воспитал многих разведчиков, в том числе и знаменитого ныне Рихарда Зорге. Однако многие ученики Берзина погибли не в застенках тайной полиции других стран, а в застенках НКВД. Был вызван из Шанхая и расстрелян соратник Зорге Карл Рамм. Была отозвана из Японии и арестована Айна Куусинен — жена Отто Куусинена. Айна работала вместе с Зорге, выполняя ряд важных заданий. В Москве арестовали жену Зорге Е. Максимову. Сам Зорге также получил приказ вернуться в Москву. Но он откладывал возвращение, мотивируя это отсутствием замены и важностью имеющихся у него уникальных связей. Как можно прочесть сегодня в многочисленных книгах о Зорге, его информация помогла победить немцев в осенних и зимних сражениях под Москвой, она спасла нашу армию от лишних потерь и тяжелых поражений. Но в этих книгах не пишут, что японские власти после ареста Зорге предлагали обменять его на некоторых крупных японских разведчиков, арестованных в СССР, — обычное дело в тайной войне государств друг против друга. Сталин, однако, на этот раз не дал согласия.

Был арестован и погиб С.П. Урицкий, сменивший Берзина на посту начальника разведуправления Наркомата обороны. Такого еще не было в истории разведки. Большая и превосходно налаженная система разведки была разрушена ее же собственным руководством и притом совершенно сознательно.

Жестокой чистке подверглись органы суда и прокуратуры. Мы уже писали о гибели наркома юстиции СССР Н.В. Крыленко. Был переведен на другую должность и позднее арестован Генеральный прокурор СССР И.А. Акулов, старейший деятель партии, организатор известной 60-тысячной демонстрации рабочих в Петербурге в 1903 г. Еще в начале 30-х гг. Акулов пытался выступить против злоупотреблений НКВД, и Ягода вместе с Вышинским (при одобрении Сталина) добились его устранения

из органов прокуратуры. Был арестован председатель Московского городского суда Н.М. Немцев, член Верховного суда СССР А.В. Медведев, прокурор РСФСР В.А. Деготь, видные работники Прокуратуры СССР Р.П. Катанян и М.В. Острогорский. Погибли военные прокуроры и руководители военных трибуналов: Н.Н. Гомеров, Ю.А. Дзервит, Е.Л. Перфильев, Л.Я. Плавник и др.

Был отстранен от работы заместитель председателя Верховного суда СССР П.А. Красиков, один из соратников Ленина, вице-председатель II съезда РСДРП. Еще в 1936 г. застрелился заместитель Генерального прокурора СССР Крастин. По свидетельству Р.Г. Алихановой, Крастин оставил своим родным и друзьям записку, в которой писал, что подготовляемые процессы над лидерами оппозиции — фальсификация, в которой он участвовать не может.

Трагически сложилась судьба Арона Сольца, бывшего члена Президиума Центральной контрольной комиссии ЦК, которого в 20-е гг. называли "совестью партии". В книге Ю.В. Трифонова можно прочесть:

"Когда в 1937 г. началась развязанная Сталиным кампания массовых репрессий, такой человек, как Сольц, не мог молчать. Может, один из немногих он пытался бороться. Он работал тогда помощником Генерального прокурора по судебно-бытовому сектору. А. Сольц стал требовать доказательств вины людей, которых называли "врагами народа", добивался доступа к следственным материалам, вступил в резкий конфликт с Ежовым, Вышинским. Однажды он пришел к Вышинскому и потребовал материалы по делу Трифонова, сказав при этом, что не верит в то, что Трифонов — "враг народа". Вышинский сказал: "Если органы взяли, значит, враг". Сольц побасовел, закричал: "Врешь! Я знаю Трифонова тридцать лет как настоящего большевика, а тебя знаю как меньшевика!" — бросил свой портфель и ушел...

Сольца начали отстранять от дел. Он не сдавался. В октябре 1937 г., в разгар репрессий, он внезапно выступил на конференции свердловского партактива с критикой Вышинского как Генерального прокурора и с требованием создать специальную комиссию для расследования всей деятельности Вышинского. Ему еще казалось, что прежние методы, введенные при жизни Ленина, обладают силой... Часть зала замерла от ужаса, но большинство стали кричать: "Долой! Вон с трибуны! Волк в овечьей шкуре!" Сольц продолжал говорить. Какие-то добровольцы, охваченные гневом, подбежали к старику и стащили его с трибуны.

Трудно сказать, почему Сталин не разделался с Сольцем попросту, то есть не арестовал его... В феврале Сольца окончательно отстранили от работы в прокуратуре. Он попытался

добиться приема у Сталина. Но Сталин, с которым он вместе работал в питерском подполье в 1912—1913 гг., с которым ему приходилось в ту пору спать на одной койке, его не принял. Сольц все еще не сдавался: он объявил голодовку. Тогда его запрятали в психиатрическую лечебницу... Потом его выписали, но он был сломлен"¹. Вскоре Сольц умер, одинокий, больной, всеми забытый.

На смену таким людям, как Сольц, в советской юстиции выдвигали беспринципных, жестоких и готовых на все людей, подобных И.О. Матулевичу, Г.П. Липову, С.Я. Ульяновой, А.А. Батнеру.

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ДЕЯТЕЛЕЙ ЗАРУБЕЖНЫХ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И КОМИНТЕРНА

В середине 30-х гг. большинство зарубежных компартий находилось в подполье, и в целях сохранения их руководства значительная часть членов ЦК этих партий работала в Москве. Здесь же были центральные органы Коминтерна, КИМ, Крестьянского интернационала, Профинтерна, МОПР и других организаций международного коммунистического движения. Не удивительно, что террор 1937—1938 гг. не мог не затронуть их.

В первую очередь пострадали советские сотрудники международных организаций. Был арестован и погиб секретарь ИККИ и член ЦК ВКП (б) И.А. Пятницкий, в прошлом ближайший соратник В.И. Ленина. Был расстрелян Рафаэль Хитаров, много лет стоявший во главе КИМ. Погиб ректор Университета им. Сунь Ятсена Павел Миф, ведущий ученый-китаевед и деятель Коминтерна. Был арестован и погиб Г. Алиханов (Алиханян) — заведующий отделом кадров Коминтерна и один из основателей Компартии Армении. Погибли ответственные работники Коминтерна: К.И. Смолянский, Г. Сафаров, Б.А. Васильев, П.Л. Лапinsky, Мирон-Абрамов и другие. Органы НКВД уничтожили М.А. Трилиссера, который в 20-е гг. был заместителем председателя ОГПУ, а затем возглавил особый отдел Коминтерна. Он был наделен чрезвычайными полномочиями для "очистки" Коминтерна от "врагов народа". Но вскоре и сам стал жертвой этой жестокой чистки.

Наряду с советскими сотрудниками под удар НКВД попали многие деятели зарубежных компартий. Был расстрелян Бела Кун, один из основателей Компартии Венгрии и фактический руководитель Венгерской Советской республики в

¹ Трифонов Юрий. Отблеск костра. Исчезновение, с. 20—22.

1919 г. После падения Советов в Венгрии Б. Кун эмигрировал в СССР. Он занимал видные посты в Коминтерне и системе Советской власти. Вместе с Куном погибли видные деятели Компартии Венгрии: Ф. Карикаш, Д. Бокани, Ф. Габор, Л. Мадьяр и др. В застенках НКВД окончили свою жизнь двенадцать бывших комиссаров Венгерской Советской республики 1919 г. (Большинство из них были членами ВКП (б), членство в двух и даже нескольких компартиях было в то время обычным явлением.)

Особенно тяжелые потери понесла Коммунистическая партия Польши. Практически все ее руководители и почти все рядовые коммунисты, находившиеся в СССР, были арестованы. Был расстрелян генеральный секретарь ЦК КПП и член ИККИ Юлиан Лещинский-Леньский. В возрасте 70 лет был расстрелян А. Варский, один из основателей Социал-демократической, а позднее и Коммунистической партии Польши. Вместе с ним погибла и Вера Костшева (Мария Кошитская), отдавшая более 40 лет рабочему движению Польши. Были расстреляны члены Политбюро КПП Г. Генриховский и Ежи Рынг, которых обманым путем выманили из Польши якобы для "консультаций". Погибли члены ЦК партии Эдвард Прухняк, Бронковский и др. Были арестованы и руководители Компартии Западной Украины и Белоруссии: Р.Д. Вольф, И.К. Логинович, М.С. Майский, Н.П. Масловский и др. Репрессиям подверглись не только руководители и рядовые члены польской компартии, но и многие поляки эмигранты, которые жили в СССР, главным образом на Украине и в Белоруссии. Летом 1938 г., когда в Польше наметился явный подъем антифашистского движения и борьбы против гитлеровской опасности, Исполком Коминтерна принял решение о роспуске Компартии Польши, а также компартий Западной Украины и Белоруссии, польского комсомола и всех иных коммунистических организаций в Польше. Это решение мотивировалось "проникновением" в руководство КПП агентов польской охраны.

Неожиданный роспуск КПП и арест в Москве всех ее руководителей произвели угнетающее и деморализующее впечатление на всех членов партии в самой Польше, многие из которых находились в польских тюрьмах.

"Маленькая заметка в "Иллюстрированы курьер цодзены", — писал в своих воспоминаниях Мариан Нашковский, — сообщала о роспуске Коммунистической партии Польши.

Мы были потрясены. Сначала сочли это сообщение низкой провокацией дефы... Однако в последующие дни в газетах появились более подробные сообщения. И как ни старались мы заглушить в себе беспокойство, газеты все яснее открывали нам печальную истину. Наконец, кто-то из вновь прибывших арестованных принес и официальное подтверждение.

Гнетущая тишина воцарилась в тюрьме. Как поверить в столь страшные обвинения? Как согласовать чудовищные преступления, в которых обвиняли людей, с образом этих людей, рисовавшимся нам таким светлым. Ленский, Варский, Вера Костшева, Генриховский, Прухняк, Рваль, Бронковский — столько героических личностей, такие корифеи нашего движения...

Люди старались доискаться причин, раскапывая старую историю фракционной борьбы, борьбы "большинства" и "меньшинства". Но это выглядело не очень правдоподобно. Ведь среди "ликвидированных агентов" — как их называли в сообщении Коминтерна — были люди как из "большинства", так и из "меньшинства"...¹

Тяжелые потери понесли руководящие кадры компартий прибалтийских стран: Эстонии, Латвии, Литвы. Жертвой репрессий стали члены ЦК всех компартий: Х. Пегельман, Ян Анвельт, Я. Берзинь-Зиемелис, Я. Ланцеманис, Э. Апине, Я. Круминь-Пилат, Рудольф Я. Эндруп, Е. Таукайте, Н. Янсон, Ф. Деглав, Р. Мирринг, О. Рястас, И. Кяспарт, Р. Вакман, Э. Зандрейтер, Ф. Паузер, О. Дзенис и многие другие. Вследствие репрессий деятельность ЦК КП Эстонии, а также ЦК КП Латвии и ЦК КП Литвы на несколько лет прекратилась, были прерваны связи этих партий с Коминтерном, перестали работать даже некоторые городские комитеты партии². Были арестованы тысячи политэмигрантов из Прибалтики. В результате было закрыто латышское отделение Педагогического института им. Герцена в Ленинграде, Дом культуры латышей, Эстонский клуб; прекратили свое существование издававшиеся в СССР латышская и эстонская газеты. Многочисленные аресты были проведены среди бессарабских коммунистов, коммунистов Ирана, Турции, Румынии. Погиб лидер Иранской компартии А. Султан-Заде, находившийся в эмиграции в СССР; был арестован, но остался в живых лидер Мексиканской компартии Гомес.

Тяжелому разгрому подверглись руководящие кадры Коммунистической партии Югославии. Погиб один из основателей этой партии Филипп Филиппович (в Москве он имел псевдоним — Бошко Бошкович). Был расстрелян генеральный секретарь ЦК КПЮ Милан Горкич (Йосип Чижинский). Он был одновременно и членом ВКП (б) и работал в Москве с 1932 г. Погиб вернувшийся из Испании оргсекретарь ЦК КПЮ Владимир Чопич. Были арестованы деятели партии: С. Цвиич, Д. Цвиич, К. Хорватин, Анте Цилига, Попович, Новакович, Ц. Краль и др. По свиде-

¹ Нашковский М. Неспokoйные дни. Воспоминания о тридцатых годах. М., 1962, с. 209—210.

² См.: "Очерки по истории Компартии Эстонии", т. 2. Таллинн, 1963; "Очерки по истории Коммунистической партии Латвии", т. 2. Рига, 1966.

тельству Тито, обсуждался вопрос о роспуске Компартии Югославии, так как практически все ее руководители и активисты, находившиеся в СССР, были арестованы. "Я был один", — говорил Тито. Коминтерн все же разрешил Тито сформировать новый ЦК, и Тито поспешил перенести руководство партии в Югославию. В югославском подполье он чувствовал себя спокойнее, чем в гостинице "Люкс" в Москве. Всего в застенках НКВД погибло более ста активистов КПЮ¹.

Серьезно пострадали кадры Болгарской коммунистической партии. Были арестованы ее представители в Коминтерне Искров и Стомоняков. Их судьбу разделили Попов и Танев, которые вместе с Г. Димитровым находились на скамье подсудимых на знаменитом Лейпцигском процессе 1933 г. Когда фашистский суд был вынужден оправдать подсудимых, Советский Союз предоставил Димитрову, Таневу и Попову советское гражданство. Однако через три года Попов и Танев были осуждены советским судом по клеветническим обвинениям (до XX съезда КПСС дожил только Попов). Были арестованы видные деятели БКП: Мл. Стоянов, И. Васильев, И. Павлов, Г. Ламбров и многие другие. Погибли сотни коммунистов, эмигрантов из Болгарии, которые жили и работали главным образом в Одесской области — поближе к родине. Г. Димитрову удалось спасти от репрессий нескольких болгар. Но в большинстве случаев ему приходилось не только молча наблюдать, но даже санкционировать многие аресты в Коминтерне по тем фальсифицированным досье, которые ему доставляли из НКВД и которые он не имел возможности проверить. Впрочем, специальное досье было заведено и на самого Димитрова.

Был арестован представитель Китайской компартии в Коминтерне Го Шаотан и другие китайские коммунисты. Из руководителей Компартии Индии были уничтожены Мукерджи, Чатападжайя, Лохани и др. Корейская секция Коминтерна в СССР была ликвидирована полностью.

Тяжело сложилась в СССР судьба немецких коммунистов. Среди иностранных коммунистов немецкая эмиграция в СССР была самой значительной, так как Гитлер развязал кровавый террор против КПГ — самой крупной в начале 30-х гг. коммунистической партии в Западной Европе. Но не менее жестокий террор обрушился на немецких антифашистов и в СССР. "Журнал де Моску" в № 19 от 12 апреля 1928 г. писал: "Не будет ни в коем случае преувеличением сказать, что каждый японец, живущий за границей, является шпионом, так же как и каждый немецкий гражданин, живущий за границей, является агентом гестапо". К концу апреля 1938 г. у немецкого представителя ИККИ было зарегистрировано 842 арестованных НКВД немца

¹ "Борба", 20 апреля 1949 г.

антифашиста. Но действительное число арестованных было больше. Многих немецких политэмигрантов арестовывали прямо в Доме политэмигранта, который существовал в то время в Москве.

Среди арестованных и погибших германских коммунистов были три члена Политбюро КПГ: Герман Реммеле, Фриц Шультке и Герман Шуберг, а также члены ЦК КПГ: Ганс Каппенбергер (руководитель нелегального военного аппарата ЦК), Лео Флик (секретарь ЦК), Ганс Нейман, Генрих Зусканд (главный редактор "Роте фане"), Гуго Эберлайн (участник I конгресса Коминтерна), Вернер Хирш (секретарь Тельмана) и др. Был исключен из партии один из лучших зарубежных работников Коминтерна Вилли Мюнценберг, отказавшийся приехать из Парижа в Москву на верную гибель. В 1940 г. Мюнценберг был убит во Франции при невыясненных обстоятельствах.

Были арестованы многие участники антифашистского восстания Шуцбунд в Вене. После поражения этого восстания в 1934 г. несколько сотен его участников бежали в СССР, где их приветствовали как героев. Но в 1937–1938 гг. почти все шуцбундовцы оказались в советских тюрьмах. По свидетельству С. Газаряна, большая группа немецких коммунистов содержалась в Соловецкой тюрьме. При перевозке их из тюрьмы в лагерь они устроили обструкцию, протестуя против бесчеловечных условий этапа. По свидетельству Н.П. Смирновой, большая группа немецких комсомолок находилась в тюрьмах Владивостока. Е.С. Гинзбург беседовала в Бутырской тюрьме с одной из немецких коммунисток, показавших на своем теле следы пыток в гестапо и в советской тюрьме. По свидетельству С.И. Бердичевской, в 1937 г. был арестован и позднее погиб один из руководителей Баварской Советской республики Вилли Будих. На следствии его подвергали, как и других, пыткам. Показывая советским коммунистам, своим соседям по камере, расплюснутые пальцы, Вилли Будих говорил: "Этого вам немецкий рабочий класс никогда не простит".

После заключения в сентябре 1939 г. договора о дружбе с Германией Сталин совершил беспрецедентное преступление. Большая группа немецких антифашистов, включая многих евреев, была передана гестапо. Но и гестапо передало в руки НКВД несколько человек, имена и судьбы которых неизвестны. Правда, большинству немцев, переданных в руки гестапо, даже "повезло" — они дожили до конца войны. Почти все немецкие антифашисты, попавшие в СССР, погибли в заключении. С осени 1939 г. советские границы были закрыты для беженцев из поработанной фашистами Европы.

Погибли многие итальянские коммунисты, например Эдмондо Пелузо, выполнявший многие ответственные поручения Коминтерна. Был арестован, подвергнут пыткам, но выжил

П. Роботти — зять Тольятти. После смерти Сталина в Италии был опубликован список коммунистов, погибших во время сталинского террора. Он насчитывал более 120 фамилий.

Среди арестованных в 1937—1938 гг. были бельгийские (М. Виллемс), турецкие (Салих), английские (Чарли Джонсон), румынские (М. Паукер, А. Добродженау), а также монгольские, чехословацкие, французские, американские, финские, испанские, даже бразильские коммунисты. В конце 30 гг. были закрыты все школы Коминтерна, в них некому было учиться и не было учителей.

Пострадали не только коммунисты, но и все иностранные граждане, постоянно проживавшие в СССР. Были арестованы, например, многие иностранные специалисты и члены их семей, которые приехали в СССР по договорам еще в годы первой пятилетки и затем решили остаться в нашей стране. Из Ленинграда отправили в ссылку группу француженок — уже престарелых учителей французского языка.

Были повсеместно ликвидированы те колхозы и коммуны, которые создали в нашей стране иностранные граждане. Мало кто знает сегодня, что еще в начале 20-х гг., задолго до массовой коллективизации, в СССР приезжали из разных стран группы энтузиастов, которые при поддержке союзных и местных властей создавали на свободных землях колхозы и коммуны. Хорошо обеспеченные машинами, эти хозяйства были в большинстве своем образцовыми. Но к концу десятилетия эти артели и коммуны уже ликвидировали. По свидетельству В.И. Волгина, под Ростовом-на-Дону была ликвидирована высокопроизводительная коммуна "Сеятель", организованная главным образом коммунистами из США. Большинство американских коммунаров были арестованы и сосланы. А между тем коммуна много лет завозила в Ростов-на-Дону много сельскохозяйственных продуктов по низким ценам и была примером для соседних колхозов и совхозов.

РЕПРЕССИИ В СРЕДЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Сложившаяся в 1936—1938 гг. обстановка всеобщей подозрительности не могла не затронуть и научно-техническую интеллигенцию. В результате погибли тысячи ученых, инженеров, хозяйственников. Споры и обсуждения, начинавшиеся на конференциях или на страницах печати, заканчивались нередко пытками и расстрелами в застенках НКВД.

Трагически закончилась, например, дискуссия в исторической науке, длившаяся несколько лет. Критика отдельных ошибок М.Н. Покровского и его школы переросла в погромную

террористическую кампанию. Многие последователи и ученики Покровского были арестованы. "Так называемая "школа" Покровского, — говорилось в одной из директивных статей, — не случайно оказалась базой для вредительства со стороны врагов народа, разоблаченных НКВД, троцкистско-бухаринских наймитов фашизма, вредителей, шпионов и террористов, ловко маскировавшихся при помощи вредных антиленинских концепций Покровского"¹.

Жертвой террора стал Ю.М. Стеклов, видный историк и революционер, один из первых редакторов газеты "Известия". Погиб известный историк В.Г. Сорин, автор биографии Ленина, редактор первых Собраний сочинений Ленина, заместитель директора Института Маркса—Энгельса—Ленина. Был расстрелян член ЦК ВКП (б), видный деятель международного рабочего движения, директор Института красной профессуры В.Г. Кнорин. Еще в 1936 г. был арестован и погиб директор Института истории АН СССР академик Н.М. Лукин. Погибли академик М.А. Савельев, активный участник революционного движения, редактор журнала "Пролетарская революция", председатель президума Коммунистической академии, историки: Н.Н. Попов (секретарь ЦК КП (б) У), Н.Н. Ваняг, С.А. Пионтковский, С. Бантке, Г.С. Фридлянд, Э. Фейс, Ю.Т. Тевосян, С.П. Коршунов и др. Умер в заключении историк М. Келдыш, брат будущего президента АН СССР. Были арестованы, но дожили до реабилитации историки: В.М. Далин, С. Лотте, С.М. Дубровский, П.Ф. Преображенский, А. Г. Слуцкий.

Крайне уродливые формы приняла борьба на философском фронте. Основные дискуссии между различными группами и течениями в советской философии закончилась еще в 1931—1932 гг. Победу одержала группа сравнительно молодых, но крайне активных философов-сталинистов, которые оттеснили на второй план другие течения в философии, демагогически обозначенные как группы "меньшевистствующих идеалистов" и "механицистов" или "вульгарных механистов". Однако эти дискуссии начала 30-х гг., несмотря на всю их ничем не оправданную резкость, к репрессиям не привели. В 1936—1937 гг. группа "победителей", занявших ведущие места в философской печати и в научных учреждениях, решила использовать сложившуюся в стране ситуацию для физического уничтожения своих недавних оппонентов. Обвинения в тех или иных философских ошибках сменились на страницах журнала "Под знаменем марксизма" обвинениями во вредительской и даже в террористической деятельности. В результате этой погромной кампании (активными организаторами которой были М.Б. Митин, П.Ф. Юдин,

¹ "Против исторической концепции М. Н. Покровского", ч. I. М., 1939, с. 5.

Ф.В. Константинов, Б.А. Чагин) десятки советских философов оказались в заключении, в том числе А.И. Варьяш, И.К. Луппол, В. Милютин, И. Разумовский, Н. Карев, В. Рудаш, С. Пичугин, Г. Тымьянский, А.Р. Медведев (мой отец), М. Фурщик, Г. Дмитриев и многие другие. Большинство из них погибли.

Особо следует остановиться на судьбе видного философа и партийного работника Яна Стэна. "Вряд ли кто знал Сталина лучше, чем Стэн, — писал в своих записках о Стэне его друг Е.П. Фролов. — Известно, что Сталин не получил никакого систематического образования. Очень плохо разбирался Сталин и в философских вопросах. И вот он призвал в 1925 г. Яна Стэна, крупнейшего марксистского философа того времени, руководить его занятиями по гегелевской диалектике. Стэн составил программу занятий и добросовестнейшим образом два раза в неделю втолковывал своему сиятельному ученику гегелевские премудрости... Мне он часто доверительно рассказывал об этих занятиях, о тех трудностях, которые он как учитель испытывал из-за неспособности своего ученика освоить материал гегелевской диалектики. Ян часто заходил ко мне после урока со Сталиным в подавленном, мрачном состоянии, и, несмотря на свой жизнерадостный характер, ему с трудом удавалось вернуть себе равновесие... Встречи со Сталиным, беседы с ним во время занятий на философские темы, в которых Ян всегда касался и политических проблем современности, все больше раскрывали ему глаза на истинное лицо Сталина, на его стремление к единовластию, на его коварные замыслы... Еще в 1928 г. в узком кругу своих личных друзей Стэн сказал: "Коба будет устраивать такие вещи, что процессы Дрейфуса и Бейлиса поблекнут". Это был его ответ на просьбу товарищей дать прогноз развитию сталинского руководства на 10 лет. Таким образом Стэн не ошибся ни в характеристике правления Сталина, ни в сроках осуществления им кровавых замыслов".

В 1937 г. Стэн был арестован по прямому указанию Сталина и в июне того же года расстрелян в Лефортовской тюрьме.

Драматическая обстановка сложилась в педагогической науке и в области народного образования. После ареста Бубнова погибли многие его заместители и члены коллегии, в том числе М.С. Эпштейн и М.А. Алексинский. Погибли крупные методисты, ученые и организаторы народного образования: А.П. Пинкевич, С.М. Каменев, А.П. Шохин, М.М. Пистрак, С.А. Гайсинович, М.В. Крупенина.

В 1937—1938 гг. были разгромлены наркомпросы почти во всех союзных и автономных республиках. При этом арестовывали не только работников наркоматов, но и десятки тысяч рядовых учителей.

Был арестован и погиб А.К. Гастев — профессиональный революционер, известный поэт и ученый. После революции он пос-

вятил себя организации новой в России отрасли знаний — педагогике профессионального образования и научной организации труда. После ареста Гастева и его ближайших помощников созданный им Институт труда (ЦИТ) был закрыт и сколько-нибудь серьезная работа в этой области приостановлена.

Большие потери понесли лингвистика и филология. Погиб директор Лингвистического института в Киеве И.М. Сяк, за которого в 1919 г. при вступлении его в партию поручился В.И. Ленин. Был арестован выдающийся лингвист Е. Д. Поливанов и крупный лингвист и востоковед Н.А. Невский, расшифровавший тунгусские иероглифы. Его монография на эту тему была издана в 1960 г. после его смерти и удостоена Ленинской премии.

Многих талантливых ученых не досчитались другие науки. В 1937—1938 гг. были арестованы секретарь Академии наук СССР академик Н.П. Горбунов, в прошлом личный секретарь Ленина; управляющий делами СНК и СТО, президент АН БССР И.З. Сурта; ученый секретарь Всесоюзного географического общества Н.Ф. Богданов; один из редакторов БСЭ экономист Г.И. Крумин; экономист И.Н. Барханов; крупный химик И.Ф. Юшкевич; организатор Всесоюзного арктического института Р.Л. Самойлович. Погиб видный ученый-аграрник И.А. Теодорович, староста Общества ссыльных и политкаторжан. Погибли экономист и государственный деятель А.В. Одинцов; экономист-международник А.Я. Канторович, специалист по НОТ О.А. Ерманский. Был закрыт Аграрный институт, а его руководители (А. Гайстер и др.) репрессированы. Этот печальный список можно продолжить.

Репрессии или, как писал журнал "Советская наука", "обостренные классовые бои", затронули все науки о природе. Многие физики, в том числе будущие академики А.И. Берг, Л.Д. Ландау, П.И. Лукирский и Ю.Б. Румер, были арестованы (в заключении они находились "лишь" 2—3 года). Погиб в возрасте 32 лет выдающийся физик-теоретик М.П. Бронштейн. Был арестован академик А.И. Некрасов, специалист по механике. Не вернулись к своим семьям и к своей работе физики: В.К. Фредерикс, Ю.А. Крутков, С.П. Шубин, А.А. Витт, Я. Н. Шпильрейн. "Черносотенцем", "контрреволюционером" и "вредителем" был объявлен в печати основатель и руководитель крупнейшей в то время московской математической школы академик Н.Н. Лузин. К счастью, он не был арестован. Некоторые ученые, опасаясь репрессий, отказались вернуться в СССР из заграничных командировок. Среди невозвращенцев были выдающиеся химики А.Е. Чичибабин и Н.Н. Ипатьев, генетик Н.В. Тимофеев-Ресовский и др.

В особенно тяжелом положении оказалась в те годы биологическая и агрономическая науки. Еще в 1936 г. по ложному

обвинению в шпионаже и вредительстве был арестован известный генетик И.И. Агол, академик-секретарь АН УССР. Погиб крупнейший специалист по медицинской генетике С.Г. Левит. Руководимый им Медико-генетический институт был закрыт. Был арестован известный дарвинист Я.М. Урановский. Выдвинувшийся в это время молодой агроном Т.Д. Лысенко использовал сложившуюся в стране обстановку для шумной клеветнической кампании против многих представителей биологической и сельскохозяйственной наук. В результате репрессии среди биологов и деятелей сельскохозяйственной науки приняли широкий характер. Был расстрелян президент ВАСХНИЛ академик А.И. Муралов. Погиб академик Г.К. Мейстер, незадолго до того награжденный за свои научные достижения орденом Ленина. Был ошельмован, отстранен от работы и вскоре умер академик Н.К. Кольцов. Было разгромлено как "вредительское" руководство Институты хлопководства, животноводства, агрохимии, защиты растений и др.

В 1940 г. был арестован и в 1943 г. умер в Саратовской тюрьме один из наиболее крупных советских ученых, селекционер, генетик и географ, организатор сельскохозяйственной науки в стране академик Н.И. Вавилов. Это была тяжелая потеря не только для советской, но и для мировой науки. Одновременно были арестованы и в большинстве погибли ученики Вавилова: Г.К. Карпеченко, Г.А. Левитский, Л.И. Говоров, Н.В. Ковалев и др.

Погромная кампания была организована в агрономической науке В.Р. Вильямсом и его последователями. В результате были арестованы противники системы Вильямса в Наркомате земледелия и Госплане СССР, во Всесоюзном институте удобрений. За выступления против травопольной системы Вильямса был арестован и умер в лагере академик Н.М. Тулайков. Погиб агрохимик Ш.Р. Цинцадзе.

В заключении оказались микробиолог академик П.Ф. Здратовский и его коллеги: В.А. Барыкин, О.О. Гартох, И.Л. Кричевский, М.И. Шустер, Л.А. Зильбер, А.Д. Шеболдаева, Г.И. Сафронова. Почти все они погибли. Был арестован и погиб 73-летний академик-микробиолог Г.А. Надсон. Погиб директор Института океанографии и рыбного хозяйства К.А. Мехоношин, известный большевик и активный участник гражданской войны. На Колыме был избит до смерти охраной известный ботаник А.А. Михеев. Погибли биологи: И.Н. Филипьев, А.В. Знаменский, Н.Н. Троицкий и др.

Не избежали общей судьбы и ученые-медики. Погиб директор Центрального института по проблемам туберкулеза В.С. Хольцман. На Колыме за невыполнение плана по добыче золота был расстрелян знаменитый хирург К.Х. Кох. Конечно, далеко не все арестованные медики работали на золотых приис-

ках. Некоторые больницы на Колыме, Воркуте и на других крупных "островах" ГУЛАГа по числу именитых врачей не уступали лучшим больницам Москвы.

Тяжелые репрессии обрушились и на представителей технической интеллигенции. При этом в отличие от начала 30-х гг. органы НКВД наносили главный удар по наиболее видным представителям новой, советской интеллигенции, во всяком случае большинство арестованных были членами партии; их карьера сложилась уже после революции.

Была арестована, например, большая группа работников ЦАГИ во главе с одним из руководителей института Н.М. Харламовым. По клеветническим обвинениям были брошены в тюрьмы авиаконструкторы: А.Н. Туполев, В.М. Петляков, В.М. Мясищев, Д.Л. Томашевич, Р. Бартини, К. Сциллард, И.Г. Неман. Был арестован и расстрелян в 1938 г. авиаконструктор К. А. Калинин. Это был цвет советской авиационной мысли. Чтобы как-то продолжать производство новых самолетов, в рамках НКВД была создана специальная тюрьма — институт (ЦКБ-29), где, кроме перечисленных выше авиаконструкторов, работали и другие известные инженеры и конструкторы: В.Л. Александров, Б.С. Вахмистров, А.А. Енгибарян, А.М. Качкарян, Д.С. Марков, С.М. Марков, С.М. Меерсон, А.В. Надашкевич, А.И. Путилов, В.А. Чижевский, А.М. Черемухин. Из специалистов смежных дисциплин здесь были А.С. Файнштейн, Н.Н. Базенков, Б.А. Саукке, Н.Г. Нуров, А.Р. Бонин, Ю.В. Корнев, Г.А. Озеров, Ю.В. Калганов и др. Часть этих инженеров и ученых была освобождена в 1940—1942 гг. Другие были освобождены вскоре после войны. Но немало видных деятелей авиатехнической науки были реабилитированы посмертно лишь после XX съезда партии.

Были арестованы известные гидростроители: И. Тер-Аствацатрян, В. Чичинадзе; крупный специалист по мостостроению А. Джорджавадзе. Погибли в заключении многие ракетчики, в том числе руководители немногочисленной еще группы энтузиастов ракетного дела, создатели первых ракетных двигателей: директор Реактивного НИИ И.Т. Клейменов и его заместитель Г.Э. Лангемак, действительный изобретатель знаменитой "катюши". Был арестован и будущий Главный конструктор советских ракет будущий академик С.П. Королев. "Нашей стране вся ваша пиротехника и фейерверки не нужны и даже опасны", — заявил Королеву его следователь. Королев попал вначале на Колыму на общие работы и лишь позднее его перевели в ЦКБ-29. Он был освобожден только после войны, когда его "пиротехника" стала для страны крайне важной. Репрессии затронули и многих конструкторов — создателей оружия, чья работа была особенно необходима именно в предвоенные годы.

Погиб создатель многих новых видов оружия В.И. Бекаури, конструктор танков В.И. Заславский, создатель безоткатной пушки Л. Курчевский. Известно, что в СССР теоретические и практические работы по радиолокации были начаты раньше, чем в США и Англии. Однако в 1937 г. были арестованы создатель первых радиолокационных устройств П.К. Ощепков и руководитель работ в этой области Н. Смирнов, а также многие их сотрудники. В результате наша армия встретила Отечественную войну без некоторых важных типов радиолокаторов, которые пришлось закупать в Англии и США¹. Был арестован основатель общества межпланетных путешествий при Военно-воздушной инженерной академии М. Г. Лейтейзен.

Огромные кадровые потери понесли все отрасли промышленности. Погибли тысячи директоров, главных инженеров, ведущих специалистов заводов, комбинатов,строек, начальников железных дорог. Среди них были такие известные всей стране люди, как начальник Кузнецкстроя С.М. Франкфурт, руководитель строительства Днепрогэса В.М. Михайлов, директор ХТЗ И.П. Бондаренко, начальник строительства Магнитогорского комбината Чингиз Ильдырым, директор Соликамского треста В.Е. Цифринович, директор Запорожского металлургического комбината М. Лурье, директор Макеевского металлургического завода Г.В. Гвахария, директор Горьковского автозавода С.С. Дьяконов, директор Сталинградского тракторного завода В.И. Михайлов-Иванов, директор Кировского завода К.М. Отс, директор Ростсельмаша Н.П. Глебов-Авилев, директор Кузнецкого комбината К. И. Бутенко, директор Азовстали Я.С. Гугель, директор Краматорского металлургического завода Кирилкин, директор Сормовского автозавода М.М. Царевский, директор завода "Красное Сормово" М. А. Сурков, директор Харьковского тракторного завода П.И. Свистун, директора крупных химических предприятий П.Г. Арутюнянц, Л.Т. Стреж; начальники железных дорог: Г.К. Кавтарадзе, З.Я. Прокофьев, Л.Р. Милх. Было разгромлено руководство всех железных дорог. Трагической была судьба начальника Белорусской железной дороги Владимирского. Узнав об аресте своего друга Я. Лившица — заместителя наркома путей сообщения, Владимирский застрелил жену, старшего сына и застрелился сам. Его младший сын успел убежать.

В годы первой и второй пятилеток кадры руководителей промышленности были в основном стабильны. Так, например, в системе Наркомтяжпрома в 1935 г. были перемещены лишь шесть директоров и главных инженеров. В 1940 г. только по Управлению металлургической промышленности Наркомтяжпрома из 151 директора основных предприятий 62 работали

¹ См.: Ощепков П. К. Жизнь и мечта. М., 1965.

меньше года, 55 — от одного года до двух лет, из 140 главных инженеров 56 работали меньше года и т.п.¹. В 1935 г. журнал "Большевик" в № 18 с гордостью писал о кадрах Наркомтяжпрома: "Из 200 директоров крупнейших машиностроительных заводов, персонально учитываемых НКТП, 198 — члены партии, из них 11% с партстажем до 1927 г., 62% со стажем от 1917 до 1920 г. В своем подавляющем большинстве эти высшие руководители машиностроительной промышленности — пролетарии, лично испытывавшие труд шахтеров, станочников и т.д. А теперь они осуществляют руководство гигантами, стоящими на аванпостах мировой техники".

Но уже в 1939 г. большинство этих капитанов советской индустрии подверглись аресту, многие из них были расстреляны или умерли во время пыток, на этапах и в лагерях. Такой же была судьба руководящих кадров химической промышленности, электропромышленности, пищевой и легкой промышленности.

РЕПРЕССИИ СРЕДИ ДЕЯТЕЛЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Общей трагической участи не избежали во второй половине 30-х гг. представители литературы и искусства.

Многие надеялись, что ликвидация РАПП и некоторых других группировок и образование единого Союза писателей создаст новую атмосферу в культурной жизни страны и положит конец сектантско-догматическим ограничениям. Этим надеждам не суждено было сбыться. В условиях растущего бюрократического централизма и культа Сталина создание ССП, а затем и других творческих союзов позволило усилить контроль за работой деятелей культуры, усилить давление на их личность и творчество. Не ослабла, а приняла подчас новые, более жесткие формы борьба различных группировок за руководство всей культурой страны. Вспоминая 1935 г., Илья Эренбург писал: "На собраниях театральных работников поносили Таирова и Мейерхольда... Литературные критики вначале обличали Пастернака, Заболоцкого, Асеева, Кирсанова, Олешу, но, как говорят французы, аппетит приходит во время еды, и вскоре в "формалистических вывертах" оказались виновными Катаев, Федин, Леонов, Вс. Иванов, Лидин, Эренбург. Наконец, дошли до Тихонова, Бабеля, до Кукрыниксов. ...Киноработники взялись за Довженко и Эйзенштейна..."²

В 1936 г. начались первые репрессии среди писателей. "Вра-

¹ См.: "Вопросы истории КПСС", 1964, № 11, с. 72—73.

² "Новый мир", 1962, № 4, с. 60.

гами народа” и троцкистами были объявлены Б.А. Пильняк (с которым у Сталина были давние счеты) и молодая писательница Г. Серебрякова. “Был в нашей среде, — говорил на собрании московских писателей секретарь правления ССП В. Ставский, — и такой заклятый враг, как Серебрякова. Мы с ней встречались... и не распознали в ней врага. Мы исключили таких людей, как Серебрякова. Но кто поручится, что среди нас нет еще заклятых врагов рабочего класса?”¹

Никто, однако, не мог поручиться за писателей, и аресты среди них принимали все более широкий характер.

Трудно перечислить всех писателей, арестованных в 1936—1939 гг. Был арестован и погиб И.Э. Бабель. Умер в заключении Бруно Ясенский. Был арестован вторично в 1938 г. и умер от голода О. Мандельштам. Погибли писатели, драматурги, поэты, критики: Артем Веселый, В.И. Нарбут, С.М. Третьяков, А. Зорич, И.И. Катаев, И.М. Беспалов, Б.П. Корнилов, Г.К. Никифоров, Н.А. Клюев, В.П. Кин, А.И. Тарасов-Родионов, М.П. Лоскутов, Вольф Эрлих, Г.О. Куклин, М.П. Герасимов, П.К. Губер, В.Т. Кириллов, Н.Н. Зарудин, П.Н. Васильев, Г.Е. Горбачев, В.М. Киршон, Л.Л. Авербах, А.Я. Аросев. Были арестованы, но выжили, несмотря на тяжелые испытания А.К. Леbedенко, А. Костерин, А.С. Горелов, С.Д. Спасский, Н.А. Заболоцкий, И.М. Гронский, В.Т. Шаламов, Е.Я. Драбкина. Была арестована и около двух лет томилась в тюрьме О. Берггольц. Погиб выдающийся деятель советской литературы А. К. Воронский. Был арестован, но остался в живых крупный литературовед Ю.Г. Оксман.

В декабре 1938 г. после возвращения из Испании был арестован и расстрелян известный писатель и журналист Михаил Кольцов.

Большие потери понесли писательские организации в республиках. На Украине погибли И.К. Микитенко, Г.Д. Эпик, В.П. Бобинский, драматург М. Кулиш и др. В Белоруссии были арестованы поэты и писатели: Ю. Таубин, Платон Головач, Г. Гортный, В.И. Голубок. В Армении — Егише Чаренц и Аксель Бакунц. Были репрессированы, но остались в живых Герген Маари, Ваан Тотовенц, Ваграм Алазан, В. Норенц, Мкртыч Армен. В Грузии погиб Тициан Табидзе. После нескольких вызовов в НКВД застрелился крупнейший поэт Паоло Яшвили. Погибли писатели и критики: М. Джавахишвили, Н. Мицишвили, П. Кикодзе, Бенито Буачидзе. В Азербайджане были арестованы Т. Шахбазы, В. Хулуфлу, Р. Ахундов, Гусейн Джавид, Сеид Гусейн и др.

В Казахстане погибли основоположник казахской советской литературы Сакен Сейфулин, И. Джансугуров, В. Майлин и др.

¹ “Литературная газета”, 27 августа 1936 г.

Погибли деятели татарской советской культуры: Галимджан Ибрагимов, К. Тинчурин и др.

Столь же крупные потери понесла и молодая литература других автономных республик. Погибли зачинатели удмуртской литературы Дмитрий Корепанов-Кедра и Михаил Коновалов, первый черкесский прозаик Магомет Дышеков, первый нанайский писатель Б. Ходжера. Не вышли на свободу марийские литераторы Ипай Олык и И.Т. Чайван. Погибли первые бурятские писатели Ц. Дон и И. Дамбинов, первый чеченский писатель Саид Бадиев, башкирские писатели: А.Г. Амантай, С. Галимов, Г. Давлетшин, И. Насри, хакасский писатель В. Кобяков. В заключении окончилась жизнь родоначальника якутской литературы и председателя ЦИК Якутской АССР Платона Ойунского. Этот список жертв сталинского террора в литературе можно продолжить.

Был арестован, но остался в живых после 17-летнего заключения известный венгерский поэт Антал Гидаш.

Находясь в тюрьме, продолжал писать стихи Бруно Ясенский; одно из них ему удалось передать друзьям.

...Над миром бушует войны суховей,
Тревожа страну мою воем гнусавым,
Но мне, заключенному в каменный саван,
Не быть в этот миг средь ее сыновей...
Но я не корю тебя, Родина-мать,
Я знаю, что, только в сынах разуверюсь,
Могла ты поверить в подобную ересь
И песню мою, как шпагу сломать.
...Шагай, моя песня, в знаменном строю,
Не плачь, что так мало с тобой мы пожили.
Бесславлен наш жребий, но раньше ли, позже ли
Отчизна заметит ошибку свою¹.

Отчизна "заметила ошибку свою", но слишком поздно. Все перечисленные выше писатели были реабилитированы, но только через 18 лет после того, как Б. Ясенский написал в тюрьме эти строки. И почти все они были реабилитированы посмертно. С тех пор их книги не раз переиздавались, мы знаем их имена. Но никто не может издать тех книг, которые были задуманы этими людьми, большинству из которых не исполнилось и 40, а некоторым даже 30 лет. Даже архивы почти всех арестованных литераторов были не только изъяты после ареста, но и уничтожены после вынесения приговора. То же самое произошло с архивами и почти всех арестованных ученых.

¹ Ясенский Б. Слово о Якубе Шеле. Поэмы и стихотворения. М., 1962.

Волна репрессий прошла в 1937–1938 гг. и по всем другим творческим организациям. Так, например, была расстреляна Елена Соколовская, известная большевичка, руководившая в годы гражданской войны одесским подпольем. В середине 30-х гг. она работала художественным руководителем Мосфильма. В Ленинграде погиб талантливый киноработник А.И. Пиотровский, руководивший сценарным отделом Ленфильма. Был арестован известный кино- и фотодокументалист А.Ф. Дорн, создавший настоящую фотолетопись революции.

Особенно тяжелой потерей для нашего искусства была гибель В.Э. Мейерхольда, выдающегося режиссера, посвятившего свою жизнь созданию нового "созвучного эпохе" театра. Известно, что травля Мейерхольда началась уже давно, для чего был придуман термин "мейерхольдовщина". У него было немало противников и завистников в самой театральной среде. Но Мейерхольд отказывался признавать свои "ошибки". Он решительно выступал против догматического и узкого понимания реализма в искусстве и против "профилактического контроля" за деятельностью театров. "Нужно знать, — заявил он на одном из собраний, — что театр — это живое творческое дело, где кипит страсти. Нужно дать свободу нам, свободу"¹.

Мейерхольд получил, однако, не свободу, а пулю в затылок. В январе 1938 г. театр Мейерхольда был закрыт, а сам режиссер несколько позже арестован и убит после тяжелых и утонченных истязаний.

В 1956 г. после реабилитации Мейерхольда И.Г. Эренбург огласил на заседании Всероссийского театрального общества (ВТО) текст последнего слова Мейерхольда на закрытом суде НКВД. Мейерхольд держался мужественно перед своими "судьями" и отрекся от всех признаний, сделанных на следствии, так как они были вырваны в результате пыток. В заключение он просил, когда придут другие времена, показать текст этой его последней речи его детям. Но суд не назначил никакого нового расследования и приговорил Мейерхольда к расстрелу по обвинению в шпионаже в пользу... Японии и в сотрудничестве с царской охранкой.

Был репрессирован выдающийся украинский режиссер Лесь Курбас. Оказались в заключении театральные деятели и артисты Сандро Ахметелли, Игорь Терентьев, К. Эггерт, И. Правов, Л. Верпаховский, М. Рафальский, Наталья Сац, О. Щербинская, З. Смирнова, дирижер Е. Микеладзе. Был арестован также артист Алексей Дикой, но в 1941 г. он был освобожден и позднее играл роли Сталина. В исполнении А. Дикого Сталин был меньше похож на грузина и говорил без акцента. Сталину это больше нравилось, чем исполнение его ролей М. Геловани.

¹ "Литературная газета", 15 марта 1936 г.

Был арестован вернувшийся в СССР из-за границы известный художник В.И. Шухаев. Арестовали также ленинградского художника-портретиста Шарапова. Он был вызван в Москву и начал писать портрет "вождя". Но после двух сеансов работа была остановлена. Вероятно, Сталину не понравились наброски картины, на которых была ясно видна сухорукость Сталина, которую он тщательно скрывал всю жизнь.

В 1937—1938 гг. погибли редакторы большинства центральных, республиканских и областных газет: Г.Е. Цыпин ("Вечерняя Москва"), Д.В. Антошкин ("Рабочая Москва"), А. Болотников ("Литературная газета"), С.М. Закс ("Ленинградская правда"), Д. Брагинский ("Заря Востока"), Н.И. Смирнов ("Беднота"), Е.С. Кусильман ("Пролетарская правда"), С. Модонов ("Красный Крым"), А.В. Швер ("Тихоокеанская звезда") и многие другие. Вместе с ними были арестованы и сотни журналистов центральных и местных газет.

МАССОВЫЕ РЕПРЕССИИ СРЕДИ ВСЕХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ

Мы назвали выше лишь около тысячи наиболее известных имен. Но репрессии затронули и огромное число работников среднего и низшего звена и все слои населения.

В 1936—1939 гг. из партии было исключено более 1 млн. человек. В условиях того времени это почти всегда было связано с арестом. К этому числу нужно прибавить людей, исключенных из партии во время чисток 1933—1934 гг. Чистки затронули 1,1 млн. человек, и очень многие из них, если не большинство, через несколько лет были арестованы. Арестам подвергались и беспартийные, чаще всего родственники арестованных коммунистов, их друзья и сослуживцы. Этот характер "большого террора" конца 30-х гг., направленного главным образом против самой партии, был очевиден даже для большинства беспартийных, которые в те годы спали по ночам гораздо спокойнее, чем коммунисты. Особенно пострадали старейшие члены партии, что видно и по составу партийных съездов. На XVI и XVII съездах партии было около 80% делегатов, вступивших в партию до 1920 г. На XVIII съезде таких людей было только 19%. Но велики были потери и среди молодой партийной интеллигенции.

Большие потери понес и рабочий класс. На Электrozаводе в Москве, по свидетельству Л.М. Портнова, было репрессировано более тысячи рабочих и служащих. Очень много рабочих и служащих было арестовано на Кировском заводе в Ленинграде¹. Сотен людей недосчитал в эти годы и коллектив мос-

¹ "История Кировского завода". М., 1966, с. 535—542.

ковского Метростроя. Такое же избиение рабочих кадров проводилось и на тысячах других предприятий по всей стране. При этом органы НКВД арестовали почти всех рабочих и инженерно-технических работников, которые в конце 20-х — начале 30-х гг. проходили практику на американских и немецких заводах.

Тяжелый удар был нанесен и многострадальной советской деревне. А. И. Тодорский встречался в заключении с бывшим работником системы "Заготзерно" с Северного Кавказа, который рассказал, что в ночь, когда его взяли, был арестован почти весь районный актив — 200 человек. Е.С. Гинзбург писала в своих воспоминаниях о старой колхознице, которой объявили при аресте, что она "троцкистка". Не понимая смысла этого слова, старуха доказывала, что она не "трактористка" и что в их деревне старых людей на трактор не сажают. "В углу нашей камеры, — писал в неопубликованных воспоминаниях партийный работник из Белоруссии Я.И. Дробинский, — сидел старик колхозник. С каждой пайки он оставлял кусочек для сына, который был свидетелем обвинения. Здоровый крестьянский парень то ли не выдержал избиений и издевательств, то ли еще что-нибудь, но он показал, что отец уговаривал его убить председателя колхоза. Старик отрицал, совесть не позволяла лгать. Никакие пытки не могли его поколебать. На очную ставку с сыном он шел с твердым намерением отстаивать правду. Но когда он увидел измученного сына со следами побоев, в душе старика что-то сломалось и, обращаясь к следователю и сыну, он сказал: "Верно, подтверждаю, ты, Илюшка, не сомневайся. Все, что ты сказал, подтверждаю". И тут же подписал протокол очной ставки... Готовясь к встрече с сыном на суде, старик каждый день оставлял часть пайки, и когда его вызвали, то он, на какую-то секунду оторвавшись от конвоира, передал Илюшке паек. И тогда Илюшка не выдержал, упал перед стариком на колени и, разрывая на себе рубаху, вопя и стоная, кричал: "Простите, тата, простите, оговорил вас, простите". Старик что-то лепетал, гладил его по голове, по спине... Конвой смешался, растерялся. Даже выдавшие виды судьи трибунала были потрясены. Они отказались судить старика и его сына. Однако дело все же не было прекращено. Старик остался в тюрьме. Камерные специалисты полагали, что дело пошло на Особое совещание. Старик почти все время молчал, продолжая часть своей голодной пайки откладывать на "встречу" с Илюшей"¹.

И таких трагедий в те годы была не одна сотня тысяч.

Надо сказать и о волне более мелких "открытых" процессов, которые прошли в 1937—1939 гг. по стране. "Свой" процесс проводился почти в каждой республике, области, даже районе. Центральные газеты эти процессы не освещали,

¹ Из архива А. Т. Твардовского.

однако о них писала областная и районная печать. В местной печати сообщали и о закрытых процессах над местными работниками (обычно публиковали обвинительное заключение и приговор).

Так, например, во второй половине 1937 г. волна "открытых" процессов прокатилась по сотням районов и десяткам областей. В качестве подсудимых фигурировали колхозники и работники районного хозяйственного и партийного актива, которых обычно обвиняли во "вредительской", "антисоветской" и "правотроцкистской" деятельности. Вели эти процессы спецколлегии областного суда и областная прокуратура. Почти всегда среди подсудимых был секретарь райкома партии, председатель райисполкома, заведующий райзо, директор МТС, два-три председателя колхоза, старший агроном, иногда зоотехник или ветеринарный врач, несколько колхозников. Такие процессы организовывали прежде всего в тех районах, где показатели колхозного производства были ниже средних по области. Все недостатки работы колхозов и совхозов: запоздалый сбор урожая, плохая обработка земли, падеж скота, отсутствие кормов рассматривались как вредительская и контрреволюционная деятельность с целью вызвать недовольство колхозников и рабочих Советской властью.

Типичный в этом отношении процесс проходил в конце 1937 г. в Красногвардейском районе Ленинградской области. Спецколлегия областного суда с участием прокурора Б.П. Позерна судила секретаря райкома И.В. Васильева, председателя райисполкома А.И. Дмитриченко, директора МТС С.А. Семенова, старшего землеустроителя А.И. Портнова и некоторых других районных работников. Их обвиняли в развале колхозного производства "в целях вредительства", в задолженности местных колхозов государству, в крайне низкой оплате труда колхозников. Как утверждалось в обвинительном заключении, все это делалось для "реставрации капитализма в СССР". Секретарь райкома Васильев признал, что колхозы района находятся в тяжелом положении, однако решительно отрицал какое-либо сознательное вредительство или участие в антисоветской организации. Но другие подсудимые полностью "признались" в своей контрреволюционной деятельности. После речи прокурора был объявлен приговор: все подсудимые подлежали расстрелу.

Иногда устраивали "показательный" суд в столице союзной или автономной республики. Так, в Минске в Клубе пищевиков был проведен суд по делу "вредителей" из конторы "Заготзерно". В Орджоникидзе специальная сессия Верховного суда Северной Осетии судила за "вредительство" и создание "кулацкой повстанческой организации" тринадцать колхозников и колхозных активистов из села Даргавс. Шестеро подсу-

димых были приговорены к расстрелу¹. Аналогичные процессы прошли в Куйбышеве, Архангельске, Воронеже, Ярославле и других городах.

Во многих областях и союзных республиках проходили особые показательные процессы над "вредителями" — работниками торговли. Их обвиняли в умышленной организации перебоев в снабжении населения товарами, чтобы вызвать недовольство Советской властью. Особенно много судебных процессов проходило по поводу "вредительства" на железных дорогах. Так, например, в 1937 г. в г. Свободном выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР рассмотрела дело о "троцкистско-шпионской террористической деятельности" на Амурской железной дороге. По этому делу были приговорены к расстрелу 46 человек. До конца года в этом же городе состоялось еще три судебных процесса над железнодорожниками, на которых были приговорены к расстрелу соответственно 28, 60 и 24 человека. Аналогичные процессы выездная сессия Военной коллегии провела в Хабаровске и Владивостоке, где в общей сложности было расстреляно более 100 человек.

В некоторых областях обезумевшие сотрудники НКВД привлекали к ответственности за "контрреволюцию" и "террор" даже детей. Так, например, в городе Ленинске-Кузнецке органы НКВД арестовали 60 детей 10—12-летнего возраста, обвинив их в создании "контрреволюционной террористической группы". Детей восемь месяцев держали в городской тюрьме. Одновременно были заведены "дела" и проводились допросы еще 100 детей. Возмущение этим в городе было настолько велико, что после вмешательства областных организаций дети были выпущены на свободу и "реабилитированы", а сотрудников НКВД А.Т. Лунькова, А.М. Савкина, И.А. Белоусова и других привлекли к судебной ответственности².

Суровым репрессиям подверглись священники и исповедующие различные религии. Мы уже писали выше о гонениях на церковь в 20-е и в начале 30-х гг. В 1937—1938 гг. эти гонения возобновились с новой силой. Вновь стали закрывать или сносить церковные здания. Известно, что в Петрограде еще в начале 20-х гг. насчитывалось 96 действующих храмов, принадлежавших к различным течением православной церкви. Из них к концу 30-х гг. сохранилось всего 7. И такое же положение было во всех городах и областях страны. К началу войны оставалось не более 150 действующих храмов. Кроме того, имелось несколько сотен храмов на территориях Бессарабии, Западной Украины и Западной Белоруссии и в республиках Прибалтики. По имеющимся у нас данным, еще до начала "ежовщины" около

¹ См.: "История Северо-Осетинской АССР". Орджоникидзе, 1966.

² См.: "Советская Сибирь", 1939, № 39—45.

сотни архиереев и не менее тысячи рядовых священников находились в заключении. В 1936—1938 гг. были арестованы десятки православных и обновленческих архиереев и многие тысячи рядовых священников всех церквей. Арестовывали и тысячи верующих, главным образом из числа различных, но разрешенных законом сект (баптисты, адвентисты и др.). В числе жертв террора оказался и такой популярный среди населения религиозный деятель, как католикос Армении Хорен I Мурадбекян, убитый в 1937 г. в своей резиденции. В Грузии был арестован почти весь епископат — из двухсот епископов на свободе осталась только пятая часть епископов.

Огромного количества тюрем, построенных за столетия самодержавия, оказалось слишком мало для миллионов арестованных. Во многих районах спешно строили новые тюрьмы. Под них переоборудовали бывшие монастыри, церкви, гостиницы, даже бани и конюшни.

После Октябрьской революции многие царские тюрьмы были превращены в историко-революционные музеи. В камерах знаменитой Лефортовской тюрьмы были помещены восковые фигуры ее бывших узников. С началом массовых репрессий эти фигуры были выброшены, а камеры заполнили новые узники. Тюрьма была модернизирована и расширена. Небольшая тюрьма была построена даже в Кремле.

Еще быстрее, чем тюрьмы, по всей стране, но главным образом на Дальнем Востоке, в Сибири, в Казахстане, на Севере европейской части СССР создавали новые концентрационные лагеря.

В 1936—1938 гг. Сталин перекрыл все "рекорды" политического террора, известные истории. Десятки тысяч римлян погибли в годы правления римских тиранов от Суллы до Нерона. За все время существования инквизиции ее жертвами стали около 350 тыс. человек, из которых более 30 тыс. было сожжено живыми. За 100 лет преследований гугенотов во Франции католики уничтожили около 200 тыс. гугенотов, из них несколько тысяч в печально известную Варфоломеевскую ночь. Десятки тысяч жизней унесла опричнина Ивана Грозного. Страшными считались дни, когда в Москве казнили от 10 до 20 человек. В годы якобинского террора, по подсчетам историков, во Франции были отправлены на гильотину по приговору революционных трибуналов 17 тыс. человек и не менее 70 тыс. томилась в тюрьмах.

В XIX веке в России по политическим мотивам были казнены за столетие несколько десятков человек и не менее тысячи умерло в тюрьмах и на каторге. Десятки тысяч людей были расстреляны по приговорам военно-полевых судов после подавления революции 1905 г.

Неизмеримо большими были масштабы сталинского тер-

рора. Из источника, заслуживающего полного доверия, известно, что в 1936 г. по материалам НКВД было вынесено 1116 смертных приговоров. В 1937 г. было приговорено к расстрелу 353 680 человек. Данные о расстрелах за 1938 г. неизвестны, но мы вряд ли ошибемся, если будем говорить о 200—300 тыс. расстрелянных. Всего по политическим мотивам в эти три года было арестовано не менее 5 млн. человек. В 1937—1938 гг. расстрелы шли с такой интенсивностью, что только в Москве в некоторые дни расстреливали по приговорам судов и Особого совещания более тысячи человек. Только в Центральной тюрьме НКВД на Лубянке регистрировали за сутки до 200 расстрелов. Это были уже не ручейки, а реки крови советских людей. Ни один из тиранов и деспотов прошлого не подвергал преследованиям и не уничтожил такого большого числа своих соотечественников.

3

О РЕАБИЛИТАЦИЯХ И РЕПРЕССИЯХ 1939—1941 гг.

СМЕЩЕНИЕ ЕЖОВА И НАЗНАЧЕНИЕ БЕРИИ

Репрессии 1937—1938 гг. все заметнее сказывались на политических настроениях в стране и на ее экономике. Тюремь и лагеря были переполнены, и наличный состав НКВД не справлялся с допросами и охраной миллионов заключенных. Цели, которые ставил Сталин, развязывая террор, уже были достигнуты. Требовались перемены, чтобы закрепить полученные результаты, и Сталин, мастер политических громоотводов, понимал это.

Неожиданно ЦК ВКП (б) по предложению Сталина назначил для проверки деятельности НКВД специальную комиссию, в которую вошли, в частности, Л. Берия и Г. Маленков. При обсуждении этого вопроса на Политбюро Л. Каганович предложил назначить Л. Берия заместителем наркома внутренних дел, чтобы "облегчить ему доступ ко всем материалам НКВД". Предложение было принято.

Ни в самой стране, ни за ее пределами почти никто не обратил внимания на это назначение. Но для Ежова и его окружения это был тревожный сигнал. Берия перевел в Москву нескольких наиболее близких ему людей из Грузии, и в высшем аппарате НКВД были сделаны перемещения. В конце сентября, вечером, один из ближайших помощников Ежова И. И. Ильицкий выехал в лодке на середину Москвы-реки и, перегнувшись через борт, выстрелил себе в голову.

17 ноября 1938 г. ЦК ВКП (б) и СНК СССР приняли два секретных постановления: "1. Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия" и "2. О наборе честных людей для работы в органах". В этих постановлениях выдвигалась задача "упорядочить" работу карательных органов.

Еще в апреле 1938 г. Н. И. Ежов был назначен по совместительству народным комиссаром водного транспорта СССР. Это назначение не вызвало тогда никаких кривотолков. Вспоминали даже, что Ф. Э. Дзержинский был когда-то назначен по совместительству наркомом железнодорожного транспорта.

8 декабря на последних страницах центральных газет в разделе "Хроника" кратко сообщалось, что Н. И. Ежов освобо-

жден, согласно его просьбе, от обязанностей наркома внутренних дел с оставлением его наркомом водного транспорта. Вместо Ежова наркомом внутренних дел СССР назначен Л. П. Берия.

Сразу же после ухода Ежова началась новая волна арестов и смещений в органах НКВД. Были арестованы и расстреляны все заместители и ближайшие помощники Ежова, в том числе М. Фриновский и Л. Заковский, работавшие еще при Ягоде. Были арестованы "главный палач" Новосибирской области Мальцев, начальник Белорусского управления НКВД садист Берман, начальник Горьковского управления НКВД Лаврушин и все их заместители. Наряду с другими был арестован и вскоре расстрелян свояк Сталина С. Реденс, женатый на сестре Н. Аллилуевой. В 1937 г. Реденс, будучи начальником столичного управления НКВД, руководил массовыми репрессиями в Москве. Затем его назначили наркомом внутренних дел Казахстана, где он возглавил разгром партийного аппарата республики. Был уничтожен начальник НКВД Украины Успенский. Большинство начальников тюрем сами испробовали их режим. В Бутырскую тюрьму был ненадолго заточен ее начальник Попов, в Ярославской тюрьме сидел ее бывший начальник Вайншток. Все они вскоре были расстреляны, так же как и большинство начальников крупных лагерей и управлений ГУЛАГа. Как правило, эти люди занимали руководящие посты в НКВД недолго — от смещения Ягоды до смещения Ежова, и память бывших заключенных, с которыми я беседовал, плохо сохранила имена и фамилии этих представителей репрессивного аппарата.

О той панике, которая охватила сотрудников НКВД после смещения Ежова, свидетельствует эпизод с крупным работником этой организации Г. Люшковым. По свидетельству старых большевиков А. В. Снегова, М. П. Баторгина и П. И. Шабалкина, Люшков еще с конца 20-х гг. возглавлял в ОГПУ специальную группу по борьбе с троцкистами. В 1935 г. он вел следствие по делу Зиновьева и Евдокимова. В 1937 г. в качестве начальника Ростовского управления НКВД Люшков руководил истреблением кадров этой области. Затем его назначили начальником управления НКВД на Дальнем Востоке. Узнав о смещении Ежова, Люшков, в подчинении которого находились и все пограничные части, бежал в Маньчжурию, захватив валюту, документы и печати из сейфов НКВД. Он выдал командованию Квантунской армии дислокацию советских войск на Дальнем Востоке и "разоблачил" преступления Сталина, активным участником которых был сам.

Между тем Ежов еще несколько месяцев находился на свободе. 21 января 1939 г. он появился рядом со Сталиным в президиуме торжественного заседания в Большом театре по случаю 15-й годовщины со дня смерти Ленина. Как член ЦК ВКП (б), Ежов присутствовал на XVIII съезде партии и на пер-

вых заседаниях сидел в президиуме съезда. Однако в новом составе ЦК ВКП (б) мы уже не встречаем его фамилии. Не упоминалось о Ежове и в вышедшей вскоре стенограмме съезда.

Е. Г. Фельдман в конце 1938 и в первой половине 1939 г. исполнял обязанности первого секретаря Одесского обкома партии. Он был делегатом XVIII съезда и как руководитель областной организации вошел в сеньорен-конвент съезда, на котором по традиции определялся состав будущего ЦК. В своих неопубликованных воспоминаниях он описал заседание сеньорен-конвента:

“Когда съезд кончился, в Кремле, в одном из залов, собрался сеньорен-конвент. Перед ним за длинным столом, как на сцене сели А. А. Андреев, В. М. Молотов и Г. М. Маленков. В глубине, за их спинами, в углу, слева, если смотреть от членов сеньорен-конвента, уселся, попыхивая трубкой, Сталин. Андреев сказал, что съезд заканчивает работу, а потому надо предложить кандидатуры в подлежащий избранию ЦК. В первую очередь в список стали включать членов прежнего ЦК, естественно, кроме тех, кто выбыл. Дошла очередь до Ежова. “Какие мнения будут?” — спросил Андреев. После небольшого молчания кто-то сказал, что Ежов — сталинский нарком, его все знают и его надо оставить. “Возражений нет?” Все молчали. Тогда слово попросил Сталина. Он поднялся, подошел к столу и, все еще попыхивая трубкой, позвал:

— Ежов! Где ты там? А ну, подойди сюда!

Из задних рядов вышел и подошел к столу Ежов.

— Ну! Как ты о себе думаешь? — спросил Сталин. — Можешь ты быть членом ЦК?

Ежов побелел и срывающимся голосом ответил, что вся его жизнь отдана партии, Сталину, что он любит Сталина больше своей жизни и не знает за собой ничего, что могло быть причиной такого вопроса.

— Да? — иронически спросил Сталин. А кто такой был Фриновский? Ты Фриновского знал?

— Да, конечно, знал, — ответил Ежов. — Фриновский был моим заместителем. Он...

Сталин прервал Ежова и начал спрашивать, кто был Шапиро, кем была Рыжова (секретарь Ежова), кто такой Федоров и еще кто-то (к этому времени все эти люди были уже арестованы).

— Иосиф Виссарионович! Да ведь это я — я сам! — вскрыл их заговор, я пришел к Вам и доложил о том...

Сталин не дал ему продолжать.

— Да, да, да! Когда ты почувствовал, что тебя схватили за руку, так ты пришел, поспешил. А что до того? Заговор составлял? Сталина хотел убить? Руководящие работники НКВД готовили заговор, а ты как будто в стороне! — Ты думаешь, я ничего не вижу?! — продолжал Сталин. А ну-ка вспомни, кого

ты такого-то числа послал к Сталину дежурить? Кого? С револьверами? Зачем возле Сталина револьверы? Зачем? Сталина убить? А если бы я не заметил? А?!

Затем Сталин обвинил Ежова, что он развил слишком кипучую деятельность и арестовал много невиновных, а кого надо скрывал.

— Ну? Иди! Не знаю, товарищи, можно его оставлять членом ЦК? Я сомневаюсь. Конечно, подумайте... Как хотите,.. Но я сомневаюсь!

Ежова, конечно, единогласно из подготавливаемого списка вычеркнули, а он после перерыва в зал не вернулся и не был больше на съезде.

Однако и после этого Ежов был арестован не сразу. Он продолжал посещать Наркомат водного транспорта. Его поведение свидетельствовало о тяжелой депрессии или даже расстройстве психики. Присутствуя на коллегии наркомата, Ежов молчал, ни во что не вмешивался, иногда делал из бумаги "голубков", "самолетики", запускал их, потом подбирал, залезая даже под стол и стулья. И все это молча. Когда через несколько дней после съезда в зал коллегии вошли сотрудники НКВД, Ежов встал и почти с просветленным лицом произнес: "Как давно я этого ждал!" Он положил на стол оружие, и его увели.

В печати не было сообщений об аресте Ежова. Он просто исчез, и имя этого человека, который, по утверждению "Правды", был "любимцем народа", обладал "величайшей бдительностью, железной волей, тончайшим пролетарским чутьем, огромным организаторским талантом и недюжинным умом", больше никогда не упоминалось ни в одной газете.

Ежов был расстрелян не сразу. По его делу велось долгое следствие. Его не пришлось пытаться, так как он сразу же признал все выдвинутые против него обвинения и затем менял и исправлял их, покорно выполняя все требования следователей. Старый большевик П. И. Шабалкин, умерший в 1965 г., рассказывал мне о Ежове следующее:

"... Когда меня привезли из Соловков опять в Бутырскую тюрьму на переследствие, то я оказался в одной камере с Д. Булатовым, известным в ту пору партийным работником. Булатов отказывался давать показания и требовал, чтобы его допросил сам Ежов. Дело в том, что Булатова хорошо знал сам Сталин. За несколько лет до ареста Булатов и Ежов, заведя разными отделами ЦК, жили в правительственном доме в соседних квартирах и часто бывали в гостях друг у друга. Осенью 1938 г. Булатова в пятый раз вызвали на допрос. Неожиданно открылась потайная дверь в стене, и в кабинет следователя вошел Ежов. "Ну что, обратился он к следователю, — Булатов дает показания?" "Никак нет, товарищ генеральный комиссар", — ответил следователь. "Тогда всыпьте ему хорошенько", — про-

изнес Ежов и вышел в ту же дверь. После этого Булатова несколько раз били, но затем, казалось, забыли о нем. Однако через несколько месяцев, уже в 1939 г., Булатова снова вызвали на допрос, и он не возвращался в камеру больше суток. Вернувшись, он упал на койку и зарыдал. Только через два дня Булатов рассказал Шабалкину, что его повезли в какую-то другую тюрьму и ввели в кабинет следователя, где он увидел Ежова, теперь уже арестованного. Это была очная ставка. Монотонным и равнодушным голосом Ежов рассказывал, что он собирался устранить Сталина и захватить власть в стране и что Булатов был одним из членов их организации, которого они "для лучшей сохранности" решили держать в тюрьме. Булатов отрицал эту клевету, но Ежов настаивал на своей версии. Через несколько часов Ежова увели, а Булатова посадили в машину, отвезли в Лефортовскую тюрьму, заставили раздеться донага и отвели в подвал. Там он заметил еще одного голого человека, в котором узнал начальника одного из управлений НКВД. "Что с нами собираются делать?" — спросил Булатов. "Вероятно, расстреляют", — ответил недавний соратник Ежова, хорошо знавший о подобных делах. Вскоре, однако, Булатова вызвали наверх, дали одежду и снова отвезли в Бутырскую тюрьму. Булатов был убит позже, а еще раньше расстрелян Ежов".

По свидетельству Снегова, Ежов был расстрелян летом 1940 г.¹ Последние недели своей жизни он провел в Сухановской тюрьме НКВД под Москвой, где содержались "особо опасные" "враги народа". Среди других весной 1940 г. здесь находился микробиолог П. Ф. Здравовский. Следователь, который вел его дело, показывал ему в окно небольшую часовню, в которой, по словам следователя, содержится "сам" Н. И. Ежов. (В народе распространялись слухи, что Ежов сошел с ума и находится в доме для умалишенных. Возможно, эти слухи распространялись умышленно, так как, создавая видимость объяснения массовых репрессий, они служили политическим громоотводом и сеяли различного рода иллюзии.)

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЕ БЕРИИ

С декабря 1938 г. наркомом внутренних дел СССР стал Берия — достойный преемник Ежова. Берия никогда не был революционером. Свою страшную карьеру он начал в качестве незаметного инспектора жилотдела в аппарате Бакинского Совета. С самого начала в органы ВЧК, и это неоднократно признавал сам Дзержинский, попадало немало случайных людей и

¹ Из источника, которому я полностью доверяю, известно, что Ежов был расстрелян 10 июля 1940 г.

авантюристов. Одним из таких авантюристов был Багиров, оказавшийся в первые годы Советской власти руководителем Азербайджанской ЧК и позднее — до смерти Сталина возглавлявший партийную организацию Азербайджана. Багиров привлек Берия на работу в ЧК. Советская власть на Кавказе держалась в то время не слишком прочно, и нет ничего удивительного, что Берия или Багиров хотели застраховаться на случай перемен и поддерживали с этой целью какие-то связи с тайными службами азербайджанских националистов (мусаватистов) и грузинских меньшевиков. Эти сведения содержались в обвинительном заключении по делу Берии, когда он был арестован и предан суду Военной коллегии в 1953 г. Сам Берия не отрицал подобных связей, но утверждал, что они были установлены по заданию ЧК. Вопрос о подозрительных связях Берии поднимался и ранее. Еще в 1921 г. один из ближайших помощников Ф. Дзержинского, начальник особого отдела ОГПУ М. С. Кедров, проверяя работу Аз.ЧК, установил, что Берия, будучи заместителем председателя местного ЧК, освободил нескольких врагов Советской власти и осудил невинных людей. Заподозрив предательство, Кедров сообщил об этом в Москву Дзержинскому, предлагая, в частности, освободить Берию от работы в ЧК как не заслуживающего доверия. Однако это письмо по неизвестным причинам осталось без последствий¹. В 20-е гг. карьера Берии в органах ЧК—ОГПУ была весьма успешной. При поддержке Багирова Берия был выдвинут на должность председателя ГПУ Грузии, а затем и всей Закавказской Федерации.

До 1931 г. Сталин лично не был знаком с Берией. Но он, конечно, знал о нем так же, как знал и о неприязненных отношениях между партийным руководством Закавказья и Берией. Первый секретарь крайкома ЗСФСР Л. Картвелишвили не раз просил Москву убрать Берию из Тифлиса, но его просьбы оставались без ответа. Крайне резко отзывались о Берии С. М. Киров и Серго Орджоникидзе. Многие видные кавказские большевики и выходцы с Кавказа (С. Орджоникидзе, Г. Алиханов, А. Ханджян и др.) не подавали ему руки.

Личное знакомство Сталина с Берией произошло в 1931 г. Еще в конце 60-х гг. я записал рассказ А. В. Снегова, работавшего в 1930—1931 гг. на ответственной работе в аппарате Закрайкома, о некоторых событиях, связанных с выдвижением Берии. По словам Снегова, летом 1931 г. в Закрайкоме было получено специальное постановление Политбюро ЦК ВКП (б) об отдыхе и лечении Сталина. Организация отдыха была возложена на Закрайком. Вскоре было решено провести отдых и лечение Сталина в Цхалтубо. Охрана Сталина возлагалась на

¹ Викторов И. Подпольщик. Воин. Чекист (о М. Кедрове). М., 1963, с. 81—83.

Берию. Последний развил бурную деятельность. Он не только направил в Цхалтубо множество сотрудников ГПУ, но и сам в течение полутора месяцев возглавлял охрану Сталина. В эти недели, неоднократно беседуя с Берией, Сталин сумел увидеть в нем "нужного" человека.

Вернувшись в Москву, Сталин не забыл о Берии. Вскоре в Тифлисе (Тбилиси) было получено указание подготовить доклад Заккрайкома и трех закавказских республик на Политбюро ЦК ВКП (б). При этом не была указана тема доклада. В Москву выехали все члены бюро Заккрайкома и руководство республик. На заседании Политбюро председательствовал Каганович. Конечно, присутствовал и Сталин, причем он был явно не в духе. Первым докладывал Лаврентий Картвелишвили. Затем от ЦК Грузии сделал доклад Г. Давдариани, от ЦК Азербайджана — Вл. Полонский, от ЦК Армении — А. Ханджян. На заседании не было почему-то С. Орджоникидзе. Снегов спросил об этом своего соседа. "С какой стати Серго явится на коронацию Берии, — ответил тот, ведь он этого жулика знает давно".

После докладчиков из Закавказья выступил Сталин. Он произнес пространную речь, в которой говорил о национальной политике в Закавказье, о производстве здесь хлопка, нефти. Переходя к организационным делам, Сталин неожиданно предложил выдвинуть Берию вторым секретарем Заккрайкома, то есть ближайшим заместителем Картвелишвили. Многие были ошеломлены этим предложением, а Картвелишвили громко сказал: "Я с этим шарлатаном работать не буду". Не все, правда, поддержали Картвелишвили, и в частности Вл. Полонский, который из-за каких-то групповых интересов заигрывал тогда с Берией. Однако большинство членов Заккрайкома стали возражать против предложения Сталина, так как Берия пользовался плохой репутацией в партийной организации Грузии. Сталин был очень рассержен такой реакцией на его предложение. Он покраснел и гневно сказал: "Ну что ж, мы решим этот вопрос в рабочем порядке". Заседание закончилось.

Прямо с заседания многие члены бюро Заккрайкома направились на квартиру к Орджоникидзе. Он был в крайне угнетенном состоянии. Все стали спрашивать Серго, почему он соглашается на выдвижение Берии. Как же можно будет им вернуться в Тифлис? Серго пытался сменить тему разговора, а затем, не выдержав, сказал: "Я давно говорю Сталину, что Берия жулик, но Сталин меня не слушает, и его никто не может переубедить".

Уже на следующий день "в рабочем порядке" было принято решение о руководстве Заккрайкома. Л. Картвелишвили был направлен в Западную Сибирь вторым секретарем крайкома, А. И. Яковлев назначен директором треста "Востокзолото", Г. Давдариани был определен на учебу в ИКП, а А. В. Снегов

направлен на партийную работу в Иркутск.

Первым секретарем Закрайкома стал Мамия Орахелашвили, а вторым — Берия. Но уже через несколько месяцев Берия был избран первым секретарем ЦК Грузии, а вскоре и всей Закавказской Федерации. М. Орахелашвили назначили заместителем директора ИМЭЛ в Москве. Вскоре после перехода Берии на партийную работу в Грузии началась массовая замена партийных кадров. При этом 32 начальника районных управлений НКВД стали первыми секретарями райкомов партии.

Конфликтная ситуация в партийной организации Закавказья возродила слухи о темном прошлом Берии и его связях с мусаватистами. Согласно одним из них, во время турецкой оккупации Баку Берия работал в мусаватистской полиции (а не разведке) и предложил свои услуги подпольному комитету большевиков, поставив условием принятие его в партию. Вопрос был согласован с Микояном, и условие Берии выполнили. Бесспорно одно: Берия был груб, невежествен, жаден до плотских наслаждений, хитер и ловок. В среде партийной интеллигенции говорили, что он не читал ни одной книги "еще со времен Гутенберга", и все же его побаивались. Письма и сообщения о моральном разложении, грубости и даже преступлениях Берии поступали к Сталину от многих работников Закавказья. Но Сталин игнорировал их. Логика многих деспотов подсказывала ему, что чем более темным было прошлое Берии, тем более преданным *лично* ему (Сталину) будет этот человек в настоящем.

Нет никакого сомнения в том, что именно по совету Сталина несколько научных работников в Грузии начали в архивах срочные розыски материалов о раннем периоде революционной деятельности Сталина в Закавказье. Одновременно шла наукообразная фальсификация всей истории социал-демократической и большевистской организаций в Закавказье. При этом роль многих крупных марксистов и большевиков была принижена и незаслуженно преувеличена роль Сталина. На основании этой работы, которую вели вначале втайне даже от Тбилисского филиала ИМЭЛ, был составлен обширный доклад, который, несомненно, просмотрел Сталин. 21—22 июля 1935 г. этот доклад был зачитан на собрании Тбилисского партийного актива Л. Берией, а затем опубликован в "Правде" и в закавказских газетах. Вскоре он вышел в виде отдельной книги. Уже первое издание книги Берии "К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье" вызвало много протестов среди историков и известных большевиков, таких, как А. Енукидзе, Ф. Махарадзе, М. Орахелашвили и др. Они хорошо помнили те события, о которых говорилось в книге Берии. После того как в годы террора погибло большинство виднейших деятелей закавказ-

ского революционного движения, Берия в 1937 г. выпустил второе издание своей книги, в которой Сталин уже не только главное, но и почти единственное действующее лицо. Возвышению Берии не помешало даже открытое выступление на пленуме ЦК в 1937 г. Г. Каминского, который выдвинул против него ряд серьезных обвинений. Каминский напомнил также о весьма темных связях молодого Берии с мусаватистами. Каминский был в тот период человеком гораздо более известным в партии, чем Берия. Он занимал пост народного комиссара здравоохранения СССР. Однако до этого, в первые послеоктябрьские годы, Каминский возглавлял различные партийные организации в РСФСР, а в 1920 г., сразу же после восстановления Советской власти в Азербайджане, работал в течение двух лет секретарем ЦК КП (б) Азербайджана и председателем Бакинского Совета. Уже тогда между ним, с одной стороны, и руководителями АзЧК Багировым и Берией — с другой, возник острый конфликт, так как органы ЧК действовали не только в районах, но и в Баку часто без согласования с партийными органами. Этот конфликт закончился, однако, не в пользу Каминского. Хотя линия Каминского была признана правильной и не только руководитель Кавбюро С. Орджоникидзе, но и Ленин поддерживали его, он был возвращен на работу в РСФСР. Руководителем партийной организации Азербайджана стал С. М. Киров, которому Багиров и Берия должны были подчиниться.

Выступление Каминского против Берии в 1937 г. имело (а вернее, только ускорило) трагические последствия для Каминского, который был арестован и вскоре расстрелян. Берия хорошо запомнил всех, кто выступал против него еще в 20-х и в начале 30-х гг. И он сделал все, чтобы отомстить им в 1937—1938 гг. Некоторых кавказских работников, работавших в середине 30-х гг. уже в других районах страны, например Л. Картвелишвили, М. Орахелашвили, Е. Асрибекова и др., привозили в Грузию для "следствия" не только из Москвы, но даже с Дальнего Востока. Под непосредственным руководством Берии их подвергали особенно утонченным пыткам.

И вот теперь именно в руки Берии Сталин передал руководство карательными органами.

Следует отметить, что в 1938—1939 гг. в широких кругах партии Берию знали мало. Поэтому устранение Ежова и его назначение многими было воспринято с надеждой. И действительно, в первое время после назначения Берии массовые репрессии были приостановлены. Сотни тысяч новых дел и доносов были отложены в сторону. Продолжала работать комиссия по проверке деятельности НКВД, во главе которой теперь оказался А. А. Андреев. Он сам был активным участником репрессий 1937—1938 гг., и это обстоятельство было для Сталина главным при назначении его руководителем подобной комиссии.

О ЧАСТИЧНЫХ РЕАБИЛИТАЦИЯХ 1939—1941 гг.

Надеждам на скорую реабилитацию, которая возникла в 1939 г. у миллионов осужденных и их близких, не суждено было сбыться. Хотя на XVIII съезде партии немало говорилось о реабилитации невинно осужденных людей (особые надежды вызвало выступление А. А. Жданова), в действительности реабилитация была крайне ограниченной. Из каждой сотни осужденных освобождались не более двух человек. Впрочем, реабилитация и не могла быть массовой, ибо сотни тысяч людей были уже расстреляны и их реабилитация означала бы признание Сталиным своих преступлений.

В первую очередь "разгрузили" некоторые тюрьмы в Москве и на периферии. Были освобождены те арестованные, по делам которых еще не закончилось предварительное следствие.

В конце 1939 — начале 1940 г. были реабилитированы несколько тысяч командиров Красной Армии, что объяснялось крайним недостатком и некомпетентностью командных кадров, выявившимися во время советско-финляндской войны. Среди реабилитированных было немало будущих героев Отечественной войны — будущие Маршалы Советского Союза К. К. Рокоссовский и К. А. Мерецков, будущие генералы армии А. В. Горбатов и С. И. Богданов, будущий вице-адмирал Г. Н. Холостяков, будущий комиссар украинских партизан С. В. Руднев, герой ленинградской обороны Н. Ю. Озерянский и др. Был возвращен в партию и армию Л. Г. Петровский, младший сын Г. И. Петровского. Командуя корпусом, он погиб в августе 1941 г. Однако большая часть таких же способных командиров осталась в лагерях; я уже не говорю о тех, кто был расстрелян или умер от голода и непосильного труда. После гибели младшего сына Г. И. Петровский направил Сталину письмо, в котором просил освободить своего старшего сына П. Петровского и зятя С. А. Загера.

"В начале войны с фашистами, — говорилось в нем, — в ЦК на Ваше имя я послал письмо, в котором просил освободить из тюрьмы сына моего Петра, что в войне против фашистов, он, так же как Леонид, будет бесстрашно сражаться. Ответа я не получил... В борьбе против фашизма всякая патриотическая единица облегчит напряжение народа в войне. "Все дело в людях". Я все потерял, что было для меня близким или далеким, но лучше потерять в войне против фашистов, чем черт знает где. Еще раз обращаюсь в ЦК с просьбой освободить из тюрьмы Петра Петровского и Загера, дать им возможность на фронте или в тылу поработать для Красной Армии..."

Сталин не ответил на это письмо, а П. Петровский был расстрелян в 1942 г.

Была реабилитирована и небольшая группа ученых и кон-

структоров. Еще перед войной были освобождены физики А. И. Берг и Л. Ландау. В начале войны получили свободу А. Туполев, В. Петляков, В. Мясищев и некоторые другие конструкторы и инженеры. Напуганный опасностью эпидемий, Сталин разрешил освободить микробиолога П. Здрадовского, одного из лучших в стране специалистов по борьбе с эпидемиями. Был освобожден и микробиолог Л. А. Зильбер.

При реабилитации, по свидетельству А. В. Горбатова, от каждого недавнего "зека" требовали особого письменного обязательства не разглашать того, что он видел в тюрьмах и лагерях. И большинство реабилитированных соблюдали это требование. Конечно, были и исключения. Некоторые реабилитированные обращались с большими письмами к Сталину и в ЦК ВКП (б), рискуя снова оказаться в тюрьме. Необычный случай произошел в Москве в августе 1939 г. Бывший ответственный работник Наркомлеса Альбрехт, немец по национальности, арестованный в 1937 г., был освобожден в 1939 г. Во время пребывания в Москве Риббентропа Альбрехт вбежал в германское посольство и попросил Риббентропа о политическом убежище. Сталин в знак "дружбы" разрешил Риббентропу увезти Альбрехта в Германию. Здесь Альбрехт написал два книги: "Бутырская тюрьма. Камера 99" и "Революция, которую предали". По свидетельству Л. З. Копелева, во время войны служившего в подразделениях контрпропаганды, гитлеровская пропаганда широко использовала эти книги — они имелись в каждой немецкой роте.

Некоторые современные историки пытаются представить смещение Ежова и частичные реабилитации 1939—1941 гг. как политическое поражение Сталина. Так, например, историк Г. Т. Риттерспорн опубликовал во французском журнале "Либр" большую статью, в которой, опираясь на материалы "смоленских архивов"¹, пытается доказать, что во время "большой чистки" 1936—1938 гг. Сталин "не всегда был способен управлять ходом событий" и даже потерпел в этот период "политическое поражение". Как считают Риттерспорн, Сталин хотел "оздоровить" партийный аппарат, но столкнулся с сопротивлением кадров, не желавших оказаться мертвыми после чистки. Эта "глухая" война продолжалась до 1939 г. и, по мнению историка, закончилась на XVIII съезде партии, на котором Сталин был вынужден принять тезисы своих противников. Но хотя

¹ Во время Отечественной войны, несмотря на быстроту продвижения германских войск, все областные архивы, а также архивы БССР, УССР и Молдавии были вывезены или уничтожены. В руки немцев попал, как уже говорилось, архив Смоленской области, основные документы которого были опубликованы. Надо иметь в виду, что документы советских архивов и особенно НКВД часто не отражают, а фальсифицируют действительность.

Сталин и потерпел в политическом отношении поражение, он остался во главе партии¹.

Ход событий в годы "великого террора" не подтверждает тезисы Риттерспорна. Сталин добился того, чего он желал, и утвердил свое доминирующее положение в партии во всех отношениях. Ни о каком "поражении" Сталина в 1937—1938 гг. или на XVIII съезде партии не может быть и речи. Слабые попытки сопротивления сталинской диктатуре предпринимались не на XVIII, а на XVII съезде партии, но и тогда Сталину удалось сравнительно легко сломить это сопротивление, и ему всегда удавалось вести за собой большинство партии. Частичные реабилитации, начавшиеся в 1939 г., не были признаком какой-либо неудачи Сталина. Они были для него и НКВД лишь отвлекающим маневром. Сталин рассчитывал несколько успокоить общественное мнение, а также дать объяснение исчезновению Ежова. Кроме того, немногие реабилитации должны были, по мнению Сталина, подчеркнуть правильность и обоснованность основной части репрессий.

НОВЫЕ РЕПРЕССИИ В 1939—1941 гг.

Органы НКВД занимались в 1939—1941 гг. не только частичными реабилитациями или "чисткой" в своих собственных рядах. В эти же годы продолжались репрессии среди партийных и советских работников, военнослужащих и деятелей культуры. Правда, они никогда уже не принимали таких масштабов, как в 1937—1938 гг. Но, встав на путь беззаконий и террора, Сталин уже не мог ни остановиться, ни сойти с этого пути. Поэтому аресты и расстрелы сопутствовали Сталину до конца его жизни.

После смещения Ежова временно прекратилось исполнение уже вынесенных ранее смертных приговоров, и в переполненных камерах смертников появилась искра надежды. Однако вскоре в подвалах тюрем НКВД вновь возобновились расстрелы. Не были пересмотрены даже такие дела, в которых основанием для осуждения были обвинения в подготовке "террористических актов" против самого Ежова, а также против Блюхера, Постышева, Эйхе, Косиора, то есть против людей, которые были в свою очередь объявлены "врагами народа". Не были освобождены те украинские партийные работники, которых арестовали по показаниям второго секретаря ЦК Украины С. Кудрявцева, хотя именно эти показания А. Жданов приводил на XVIII съезде как пример клеветы.

Именно в 1939—1940 гг. были арестованы уже упомянутые нами ранее А. В. Косарев, Н. И. Вавилов, Г. К. Карпеченко, И. Э. Бабель, В. Э. Мейерхольд, В. Чопич и др. В 1941 г. был

¹ "Libre", 1978, № 4; "Libre", 1979, № 6; "Le Matin", 27 septembre 1979.

арестован поэт и драматург Даниил Хармс (Ювачев), который вскоре умер от голода в ленинградской тюрьме.

Погиб в эти годы старый большевик, активный участник гражданской войны и видный в прошлом работник ОГПУ М. С. Кедров. В 1939 г. он находился уже на пенсии. Один из его сыновей И. М. Кедров работал следователем в центральном аппарате Комиссариата внутренних дел. Он принимал участие в подготовке "открытых процессов" как при Ягоде, так и при Ежове. Когда после смещения Ежова люди Берии начали разгром центрального аппарата НКВД, отец и сын Кедровы написали Сталину ряд писем с разоблачением Берии. М. С. Кедров вспоминал при этом свою поездку в Азербайджан в 1921 г. Первым ответом на эти письма был арест и расстрел Игоря Кедрова. В апреле 1939 г. был арестован и М. С. Кедров.

На XX съезде КПСС Хрущев зачитал письмо Кедрова секретарю ЦК ВКП (б) А. А. Андрееву, который играл не последнюю роль в организованной Сталиным машине террора, но в прошлом он был другом Кедрова. К тому же Кедров был ветераном ЧК, и о его жестокости в годы гражданской войны на Севере России ходило много рассказов. "Из мрачной камеры Лефортовской тюрьмы, — писал Кедров, — взываю к Вам о помощи. Услышьте крик ужаса, не пройдите мимо, заступитесь, помогите уничтожить кошмар допросов, вскрыть ошибку... Я невинно страдаю. Поверьте. Время покажет. Я не агент-provocateur царской охранки, в чем меня обвиняют, основываясь на клеветнических заявлениях, не шпион, не член антисоветской организации. Я не запятанный ничем старый большевик, честно боровшийся 40 лет в рядах партии... Теперь мне, 62-летнему старику, следователи угрожают еще более тяжелыми, жестокими и унижительными мерами физического воздействия... Но пусть знает партия, что я невиновен и никакими мерами не удастся верного сына партии, преданного ей до гроба, превратить во врага... Всему, однако, есть предел. Я измотан вконец. Здоровье подорвано, силы и энергия иссякают, развязка приближается. Умереть в советской тюрьме с клеймом презренного предателя и изменника Родины — что может быть страшнее для честного человека. Какой ужас! ... Нет, нет. Это не случится, не должно случиться, кричу я. И партия, и Советское правительство не допустят свершиться такой жестокой, непоправимой несправедливости. Убежден, что при спокойном, беспристрастном расследовании, без отвратительной ругани, без злобы, без жутких издевательств необоснованность обвинения будет легко установлена. Я глубоко верю, что правда и справедливость восторжествуют. Я верю, верю".

Невиновность М. Кедрова по предъявленным ему обвинениям была настолько очевидной, что даже Военная коллегия Верховного суда полностью его оправдала. Но Берия запретил

освободить Кедрова из тюрьмы, и в октябре 1941 г., когда уже шла война, он был расстрелян. Новый приговор был оформлен задним числом — уже после расстрела.

В 1939 г. был арестован и погиб старейший деятель партии Ф. И. Голощекин, еще на Пражской конференции в 1912 г. избранный в ЦК РСДРП. В конце 30-х гг. он занимал пост Главного арбитра Совнаркома СССР.

Судьба таких во многом несходных между собой людей, как Кедров и Голощекин, которые, однако, оба принадлежали к первому поколению большевиков и занимали видное место в органах пролетарской власти в годы гражданской войны и в 20-е гг., побуждает нас вновь вернуться к разговору о моральной оценке сталинского террора конца 30-х гг.

В 70-е гг. из СССР эмигрировала Лидия Шатуновская, которая в разное время была женой двух ответственных работников, жила в годы террора в так называемом доме на набережной. Иногда вместе с мужем она бывала в гостях и у более ответственных деятелей, живших тогда в Кремле. Она издала на Западе книгу "Жизнь в Кремле" и несколько статей, где подлинные факты причудливо переплетаются со всякими слухами, а иногда и с прямым вымыслом.

В одной из своих статей Л. Шатуновская писала, выражая довольно широко распространенную среди представителей всех трех эмиграций точку зрения:

"Жалею ли я об участии старых большевиков, столь безжалостно истребленных Сталиным? Сочувствую ли я им? Многих из тех, кого я лично знала и кто в частной своей жизни был неплохим человеком, мне просто по-человечески жаль. Но когда я думаю о старых большевиках как о социальной группе, я не нахожу в своей душе ни жалости, ни сочувствия к ним. Конечно, никаких преступлений против партии и государства, в которых их обвиняли, они никогда не совершали и даже в помыслах не имели. Но была за ними другая, более страшная вина — они не только создали это государство, но и безоговорочно поддерживали его чудовищный аппарат бессудных расправ, угнетения, террора, пока этот аппарат не был направлен против них. Я не религиозна в обычном смысле этого слова, но есть в моей душе неистребимая вера в какую-то Высшую Справедливость, в то, что "воздастся коемуждо по заслугам его". ...И если можно вообще применять слово "справедливость" к делам советских органов госбезопасности, то, может быть, истребление старых большевиков было в каком-то смысле самой справедливой из всех совершенных ими несправедливостей. Старые большевики это чудовище создали, они от него и погибли".

Мы не скрывали в первых главах этой книги тех жестоких акций, за которые партия большевиков, несомненно, несет и моральную, и политическую ответственность. Но, следуя логи-

ке Л. Шатуновской, можно оправдать любую жестокость и обвинить не только большевиков. А разве десятки тысяч специалистов, которые были уничтожены в 1929—1932 гг., не помогали большевикам строить народное хозяйство, а еще раньше Красную Армию? А разве не меньшевики и эсеры, которые были фактически истреблены в нашей стране в годы гражданской войны и в начале 20-х гг., не подготовили условий для победы Октябрьской революции? По той же логике Солженицын бросает упрек миллионному офицерскому корпусу русской армии, который не поддержал в 1917 г. свергаемую монархию, да и самому монарху, который предпочел отречение отчаянной борьбе за сохранение престола, к чему призывала его императрица. Впрочем, Солженицын идет еще дальше в глубь веков и обвиняет даже Петра I, который не только "прорубил окно в Европу", но и открыл дверь "пагубным" западным влияниям и подчинил церковь светской власти. Подобная логика Л. Шатуновской и А. Солженицына не что иное как пресловутая "классовая логика" только с обратным знаком. С такой же безапелляционностью и большевистские публицисты могли писать, что отдельных помещиков и капиталистов "по-человечески жаль", но что оба эти класса поддерживали несправедливый социальный порядок в России и антинародное самодержавное государство и потому они должны быть истреблены "во имя высшей справедливости". А разве поголовное уничтожение богатых крестьян не объясняли также некой "высшей справедливостью"?

Мы не принадлежим к тем, кто видит "высшую справедливость" в истреблении старых большевиков. Они были революционерами, которые искренне стремились уничтожить несправедливости и пороки прежнего российского общества да и всего современного им мирового порядка. Результат получился отнюдь не таким, к какому они стремились; теория и практика социализма стали расходиться сразу же после победы революции. Благие намерения, как известно, не обеспечивают автоматически ни благих действий, ни благих результатов. Это проблема многих революций и многих поколений революционеров разных стран, а не повод позлорадствовать над судьбой старых большевиков или вообще всех революционеров и социалистов.

После отстранения М. М. Литвинова были проведены новые аресты среди дипломатов. Стал готовиться специальный судебный процесс по делу "врагов народа" в НКВД, но позднее он был отменен. Неудачи в первый период советско-финляндской войны вызвали немало новых арестов среди военных. Бесследно исчез, например, начальник штаба ЛВО Н. Е. Варфоломеев.

Многочисленные аресты были предприняты и среди военных, принимавших участие в гражданской войне в Испании. Еще в

1938 г. был вызван в Москву и расстрелян военный атташе в Испании В. Е. Горев — подлинный организатор обороны Мадрида. Всего за два дня до ареста Горева М. И. Калинин вручил ему орден Ленина. Был арестован и расстрелян крупный военачальник Г. М. Штерн, который вернулся из Испании, чтобы заменить Блюхера на посту командующего ОКДВА. Штерн был избран на XVIII съезде партии членом ЦК ВКП (б); он руководил в 1939 г. военными действиями на Халхин-Голе, но вскоре разделил судьбу Блюхера. Незадолго до войны была арестована еще одна большая группа военных, вернувшихся из Испании, главным образом летчиков. Среди них было 22 Героя Советского Союза и несколько дважды Героев Советского Союза, в том числе Я. В. Смушкевич и П. Рычагов, возглавившие после возвращения из Испании ВВС СССР, командир авиационной бригады П. М. Цумпура, а также Е. С. Птухин, И. И. Проскуров, Э. Шахт, Аржанухин и др. Перед самой Отечественной войной погиб А. Д. Локтионов, кандидат в члены ЦК ВКП (б), командующий Прибалтийским военным округом. Был арестован, но освобожден в первые месяцы войны нарком вооружений СССР, член ЦК ВКП (б) Б. Л. Ванников.

Большое количество арестов было произведено на территориях Бессарабии, Западной Украины и Белоруссии и в Прибалтике. Кроме руководителей фашистских и полуфашистских организаций и перешедших в подполье работников местных охранок, здесь репрессировали тысячи ни в чем не повинных людей, работников прежней администрации, членов различных политических группировок, представителей сельской и городской буржуазии. Проводилась преступная депортация сотен тысяч людей в восточные районы страны без предъявления им каких-либо конкретных обвинений. Так, например, из западных районов Украины и Белоруссии были депортированы на Восток не только взятые в плен Красной Армией более чем 200 тыс. солдат и офицеров разгромленной немцами польской армии, но и около одного миллиона проживавших здесь ранее поляков. В Прибалтике особенно массовые репрессии были проведены 13—14 июня 1941 г., то есть всего за неделю до нападения фашистской Германии на СССР. Как и следовало ожидать, эти карательные акции отнюдь не сделали советский тыл в Прибалтике более устойчивым, но, напротив, породили недовольство, протест и сопротивление, которые позволили германским войскам нанести быстрое поражение дивизиям Красной Армии в Прибалтике в июне и июле 1941 г.

Перед войной тюрьмы Львова, Кишинева, Риги, Таллинна, Вильнюса, Каунаса и многих других западных городов были переполнены. Не сумев в суматохе первых дней войны эвакуировать заключенных, органы НКВД явно с одобрения Берии и Сталина отдали приказ о расстреле узников тюрем. Тела

убитых не были убраны. Не удивительно, что фашистские оккупационные власти открыли тюрьмы и разрешили местным жителям приходить на территорию тюрем для опознания и организации похорон своих родственников. Этот варварский расстрел заключенных в советских тюрьмах, вызвавший взрыв негодования среди населения, был широко использован как фашистской, так и националистической пропагандой. В западных районах СССР было труднее вести партизанскую и подпольную борьбу, и именно здесь различные националистические группировки, сотрудничавшие с гитлеровцами, находили главную опору и кадры.

Нельзя пройти мимо некоторых формально неполитических репрессий предвоенных лет. Так, например, в конце июня 1940 г. был принят Закон об уголовной ответственности за прогулы и систематические опоздания на работу. Рабочих и служащих отдавали под суд за три опоздания хотя бы на несколько минут, а также за невыход на работу по неуважительной причине. Статистика по этому указу нам неизвестна, но известно, что число осужденных было огромно. Все этапы и тюрьмы в конце 1940 г. были забиты людьми, осужденными по данному указу. Многие из них не были освобождены до конца войны, хотя их сравнительно короткие сроки заключения давно прошли.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТКЛИКИ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ 1936—1938 гг.

Международные отклики на репрессии 1936—1938 гг. были различны, противоречивы и не составляли слишком большой проблемы для Сталина и НКВД. Несравнимые по масштабам репрессии во времена Брежнева вызывали гораздо больше беспокойства во всем мире, чем репрессии 30-х гг.

Разумеется, буржуазная печать, а также печать фашистских стран широко использовала известия о политическом терроре в СССР в целях антикоммунистической пропаганды. Однако никто не знал тогда подлинных масштабов этого террора, и основное внимание зарубежная печать сосредоточила на открытых политических процессах в Москве. Механизм и детали подготовки этих процессов были тогда неизвестны, однако западным наблюдателям (не говоря уже о тайных службах Запада, за агентов которых выдавались подсудимые) было нетрудно установить, что большинство показаний обвиняемых ложно.

Так, например, на первом "открытом" процессе подсудимый Э. Гольцман заявил, что в 1932 г. он ездил в Берлин, где встречался с сыном Троцкого Л. Седовым, а позднее и с самим Троцким, от которого получил основные директивы. Эти показания

были существенно важны для всей конструкции обвинения. На вопрос о месте встречи Гольцман ответил, что встреча состоялась в отеле "Бристоль" в Копенгагене. Но уже через несколько дней после окончания процесса датские газеты сообщили, что отель "Бристоль" был разрушен в Копенгагене еще в 1917 г. Эта информация обошла всю мировую печать. Сталин был разгневан, но подобные "ошибки" повторялись. На втором процессе Пятаков признался, что он в ночь на 25 декабря 1935 г., находясь в служебной командировке за границей, летал в Осло для встречи с находившимся в Норвегии Троцким. Но уже через 2 дня норвежские газеты сообщили, что на указанном Пятаковым аэродроме в декабре 1935 г. не приземлялся ни один иностранный самолет.

Сообщая о терроре в СССР, большинство буржуазных газет не высказывало сожаления или сочувствия его жертвам. Также и в эмигрантских газетах чувствовалось удовлетворение: коммунисты убивают в России других коммунистов.

Представители либеральной буржуазии, левой интеллигенции, социал-демократии и коммунистических партий были в растерянности. Они не могли понять, что происходит в Москве. Некоторые из них продолжали верить Сталину, другие сомневались, но молчали, третьи выступали с протестами.

Показательна позиция Лиона Фейхтвангера, приехавшего в СССР в начале 1937 г. и сразу же принятого и обласканного Сталиным. Побывав на процессе "параллельного центра", Фейхтвангер полностью поддержал все версии обвинения. "С процессом Зиновьева и Каменева, — писал он, — я ознакомился по печати и рассказам очевидцев. На процессе Пятакова и Радека я присутствовал лично. Во время первого процесса я находился в атмосфере Западной Европы, во время второго — в атмосфере Москвы, и это дало мне возможность особенно остро ощутить ту грандиозную разницу, которая существует между Советским Союзом и Западом. Некоторые из моих друзей... называют эти процессы трагикомичными, варварскими, не заслуживающими доверия, чудовищными как по форме, так и по содержанию. Целый ряд людей, принадлежавших ранее к друзьям Советского Союза, стали после этих процессов его противниками. Многих видевших в общественном строе Союза идеал социалистической гуманности, этот процесс просто поставил в тупик, им казалось, что пули, поразившие Зиновьева и Каменева, убили вместе с ними и новый мир. И мне тоже до тех пор, пока я находился в Европе, обвинения, предъявленные на процессе Зиновьева, казались не заслуживающими доверия. Мне казалось, что истерические признания обвиняемых добываются какими-то таинственными путями. Весь процесс представлялся мне какой-то театральной инсценировкой, поставленной с необычайно жутким, предельным искусством. Но когда

я присутствовал в Москве на втором процессе, когда я услышал Пятакова, Радека и их друзей, я почувствовал, что мои сомнения растворились, как соль в воде, под влиянием непосредственного впечатления от того, что говорили подсудимые и как они это говорили. Если все это было вымышлено или подстроено, то я не знаю, что тогда значит правда”.

Многие западные авторы и юристы спрашивали, почему обвиняемые на московских процессах не отпираются, а стараются превзойти друг друга в признаниях? Почему они не защищаются, как это обычно делают все обвиняемые, или хотя бы не приводят какие-либо смягчающие вину обстоятельства? Почему, если они верят Троцкому и его теориям, они не выступают открыто в защиту своего вождя? Лион Фейхтвангер попытался ответить и на эти вопросы. “Суд, перед которым развернулся процесс, — писал он, — можно рассматривать как некоторого рода партийный суд. Обвиняемые с юных лет принадлежали к партии, некоторые из них считались ее руководителями. Было бы ошибкой думать, что человек, привлеченный к партийному суду, мог бы вести себя так же, как человек перед обычным судом на Западе... Обвиняемый чувствует себя еще связанным с партией, поэтому не случайно процесс с самого начала носил чуждый иностранцам характер дискуссии. Судьи, прокурор, обвиняемые — и это не только казалось — были связаны между собой узами общей цели. Они были подобны инженерам, испытывавшим новую сложную машину. Некоторые из них что-то в этой машине испортили не со злости, а просто потому, что своенравно хотели испробовать на ней свои теории по улучшению этой машины. Их методы оказались неправильными, но им эта машина не менее, чем другим, близка сердцу, и потому они сообща с другими обсуждают свои ошибки. Их всех объединяет интерес к машине, любовь к ней. И это чувство и побуждает судей и обвиняемых так дружно сотрудничать друг с другом”.

Ошибочность фейхтвангеровской версии очевидна. Она не соответствует характеру обвинений и тяжести вынесенного приговора. Подсудимых обвиняли не в “ошибках” и “своенравности”, а в стремлении полностью разрушить советскую “машину” и реставрировать капитализм, их изображали злобными изменниками и шпионами, а не товарищами по партии. Фейхтвангер и сам чувствовал, что он не все понял в механике московских процессов, но тут же добавил, что он никоим образом не желал бы опорочить ведение процесса или его результаты. Он даже вспомнил в этой связи слова Сократа, который по поводу некоторых неясностей у Гераклита сказал: “То, что я понял, прекрасно. Из этого я заключаю, что остальное, чего я не понял, тоже прекрасно”.

Кощунственно называя “прекрасными” судебные процессы

и расстрелы в Москве, Фейхтвангер торопился выразить свое восхищение Сталиным, человеком "простым и полным добродушия", "хорошо понимающим юмор и не обижающимся на критику в свой адрес". Фейхтвангер отвергает соображения насчет деспотизма Сталина, испытывающего якобы радость от террора и обуреваемого чувствами неполноценности, властолюбия и жадной мести. Фейхтвангер связывает эти процессы с ...демократизацией советского общества, считая, что правительство СССР не хотело, чтобы троцкисты воспользовались этой демократизацией.

Конечно же, Сталин немедленно использовал книгу Фейхтвангера в своих целях. Она была быстро переведена на русский язык. Ее сдали в производство 23 ноября 1937 г., а подписали в печать уже 24 ноября. Книга была издана огромным тиражом, а ее автор получил не только большой гонорар за эту книгу, но и за свои романы, которые публиковались ранее. В то время мало кто из западных авторов получал гонорар за издание переводов своих книг в СССР.

Мучительно переживал репрессии 1936—1938 гг. друг Советского Союза Ромен Роллан. Свои мысли он доверял только дневнику: "...Это строй абсолютно бесконтрольного произвола, без малейшей гарантии, оставленной элементарным свободам, священным правам справедливости и человечности. Я чувствую, как поднимается во мне боль и возмущение. Я не мог бы высказать ни малейшего осуждения этого режима без того, чтобы бешеные враги во Франции и во всем мире не воспользовались моими словами как оружием, отравив его самой преступной злой волей".

Когда же Роллану приходилось говорить, он выступал в защиту СССР, видя в нашей стране заслон от опасности фашизма в Западной Европе.

Не сумел ничего понять в московских процессах и специальный послол президента США Ф. Рузвельта Джозеф Э. Дэвис. В своих секретных депешах государственному секретарю К. Хэллу, в письмах к дочери, в дневниковых записях этот дипломат, который лично присутствовал на двух московских процессах, неизменно утверждал, что подсудимые действительно виновны в измене и шпионаже и что процессы эти ни в коем случае не являются инсценировкой. По утверждению Дэвиса, такой же точки зрения придерживалось и большинство дипломатов, аккредитованных в Москве.

Многим сталинским версиям поверил даже такой осведомленный человек, как У. Черчилль. От также поверил, по крайней мере частично, той провокационной дезинформации, которую агентура НКВД распространяла по закрытым каналам, чтобы сбить с толку политических и общественных деятелей и общественное мнение западных стран. В первом томе мемуаров Черчил-

ля "Вторая мировая война" можно прочесть: "Через советское посольство в Праге проходила корреспонденция между важными лицами в России и германским правительством. Это была часть так называемого заговора военных и "старых большевиков" с целью свергнуть Сталина и установить новый режим, основанный на прогерманской политике. Президент Бенеш, не теряя времени, сообщил Сталину все, что смог узнать. За этим последовала беспощадная, но, может быть, не излишняя военная и политическая чистка и ряд процессов..., в которых Вышинский в качестве общественного обвинителя так мастерски играл свою роль. Хотя чрезвычайно неправдоподобно, чтобы "старая гвардия" коммунистов действовала сообща с военными вождями, они, несомненно, были полны зависти к Сталину, который их устранил. Поэтому могло быть удобным в то же время избавиться и от них, следуя принятым в тоталитарном государстве правилам поведения. Зиновьев, Бухарин, Радек и другие бывшие руководящие деятели революции, маршал Тухачевский и многие другие из высшего командного состава армии были расстреляны... Русская армия была очищена от ее прогерманских элементов дорогой ценой ослабления ее военной эффективности".

Мы видим из этого отрывка, что Черчилль скорее относится с пониманием к Сталину, чем с сочувствием к "устраненным" вождям партии и мифическим "прогерманским элементам в Красной Армии".

Конечно, многие из западных общественных и политических деятелей выступали против террора в СССР. Анализируя позицию этих людей, Р. Конквест писал в своей книге "Большой террор":

"Но стойкие принципиальные "левые" упорно сопротивлялись. Эдмунд Вильсон, ознакомившись с обвинениями против Зиновьева и Каменева, когда он был еще в Советском Союзе, сразу понял их лживость. В Соединенных Штатах адвокатом комиссии, возглавляемой 80-летним философом Джоном Дьюи, был Джон Финерти, который выступал защитником на процессах Муни и Сакко и Ванцетти. Наиболее сильным и действенным голосом Великобритании, разоблачившим лживость показательных процессов в СССР, была либеральная газета "Манчестер гардиан". Ту же позицию заняла и традиционная лейбористская партия и ее пресса: партия опубликовала брошюру Фредерика Адлера с откровенным и точным анализом событий. На крайнем "левом" фланге самым решительным противником сталинских судов был Эмрис Хьюз из шотландской "Форвард". В действительности некоторые группировки "левых" (не только троцкисты, непосредственно в этом заинтересованные) смотрели на вещи трезво. Но другие круги, несогласные с теорией коммунизма, приняли официальную сталинскую версию. В атмосфере

конца 30-х гг. врагом номер один был фашизм, и поэтому критика Советского Союза, являвшегося якобы главным противником фашизма, подавлялась...”

В смятении были такие видные и влиятельные западные писатели, как Герберт Уэллс и Андре Жид. Они не хотели поддерживать Сталина, но не хотели становиться и на сторону Троцкого. Долгое время не верил сообщениям о беззакониях в СССР крупный немецкий драматург Бертольт Брехт. Он с радостью встретил появление книги Л. Фейхтвангера о Москве и вначале принял все ее версии. Брехт писал Фейхтвангеру, что его книга — это самое лучшее, что написано на данную тему в западной литературе. Однако, когда в 1941 г. Брехт на короткое время приехал в СССР и узнал здесь о гибели многих знакомых ему антифашистов, об исчезновении его близких друзей, о расстреле своего учителя и друга писателя Третьякова, Брехт начал кое в чем сомневаться. Именно в эти месяцы Брехт написал стихотворение “Неужели народ безгрешен?”, в котором есть и такие строки:

Мой учитель Третьяков,
такой великий и такой сердечный,
расстрелян. Суд народа осудил его
как шпиона. Имя его предано проклятью.
Сожжены его книги. И говорить о нем страшно.
И умолкает шепот.
А если он невиновен?
Он виновен, сказали сыны народа.
Он виновен, повторили фабрики и заводы,
принадлежащие трудящимся, враг — согласилась
страна, самая героическая в мире.
И никто не сказал ни слова в его защиту.
А если он невиновен...
В руках предателя все доказательства невиновности,
У невинного — никаких доказательств.
Так, значит, молчать?
А если он невиновен?..
Быть может, из 50 брошенных в тюрьмы,
найдется хоть один невиновный?
А если, а если он невиновен?
А если он невиновен,
как вы посмели его расстрелять?

(Перевод Н. Горской)

Мы видим, что Брехт называет суд НКВД судом народа, а расстрел Третьякова только возможной ошибкой среди 50 верных решений. Так думали о своих друзьях многие.

Иногда западные друзья СССР обращались к Сталину, Калинину или Вышинскому с просьбой о разъяснениях. Вот одно из

таких писем, отправленное в СССР в июне 1938 г. тремя лауреатами Нобелевской премии — Ирэн и Фредериком Жолио-Кюри и Жаном Перреном:

“Подписавшие это письмо друзья Советского Союза считают своим долгом обратить Ваше внимание на следующие факты.

Заключение двух выдающихся зарубежных физиков — доктора Фридриха Хоутерманса, арестованного 1 декабря 1937 года в Москве, и Александра Вайсберга, арестованного 1 марта того же года в Харькове, вызвало большое беспокойство в кругах ученых в Европе и США. Хоутерманс и Вайсберг хорошо известны в этих кругах, и можно опасаться, что их длительное заключение даст новый повод к той политической кампании, которая в последнее время уже нанесла тяжелый ущерб престижу страны социализма и совместной работе СССР с великими демократиями Запада. Эти обстоятельства усугубляются тем, что те западные ученые, которые хорошо известны как друзья Советского Союза, которые защищали Советский Союз от нападок его врагов, до сих пор ничего не знают о судьбе Хоутерманса и Вайсберга... Это лишает нас возможности объяснить общественности наших стран подобного рода мероприятия”.

16 мая 1938 г. письмо Сталину направил Альберт Эйнштейн. Он протестовал против ареста многих знаменитых ученых, пользовавшихся среди своих коллег на Западе огромным уважением. Но Сталин не ответил на это письмо.

Газеты зарубежных компартий безоговорочно поддерживали тогда политику Сталина и просто повторяли то, что печатали “Правда” и “Известия”. Коммунисты говорили, что советский суд — это суд пролетарский, он не может не быть справедливым. Что касается слухов о пытках и истязаниях заключенных, то коммунистическая пресса всего мира отвергала их как злостную клевету. Активисты и рядовые члены компартий верили Сталину и руководству ВКП (б). “Марксисты в то время не могли поверить, — писал в 1956 г. американский коммунист Г. Мейер, — что Сталин способен отдать приказ об уничтожении невинных людей, ибо они не могли себе представить, чтобы сами они оказались способны на такие преступления. Мир воочию видел неопровержимые исторические завоевания социализма.., видел несомненную любовь и преданность большинства советских людей своему вождю... Сообщения о нарушении законности в Советском Союзе опровергались как антисоветские измышления”¹.

Но было немало сомневающихся и в рядах коммунистических партий. И. Майский, занимавший тогда пост посла СССР в

¹ Мейер Г. Доклад Хрущева и кризис левого движения в США. М., 1957, с. 10.

Англии, пишет в своих воспоминаниях: "Хорошо помню, как английские коммунисты, которых в те годы мне приходилось видеть, с горечью, почти с отчаянием задавали мне вопрос: "Что у вас происходит? Мы не можем поверить, чтобы столько старых, заслуженных, испытанных в боях членов партии вдруг оказались изменниками". И рассказывали, как события, происходящие в СССР, отталкивают рабочих от Советской страны, подрывают коммунистическое влияние среди пролетариата. То же самое происходило тогда во Франции, Скандинавии, Бельгии, Голландии и многих других странах"¹.

Определенное влияние на общественное мнение западных стран оказывали письма и заявления некоторых советских дипломатов и разведчиков, отказавшихся вернуться в СССР на верную гибель. В декабре 1937 г. европейские газеты опубликовали "Открытое письмо" В. Кривицкого, направленное им руководству Французской коммунистической партии и в бюро IV Интернационала. Кривицкий писал:

"В течение 18 лет я верой и правдой служил ВКП (б) и Советской власти, будучи глубоко убежден, что в то же время я служу делу Октябрьской революции и всего рабочего класса. Член ВКП (б) с 1919 г., я в течение многих лет принадлежал к высшему командному составу Красной Армии, был затем директором Института военной промышленности, а в последние два года выполнял специальные поручения за границей...

Последние годы я с возрастающей тревогой наблюдал за политикой Советского правительства... На московских процессах, особенно на тайных процессах, лучшие представители старой большевистской гвардии были выведены как "шпионы" и "агенты гестапо". Не только старики, но также все лучшее, что СССР имел в лице представителей октябрьского поколения и следующего за ним, — все, кто в огне гражданской войны, в голоде и холоде строили Советскую власть, ныне преданы на уничтожение. Сталин не остановился даже перед тем, чтобы обезглавить Красную Армию. Он велел прикончить лучших и наиболее талантливых военных... эта политика подрывает военное могущество СССР, его обороноспособность, его хозяйство, его научные достижения и все области советского строительства.

Долго я старался подавлять в себе чувство ужаса, отвращения и тревоги, убеждал себя, что я должен во что бы то ни стало продолжать военную работу, возложенную на меня. Мне пришлось сделать чрезвычайное усилие, чтобы порвать с Москвой и остаться за границей.

Оставаясь за границей, я надеюсь иметь возможность содействовать реабилитации этих десятков тысяч так называемых

¹ М а й с к и й И. Бернард Шоу и другие. М., 1967, с. 83.

"шпионов" и "агентов гестапо", которые в действительности были преданными борцами за дело рабочего класса...

Я знаю — и имею доказательство, — что за мою голову объявлена награда. Я знаю, что НКВД ни перед чем не остановится, чтобы убийством обеспечить мое молчание. Десятки людей, готовых на все, уже преследуют меня с этой целью. Считаю своим долгом революционного борца довести все это до сведения международного рабочего мнения¹.

В. Кривицкий (Вальтер). 5 декабря 1937 г."

Через несколько дней многие европейские газеты опубликовали аналогичное письмо бывшего посла СССР в Греции А. Г. Бармина, направленное им в Лигу прав человека. В этом письме говорилось:

"...19 лет я служил Советскому правительству. 19 лет состоял членом ВКП (б), боролся за советский режим и отдал все мои силы рабочему государству... Московские процессы привели меня в ужас и изумление. Я не мог примириться с казнью старых вождей революции... Сенсационные процессы явились подготовкой к массовому уничтожению кадров ВКП (б), то есть всех тех, которые вели подпольную работу, сделали революцию, провели гражданскую войну и обеспечили торжество первого рабочего государства. Сегодня их забрасывают грязью и предадут палачам!.. Остаться на службе у правительства Сталина значило бы для меня потерять всякое моральное право и принять на себя часть ответственности за преступления, ежедневно совершаемые против народа в моей стране. Это значило бы предать дело социализма, которому я посвятил всю свою жизнь..."

Особого внимания заслуживает выступление Ф. Ф. Раскольникова, посла СССР в Болгарии. Герой революции и гражданской войны, руководитель большевиков Кронштадта в 1917 г., командующий Балтийским флотом, писатель и публицист Ф. Ф. Раскольников в 30-е гг. находился на дипломатической работе. Он с тревогой наблюдал за репрессиями в СССР, но и за ним постоянно следили подосланные сначала Ежовым, а потом и Берией агенты НКВД. Он медлил вернуться в СССР по вызову Наркомата иностранных дел. Летом 1939 г. его сместили с поста посла СССР и объявили "врагом народа". В ответ Раскольников опубликовал заявление "Как меня сделали врагом народа". Через несколько месяцев он передал в печать "Открытое письмо Сталину", в котором говорилось: "Сталин, вы открыли новый этап в истории нашей революции, который

¹ Слова Кривицкого об охоте за ним не были преувеличением. Сталин приказал убить его. Опытный разведчик, Кривицкий несколько лет скрывался от агентов НКВД, успел опубликовать книгу в защиту уничтоженных Сталиным людей. Однако в феврале 1941 г. его нашли застреленным в номере вашигтонской гостиницы.

получит название "эпохи террора". Никто в Советском Союзе не чувствует себя в безопасности. Никто, ложась спать, не знает, удастся ли ему избежать ночного ареста. Никому нет пощады. Правый и виноватый, герой Октября и враг революции, старый большевик и беспартийный, колхозный крестьянин и полпред, народный комиссар и рабочий, интеллигент и маршал Советского Союза — все в равной степени подвержены ударам бича. Все кружатся в дьявольской кровавой карусели.

... С помощью грязных подлогов вы инсценировали судебные процессы, превосходящие вздорностью обвинения, знакомые вам по семинарским учебникам средневековые процессы ведьм.

... Над гробом Ленина вы принесли торжественную клятву выполнить его завещание и хранить, как зеницу ока, единство партии. Клятвопреступник! Вы нарушили и это завещание Ленина.

Вы оболгали, обесчестили и расстреляли многолетних соратников Ленина, невиновность которых вам была хорошо известна. Перед смертью вы заставили их каяться в преступлениях, которых они никогда не совершали, и мазать себя грязью с ног до головы.

... В лживой истории партии, написанной под вашим руководством, вы обокрали мертвых, убитых и опозоренных вами людей и присвоили себе их подвиги и заслуги.

... Накануне войны вы разрушаете Красную Армию, любовь и гордость страны, оплот ее мощи. Вы обезглавили Красную Армию и Красный Флот. Вы убили самых талантливых полководцев, воспитанных на опыте мировой и гражданской войны...

Вы истребили героев гражданской войны, которые преобразовали Красную Армию по последнему слову военной техники и сделали ее непобедимой.

... Под нажимом советского народа вы лицемерно воскрешаете культ исторических русских героев: Александра Невского, Дмитрия Донского, Михаила Кутузова, надеясь, что в будущей войне они вам помогут больше, чем наши казенные маршалы и генералы".

Это письмо было передано французскому агентству новостей в сентябре 1939 г., когда уже началась вторая мировая война. Оно было опубликовано поэтому лишь русской эмигрантской прессой. Не привлекла внимания общественности и неожиданная смерть Раскольниковова, который якобы кончил жизнь самоубийством в клинике на юге Франции. Обстоятельства гибели Раскольниковова не были должным образом расследованы, и можно предположить, что он был выслежен и убит агентами НКВД.

4

ПРОТИВОЗАКОННЫЕ МЕТОДЫ СЛЕДСТВИЯ И ЗАКЛЮЧЕНИЯ

ПЫТКИ И ИСТЯЗАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Аресты невинных людей лишь одно из звеньев сталинского террора. Целью его была не только изоляция или уничтожение неугодных. Надо было также сломить их волю, вынудить их к ложным признаниям в шпионаже и вредительстве, заставить их назвать себя "врагами народа". Но это невозможно было сделать при соблюдении законных методов и форм следствия. Поэтому Сталин санкционировал применение физических методов воздействия.

Кое-кто из бывших работников НКВД пытается, несмотря на свидетельства тысяч бывших заключенных, отрицать широкий характер применения при Сталине пыток и истязаний. "Со всей ответственностью заявляем, — писал в одной из имеющихся у меня записок весьма ответственный в прошлом работник НКВД, — что лишь отдельные морально неустойчивые и беспринципные чекисты доходили до применения физических пыток и истязаний, за что они были расстреляны в 1939 г. после ноябрьского (1938) письма Политбюро ЦК ВКП/б/ о перегибах в следствии".

Подобные заявления являются сознательным искажением истины. Пытки и истязания применялись органами НКВД не по собственной инициативе, а с одобрения и даже по требованию сталинского Политбюро. Разумеется, пытки и истязания не сразу, не в один день вошли в практику НКВД — это был постепенный, но последовательный процесс. Избиения заключенных, следственный "конвейер", лишение сна, пытки жарой и холодом, голодом и жаждой — все эти методы достаточно широко применялись в 1929—1931 гг. в отношении "вредителей", нэпманов при изъятии у них золота, а также в отношении других "классово чуждых элементов". Более "гуманно" обращались, однако, органы ГПУ — НКВД с арестованными коммунистами. До весны 1937 г. пытки и истязания применялись только к отдельным заключенным и лишь особо отобранными следователями, главным образом из верхушки НКВД. Так, при подготовке процес-

сов "троцкистско-зиновьевского" и "параллельного центра" следователям разрешалось использовать любые средства, чтобы сломить заключенных. Однако после февральско-мартовского пленума 1937 г. большинству следователей было предоставлено право применять по отношению к упорствующим "врагам народа" любые, даже самые изощренные методы физического и психического воздействия. Не были отменены пытки и истязания заключенных и в 1939 г., то есть после устранения Ежова.

Применение пыток — это одно из самых тяжелых преступлений Сталина и созданной им террористической машины.

Известно, что пытки широко применялись при "дознаниях" в России до середины XVIII в. Правда, и тогда понимали несовершенство пыток как метода следствия. Отсюда родилось правило — "доносчику первый кнут". Иначе говоря, вначале пытали доносчика, чтобы "проверить" донос. Играя роль просвещенной императрицы, Екатерина II подписала указ о "неделании в присутственных местах ни по каким делам, ни под каким видом, никому, никаких при допросах телесных наказаний для познания в действиях истины". Это запрещение выполнялось, однако, не слишком строго даже в императорской тайной канцелярии. Поэтому Александру I пришлось еще раз подтвердить специальным указом запрещение пыток: "Само название "пытка", — писал Александр, — стыд и укоризну человечеству наносящее, должно быть навсегда изглажено из памяти народной". Но и эти указы не слишком строго соблюдались в царской России. Масштабы пыток и телесных наказаний значительно сократились все же при Александре II после отмены крепостного права. Однако в годы гражданской войны пытки и истязания были возобновлены и применялись в самых широких масштабах главным образом в лагере противников революции. Карательные органы большевиков часто расстреливали своих узников, но очень редко прибегали к другим формам насилия.

Обратимся к традициям российского революционного движения, все направления которого с крайней нетерпимостью относились к каким бы то ни было видам физического мучительства. Этих убеждений придерживались также и террористы. После убийства Александра II один из членов исполнительного комитета "Народной воли" С.Л. Златопольский был заточен в Трубецкой рavelин Петропавловской крепости. Из своей одиночной камеры Златопольский сумел передать на волю большое письмо, которое распространялось потом в виде прокламации по всей стране. Описав тяжелейший режим, установленный в крепости для политических заключенных, Златопольский заканчивал свое предсмертное письмо словами:

"Друзья и братья! Из глубины нашей темницы, говоря с вами, вероятно, последний раз в жизни, мы шлем вам наш за-

вет: в день победы революции, которая есть торжество прогресса, пусть она не запятнает этого святого имени актами насилия и жестокости над побежденным врагом. О, если бы мы могли послужить жертвами искупления не только для создания свободы в России, но и для увеличения гуманности во всем остальном мире! Человечество должно отказаться от одиночного заключения, от насилия и истязания заключенных в каком бы то ни было виде, как оно отказалось от колеса, дыбы, костра и пр. Вам привет, родные, привет всему живому"¹.

Известно, что в начале XX в. телесные наказания или рукоприкладство в тюрьмах вызывали бурный протест всех заключенных — эсеров, анархистов, меньшевиков, большевиков. В знак протеста устраивали коллективные голодовки, известны даже случаи коллективных самоубийств. Не удивительно, что после победы революции совесть настоящего революционера не могла мириться с применением физических истязаний. Поэтому действия Сталина и покорных ему карательных органов были надругательством над памятью всех поколений русских революционеров.

Но дело не только в том, что пытки и истязания принципиально неприемлемы для социалистического государства. Нельзя не сказать и о том, что пытки и истязания — это и наиболее несовершенный метод следствия, который в большинстве случаев ведет не к выяснению, а к искажению истины, к оговору, к согласию обвиняемого дать любые показания, чтобы прекратить мучения. Это хорошо знали еще инквизиторы средних веков, добивавшиеся от узников показания о связях с дьяволом. Это понимают и разведки большинства стран. Английский контрразведчик О. Пинто писал в своей книге "Охота за шпионами": "Безусловно, телесные пытки способны сломать самого волевого и физически сильного человека... Зверские пытки могут заставить невинного "сознаться в преступлении", за которое полагается смертная казнь. В таких случаях человек считает, что быстрая смерть легче нечеловеческих страданий. Телесные пытки в конце концов заставят говорить любого человека, но не обязательно говорить правду".

Это-то как раз хорошо понимал Сталин и его подручные, вынуждая свои жертвы давать самые невероятные показания о своих мнимых преступлениях.

Известно, что даже святая инквизиция пыталась ввести какие-то ограничения в свою пыточную практику. Для НКВД никаких ограничений не существовало. Озверевшие следователи не только били, но и уродовали заключенных: им выкалывали глаза, вырывали ногти, прокалывали барабанные пере-

¹ Из архива Ю. В. Трифонова.

понки, ломали руки и ноги, жгли раскаленным железом, калечили половые органы.

По свидетельству Р.Г. Алихановой, известный партийный работник И. Хансуваров во время следствия 10 дней подряд простоял в воде. Жена С. Косиора рассказала Алихановой, что, не сумев сломить ее мужа пытками, палачи привели в комнату, где шло следствие, 16-летнюю дочь Косиора и изнасиловали ее на глазах отца. После этого Косиор подписал все "показания", а его дочь, выпущенная из тюрьмы, покончила с собой, бросившись под поезд. В Бутырской тюрьме бывали случаи, когда мужа подвергали истязаниям на глазах жены, а жену — на глазах мужа.

Кроме Лефортовской, одной из наиболее страшных тюрем была Сухановская. "Имейте в виду, — сказал следователь попавшему в эту тюрьму микробиологу П. Здравовскому, — у нас здесь позволено все". В этой тюрьме, почти все заключенные которой принадлежали еще недавно к "верхам" общества, первый допрос начинали часто с жестокой порки, чтобы сразу же унижить человека, сломить его волю. "Мне повезло, — рассказывал Здравовский, — по лицу меня били, но не пороли". Жену Папулии Орджоникидзе в Сухановской тюрьме засекли плетью до смерти.

По свидетельству А.В. Снегова, в пыточных камерах ленинградского НКВД заключенных сажали на цементный пол и накрывали ящиком, в котором с четырех сторон торчали гвозди. Вверху была решетка — через нее раз в сутки заключенных осматривал врач. Таким ящиком размером в кубометр накрывали небольшого роста А.В. Снегова и крупного П.Е. Дыбенко. Говорили, что этот метод заимствован у финской охраны. НКВД перенимал опыт пыток и у гестапо.

Вызывая заключенного на допрос, один полковник НКВД мочился в стакан и требовал, чтобы узник выпил мочу. И если тот не выполнял гнусного требования, то нередко погибал, не будучи даже допрошенным.

По свидетельству С. Газаряна, не добившись от Сосо Буачидзе, командира грузинской дивизии, нужных показаний, ему распорол живот и бросили умирающего в камеру. И в ту же камеру перед допросом посадили Давида Багратиони, одного из друзей Сосо. Зверским избиениям подвергали и самого Газаряна, в недавнем прошлом ответственного работника НКВД. О множестве подобных утонченных и страшных истязаний рассказывают в своих книгах А. Солженицын, В. Шаламов, Е. Гинзбург, Л. Копелев и многие другие. Приведем лишь отрывок из мемуаров белорусского партийного работника Я.И. Дробинского о методах следствия в Минской центральной тюрьме в 1938 г.:

"В десять его вновь провели через этот коридор, в эту ком-

нату — но какая разница! Днем это был тихий коридор, тихие кабинеты, в которых аккуратные, прилизанные люди листали папки. Вечером Андрей шел, как сквозь строй — крики истязаемых, площадная брань истязующих неслись из всех комнат. Где-то промелькнуло лежавшее на полу тело. Андрей увидел побагровевшее знакомое лицо. Это был Любович — старый большевик, заместитель председателя Совнаркома республики, председатель Госплана. Он был в первом правительстве, созданном Лениным в октябре 1917 г. Он вошел туда как зам. наркома связи Подбельского. Он был членом Малого Совнаркома, работал с Лениным. Сейчас он лежал на полу, его хлестали резиной, и он, старый шестидесятилетний человек, кричал: "Мама!" Мгновенье, но оно врезалось в память навсегда. Пыточная XX века. Его ввели в кабинет. Как и днем, их было двое — Довгаленко и спортсмен.

— Ну, — деловито спросил капитан, — передумали? — Андрей отрицательно мотнул головой.

— Сними гимнастерку.

Андрей не двигался. Резким движением молодой рванул ее сверху, гимнастерка треснула, оползла. "Эх, хоть раз ему дам". — Андрей рывком толкнул правый кулак к подбородку молодого и попал в воздух. В ту же секунду он получил два удара ладонью по рукам. Острая боль пронизала их, и руки повисли как плети. И сразу молодой сильными ударами раз, другой, третий в грудь. . . Андрей оперся о стену. Эти подошли к большой вешалке, вытащили две толстые палки и деловито начали работать. Они с двух сторон ритмично колотили по затылку, по ребрам, по спине. Стиснув зубы, Андрей кряхтел, главное — не кричать, не доставлять удовольствия этим. . . Боль была невыносимой, потом она тупела. Тогда они чем-то обливали, йодом, соленой водой или просто водой, и тогда боль становилась ужасающей, нестерпимой. Тело рвали зубами какие-то дикие звери, сотни псов грызли это бедное, измученное тело.

— Ну что, будешь писать?

Он не ответил. Чтобы ответить, надо было открыть рот, а тогда он начнет кричать. Кричать нельзя. Кричали из других комнат. "Убийцы, фашисты, — кричал молодой женский голос, — не смейте, не смейте! — Как вы смеете!" "Боже, — думал Андрей, — что они с ней делают"¹.

Следует сказать несколько слов о поведении людей, подвергшихся пыткам в застенках НКВД. Большинство из них не выдержало жестоких истязаний и подписало фальшивые протоколы следствия. Старый большевик С.П. Писарев свиде-

¹ Из архива А. Т. Твардовского. Андрей — это Дубинский, секретарь Могилевского горкома ВКП (б).

тельствует: "Только в двух тюрьмах — во внутренней на Лубянке и в Лефортовской — я подвергся 43 сеансам чудовищных издевательств с плевками в лицо и грязной матерщиной — сеансам под несвойственным им названиям "допросы". Из них 23 раза — сеансам физических пыток многих разновидностей из-за отказа себя оговорить. Немного было в то страшное время заключенных, которые были бы "удостоены" столь долгих и утомительных для палачей пыток. . . Всего в разных камерах четырех крупнейших московских тюрем моими сокамерниками в те годы оказались примерно четыре сотни таких же, как я, заключенных. Кроме двух человек, это были все коммунисты. Почти все были с солидным партстажем. Самым старым по партийному стажу был член партии с 1905 года, большевик латыш Ландау, многие годы возглавлявший в Москве Анилинтрест. Были профессора, командиры полков Красной Армии, много военачальников и политработников с фронтов Испании, литераторы, даже прокурор Субоцкий. И вот из всех этих заслуженных коммунистов всего четыре человека, сумели выдержать пытки и ни себя, никого другого не оговорили. Я был в числе этих четырех человек. Все ждали или расстрела, или отправки в лагерь. Большинство мечтало об отправке в лагерь как об избавлении от пыток и спасении от расстрела"¹.

Было бы ошибкой осуждать этих людей, деморализованных, сбитых с толку, не понимавших, что происходит в стране, — все это неизбежно ослабляло их волю к борьбе. Нельзя согласиться с генералом А.В. Горбатовым, который в мемуарах, опубликованных в 1964 г. журналом "Новый мир", возмущается не столько следователями, истязавшими узников, сколько узниками, не сумевшими выдержать эти истязания. Конечно, разные люди вели себя по-разному. Было немало людей, которые сразу же и без всякого сопротивления начинали давать любые показания, оговаривать десятки невиновных людей. Иногда, даже независимо от требования следователя, они писали доносы на своих знакомых и сослуживцев, требуя их ареста. Такие люди становились тайными осведомителями НКВД, "стукачами", и доносили на своих соседей по тюремной камере или по лагерному барaku. Другие заключенные после первых же допросов кончали жизнь самоубийством, они разбивали голову о стены камеры, об умывальник, кидались на охранников во время прогулок, бросались в пролеты лестниц, в окна, вскрывали себе вены. Третьи долго и упорно сопротивлялись, но все же не выдерживали пыток и ставили свою подпись под

¹ С. П. Писарев занимал различные должности в партийном аппарате (от райкома партии до ЦК партии). В 30–40-е гг. подвергался аресту четыре раза. После реабилитации примкнул в 60-е гг. к правозащитному движению и был исключен из партии. Писарев умер в конце 70-х гг. Многие свои заметки и письма в ЦК он передал мне.

фальшивыми протоколами. По свидетельству С.О. Газаряна, пятнадцать дней подряд пытали известного грузинского большевика Давида Багратиони — до тех пор, пока он не потерял контроль над собой и подписал все, что от него требовали. Несколько месяцев, по свидетельству И.П. Алексахина, не давал показаний о своей “вредительской” деятельности видный работник Наркомтяжпрома И.П. Павлуновский. Он выдержал все пытки. Но когда его бросили в карцер, полный воды и кишасший крысами, он не выдержал, стал стучать в дверь: “Варвары, что хотите, то пишите. . .” По свидетельству М.В. Острогорского, бывший нарком юстиции Н.В. Крыленко стал давать показания лишь после жестоких истязаний. Он потребовал несколько листов бумаги в камеру и здесь в присутствии других заключенных начал “создавать” свою контрреволюционную организацию. При этом он бормотал примерно следующее: “Иванова жалко, он хороший работник и человек, я его не буду записывать. А вот Петров — дрянь, его запишем. . .” Ленинградскому партработнику М.Р. Маеку предъявили показания Позерна, “сознавшегося” в том, что он создал в городе контрреволюционную организацию и завербовал туда и Маека. Не поверив, что Позерн, интеллигентный, честный человек, один из организаторов Красной Армии, мог подписать подобные показания, Маек потребовал очной ставки. Как рассказывал уже много лет спустя М.Р. Маек, в кабинет следователя вошел изможденный до предела старик, в котором он с трудом узнал Позерна. “Как же так, Борис Павлович, как же вы могли написать такую нелепость, что вы завербовали меня в антисоветскую организацию?” — спросил Маек. Но Позерн, глядя вниз, повторял: “Ничего, голубчик, завербовал, завербовал”. Все стало ясно.

Некоторые из подследственных подписывали любые показания, которые касались их лично, но отказывались наотрез оговаривать кого-либо из своих товарищей. «Не хочу врать, — писал в своих мемуарах М.Д. Байтальский, — будто вел себя на допросах героем и не подписывал никаких протоколов. Подписывал, если дело касалось меня одного или речь шла о заведомо известных вещах. А где следователь припутывал мне людей еще живых — там отрицал. Мне пришивали моего старшину — я не дался. Еще энергичнее навязывали Бориса Горбатова. Его я отстаивал — то есть от него открещивался, сколько было сил. И кажется, не без успеха: он умер в своей постели, а не в лагере, хотя следователь мне сказал: “Нам лауреаты до хрену, а твои воинские награды в той же цене. Тысячу раз будь хорош, а один раз не угоди — достаточно. Понял?”»¹.

И наконец, были такие, кто прошел через тяжелейшие испытания и не подписал фальшивых протоколов. Ничего не подписал

¹ Байтальский М. Д. Тетради для внуков. Г — копись.

С.П. Писарев, о котором была речь выше. Ничего не подписывал и Сурен Газарян и А.В. Горбатов. Самые изощренные истязания перенес Н.С. Кузнецов, но не оговорил ни себя, ни своих товарищей. В первый же "конвейер" он простоял восемь суток подряд перед следователями, на девятый день потерял сознание и упал, но ничего не подписал¹. Никаких ложных признаний не подписала и жена Нестора Лакобы, посмертно объявленного "врагом народа". Вскоре после неожиданной смерти Лакобы, отравленного на обеде у Бери, его жена, молодая и красивая женщина, которую молва считала грузинской княжной, была арестована и отправлена в тбилисскую тюрьму. По свидетельству Нуцы Гогоберидзе, находившейся в 1937 г. в одной камере с женой Лакобы, эту молчаливую и спокойную женщину ежевечерне уводили на "допрос", а утром, окровавленную и без сознания, втаскивали в камеру. Женщины плакали, требовали врача, приводили несчастную в чувство. Она рассказывала, что от нее требуют подписать фальшивку о том, как Лакоба "продал Абхазию Турции". Жена Нестора односложно отвечала: "Не буду клеветать на память своего мужа". Она устояла даже тогда, когда арестовали ее горячо любимого сына, 16-летнего школьника, избили и плачущего втолкнули в кабинет следователя во время одного из допросов. Сказали, что мальчика убьют, если мать не подпишет протокол (угрозу позднее выполнили). Однако протокол так и не был подписан. После одной из пыток она умерла в камере.

Стойко держались на следствии и руководители ЦК ВЛКСМ во главе с А. Косаревым. Этих молодых и сильных людей не удалось сломить, несмотря на самые жестокие истязания. По свидетельству В.Ф. Пикиной, именно стойкость Косарева и его соратников помешала НКВД организовать открытый "молодежный" судебный процесс.

Заслуживают осуждения малодушные, сразу же оговорившие себя и других добровольные доносчики. Восхищает мужество таких, как Писарев, Газарян, Кузнецов, жена Лакобы, Косарев, Горбатов. Они проявили стойкость в условиях, куда более трудных, чем условия войны или плена.

Но нет у нас права осуждать и тех, кто, как Павлуновский или Багратиони, изнемог в неравной борьбе. И потому нельзя согласиться с утверждением Горбатова, что эти люди "вводили в заблуждение следствие", когда подписывали фальшивые протоколы.

Оказавшись в одной камере с другом, оговорившим его на "следствии", Н. Кузнецов подошел к товарищу и обнял

¹ Перед арестом Н. С. Кузнецов — первый секретарь Северо-Казахстанского обкома партии. Свои мемуары он передал К. М. Симонову, который и познакомил меня с ними.

его. И так же поступил С. Газарян, когда встретил своего знакомого, давшего ложные показания по его делу. Иначе думал о товарищах по несчастью Горбатов. "Своими ложными показаниями, — заявил он, — вы уже совершили тяжелое преступление, за которое вас держат в тюрьме". Это неверная позиция.

В 1965 г. умер партийный работник и философ П.И. Шабалкин, который дважды проходил в сталинские годы через суд и следствие и около 20 лет провел в тюрьмах и лагерях. На втором следствии, не выдержав пыток, он подписал фальсифицированные протоколы. В лагере он более десяти лет заведовал столовой, а это предполагает значительную степень сотрудничества с лагерной администрацией. Он успокаивал свою совесть тем, что не давал никаких привилегий блатным и подкармливал некоторых политических. Перед смертью Шабалкин познакомил меня со своим дневником, в котором я нашел следующую запись: "Почему так много людей, преданных революции и готовых умереть за нее, — людей, которые прошли через царские тюрьмы и ссылки и не раз смотрели в глаза смерти, почему столь многие из этих людей сдались на следствии и подписали фальшивые протоколы, "признавшись" во всякого рода преступлениях, которых они никогда не совершали? Причина этих "признаний" и "самооклеветания" заключается в следующем:

1) Сразу же после ареста начинается активная обработка арестованного. Сначала словесная обработка с соблюдением некоторой доли вежливости, потом крик и ругань, унижения и оскорбления, плевки в лицо, легкие удары, издевательства. "Ты сволочь", "Ты подлец", "Ты предатель и шпион", "Ты настоящая дрянь" и т.д. и т.п. Человека унижают до беспредельности, ему внушают, что он ничтожество.

Так идет день за днем, ночь за ночью. Устраивается так называемый "конвейер". Меня, например, держали на "конвейере" восемь суток. Не давали спать. . . "Конвейер" — страшная пытка. А в это же время тебя пинают, оскорбляют; если сопротивляешься, бьют. Задача "конвейера" — морально сломить человека, превратить его в тряпку.

Но если вы выдержали "конвейер" и не "раскололись", тогда следует физическая пытка. Измученного человека доводят до состояния, когда ему все становится безразличным и он склонен принять все, что ему внушают.

- Ты подлец.
- Да, подлец.
- Ты предатель.
- Да, предатель.
- Ты был провокатором.
- Да, я был провокатором.

— Ты хотел убить Сталина.

— Да, я хотел убить Сталина.

И т.д.

В это время арестованному подсовывают версии, сочиненные следователем, и арестованный безропотно их принимает. Следователи торопятся закрепить достигнутый успех. Оформляются первые протоколы или "собственноручные показания".

2) Следующий этап — это этап закрепления полученных "достижений". Арестованного начинают кормить прилично. Дают ему папиросы, передачи от родных, разрешают даже чтение газет и книг. Но работа над несчастным продолжается. Ему внушают, что теперь поворот невозможен, что спасти себя он может только "чистосердечным раскаянием", что он сам должен теперь думать над тем, что еще может он сообщить следствию. Заключение снабжают бумагой, чернилами, чтобы он писал "показания" в камере, подсказывают ему тему и контролируют работу.

У жертв обработки нередко возникают колебания. В НКВД придумали, однако, тысячи способов подавления этих колебаний. Заключение устраивают очные ставки с такими же, как он, несчастными людьми. Происходит "взаимовлияние". Применяются дополнительные методы физического воздействия. Заключение вызывают к "прокурору", который оказывается переодетым следователем. Устраивают провокационные заседания "суда" и т.д.

3) Если подследственный должен предстать перед судом (абсолютное большинство заключенных осуждалось заочно различными "тройками", Особым совещанием и т.п.), то с ним проводится дополнительная работа, своеобразная репетиция суда. Тут все — и угрозы, и внушения, и "серьезные разговоры": "Имей в виду, не просто расстреляем, а будем мучить, раздирать по частям" и т.д. Многим внушается мысль, что никакого расстрела не будет, что это только для печати, а в действительности все остаются живыми и невредимыми. Для примера показывают живых "расстрелянных" (потом этих людей все равно расстреляют, а пока используют для обмана живых). Во время суда палачи и истязатели тут же, перед носом заключенного. Они — живое напоминание о том, что будет в случае колебаний...

4) Следствием была разработана очень сложная система "индивидуального подхода" к подследственному. Его предварительно изучают через камерных стукачей, через систему коротких вызовов к следователю (если он сидит в одиночке). Обработка идет в камере, в кабинете следователя. Одного берут на испуг, другого — на уговоры, третьего — на посулы, к четвертому применяют сочетание разных методов. Но главное — заключение лишают сразу всякой возможности защищаться.

5) И все же главная причина того, что люди, сильные волей, не раз смотревшие в глаза смерти, нередко ломались на следствии, соглашались на чудовищный самоговор, состояла в страшной жестокости следствия. Все дело было в том, что эти люди неожиданно были лишены почвы, на которой они выросли. Тут человек напоминает растение, выдернутое из земли и брошенное на произвол ветров и непогоды, лишенное питания, влаги и солнца. Идеалы разбиты. Врагов классовых перед тобой как будто нет. Народ, советский народ, настроен враждебно. Ты — “враг народа”. Опереться не на что. Человек летит в пропасть и не понимает причины. Почему? За что?..

Разумеется, было немало людей, которые сдавались без боя. Атмосфера внутритюремно-следственного террора создавала соответствующие безнадежные настроения. Многие “свеженькие” заключенные сразу же подписывали все, что им подсовывали, считая, что сопротивление бесполезно и защита невозможна. При этом возникало новое явление в следственной практике, когда стороны мирно договаривались и о “преступлениях”, и о “мере наказания”. Очень многие военные поражали меня подобной “мягкостью”. Они говорили: “Нет, бить себя я не позволю. Если не нужен им — пусть расстреливают. Подпишу все, что они хотят”. И делали это без всякой борьбы, без сопротивления. И это тоже был своеобразный протест против произвола”.

КОМЕДИЯ СУДА. ТЮРЬМЫ И ЭТАПЫ

Хотя большинство политических заключенных осуждалось заочно различными “тройками”, Особыми совещаниями, порой все же состоялись суды, но суды “особые”, без зрителей, без прокурора и без защитников. Продолжался такой суд, даже по сложным делам, как правило, не больше 5—10 минут. Над А. Косаревым суд шел 15 минут — это было редкое исключение. Вот как описывает А.В. Горбатов суд Военной коллегии:

“В небольшом зале за столом сидели трое. У председателя, сидящего посредине, я заметил на рукаве черного мундира широкую золотую нашивку. “Капитан 1-го ранга”, — подумал я. Радостное настроение меня не покидало, ибо я только того и хотел, чтобы в моем деле разобрался суд.

Суд длился четыре-пять минут. Были сверены моя фамилия, имя, отчество, год и место рождения. Потом председатель спросил:

— Почему вы не сознались на следствии в своих преступлениях?

— Я не совершал преступлений, мне не в чем сознаваться, — ответил я.

— Почему же на тебя показывают десять человек, уже осужденных? — спросил председатель.

У меня в тот момент было настолько хорошее настроение, и я был так уверен, что меня освободят, что я ответил в свободной форме, в чем впоследствии горько раскаивался. Я сказал:

— Читал я одну из книг Виктора Гюго. Там сказано, что в шестнадцатом веке на Британских островах привлекли к ответственности одиннадцать человек за связь с дьяволом. Десять в этой связи сознались — правда, после пыток, а одиннадцатый не сознался. Тогда король Яков приказал этого одиннадцатого сварить в котле живьем, чтобы по навару доказать, что он, бедняга, имел связь с дьяволом. По-видимому, те десять, которые сознавались и показывали на меня, испытали то же, что испытали те десять англичан, но не захотели испытать то, что суждено было одиннадцатому.

Судьи, усмехнувшись, переглянулись между собой, а председатель — кажется, Никитченко по фамилии — спросил сидящих рядом:

— Как, все ясно?

Те кивнули головой.

Меня вывели в коридор. Прошло минуты две. Меня снова ввели в зал и объявили приговор: пятнадцать лет заключения в тюрьме и лагере плюс пять лет поражения в правах.

Это было столь неожиданно, что я, где стоял, там и опустился на пол¹.

Такое же описание суда находим мы и в мемуарах Е.С. Гинзбург "Крутой маршрут":

"И вот пришел мой час. За столом — Военная коллегия Верховного суда. Трое военных. Сбоку секретарь. Перед ними — я. По сторонам от меня два конвоира. В такой обстановке "широкой гласности" начинается "судебное следствие".

... Семь минут! Вся трагикомедия длится ровно семь минут, не больше и не меньше. Голос председателя суда наркомюста РСФСР Дмитриева похож на выражение его глаз. . . Здесь нет и тени того азарта, который вкладывали в свои упражнения мои следователи. Судьи только служат. Отрабатывают зарплату. Вероятно, и норму имеют. И борются за перевыполнение.

— С обвинительным заключением знакомы? — невыносимо скучным голосом спрашивает меня председатель суда. — Виновной себя признаете? Нет? Но вот свидетели же показывают. . .

Он перелистывает страницы пухлого "дела" и цедит сквозь зубы:

— Вот, например, свидетель Козлов. . .

— Козлова. Это женщина, притом подлая женщина.

— Да, Козлова. Или вот свидетель Дьяченко. . .

¹ "Новый мир", 1964, № 4, с. 122.

— Дьяконов. . .

— Да. Вот они утверждают. . .

Что именно они утверждают, председатель суда узнать не удосужился. Прерывая сам себя, он снова обращается ко мне:

— К суду у вас вопросов нет?

— Есть. Мне предъявлен пункт 8-й 58-й статьи. Это обвинение в терроре. Я прошу назвать мне фамилию того политического деятеля, на которого я, по вашему мнению, покушалась.

Судьи некоторое время молчат, удивленные нелепой постановкой вопроса. Они укоризненно глядят на любопытную женщину, задерживающую их "работу". Затем тот, что убелен сединами, мямлит:

— Вы ведь знаете, что в Ленинграде был убит товарищ Киров?

— Да, но ведь его убила не я, а некто Николаев. Кроме того, я никогда не жила в Ленинграде. Это, кажется, называется "алиби"?

— Вы что, юрист? — уже раздраженно бросает седой.

— Нет, педагог.

— Что же вы казуистикой-то занимаетесь. Не жили в Ленинграде! . . Убили ваши единомышленники. Значит, и вы несете за это моральную и уголовную ответственность.

— Суд удаляется на совещание, — бурчит под нос председатель. И все участники "действия" встают, лениво разминая затекшие от сидения члены.

Я снова смотрю на круглые часы. Нет, покурить они не успели. Не прошло и двух минут, как весь синклит снова на своих местах. И у председателя в руках большой лист бумаги. Отличная плотная бумага, убористо исписанная на машинке. Длинный текст. Чтобы его перепечатать, надо минимум минут двадцать. Это приговор. Это государственный документ о моих преступлениях и следующим за ними наказаниями. Он начинается торжественными словами: "Именем Союза Советских Социалистических республик. . ." Потом идет что-то длинное и невразумительное. А-а-а, это та самая "присказка", что была и в обвинительном заключении. Те же "имея целью реставрацию капитализма. . ." и "подпольная террористическая. . ." Только вместо "обвиняется" теперь везде: "считать установленным".

. . . На меня надвигается какая-то темнота. Голос тещи сквозь эту тьму просачивается ко мне, как далекий мутный поток. Сейчас меня захлестнет им. Среди этого бреда вдруг отчетливо различаю совершенно реальный поступок конвоиров, стоящих у меня по сторонам. Они сближают руки у меня за спиной. Это чтобы я не стукнулась об пол, когда буду падать. А разве я обязательно должна упасть? Ну да, у них, наверное, опыт. Наверно, многие женщины падают в обморок, когда им прочитывают высшую меру.

Темнота снова надвигается. Сейчас захлестнет совсем. И вдруг...

Что это? Что он сказал? Точно ослепительный зигзаг молнии прорезает сознание. Он сказал... Я не ослышалась?

... К десяти годам тюремного заключения со строгой изоляцией и с поражением в правах на пять лет...

Все вокруг становится светлым и теплым. Десять лет! Это значит — жить!"¹

А. Горбатов и Е. Гинзбург были приговорены к 15 и 10 годам заключения. Но для многих заключенных день суда становился последним днем, так как по закону от 1 декабря 1934 г. приговор следовало приводить в исполнение немедленно. Только часть приговоренных к высшей мере по каким-то причинам несколько дней, а то и месяцев держали в камере смертников. Большинство казнили сразу после суда. Убивали по-разному: стреляли в затылок на лестнице или в тюремном коридоре, расстреливали в подвале группами. В подвале на Лубянке и в Лефортове, как мне рассказывали, во время расстрелов запускали тракторный двигатель, чтобы на улице не было слышно выстрелов. Из других московских тюрем возили расстреливать узников на окраину города. Е.П. Фролов записал рассказ одного из тех, кто не раз конвоировал приговоренных к расстрелу. Их отвозили на пустырь, примыкающий к одному из московских кладбищ. Там, у кладбищенской стены, и расстреливали. Занимались этим делом двое людей, жившие в землянке. Когда конвоир привозил осужденных, из землянки выходил человек с испытанным лицом, принимал документы и заключенных, которых тут же расстреливал. В землянке, куда конвоир однажды зашел, на столе стояли две бутылки — одна с водой, другая — с водкой.

Расстреливали не только мужчин, но и женщин, не только молодых, но и глубоких стариков, не только здоровых, но и больных. По свидетельству старого большевика А.П. Спундэ, известного латышского коммуниста Ю.П. Гавена доставили к месту расстрела на носилках. Гавен вступил в РСДРП еще в 1902 г., активно участвовал в революции 1905 г., провел многие годы на каторге, где был искалечен и тяжело заболел туберкулезом. Он занимал пост председателя ЦИК Крымской АССР, а затем работал на дипломатической службе. По свидетельству дочери Героя Советского Союза генерал-лейтенанта и начальника ВВС Красной Армии Я.В. Смушкевича, ее отца, тяжело пострадавшего при аварии самолета, также несли на расстрел на носилках.

Тех, кто не был приговорен к расстрелу, после осуждения ждали долгие годы тюрем, а затем лагерей. Исторического

¹ "Даугава", 1988, № 8, с. 59—61.

описания этих тюрем, лагерей и ссылки, подобных, например, многотомному исследованию М.Н. Гернета по истории царской тюрьмы¹, пока нет. Однако немало сделали художественная литература и мемуаристика. Под рубрикой "Лагерная литература" в моей библиографии около 200 наименований рукописей и книг, почти половина которых опубликована зарубежными издательствами. Самыми значительными из этих работ являются, бесспорно, книги А. Солженицына, Е. Гинзбург и В. Шаламова, но первые книги о советских тюрьмах и лагерях начали издаваться еще в 20—30-е гг., немало вышло их и позднее. Заслуживает упоминания в этой связи книга Ю. Б. Марголина "Путешествие в страну ЗЕ—КА", впервые изданная еще в 1952 г. в Нью-Йорке.

В нашей работе мы ограничимся лишь кратким очерком о тюрьмах и лагерях. Мы будем ссылаться здесь главным образом на малоизвестные и неопубликованные мемуары и свидетельства.

Известно, что концентрационные лагеря и временные тюрьмы для политзаключенных или заложников возникли в Советской России еще в годы гражданской войны. Однако более или менее упорядоченная пенитенциарная система начала создаваться в нашей стране лишь с начала 20-х гг. К этому времени стали разрабатывать и соответствующее законодательство. Режим политических заключенных в начале 20-х гг. был сравнительно мягким. Политзаключенные получали надбавку к общему питанию, освобождались от принудительных работ и не подвергались унижительной проверке. В политизоляторах допускалось самоуправление, политзаключенные выбирали старостат и через него сносились с администрацией. Они сохраняли одежду, книги, письменные принадлежности, ножи, могли выписывать газеты и журналы. Их пребывание в тюрьме рассматривалось как временная изоляция на период чрезвычайного положения. Так, например, 30 декабря 1920 г. ВЧК издала приказ, в котором говорилось:

"Поступающие в ВЧК сведения устанавливают, что арестованные по политическим делам члены разных антисоветских партий содержатся в весьма плохих условиях. . . ВЧК указывает, что означенные категории лиц должны рассматриваться не как наказуемые, а как временно в интересах революции изолируемые от общества, и условия их содержания не должны носить карательного характера"².

Для тюремных нравов того времени характерен такой эпизод. Когда умер один из виднейших русских революционеров-анархистов П.А. Кропоткин, сотни московских анархистов,

¹ Гернет М. Н. История царской тюрьмы, т. 1—5. М., 1960.

² Лацис М. И. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М., 1921.

находившихся в Бутырской тюрьме, потребовали выпустить их на похороны своего учителя. Прибывший в Бутырки Дзержинский распорядился выпустить анархистов под честное слово. И действительно, после похорон Кропоткина, построившись по-военному, все анархисты вернулись в тюрьму, где подготовили позднее сборник "На смерть Кропоткина", отпечатанный с разрешения властей в одной из типографий.

Надо сказать, что к политическим заключенным относили тогда эсеров, меньшевиков, анархистов и других представителей социалистических партий, участвовавших в революционной борьбе против царизма. Члены буржуазных, а тем более монархических партий, участники белогвардейского движения значились в документах ВЧК как контрреволюционеры и содержались вместе с уголовниками. Для них был установлен жесткий карательный режим. Это было явным нарушением провозглашенных вскоре после Октябрьской революции принципов новой власти.

Конечно, в практике ВЧК—ОГПУ в начале 20-х гг. было немало случаев, которые можно квалифицировать как издевательство над заключенными. Но это было не правилом, а исключением. В "Исправительно-трудовом кодексе" 1924 г., регулирующем положение всех заключенных, включая уголовников и контрреволюционеров, на странице 49 напечатано: "... режим должен быть лишен признаков мучительства, отнюдь не допуская: наручников, карцера, строго одиночного заключения, лишения пищи, свидания через решетку". В большинстве случаев кодекс соблюдался, и нарком здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко мог публично и не без оснований заявить, что в советских тюрьмах установлен гуманный режим, какого не могло быть в тюрьмах капиталистических стран.

Постепенно, однако, режим ограничивали, урезали по мелочам "вольности" политзаключенных, и то, что было прежде исключением, становилось правилом. В 30-е гг. тюремный режим продолжал ухудшаться, и теперь "вредители" не могли и мечтать о тюремных порядках начала 20-х гг. С началом массовых репрессий режим в тысячах старых и новых тюрем был ужесточен до предела. В камеры, рассчитанные на одного заключенного, запирали до пяти человек, в камеры, рассчитанные на десять заключенных, — 40—50 человек. В камеры, рассчитанные на 25 заключенных, заталкивали от 75 до 100 человек. Заключенным запрещалось подходить к окну, ложиться днем на нары, иногда — даже разговаривать. По малейшему поводу их бросали в карцер, лишали прогулки, переписки, возможности читать книги.

"Меня повели на второй этаж, — рассказывает в своих неопубликованных мемуарах бывший военный прокурор М.М. Ишов, помещенный в Новосибирскую пересыльную тюрьму. — У две-

рей одной из камер приказали остановиться. Надзиратель отпер ключом замок, приоткрыл дверь и буквально втиснул меня в камеру... Если вспомнить сказки про ад и рай, то камера, в которую я попал, была сущим адом. В камере площадью в 40 квадратных метров содержалось около 270 человек. При двухъярусной системе нар в камере должны были разместиться все втиснутые туда заключенные. Люди корчились под нарами, на нарах и даже на крышке стоявшей в углу большой "параши". У дверей камеры, в проходе, тесно столпились заключенные. Негде было присесть и некуда определиться. Многие, стоя на ногах, изнемогали от усталости... Заключенные, лежа на полу, стоя в проходе, ругались друг с другом. Все были до крайности раздражены и обозлены. Более разношерстную публику, чем оказавшаяся в этой камере, трудно себе представить. Здесь были крупные бандиты, воры, жулики, убийцы, спекулянты, разные бытовики и мы, обвиняемые по статье 58 "Уголовного кодекса". В камере нас называли "контра"... Здесь оказалось много бывших военнослужащих из различных родов войск. Были работники крупной и средней промышленности, рабочие, служащие, крестьяне, студенты... Форточка размером 30 на 40 см была все время открыта, но доступ воздуха был ничтожен. Даже представить себе трудно, что в такой сравнительно небольшой камере вмещалось так много людей".

Через несколько месяцев М.М. Ишов оказался в Лефортовской тюрьме в Москве. Здесь не было тесно, в камере на одного арестанта помещалось всего двое заключенных. Но режим был более жестким, чем в переполненных провинциальных тюрьмах. Разговаривать можно было лишь шепотом, ложиться днем было нельзя, ночью надо было ложиться головой к двери, укрывать руки и голову было запрещено. Днем надо было сидеть лицом к дверному волчку. Круглосуточно горела электрическая лампочка. В камере холодно, 6—7 градусов тепла. Пища отвратительная, есть ее было почти невозможно.

"Я попал, — вспоминает ростовский агроном В.И. Волгин, — в камеру № 47 внутренней тюрьмы площадью примерно 35 метров. В камере всегда находилось 50—60 человек. Было начало июня 1939 г. Жара стояла во дворе, и пекло в камере. Мы приникали к щелям полов, чтобы высасывать оттуда свежесть воздуха, и теснились по очереди около двери, через щели которой ощущался сквозной ветерок. Старики не выдерживали, и скоро их выносили на вечный покой"¹.

В Куйбышеве многих поместили в обширный тюремный подвал, где проходили трубы центрального отопления. Летом заключенные насчитали в этом подвале 33 вида насекомых,

¹ Волгин В. И. Рассказы из каменного мешка. Рукопись. Из моего архива.

включая, конечно, мух, вшей, блох, клопов и тараканов. Зимой от изнуряющей жары все эти насекомые исчезли. Тела людей покрывались язвами, доставлявшими тяжелые мучения. В Сухановской тюрьме под Москвой заключенных морили голодом. От человека через два месяца тюремной пищи оставался обтянутый кожей скелет. Тюрьма эта располагалась в подвале и нижних этажах здания, в верхних его этажах — дом отдыха для работников НКВД.

В Барнаульской городской тюрьме, по свидетельству старого большевика И.П. Гаврилова, страшные условия заключения вызвали массовое выступление заключенных, сумевших вырваться из переполненных камер на тюремный двор. Несколько человек после этого были расстреляны, однако режим изменился немного к лучшему. И такого рода рассказы можно приводить до бесконечности.

Жестоко, бесчеловечно относились к заключенным и после тюрьмы и суда на этапах. На железной дороге в каждое купе тюремных "столыпинских" вагонов, рассчитанное на 6 человек, заталкивали по 20, а то и по 30 заключенных. По 100 и более человек загоняли в товарный вагон-теплушку. В некоторых поездах люди по многу дней подряд стояли, тесно прижавшись друг к другу, питаюсь соленой рыбой и получая на весь день одну-две чашки воды. Долго шли эти поезда на восток, и почти каждая остановка была отмечена могилами заключенных.

"Не дождавшись сочувственного взгляда от прохожих, — писал в своих воспоминаниях М. Байтальский, — вскарабкался я на ступеньки вагона. Нас впрессовали, заперли дверь, и в проходе перед решеткой появился начальник конвоя — молодой сержант с отличной выправкой.

— Внимание, заключенные враги народа! Объявляю: воду вам будут доставлять два раза в сутки. Одно ведро на купе. В туалет поведем один раз в сутки. Понятно? (Сержант говорил "туалет" соблюдая вежливость.)

"Враги народа" зароптали. Но сержант не боялся лежачих.

— Объявляю, много разговариваете. Кто будет шуметь, того в туалет и вовсе не пущу. Понятно?

... По выговору он был вологодский. В лагерях мы часто слышали поговорку: "Вологодский конвой шутить не любит". Такие вот сержанты с гордостью повторяли ее. Кто чем гордится.

Прошло два, три, четыре дня. Мы сидели скрюченные, прижимая руками животы. Мы старались не пить, чтобы умерить боли. Но не пить труднее, чем не есть. На дорогу нам дали сухой паек: хлеб и селедку. Каждый день дороги нас скрючивало все больше, словно нам набивали по новому булыжнику в кишечник. Поезд подолгу стоял на станциях.

— Внимание, заключенные враги народа! — объявлял сер-

жант. — Стоянка на определенное время. В туалет пойдете, когда поезд тронется.

Ни для одного человека за восемь дней он не сделал исключения. Он соблюдал справедливость, беспощадную справедливость, которой его настойчиво учили. . . Он верил, что мы фашисты. Нас очень часто так честили — и конвойные, и надзиратели, и уголовники. Я не виню сержанта. Он просто претворял в жизнь то, что носители высшей идейности облекали теорией.

Мы не знали, куда едем. Названий станций не удавалось прочесть. Через восемь дней нас, наконец, вывели. Воркута!"¹.

Байтальскому повезло, многие этапы продолжались по полтора месяца.

"Подошли к товарному вагону, стоявшему на запасном пути, — писала в своих воспоминаниях К. Г. Веллер-Гуревич, — нам велели по очереди влезть в вагон по крутой лесенке. Теплушка освещалась одной тусклой лампочкой, помещенной в углу. Внутри оказалось три этажа нар в каждой половине теплушки. Посередине была дыра в полу, служившая туалетом, и железная печка. Сто женщин разместились в этом вагоне, предназначенном для перевозки 8 лошадей. В тесноте жались друг к дружке, чтобы немного согреться. Мозг не вмещал в себя всего происходящего... Этапный путь от Москвы до Томска продолжался 19 дней. Это были бесконечные, долгие дни: невероятная скученность, голод, холод, жажда, паразиты, грязь, вонь, болезни, невозможность двигаться, борьба между отчаянием и надеждой"².

Этап был новой ступенью в его открытиях, когда овчарок вызвав на подмогу, людей готовили в дорогу, — немой от гнева и стыда, он видел, как конвой этапа, людей раздевши догола, в бесцеремонных, грубых лапах вертел их хилые тела; как в эшелонах по два дня людей держали без питья, кормя их рыбою соленой; видал калек на костылях и женщин, запертых в вагоны, с детьми грудными на руках.

¹ Байтальский М. Д. Тетради для внуков. Рукопись.

² Веллер-Гуревич Е. Г. Из воспоминаний о 37-м. Рукопись. Из моего архива.

Так писала в своей неопубликованной поэме "Колыма" ленинградская писательница Е. Владимирова, прошедшая с миллионами людей этот страшный путь на восток.

Еще тяжелее были условия перевозки людей на кораблях, идущих из Владивостока на Колыму. В тесных трюмах люди нередко лежали друг на друге, хлеб им бросали через люки, как зверям. Трупы умерших во время рейса — а их было немало — сбрасывались прямо в море. В случае бунта или организованного протеста конвой не останавливался перед тем, чтобы залить трюмы корабля ледяной водой из Охотского моря. Тысячи заключенных после такой "ванны" погибали или были сильно обморожены.

В большинстве тюрем политические и уголовники содержались раздельно. Поэтому во время этапов многие политические впервые сталкивались с бандами уголовников, и эти встречи нередко кончались трагически. В. И. Волгин писал: "Уголовники грабили политических почти явно, так как они (уголовники) находились под опекой охраны. Очередной жертве показывали из-под полы нож и перекладывали вещи в свои руки. Борьба с блатными была в большинстве случаев немыслимой, так как она могла быть только кровавой и не в нашу пользу. На радость охраны мы были бы порезаны при явном их поощрении. В пути мы узнали об этом страшном в этапах, и никто не хотел лишиться жизни из-за лоскута. Тогда же мы узнали, что этап — самое страшное, что может быть для политических, и что это новое истязание людей поддерживается администрацией лагерей как мера истребления. Положение о раздельных этапах для политических и уголовников никогда не отменялось, оно строго соблюдалось даже в старое время, а в наше время оно умышленно не выполнялось в целях передачи политических на растерзание к уголовникам".

СИСТЕМА ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЕЙ

Основным местом заключения миллионов людей во времена Сталина были не тюрьмы, а те сотни, а потом и тысячи лагерей, густая сеть которых покрыла всю страну, особенно районы Северо-Запада, Северо-Востока, Казахстана, Сибири, Дальнего Востока.

Известно, что еще в начале 30-х гг. в некоторых отдаленных районах страны были организованы так называемые исправительно-трудовые лагеря. В Карелии были созданы лагеря ББК (Беломорско-Балтийского канала), в Сибири — лагеря БАМ (Байкало-Амурской магистрали), в Центральной России — лагерь Дмитровлаг (канал Москва — Волга). Первые лагеря появились и на Колыме (Дальстрой), в Коми АССР и других райо-

нах. Состав заключенных уже тогда был весьма пестрым, но преобладали крестьяне, верующие, бытовики и уголовные преступники.

Если говорить об общей идее исправительно-трудовых лагерей, то она в гораздо большей степени, чем идея политизоляторов или тюрем, соответствовала природе социалистического общества, которое должно стремиться не столько к наказанию, сколько к исправлению людей, вставших на путь политических и уголовных преступлений. Однако реальная система трудовых лагерей так же мало походила на их первоначальную идею, как сталинизм на социализм. Именно Сталин создал эти лагеря, а его ближайшими помощниками в этом деле были Ягода, Ежов и Берия.

В исправительно-трудовых лагерях 30-х гг. было множество случаев крайней жестокости и произвола. Берега канала Москва—Волга и Беломорско-Балтийского канала усеяны костями заключенных. Но среди лагерного руководства было немало людей, искренне стремившихся помочь исправиться тем, кто встал на путь преступления. Эти лагеря не считались секретными, из них освобождали не только после окончания срока, но и зачастую и до этого. В книгах, написанных об этих лагерях с участием М. Горького, В. Катаева, М. Зощенко, В. Инбер, Б. Ясенского, И. Авербаха, о многом умалчивалось, многое искажалось, но содержалась и правда, о чем тоже не следует забывать¹.

Как ни сурова природа Колымы, в 1932—1937 гг. мало кто умирал в лагерях Дальстроя. Заключенных тогда неплохо кормили и одевали. Рабочий день продолжался зимой 4—6 часов, летом — 10 часов. Существовала система "зачетов", позволявшая осужденным на 10 лет освободиться уже через 3 года. Заработок был приличный, он давал возможность помогать семьям, вернуться домой обеспеченным. Обо всем этом можно прочесть не только в книге бывшего начальника одного из колымских лагерей В. Вяткина, но и в "Колымских рассказах" В. Шаламова.

В 1937 г. все изменилось. Было объявлено, что подобный либерализм является вредительством. После ареста начальника Дальстроя Берзина и большинства руководителей колымских лагерей их обвинили даже в попытке отделить Колыму от СССР. "Либеральные" порядки были отменены во всей быстро разраставшейся системе ГУЛАГа. Новые указания из Москвы и новое поколение гулаговских начальников быстро превратили исправительно-трудовые лагеря в настоящие каторжные лаге-

¹ "Беломорско-Балтийский канал имени товарища Сталина". Под ред. М. Горького, И. Л. Авербаха и С. Г. Фирина. М., 1934; Авербах И. Л. От преступления к труду. Опыт анализа и обобщения методики работ в области "перековки" в Дмитровском и других исправительно-трудовых лагерях. Под ред. А. Я. Вышинского. М., 1936.

ря, рассчитанные уже не столько на исправление, сколько на уничтожение заключенных.

Неимоверно тяжелый, оупляющий труд редко где по 10, а чаще по 12, 14 и даже 16 часов в сутки, жестокая борьба за существование, голод, произвол блатных и охранников, плохая одежда, скверное медицинское обслуживание — все это было не исключением, а нормой жизни в сталинских лагерях с 1937 г. Особенно страшные условия существовали во всякого рода штрафных, специальных, особых лагерях, на золотых приисках Колымы и лесоповале, которые становились для заключенных фактически лагерями уничтожения. На золотых приисках Колымы здоровый человек превращался в доходягу, истощенного и неспособного работать человека уже через полтора-два месяца, а то и через месяц. За год бригада несколько раз меняла свой состав: одни заключенные погибали, других переводили на более легкие работы в какие-либо лагпункты, третьи оказывались в больнице. Оставались в живых обычно лишь бригадир, дневальный и кто-нибудь из личных друзей бригадира.

В сущности, режим большинства колымских и других северных лагерей был сознательно рассчитан на уничтожение заключенных. Сталин и его окружение не хотели, чтобы репрессированные возвращались, они должны были навсегда исчезнуть. И большинство узников быстро убеждались в том, что их привезли в лагерь на верную смерть. "Во-первых, — пишет в своих воспоминаниях В.И. Волгин, — выдавался явно голодный паек для десятичасового рабочего дня. Паек умышленно составлялся вредным для здоровья... Заключенные выводились на работу в жестокий мороз. Бараки не отапливались как надо, одежда не просушивалась. Осенью держали на дожде и холоде промокших до костей людей до выполнения ими норм выработки, хотя эта норма не могла быть выполнена безнадежными доходягами... Арестованных не одевали в соответствии с климатом, например на Колыме им выдавалась одежда третьего срока, то есть тряпье, а ноги нередко заматывались только портянками. Порванные бушлаты не спасали от жуткого мороза, и люди пачками обмораживались. В этих условиях образовалась масса больных. Лечение больных было направлено на "падеж", как выражалась обслуга. Спасение больные искали только там, где врачи были из числа заключенных. Были на Колыме и так называемые слабосилки, в которых содержались выписавшиеся из больниц для поправки. Туда направляли на три недели. Паек в замом деле был лучше — 700 граммов хлеба. Но три недели для доходяги — это то же самое, что для голодной собаки кость. Я считал эти слабосилки мерой для прикрытия падежа арестантских голов".

Между прочим, над входом во все лагерные отделения (лагпункты) Колымы висел предписанный лагерным уставом ло-

зунг: "Труд есть дело чести, доблести и героизма". Как тут не вспомнить, что и на воротах Освенцима была надпись: "Труд делает свободным".

Конфликт между политическими и уголовниками, который начинался на этапах, продолжался и в лагерях. Администрация лагерей сознательно натравливала уголовников на других заключенных. "При каждом удобном случае, — писал в одну из газет бывший уголовник Г. Минаев, — нам, вора, старались дать понять, что мы для Родины все-таки еще не потерянные, так сказать, хоть и блудные, но все-таки сыновья. А вот "фашистам", "контрикам" (то есть политическим, — *Р.М.*) на этой брэнной земле места нет и не будет во веки веков. . . И коли мы воры, то наше место у печки, а "фраерам" и всяким прочим — у дверей и по углам. . ."¹

Издавались над политическими не только уголовники, но и все большие и малые лагерные начальники. В 1938 г. по лагерям прокатилась волна неприкрытого массового террора: по обвинению в саботаже или в попытке восстания, или по спискам, полученным из центра, тысячи узников лагерей расстреливали без суда и следствия. Так, по свидетельству А.И. Тодорского, в северных лагерях присланные из центра комиссии приговаривали к расстрелу политических заключенных, получивших ранее пяти- и десятилетние сроки заключения. В основном это были участники различных оппозиций, оказавшиеся в заключении еще в начале 30-х гг. Одна из таких комиссий, в которую входил сотрудник специального отдела НКВД Кашкетин, начальник особого отдела ГУЛАГа Григоришин и начальник III оперотдела НКВД Чучелов, приговорила к расстрелу в Ухтинском лагере Коми АССР большое количество заключенных. При комиссии имелся специальный взвод, который приводил эти приговоры в исполнение. Эта же комиссия Кашкетина под предлогом существования в лагерях Воркуты контрреволюционной организации, подготавливающей якобы восстание, уничтожила тысячи заключенных. Чудом оставшийся в живых

¹ "Литературная газета", 29 ноября 1962 г. Только в 1949 г. политические и уголовники были разделены в местах заключения. Однако и после 1949 г. в политических лагерях было немало уголовников, например, получивших добавочные сроки за побег, за "саботаж", за антисоветские татуировки и др. Изменились к лучшему и условия в лагерях. Каждый исправительный или особый лагерь имел свой производственный план, который надо было выполнить. Между тем после 1948—1949 гг. поступление рабочей силы в лагерь сократилось. Физическое истощение заключенных в первые послевоенные годы было настолько сильным, что из одной-двух тысяч списочного состава лагеря на приисках Колымы или на лесоповале на работу выходили нередко только 100—200 человек. Экономические причины побуждали лагерную администрацию "беречь" свою рабочую силу или, вернее, своих рабов. Из числа людей, арестованных и попавших в лагерь в 1937—1938 гг., выжило и вышло на свободу после 1956 г. не более 10—15%.

бывший воркутинец, А. Пергамент, в начале 20-х г. сотрудник Троцкого, рассказал мне, что в Воркуте ни о чем не подозревавших заключенных переводили на кирпичный завод, держали некоторое время в наспех поставленных палатках, а затем объявляли им о переводе в другой лагпункт и по дороге расстреливали из пулеметов. После того как Кашкетин и его комиссия выполнили свою жестокую миссию, их самих расстреляли. "В том году, — писал в своих мемуарах М. Байтальский, — из лагерных пунктов, расположенных вниз по реке, — из Кочемаса, Сивой Маски и других мест, шли в Воркуту экстренные, составленные по особым спискам этапы. Шли, подгоняемые конвоем. Но некоторых конвой не успел переправить через разлившиеся речки, и люди не скоро узнали, для чего такая спешка. Спешили убить их. И кого успели довести вовремя, расстреляли. В том году в воркутинских лагерях свирепствовал человек, фамилию которого произносили, оглядываясь. Позже в Котласской тюрьме слышали крики из окна:

— Передайте людям, что я Кашкетин! Я тот, кто расстрелял в Воркуте всех "врагов народа"! Передайте людям!

Эти крики слышали в том же году, но передали людям много лет спустя. Взвод охранников, приведших приговор в исполнение, тоже исчез".

От присланных из центра комиссий не отставали и местные лагерные власти. Они имели право убивать заключенных и без согласования с Москвой. Начальник Дальстроя Павлов и его помощник Гаранин вместе со своими подручными расстреляли на Колыме не менее 40 тыс. заключенных, обвинив их в саботаже. Особенно зверствовал на Колыме полковник Гаранин. Приезжая в лагерь, он приказывал выстроить "отказчиков" от работы — обычно это были больные и доходяги. Их выстраивали, некоторые из них едва держались на ногах, а разъяренный Гаранин проходил вдоль шеренги и расстреливал людей в упор. Сзади шли два охранника и поочередно заряжали ему пистолеты. Трупы расстрелянных нередко складывали у ворот вахты срубом, как колодец, и отправляющимся на работу бригадам говорили: "То же будет и вам за отказ".

В 1939 г. Гаранина, подобно Кашкетину, расстреляли по обвинению в шпионаже и вредительстве. Были устранены или даже расстреляны и многие начальники лагерей. Это было следствием перемен в руководстве НКВД после смещения Ежова. Но заключенным это принесло лишь очень краткое облегчение. С началом Отечественной войны рабочий день почти везде был увеличен, а голодный и без того паек еще более урезан. По свидетельству П.И. Негретова, в Коми АССР в отдельных лагпунктах на лесоповале списочный состав в 1942 г. вымирал за 100—150 дней. Общее число заключенных в СССР в 1941—1942 гг., по моим подсчетам, примерно равно числу бойцов действующей

армии. И потери людей в это время на Востоке и на Западе были также примерно равны.

О ПОВЕДЕНИИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ РАБОТНИКОВ НКВД

Вопрос о поведении и отношении к работе узников лагерей, проблема "придурков", то есть людей, сумевших устроиться на различные "теплые" лагерные должности: кладовщика, библиотекаря, повара, санитаря, бригадира и т.п., вопрос о степени возможного сотрудничества между заключенными и администрацией лагеря — все эти проблемы, которые так живо занимают всех авторов лагерных воспоминаний, выходят за рамки нашей работы. Отметим лишь, что почти все, кто сумел пережить тяготы лагерного заключения и затем описать их в своих рассказах, повестях, романах и мемуарах, часть своего срока провели не на общих работах. Это касается А. Солженицына, Е. Гинзбург, Л. Копелева, В. Шаламова и С. Газаряна. По моему мнению, нельзя осуждать людей, которые не упускали возможности как-то устроиться в сталинских лагерях уничтожения. Самое главное — старались ли эти люди помочь другим уцелеть, облегчить их страдания или, напротив, сами активно включались в страшный механизм по уничтожению заключенных.

Более подробно следует сказать о поведении и ответственности работников НКВД, которые создавали и приводили в движение задуманную Сталиным машину террора.

Конечно, среди работников НКВД были разные люди, которые и вели себя по-разному даже в самые худшие времена сталинского террора. Можно с уверенностью сказать, что многие рядовые солдаты и младшие командиры конвойных войск НКВД, осуществлявшие наружную охрану лагерей, почти не соприкасались с заключенными и не знали, что их заставляют охранять не столько преступников, сколько ни в чем не повинных советских людей.

Были в НКВД и такие, кто в глубине души сознавал, что перед ними находятся не враги, а невинно пострадавшие и оклеветанные люди. Разобраться в происходящем они не могли или не хотели, но во многих случаях старались помочь тем или иным заключенным. Свидетельств этому немало в хронике Е. Гинзбург, в рассказах В. Шаламова, в мемуарах С. Газаряна и почти во всей другой лагерной литературе. Интересный факт сообщила мне Е.Я. Драбкина. На одном из промышленных предприятий Севера, где работали преимущественно политические заключенные, на всех должностях, кроме самых высоких, стояли блатные. Уголовники издевались над политическими, но не могли обеспечить выполнение плана предприятия. В начале войны сюда пришел новый начальник лагеря, откомандированный

на лагерную работу из Ленинграда за "либерализм" — В.А. Кундуш. Вызвав к себе диспетчера предприятия — бывшего члена партии, Кундуш потребовал составить списки всех бывших коммунистов, работавших в бригадах. Отобрав людей, знакомых с производством, и некоторых других, Кундуш назначил их на все руководящие должности, убрав блатных. Предприятие сразу же вышло в передовые и в течение всей войны перевыполняло план. Значительно улучшились и условия жизни заключенных. После войны Кундуш добился досрочного освобождения многих заключенных "за хорошую работу", однако вскоре сам был арестован. Его дальнейшая судьба неизвестна.

Нечего и доказывать, что подавляющее большинство работников НКВД во времена Ежова и Берии вели себя иначе. Они понимали, кому служат и против кого борются. Разумеется, Сталин не раскрывал перед ними своих замыслов и не делился своими планами. Среди следователей были и верившие тем версиям, которые им приказывали "выбить" любой ценой из подсудимых. Но основная часть следователей понимала, что перед ними находятся люди, никогда не совершавшие тех преступлений, в которых их обвиняют. Это отнюдь не ослабляло усердия и садистской изощренности следователей. Чаще всего они сами придумывали те фальшивые версии, которые служили основой для обвинения и затем вдалбливались заключенным.

О сознательной фальсификации данных следствия говорил и Н.С. Хрущев на XX съезде партии. Хрущев свидетельствует:

"При проверке в 1955 году дела Комарова Розенблюм сообщил следующий факт: когда он, Розенблюм, был арестован в 1937 году, то был подвергнут жестоким истязаниям, в процессе которых у него вымогали ложные показания как на него самого, так и на других лиц. Затем его привели в кабинет Заковского, который предложил ему освобождение при условии, если он даст в суде ложные показания по фабриковавшемуся в 1937 году НКВД "делу о ленинградском вредительском, шпионском, диверсионном, террористическом центре". С невероятным цинизмом раскрывал Заковский подлую "механику" искусственного создания липовых "антисоветских заговоров".

"Для наглядности, — заявил Розенблюм, — Заковский развернул передо мной несколько вариантов предполагаемых схем этого центра и его ответвлений. . .

Ознакомив меня с этими схемами, Заковский сказал, что НКВД готовит дело об этом центре, причем процесс будет открытый.

Будет предана суду головка центра, 4—5 человек: Чудов, Угаров, Смородин, Позерн, Шапошникова (это жена Чудова) и др. и от каждого филиала по 2—3 человека. . .

Дело о ленинградском центре должно быть поставлено

солидно. А здесь решающее значение имеют свидетели.

... Самому тебе, — говорил Заковской, — ничего не придется придумывать. НКВД составит для тебя готовый конспект по каждому филиалу в отдельности, твое дело его заучить, хорошо запомнить все вопросы и ответы, которые могут задавать на суде. Дело это будет готовиться 4—5 месяцев, а то и полгода. Все это время будешь готовиться, чтобы не подвести следствие и себя. От хода и исхода суда будет зависеть дальнейшая твоя участь. Сдрейфишь и начнешь фальшивить — пеняй на себя. Выдержишь — сохранишь кочан [голову], кормить и одевать будем до смерти на казенный счет”.

После XX съезда партии мы узнали о бесчисленных и часто нелепых фальсификациях, фабриковавшихся в органах НКВД. По свидетельству С. Газаряна, в Барнауле старого учителя А. Афанасьева обвинили в том, что еще в годы гражданской войны он создал в городе террористическую группу, которая должна была убить Ленина, если он придет в Барнаул. Но начальство не утвердило это слишком надуманное дело. Тогда следователь объявил Афанасьева японским шпионом. Дело опять не утвердили, так как в нем не было указано, через кого обвиняемый передавал в Японию секретные сведения. Спешно стали искать “соучастников шпионажа”. Обнаружили и “резидента японской разведки” в Барнауле — одного железнодорожника. Все эти ни в чем не повинные люди были расстреляны.

М.Ф. Позигун, член партии с 1920 г., рассказал мне о Фрице Платтене — они вместе лежали в тюремной больнице. Платтена, который прикрыв собой Ленина от пуль террористов, вначале объявили немецким шпионом. Но как его ни пытали, он отказался подписать обвинение. “Если вы объявите меня немецким шпионом, — сказал он следователям, — то это бросит тень на Ленина, а я на это никогда не пойду”. Следователи пошли на “уступки” и записали Платтена шпионом другого государства (М. Позигун забыл, какого именно).

По свидетельству В.И. Волгина, в Ростове-на-Дону одного из капитанов речного флота обвинили в том, что, командуя танкером “Смелый”, он потопил миноносец “Бурый”. Капитан рассмеялся и спросил следователя, знает ли тот, что такое танкер. “Танкер, танк, — стал бормотать следователь, — это военное судно”. “Это нефтеналивное судно, — разъяснил капитан, — которое не может потопить миноносец”. “Ну, черт с тобой, — миролюбиво сказал следователь, — ты перепиши, как это там нужно, и уйдешь в лагерь со свежим воздухом, а тут ты сгниешь”. В той же камере 27 человек подписали показания о поджоге “в диверсионных целях” ростовской мельницы, а 13 человек “сознались” в том, что взорвали железнодорожный мост. Между тем и мельница, и мост стояли на месте невредимыми и уцелели даже в войну.

Один из командиров в Белорусском военном округе Поваров "признался", что создал контрреволюционную организацию из 40 человек. При этом он назвал вымышленные фамилии и должности. С этими показаниями дело передали в суд, и Поварова осудили. Показания не проверялись. Следователи не знали, что людей, указанных в протоколе, вообще не существует. Но они хорошо знали, что те, кого называют на следствии, никуда не убегут, а пока что с ними можно и подождать — план арестов был уже выполнен.

Планы и контрольные цифры арестов действительно существовали. Шифрованная телеграмма из Москвы сообщала областному управлению НКВД: "В вашей области, по данным следственных органов центра, имеется столько-то террористов и антисоветских агитаторов. Арестовать и судить". И органы НКВД области должны были выполнить это задание и ждать на следующий месяц или квартал новых контрольных цифр.

Бывший ответственный редактор одной из газет на Украине А.И. Бабинец рассказал мне, что однажды он был приглашен в управление НКВД. Ему поручили отредактировать вступительную часть обвинительного заключения по уже завершеному делу "кулацко-террористического центра". Работая ночью в кабинете начальника управления, Бабинец слышал, как начальник обзванивал районные отделения НКВД и требовал увеличить показатели борьбы с "врагами народа". "Сколько у тебя взято на сегодня? — кричал в трубку начальник управления. — Двенадцать? Мало, очень мало. А у тебя, — звонил он уже в другой район. — Шестьдесят? Хорошо, молодец. Смотри не подкачай к концу месяца". "Как, ты арестовал всего пять человек? — отчитывал начальник управления третьего собеседника. — Что у тебя в районе полный коммунизм построили, что ли?" Потом, обратившись к Бабинцу, начальник управления сказал: "Приходится нажимать. А то ведь скоро позвонят из Москвы, что я должен говорить им, как я должен перед ними отчитываться?"

Обычно оперативные группы НКВД проводили обыски у "врагов народа" весьма небрежно. Забирали бумаги и письма из письменного стола. Забирали чаще всего ценные вещи, предметы из золота, но не вносили это в протокол обыска. Никто не искал "тайников", не вскрывал полы, не вспарывал матрацы. Чекисты знали по опыту, что никаких документов о "подрывной работе" они все равно не найдут, и не хотели зря тратить время. Никто, по существу, не анализировал изъятых бумаг; после беглого просмотра их чаще всего сжигали. Трудно представить себе, какое огромное количество ценнейших материалов погибло при этом. Бесследно исчезли, например, все бумаги Вавилова и других ученых; для перевозки их архивов приходилось иногда вызывать грузовик. Исчезли руко-

писи и материалы сотен писателей и поэтов, воспоминания, дневники и письма многих выдающихся деятелей партии и государства. Изъятые материалы и документы в НКВД никто не считал уликами, при помощи которых можно было бы "изобличить" преступника. Драматург А.К. Гладков сообщил мне, что у одного писателя изъяли три подлинных письма великого философа Канта, представлявшие большую историко-культурную ценность. Казалось бы, эти письма на немецком языке должны были привлечь особое внимание следователей. Однако их даже не перевели на русский язык и сожгли вместе с другими материалами. В акте, который показали писателю после реабилитации, они числятся как "письма неизвестного автора на иностранном языке".

Были случаи, когда аресты даже весьма крупных деятелей не сопровождались обысками. Так, например, заместитель наркома путей сообщения Я. Лившиц был арестован во время его поездки в Хабаровск. Его осудили на процессе "параллельного центра" и расстреляли. По свидетельству его жены М.Н. Лившиц, в течение всех месяцев следствия на московской квартире Лившица не было никакого обыска. Никто не интересовался содержимым его письменного стола, его записями и документами. Только после расстрела Я. Лившица его жена позвонила в НКВД и попросила прийти и забрать оружие мужа.

Судьи, за 5—10 минут приговаривавшие людей к длительным срокам заключения или к расстрелу, прокуроры, дававшие санкцию на арест, — все они хорошо знали, что творят произвол. Но они предпочитали сами творить произвол, чем становиться его жертвами. "Без щемящего душу трепета, — писал в своих мемуарах бывший военный прокурор Ишов, — нельзя вспоминать работавшую во втором отделе Главной военной прокуратуры Соню Ульянову. Все дела, сфабрикованные в НКВД на честных советских граждан, проходили через окровавленные руки женщины, готовой переступить через горы трупов честных коммунистов во имя сохранения собственной ничтожной жизни".

Достаточно ясно представляли себе, с какими людьми они имеют дело, все почти начальники лагерей и большая часть офицерского состава относились к заключенным с чрезмерной и даже подчеркиваемой жестокостью.

Могут спросить — что превращало многих (хотя и не всех) работников НКВД в садистов? Что заставляло их преступать все законы и нормы простой человечности? Ведь многие из них были в свое время, казалось бы, неплохими людьми, и они не по призванию, а по партийной или комсомольской путевке пришли в органы НКВД! Здесь было несколько причин. Пожалуй, главная из них — страх перед вполне реальной угрозой самому оказаться в положении заключенного. Этот страх заглу-

шал все иные чувства. "Если многие арестованные, — сказал мне один весьма информированный собеседник, — из страха перед расстрелом или пытками почти без сопротивления давали на следствии любые показания, идя таким образом на сотрудничество с органами НКВД, то тот же самый страх сковывал и большинство работников НКВД". Во-вторых, как мы уже говорили выше, в органах НКВД шел особый отбор; одни работники, немного умнее и гуманнее других, отсеивались, другие, самые худшие и невежественные, оставались. Специально исследуя этот вопрос "о волчьем племени палачей" (в первой части "Архипелага"), А.И. Солженицын показывает, что большую часть работников карательных органов уродовала и развращала та безграничная власть над людьми, и особенно над заключенными, которой наделил чекистов режим Сталина. Вспоминая, как сам он, Солженицын, изменился, получив звание офицера в армии и власть над людьми, как много мелких и подлых поступков совершил он лишь потому, что имел власть, как еще в институте вербовали его поступить не только в военное училище, но и в училище НКВД, Солженицын восклицает:

"Я приписывал себе бескорыстную самоотверженность. А между тем был вполне подготовленный палач. И попади я в училище НКВД при Ежове — может быть, у Берии я вырос бы как раз на месте".

Солженицын приводит слова Л.Н. Толстого о развращающем влиянии материальной власти. Ф.М. Достоевский также писал в своих "Записках из Мертвого дома": "Кто испытал раз эту власть, это безграничное господство над телом, кровью и духом такого же, как сам, человек. . . , кто испытал и полную возможность унижить самым высочайшим унижением другое существо, . . . тот уже поневоле как-то делается не властен в своих ощущениях. Тиранство есть привычка; оно одарено развитием, оно развивается, наконец, в болезнь. Я стою на том, что самый лучший человек может грубеть и отупеть от привычки до степени зверя. Кровь и власть пьянят: развиваются за-грубелость, разврат; уму и чувству становятся доступны и, наконец, сладки самые ненормальные явления. Человек и гражданин гибнут в тиране навсегда, а возврат к человеческому достоинству, к раскаянию, к возрождению становится для него уже почти невозможен"¹.

¹ "К тому же, — не без основания добавлял Ф. М. Достоевский, — пример, возможность такого своеволия действует и на все общество заразительно: такая власть соблазнительна. Общество, равнодушно смотрящее на такое явление, уже само заражено в своем основании. Одним словом, право телесного наказания, данное одному над другими, есть одна из язв общества, есть одно из самых сильных средств для уничтожения в нем великого зародыша, всякой попытки гражданственности и полное основание к неприменному и неотразимому его разложению" (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч., т. 4, с. 154—155).

Нельзя не отметить, что во времена Сталина для НКВД специально готовили работников, способных выполнить любой, даже самый преступный приказ. Известно, например, что в специальные "бригады", пытавшие по назначению следователя арестованных, включали обычно не только заматерелых палачей, но и 18–20-летних курсантов из школ НКВД. Их водили на пытки, как водят студентов-медиков в анатомический театр.

Часть работников НКВД была уничтожена еще во времена Сталина. Некоторых наказали в 1953–1957 гг. Но очень многие из этих людей отделались легким испугом — их сместили с занимаемых ими постов и отправили на пенсию или на другую работу. В большинстве случаев свои преступления они объясняли и объясняют тем, что руководствовались приказами свыше. Можно напомнить в этой связи, что Международный военный трибунал в Нюрнберге в решениях, под которыми стоит и подпись представителя Советского Союза, указал, что приказы, противоречащие основным правилам морали, попирающие нравственные веления, на которых зиждется человеческое общество, разрушающие самые основы человеческого общения, не могут служить ни моральным, ни юридическим оправданием для тех, кто выполняет приказы.

Конец первой книги

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамов К. А. 367
 Абуладзе Т. 7
 Аванесов В. 33
 Авербах И. Л. 452
 Авербах Л. Л. 397
 Авербах М. Н. 11, 207, 208
 Авселян Г. 370
 Агабеков 382
 Агаян Ц. 370
 Агеев С. Б. 366
 Агниашвили Л. 369
 Агниашвили П. 360
 Агол И. И. 393
 Агранов Я. С. 292, 300, 322, 380
 Агрба А. С. 369
 Агурский М. 7, 11, 200, 201
 Адоратский В. В. 282
 Айтаков Н. 371
 Айхенвальд А. 143
 Акилинушкин Н. Д. 366
 Акопов А. П. 369
 Акопов С. 370
 Аксенов П. В. 11, 85, 355
 Аксенов В. П. 11, 84, 85, 355
 Акулов И. А. 321, 382
 Алазан В. 397
 Александров В. А. 375
 Александров В. Л. 394
 Алексахин И. П. 11, 302, 303, 438
 Алексеев М. 212
 Алексинский М. А. 391
 Али-Оглы Ахундов Р. 369
 Алиханов (Алиханян) Г. 263, 384, 411
 Алиханова Р. Г. 11, 263, 383, 435
 Алкснис Я. И. 377
 Аллилуев А. П. 11
 Аллилуев П. С. 265, 267, 268, 270, 271
 Аллилуев С. Я. 265
 Аллилуев Ф. С. 267
 Аллилуева А. С. 265, 268
 Аллилуева Н. С. 149, 264–271, 407
 Аллилуева С. И. 16, 267–271
 Альбрехт 416
 Альский А. 95
 Альтер И. М. 272
 Амантай А. Г. 398
 Аматауни Г. 370
 Амелин М. П. 378
 Аммосов А. К. 371
 Анваров С. 371
 Анвельт Я. 386
 Ангаров А. 206
 Андреев А. А. 52, 119, 127, 329, 375, 408, 414, 418
 Андреев С. С. 375
 Андреева Н. 9
 Андрианов Ф. И. 366
 Антипов Н. К. 355
 Антонов-Овсенко А. В. 7, 37–39, 44, 109, 134, 345
 Антонов-Овсенко В. А. 33, 96, 109, 344, 345
 Антошкин Д. В. 400
 Анфилов В. А. 379
 АLINE Э. 386
 Аппога Э. Ф. 377
 Апресян Д. З. 245–247
 Аржанухин 421
 Армен М. 397
 Арнольд 326
 Арнольдо 341
 Аронштам Л. Н. 378
 Аросев А. Я. 397
 Артузов А. Х. 373, 380
 Артыков 375
 Арутюнянц П. Г. 395
 Архипов Н. В. 367
 Аршакуни С. 380
 Асеев Н. Н. 396

- Асрибеков Е. 414
 Астауров Б. Л. 11
 Астафьев В. П. 206
 Астахов Г. А. 356
 Астров В. 143, 172
 Асылбеков А. М. 370
 Атабаев К. 371
 Атаев Б. 371
 Афанасьев А. 458
 Ахматова А. 8
 Ахматов Л. 232
 Ахметелли С. 399
 Ахундов Р. 397
- Бабаев Ю. 370
 Бабель И. Э. 396, 397, 417
 Бабенышева С. Э. 11
 Бабинец А. И. 11, 459
 Багиров М. Д. 297, 369, 411, 414
 Багратиони Д. 435, 438
 Бадаев А. Е. 20, 25, 26, 363
 Бадугев С. 398
 Бажанов Б. Г. 7, 64, 69
 Базаров В. 285
 Базенков Н. Н. 394
 Базилович Г. Д. 377
 Байкалов А. 27
 Байтальский М. Д. 438, 449, 450, 455
 Байтуни Г. 366
 Байчурун Г. Г. 367
 Бак Б. А. 380
 Бакаев И. П. 139, 151, 309, 317
 Бакиев Х. 371
 Бакунц А. 262, 397
 Балицкий В. 232, 297, 380
 Бантке С. 390
 Барановский Т. А. 366
 Барбюс А. 31, 32
 Баринов М. В. 356
 Барлебен 367
 Бармин А. Г. 356, 430
 Барсов А. А. 220
 Бартини Р. 394
 Барханов И. Н. 392
 Барыкин В. А. 393
 Батнер А. А. 384
 Баторгин М. П. 407
 Бауман К. Я. 170, 354
 Бауэр О. 159
 Бахрушин С. В. 256
 Бахтин В. В. 256
- Бахтин М. М. 256
 Бедный Демьян 48, 275, 363, 364
 Бек А. А. 7
 Бекаури В. И. 395
 Беккер Б. П. 366
 Беккер И. М. 354
 Белобородов А. Г. 44, 95
 Белов И. П. 377
 Белоусова И. А. 403
 Белоцкий М. Л. 371
 Бенеш Э. 426
 Берг А. И. 392, 416
 Берггольц О. Ф. 8, 397
 Бердичевская С. И. 11, 198, 333, 338
 Березин Н. С. 354
 Берзин Р. И. 378
 Берзин Э. П. 381, 452
 Берзин Я. К. 382
 Берзинь-Зиемелис Я. 386
 Берия Л. П. 20, 268, 297, 312, 321, 327, 352, 357, 359, 362, 369, 370, 382, 406, 407, 410—414, 418, 421, 430, 439, 457, 461
 Берман 407
 Беспалов И. М. 397
 Бессонов 331, 332, 337, 340, 343
 Битте А. М. 378
 Благонравов Г. И. 356
 Благонравов Г. 380
 Блос В. 284
 Блюхер В. К. 314, 377, 417, 421
 Бобинский В. П. 397
 Бобис Я. Л. 356
 Бобрович Я. 277
 Богачев 375
 Богданов А. А. 21, 94, 112
 Богданов Н. Ф. 392
 Богданов С. И. 415
 Богомоллов 356
 Богомоллов А. Н. 366
 Богуславский И. 96
 Богуславский М. С. 323
 Богушевский В. С. 354
 Бокани Д. 385
 Бокий Г. И. 33, 381
 Бокис Г. 377
 Болквядзе И. 369
 Болотников А. 400
 Бондаревская Т. А. 364
 Бондаренко И. П. 395

- Бонин А. Р. 394
 Бонч-Бруевич В. Д. 46, 284, 363
 Борисенко А. Н. 377
 Борисов 300—303
 Бофф Дж. 6
 Бояринов Н. Н. 229
 Брагинский Д. 400
 Брауде И. Д. 233, 235, 336
 Брежнев Л. И. 422
 Брехт Б. 427
 Бриан А. 234
 Брикке С. К. 354
 Бричкин С. Б. 11
 Бродов Е. Л. 355
 Бродский В. 229
 Бронковский 385, 386
 Бронштейн М. П. 392
 Брускин А. 355
 Брюханов Н. П. 355
 Буачидзе Б. 397
 Буачидзе С. 369, 435
 Бубекин В. М. 375
 Бубнов А. С. 33, 34, 52, 96, 109,
 160, 198, 283, 329, 355,
 362, 391
 Буденный С. М. 152, 314
 Будих В. 388
 Булатов Д. А. 366, 409, 410
 Булашев З. П. 367
 Булашев Ф. И. 368
 Булгаков М. А. 375
 Булин А. С. 377
 Буниат-Заде Д. 369
 Буров А. Н. 366
 Бутаев К. С. 368
 Бутенко К. И. 395
 Бухарин Н. И. 37, 44, 49, 51,
 53, 56—58, 61, 64, 68, 70,
 105, 118, 120—124, 127,
 136, 141, 143, 144, 152,
 158—165, 167—182, 189,
 263, 270, 279, 285—287,
 294, 297, 311, 314, 315, 318,
 319, 324—331, 334—338,
 342, 343, 426
 Быстрых Н. 380

 Вавилов Н. И. 393, 417, 459
 Ваганов Ф. М. 172, 195
 Вайншток 407
 Вайсберг А. 428
 Вакман Р. 386
 Вакс Г. 272
 Вакулич П. И. 378
 Валентинов (Вольский) Н. 105,
 106, 157
 Ванников Б. Л. 358, 421
 Ваняг Н. Н. 390
 Варейкис И. М. 295, 327, 366, 372
 Варский А. 385, 386
 Варфоломеев Н. Е. 420
 Варьяш А. И. 273, 391
 Васильев Б. А. 384
 Васильев И. В. 402
 Васильев И. 387
 Васильев П. Н. 397
 Васильевский 251
 Вахмистров Б. С. 394
 Вацетис И. И. 83, 377
 Вегер Е. И. 368
 Вейцер И. Я. 355
 Векличев Г. И. 378
 Векман А. К. 377
 Великанов М. Д. 377
 Величко А. Ф. 256
 Веллеков Ч. 371
 Веллер-Гуревич К. Г. 450
 Верклов 367
 Верпаховский Л. 399
 Верховский А. И. 378
 Верховых В. М. 295—297
 Веселый А. 397
 Викторов И. 411
 Викторов М. В. 377
 Виллемс М. 389
 Вильямс В. Р. 393
 Виноградов В. В. 256
 Витковский Д. 254, 255
 Витт А. А. 392
 Владимирова Е. 451
 Владимирский 395
 Вознесенский 255
 Волгин В. И. 389, 448, 451, 453,
 458
 Волков М. Л. 366
 Волков Н. И. 358
 Волкович Д. И. 368
 Волкогонов Д. А. 9
 Волленберг Э. 110
 Воловик Н. Е. 366
 Володарский М. М. (В.) 33, 77
 Володичева М. А. 62
 Волошин П. П. 277
 Волюнец Ф. И. 277

- Вольф Р. Д. 385
 Воронский В. В. 218
 Воронский А. К. 345, 397
 Ворошилов К. Е. 40—43, 56, 57,
     95, 127, 128, 130, 135, 148,
     152, 168, 171, 173, 203, 269,
     282, 292, 300—302, 314, 315,
     329, 358, 376
 Ворошилов Т. Р. 367
 Вострецов С. 378
 Врангель 44, 45, 128, 234
 Врублевский Ч. И. 367
 Вышинский А. Я. 228, 233, 239,
     240, 305, 317, 318, 323,
     330—333, 335, 336, 338,
     345, 382, 383, 426, 427,
     452
 Вяткин В. 452

 Габор Ф. 385
 Гавен Ю. П. 445
 Гаврилов И. П. 11, 449
 Гаврилюк Н. Е. 277
 Газарян С. О. 8, 11, 230, 259,
     370, 380, 381, 388, 435,
     438—440, 456, 458
 Гай Г. Д. 376
 Гай М. И. 380
 Гайлит П. Я. 377
 Гайсинович С. А. 391
 Гайстер А. 392
 Галимов С. 398
 Галкин П. А. 263, 264, 289
 Гамбург И. К. 130, 131
 Гамарник Я. Б. 340, 376, 377
 Гандлевская З. Б. 11, 347
 Ганецкий Я. С. 365
 Ганцев В. 232
 Гаранин 455
 Гаркавий И. И. 376
 Гартох О. О. 393
 Гастев А. К. 391, 392
 Гвахария Г. 358, 359, 395
 Геккер А. И. 377
 Геладзе Е. Г. 15
 Геллер М. 7
 Геловани М. 399
 Генкин Е. Б. 354
 Генри Э. 11, 281
 Генриховский Г. 385, 386
 Герасимов М. П. 397
 Германович М. Я. 378

 Гернет М. Н. 446
 Гертик А. М. 309
 Гидаш А. 398
 Гикало Н. Ф. 368
 Гинзбург А. М. 235, 245
 Гинзбург Е. С. 7, 8, 11, 310, 311,
     355, 388, 401, 435, 443, 445,
     446, 456
 Гинцберг Л. И. 281
 Гиршфельд Е. В. 356
 Гитлер 280, 281, 317, 378, 387
 Гладков А. К. 460
 Гладков Т. 380
 Глебов-Авилов Н. П. 395
 Гнедин Е. А. 7, 11, 260, 332, 333,
     338, 341, 356
 Говоров Л. И. 393
 Гоглидзе 382
 Гогоберидзе Л. 369
 Гогоберидзе Н. 439
 Гозулов А. 215
 Головач П. 397
 Голодод Н. М. 368
 Голосов Ю. 157
 Голощекин Ф. И. 20, 24, 148,
     150, 297, 419
 Голуб Н. И. 368
 Голуб Ф. И. 368
 Голубок В. И. 397
 Гольцман Э. 422, 423
 Гомеров Н. Н. 383
 Гомес 386
 Гончаров Б. Ф. 255
 Горбатов А. В. 415, 416, 437,
     439, 440, 442, 445
 Горбачев Б. С. 377
 Горбачев Г. Е. 397
 Горбачев М. С. 9
 Горбульский С. Е. 366
 Горбунов Н. П. 392
 Горев В. Е. 421
 Горелов А. С. 397
 Горич М. (И. Чижинский) 386
 Гортный Г. 397
 Горшенин П. С. 374
 Горшков 375
 Горький А. М. 22, 83, 284—286,
     313—315, 330, 335, 337,
     340, 452
 Гоц А. 347
 Го Шаотан 375
 Грамп А. Н. 11

- Гранин Д. 7
 Грановский М. Л. 354
 Грачев А. П. 367
 Гревс И. М. 256
 Грей Я. 14
 Греков И. 132, 133
 Грибов С. Е. 377
 Григоришин 454
 Григорович Д. П. 255
 Григорянц М. 215
 Грин Е. А. 11
 Гринько Г. Ф. 330, 333
 Гришин А. С. 377
 Громан В. Г. 235, 241, 244, 245, 249
 Громов В. 86
 Гронский И. М. 397
 Гроссман В. 7, 8, 213, 214
 Гроссман В. Я. 354
 Грязнов И. К. 377
 Губер П. К. 397
 Губерман С. Е. 366
 Гугель Я. С. 395
 Гуревич А. И. 355
 Гурский Ф. 381
 Гусев С. И. 365
 Гусейн Джавид 397
 Гусейнов М. Д. 369
 Гусихин И. Ф. 366
 Гюллинг Э. 367
- Давдариани Г. 412
 Давлетшин Г. 398
 Далин В. М. 390
 Дамбинов И. 398
 Данишевский И. М. 11
 Данишевский К. 95, 356
 Даниэльсон Р. 6
 Данскер С. М. 255
 Датт Р. П. 86, 339
 Дашковский И. 78, 85, 345
 Деборин А. М. 273, 274
 Девис Дж. Э. 425
 Деглав Ф. 386
 Деготь В. А. 383
 Дедиков Н. И. 366
 Дейчер И. 74
 Деканозов 382
 Дементьев А. Г. 11
 Демидов В. И. 264
 Демченко Н. Н. 355
 Деникин 114, 279, 376, 377
- Дерибас Т. Д. 380
 Джабиев Г. 356
 Джавахишвили М. 397
 Джандосов У. К. 370
 Джансугуров И. 397
 Джапаридзе П. 265, 267
 Джибладзе С. В. 16, 17, 38
 Джилас М. 7
 Джонсон Ч. 389
 Джорджавадзе А. 394
 Джугашвили В. И. 14
 Джугашвили Я. И. 20, 265, 267
 Дзенис О. 386
 Дзервит Ю. А. 383
 Дзержинский Ф. Э. 33, 34, 37, 43, 54, 55, 90, 94, 96, 114, 128, 129, 136, 160, 162, 327, 346, 369, 380, 381, 406, 410, 411, 447
 Дикой А. 399
 Диментман А. 374
 Димитров Г. 387
 Дицген И. 21
 Дмитриев Г. 391
 Дмитриев Д. М. 245, 247
 Дмитриченко А. И. 402
 Днепров 255
 Добродженау А. 389
 Доброхотов Н. Ф. 365
 Довженко А. П. 396
 Догадов А. И. 373
 Додобаев Б. 371
 Домбровский В. Р. 380
 Дон Ц. 398
 Дорн А. Ф. 399
 Дороднов 251
 Достоевский Ф. М. 339, 461
 Дояренко А. Г. 232
 Драбкина Е. Я. 11, 52, 59, 397, 456
 Дробинский Я. И. 11, 401, 435
 Дробнис Я. Н. 323, 343, 344
 Дубинский 436
 Дубинский-Мухадзе И. 16, 21, 357
 Дубовой И. И. 377
 Дубошин 302, 303
 Дубровинский 22, 23
 Дубровский С. М. 390
 Дудинцев В. Д. 7, 11
 Дудник В. 41
 Дунаевский И. О. 337
 Дуплицкий Д. Г. 377

- Дурмашкин А. М. 11, 74, 229,
 297, 301
 Душенов К. И. 377
 Дыбенко П. Е. 33, 377, 435
 Дыбец С. С. 355
 Дышеков М. 398
 Дьюи Д. 350, 426
 Дьяков В. В. 312
 Дьяконов С. С. 395

 Евдокимов Г. Е. 308, 309, 316,
 319, 407
 Евдокимов Е. Г. 257, 297, 380
 Егизарян А. 370
 Егоров А. И. 45, 314, 377
 Егоров А. С. 368
 Егоров В. С. 366
 Егорова Е. Н. 373, 374
 Егорьев В. В. 356
 Ежов Н. И. 297, 300, 303, 319—
 322, 326, 332, 340, 341,
 356, 358, 359, 361, 372, 374,
 376, 381, 383, 406—410,
 414, 416—418, 430, 455,
 457, 461
 Емельянов Н. А. 364
 Енгибарян А. А. 394
 Енукидзе А. С. 92, 200, 267, 269,
 271, 301, 304, 312, 313, 340,
 354, 413
 Ербанов М. Н. 367
 Еремеев К. С. 28, 29, 33
 Еременко В. Д. 368
 Еремян В. 370
 Ерзинкян А. 370
 Ерманский О. А. 392
 Есаян А. 370
 Ефремов В. Н. 357
 Ефремов С. А. 231
 Ефстафьев А. Е. 11

 Жданов А. А. 163, 300, 301, 303,
 319, 359, 415, 417
 Желябов 300
 Жемчужная П. 267, 269
 Жигулин А. 8
 Жид А. 315, 316, 427
 Жлоба Д. П. 42, 378
 Жолио-Кюри И. 428
 Жолио-Кюри Ф. 428
 Жордания Н. 16, 17, 38
 Журавлев Н. И. 366

 Заблоцкий Н. А. 8, 396, 397
 Заводник Я. И. 368
 Загер С. А. 363, 368, 415
 Зайцев 172
 Зайцев Ф. И. 354
 Заковский Л. 300, 322, 332, 372,
 373, 407, 457, 458
 Закс Г. 348
 Закс С. М. 400
 Залезжский В. Н. 28
 Залин Л. Б. 380
 Залкинд Л. Б. 245
 Залуцкий П. А. 28, 266, 308, 309
 Залыгин С. П. 206
 Замятин П. М. 264
 Зандрейтер Э. 386
 Запорожец А. 368
 Запорожец В. 368
 Запорожец И. 300, 301, 304
 Запорожец М. К. 368
 Запорожец П. К. 368
 Зарудин Н. Н. 397
 Заславский В. И. 395
 Затонский В. П. 295, 296, 368
 Захаров Ф. 22, 23
 Захарова (Бронтман) Р. Г. 22
 Звягковский М. Т. 277
 Здрадовский П. Ф. 11, 393, 410,
 416, 435
 Зеленский И. А. 119
 Землячка Р. С. 160
 Зильбер Л. А. 393, 416
 Зимин Н. Н. 354
 Зиновьев (Радомысльский) Г. Е.
 22, 25, 32, 33, 37, 44, 55—57,
 61, 64, 65, 67, 70, 72, 88,
 90—93, 97, 98, 100—101, 103,
 104, 106—119, 122—125, 127,
 133, 136—140, 142, 145, 146,
 148—151, 154, 157, 163, 169,
 171, 263, 266, 279, 283,
 294, 306, 308, 309, 316,
 317, 319, 321, 322, 325,
 327, 329, 407, 423, 426
 Златопольский С. Л. 433
 Знаменский А. В. 393
 Зозноченко С. Б. 355
 Зорге Р. 382
 Зорина Д. Ю. 11
 Зорич А. 397
 Зошенко М. М. 452
 Зусканд Г. 388

- Зыков А. И. 355
 Ибрагимов Г. 398
 Ибрагимов М. 367
 Иванов Б. И. 11
 Иванов В. В. 366
 Иванов В. И. 330
 Иванов Вс. 396
 Иванов Г. 375
 Иванов И. И. 366
 Иванов М. С. 264
 Иванова А. 370
 Иваненко Г. В. 277
 Игнатов Е. Н. 346
 Измаилович А. А. 347
 Иков В. К. 235, 243, 246
 Икрамов А. 330, 334, 338, 340, 371
 Икрамов К. 11, 213, 334
 Ильдым Ч. 395
 Ильицкий И. И. 406
 Илюхов Н. К. 11, 343
 Инбер В. 452
 Инов М. М. 380
 Иовчук М. 273
 Ионисян А. 370
 Иоффе А. А. 37, 77, 96, 149
 Иоффе М. М. 66, 77, 96
 Ипатьев Н. Н. 392
 Иппо Б. М. 378
 Иркис П. А. 366
 Исаев И. Д. 370
 Искров 387
 Исламов Р. 371
 Исраилов Н. 371
 Истман М. 66, 137
 Ищов М. М. 447, 448, 460
 Кабаков И. Д. 366
 Кабо Л. Ф. 11
 Кабулов И. Ю. 370
 Каверин В. А. 11, 275, 276
 Кавтарадзе Г. К. 395
 Кавтарадзе С. И. 20
 Каганович Л. М. 52, 119, 172, 195, 198, 210, 273, 283, 296, 315, 317, 319, 329, 359, 374, 406, 412
 Казаков И. Н. 330
 Казбеги А. 15
 Какурин Н. Е. 256
 Калганов Ю. В. 394
 Калинин К. А. 394
 Калинин М. И. 28, 29, 44, 63, 90, 127, 128, 142, 148, 162, 163, 168, 171, 173, 203, 294, 296, 354, 369, 421, 427
 Калининников И. А. 234
 Калиновский К. 378
 Калманович М. И. 355
 Калмыков Б. 367
 Кальгина А. С. 366
 Каменев (Розенфельд) Л. Б. 27—31, 33, 44, 50, 53—55, 57, 61, 64, 65, 67—70, 72, 88—92, 98, 100, 102, 106, 107, 109—111, 113, 115—119, 122—124, 126—128, 136—140, 145, 146, 148—151, 154, 162, 163, 171, 181, 263, 279, 283, 294, 308, 309, 312, 316, 317, 319, 321, 322, 325, 327, 329, 423, 426
 Каменев С. М. 391
 Каменев С. С. 45, 46, 83, 378
 Каменский А. 43
 Каменштейн С. Д. 368
 Каминский Г. Н. 327, 355, 414
 Камков Б. 347
 Камо (Тер-Петросян) С. А. 19, 365
 Канатчиков С. И. 365
 Кангелари В. А. 356
 Канторович А. Я. 392
 Каплан 113
 Каппенбергер Г. 388
 Капуцкий А. Г. 278
 Караев А. Г. 369
 Каратыгин Е. С. 233
 Карахан Л. М. 356
 Карев Н. 273, 391
 Карикаш Ф. 385
 Кармайкл Дж. 6, 74, 78—80, 82—84, 93, 97
 Карпеченко Г. К. 393, 417
 Карпинский В. А. 22
 Карпинский Л. В. 11
 Карский М. А. 356
 Картвелишвили Л. 297, 366, 411, 412, 414
 Карякин Ю. Ф. 11
 Катаев В. П. 396, 452
 Катаев И. И. 397
 Катанян Р. П. 383
 Кахиани М. 369

- Каховская И. К. 347
 Кацафа 306
 Кацнельсон З. Б. 380
 Качкарян А. М. 394
 Каширин И. Д. 381
 Каширин Н. Д. 377
 Кашкетин 454, 455
 Каюров В. Н. 264
 Квиринг Э. И. 297, 355
 Кедров И. М. 418
 Кедров М. С. 411, 418, 419
 Кейтель В. 378
 Келдыш М. 390
 Келли Л. 14
 Кестлер А. 342, 343
 Кецховели Л. 16, 17
 Кикодзе П. 397
 Кин-В. П. 397
 Киреев Г. П. 377
 Кирилкин 395
 Кириллов В. Т. 397
 Киров С. М. 127, 292, 294–309,
 313, 317, 328, 330, 335–337,
 340, 347, 369, 411, 414
 Кирсанов С. И. 396
 Киршон В. М. 397
 Киселев А. С. 20, 346
 Клейменов И. Т. 394
 Клименко И. Е. 368
 Клинецвич П. А. 277
 Ключев Н. А. 397
 Кнорин В. Г. 390
 Кобулов 382
 Кобяков В. 398
 Ковалев А. Ф. 369
 Ковалев Н. В. 393
 Ковальская Е. Н. 347
 Ковтюх Е. И. 377
 Коган Е. С. 366
 Когу К. 347
 Кодацкий И. Ф. 366
 Кожанов И. К. 377
 Козелев Б. 373
 Колас Я. 369
 Колегаев А. П. 348
 Коллонтай А. М. 363
 Колотилов Н. Н. 297, 366
 Колчак 128, 377
 Кольман Э. 7
 Кольцов М. Е. 132, 315, 397
 Кольцов Н. К. 393
 Комаров Н. П. 94
 Коммодов Н. 235, 336
 Кондаков М. И. 368
 Кондратьев Н. Д. 232, 244
 Кон Ф. Я. 363
 Конквест Р. 6, 271, 292, 320, 362,
 426
 Коновалов М. 398
 Константинов-Ф. В. 273, 391
 Копелев Л. З. 7, 11, 416, 435, 456
 Корепанов-Кедра Д. 398
 Корг А. И. 376
 Королев С. П. 394
 Королев Ф. Ф. 11
 Короленко В. Г. 214
 Короленко С. В. 214
 Корнев Ю. В. 394
 Корнилов Б. П. 397
 Коростелев А. А. 374
 Коршунов С. П. 366
 Коршунов С. П. 390
 Коротный С. З. 366
 Косарев А. В. 301, 374, 375, 417,
 439, 442
 Косарева Е. А. 11
 Косиор В. 95
 Косиор С. В. 232, 294, 317, 320,
 353, 354, 368, 417, 435
 Костанян А. 370
 Костерин А. 214, 397
 Косткин И. М. 255
 Костшева В. (М. Кошитская) 385,
 386
 Котолынов И. И. 305
 Кох К. Х. 393
 Кохиани М. И. 354
 Коцюбинский Ю. М. 368
 Коэн С. 6, 161, 165, 180, 182
 Краль Ц. 386
 Красиков П. А. 228, 363, 383
 Красин Л. Б. 19, 365
 Красников С. 298
 Краснов-Левитин А. 309, 310
 Крастин 383
 Крейсон П. М. 255
 Крестинский Н. Н. 26, 37, 44, 160,
 330–334, 338, 340
 Кржижановский Г. М. 363
 Кривицкий В. 382, 429, 430
 Кримян 382
 Криницкий А. И. 366
 Кричевский И. Л. 393
 Кропоткин П. А. 446, 447

- Крумин Г. И. 392
 Круминь-Пилат Я. 386
 Крупенина М. В. 391
 Крупская Н. К. 54, 55, 58, 59, 62,
 64, 65, 102, 123, 125, 126,
 139, 156, 198, 214, 282, 338,
 360–362, 364
 Крутикова Н. 30
 Крутков Ю. А. 392
 Крутов Г. М. 366
 Крыленко Н. В. 33, 228, 233, 235–
 239, 243, 247, 248, 252, 288,
 355, 382, 438
 Крымский М. Д. 367
 Крючков П. П. 313, 314, 330
 Кубяк Н. А. 346
 Кудрявцев С. А. 368, 417
 Кузнецов А. 142
 Кузнецов Н. С. 439
 Кузнецов (Дарбинян) П. М. 370
 Кузьмичев Б. 376
 Куйбышев В. В. 50, 52, 58, 160
 168, 294, 330, 335, 337, 340
 Куйбышев Н. В. 377
 Куклин А. С. 309
 Куклин Г. О. 397
 Кукрыниксы 396
 Кулагин И. М. 301, 303
 Кулиев К. 371
 Кулиев М. 369
 Кулиш М. 397
 Кулумбетов У. 370
 Кульков М. М. 366
 Кун Б. 384, 385
 Кундуш В. А. 457
 Купала Я. 369
 Куприянов С. В. 234
 Курбас Л. 399
 Куренков 367
 Курнатовский В. 17, 18
 Курский 381
 Курчевский Л. 395
 Курылев А. 374
 Кусильман Е. С. 400
 Кутяков И. С. 377
 Куусинен А. 382
 Куусинен О. 382
 Кучинский Д. А. 378
 Кясарт И. 386
 Лазарев П. П. 256
 Лакоба М. А. 369
 Лакоба Н. А. 320, 369, 439
 Лакоба (жена Н. Лакобы) 439
 Ламбров Г. 387
 Лангемак Г. Э. 394
 Ландау 437
 Ландау Л. Д. 392, 416
 Ландау Э. М. 208
 Ланцеманис Я. 386
 Лапин А. Я. 377
 Лапинский П. Л. 384
 Ларина А. М. 11, 270, 319, 325,
 329
 Ларичев В. А. 233, 234, 237, 239,
 241
 Лассаль Ф. 83
 Лацис М. 380, 446
 Лашевич М. М. 56, 95, 114, 139,
 140, 150
 Лебедев Г. 375
 Лебедев С. В. 224
 Лебеденко А. К. 397
 Лебедь Д. З. 355
 Лев Д. И. 11
 Левандовский М. К. 377
 Левин А. А. 354
 Левин М. 6
 Левинштейн И. 366
 Левит С. Г. 393
 Левитина-Краснова А. 7
 Левитский Г. А. 393
 Левицкий А. М. 368
 Лежава А. М. 355
 Лейкин Э. Г. 11
 Лейтейзен М. Г. 395
 Ленин В. И. 18, 20–22, 25, 29,
 30, 32–38, 40, 43–59, 61–
 66, 70–83, 85–94, 97, 101–
 107, 110–118, 121, 122, 126,
 134, 137, 156–163, 166, 169,
 173, 178, 182, 184–187, 190,
 193, 197, 202, 225–227, 254,
 257, 260, 261, 265–267, 279–
 282, 284, 289, 295, 328,
 330, 335, 337, 338, 340, 346,
 354, 360–365, 367, 368, 370,
 373, 374, 383, 384, 392,
 407, 414, 431, 458
 Леонгард В. 6
 Леонов Ф. Г. 366
 Леонов Л. М. 396
 Лаврушин 407
 Ладыженский Н. И. 256

- Лепа А. К. 367
 Лерт Р. Б. 11
 Лецинский-Леньский Ю. 385, 386
 Лившиц М. Н. 460
 Лившиц Я. А. 323, 395, 460
 Лидин В. Г. 396
 Липов Г. П. 384
 Литвинов В. Н. 11
 Литвинов М. М. 420
 Лихачев Н. П. 256
 Лобов С. С. 355
 Логинов В. Т. 21
 Логинович И. К. 385
 Локтионов А. Д. 421
 Ломинадзе В. В. 262, 263, 297,
 312, 346
 Ломов (Опоков) Г. И. 37, 148,
 160, 297, 355
 Лонгва Р. В. 377
 Лордкипанидзе Л. 380
 Лоскутов М. П. 397
 Лотте С. 390
 Лохани 387
 Лудри И. М. 377
 Лузин Н. Н. 392
 Лукашин С. Л. 355
 Лукин Н. М. 390
 Лукирский П. И. 392
 Лукьянов Д. 375
 Луначарский А. В. 75, 77, 88, 96,
 200, 257, 284, 285, 320, 362,
 365
 Луньков А. Т. 403
 Луппол И. К. 391
 Лурье М. 395
 Лысенко Т. Д. 275, 393
 Лычев И. А. 354
 Любимов И. Е. 326, 355, 372
 Любченко А. П. 368
 Любченко П. Н. 232
 Людвиг Э. 16
 Люксембург Р. 280
 Лышков Г. 322, 407

 Маари Г. 397
 Мадьяр Л. 385
 Маек М. Р. 438
 Майлин В. 397
 Майоров И. А. 347
 Майоров М. М. 356
 Майский И. М. 428, 429
 Майский М. С. 385

 Маклейн Д. 11
 Максимова Е. 382
 Максимовский В. 96
 Максудов 7
 Маленков Г. М. 52, 370, 374, 375,
 406, 408
 Малиновский Р. 25
 Малкин В. Ф. 348
 Мальцев Е. Ю. 11
 Мамедов Д. 371
 Мамулия Я. 369
 Мандельштам Н. Я. 7, 320
 Мандельштам О. Э. 286, 320, 397
 Манжара Д. И. 371
 Мануильский Д. З. 77, 363
 Манцев В. Н. 380
 Марголин Н. В. 366
 Марголин Ю. Б. 446
 Марецкий Д. П. 143, 172, 263,
 264
 Мари Ж. Ж. 6, 18
 Марков Д. С. 394
 Марков С. М. 394
 Маркс К. 17, 21, 56, 197, 260,
 283, 284
 Мартикян С. 370
 Мартов Л. 37—39
 Мартынов А. 132
 Марьясин Л. Е. 355
 Масленников А. А. 23, 24
 Масловский Н. П. 385
 Матвеев Д. 375
 Матулевич И. О. 384
 Матушевский Б. Ф. 232
 Мах Э. 21
 Махарадзе Ф. И. 16, 55, 413
 Махно 279
 Маховер 360
 Маяковский В. В. 216, 320
 Мглоблишвили Г. 369
 Мдивани Б. 55, 91—93, 154, 346
 Мебеля М. И. 264
 Медведев А. В. 383
 Медведев А. Р. 391
 Медведев Ж. А. 6, 7, 12
 Медведь Ф. Д. 300, 303, 304
 Меерзон Ж. И. 354
 Меерсон С. М. 394
 Межлаук В. И. 355
 Мезис А. И. 378
 Мейер А. А. 256
 Мейер Г. 428

- Мейерхольд В. Э. 311, 396, 399, 417
 Мейстер Г. К. 393
 Меклер М. 124
 Меликян А. 370
 Мельничанский Г. Н. 373
 Менжинский В. Р. 136, 147, 148, 169, 330, 335, 337, 340, 380
 Меньшиков Г. И. 11
 Мерецков К. А. 415
 Меркадер Р. 352
 Меркулов 382
 Меркуров 359
 Мессинг С. 380
 Мехлис Л. З. 52, 297
 Мехоношин К. А. 41, 47, 393
 Микеладзе Е. 399
 Микитенко И. К. 397
 Микоян А. И. 15, 52, 127, 131, 170, 190, 191, 245, 271, 295, 315, 329, 370, 413
 Миллер 229
 Милх Л. Р. 395
 Мильчаков А. 374, 375
 Мильштейн 382
 Милюков 142, 231
 Милютин В. 391
 Милютин В. М. 356
 Минин С. К. 41, 43
 Минц И. И. 79
 Мирзоян Л. И. 370
 Миrows-Абрамов 384
 Миронов Л. Г. 380
 Миронов-Корнев Б. 356
 Мирринг Р. 386
 Митин М. Б. 273, 274, 390
 Миф П. 384
 Михайлик 232
 Михайлов В. 373
 Михайлов В. М. 395
 Михайлов М. Е. 366
 Михайлов-Иванов В. И. 395
 Михайловский Г. 151
 Михеев А. А. 393
 Мицишвили Н. 397
 Модонов С. 400
 Молотов В. М. 15, 28, 50, 52, 119, 127, 128, 163, 168, 170, 172, 179, 190, 191, 193, 210, 211, 267, 269, 283, 300—302, 315, 317, 319, 327, 329, 340, 341, 357—359, 372, 375, 408
 Молчанов Г. А. 322, 380
 Мрачковский С. 137, 148, 316
 Мукерджи 387
 Муклевич Р. А. 377
 Мулин В. М. 377
 Муралов А. И. 356, 393
 Муралов Н. И. 139, 149, 154, 160, 323, 324
 Муранов М. К. 28, 29, 363
 Мусабегов Г. М. 369
 Мухамедов А. 371
 Мюнценберг В. 388
 Мясищев В. М. 394, 416
 Мясников Г. И. 94
 Надашкевич А. В. 255, 394
 Надсон Г. А. 393
 Назаретян А. М. 354
 Нанейшвили В. 356
 Нарбут В. И. 397
 Нариманов М. А. 369
 Наседкин А. А. 245, 247
 Насри И. 398
 Нашковский М. 385, 386
 Невский В. И. 312
 Невский Н. А. 393
 Негретова П. И. 455
 Нейман А. Ф. 356
 Нейман Г. 281, 388
 Нейман К. А. 355
 Некрасов 255
 Некрасов А. И. 392
 Некрич А. М. 7, 11
 Немаков Н. И. 196
 Неман И. Г. 394
 Немцев Н. М. 383
 Никифоров Г. К. 397
 Николаев И. В. 11
 Николаев Л. 298, 300, 301, 305, 306, 308
 Новакович 386
 Новиков И. А. 366
 Новоселов А. М. 367
 Ногин В. П. 365
 Норенц В. 397
 Носов И. П. 366
 Нуров Н. Г. 394
 Нурпеисов С. 370
 Огородницкая А. З. 11
 Огородницкая Е. З. 11
 Одинцов А. В. 392

- Одинцов С. С. 356
 Озеров Г. А. 394
 Озерянский Н. Ю. 415
 Ойунский П. 398
 Окороков А. З. 38, 39
 Оксман Ю. Г. 397
 Окунев Г. С. 377
 Олеша Ю. К. 396
 Олык И. 398
 Ольминский М. С. 28, 29
 Орас П. 356
 Орахелашвили М. Д. 295, 297, 369, 413, 414
 Орахелашвили М. 369
 Орджоникидзе В. 357
 Орджоникидзе Г. А. 360
 Орджоникидзе Г. К. 50, 52–55, 81, 85, 90, 92, 127, 163, 168, 257, 269, 294, 295, 346, 356–359, 369, 411, 412, 414
 Орджоникидзе З. Г. 358, 359
 Орджоникидзе К. 357, 358
 Орджоникидзе Н. 360
 Орджоникидзе П. 356, 359, 360, 435
 Орлов А. 321, 322, 334, 362, 381
 Орлов В. М. 377
 Орлов Д. А. 366
 Осепян Г. А. 377
 Осинский Н. (В. В. Оболенский) 96, 102, 160, 345
 Осипов А. В. 368
 Осипов-Шмидт О. П. 355
 Осмоловская С. Н. 304
 Остраградский М. В. 380
 Островский 356
 Острогорский М. В. 11, 383, 438
 Осьмов Н. М. 366
 Отс К. М. 395
 Охотников Я. 376
 Оцеп М. А. 233
 Очкин А. Д. 132
 Очкин В. И. 234
 Ощепков П. К. 395
- Павлов 455
 Павлов А. В. 378
 Павлов И. 387
 Павлуновский И. П. 438
 Пальчинский П. А. 234
 Панферов Ф. И. 206
 Панцержинский Э. С. 377
- Парвус (Гельфанд) А. Л. 75, 76
 Пастернак Б. Л. 8, 215, 396
 Паузер Ф. 386
 Паукер К. В. 269, 271, 359, 380
 Паукер М. 389
 Пахомов Н. И. 355
 Пахомов Н. И. 366
 Пегельман Х. 386
 Пелузо Э. 388
 Пергамент А. 455
 Перрен Ж. 428
 Перфильев Е. Л. 383
 Першман Е. 366
 Пестковский С. 35
 Петерс Я. Х. 381
 Петин Н. Н. 377
 Петлюра 36, 365
 Петляков В. М. 394, 416
 Петровский Г. И. 20, 25, 26, 66, 295, 363, 415
 Петровский Л. Г. 363, 415
 Петровский Л. П. 11
 Петровский П. Г. 143, 148, 172, 263, 363, 415
 Петунин 244, 245
 Пивоваров И. Н. 366
 Пикина В. Ф. 374, 375, 439
 Пилацкая О. В. 368
 Пилляр Р. А. 380
 Пильняк Б. А. 8, 134, 135, 397
 Пинкевич А. П. 391
 Пинский Л. Е. 11
 Пинто О. 434
 Пионтковский С. А. 390
 Пиотровский А. И. 399
 Писарев С. П. 11, 436, 437, 439
 Пистрак М. М. 391
 Письменный А. Г. 11
 Пичугин С. 391
 Плавник Л. Я. 383
 Платонов С. Ф. 256
 Платтен Ф. 364, 365, 458
 Плетнев Д. Д. 330, 337
 Плеханов Г. В. 21, 274
 Плоткин М. А. 356
 Поваров 459
 Погребинский М. С. 381
 Подвойский Н. И. 33, 133, 320, 363
 Позерн Б. П. 402, 438, 457
 Позигун М. Ф. 458
 Покровский М. Н. 273, 389, 390

- Поливанов Е. Д. 392
 Поликарпов Н. Н. 255
 Полонский В. И. 356
 Полонский Вл. 412
 Полуян Я. 366
 Поляк М. М. 109
 Пономарев Б. Н. 295
 Понтович Э. Э. 312
 Попов 387
 Попов Н. 355
 Попов Н. Н. 390
 Попович 386
 Попок Я. А. 371
 Портнов А. И. 402
 Портнов Л. М. 11, 400
 Поскребышев А. Н. 297
 Поспелов П. Н. 297, 360
 Постышев П. П. 261, 262, 327,
 354, 368, 417
 Правов И. 399
 Прамнэк Э. К. 366
 Преображенский Е. А. 49, 51, 94,
 95, 100, 102, 106, 143, 144,
 153, 157, 161, 162, 170
 Преображенский П. Ф. 390
 Прибылов А. В. 347
 Прибылова-Корба А. И. 347
 Примаков В. М. 376
 Приставкин А. 8
 Пришвин М. М. 314
 Прокофьев Г. Е. 380
 Прокофьев З. Я. 395
 Проскуров И. И. 421
 Прухняк Э. 385, 386
 Птуха В. В. 366
 Птухин Е. С. 421
 Пуанкаре А. 234, 235
 Пугачев С. А. 378
 Пугачевский Л. И. 367
 Путилов А. И. 394
 Путна В. К. 376
 Пшеницын К. Ф. 354
 Пятаков Г. Л. 61, 64, 95, 139, 150,
 160, 162, 283, 311, 318, 319,
 323, 325—329, 331, 338, 342,
 355, 423, 424
 Пятницкий И. 360, 384

 Равич-Черкасский М. Е. 264
 Равкин О. 374
 Радек К. Б. 88, 101, 137, 138,
 149, 150, 153, 160, 283, 311,
 318, 319, 323—327, 338, 342,
 343, 362, 423, 424, 426
 Радищев 247
 Радченко И. И. 356
 Разумнов М. И. 366
 Разумовский И. 391
 Райков Б. Е. 256
 Ракилов Г. Д. 366
 Раков Г. П. 366
 Раковский Х. Г. 89, 146, 150, 153,
 154, 162, 217, 330, 333, 337
 Ральцевич В. 273
 Рамзин Л. К. 233, 234, 238—242,
 244
 Рамишвили И. 49, 51
 Рамм К. 382
 Раскольников Ф. Ф. 33, 356, 430
 Рафальский М. 399
 Рахимбаев А. 370
 Рахманов Г. 369
 Рахманов Г. 375
 Рваль 386
 Реденс Ст. 268, 322, 407
 Рединин А. Т. 371
 Рейман М. 7
 Рейн-Абрамович Р. А. 241, 248,
 249
 Рейс И. 382
 Реммеле Г. 281, 388
 Решиков И. И. 366
 Риббентроп И. 416
 Рид Д. 34
 Ризаев Д. 371
 Риттерспорн Г. Т. 416, 417
 Роботти П. 389
 Ровио Г. 367
 Родзевич Л. И. 277
 Розанов В. Н. 131—133
 Розенберг Д. Г. 367
 Розенберг М. 356
 Розенблюм 457
 Розенгольц А. П. 330, 333, 337,
 338
 Розит Д. 143
 Розыбакиев А. 370
 Рокоссовский К. К. 415
 Роллан Р. 316, 425
 Ромм М. И. 11
 Ростовский С. Н. (см. Генри Э.)
 Рубенов Н. Н. 354
 Рубин И. И. 235, 249—253
 Рубина Б. И. 249, 250

- Рудаш В. 391
 Рудзутак Я. Э. 52, 168, 224, 354
 Руднев П. В. 11
 Руднев С. В. 415
 Рудный В. А. 11
 Рузвельт Ф. Д. 277, 425
 Румер Ю. Б. 392
 Румянцев И. П. 366
 Румянцев К. А. 297
 Рухимович М. Л. 355
 Рыбаков А. 8
 Рыжова 408
 Рыков А. И. 63, 66, 89, 90, 102,
 117, 118, 120—123, 133, 136,
 141, 150, 165, 166, 168—170,
 172—174, 178—182, 189, 285,
 286, 297, 301, 318, 324—331,
 336—338
 Рынг Е. 385
 Рындин К. 150, 366
 Рыскулов Т. 355
 Рычагов П. 421
 Рютин М. Н. 154, 263, 264, 289,
 294, 328, 329, 346
 Рябинин Е. И. 366
 Рябичев Н. Н. 356
 Рябушинский П. П. 239
 Рязанов Д. Б. 74, 236, 249—253,
 260, 288, 298
 Рязанцев А. В. 233
 Рястас О. 386

 Сабинин А. В. 356
 Саблин Ю. В. 376
 Савельев М. А. 390
 Савинов С. М. 366
 Савицкий 382
 Савкина А. М. 403
 Садаев Д. С. 371
 Садовский А. А. 237
 Сазонтов А. Я. 378
 Саид-Галиев С. 367
 Салих 389
 Салова Н. М. 347
 Салтанов С. 375
 Самединов А. 367
 Самойлов 26
 Самойлова Ф. И. 363
 Самойлович Р. Л. 392
 Сандомирский Г. Б. 348
 Сапронов Т. 96, 100, 102
 Саукке Б. А. 394

 Сафаров Г. 150, 384
 Сафронова Г. И. 393
 Сахаров А. Д. 11
 Сахатмурадов Х. 371
 Сахатов К. 371
 Сац И. А. 11, 70, 200, 320, 346,
 362
 Сац Н. 399
 Сванидзе А. 268
 Сванидзе А. 268
 Сванидзе Е. 20, 265
 Сванидзе М. 268
 Свердлов В. М. 365
 Свердлов Я. М. 20, 22—24, 27,
 32, 34, 37, 39, 42, 52, 114,
 116, 365
 Свердловва К. Т. 23
 Светлов Ф. Ю. 348
 Свечин А. А. 378
 Свистун П. И. 395
 Сегизбаев С. 370
 Седов Л. 151, 331, 349—351, 422
 Седякин А. И. 377
 Сеид Гусейн 397
 Сейфуллин С. 397
 Семашко Н. А. 133, 363, 447
 Семенов С. А. 402
 Семичев А. А. 368
 Семушкин 357, 359, 360
 Сербиченко А. К. 368
 Сердич Д. Ф. 377
 Серебровский А. П. 355
 Серебряков Л. П. 44, 48, 95,
 137, 153, 318, 319, 323
 Серебрякова Г. 397
 Серж В. 109—111, 276, 371
 Сидельников А. Н. 255
 Сикейрос 352
 Симонов К. М. 11, 439
 Симочкин В. Я. 366
 Симякин В. Я. 366
 Синельников С. 298
 Сиротинский С. 130
 Ситнин К. В. 234
 Сияк И. М. 392
 Скворцов-Степанов И. И. 273
 Скрыпник Н. А. 36, 148, 232,
 261, 262, 295
 Славин И. Е. 377
 Слепков А. Н. 143, 172, 263, 264
 Слинкин И. В. 366
 Словатинская Т. А. 26

- Слонимский М. В. 380
 Слуцкий А. А. 380
 Слуцкий А. Г. 272, 390
 Слуцкий Б. 8
 Смилга И. Т. 37, 146, 150, 153
 Смирнов А. П. 293
 Смирнов В. 96
 Смирнов В. М. 377
 Смирнов Г. И. 355
 Смирнов Д. 41
 Смирнов И. Н. 67, 68, 89, 95, 150,
 153, 260, 316, 317
 Смирнов И. Я. 366
 Смирнов М. 380
 Смирнов Н. 395
 Смирнов Н. И. 400
 Смирнова З. 399
 Смирнова Н. П. 388
 Смолянский К. И. 384
 Смородин П. И. 303, 366, 374,
 457
 Смородина М. 303
 Смушкевич Я. В. 421, 445
 Снегов А. В. 11, 24, 36, 232, 257,
 364, 407, 410—412, 435
 Снесарев А. Е. 41, 256
 Соболев С. М. 366
 Сойфер Я. С. 366
 Соколов 26
 Соколовская Е. 399
 Соколовский А. Н. 232
 Сокольников Г. Я. 37, 53, 171,
 318, 319, 323, 325, 326
 Солженицын А. И. 7, 242, 243, 371,
 372, 420, 435, 446, 456, 461
 Солнцева М. А. 11, 151, 312
 Солсбери Г. 6
 Сольц А. А. 81, 160, 266, 383, 384
 Сомс К. П. 356
 Сорин В. Г. 390
 Сосновский Л. С. 38, 89, 154
 Спандарян С. 38
 Спасский С. Д. 397
 Спиридонов М. А. 347
 Спундэ А. П. 445
 Срапионян (Лукашин) С. 370
 Ставский В. 397
 Стакун М. О. 368
 Сталин В. И. 267, 271
 Старый Г. И. 368
 Стасова Е. Д. 20, 44, 362, 363
 Стеклов Ю. М. 390
 Степанян Н. 262, 370
 Стецкий А. И. 143, 174, 354
 Столяр А. Я. 366
 Стомоняков 387
 Стомоняков Б. С. 356
 Стоянов Мл. 387
 Стреж Л. Т. 395
 Строд И. Я. 377
 Строилов 326
 Струппе П. И. 366
 Стуков И. Н. 160, 345
 Стучка П. И. 365
 Стырне В. А. 380
 Стэн Я. Э. 263, 264, 273, 391
 Субоцкий 437
 Суварин Б. 6, 19, 66
 Сулимов Д. Е. 355
 Сулла 404
 Султан-Заде А. 386
 Султанов Г. 369
 Султанова А. 369
 Сурков М. А. 395
 Сурта И. З. 392
 Суханов Н. Н. 31, 107, 235, 240,
 241, 253
 Сухарев Г. Н. 367
 Сухишвили Л. 369
 Сухомлин В. И. 347
 Сухомлин К. В. 368
 Сциллард К. 394
 Частный 82
 Сырцов С. И. 52, 262, 263, 346
 Сытин П. П. 41, 42, 47
 Табидзе Т. 397
 Таиров А. Я. 275, 396
 Таиров В. Х. 356
 Тайшитов К. 375
 Такер Р. 6, 42, 59, 88
 Таковс С. А. 368
 Таланов В. В. 256
 Таль Б. М. 354
 Танев 387
 Тарасов-Родионов А. И. 397
 Тарковский А. 8
 Тарле Е. В. 239, 256
 Тарханов В. П. 366
 Тарханов О. 375
 Таубин Ю. 397
 Таукайте Е. 386
 Ташев К. 371
 Ташиазаров О. 371

- Твардовский А. Т. 7, 11, 255, 436
- Тевосян Ю. Т. 390
- Тейтельбаум М. И. 246, 247
- Тельман Э. 388
- Тендряков В. Ф. 11, 213
- Теодорович И. А. 392
- Тер-Аствацатрян И. 394
- Тер-Ваганян В. А. 316
- Тер-Габриелян С. 370
- Терентьев И. 399
- Терехов Р. 212
- Тиль К. В. 269
- Тимирязев А. 273
- Тимофеев-Ресовский Н. В. 392
- Тинчурин К. 398
- Тиссов 255
- Тито И. Б. 387
- Тихонов Н. С. 396
- Товстуха И. П. 52, 293
- Тодорский А. И. 11, 378, 401, 454
- Тодорский И. И. 356
- Токарева С. В. 264
- Толмачев В. Н. 293
- Толоконцев А. Ф. 355
- Толстой Л. Н. 461
- Тольятти П. 389
- Томашевич Д. Л. 394
- Томский М. П. 74, 118, 165, 166, 168—170, 172—174, 178—182, 285, 286, 297, 318, 328, 331, 373
- Томский Ю. М. 318, 345
- Тонигин П. М. 366
- Торез М. 281
- Тотовенц В. 397
- Трейвас Б. Е. 366
- Третьяков С. М. 397, 427
- Третьяков Т. С. 11
- Триандофилов В. 378
- Трилиссер М. А. 169, 384
- Трифонов В. А. 23, 81, 85, 356, 383
- Трифонов Ю. В. 7, 11, 23, 26, 81, 383, 384, 434
- Троицкий Н. Н. 393
- Троцкий Л. Д. (Л. Бронштейн) 18, 19, 24, 32, 33, 37, 40, 42—44, 46—52, 54, 55, 57, 60—65, 67, 68, 70, 72, 74—86, 88—111, 114, 118, 119, 124, 127, 128, 136—140, 142, 145—154, 156, 159, 161—164, 169—171, 174, 260, 262, 279, 282, 287—290, 305, 308, 317, 323, 324, 331, 335, 340, 344, 349—352, 361, 422—424, 427
- Тувин Ю. 11
- Тулайков Н. М. 393
- Туполев А. Н. 394, 416
- Туровский С. А. 376
- Турчин В. Ф. 11
- Тухачевский М. Н. 44, 110, 314, 340, 376, 426
- Тхоржевский С. И. 256
- Тымянский Г. 391
- Тюрабеков Д. 371
- Уборевич И. П. 340, 376
- Угаров А. И. 366
- Угаров Ф. 373
- Угланов Н. А. 119, 169, 172—174, 179, 263, 264, 285, 318, 328, 329,
- Улам А. 6, 14, 17, 134, 296, 299
- Улановская Н. М. 11
- Ульрих В. В. 317, 330, 331, 335, 337
- Ульянов М. И. 28, 29
- Ульянова М. И. 50, 73
- Ульянова С. Я. 384, 460
- Уншлихт И. С. 148, 378
- Урановский Я. М. 393
- Урицкий М. С. 34, 37, 77, 113, 160
- Урицкий С. П. 382
- Успенский 407
- Устрялов Н. В. 142, 231, 347, 348
- Уханов К. В. 355
- Уэллс Г. 187, 284, 427
- Фабрициус Я. А. 378
- Файнберг 374
- Файнштейн А. С. 394
- Федин К. А. 396
- Федоров Г. Б. 11
- Федоров Г. Ф. 345
- Федоров П. П. 264
- Федотов А. А. 234, 237, 239, 240
- Федько И. Ф. 377
- Фейгин В. 375
- Фейс Э. 390
- Фейто Ф. 341—343
- Фейхтвангер Л. 284, 285, 316, 423—425, 427

- Фельдман Б. М. 376
 Фельдман Е. Г. 408
 Фигатнер Ю. П. 355
 Филатов Н. А. 366
 Филиппович Ф. (Б. Бошкович)
 386
 Филиппьев И. Н. 393
 Финн-Енотаевский А. Ю. 241, 248,
 249
 Фирин С. Г. 452
 Фишман М. Л. 11
 Фишман Я. М. 377
 Фихнер А. В. 356
 Флаксерман Ю. 225
 Флик Л. 388
 Флоренский П. А. 200
 Фомин Ф. Т. 381
 Форштендекер И. Н. 11
 Фотиева Л. А. 90, 91, 363
 Франкфурт С. М. 395
 Фредерикс В. К. 392
 Френкель А. А. 354
 Фрешер Е. Э. 367
 Фридлянд Г. С. 390
 Фриновский М. 322, 407, 408
 Фролов Е. П. 11, 66, 303, 357, 391,
 445
 Фрумкин М. 169, 170, 173
 Фрунзе М. В. 8, 128—135, 160, 376
 Фурер В. 366
 Фурщик М. 391
- Хавкин М. П. 367
 Хазан 382
 Халатов А. Б. 355
 Ханджян А. 370, 411, 412
 Хансуваров И. 435
 Ханьковский А. И. 11
 Харламов Н. М. 394
 Хармс (Ювачев) Д. 418
 Хатаевич М. М. 368
 Хаханянц Г. Д. 378
 Хацкевич А. И. 369
 Хачалава 78
 Хирш В. 388
 Хитаров Р. 384
 Ходжаев Ф. 330, 338, 340, 342,
 371
 Ходжера Б. 398
 Холостяков Г. Н. 415
 Хольцман В. С. 393
 Хорватин К. 386
- Хорен I Мурадбекян 404
 Хосиев А. П. 11
 Хоутерманс Ф. 428
 Хохлушкин И. Н. 12
 Хрипин В. В. 377
 Хрущев Н. С. 7, 9, 211, 267, 269,
 297—299, 302, 304, 326, 368,
 418, 457
 Хулуфлу В. 397
 Хэлл К. 425
- Царевский М. М. 395
 Цвиич Д. 386
 Цвиич С. 386
 Церафибеков М. 369
 Церетели И. Г. 31
 Цесарский В. 303
 Цетлин Е. 172, 325
 Цилига А. 386
 Цимхлес М. 198
 Цинцадзе Ш. Р. 393
 Цифринович В. Е. 395
 Цумпура П. М. 421
 Цхакая М. Г. 16, 21
 Цыпин Г. Е. 400
 Цюрупа А. Д. 89
- Чагин Б. Л. 391
 Чагин П. 11, 300, 301
 Чайван И. Т. 398
 Чалидзе В. 7
 Чан Кайши 146, 147
 Чапаев В. И. 377
 Чаплин Н. 263, 374
 Чаренц Е. 262, 397
 Черновский Н. Ф. 234
 Чатападжайя 387
 Чаянов А. В. 218, 232
 Чемоданов В. 374
 Червяков А. Г. 368
 Черемухин А. М. 394
 Чернов М. А. 330
 Чернявский В. И. 368
 Черток 381
 Черчилль У. 425, 426
 Чижевский В. А. 394
 Чичерин Г. В. 149, 365
 Чичибабин А. Е. 392
 Чичибабин Б. 8
 Чичинадзе В. 394
 Чопич В. 386, 417

Чубарь В. Я. 148, 232, 262, 317,
353, 368
Чугурин И. Д. 360
Чудов М. С. 300, 301, 303, 304,
366, 457
Чуковская Л. 7
Чучелов 454
Чхейдзе Н. С. 16, 25, 102

Шабалкин П. И. 11, 312, 380,
407, 409, 440
Шавердян Д. 370
Шагов 26
Шадунц С. К. 354
Шаламов В. Т. 7, 8, 11, 229, 397,
435, 446, 452, 456
Шаляпин Ф. И. 48
Шанин А. М. 380
Шапиро 408
Шапиро Л. 6
Шапошникова 457
Шаравьев М. 375
Шарапов 400
Шаров Я. В. 309
Шатов В. 348
Шатров М. 8
Шатуновская Л. 419, 420
Шатуновская О. Г. 11, 297, 299,
306, 370
Шаумян С. 21
Шаумян Л. С. 66
Шахбазы Т. 397
Шахсуварян А. 370
Шахт Э. 421
Шацкин Л. 263, 374
Шварц Н. И. 363
Швер А. В. 400
Шверник Н. М. 235, 248, 341
Шеболдаев Б. П. 366
Шеболдаева А. Д. 393
Шейнин Л. 305
Шелепин А. Н. 370
Шер В. В. 235, 240, 245, 250
Шибанов А. А. 12
Шихмуразов А. С. 221
Шкапа И. С. 11, 313
Шляпников А. Г. 28–30, 73, 318,
320, 345, 346
Шмидт В. 355, 373
Шмидт Д. А. 376
Шолохов М. А. 206, 210, 211

Шорин В. И. 378
Шотемор Ш. 370
Шотман А. В. 20, 364
Шоу Б. 215
Шохин А. 375
Шохин А. П. 391
Шпильман А. А. 366
Шпильрейн Я. Н. 392
Шпрингер 159
Штерн Г. М. 421
Шуберг Г. 388
Шубин С. П. 392
Шубриков В. П. 366
Шультке Ф. 388
Шумяцкий Б. З. 355
Шустер М. И. 393
Шухаев В. И. 400

Щербаков 255
Щербинская О. 399

Эберлайн Г. 388
Эггерт К. 399
Эйдеман Р. П. 376
Эйзенштейн С. М. 396
Эйнштейн А. 428
Эйсмонт Н. Б. 293
Эйхе Г. Х. 377
Эйхе Р. 317, 354, 417
Элиава Ш. З. 355
Эльвов Н. 272
Энгельс Ф. 17, 21, 68, 260, 283,
284
Эндруп Р. Я. 386
Эпик Г. Д. 397
Эпштейн М. С. 391
Эренбург И. Г. 10, 11, 316, 341,
396, 399
Эрлих В. 397
Этингон Л. 352
Эфендиев С. М. 369
Эфроимсон В. П. 12
Эшба Е. 345

Юденич 114
Юдин П. Ф. 273, 274, 390
Юренев Л. 356
Юровский Л. Н. 232, 244
Юровская Р. 375
Юшкевич И. Ф. 392

Яглов Я. 373

Ягода Г. Г. 136, 169, 271, 292, 297,
300, 301, 313, 314, 319, 321,
322, 325, 330, 337, 338, 340,
341, 372, 373, 380–382, 407,
418

Якир И. Э. 257, 340, 376

Яковлев А. И. 412

Яковлев Я. А. 211, 354

Якубович И. С. 356

Якубович М. П. 11, 112, 113, 116,
136, 149, 235, 242, 243, 246,
248–250

Ямпольский Б. С. 11

Янсон Н. 386

Ярославский Ем. 88, 160, 172, 283,
359

Ярчук Е. 348

Ясенский Б. 397, 398, 452

Яшвили П. 397

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
---------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЫДВИЖЕНИЕ И ВОЗВЫШЕНИЕ СТАЛИНА В ПАРТИИ

1. Сталин во главе ВКП (б)	14
Сталин до 1917 г.	14
Сталин в 1917 г.	27
Во главе Наркомнаца	35
Сталин в годы гражданской войны	39
Поддержка со стороны В. И. Ленина	46
Смерть В.И. Ленина	57
О "Завещании" В.И. Ленина	59
И. Сталин в 1923—1924 гг.	67
2. Борьба Сталина с оппозицией	71
Некоторые предварительные замечания	71
Несколько слов о Л.Д. Троцком.	74
XII съезд партии и борьба внутри Политбюро весной 1923 г.	87
Борьба с троцкистской оппозицией в 1923—1924 гг.	92
Несколько слов о Г. Зиновьеве и Л. Каменеве.	111
Борьба с "новой" оппозицией	117
Смерть М.В. Фрунзе и Ф.Э. Дзержинского	128
"Объединенная" оппозиция и борьба с ней в 1926—1927 гг.	136
Несколько слов о Н.И. Бухарине	158
Борьба Сталина с "правым" уклоном.	166
3. Ошибки и преступления Сталина при проведении коллективизации и индустриализации.	184
Предпосылки развития кооперации и коллективизации сельского хозяйства в СССР	184
Трудности с хлебозаготовками 1927—1928 гг. и политика Сталина	189

Об извращениях и ошибках при коллективизации сельского хозяйства	193
Коллективизация и новые гонения на православную церковь . .	199
О ликвидации кулачества как класса	201
Административные репрессии в деревне в 1932—1933 гг.	209
Голод в деревне в 1932—1933 гг.	211
О введении внутренних паспортов в СССР	216
О недостатках и ошибках при проведении индустриализации . . .	218
4. Обострение внутренней и внешней обстановки в начале 30-х гг.	
Новые преступления Сталина	226
Советская власть и "буржуазная" интеллигенция	226
Политические судебные процессы 1928—1930 гг.	228
Процесс Промпартии и процесс Союзного бюро	233
Фальшивый характер политических судебных процессов 1928— 1931 гг.	236
За кулисами судебных инсценировок	242
Массовые репрессии среди интеллигенции и специалистов	253
Окончание нэпа	257
Репрессии и ужесточение режима внутри партии	260
Самоубийство жены Сталина Н. Аллилуевой	264
Тяжелая обстановка в общественных науках и литературе	272
О политике Сталина в международном рабочем движении в начале 30-х гг.	276
Начало культа Сталина в стране и в партии	281
Н.И. Бухарин в начале 30-х гг.	285
Л.Д. Троцкий в начале 30-х гг.	287

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

УЗУРПАЦИЯ СТАЛИНЫМ ВЛАСТИ В СТРАНЕ И ПАРТИИ

1. Убийство С.М. Кирова. Судебные процессы над бывшими лиде- рами оппозиции	292
1934 г. Зачатки "новой" оппозиции Сталину.	292
Убийство С.М. Кирова.	298
Репрессии в начале 1935 г.	308
Продолжение репрессий 1935—1936 гг.	310
Первый "открытый" судебный процесс над бывшими лидерами оппозиции.	316
Падение Ягоды и выдвижение Ежова.	319
Судебный процесс по делу "параллельного центра".	323
Февральско-мартовский пленум ЦК ВКП (б).	326
Судебный процесс по делу "антисоветского правотроцкистского блока".	330
Фальшивый характер московских "открытых" политических процессов.	338

Массовые репрессии среди бывших оппозиционеров.	344
Л.Д. Троцкий в середине и конце 30-х гг.	349
2. Удар по основным кадрам партии и государства (1937—1938 гг.)	353
Удар по кадрам центральных партийных, советских и хозяйственных органов.	353
Гибель Серго Орджоникидзе.	356
О судьбе Н.К. Крупской.	360
О судьбе других близких Ленину людей	363
Удар по кадрам республиканских и областных партийных и советских органов.	366
О репрессиях среди руководителей профсоюзных и комсомольских организаций.	373
Разгром кадров Красной Армии	375
Репрессии в органах НКВД, разведки, суда и прокуратуры.	379
Репрессии против деятелей зарубежных коммунистических партий и Коминтерна.	384
Репрессии в среде научно-технической интеллигенции.	389
Репрессии среди деятелей литературы и искусства.	396
Массовые репрессии среди всех слоев населения	400
3. О реабилитации и репрессиях 1939—1941 гг.	406
Смещение Ежова и назначение Берии.. . . .	406
Несколько слов о политической карьере Берии.	410
О частичных реабилитациях 1939—1941 гг.	415
Новые репрессии в 1939—1941 гг.	417
Международные отклики на политические репрессии 1936—1938 гг.	422
4. Противозаконные методы следствия и заключения	432
Пытки и истязания заключенных.	432
Комедия суда. Тюремьы и этапы.	442
Система исправительно-трудовых лагерей.	451
О поведении и ответственности работников НКВД.	456
Указатель имен	463

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПРОГРЕСС"
ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ**

Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879—1929. Пер. с англ.

Книга известного американского политолога, профессора Роберта Такера охватывает важный период жизни И.В. Сталина, начиная с первых лет революционной деятельности до Октября и вплоть до конца 20-х годов. Автор рассматривает деятельность Сталина на широком историческом фоне. Привлекая все основные труды по данной проблематике, опубликованные как на Западе, так и в СССР, Р. Такер стремится дать обобщающий анализ сталинизма, его истоков и последствий.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПРОГРЕСС"
ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ**

Колл. авт. Осмыслить культ личности Сталина.

Книга продолжает начатую издательством серию общественно-политических изданий "Перестройка: гласность, демократия, социализм", первым выпуском которой стал сборник "Иного не дано". В числе авторов новой книги — видные советские ученые, публицисты, писатели А. Антонов-Овсеенко, О. Лацис, М. Гефтер, Ю. Левада, Л. Аннинский, Н. Шмелев, а также другие исследователи этой проблемы, имена которых еще мало известны читателю. Разные по жанрам, по подходам к проблеме, все эти работы объединены одним устремлением: глубоко проанализировать созданную им модель общественного устройства; определить истоки сталинизма, степень и характер деформаций социалистического идеала в результате теории и практики Сталина; наметить пути преодоления негативных последствий сталинизма.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПРОГРЕСС"
ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ**

Слассер Р. Сталин в 1917 году. Пер. с англ.

В книге профессора Мичиганского университета, специалиста по советской истории, рассматривается деятельность И.В. Сталина в период между мартом и октябрём 1917 года. Анализируя широкий круг источников, литературу о Великой Октябрьской социалистической революции, вышедшую в СССР и на Западе, автор даёт социально-психологический портрет Сталина, исследует вопрос, почему он не был среди тех, кто определял в Октябре ход событий. Книга, написанная с объективистских позиций, даёт представление о степени изученности Октябрьской революции за рубежом, ее отдельных этапов и непосредственных участников.

Редакторы *Е. Л. Левина, Е. Н. Самойло*
Художник *Н. В. Кондрашов*
Художественный редактор *И. М. Чернышева*
Технический редактор *Н. Е. Лазарева*
Корректор *Р. М. Прицкер*
ИБ № 18344

Сдано в набор 31.05.89. А12584. Подписано в печать 13.12.89. Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная № 2. Гарнитура Универс. Печать офсетная. Условн. печ. л. 25,62. Усл. кр.-отг. 26,22. Уч.-изд. л. 32,06. Тираж 50000 экз. Заказ № 926. Цена 2 р. 40 к. Изд. № 46803.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Прогресс" Государственного комитета СССР по печати.
119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

Можайский полиграфкомбинат В/О "Совэкспорткнига" Государственного комитета СССР по печати.
143200, Можайск, ул. Мира, 93.

Уважаемые читатели!

Приносим свои извинения за допущенную ошибку. Текст на стр. 13 следует читать: "Выдвижение и возвышение Сталина в партии".

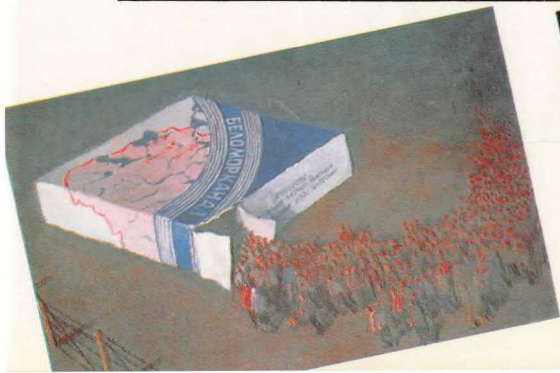

Рой Мефведев

**О СТАЛИНЕ
И СТАЛИНИЗМЕ**

Рой Мефведев

**О СТАЛИНЕ
И СТАЛИНИЗМЕ**

Рой Медведев

**О СТАЛИНЕ
И СТАЛИНИЗМЕ**

Рой Александрович Медведев — известный советский историк, философ, педагог и публицист, автор многих книг и статей по различным проблемам истории советского общества, политологии, педагогики, литературоведения и экономики.

Родился в 1925 г. в семье комиссара Красной Армии, погибшего в период культа личности Сталина. Окончил философский факультет Ленинградского университета. Член КПСС с 1959 г.

В 1989 г. на первом Съезде народных депутатов избран членом Верховного Совета СССР.

Над данной книгой начал работать в начале 60-х гг.

В 70-х гг. под названием "К суду истории" она была издана в 12 странах мира.

В своей работе, предлагаемой ныне вниманию советского читателя, автор не ограничивается исследованием биографии и деятельности Сталина. Он рассматривает также существовавшие в стране в 20—30 гг. социально-политические и экономические условия, способствовавшие возникновению сталинизма как общественного явления.

